

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»
Российско-Армянский (Славянский) университет
Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет
Институт Психологии Российской академии наук
Психологический институт Российской академии образования
Российское психологическое общество
Международная школа высших культурологических исследований

**ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ:
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ,
ПРАВОВЫЕ И РЕГУЛЯТИВНЫЕ АСПЕКТЫ**

**Материалы
международной научной конференции
15–17 октября 2015 г., Самара**

**PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS:
ETHNIC, NATIONAL, RELIGIOUS,
LEGAL AND REGULATIVE ASPECTS**

**The international scientific conference
October 15–17, 2015, Samara**

**Самара
2015**

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии*

Председатель конференции –

А.И. Репинецкий – проректор ПГСГА по научно-исследовательской работе, д. ист.н., профессор

Организационный комитет

Г.В. Акопов, Е.В. Бакшутова, А.И. Белкин, Е.И. Рощупкина, С.Г. Ихсанова, В.О. Григорьева,
Т.К. Рулина, Е.Л. Чернышова, В.В. Шарапов, Н.Н. Ярушкин

Консультационный совет

В.М. Аллахвердов, А.Л. Бусыгина, П.Н. Ермаков, А.Л. Журавлев, Ю.П. Зинченко, В.В. Знаков,
А.В. Карпов, А.П. Назаретян, В.И. Панов, В.Ф. Петренко, А.А. Реан, А.Л. Свенцицкий,
В.Е. Семенов, В.А. Шкуратов, Е.А. Ягафова

Программный комитет

Г.В. Акопов (председатель), И.В. Абакумова, А.Ю. Агафонов, С.Д. Гуриева, А.Н. Гусев,
Е.А. Денисова, В.И. Долгова, М.М. Далгатов, Л.М. Дубовый, В.Ф. Енгальчев, А.В. Капцов,
Т.Н. Клюева, Л.В. Куликов, К.С. Лисецкий, Л.М. Попов, А.О. Прохоров, Г.С. Прыгин,
З.И. Рябикина, В.Л. Ситников, Т.П. Скрипкина, В.А. Чистоусов, Р.М. Шамионов, И.М. Юсупов

Международный организационный комитет

Р.В. Агузумцян, А.С. Берберян (Армения), Т. Вебстер-Дойл (США), И.Е. Гарбер,
Б.С. Джумакаева (Казахстан), В.И. Ионесов, Т.А. Колышева, Е.Д. Львина (США), Н.И. Леонов,
Г.И. Стоянова (Болгария), Н.В. Федюнина (Швейцария), О.М. Штейман (Шахмартова) (Израиль)

П 86

Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты : материалы международной научной конференции, 15–17 октября 2015 г., Самара / под ред. Г.В. Акопова, Е.Л. Чернышовой, С.Г. Ихсановой. – Самара : ПГСГА, 2015. – 356 с.

ISBN 978-5-8428-1040-6

Сборник включает материалы международной научной конференции «Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты», состоявшейся в Поволжской государственной социально-гуманитарной академии 15–17 октября 2015 года. Статьи и тезисы представителей отечественных и зарубежных научных школ отражают различные аспекты современных представлений о сознании и связанных с ним феноменах.

Конференция была организована и проведена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России №25.1028.2014/К «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Издание адресовано специалистам в области психологии, социологии, юриспруденции и педагогики.

ISBN 978-5-8428-1040-6

УДК 159.9
ББК 88

© Поволжская социально-гуманитарная академия, 2015
© Авторы, 2015

Содержание

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Агафонов А.Ю. Психология сознания: ревизия научно-исследовательских проблем	11
Акопов Г.В. Порядок детерминации и логика произвольности в многомерном поле исследований сознания	13
Богоявленская Д.Б. Сознание и творчество	17
Гарбер И.Е. История терминов «сознание» и «созерцание»	21
Дубровский Д.И. К вопросу о «другом сознании». Есть ли проявления сознания у людей, пребывающих в «вегетативном состоянии»?	24
Жданова Л.Г. Проблема развития сознания в онтогенезе	31
Ихсанов Р.Ф. Сознание как частный когнитивный феномен	34
Мазилев В.А. Психология сознания и разработка концепции психологического факта	37
Османов З.О. О генезисе субъективной реальности	43
Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: образный уровень	49
Рузанов Л.Т., Григорьева В.В. Обзор современных научных публикаций по тематике этнического, религиозного, правового и управленческого сознания (по материалам реферативных журналов за период 2013–2015 гг.)	53
Чернышова Е.Л., Чернышов В.С. Сознание как предмет философского и психологического анализа	56
Архимандрит Георгий (Шестун), Подорожская И.А. Эмпирические исследования категории созерцания	60

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В ЯВЛЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ, САМОКАТЕГОРИЗАЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Анненкова Н.В. Особенности российского менталитета в контексте проблемы становления идентичности	65
Бурмистров С.Н., Шилов Ю.Е. Усвоение имплицитных правил под действием эксплицитной обратной связи	67
Дьяконов Г.В. Диалогическое исследование «потока сознания»	71
Знаков В.В. Сознательное и бессознательное в понимании мира человека	75
Нуркова В.В., Гурьева В.В. Культурная трансмиссия характеристик автобиографического компонента самосознания	86
Пантелеева В.В., Голубева И.В. Исследование рефлексивной составляющей аутопсихологической компетентности	92
Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Судьба как цитата, жизнь как нарратив	96
Пучкова Г.В. Духовно-душевно-телесная организация человека	101
Чиркова Н.В. К вопросу о влиянии ароматов и запахов на человека	105
Яньшин П.В. Временные параметры семантического (аффективного) прайминг-эффекта	108

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Горбачева Е.И. Особенности проблематизации противоречий нравственного и правового содержания и способов их разрешения в юридически значимых ситуациях	114
Енгальчев В.Ф. О чем говорит «осознавание собственных незаконных действий» при формулировке выводов судебного эксперта-психолога?	118
Камнева Е.В. Правовой нигилизм и готовность к коррумпированному поведению	120
Реан А.А. Социальные установки и асоциальное поведение	122
Фоломеев С.Н. Политическое самосознание российской леворадикальной интеллигенции в условиях кризиса (II пол. XIX – начало XX вв.)	128
Штейман (Шахмартова) О.М. Психологические основы разработки программ подготовки к экстремальным ситуациям для иммигрантов	131
Ярушкин Н.Н., Сатонина Н.Н. Современные условия правовой социализации российской молодежи	135

ЭТНИЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. ЭТНИЧНОСТЬ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Алтухова Е.В., Припадчев А.А. Изучение этноцентризма в современной студенческой среде	138
Берберян Э. Исследование этнической идентичности и ее структурных компонентов у русской и армянской студенческой молодежи	141
Габриелян Р. Методические возможности исследования этнической идентичности.....	145
Коромысленко Е.Г. Психологические основания лингвистического изучения эвфемии в аспекте общего и особенного	149
Рулина Т.К., Бакшутова Е.В. Предрефлексивный генезис групповой категориальной системы	151
Савицкая Е.М., Журавлева Т.Б., Лоргина О.М. Сравнительная характеристика психологии некоторых наций на основе результатов тестирования кандидатов в замещающие родители	156
Сулейманова А.Г. Женщина в западных и восточных цивилизациях	163
Тучина О.Р. Исследование представлений молодежи об этнокультурном идеале в титульном этносе и сопряженной диаспоре	178
Шарапов В.В. Проблема исследования этнического самосознания как интегрального образования	181
Ягафова Е.А. Праздничная культура как фактор формирования этнической идентичности чувашей	185

РЕГУЛЯТИВНОЕ СОЗНАНИЕ: УПРАВЛЕНИЕ, МЕНЕДЖМЕНТ, РЕГУЛЯЦИЯ, САМООРГАНИЗАЦИЯ, САМОУПРАВЛЕНИЕ

Адельбаева Н.А., Жумагулова Г.А. Умения самоорганизации личности современного студента	189
Бакшутова Е.В. Философствование российской интеллигенции как особая форма групповой саморегуляции	191
Белкин А.И. Социально-регулятивное сознание и иудаизм	195

Беляева Е.В., Питухина А.Е. Влияние религиозного сознания на эмоциональное состояние подростков	199
Буянова С.М. Самоописание как средство самоорганизации личности	203
Варфоломеева Н.П. Профессиональные установки государственных и муниципальных служащих	205
Минайчева Н.В. Корпоративная культура как бизнес-инструмент	208
Филипиди Т.И., Флоровский С.Ю. Ценностно-смысловая регуляция социального поведения личности с опытом компенсации затрудненности психического развития (на материале подросткового возраста)	210

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Авдейчев А.А. Православное религиозное сознание в России как объект психологического исследования: проблемы и дилеммы	216
Акимова М.Н. Этические принципы профессиональной деятельности педагога-психолога в контексте решения этнокультурных проблем	218
Белоусова С.С. Психологическая характеристика духовно-нравственного самосознания личности в период взрослости	221
Бондаренко А.И. Соотношение философских категорий в структуре художественного сознания	225
Буранок О.М. «Вот – я, весь боль и ушиб...»: В.В. Маяковский в настенных надписях Самары	227
Васильева Д.Г. Погасли ли «сумерки богов»?	231
Воронова А.В. Гендерное сознание как проблема современного общества	237
Гостев А.А. Духовно-нравственная сфера человечества как проблема психологического здоровья и измененных состояний сознания	240
Дедов Н.П. Информатизация сознания современной молодежи: проблемы эффективного существования, взаимодействия и регуляции поведения	245
Дробышева Т.В. Атрибуция ответственности за благополучие престарелых в обыденном сознании работающих взрослых	248
Емельянова Т.П. Коллективные чувства: феномен и понятие	254
Ильченко В.В., Ситников В.Л. Этнопсихологические особенности добрых установок старшеклассниц и студенток в поликультурной среде	259
Ионесов В.И. Переходный процесс в социодинамике культуры: от трансформации к адаптации	262
Куликов Л.В., Таканов А.А. О магической направленности сознания	265
Родштейн М.Н. Гендерный перформанс в социальных практиках пола	269
Рябикина З.И., Богомолова Е.И. Личность и ее сознание в условиях виртуализации бытия	273
Семенов В.Е. Полиментальность и социальные ценности современной российской молодежи	276
Семенова Т.В. Общительность, созерцательность, ноуменальность в эмпирических исследованиях типа сознания студентов-психологов	280
Сухинина Е.С. Характеристика прагматонимов, содержащих культурный и политический подтекст (Россия и Украина)	285
Явкина Е.В. Формирование потребительских ориентаций в социальном характере русских	287

**РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ
В УСЛОВИЯХ ОБОГАЩЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД
РАЗЛИЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ,
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ, ДУХОВНАЯ И ДР.**

Берберян А.С. Исследование этнических представлений армянской студенческой молодежи об образе Я в монокультурной образовательной среде	294
Виноградов А.Н., Виноградова Г.А. Развитие сознания как фактор формирования личностной идентичности студентов	298
Гаюрова Ю.А. Развитие мотивационной сферы личности студентов в вузе как социально-психологическая проблема (к вопросу воспроизводства интеллигенции в современном обществе)	300
Джонисова Г.К., Султангалиева А.И. Формирование мировоззрения дошкольников средствами казахской этнопедагогике	304
Капцов А. В. Нелинейное моделирование личностного развития студентов вуза	307
Киселева М.А. Влияние моббинга на социальные экспектации школьников	312
Колесникова Е.И. Фокусирование этнонациональных аспектов сознания и поведения студентов в «Школе толерантности»	314
Морозова Е.А. Особенности личностного развития и ментальности школьников и студентов в условиях амплификации образовательной среды	318
Попов Л.М., Устин П.Н. Характеристики нравственно-этического сознания студентов в структуре их психологической готовности к будущей профессиональной деятельности	322
Пучкова Г.В. Иерархическая структура духовно-душевно-телесной организации старшеклассников и возможности ее развития	326
Рощупкина Е.И. Аспекты религиозного сознания младших школьников	329
Рулина Т.К., Плотникова Д.В. Восприятие симфонической музыки подростками с различной этнической принадлежностью	333
Савицкая Е.М., Савицкий В.М. Динамика учебной мотивации как составная часть развития сознания учащихся в условиях российской образовательной среды	337
Сарсенбаева Б.И. О патриотическом самосознании студентов	341
Скрипник Н.М. Развитие субъектности младшего подростка через построение поддерживающей образовательной среды	344
Чистоусов В.А., Казанцева Л.А. Динамика современного мира и профессиональное образование	347
Швалева Н.М. Развитие гуманитарной позиции школьника в контексте субъект-центрированной психологической практики	353

Содержание

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF CONSCIOUSNESS AS AN SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

Agafonov A.Y. Psychology of Consciousness: revision of research problems	11
Akopov G.V. The problem of determination and the logic of the arbitrariness in the multidimensional field of consciousness studies	13
Bogoyavlenskaya D.B. Consciousness and creativity	17
Garber I.E. The History of Terms 'Conscience' and 'Contemplation'	21
Dubrovsky D.I. To the question about «other minds». Is there any manifestations of consciousness in people, staying in a «vegetative state»?	24
Zhdanova L.G. The problem of consciousness in ontogenesis	31
Ihsanov R.F. Consciousness as a private cognitive phenomenon	34
Mazilov V.A. Psychology of consciousness and developing the concept of Psychological facts	37
Osmanov Z.O. On the genesis of subjective reality	43
Prokhorov A.O. Representation of the mental state: the imaginative of level	49
Ruzanov L.T., Grigorieva V.V. Review of current scientific publications on ethnic, religious, legal and managerial consciousness (based on abstract journals in the period 2013–2015)	53
Chernyshova E.L., Chernyshov V.S. Consciousness as an object of philosophical and psychological analysis	56
Archimandrite George (Shestun), Podorovskaya I.A. Empirical studies of contemplation category	60

CONSCIOUSNESS AND UNCONSCIOUSNESS IN SOCIAL CATEGORIZATION, SELF-CATEGORIZATION, IDENTITY, AND MEANING-MAKING

Annenkova N.V. Features of the Russian mentality in the context of an identity formation problem	65
Burmistrov S.N., Shilov Yu.Y. Implicit rules learning conditioned by an explicit feedback	67
Dyakonov G.V. Dialogical research of the «stream of consciousness»	71
Znakov V.V. Conscious and unconscious in the human understanding of the world	75
Nourkova V.V., Gurieva V.V. Cultural transmission of the autobiographical component of self-consciousness	86
Panteleeva V.V., Golubeva I.V. The reflexivity as a component of autopsychological competence	92
Petrenko V.F., Kucherenko V.V. Fate as a Quotation, Life as Narrativ	96
Puchkova G.V. Spiritual-desino-bodily organization of man	101
Chirkova N.V. To the question about the influence of aromas and odors on the person	105
Yanjshin P.V. Time parameters of the semantic (affective) priming-effect	108

LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL REGULATION OF NATIONAL, CONFESSIONAL, POLITICAL, AND SOCIO-CULTURAL RELATIONS

Gorbachova E.I. Features problematization of moral and legal contradictions in the contents and ways of resolving them in legally relevant situations	114
Engalychev V.F. What does "awareness of their own illegal acts" the formulation of the conclusions of judicial expert psychologist?	118
Kamneva E.V. Legal nihilism and readiness for the corrupting behavior	120
Rean A.A. Social attitudes and anti-social behavior	122
Folomeev S.N. The political consciousness of the russian left-wing radical intelligentsiaduring the crisis (the latter half of the XIX century – the beginning of the XX century)	128
Shteiman (Shahmartova) O.M. Psychological foundations of training programs for migrants about extreme situations	131
Yarushkin N.N., Satonina N.N. Modern conditions legal socialisation of the russian youth	135

ETHNIC AND NATIONAL CONSCIOUSNESS. ETHNICITY AND MENTALITY

Altukhova E.V., Pripadchev A.A. Study the ethnocentrism in the college environment	138
Berberyayn H.S. Study of russian and armenian students' ethnic identity and its structural components	141
Gabrielyan R. Methods study of ethnic identity	145
Koromyslenko E.G. Psychological bases of linguistic studying of an evfemiya in aspect of the general and special	149
Rulina T.K., Bakshutova E.V. The pre-reflexive genesis of the group categorical system	151
Savitskaya E.M., Zhuravleva T.B., Lorgyna O.M. Comparative characteristics of the psychology of some Nations on the basis of results of testing of candidates for foster parents	156
Suleymanova A.G. Women in Western and Eastern civilizations	163
Tuchena O.R. A study of the views of young people on ethno-cultural ideal in the titular ethnic group and the conjugated diaspora	178
Sharapov V.V. The problem study of ethnic identity as an integral education	181
Yagafova E.A. Festive Culture as a Factor of Developing Chuvash Ethnic Identity	185

REGULATIVE CONSCIOUSNESS: MANAGEMENT, REGULATION, SELF-ORGANIZATION, SELF-MANAGEMENT

Adelbaeva N.A., Zhumagulova G.A. Modern students skills of self-organization	189
Bakshutova E.V. Philosophizing Russian intelligentsia as a special form group self-regulation	191
Belkin A.I. Social and regulatory consciousness and Judaism	195

Belyaeva E.V., Pitukhina A.E. The influence of religious consciousness on the emotional state of teenagers	199
Buyanova S.M. Self-description as means of self-organization of the personality	203
Varfolomeyeva N.P. Professional guidelines of state and municipal officials	205
Minaycheva N.V. Corporate culture as a business tool	208
Filipidy T.I., Florovski S.Yu. Valuable-semantic regulation of social behavior of the personality with compensatory experience of overcoming of difficult psychological development (by the example of teenagers)	210

HUMANS' CONSCIOUSNESS IN MODERN GLOBALIZED SOCIETY

Avdeychev A.A. Orthodox religious consciousness in Russia as object of psychological research: problems and dilemmas	216
Akimova M.N. Ethical principles of professional work of the teacher-psychologist in the context of ethnocultural problems solving	218
Belousova S.S. Psychological characteristics of spiritual and moral consciousness of the person in adulthood	221
Bondarenko A.I. Correlation of philosophical categories and notions in structure of art consciousness	225
Buranok O.M. "Here I Am, All Bruises And Aches... ": V.V. Mayakovsky in Samara's Graffiti Pictures	227
Vasilyeva D.G. Is the twilight of the „gods extinct?“	231
Voronova A.V. Gender Consciousness as a Problem of Modern Society	237
Gostev A.A. Moral and spiritual spheres of humanity as a problem of psychological health and altered states of consciousness	240
Dedov N.P. Informatization of consciousness of modern youth – a problem of effective existence, interaction and regulation of behavior	245
Drobysheva T.V. Attributing responsibility for elders' wellbeing within mundane consciousness of working adults	248
Emelyanova T.P. Collective sentiments: the phenomenon and the concept	254
Ilchenko V.V., Sitnikov V.L. Ethnopsychological features of premarital installations of senior pupils and students in the polycultural environment	259
Ionesov V.I. Transitional process in social dynamics of culture: from transformation to adaptation	262
Kulikov L.V., Takanov A.A. On the magical direction of consciousness	265
Rodshtein M.N. Gender performance in social practices of sex	269
Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I. Personality and her consciousness in terms of virtualization of being.....	273
Semenov V.E. Polymortality and social values of modern russian young people	276
Semenova T.V. Communicative, contemplation, noumenal'nost' in empirical studies type of consciousness of students-psychologists	280
Sukhinina E.S. Feature pragmateia containing cultural and political implications (Russia and Ukraine)	285
Yavkina E.V. Formation of consumer orientations in social character of Russians	287

**DEVELOPMENT OF STUDENTS'
CONSCIOUSNESS IN ENRICHED EDUCATIONAL
ENVIRONMENTS OF DIFFERENT ORIENTATION:
HISTORICAL, SOCIO-CULTURAL, ETHNO-NATIONAL, SPIRITUAL ETC.**

Berberyan A.S. Study of armenian students' ethnical representations of "self-concept" in monocultural educational environment	294
Vinogradov A.N., Vinogradova G.A. The development of consciousness as a factor in the formation of personal identity of students	298
Gajurova Y.A. The development of students' motivational sphere of in high school as a socio-psychological problem (to the question of intelligentsia' reproduction in modern society)	300
Dzhonisova G.K., Sultangalieva A.I. Formation of outlook preschoolers Kazakh means ethnopedagogics	304
Kaptsov A.V. Nonlinear modeling of personal development of students of higher education institution	307
Kiseleva M.A. The impact of mobbing on social ekspektatsii students	312
Kolesnikova E.I. Focusing of the ethno-national aspects of the consciousness and behavior of students in the "School of tolerance"	314
Morozova E.A. Features of personal development and mentality of schoolchildren and students in terms of amplification educational environment	318
Popov L.M., Ustin P.N. Characteristics of moral and ethical consciousness of students in the structure of their psychological readiness for future careers	322
Puchkova G.V. The hierarchical structure of the spiritual and spiritual and physical organization of high school students and opportunities for its development	326
Roshchupkina E.I. Aspects of the religious consciousness of younger students	329
Rulina T.K., Plotnikova D.V. Perception of symphonic music to young people of different ethnic backgrounds	333
Savitskaya E.M., Savitsky V.M. Learning motivation dynamics as a constituent part of students' consciousness development in the russian educational environment	337
Sarsenbayeva B.I. Patriotic consciousness of student's youth	341
Skripnik N.M. The younger teenager subjectivity development through the supportive educational environment organization	344
Chistousov V.A., Kazantseva L.A. Contemporary world's dynamics and vocational training	347
Shvaleva N.M. The development of the student humanitarian position in the context of subject-centered psychological practice	353

Теоретико-методологические проблемы сознания как предмета научных исследований

УДК 159.922+159.9.072

Психология сознания: ревизия научно-исследовательских проблем

А.Ю. Агафонов

Psychology of Consciousness: revision of research problems

A.Y. Agafonov

Аннотация. В статье показано, что не существует одной единственной проблемы сознания; скорее следует говорить о проблемном поле психологии сознания. Вместе с тем, наиболее масштабной проблемой является феноменология осознанности (субъективные переживания от первого лица).

Ключевые слова: сознание, бессознательное, квалиа, субъективность.

Abstract. The article shows that there is no single problem of consciousness; rather we should talk about the problem field of psychology of consciousness. However, most large-scale problem is the phenomenology of consciousness (subjective experiences in the first person).

Key words: consciousness, unconsciousness, qualia, subjectivity.

Осмысленность научной деятельности во многом определяется возможностью получить рациональные ответы на волнующие ученого вопросы. Очевидно, что четко сформулированная проблема есть необходимое условие поиска ее решения. Здесь уместно вспомнить слова К. Поппера: «Наука начинается только с проблем. ... Осознанной задачей, стоящей перед ученым, всегда является решение некоторой проблемы с помощью построения теории, которая решает эту проблему путем объяснения неожиданных или ранее не объясненных фактов. Вместе с тем каждая интересная новая теория порождает новые проблемы. ... Рост знания всегда начинается с проблем и всегда кончается проблемами».

В современной психологической науке зачастую исследования проводятся ради самих исследований, т.е. без осознания сути тех теоретических аномалий, которые должны были бы являться стимулирующим основанием для научной деятельности. Только наличие вопроса может обещать ответ. В противном случае любое теоретическое высказывание или эмпирический факт никакого знания не несут.

Эти рассуждения только на первый взгляд носят отвлеченный характер. При внимательном взгляде нетрудно заметить, что многие теоретические построения и эмпирические исследования в психологии не привязаны к проблемным областям. Или же такая связь лишь декларируется. Например, указывается какая-то проблема (проблема личности/воли/психических состояний и т.д.), но не поясняется, в чем именно эта проблема состоит, на какой вопрос ищется ответ.

Показательна в этом отношении психология сознания. Когда психологи пишут о пресловутой проблеме сознания, то всегда возникает желание уточнить, что имеется в виду. Полагаем, что нет такой проблемы. Есть весьма разные проблемы, имеющие отношение к сознанию, и далеко не очевидно, что они связаны друг с другом. В любом случае всегда требуется пояснение: а в чем, собственно, заключается проблема, дефицит какой информации надлежит восполнить? Без ясного понимания этого не может быть направленного научного поиска.

Какие же главные проблемы можно выделить в общем проблемном поле психологии сознания?

В современной науке о сознании, интегрирующей опыт исследований в философии, когнитивной психологии и психофизиологии, конечно, нет единого мнения относительно приоритетности решаемых проблем. Однако большинство исследователей склонны считать, что проблема квалиа (то, что В. Вундт называл «непосредственным опытом») или проблема субъективности является самой сложной и самой масштабной проблемой, касающейся сознания. Д. Чалмерс, Т. Нагель и Дж. Серл, придерживаясь разных позиций, между тем полагают, что проблема сознания, в первую очередь, и есть проблема субъективной феноменологии осознанности или квалиа.

В свою очередь, относительно феномена субъективности можно задаваться разными вопросами. И в зависимости от исследовательского интереса проблема субъективно осознаваемого опыта может ставиться по-разному.

Конечно, говоря о субъективной реальности, прежде всего, имеют в виду проблему объяснительного разрыва или то, что в психологии традиционно именуется психофизиологической проблемой. Д. Чалмерс именно эту проблему называет «трудной». Ее решение предполагает объяснение того, как функционирование физической системы может порождать на выходе осознаваемые переживания, т.е. как активность мозга способна вызывать субъективный опыт.

Можно, конечно, признать эту проблему исключительно философской, следовательно, допускающей только концептуальные, эмпирически не тестируемые решения. Такую «пессимистическую» позицию защищают многие исследователи, опирающиеся на естественнонаучную методологию. Как ни странно, чем больше прогресс в нейронауках, тем меньше надежд на решение данной проблемы. Действительно, пока даже трудно представить себе, как может быть устранен объяснительный разрыв при изучении работы мозга. «Пессимисты» полагают, что никакие достижения в исследовании мозга, достижения, которые, очевидно, нас ждут в будущем, принципиально не могут помочь в поисках ответа на вопрос: «Почему объективный, физический процесс, протекающий в мозге, имеет в качестве своего результирующего продукта субъективное переживание, некое, откуда-то взявшееся, квалиа, относящееся совсем к другой, не физической онтологии?»

В свою очередь, «оптимисты» руководствуются иной логикой рассуждений: Природа (с большой буквы!) эту проблему решила в опыте, ведь субъективность – реальный факт, имеющий место в физическом мире. Сознание, субъективный опыт возникают только на физическом носителе, которым является человеческое тело, включая мозговую организацию. Иначе говоря, сознание – это природный феномен, возникающий в физической реальности и имеющий свой материальный субстрат. При всей невероятной сложности поиска естественнонаучного объяснения феноменологии субъективности такое объяснение в принципе должно существовать. Ведь сознание для каждого человека, который не спит и не находится в коме, является очевидным, не требующим доказательств фактом. Сделать очевидное теоретически возможным является лишь делом времени. Другими словами, субъективность – это феномен, который подлежит естественнонаучному объяснению, и такое объяснение мы вправе ожидать в будущей перспективе. (В пользу оптимистического взгляда на разрешимость этой проблемы также говорит то обстоятельство, что в настоящее время мы не можем сделать надежный прогноз относительно тех достижений, которыми будет отмечена наука в будущем, т.е. мы не в состоянии сегодня представить себе те решения, которые вполне вероятно будут найдены в ходе дальнейшего научного прогресса).

Однако проблема субъективности – это не только проблема «сознание – мозг». Не менее важно видеть и другие проблемы, связанные с феноменологией осознанности. Можно обозначить две таких проблемы.

Первая все больше завоевывает умы специалистов по когнитивной психологии сознания. Эту проблему можно сформулировать в следующей редакции: «В чем состоит функциональное назначение феномена осознания при осуществлении когнитивной деятельности?»

Почему исследователи все чаще и чаще задаются этим вопросом? В когнитивной психологии за последние полвека проведено несчетное количество экспериментов, результаты которых указывают на огромные ресурсы неосознаваемой обработки информации. Способность человека к эффективной неосознаваемой обработке информации, в том числе на глубинном семантическом уровне, уже давно не ставится под сомнение и является установленным фактом. В экспериментах обнаружено, что человек неосознанно способен понимать значение семантических стимулов, формировать условное значение неосознаваемой стимуляции, изменять степень доверия к неосознаваемым сообщениям, различать стимулы в диапазоне осознанного неразличения и т.д. Показано, что человек принимает решение о чем-либо до того, как осознает это решение. В этой связи возникает правомерный вопрос: «Что может делать исключительно аппарат сознания и не умеет делать бессознательное? Для чего необходимо осознание, если большинство психических операций могут осуществляться быстро и эффективно в темных подвалах бессознательной психики? Почему психические процессы иногда аккомпанируются чувством субъективной очевидности происходящего? Обнаруженные экспериментальные данные не просто делают оправданной постановку проблемы когнитивного назначения осознанности, но и побуждают проводить ревизию существующих подходов. Следует подчеркнуть, что проблема когнитивного назначения осознанности должна иметь перспективы не только концептуальных, но и эмпирически проверяемых решений.

Другая проблема, касающаяся осознанности, требует объяснения объективной (физической) необходимости субъективных переживаний. Зачем в физической реальности существует субъективное начало?

Таким образом, проблемы сознания – это, так или иначе, проблемы, связанные с объяснением тех или иных аспектов осознаваемого опыта, поскольку сознание как эмпирическое явление, собственно, и выражается в феномене осознанности, т.е. в субъективном опыте переживания от первого лица.

Агафонов Андрей Юрьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии. Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Самарский государственный университет». Россия, Самара.

Agafonov Andrey Yuryevich, doctor of psychological sciences, professor department of the general psychology. Federal state educational budgetary institution of higher professional education Samara state university. Russia, Samara.

aa181067@yandex.ru

УДК 159.922+159.955+159.0.072

Порядок детерминации и логика произвольности в многомерном поле исследований сознания

Г.В. Агопов

The problem of determination and the logic of the arbitrariness in the multidimensional field of consciousness studies

G.V. Agorov

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России»

Аннотация. Объективное и субъективное в науке сознания. Трудная проблема сознания. Знание и отношение как неотъемлемые атрибуты человеческого сознания. Различный порядок детерминации в многообразии исследований: территориально-культурная (национальная) специфика исследований сознания; явные и неявные дефиниционные различия в определениях сознания и соответствующий сравнительный анализ логики исследований; атрибуция носителя сознания (тело, мозг, душа и т.д.); «граничные» исследования (социальная детерминация, нейронные корреляты сознания, норма и патология и др.); характер граничных связей (отражение, порождение, конструирование и др.); специфика психологических инструментов («от первого лица», объективные методы); различные виды сознания (языковое, невербальное, визуальное и др.); ценностные ориентации и особенности мышления исследователя. Многозначная многомерность сознания.

Ключевые слова: наука сознания, исследовательские ориентации, типология, объект, предмет, носитель сознания, контекст, исследовательская установка, тип мышления; многообразие пространств сознания.

Abstract. Objective and subjective science of consciousness. The hard problem of consciousness. Knowledge and attitudes as an essential attribute of human consciousness. A different order of determination in a variety of research: territorially-cultural (national) specifics of consciousness research; explicit and implicit differences in the definitions of consciousness and the corresponding comparative analysis of the logic of research; attribution carrier of consciousness (body, mind, soul, and so on); boundary studies (social determination, the neural correlates of consciousness, norm and pathology, etc.); the nature of the connection (reflection, generation, construction, and others.); the specificity of psychological instruments («first-person» objective methods); various kinds of consciousness (language, non-verbal, visual, and others.); value orientation and thinking especially of the researcher. Multiple-valued multidimensional consciousness.

Key words: awareness, research orientation, typology, object, subject, context, tools and research setting, the type of thinking; diversity of spaces of consciousness.

Переходы из столетия в столетие XIX–XXI вв. были ознаменованы не только масштабной социальной турбуленцией, но и изменениями в научной идеологии. Критический анализ и пересмотр методологических основ естественных, социальных и гуманитарных наук, особенно радикальный при переходе из XX в XXI век, первоначально был воспринят в установках алогизма (нарушение привычной логики) или постнеклассической рациональности, семантической игры, субъективного произвола и т.д. В любом случае, т.е. и в одном, и в другом вековых переходах, в качестве «сухого остатка» можно констатировать существенное расширение и дифференциацию, систематизацию и комплексирование научных подходов, принципов концептуальных и теоретических построений.

Особо следует отметить стремительно расширяющееся многообразное технологическое оформление научных достижений в практике, включая социальную практику Нового времени.

В отечественной психологии, как и в других социо-гуманитарных науках, эти процессы в современной ситуации приобрели специфический характер, связанный с длительной изоляцией советской науки в предшествовавший переходу период. Артикулированное многими исследователями разделение психологии на «Науку о психике» и «Науку о сознании»¹, интенсивно происходящее в зарубежной науке², все более заявляет о себе и в российской психологии.

В зарубежной Науке сознания, концентрирующей масштабные исследовательские усилия в области мозговых процессов с использованием существенно возросших технических возможностей (ЭЭГ, МЭГ, ПЭТ, ФМРТ, ТМС и др.), а также возможностей геномных и биомолекулярных методов, господствуют идеи, сходные по сути с объективизмом в психологии конца XIX – начала XX вв. Предсказание В.М. Бехтерева, что «в будущем «субъективная» психология явится только дополнительным знанием, которое будет соотноситься с данными объективной науки»³, похоже, сбывается, если принять логику объективизма как главную и единственную в науке. Однако, сам Бехтерев считал важной ошибкой психологов и социологов-«субъективистов» поиск одного общего принципа⁴. Не является ли это также ошибкой объективистов?

В широком поле современных исследований сознания проблема объективного (объяснимого в принятой терминологии и логике рассуждений, закономерного, использующего детерминационные описания строгооднозначного или многозначного, а также вероятностного порядка и др.) и субъективного (использующего так называемые знания от «первого лица») исканий, по видимому, является главной, если не самой трудной («Hard problem»)⁵. Трудность, на наш взгляд, связана с тем, что не всегда отчетливо дифференцируется семантика понятия «знание». В одном случае оно может определяться как информация, однопорядковая со структурной и функциональной организацией неживой материи, и в этом плане возможна также постановка и решение задачи создания искусственного интеллекта⁶. В другой трактовке человеческое знание неотрывно от человеческого отношения, и искусственное воспроизводство такого знания равносильно созданию искусственного человека, а предварительно – живого организма.

Признанная в ряде зарубежных исследований проблема «квалиа» как одна из самых трудных в Науке сознания, может быть, по нашему мнению, отождествлена или уподоблена проблеме знания – отношения как исключительно человеческого знания, представляющего далее неразложимую единицу («клеточку») сознания. Другое дело, что знание может быть проявлено в существенно различных языках – телесном, образном и т.д.⁷; а отношение – в различных видах и типах, включая явление смысловой установки⁸.

¹ Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. М., 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 165–178 ; Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М., 2004. Кн. 2 ; Панов В.И. Сознание как предмет психологического исследования: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты // Психология сознания: современное состояние и перспективы : мат-лы II всерос. науч. конф. 29 сентября – 1 октября 2011 г., Самара. Самара, 2011. С. 102–108.

² См.: Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010.

³ Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективному изучению личности. 4 изд. М.; Л., 1928. С. XX.

⁴ Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 23.

⁵ Shear J. The hard problem: Closing the empirical gap // JCS.1996. 3 (1). P. 54–68.

⁶ Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение. М., 2015.

⁷ Зинченко В.П. Живое знание. Самара, 1998.

⁸ Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

Включенность синкрета «знание – отношение» в предметное и инструментальное содержание любого научного дискурса о сознании представляет не всегда эксплицируемую, как трудную проблему сознания: нечто, используемое для изучения другого, само является частью этого другого, с одной стороны (проекция концепта «знание» на предметную область сознания, т.е. посредством одного неизвестного исследуется другое неизвестное); с другой – частное (фиксированное отношение исследователя к предмету) «пытается» охватить (объять) общее (совокупность или система всевозможных отношений). Известно, что в случае принципиальных затруднений подобного рода традиционно осуществляется «дробление» проблемы на ряд составных, более простых задач, решение которых в совокупности может облегчить или пролить свет на решение основной проблемы. Из этого разряда – попытка типологизации различных программ исследований сознания.

Сложившиеся в разных странах, в тех или иных территориях, в отдельных исследовательских центрах традиции или школы могут определять территориально-культурный контекст исследований сознания. Словосочетание «национальная наука» может вызывать возражение, в особенности у представителей естественных наук. Обстоятельный анализ данного вопроса осуществленный Ю.И. Александровым и Н.Л. Александровой, опирающийся также на исследования зарубежных авторов, позволил сформулировать тезис о «национальном своеобразии наук как принципиальной характеристике и ценности мировой науки»¹.

Консолидирующая позиция в решении этого вопроса (одна наука или взаимодополнение исследований в различных национальных школах) отстаивается в публикациях А.В. Юревича².

Сравнительный или метакогнитивный анализ несовпадающих выводов, результатов, полученных разными авторами в рамках решения одной или серии эквивалентных теоретико-эмпирических задач становится достаточно широкой практикой современной психологии. Ее распространение в «пространство» национально-культурных достижений – как в прошлом, так и современных исследований сознания, представляет важный ресурс и развивающуюся перспективу.

К контекстному типу исследований, включающему как постановку проблемы сознания в тех или иных национально-территориальных и авторских школах, так и совокупность условий, причин и сложившихся практик, – достаточно близок широкий спектр сущностных определений сознания и соответствующих этим определениям изысканий. Сюда можно отнести определение сознания как разновидности материи, в частности, нервная энергия (В.М. Бехтерев), лептонное поле, осцилляции, волновая функция, иной тип материи (Д. Чалмерс)³ и др. В этой же типовой категории определения сознания как идеального явления (информация, коммуникативное поле, социо-культурное или семиотическое пространство и др.).

Другая возможная и достаточно распространенная линия исследований сознания связана с различными атрибуциями носителя сознания или «собственник сознания» по Г.Г. Шпету⁴, а именно, человек (тело, нервная система, мозг), общество, высшие позвоночные, все живые организмы, космос и др.

Традиционно, как тип междисциплинарного или комплексного исследований сознания, существуют граничные по отношению к сознанию исследования (внешняя и внутренняя детерминация или регуляция сознания). Наиболее часто осуществляется поиск физиологических или нейронных коррелятов сознания («внутренняя» граница сознания); широко известна гипотеза лингвистической относительности Сепира Уорфа («внешняя» граница сознания) и т.д.

Достаточно распространен тип исследований, определяющих характер взаимосвязи, взаимодействия внутренней и внешней субстанции по отношению к сознанию. Процессуальным и результативным аспектом, определяющим характер взаимодействия внешнего и внутреннего в советской психологии номинировалось отражение. Альтернативный подход в рамках данного типа изысканий связан с функцией порождения⁵. Идеология конструктивизма, первоначально определившаяся в социологии и социальной психологии, рассматривает конструирование в каче-

¹ Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культуроспецифических типов познания // Вестник Московского университета. 2010. Сер. 14. Психология. №3. С. 18–35.

² Юревич А.В. Российская психология в мировом мейнстриме // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 3–14.

³ Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // The Journal of Consciousness Studies. 1997. 4 (1). P. 3–46.

⁴ Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994. С. 20–116.

⁵ Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии ; Панов В.И. Сознание как предмет психологического исследования: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты и др.

стве процесса и результата взаимосвязи внешнего и внутреннего. Конкретное общепсихологическое (психология личности) воплощение «конструкционизма», осуществленного в системе личностных конструктов, предложено Г. Келли. В концепции многомерности сознания, предложенной В.Ф. Петренко¹, осуществлен синтез идейной (конструктивизм) и инструментальной (конструкционизм) сторон исследования сознания.

Теоретически возможно независимое (параллельное) функционирование внешнего и внутреннего, по отношению к сознанию человека, «миров». В этом случае сознанию приписывается свойство эпифеноменальности. Идея консолидирующего взаимодействия в границах сознания высказана в работе автора².

Иной, широко представленный в современной Науке сознания, тип исследований связан с характеристикой психологических «инструментов», используемых как в методическом обеспечении исследования (по отношению к респондентам), так и в собственной аналитической работе исследователя. В качестве таких инструментов часто выступают когнитивные функции (внимание, память, мышление, рефлексия и др.), что вкупе с идеологией теоретической и экспериментальной «вычислимости» сознания определило одну из доминирующих ориентаций в современной психологии – когнитивизм.

Поведенческий императив как инструмент исследователя для сознательно «очищенного» от предмета изучения сознания в пользу анализа объективно регистрируемых реакций испытуемого на определенные стимулы (бихевиоризм) все более отступает под натиском нейрокогнитивных исследований сознания. Тем не менее пользу, как и новые версии этого инструмента³, нельзя отрицать. Значительно менее представлены в современной науке эмоционально-образные инструменты исследования сознания (интуитивизм).

К новым инструментальным дополнениям можно отнести не отменяющие количественных качественные методы, такие, как нарратив, дискурс-анализ и др.

Не всегда акцентированный как тип исследований, тот или иной аспект (модус) сознания избираемый в качестве предмета, связан с определенным проецированием объекта, т.е. феноменального поля сознания, до той или иной его разновидности: языковое (речевое) сознание, рефлексивное (интроспективное) сознание, коммуникативное, в том числе невербальное сознание, поведенческое (намеренное) сознание, особые и измененные состояния сознания, созерцание и др.

Разнообразие видов человеческой активности не может не отражаться в исследовательских программах, определяющих соответствующие направления (тип) исследований: экологическое сознание, политическое, правовое, управленческое и др. Сложность состоит в том, что данный тип исследований, как правило, не несет в себе универсальной или строго фиксируемой типологической ориентации и может основываться на любой из представленных выше типологических возможностей. Так, экологическое сознание может изучаться сопоставительно с точки зрения соответствующих исследований в тех или иных национально-культурных контекстах или в специфике релевантной научной традиции, а также с точки зрения экологических представлений, установок, намерений, поведения и т.д.

Не в последнюю очередь явные или имплицитные научные установки, особенности мышления, ценностные ориентации и другие личностные характеристики, могут определять соответствующую направленность и результат научных исследований. В частности, глобальность в противоположность локальности («точности») в постановке и решении задачи определяет ту или иную программу исследований и соответствующий результат⁴. Сегодня популярен холизм в противовес элементаризму в исследованиях сознания. Редукционизм как научная установка или тип мышления ученого, периодически обновляется, варьируясь с представлением о самоидентификации объекта исследования (сознание). Рационализм – интуитивизм, реализм (практицизм) – идеализм (ценностные отношение) и другие личностные интенции могут определять новизну в постановке и решении устоявшихся или актуальных проблем сознания.

Таким образом, сознание, выступая одновременно объектом, предметом, контекстом, условием, инструментом, формой, содержанием и, возможно, другими модусами проявлений, определяет не однозначную многомерность, а множество различных пространств сознания, возможно, в

¹ Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010.

² Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010.

³ См.: Dennett D.C.. Consciousness Explained. Boston, 1991.

⁴ См.: Wilber K. An integral theory of Consciousness. The Journal of Consciousness Studies. 1997. 4(1). P. 71–92.

одном носителе (человек) или в групповом выражении – все человечество. Разные пространства наделены различной «метрикой», что и определяет те или иные системы детерминации. Свобода человека как исследователя человеческого или иного сознания в этом контексте определяется произвольностью выбора, а также проектирования и конструирования новых или трансформации старых пространств. Если говорить об историческом прогрессе в этом плане, то на смену «подчиняющим» детерминативным механизмам вслед за конкурентными и формально равноправными должны придти содержательно консолидирующие механизмы взаимодействия людей и человеческих сообществ во всех наследуемых средах обитания.

Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Akopov Garnik Vladimirovich, doctor of psychological sciences, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

akopovgv@gmail.com

УДК 159.922+159.95

Сознание и творчество

Д.Б. Богоявленская

Consciousness and creativity

D.B. Bogoyavlenskaya

Материалы подготовлены в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (грант № 13-06-00416).

Аннотация. В отличие от анализа трудовой деятельности, где ведущая, решающая роль сознания не подвергается сомнению, роль сознания как решающего фактора в процессе творчества передается на этапе инкубации бессознательному. Как преодоление такого подхода рассматриваются отечественные концепции О.К. Тихомирова и авторская. Подробно анализируется концепция Я.А. Пономарева. Раскрывается противоречивость ее интерпретаций.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, мышление, творчество, вербальное, визуальное, структура, интуиция, усмотрение, побочный продукт.

Abstract. Unlike analyzing work activity, where the leading role of the consciousness is beyond question, in the incubation phase of the creative process the role of the governing factor is transmitted from the consciousness to the unconscious. In the article we examine O.Tikhomirov's and author's conceptions as ones overcoming such approach. Also Ponamarev's conception is parsed closely and the divergence of its interpretations is revealed.

Key words: consciousness, (the) unconscious, thinking, creativity, verbal, visual, structure, intuition, insight, detection.

Из одиннадцати возможных значений сознания, приведенных В.М. Аллахвердовым в его фундаментальном труде¹, мы остановимся на двух, таких, как «как осознанное – в оппозиции бессознательному» и «как выражаемое в словах (вербальное) – к словесно невыразимому». Фактически движение мысли в этой проблематике, как и простая логика, делает эти два значения идентичными.

Пример тому, открытие Я.А. Пономаревым феномена визуального «усмотрения» решения и отнесение его к интуиции как явлению, диаметрально логическому процессу рационального мышления. Отсюда его отнесение к бессознательному. Стало даже традицией при описании моментов бессознательного даже в высшей степени профессиональных статьях² ссылаться на теорию творче-

¹ Аллахвердов В.М. Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту // Творчество. М., 2011. С. 29–30.

² Там же ; Селиванов В.В. Осознанное и неосознанное в продуктивном мышлении субъекта // Творчество: от биологических оснований к социокультурным феноменам. М., 2012.

ства Я.А. Пономарева и О.К. Тихомирова¹. Не спасает и утверждение Пономарева, что затем человек «карабкается по уровням вверх, вербализуя усмотренное, чтобы рассказать другому»².

В ряде публикаций мы подчеркиваем силу таланта Я.А. Пономарева, который в рамках дипломной работы сделал шаг вперед в развитии закона «транспозиции отношений». Он фиксировал не просто перенос функционального значения из одной ситуации в аналогичную по структуре, а усмотрение его в «побочном продукте» деятельности. Перенос, который исследовал Пономарев, действительно, невозможен без реального взаимодействия с предметами. Он не возможен в уме, т.е. логически или по памяти. Интуитивное усмотрение – узнавание отвечающей наличной доминанте структуры, предшествует ее вербализации, и лишь поэтому оно «интуитивно». Пономарев относит этот феномен к интуиции, чтобы подчеркнуть его специфику. Оно не получено в результате логической процедуры, и только наглядно студент философского факультета в 50-х гг. прошлого века мог оперировать только этими двумя понятиями: или результат получен в последовательно логически выводном процессе, либо он относится к интуиции.

Построению окончательной теории творчества предшествовала большая работа Пономарева по анализу онтогенеза мышления и затем перевода этапов его развития в структурные уровни его функционирования. Если задача не решается на верхнем уровне логического мышления, то возникает необходимость опуститься на нижний уровень наглядно-действенного мышления, т.е. реального взаимодействия с предметами в рамках конкретной деятельности. Именно здесь возникает возможность увидеть нечто, отвечающее по своей структуре решению стимулирующей задачи. Это нечто является некоторым моментом выполняемой деятельности, ее побочным продуктом, но не целью. В ином случае это был бы повтор исходной задачи. Возможность заметить этот «побочный продукт» переводит его в «прямой», т.е. делает актуальным для сознания. Усмотрение – узнавание – структуры, отвечающей наличной доминанте, предшествует ее вербализации, и лишь поэтому оно отнесено Пономаревым к интуиции.

Классический вариант с подсказкой возможен только в искусственной ситуации эксперимента. Исследование феномена подсказки потому важно, что в жизни мы их постоянно получаем, но как «побочный продукт» окружающей нас реальности. Инженер, работающий над проектом моста через широкую часть реки, видит ее в паутине между кустами, где он лежит в отчаянии от отсутствия решения. А устройство вязального станка подсказывают движения рук вяжущей бабушки в электричке. В теоретическом объяснении проявления данного феномена сказался талант психолога Пономарева.

В отличие от анализа трудовой деятельности, где ведущая, решающая роль сознания не подвергается сомнению, роль сознания как решающего фактора в процессе творчества передается бессознательному. «Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту», – утверждает В.М. Аллахвердов.

Знаменитое высказывание Пуанкаре: «Поднимая ногу на ступеньку омнибуса, я понял...» воспринималось как демонстрации того факта, что решение сложной проблемы Творчество: от биологических оснований к социокультурным феноменам происходит не в процессе ее сознательного анализа, а, напротив, в момент свободы от размышлений над ней, как результат неконтролируемого бессознательного. Конкретность момента – «поднимая ногу на ступеньку» – более доказательна, чем абстрактные утверждения о том, что это происходило в период отдыха, прогулки и т.д. Каждый понимает, что, заходя, например, в трамвай, человек в этот момент сосредоточен именно на этом процессе. Для нас, психологов, «поднятие ноги» означает лишь направление внимания субъекта, а, значит, отсутствие размышления о чем-либо другом. Именно для работы бессознательного в решении проблемы выделен этап «инкубации». Но туда не может проникнуть наша мысль, и мы лишены возможности прогноза. Вместе с тем это признание невозможности научного раскрытия и понимания процесса творчества.

Оговоримся сразу: Пономарев изучал частный случай решения творческих задач. В рамках школы С.Л. Рубинштейна было показано, что догадка возникает как стремительно кристаллизирующийся закономерный результат проведенного анализа. Следовательно, решение творческих задач не обязательно осуществляется на уровне подсказки «побочного продукта», как на этом настаивал Пономарев, а может проходить в рамках последовательно разворачиваемого рационального мышления³. Но он прав в том, что «подсказку», как нечто внешнее со стороны, в своем уме не увидеть.

¹ Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

² Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976. С. 190.

³ Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. Самара, 2009 ; Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1957.

Данные Ю.Б. Гиппенрейтер подтвердили сформулированные Пономаревым требования, обеспечивающие перенос. Это, прежде всего, наличие доминанты, т.е. стойкого интереса и стремления решить задачу. Поэтому принципиально, что подсказка действует только тогда, когда она дается после основной задачи. В качестве подсказки может выступать предмет, который вызвал на себя ориентировку. Поэтому значимость выполняемой деятельности, в процессе которой можно увидеть подсказку в ее побочном продукте, не должна конкурировать с имеющейся доминантой. Сам же «побочный продукт» возникает вопреки сознательному намерению. Однако это не значит, что он неосознан, поскольку складывается под влиянием тех свойств предметов и явлений, которые вовлечены во взаимодействие.

Одновременно Ю.Б. Гиппенрейтер выявила и новые условия: перенос происходит, когда задача-подсказка дается на поздних этапах решения основной задачи, и не происходит, когда она предъявляется на ранних. Это было объяснено Рубинштейном как отсутствие необходимого анализа условий задачи на ранних этапах и, напротив, достаточного анализа исходной задачи для усмотрения подсказки на поздних этапах ее решения¹.

Наряду с теорией Пономарева в качестве неосознаваемых явлений приводится факт открытия О.К. Тихомировым феномена «предвосхищающих эмоций», фиксирующих правильный ответ до его логического обоснования в словесной формулировке. И это вызывает вопрос: «Как люди до осознания самого решения могут догадаться, что найден верный путь к решению»?².

Здесь мы не согласимся с классиком данной проблемы, что в силу этого факта роль эмоций стала совсем загадочной³. Тактильная деятельность слепых шахматистов позволила О.К. Тихомирову фиксировать наличие невербализованного операционального смысла решения. В свою очередь, это привело его к открытию логически ранее не предполагаемого феномена «предрешения» задачи. Для нас принципиально важно, что Тихомиров при этом подчеркивает значимость анализа исследовательской деятельности, предшествующей возникновению у испытуемого «предрешения» задачи – невербализованного операционального смысла решения. Он пишет: «Именно это звено процесса решения задачи обычно ускользало от исследователей, пользующихся исключительно либо данными словесного отчета, либо рассуждений вслух, что и порождало иллюзорные представления о том, что сущность мышления состоит в далее нерасшифровываемом акте «усмотрения». На самом же деле, как теперь стало ясно, данные представления связаны с ограниченностью методов анализа мышления»⁴. Тихомиров обращает внимание на то, что анализ протоколов речевого рассуждения испытуемого обнаруживает классический феномен внезапного появления «идей», определяющих ход решения задачи. Он подчеркивает, что если ограничиться только данными речевого протокола, этот акт действительно выступает как внезапный. Но главное, на что обращает внимание Тихомиров, это то, что в научной литературе «часто этот акт характеризуется как внезапный, непосредственно из предшествующей деятельности не вытекающий, и получает далее нерасшифровываемое наименование «интуиция», «усмотрение решения», которые противопоставляются аналитическому, или дискурсивному, мышлению»⁵. Удивительно, но он тоже дискутирует с Пономаревым.

Анализ осязательного поиска позволил Тихомирову выйти за пределы наблюдаемой феноменологии, и он показал, что «действительная природа процесса не соответствует ее видимости, что в осязательной активности происходит подготовка вербализованного отражения свойств элементов ситуации»⁶. Итак, процесс подготовки «внезапного» появления вербализованного продукта, в том числе того, который выступает как принцип решения данной задачи, является результатом сложной исследовательской деятельности (установление взаимодействий между элементами и тем самым выявление их свойств), которая предшествует возникновению этих образований и создает опосредствующие продукты в виде невербализованных смыслов, что и фиксируют эмоции.

Мы видим, что дихотомия сознательного и неосознанного проходит по одной границе: вербальный – невербальный. Научная заслуга Тихомирова как раз и состоит в том, что он фиксирует в эксперименте невербальные смыслы, характеризует их как более широкие, а вербальные – как обобщенные и высоко вероятностные.

¹ Богдавленская Д.Б. Психология творческих способностей ; Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования.

² Аллахвердов В.М. Неизбежный путь творчества: от инкубации к инсайту // Творчество. М., 2011. С. 179.

³ Там же. С. 178.

⁴ Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984. С. 52.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же.

Вместе с тем именно по этой линии раскрытия разных языков мышления лежит решение проблемы природы мышления, того процесса, который приводит к открытиям. Вслед за Н.И. Жинкиным, рассматривающим мышление как процесс постоянного перекодирования¹, мы считаем, что даже невербальный, образный язык неоднороден на разных этапах процесса решения задачи. В наших работах обращается внимание на интенсивность речевой активности (неоднократное проговаривание условий) при усвоении условий задачи. Длительность этого этапа, скорее всего, связана со сложностями построения «картины событий».

Полагаем, что образный код не является однородным на выделяемых этапах овладения условиями задачи. На первом этапе он выступает как собственно предметный код, и с его помощью строится образ проблемной ситуации. На втором он выступает как знаковый код и позволяет выделить собственно условия. На третьем он выступает как код знаково-символический, с помощью которого осуществляется схематическое построение системы отношений данной проблемной ситуации. Конечно, мы учитываем, что речедвигательный анализатор обязательно включается в процесс построения этой системы: постоянно – на уровне внутренней речи и речи вслух, когда у испытуемого нет других условий объективации (карандаша, бумаги). В этом случае вербализация является средством усиления фиксации элементов, из которых строится эта система отношений, а также результатов построения отдельных ее звеньев.

Является ли представленная нами система лишь описывающей, отображающей, или она выполняет некоторую активную функцию? Как показывает эксперимент, здесь мы имеем дело со структурой, не только отображающей, но и порождающей: являясь результатом анализа отношений в данной проблемной ситуации, она выступает как ее субъективная мысленная модель, с которой как бы «считывается» тот или иной принцип решения (идея, гипотеза, концепция). В конечном счете модель строится как замыкание гештальта, с чем и связано понимание ситуации, ее «ощущаемый смысл»². Это действительно «видящая мысль» (В. Гете). В этом первая эвристическая функция модели проблемной ситуации. Действительно, человек сначала видит, но мысль фиксируется уже в слове. Если в это мгновение вклинивается отвлекающий раздражитель, мысль исчезает и требует своего повторного возрождения.

Таким образом, центральным звеном «усмотрения» идеи решения в подходах О.К. Тихомирова и нашем выступают невербализованные, наглядные структуры, которые не связаны лишь с выявлением «побочного продукта». В рамках последовательного развиваемого рационального мышления по анализу ситуации они выступают как всеобщая закономерность, постулируя свой осознанный характер.

Первым в отечественной психологии феномен «усмотрения» увидел Я.А. Пономарев. Выделив «усмотрение» идеи решения как невербализованное явление, он отнес его к интуиции. К сожалению, он оказался узником своей теории, не позволившей ему выйти в исследовании мышления и творчества за пределы лишь одного из механизмов нахождения решения – переноса, и жестоко критиковался в дальнейшем, когда вышли его первые книги, коллегами-философами за утверждение, что творческие задачи могут решаться только с помощью интуиции.

Как мы видим, путь от инкубации к инсайту не оказывается таким уж неизбежным. Просто когда он наступает как закономерный результат проведенного анализа, он представляется естественным его следствием и его переживание не вызывает вопросов о его истоках. Человек знает, как он к этому пришел.

Это легко продемонстрировать на примере Дункеровской задачи со спичками. Эта головоломка провоцирует построение треугольников на плоскости, но из 6 спичек построить 4 равнобедренных треугольника невозможно. Пробы иногда длятся до нескольких часов. Только после эмоционального взрыва испытуемые переходят к анализу неудач и, наконец, делают обобщение: для 4 треугольников надо иметь 12 спичек, а у нас есть только 6. Значит, каждая должна быть общей. Формулировка задачи меняется, и ее анализ включается в систему геометрического знания. По мнению С.Л. Рубинштейна, этот процесс является основным нервом мышления, т.к. включение предмета в новую систему знания позволяет выделить его новые свойства. В данном случае вопрос, как в геометрии может получиться линия, вызывает представление о двух пересекающихся плоскостях, вследствие чего следует «АГА! реакция». В терминологии гештальт-психологии: испытуемый увидел другой гештальт и поэтому нашел решение. В рамках концепции Рубинштейна мы можем детально описать процесс, к этому видению приводящий.

¹ Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.

² Хант Г. О природе сознания. М., 2002. С. 235.

Следует также отметить, что в процессе решения данной и других «творческих задач» очень часто процесс развернутого мыслительного анализа прерывался неожиданным для самого испытуемого решением в связи с его усмотрением в «побочном продукте». Так, в условиях длительного эксперимента, когда начало смеркаться, был зажжен свет. При взгляде на плафон люстры в виде пирамиды испытуемая засмеялась: «Ну, да. Конечно же, надо было строить в пространстве! Что же я так долго не додумалась до этого?»

В другом случае длительного эксперимента при наступлении позднего вечера экспериментатор сделал попытку повторить условия, в которых один из испытуемых обнаружил «побочный продукт». (Ему очень не хотелось терять данные этого испытуемого). Испытуемого попросили перенести в другую комнату очень тяжелый ящик с книгами. Он поднял его с большим трудом, донес до следующей комнаты, и оттуда раздался радостный крик: «Понял!»

Повторим: не интуиция, не бессознательные переживания привлекли сознание испытуемого к предмету, ее вызвавшему, переводя «побочный продукт» в прямой. Потребность перемещения тяжести, давящей на плечо, привлекла внимание к деталям формы ящика. Вместе с тем мы привели выше перечисленные примеры не для того, чтобы подвергнуть сомнению возможность последовательного анализа проблемы и возникновения инсайта на этом пути. Напротив, мы хотим подчеркнуть, что «подсказка» окружающей реальности действует тогда, как утверждал С.Л. Рубинштейн, когда сама задача достаточно проанализирована и созрели условия ее увидеть. Описанные два пути решения проблемы не противоречат друг другу. Сокращенный путь решения при усмотрении «побочного продукта» говорит о сохраненной доминанте у ее субъекта.

Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, профессор. Почетный член РАО. ФГНУ «Психологический институт» РАО. Россия, Москва.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doctor of psychological sciences, professor. Honorary member of Russian joint stock company, chief researcher. FGNU "Psychological Institute" of Russian joint stock company. Russia, Moscow.
mpo-120@mail.ru

УДК 159.9(091); 159.9(092)

История терминов «сознание» и «созерцание»

И.Е. Гарбер

The History of Terms 'Conscience' and 'Contemplation'

I.E. Garber

Аннотация. Главным достоинством истории психологии является то, что она позволяет хронологически упорядочить значимые события, а ограничением – низкие прогностические возможности. Рассмотрены различные способы решения этой проблемы. Особое внимание уделено феномену инвариантности психологической терминологии. В качестве примера обсуждается история терминов «сознание» и «созерцание».

Ключевые слова: сознание; созерцание; категориальный анализ; транспективный анализ; клиометрический подход

Abstract. The main virtue of the history of psychology is the possibility of chronological sorting of significant events, while its main restriction consists in low forecasting power. Different ways of solving this problem are considered. Special attention is devoted to the phenomenon of invariance of psychological terminology. As example, the history of terms 'conscience' and 'contemplation' is discussed.

Key words: Conscience; contemplation; categorial analysis; transpective analysis; cliometric approach.

ГРНТИ 15.01.09 История психологии. ВАК 19.00.01, 07.00.10.

Объединяющим элементом различных учебников по истории психологии является **время**. Именно оно предоставляет возможность упорядочить последовательность научных школ, персоналий ученых, рассмотренных проблем, поставленных целей и задач, предложенных гипотез, идей, методов, теорий и проведенных исследований, обнаруженных фактов, ключевых публикаций, организационных мероприятий (открытий журналов, факультетов, лабораторий, проведения

конференций), составляющих главное, если не единственное, достоинство данной дисциплины. Представляется, что это не случайное совпадение: «классицизм, опирающийся на статику ставшего, на «психологические окаменелости», исключает историю как динамическое явление, оставляя в ней только хронологическую компоненту»¹.

Хронологический подход естественен и нагляден. Он позволяет связно и логично описать прошлое, оценить изменения культуры и потребностей общества, направленность усилий ученых и прогресс науки, понимаемый как рост числа психологов, факультетов, лабораторий и журналов, публикаций, усложнение их тематики и содержания. Однако, как показала практика его применения, он не ведет к надежному прогнозированию тенденций и перспектив психологической науки, хотя такого рода оценки необходимы организаторам психологического образования и науки, обществу в целом. История психологии с эволюционной и когнитивной точки зрения, подчеркивающая динамические аспекты ее становления и развития, еще не написана. Совершенствование дисциплины идет двумя путями: переопределения понятия времени или устранения его, тем или иным способом, из науки.

В.Е. Ключко считает, что «мы плохо прогнозируем в связи с тем, что все наши инструменты познания ориентированы на изучение ставшего², предлагает **транспективный анализ**, в ходе которого «историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое»³, и отмечает, что «наука пока не разработала способов и приемов психологического и историко-психологического анализа, адекватных постнеклассицизму»⁴. Как следствие, в настоящее время этот подход слабо разработан технологически и не поддерживается существующими в Интернете базами данных.

Более продвинутым представляется **клиометрический подход**, развиваемый в психологии Полом Милом и Дэвидом Фаустом. Он заключается в систематическом применении формальных математических и статистических методов к исследованию истории. Его основой является **сильный актуарный тезис Фауста–Мила**: метатеоретическое исследование должно: 1) делать актуарные резюме свойств и судеб научных теорий на основе случайной выборки эпизодов истории науки и 2) применять формальные аналитические методы (например, психометрические) для оценки метатеоретических предположений. Тезис был сформулирован и обоснован в 1992 г. Д. Фаустом и П. Милом. Если он верен, из него вытекает важное следствие: оценка психологических теорий должна быть представлена в явной актуарной форме. П. Мил выделил 18 критериев оценки теорий: четыре для оценки экономичности, количество подтверждающих фактов, количество противоречащих фактов, качественное разнообразие полученных фактов, новизна полученных фактов, численная точность полученных фактов, пассивная и активная редуцируемость, исходное правдоподобие, строгость теоретических выводов, доверие к вспомогательным средствам при проверке наблюдений, дедуктивная плодотворность, технологическая мощьность, вычислительная легкость; красота, глубина, элегантность. Оценка валидности теории атрибутов как предикторов выживания теорий может вестись с помощью линейной дискриминантной функции, факторного и таксонометрического анализа. Предложенная конструкция включает в себя возможность вычисления **индекса правдоподобия**. Использование линейной дискриминантной функции позволяет оценить статистический вес и относительную важность отдельных предикторов. Предполагается, что индекс правдоподобия соответствия содержания различных теорий в середине жизненного цикла и «победившей» в данной области теории будет иметь высокую корреляцию с составными индикаторами теорий. Клиометрическая программа выглядит масштабной и в случае реализации потребует координации усилий и выделения значительных ресурсов государством и научным сообществом. В посмертно изданной статье П. Мил предположил, что **улучшение оценки научных теорий может оказаться столь же важным теоретически и технологически, как составление карты человеческого генома или небесного атласа**. Однако, быть может, в обозримом будущем историки и философы науки не смогут убедить общество в том, что подобные инвестиции перспективны⁵.

¹ Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005. С. 16.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Meehl P.E. Cliometric Metatheory III: Peircean Consensus, Verisimilitude and Asymptotic Method // British Journal for the Philosophy of Science. 2004. Vol. 55. P. 640.

Одной из первых попыток исправления ситуации была теория **рациональной реконструкции** истории науки Имре Лакатоса. Однако его нестандартное использование терминов «внутренняя история» и «внешняя история»¹ натолкнулось на критику профессиональных историков науки и в целом имело немного последователей, хотя идея отличать хронологические датировки событий от их логической, рациональной последовательности остается привлекательной и в настоящее время.

Близок по духу данной работе **категориальный анализ**, возникший из стремления М.Г. Ярошевского свести в единую концепцию основные психологические теории XX века. Он выделил из истории психологии пять фундаментальных категорий, характеризующих важнейшие стороны ее предмета: «образ», «действие», «мотивация», «общение» и «индивид-личность»². Позднее М.Г. Ярошевский немного изменил их список и ввел понятия **категориального строя** — системы, «сетки» категорий и категориального анализа³. Он связал выделенные категории с конкретными психологическими подходами, направлениями, теориями и школами: «образ» — с гештальт-психологией и структурализмом, «действие» — с бихевиоризмом и функционализмом, «мотивацию» — с психоанализом, «психосоциальное отношение», «общение» — с теорией ролевого поведения, «личность» — с экзистенциальной психологией. Дальнейшее развитие категориальный подход получил в совместных работах М.Г. Ярошевского и А.В. и В.А. Петровских. В них наряду с конкретно-историческим анализом в качестве инструмента исследования использовались метафизические рассуждения. Исходными для осмысления объяснительного принципа построения категориальной системы в психологии декларировались воззрения В.С. Соловьева о взаимоотношениях между сущностями и явлениями. Метафизический подход противостоит убеждению представителей естественных наук, отвергающих, что «идеи» вещей «обладают некой трансцендентальной реальностью и что, анализируя идеи, мы можем узнать нечто, если не все, о свойствах реальных вещей»⁴. Исходя из принципа открытости категориального строя и концепции Г. Гегеля о восхождении от абстрактного к конкретному как способа развития теоретического мышления, они описали структуру категориальной системы психологии как упорядоченную в двух направлениях (по «горизонтали» и «вертикали») совокупность биоцентрических, протопсихологических, базисных психологических, метапсихологических и социоцентрических категорий, а также специфику «параллелей» (плеяд) и «меридианов» (кластеров) категорий⁵. При этом категория «сознание» в 1998 году была отнесена к метапсихологическим в ряду «**Я – ценность – деятельность – сознание – общение – чувство**» (в 2003 году в ряду «**личность – ценность – деятельность – сознание – чувство – общение – персоносфера**») и к столбцу «**логос – сознание – образ – сигнал**» в 1998 г. и «**когнитивность – разум – сознание – образ – ощущение – сигнал**» в 2003 году. Авторы в начале XXI века включили в свою систему категориальный аппарат середины XX века и не отразили в ней произошедшие с тех пор изменения, связанные прежде всего с ростом влияния когнитивной психологии и нейронаук. По понятным причинам «созерцание» отсутствует в категориальных системах 1998 и 2003 гг. Список отсутствующих в таблицах категорий можно продолжить: значение, культура, информация, цель, причина, следствие, нейрон и т.д. Категориальная система психологии не может и не должна включать все важные понятия, но остается открытым вопрос поиска в таблицах категорий, наиболее близких к ним. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский постулировали открытость категориального строя психологии, но не указали пути его возможного расширения и направления поиска новых категорий (Ср.: Д.И. Менделеев предсказал существование и описал основные характеристики неизвестных в то время элементов; у него учитывались не только горизонтальные и вертикальные, но и диагональные связи). Оценивая предложенный подход в целом, отметим, что **его прогностическая ценность неочевидна**. Далее, неясно, все ли выделенные категории независимы между собой или некоторые из них могут быть «выведены» из других категорий; как с их помощью построить интегративную психологическую теорию, включающую все выделенные категории и объясняющую известные психологические феномены.

Курт Данцигер обратил внимание на то, что термины включаются в сети семантических взаимосвязей, от которых они получают свой смысл и значение. В подобных сетях изменения смысла

¹ Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 290–297.

² Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1971.

³ Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии.

⁴ Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003. С. 34.

⁵ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998 ; Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М., 2003.

одного термина не являются независимыми от изменений смысла других терминов, и значение каждого термина зависит от места, которое он занимает в соответствующей **дискурсивной формации**¹.

В последние годы в разных странах резко возрос интерес к психологической терминологии безотносительно к претензиям на описание категориального строя науки². Эволюция психологического словаря ускорилась в связи с появлением в 1974 г. **тезауруса психологических терминов** (Thesaurus of Psychological Index Terms)³, тесно связанного с основными базами психологических данных в Интернете. Спустя свыше 40 лет можно говорить о **менеджменте психологической терминологии** как о наблюдаемом феномене⁴.

В его основе, возможно, лежит гипотеза о том, что **терминология является одним из инвариантов психологического исследования**. В подтверждение ее обоснованности приведем цитату первых лет советской власти в России: «Иногда от нас требуют «во имя последовательности», чтобы мы совершенно не пользовались обычной психологической терминологией. Меньше всего мы склонны заниматься терминологическими революциями»⁵. Сегодня трудно сказать, кто в 1925 г. требовал, чтобы ученые отказались от буржуазной терминологии, какие использовались аргументы, но факт остается фактом: терминологической революции в СССР не произошло.

Не менее важно то, что начали появляться монографии и диссертационные исследования, посвященные единственному термину, например, памяти⁶, эмпатии⁷ и т.д. Представленный на конференции доклад принадлежит к тому же жанру. Его отличительной особенностью является совместный анализ трансформации смысла и значений двух терминов: «сознание» и «созерцание», судьба которых в России сложилась по-разному.

Гарбер Илья Евгеньевич, профессор, доцент, доктор психологических наук кафедры социальной психологии образования и развития. Саратовский государственный университет. Россия, Саратов.

Garber Ilya Evgen'evich, professor, associate professor, doctor of psychological sciences Department of social psychology of education and development Saratov state university. Russia, Saratov.

Ilya.Garber@gmail.com

УДК 159.9.01

К вопросу о «другом сознании». Есть ли проявления сознания у людей, пребывающих в «вегетативном состоянии»?

Д.И. Дубровский

To the question about «other minds». Is there any manifestations of consciousness in people, staying in a «vegetative state»?

D.I. Dubrovsky

Аннотация. В статье рассматривается новый способ коммуникации, позволяющий общаться с больными в вегетативном состоянии. В этой связи обсуждаются теоретические и методологические вопросы, касающиеся отношения явлений субъективной реальности к мозговым процессам и разработки проблемы «другого сознания».

Ключевые слова: сознание, вегетативное состояние, субъективная реальность, мозговые процессы, «другое сознание».

Abstract. Describes a new way of communication that allows you to communicate with patients in a vegetative state. In this regard, discusses the theoretical and methodological questions relating to the

¹ Danziger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. London, 1997. P. 13.

² APA Dictionary of Psychology. 2nd ed. Washington, 2015 ; Psychological Concepts: An International Historical Perspective. K. Pawlik, G. d'Ydewalle (Eds.). Psychology Press, 2006.

³ Thesaurus of Psychological Index Terms. Washington, 1974.

⁴ Thesaurus of Psychological Index Terms. 11th Ed. Washington, 2007.

⁵ Блонский П.П. Психология как наука о поведении // Психология и марксизм. Л.; М., 1925. С. 226.

⁶ Danziger K. Marking the Mind. A History of Memory. Cambridge University Press, 2008.

⁷ Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.

relationship of subjective reality phenomena to cerebral processes and development problem, «Another consciousness».

Key words: consciousness, vegetative state, subjective reality, brain processes, «Another consciousness».

Вряд ли надо доказывать, что новейшие результаты исследований в когнитивной науке имеют важное значение для развития эпистемологии, способны в существенной степени стимулировать и корректировать разработку ее актуальных проблем. Но не менее важно обратное влияние эпистемологии на развитие когнитивной науки, анализ и оценка с позиций современной эпистемологии методологического и теоретического уровня проводимых в ней исследований. Не секрет, что многие представители когнитивной науки часто оставляют в стороне инструментарий и теоретический опыт современной эпистемологии. Это существенно снижает продуктивность экспериментальной деятельности, особенно в тех случаях, когда предметом исследования служат феномены сознания. Ниже под таким углом зрения мы попытаемся рассмотреть оригинальные исследования больных в вегетативном состоянии, результаты которых способны внести существенный вклад в разработку проблемы «другого сознания».

Вегетативное состояние наблюдается у перенесших тяжелую травму головного мозга. У них сохраняется цикл сна и бодрствования, но полностью отсутствуют какие-либо реакции на внешние воздействия и какие-либо коммуникативные возможности. Они кажутся бодрствующими, но не проявляют никаких признаков сознания. В таком состоянии они могут пребывать многие месяцы. Это уникальное расстройство, как отмечают представители нейронауки, представля- ет большую загадку для современной медицины и ставит перед ней трудные этические вопросы.

Сравнительно недавно в исследованиях этой проблемы английским нейрофизиологом А.М. Оуэном и его сотрудниками получены результаты, представляющие значительный теорети- ческий и практический интерес¹. Они использовали один из методов функционального картиро- вания головного мозга (фМРТ – функциональной магнитно-резонансной томографии), изучая больную, которая после автомобильной катастрофы пять месяцев находилась в вегетативном со- стоянии. Суть исследований заключалась в речевых обращениях к ней и наблюдении за возника- ющими при этом изменениями в ее головном мозге. Обнаружилось, что в ответ на определенные речевые воздействия у нее возникала специфическая активация мозга, сходная с той, которая при воздействии тех же стимулов возникала у здоровых людей, составлявших контрольную группу. Хорошо известно, однако, что некоторые когнитивные процессы, включая понимание речи, мо- гут протекать и в бессознательном состоянии. Исследователи же стремились получить ответ на вопрос: есть ли у больной проявления сознания.

С этой целью ей в ясной словесной форме предложили выполнять два задания на вообра- жение: просили представить себе, что она играет в теннис (задание 1), а затем представить, будто она последовательно проходит через все комнаты своего дома, начиная от входной двери (зада- ние 2); при этом сканировали соответствующие изменения, происходящие в ее мозгу. Точно та- кие же два задания предлагались здоровому человеку, и при этом также фиксировались измене- ния в его мозгу. Оказалось, что картина активации мозга у больной и у здорового человека прак- тически ничем не отличались друг от друга. Повторные эксперименты давали тот же результат. Отсюда был сделан вывод, что пациентка, находящаяся в вегетативном состоянии (привожу да- лее слова авторов) «сохраняла способность понимания устных речевых команд и могла отвечать на них, пусть и не при помощи движений или речи, но посредством активности своего мозга. Бо- лее того, ее решение сотрудничать с исследователями и выполнять конкретные задачи на вооб- ражение, когда ее просили об этом, представляет собой очевидный акт намерения, который, без сомнения, подтверждает, что пациентка осознавала себя и то, что ее окружало»².

Этот вывод экспериментаторов, на мой взгляд, нуждается в более подробном анализе, к чему я вернусь далее. Важно то, что подобные эксперименты были продолжены в усложненном виде уже на целой группе больных, находящихся в вегетативном состоянии. Их просили закреп- ить за первым заданием («игра в теннис») значение «да», а за вторым («прохождение по комна- там») значение «нет» с той целью, чтобы они потом попытались ответить на некоторые простые вопросы. После того, как эти значения были закреплены, что подтверждалось соответствующими результатами сканирования, им задавали вопросы, на которые надо было ответить «да» (исполь-

¹ Оуэн А.М. и др. Как обнаружить признаки сознания у пациентов в вегетативном состоянии // Гори- зонты когнитивной психологии : хрестоматия / под ред. В.Ф. Спиридонова и М.Ф. Фаликман. М., 2012.

² Там же. С. 125.

зовав образ игры в теннис) или «нет» (использовав образ прохождения по комнатам). Вопросы были такие: «Есть ли у вас брат?», «Вашего отца зовут Александр?» и т.п. Причем ответы экспериментаторам заранее не были известны. Характер же ответов устанавливался, естественно, по данным фМРТ. Последующая проверка показала, что на все вопросы испытуемые отвечали правильно. «Таким образом, – заключают экспериментаторы, – в исследованиях выявлена возможность коммуникации с пациентами в вегетативном состоянии, не проявляющих никаких внешних признаков сознания и поведения, на основе произвольной модуляции ими активности их собственного мозга»¹.

Действительно, результаты приведенных исследований чрезвычайно интересны. Но можно ли однозначно утверждать, что испытуемые в указанных случаях демонстрируют обладание сознанием, т.е. качеством субъективной реальности, которое является его специфическим и неотъемлемым свойством.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой «другого сознания». Она выражается двумя основными вопросами: 1) каковы критерии или достаточные основания для того, чтобы установить наличие или отсутствие субъективной реальности у другого существа (а не только способности совершать разумные действия) и 2) как возможно и как достигается познание и понимание «содержания» субъективной реальности у другого существа (прежде всего у человека, хотя это должно быть отнесено и к животным, у которых тоже есть субъективная реальность, хотя и отличающаяся от нашей по ряду существенных свойств). Эти вопросы, конечно, взаимосвязаны. Они подробно рассматривались нами в ряде публикаций². Здесь мы хотим еще раз подчеркнуть, что проблема «другого сознания» не имеет общего теоретического решения; это отмечалось многими авторами (см., например, обстоятельную обзорную статью на эту тему в «Стэнфордской философской энциклопедии»).

Разрабатывая проблему «другого сознания», обычно опираются на «аргумент от аналогии». Суть его в том, что человек знает собственные сознательные состояния и соответствующие им собственные телесные изменения и действия (может произвести словесное описание этих состояний), и, когда он наблюдает подобные телесные изменения и действия у других, он понимает, что у них тоже имеются подобные состояния субъективной реальности (это относится, конечно, и к словесным отчетам). Слабость «аргумента от аналогии» всегда ясно осознавалась, несмотря на многочисленные попытки его усовершенствования (Гуссерлем, Расселом, рядом представителей аналитической философии). Правда, этот аргумент получил в последнее время сильное подкрепление со стороны исследований «зеркальных систем» головного мозга. Было экспериментально показано, что «моторное знание о наших собственных действиях есть необходимое и достаточное условие незамедлительного понимания действий других»³. Это моторное знание дано нам во многих отношениях а-refлексивно и диспозиционально, в силу чего оно дано как бы непосредственно, «без каких-либо рефлексивных, концептуальных и лингвистических опосредований»⁴. Аналогичным образом обстоит дело и с пониманием эмоций.

Тем не менее личность обладает способностью сохранять «закрытым» свой субъективный мир и «открывать» его другим лишь по своей воле, причем, как правило, весьма избирательно и лишь частично; руководствуясь своими интересами, она может искусно дезинформировать других. Это существенно осложняет познание и понимание «другой» субъективной реальности. Тем не менее, мы можем ее познавать и понимать только по ее внешним проявлениям (речи, взгляду, мимике, действиям, поступкам). Так было всегда. Но сейчас, благодаря достижениям нейронауки, мы стоим на пороге принципиально новых способов коммуникации.

Уникальность обсуждаемых экспериментов заключается в том, что здесь исключены абсолютно все внешние проявления внутренних субъективных состояний, все обычные средства коммуникации. Наблюдаются лишь проявления мозговой активности. Достаточны ли они для выводов о наличии сознания? И как быть в этом случае с «аргументом от аналогии»?

Начнем с того, что всякое знание о сознании другого действительно предполагает знание о своем сознании. На этом построен и «аргумент от аналогии». Несомненно, что познание собственного сознания – это особый вид познания, ключевое звено самопознания. Оно требует спе-

¹ Оуэн А.М. и др. Как обнаружить признаки сознания у пациентов в вегетативном состоянии. С. 127.

² Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. М., 2009. С. 153–171.

³ Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012. С. 103.

⁴ Там же. С. 115.

цифических средств и методов, решения ряда сложных теоретических и методологических вопросов (например, о соотношении отчетов от первого и от третьего лица на уровне аутокоммуникации индивида, возможности формирования интересубъективных утверждений о явлениях собственной субъективной реальности, т.е. в форме от третьего лица). Эта проблематика, несмотря на ее высокую актуальность в нашу переломную эпоху, остается в эпистемологии весьма слабо разработанной. Основательное познание сознания – дело весьма сложное, многоплановое. В нашем случае, однако, ставится вопрос лишь о знании тех самых общих свойств сознания, на основании которых допустимо определить наличие или отсутствие состояния субъективной реальности у больного человека, находящегося в вегетативном состоянии.

Мы имеем в виду два таких свойства, которые выделены и подробно рассмотрены нами при разработке проблемы «Сознание и мозг»¹. Это 1) данность личности (нашему Я) информации в «чистом» виде и 2) способность произвольно оперировать такой информацией. Приведенные свойства означают, что всякое явление субъективной реальности есть «чистая» информация в том смысле, что ее мозговой нейродинамический носитель начисто элиминирован для личности; несмотря на то, что информация необходимо воплощена в своем носителе, человек не знает, не чувствует, что при этом происходит в его мозгу. Информация дана ему как бы непосредственно, и он может по своей воле оперировать ею в довольно широком диапазоне. Этим явления субъективной реальности отличается от информации, протекающей для личности «в темноте», на бессознательном, неосознаваемом уровне (в данном интервале или вообще).

Рассмотрим подробнее результаты эксперимента. Несмотря на отсутствие каких-либо внешних реакций в ответ на просьбу вообразить себе игру в теннис (задание А), а затем вообразить себе прохождение по комнатам (задание Б), у испытуемой фиксировались достаточно определенные в каждом случае мозговые корреляции (которые совпадали по своим характеристикам с аналогичными мозговыми корреляциями при тех же заданиях у здоровых людей). Обозначим эти корреляции (установленные нейродинамические корреляты) в первом случае М, во втором Н (т.е. мы имеем здесь два информационных процесса А-М и Б-Н). Если при повторении заданий, как у испытуемой, так и у здоровых действительно фиксировались во всех случаях инвариантные корреляции (что требует тщательной проверки и обоснования), то можно с высокой степенью вероятности полагать, что испытуемая действительно переживала осознаваемые зрительные образы А и Б, обладая вместе с тем, пусть в малой мере, способностью оперировать по своей воле такой «чистой» информацией.

В пользу этого можно привести следующие доводы. Если считать, что задания А и Б испытуемой действительно выполнены, то это означало ее *понимание* словесного сообщения, ее *согласие* и *желание выполнить просьбу экспериментаторов*, а также наличие способности *произвольного усилия вообразить А и Б*, проявлять и поддерживать какое-то время эти образы, что, скорее всего, было для нее делом нелегким, требовало психического напряжения, ибо такое напряжение требуется и здоровому человеку. Перечисленные признаки соответствуют состоянию субъективной реальности, вызванному данной словесной инструкцией.

Правда, по большому счету остаются все же некоторые вопросы. Они не умаляют значение замечательного эксперимента, а имеют целью расширение контекста интерпретации полученных результатов и тем самым углубления подобных исследований. Прежде всего, надо обратить внимание на методологические вопросы корреляции явлений субъективной реальности с определенными мозговыми процессами. Всякое выделенное явление субъективной реальности есть определенная по своему содержанию информация, переживаемая в определенном интервале. Она необходимо воплощена в своем мозговом носителе – соответствующей нейродинамической системе, в которой кодируется эта информация. Данная информация и ее нейродинамический носитель, т.е. ее кодовое воплощение, суть явления одновременные и однопричинные, находятся в отношении взаимнооднозначного соответствия. Исследуя кодовую структуру носителя, в принципе, можно определить воплощенную в ней информацию как по ее конкретному содержанию, так и по другим ее свойствам. Это – задача расшифровки мозгового нейродинамического кода психических явлений (в том числе явлений субъективной реальности), которая была поставлена наукой вслед за расшифровкой генетического кода и в последнее десятилетие успешно решается².

Первые шаги расшифровки кода связаны с выделением определенного явления субъективной реальности и поиском его устойчивых корреляций с определенными мозговыми процессами.

¹ Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М., 2015. С. 17–65.

² Там же.

В данном случае это зрительный образ А или Б и соответствующие им нейродинамические корреляты М и Н. Однако выделенный и описанный с помощью метода фМРТ нейродинамический коррелят образа А (а именно М) является лишь небольшим фрагментом, некой «меткой» той обширной, пока еще слабо изученной мозговой нейродинамической системы (обозначим ее Х), которая представляет собой действительную кодовую структуру А. Это в равной мере относится и к оценке корреляции Б и Н.

Отношение между Х и М (Н и подобных им коррелятов) оставляет много нерешенных вопросов. Их основательное рассмотрение требует специального и тщательного методологического анализа. Поэтому здесь мы ограничимся лишь некоторыми соображениями.

Опыт нейронауки свидетельствует, что указанные виды коррелятов (типа М и Н), имеющих хорошую статистику, как правило, соответствуют определенному субъективному образу, хотя подобный коррелят, установленный с помощью фМРТ, и не является единственным и необходимым условием его воспроизведения, возможны другие варианты (при использовании иных методов – ПЭТ, ЭЭГ, ЭМГ). Более того, широко известно, что даже при возбуждении одного нейрона возможно вызвать переживание образа хорошо знакомого человека, причем не только при его зрительном восприятии, но и при воспоминании о нем¹. Но все подобные корреляты – это не более чем «входы», своего рода детекторы системы типа Х, чрезвычайно сложной мозговой нейродинамической сетевой системы, которая и представляет собой кодовую структуру информации, выступающую для личности в форме явлений субъективной реальности. Мы наблюдаем здесь нечто вроде голографического эффекта. Система типа Х – многомерная кольцевая динамическая структура, и она допускает множественные «входы» и способы ее детектирования, ее активации. В последнее десятилетия стали проявляться некоторые ее существенные структурные узлы и функциональные регистры².

Надо, однако, признать, что до сих пор главной опорой заключений о наличии сознания у другого в патологических случаях, таких, как вегетативное состояние, остается также «аргумент от аналогии». В рассмотренных случаях он выступает лишь в усложненном виде. Ведь заключение о наличии сознания (состояния субъективной реальности) выводилось из факта обнаружения аналогичных мозговых коррелятов у больной и у здоровых людей в ответ на аналогичные задания по воображению зрительных образов и операций с ними. Как видим, здесь мы тоже не выходим за рамки эмпирического обоснования. В этой связи стоит вспомнить, что такого же рода обоснования наличия сознания у людей, находившихся в коматозном и вегетативном состояниях, не раз приводились специалистами в области реаниматологии. Так, обобщая свой многолетний практический опыт, известный отечественный реаниматолог А.М. Гурвич отмечал, что «многие больные в коматозном состоянии воспринимают речь и разговоры медицинского персонала и реагируют на эти разговоры адекватно смыслу»³. Это устанавливалось после выхода их из комы; причем известны случаи, когда они упрекали врачей в том, что некоторых из них громко высказывали неблагоприятные прогнозы и советовали прекратить лечебные мероприятия. А.М. Гурвич настоятельно подчеркивал, что «уверенности в полном отсутствии сознания у всех больных в вегетативном состоянии у врача быть не может»⁴. Отсюда – необходимость продуманной тактики общения с больным.

Большой научный интерес представляют также данные о явлениях субъективной реальности в состоянии клинической смерти и на первых этапах выхода из него, когда, казалось бы, ни о каком сознании речи быть не может⁵.

Несомненно, что диагностика наличия явлений субъективной реальности с помощью методов «картирование мозга» (фМРТ и др.) открывает новые перспективы разработки проблемы «другого сознания». Наиболее важный момент здесь, на наш взгляд, – демонстрация фактора произвольности действия, когда больная, отвечая на просьбу экспериментаторов, по своему же-

¹ Гельбард-Сагив А. и др. Внутренне порождаемая реактивация одиночных нейронов в ходе свободного припоминания // Горизонты когнитивной психологии: хрестоматия. / под ред. В.Ф. Спиридонова и М.Ф. Фаликман. М., 2012. С. 137–148.

² Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.

³ Гурвич А.М. Постреанимационные нарушения сознания и некоторые морально-этические и правовые проблемы реаниматологии // Мозг и разум / под ред. Д.И. Дубровского. М., 1994. С. 165.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Литвак Л.М. «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и неврологического исследования / под ред. Д.И. Дубровского. М., 2007.

ланию (по своей воле) устанавливает связь значения «да» или «нет» с соответствующими субъективными образами и таким способом, произвольно вызывая у себя один или второй образ, искренне отвечает на заданные ей вопросы. Лишенная возможности выразить обычными средствами свои психические состояния, больная тем не менее сохраняет способность декодирования обращенных к ней речевых сигналов и понимания их информационного содержания, способность оперирования по своей воле некоторыми образами и мыслями.

Можно согласиться с Т.А. Оуэном и его сотрудниками в том, что они действительно установили способ коммуникации с больными в вегетативном состоянии, открыв у них способность сообщать информацию путем «произвольной модуляции ими активности их собственного мозга». Мы намеренно повторяем часть уже приводившейся выше цитаты. Способность такого рода произвольной модуляции собственных мозговых процессов служит решающим аргументом в пользу произвольности психической, ментальной деятельности человека в вегетативном состоянии и тем самым в пользу наличия тут сознательного акта. Дело в том, что явление субъективной реальности (А) необходимо воплощено в своем мозговом нейродинамическом носителе (Х). Как уже отмечалось, А и Х – явления одновременные и однопричинные. Всякое изменение А означает изменение Х, и наоборот. Переживаемое мной сейчас явление А способно по моей воле вызвать другое явление моей субъективной реальности – D (носителем которого является соответствующая нейродинамическая система Y). Но преобразование по моей воле А в D означает преобразование по моей воле Х в Y. Способность оперировать собственными образами и мыслями, управлять ими, означает мою способность оперировать по своей воле, т.е. управлять некоторым классом собственных мозговых нейродинамических систем. Каждый из нас постоянно управляет определенным классом своих мозговых нейродинамических систем (и не всегда лучшим образом), хотя не чувствует этого и не подозревает о такой способности своего Я. Эти процессы совершаются на уровне Эгосистемы нашего мозга – подсистемы головного мозга, представляющей личностные свойства социального индивида, наше Я (А. Дамасио, Дж. Эделмен, Д.П. Матюшкин и др.)¹. Способность управления явлениями нашей субъективной реальности в довольно широком диапазоне, способность нашего Я к волеизъявлению определяется тем, что Эгосистема – это самоорганизующаяся система, т.е. волеизъявление является актом самодетерминации, и оно служит существенным признаком качества субъективной реальности.

Проблема «другого сознания» является по существу проблемой коммуникативной. На нынешнем этапе научного познания, когда отсутствует общее теоретическое решение, основные ее вопросы сводятся к решению задач эффективной коммуникации, ибо считается, что в общем виде эта проблема для каждого из нас как бы уже решена, поскольку мы убеждены, что все нормальные люди обладают сознанием. Дело заключается лишь в том, чтобы правильно понимать мысли, желания, интересы, цели действий другого человека. А для этого нужно уметь воспринимать, анализировать, оценивать и т.п. передаваемую им информацию, выяснять, насколько наш коммуникант является искренним, не заблуждается ли он сам, принимая желаемое за действительное, не обманывает ли нас и т.д. Здесь мы имеем дело со средствами воплощения и передачи информации во вне. Это речевые сигналы, письменные и иные знаки и действия, многообразные лингвистические средства воплощения и передачи информации (мимика, выражение глаз, жесты и т.п.).

Но исходным пунктом в межличностной коммуникации является мысль, волеизъявление, эмоциональная реакция, интерес данной личности и, следовательно, воплощающие эти психические явления кодовые нейродинамические структуры в головном мозгу. Они проходят ряд преобразований, перекодирований, прежде чем будут запущены моторные программы их внешнего выражения, внешней реализации тех или иных коммуникативных интенций (от молчаливого и незначительного действия, выразительного взгляда, эмоционального возгласа, выражающих недовольство или одобрение и т.п., до обдуманной речи, учитывающей особенности коммуниканта). Такого рода кодовые преобразования совершаются как бы автоматически, на бессознательном уровне, и нам даны лишь некоторые их конечные результаты – наши психические состояния и понимание их значений. Особенно ярко это проявляется в мгновенном понимании взгляда. Ведь взгляд представляет собой не более, чем определенное изменение жидкой среды глаза, но оно мгновенно декодируется нами в форме понимания существенных для нас психических

¹ Матюшкин Д.П. Проблема природы внутреннего Эго человека. М., 2003 ; Матюшкин Д.П. О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 4. С. 1–10.

состояний, намерений, эмоциональных реакций другого индивида (ясно, что эта способность была выработана в ходе эволюции и антропогенеза, так как имела большое значение для выживания и эффективного поведения в коллективе; однако до сих пор остается много загадочного в том, каким образом достигается корреляция между сложными психическими состояниями и изменениями жидкой среды глаза и каким образом нам удастся расшифровать этот удивительный код).

Мы затронули вопрос о взгляде, чтобы подчеркнуть то принципиальное обстоятельство, что коммуникативный акт в своей «передающей части» включает множество бессознательных кодовых преобразований вплоть до реализации моторных программ внешнего «вывода» информации. Но то же самое происходит и в «воспринимающей части» коммуникативного акта, только наоборот. Индивид воспринимает речевые или нелингвистические сигналы, его мозг их декодирует на бессознательном уровне (этот неосознаваемый процесс совершается последовательно и параллельно на разных уровнях деятельности мозга, причем в кратчайший отрезок времени), в результате чего формируется такая нейродинамическая система (типа X), которая представляет индивиду информацию в «чистом виде», т.е. в форме его осознаваемых психических состояний. Другими словами, переработка информации у него должна достигнуть того уровня и того вида нейродинамической организации, которая в существенных отношениях инвариантна исходной мозговой кодовой структуре отправителя сообщения.

Так обстоит дело в нормальных случаях восприятия и понимания речи и других внешних выражений сообщаемой собеседником информации. У людей в вегетативном состоянии блокированы все моторные программы. Этим определяется их коммуникативная изоляция от других людей. Но здесь чрезвычайно важно осмыслить следующий вопрос. Как показывают исследования «зеркальных систем» мозга, всякий перцептивный образ и в первую очередь зрительный образ органически включает соответствующую моторную программу. Она представляет собой «потенциальный моторный акт»; при этом «кодируется тип, модальность и временная развертка действия»¹. Это целиком относится к воображаемым зрительным образам действий (игры в теннис, прохождения по комнатам). Отсюда следует, что у больной остаются сохранными мозговые кодовые структуры «моторной репрезентации действий», но парализован нейрофизиологический аппарат «запуска» моторных программ, нарушена столь знакомая нам способность мгновенно или с отсрочкой во времени производить по своей воле желаемое действие. В этом суть патологии, характерной для вегетативного состояния. Коммуникативная интенция больной пресекается на уровне мозгового нейродинамического эквивалента ее ответа на вопросы экспериментаторов. Они наблюдают этот нейродинамический эквивалент в виде томограммы изменений в определенных участках мозга и их зрительный образ томограммы служит основанием для суждений о мыслительных действиях больной. Пока только они и те, кто технологически оснащен для повторения их экспериментов, могут общаться с больной. Но это лишь начало. Нейрокомпьютерные интерфейсы быстро развиваются. При более основательной расшифровке мозговых нейродинамических кодов мыслимо существенное развитие такого типа коммуникаций.

В рассмотренном случае общения с больной в вегетативном состоянии коммуникативный процесс резко сокращается, отпадает множество промежуточных его звеньев, множество промежуточных «черных ящиков» (когда известно только то, что на входе и на выходе, а то, что внутри «черного ящика» остается неизвестным; например, механизмы перехода, т.е. перекодирования, информационного процесса на уровне внутренней речи во внешнее речепроизводство, или при услышанной индивидом речи, когда совершаются преобразования нейродинамических информационных паттернов на уровне Эгосистемы и достигается понимание значения слов и смысла речевого сообщения).

Такое сокращение коммуникативного процесса, разумеется, резко сокращает и «содержание» передаваемой информации. Но это при нынешних технологиях. Теоретически мыслимо такое их усовершенствование, при котором окажется возможным передача информации от мозга к мозгу, своего рода квазителепатия. Речь идет, конечно, не о телепатии в расхожем смысле, а о передаче сигналов от мозга к мозгу при посредстве технологий, которые позволят «пропускать» («исключать») обычные сенсорные и перцептивные каналы и достигать более «экономной» коммуникации. О развитии такого типа коммуникаций говорят сторонники Нейронета. Уже сейчас парализованный человек с вживленным чипом может мысленно управлять курсором компьютера и инвалидной коляской, более того – даже сделанным для него экзоскелетом. Успешно разраба-

¹ Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012. С. 99.

тываются технологии мысленного управления роботом и новейшие «детекторы лжи», основанные на использовании методов «картирования мозга». Созданы и уже широко применяются технологии мысленного управления протезами руки (в прошлом году они демонстрировались у нас по телевидению обладателями таких протезов англичанином Найджелом Экландом и нашим параолимпийским чемпионом Алексеем Обыденновым).

Широкие перспективы исследований в этих направлениях открывает конвергентное развитие НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социальных технологий и соответствующих им отраслей науки). Речь идет о создании таких самоорганизующихся систем небиологического типа, которые были бы способны обладать психическими информационными процессами. Один из путей к их созданию – исследование той функциональной самоорганизующейся структуры головного мозга, которая придает информационным процессам качество субъективной реальности. Есть основания полагать, что подобная функциональная самоорганизующаяся структура может быть воспроизведена на небиологической основе или, на первых порах, с включением в нее биологических элементов. Второй путь – развитие искусственного интеллекта, моделирование и воспроизведение функций сознающего себя интеллекта на базе развивающихся информационных технологий (включая перспективу создания квантовых компьютеров). Оба пути конвергируют друг к другу, повышая вероятность успешного достижения цели. С учетом уже полученных результатов и открывающихся реальных перспектив разработка проблемы «другого сознания» выходит на принципиально новый этап. Исследования в этом направлении приобретают стратегический характер для решения глобальных проблем земной цивилизации, преодоления нарастающего антропологического кризиса. Первостепенную роль в успешном развитии этих исследований и в их технологической реализации призваны выполнять философские, прежде всего эпистемологические, и теоретико-методологические разработки междисциплинарных вопросов интеграции используемых научных знаний всего спектра НБИКС-конвергенции. Это касается не только задач создания прорывных технологий, но и парирования возникающих рисков и угроз, прогнозирования направленности и результатов развития конвергентных технологий и создания эффективных экспертных и санкционирующих механизмов этого развития.

Дубровский Давид Израилевич, доктор философских наук, профессор. Главный научный сотрудник, сопредседатель научного совета по методологии искусственного интеллекта. Институт философии Российской академии наук. Россия, Москва.

Dubrovskii David Izrailevich, chief researche, the co-Chair of the Scientific Council on the methodology of artificial intelligence, doctor of philosophical sciences, professor. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

Ddi29@mail.ru

УДК 159.92

Проблема развития сознания в онтогенезе

Л.Г. Жданова

The problem of consciousness in ontogenesis

L.G. Zhdanova

Аннотация. Основными условиями развития сознания в онтогенезе являются внешний мир, социокультурная среда, духовный мир индивида и мозг как макроструктурная природная система. С момента рождения ребенка сознание проходит определенные периоды своего становления.

Ключевые слова: онтогенез, сознание, психическое развитие, сознание на разных возрастных этапах, детское сознание, самосознание.

Abstract. The main conditions for the development of consciousness in ontogenesis are the outside world, socio-cultural environment, the spiritual world of the individual and the brain as macrostructural natural system. Since the birth of the child's consciousness extends certain periods of development.

Key words: ontogenesis of consciousness, mental development, consciousness at different age stages, children's consciousness, self-consciousness.

Сознание является особой формой психического отражения, интегрирующей в себе психические процессы, при этом обеспечивая их последовательное, непрерывное и целенаправленное протекание. Сознание позволяет психическим процессам протекать осознанно и сопровождаться четкими и яркими субъективными переживаниями. С помощью высших психических функций и их взаимодействия у человека формируется внутреннее отражение внешнего мира. Благодаря сознанию человек может отдавать себе отчет об окружающем его мире, о том, что происходит сейчас и что происходило ранее, а также может принимать решения и управлять своим поведением в соответствии с ситуацией. Условиями развития сознания являются внешний предметный и духовный мир, социокультурная среда, духовный мир индивида и мозг как макроструктурная природная система¹.

Главным условием возникновения и развития человеческого сознания является совместная продуктивная опосредованная речью орудийная деятельность людей². Эта деятельность предполагает кооперацию, общение и взаимодействие людей друг с другом. Для становления индивидуального сознания ребенка необходимы совместная деятельность и активное общение с взрослым. Особое значение имеет выделение, осознание и словесное обозначение цели взаимодействия. Речь выступает субъективным носителем человеческого сознания. Сначала речь выступает как средство общения, а потом становится еще и средством мышления. Индивидуальное сознание ребенка формируется путем интериоризации и социализации. Оно развивается в процессе присвоения социально-культурного опыта. Большую роль здесь играют воспитание, усвоение понятий, взглядов и социальных норм, причем это усвоение нуждается в непосредственных впечатлениях от предметов и явлений окружающей действительности.

В соответствии с культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского³ в онтогенезе сознания действует трехступенчатая схема. Взрослый, используя знаки-слова (слова-побуждения), стимулирует ребенка к активным действиям. Познав смысл и содержание этих слов, ребенок организует обратную связь, трансформируя слова-побуждения, обращенные к себе, в слова-воздействия, обращенные к взрослому. Затем наступает такой уровень коммуникации, когда слова-воздействия обращаются к себе для регуляции своего поведения. Это наглядно показывает, что в онтогенезе развитие сознания человека обусловлено социальной средой.

Сознание, по Л.С. Выготскому, характеризуется смысловым и системным строением. Для появления системного и смыслового строения сознания большое значение имеет возникновение речи. Системное строение предполагается как сложная совокупность взаимоотношений отдельных психических функций, специфичная для каждого возрастного этапа. Смысловое строение сознания складывается из индивидуальных значений слов, и поэтому слово является единицей сознания. Осмысление человеком мира происходит с помощью обобщений, а значение является некой точкой взаимодействия индивидуального и общественного сознания. С помощью значения передается и усваивается социальный опыт. По Л.С. Выготскому, общественное сознание отражается не только в содержании и форме значения, но и затрагивает ход развития значений, задавая ему направление.

Процесс психического развития состоит в перестройке системной структуры сознания, потому что меняется его смысловая структура. Сознание ребенка не возникает неожиданно. По мнению Е.А. Сергиенко, развитие сознания – это непрерывный процесс становления психической организации, понимания себя, другого субъекта и всего мира. Маленькие дети до трех лет не разделяют психическое свое и психическое других людей. Они понимают положительные эмоции и плохо дифференцируют отрицательные, что означает трудности интерпретации поведения других людей и их эмоций в процессе взаимодействия. В четыре года появляется представление, что собственное психическое отличается от психического других людей. В этом возрасте начинает формироваться предсказание поведения других людей на основе представлений о закономерностях и последствиях собственного поведения. Существенные изменения в уровне развития психики происходят в пятилетнем, а особенно в шестилетнем возрасте. Способность сопоставить разные ситуации и их значения для себя и других людей позволяет детям на новом уровне анализировать межличностное взаимодействие. Они начинают не только понимать обман, но и сами обманывать, что требует сопоставления своей модели понимания ситуации с моделью понимания ситуации другим человеком. Для ребенка важным становится совмещение понимания

¹ Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2008.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

³ Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т., М., 1984. Т. 4, 6.

намерений обмануть с репрезентацией собственного внутреннего мира, с внутренним миром обманщика, а также с внешними реалиями¹.

Из последних исследований развития сознания в онтогенезе можно выделить работы М.М. Барановой, которая обобщает многочисленные данные по онтогенезу сознания на ранних этапах жизни человека, и это позволяет осветить некоторые аспекты порождения и функционирования образа мира в сознании ребенка². Ж. Пиаже подчеркивал, что представленность в сознании ребенка определенных аспектов окружающего мира появляется в сознании в возрасте 4–8 месяцев и связана с тем, что у ребенка зарождается способность ставить цель и искать средства ее достижения. В возрасте около двух лет у ребенка появляется возможность выполнения целенаправленных действий без наличия объекта, что показывает его способности оперировать структурными компонентами знания, а также его способности к различению обозначаемого и обозначающего. Фундаментальными характеристиками сознания ребенка раннего возраста являются феномены постоянства объектов, физической причинности, представления о времени и пространстве. Каждый из этих феноменов формируется на каком-либо этапе интеллектуального развития и связан с определенными когнитивными достижениями. Феномен, что окружающие предметы продолжают свое существование даже тогда, когда он не видит и не чувствует их. При этом понимание постоянства людей приходит к ребенку еще раньше, в младенческом возрасте, что подтверждают эксперименты Т.Г. Бауэра с многократным зеркальным отражением лица матери³.

Развитие детского сознания связано со способностью ребенка обнаруживать точки зрения других людей, помимо своей собственной, и способностью устанавливать между ними соответствия, дифференцировать и преломлять внешнее через внутреннее. Эти данные обоснованы многочисленными экспериментами Ж. Пиаже и связаны с пониманием принципа сохранения и с преодолением ребенком собственного эгоцентризма.

В трудах Е.В. Субботского отмечается, что в детском сознании на всех этапах онтогенеза сосуществуют обыденная и необыденная реальность. Эти зоны с младенчества предполагают дифференциацию, происходящую с разной скоростью. Первичными зонами необыденной реальности являются сновидения, игры с воображением, сказки, фантазии, искусство. Обыденная реальность включает произвольно контролируемые рациональные конструкции, представляющие собой способы описания объектов и феноменов окружающего мира⁴. В детстве границы различных сфер сознания пластичны и проницаемы, поскольку ребенок осваивает объекты и феномены на основе фундаментальных структур необыденной реальности, а на уровне вербального поведения демонстрирует нормы обыденной реальности. За счет проницаемости границ сознания достигается динамичность времени, пространства, причинности, перманентности объекта. По мере взросления ребенка пространства обыденной и необыденной реальности разделяются более отчетливо, и наступает стабилизация фундаментальных структур. С младенчества до окончания дошкольного возраста осуществляется глобальная первичная дифференциация зоны обыденной и необыденной реальности. На втором этапе, когда интенсивно развиваются рациональные конструкции, происходит расширение уровня осведомленности ребенка, усвоение им элементов научного знания о физической реальности, что способствует отделению кажущегося от реального. К окончанию младшего школьного возраста границы обыденной и необыденной реальности становятся более четкими и оформленными (Ж. Пиаже). В качестве опорных эталонов восприятия окружающей действительности ребенок использует исходные аффективно заряженные материнские конструкты, в которые входят эмоциональные и когнитивные составляющие образа мира⁵.

В онтогенезе сознания выстраивается кумулятивный ряд: предметное сознание, затем действительное сознание, потом внешне субъектное сознание и далее внутреннее субъектное сознание (самосознание)⁶.

¹ Сергиенко Е.А. Непрерывность становления понимания в онтогенезе как проблема сознания // Психология сознания: Современное состояние и перспективы : мат-лы I всерос. конф. 29 июня – 1 июля 2007 г. Самара, 2007.

² Баранова М.М. Онтогенез сознания на ранних этапах жизни: фундаментальные характеристики, типология и развитие довербальных значений // Вестник Томского университета. 2011. № 352. С. 169–172.

³ Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб., 2005.

⁴ Субботский Е.В. Строящееся сознание, М., 2007.

⁵ Баранова М.М. Онтогенез сознания на ранних этапах жизни: фундаментальные характеристики, типология и развитие довербальных значений. С. 169–172.

⁶ Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований, М., 2010.

Сознание проходит несколько периодов своего становления с момента рождения ребенка¹:

1. Бодрствующее сознание (8–10 мес). Сознание ребенка проявляется только в периоды бодрствования, в которых постепенно появляются первые реакции выбора ситуаций и начинаются попытки изучения объектов окружающего мира. Эти реакции являются первыми элементами сознания, свидетельствующими о начале формирования отношений ребенка к среде и начале выделения своего тела из окружающего.

2. Предметное сознание (от 10–12 мес до 3 лет). На этом этапе важны непосредственные впечатления от окружающей действительности. Формирование сознания в этот период связано с развитием предметно-орудийной деятельности, образных представлений, образного мышления и речи.

4. Индивидуальное сознание (от 3–4 до 7–9 лет) означает появление у ребенка сознания своего «Я» и началом развития самосознания. Ребенок может выделить себя из окружающей среды, так как у него уже достаточно развиты первые представления о пространстве и времени. Сознание собственного «Я» изменяется по мере расширения общения ребенка со сверстниками и близкими.

5. Коллективное сознание (от 7–9 до 14–16 лет) характеризуется тем, что знания о себе и о предметах действительности и начинает сочетаться со знанием особенностей взаимоотношений между собой и коллективом сверстников.

6. Рефлексивное сознание (от 14–16 до 22 лет) предполагает совершенствование сознания и приобретение им качеств, создающих основу для научного мышления. Сознание обретает возможность не только создания некой внутренней модели мира, но и допускает возможность рассматривать полученную картину изнутри. При рефлексии сознание обращается на самого себя, и происходят размышления над собственными психическими состояниями. Рефлексия означает окончательное становление самосознания.

Таким образом, в онтогенезе из предметного, постепенно воспринимающего сознания вырастает самосознание, которое также развивается от сознания телесного «Я» до сознания психического «Я». Сознание позволяет индивидууму контролировать адекватность, целостность, последовательность, завершенность своих психических процессов и направляет на решение главных задач, стоящих перед человеком.

Жданова Лора Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Zhdanova Lora Gennadyevna, candidate of psychological sciences, associated professor, associated professor of age and pedagogical psychology chair. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

lora2903@mail.ru

УДК 159.922+159.96+616.89

Сознание как частный когнитивный феномен

Р.Ф. Ихсанов

Consciousness as a private cognitive phenomenon

R.F. Ihsanov

Аннотация. В статье рассмотрена проблема сознания, сводящаяся к когнитивизму как целесообразному адаптационному механизму. Кроме того, рассматривается возможность трактовки психопатологических явлений сознания в рамках семиотики нарушений познавательных процессов.

Ключевые слова: когнитивный феномен, сознание, функция контроля, психическая активность, психопатология сознания, рефлексия.

Abstract: the article considers the problem of consciousness reducible to cognitivism as appropriate adaptation mechanism. In addition, the possibility of interpretation of psychopathological phenomena of consciousness as a semiotics of disorders of cognitive processes.

¹ Ушаков Г.К. Очерк онтогенеза уровней сознания // Проблемы сознания: материалы симпозиума. М., 1966. С. 51–63.

Key words: cognitive phenomenon, consciousness, control function, mental activity, psychopathology of consciousness, reflection.

Специфика клинико-психологического подхода к тем или иным нарушениям неизбежно эмпирична и ответственна, а потому не может позволить себе отвлеченных рассуждений об изучаемых феноменах, в том числе сознания, не приводящих к возможности предметно-опытного изучения его с лечебно-диагностическими целями. Академическое осмысление психических явлений отличает многообразие суждений и субъективных идей, порой лишь манипулирующих иррациональными терминологическими сущностями, оторванными от реальной природы явлений. Это и понятно, поскольку объект исследования – *psyche* – есть субстанция неопределенная, по крайней мере, в естественнонаучном понимании. Впрочем, и попытки нейрофизиологов в своем стремлении обнаружить непосредственные материальные субстратные основания сознания стабильно терпят неудачу¹. Важно, что наука о логике психических проявлений в поведенческих и эмоциональных реакциях организма при различных его состояниях и в различных ситуациях, непосредственно изучая такие свойства сознания, как ощущение, память, восприятие и т.д., дает множество описательного материала о явлениях, называемых психическими. Наблюдение результатов осознания (когниции) ситуации при проведении психологических и психофизиологических исследований позволяет наглядно оценить спектр возможностей этих процессов и отчасти выявить их морфофункциональные субстратные корреляты. Кстати, осознание здесь понимается не как самостоятельное, а, скорее, как вспомогательное понятие, т.к. сознание как процесс не что иное, как поток осознаний.

Зачем нам нужно сознание? Является ли сознание ресурсной функцией эволюционирующего мозга? Можно ли описать осознанное переживание боли лишь как неврологические события (как возбуждение С-волокон), а социальные конфликты лишь как антагонистическую динамику живых материальных объектов? Можем ли мы операционально психологически исследовать сознание? Можем ли мы для этого определить сам предмет исследовательского внимания?

Психофизиологические эксперименты и клинические наблюдения позволили установить многие важные для понимания механизмов «познающего» и «управляющего» мозга закономерности, добавив функцию «контроля». Например, в аспекте рассматриваемой когнитивной проблемы сознания, это принцип «обратной связи», понятие о котором было введено в физиологию еще П.К. Анохиным. Суть принципа «обратной связи» состоит в том, что любое адекватное действие саморегулирующейся системы может происходить лишь при условии получения ею своевременной информации о результатах предыдущего действия и динамике состояния окружающей среды. П.К. Анохиным введены также очень важные понятия «обратной афферентации», «афферентного синтеза», «опережающего отражения», которые характеризуют свойства нейронных структур, необходимые для формирования функции сознания. Надо сказать, активность мозга ориентирована на решение потребностных задач организма, конкретизированных во влечениях. К способностям мозга человека относятся, кроме всего, возможность абстрактного мышления, установления неявных связей между событиями, долговременный ретроспективно-перспективный анализ и критичность.

Если рассматривать жизнь как непрерывное течение, как естественный созидательный негэнтропийный процесс, конструктивную функцию всего организма, то жизнь приобретает динамический процессуальный смысл. В частности, одним из воплощений активности человека (и животных) является поисковое креативно-познавательное поведение – управляемое активное поведение в условиях афферентной, эфферентной прогностической неопределенности; это поиск полезного, целесообразного, необходимого для организма, либо популяции. При этом, чем больше вероятность появления ситуации, выходящей за пределы привычных представлений и паттернов поведения, тем вероятнее обновление и обогащение психических и психомоторных функций, а также усиления произвольного контроля.

По эмерджентным представлениям от В.М. Бехтерева до современного английского нейрофизиолога С. Роуза, отдельные психические функции заключены не в каком-то небольшом наборе нейронов, а должны пониматься как свойство всего мозга и даже целого организма на уровне целостной системы. Кроме того, С. Роуз замечает, что моторные навыки, например, кодируются не только в мозге, но и в целых комплексах изменений, затрагивающих мышцы и сухо-

¹ См., напр.: Kurthen M. Pushing brains: Can Cognitive Neuroscience Provide Experimental Evidence for Volume 16. Issue 2. Brain-Mind Causation?, – the official journal of the Association for the Scientific Study of Consciousness. 2010.

жилия¹. Мысль через ретро- и прогностическую познавательную психическую активность стремится структурировать изменчивую среду, согласно своим нуждам (потребностям, влечениям) и возможностям (ментальным и физическим), превращая ее в непротиворечивую ситуацию, ориентируясь на чувственно-эмоциональные маркеры. Таким образом, одна из основных функций психической активности, в том числе сознания, – познавательно-регулятивная. Но всегда ли мы пользуемся такой функцией в полной мере?

Мозг – энергоемкая морфофункциональная система, предназначенная для решения проблем адаптации. Известно, что в основе такой организации мозга человека лежат общие для всех позвоночных принципы. Все формы энергии в виде химических соединений, электролиты, белки, жиры, углеводы и регуляторы метаболической активности мозга доставляются через кровеносное русло. В обратном направлении переносятся углекислый газ, продукты метаболизма и соединения, выполняющие нейрогормональные или регулирующие функции. Уровень метаболизма мозга намного выше, чем у других органов. При этом головной мозг человека включается только для решения сложных задач, а в рутинной ситуации работает в более экономичном фоновом режиме. Мозг способен получать информацию от органов чувств, хранить ее и обрабатывать. Он способен посылать сигналы мускулатуре, железам и внутренним органам, заставляя организм соответствовать изменяющимся условиям среды, иначе говоря, мозг «познает» и «управляет». Если удастся поддерживать жизнь достаточно долго, то накопленная информация превращается в индивидуальный опыт, который позволяет предсказывать развитие повторяющихся событий, и, чем стабильнее окружающий мир, тем точнее прогноз. В свою очередь, не исключено, что активное состояние нервной системы и невыгодно. Затраты на поддержание активной работы мозга становятся сопоставимы с расходами на двигательную активность. Это противоречит основным принципам экономии энергии и может вызвать гибель животного. У людей чрезмерная активность мозга на протяжении 2–3 недель приводит к состоянию нервного истощения. То есть существует психофизиологическое препятствие, ограничивающее возможности всех высших приматов и человека. Оно состоит в энергозатратных ограничениях непрерывной продолжительной работы мозга и, соответственно, психики и, в частности, сознания.

Если следовать редуцирующему феноменологическому принципу, следуя этимологии понятия «сознание» (по крайней мере, в русском языке), мы, так или иначе, приходим к пониманию сознания как когнитивного феномена. Сознание как инструментальный ресурс познания функционально, т.к. посредством него субъект пытается быть осведомленным обо всем спектре своей познавательной активности («знание-о-знании») с целью перевода этой активности в регистр произвольности и управляемости. При этом, чем больше новизна стимульного потока, тем большего участия сознания требует ситуация. В свою очередь, сознание мы будем рассматривать как некий динамический континуум, распределенный во времени. В соответствии с таким пониманием феномена сознания, мы можем говорить о рефлексивно-когнитивном потоке, где познающий осведомлен о собственном процессе познания (рефлексивное знание-о-знании). Таким образом, сознание это – сукцессивно распределенный во времени рефлексивный поток содержательно дискретной познавательной активности Я. Оно, по-существу, частный случай (возможно, эволюционный итог) психической (поисково-познавательной) активности человека и животных. Такая активность обслуживает сукцессивную последовательность бесконечного ряда потребностей и соответствующих им влечений, о чем организм сигнализирует в той или иной форме, составляя тем самым сознательное содержание. Здоровый человек, адекватно реагируя на первичную стимуляцию, поступающую из внешней среды, от внутренних органов и систем, а также содержания оперативной памяти, успешно реализуется в мотивационно-потребностной сфере, что является облигатным условием нормативных гомеостатических процессов. Возможность успеха значительно возрастает, когда мы адекватно воспринимаем, оцениваем, обдумываем, по необходимости корректируем опять же свои представления, воспоминания, мысли, желания, чувства, отношения, действия и т.д., оптимизируя свое поведение. Т.е. речь идет о сигнально-регуляционной функции наших вторичных реакций на первичные. В зоне ясного сознания находится именно эта часть вторичных принятых и обрабатываемых сигналов. Эти сигналы через перцептивно-мыслительный аппарат используются человеком для произвольного управления своим поведением, что значительно расширяет диапазон его адаптационных возможностей. Известная часть сигналов навсегда остается в зоне бессознательного, в то время как другая часть доступна экспликации в прямом или измененном виде; и те, и другие используются организмом, но латентно. В

¹ Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию : пер. с англ. М., 1995. С. 384.

принципе, и «бессознательное» выступает в данном случае как термин, который означает скрытую произвольную форму гностической активности, ибо все структурные составляющие подчиняются функциональности целого.

Имплицитный опыт может стать осознанным (стать содержанием сознания: «ментальное», «феноменальное», «интроспективное», «субъективный опыт», «квалиа») при наличии мотивационных оснований, если, например, выразить конкретное воздействие метафорой, в том числе вербально. Именно такая знаково-метафорическая сознательная продукция, причем любая, и является материалом исследовательского интереса и интерпретаций исследователя сознания. Кроме того, особенности протекания когнитивных процессов (ощущения, восприятия, памяти, мышления, воображения, речи) и, в особенности, их организации (внимания) могут указывать на общий уровень психической активации и статус сознания в том числе. Между тем два необходимых полюса всякого акта сознания – Я и его объект¹, где кантовское трансцендентное непознаваемое Я можно рассматривать как источник активности (субъект), объект же – инструмент (орудие) или предмет манипуляций. По существу, Я – неопределяемая предельная эмпирическая данность, почему, заметим, распространенное понятие «самосознание» звучит как-то сомнительно.

Таким образом, можно не только обобщенно конституировать сознание как одно из условий адаптации человека к окружающей среде через активное познание, но и сделать его частным предметом как непосредственного, так и инструментального психологического изучения, в том числе его болезненных нарушений. Это помогает рассматривать конструкт сознания как доступный объект для эмпирического исследования, для профессиональных наблюдений и экспериментов².

Ихсанов Радий Фратович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Ihsanov Radii Fratovich, candidate of Psychological Sciences, associate professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
radii2008@mail.ru

УДК 159.922+159.9.072

Психология сознания и разработка концепции психологического факта

В.А. Мазиллов

Psychology of consciousness and developing the concept of Psychological facts

V.A. Mazilov

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 15-06-10716.

Аннотация. Статья посвящена важной в методологическом отношении проблеме. Особенная актуальность данной работы состоит в том, что многими авторами она вообще не осознается как методологическая проблема. В популярном психологическом словаре факт вообще определяется как результат наблюдения или эксперимента, не допускающий неоднозначного толкования. Это противоречит широко известным ситуациям, когда факт оценивается и интерпретируется по-разному. Такой подход не позволяет конструктивно решить проблему. Анализируется подход к проблеме факта, который сложился в философии науки. Подробно описываются исследования А.Л. Никифорова, в которых предложено рассматривать факт как имеющий структуру. Это перспективный подход, но для психологии недостаточный. Утверждается, что для психологии необ-

¹ Husserl. E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vortrage. Husserliana. Bd. I. Haag. 1950.

² Жмуров В. А. Психопатология. М., 2002 ; Каплан Г.И., Седок Б. Дж. Клиническая психиатрия. В 2 т. : пер. с англ. М., 1994 ; Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия : учебник. М., 1995 ; Сметанников А.В. Психиатрия: руководство для врачей. СПб., 1997 ; Ясперс К. Общая психопатология : пер. с нем. М., 1997 ; Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vortrage. Husserliana. Bd. I. Haag, 1950 ; Бухановский А.О., Кутявин Ю.А., Литвак М.Е. Общая психопатология: пособие для врачей. Ростов н/Дону, 2003 ; Руководство по психиатрии. В 2 т. / под ред. Г.В. Морозова. М., 1988 ; Психиатрия / под ред. Р. Шейдера : пер. с англ. М., 1998 ; Руководство по психиатрии. В 2 т. / под ред. А.С. Тиганова. М., 1999.

ходим уровневый подход к трактовке факта. Уровневый подход может быть реализован, если проблема факта рассматривается в контексте методологической теории научного исследования. Намечается перспектива дальнейших исследований, направленная на поиски синтеза уровневого строения и структурного анализа.

Ключевые слова: методология, факт, психологическое исследование, когнитивная методология, философия науки, структура, уровень, предтеория.

Abstract: the article is devoted to the important methodological relation issue. The special relevance of this work is that many authors it is not recognized as a methodological problem. In the popular psychological dictionary is generally defined as the result of observation or experiment, does not allow equivocation. This contradicts the widely known situations where the fact is evaluated and interpreted in different ways. This approach does not allow to solve the problem. Examines the approach to the problem that has developed in the philosophy of science. Detailed research of A.I. Nikiforov, which suggested that fact as a structure. This is a promising approach, but for lack of psychology. States that for a level psychology approach to the interpretation of fact. Tiered approach can be implemented, if the problem that is being addressed in the context of the methodological theory of scientific research. Is the prospect of further research aimed at finding the synthesis of tier buildings and structural analysis.

Keywords: methodology, fact, psychological research methodology, philosophy, cognitive science, structure, level, pre-theory.

Конференции в Самаре, посвященные психологии сознания, стали традиционными, что не может не радовать. Стойкое обращение к одной из вечных тем психологии заслуживает одобрения и поддержки, так как выдает желание не размениваться на исследование проблем «второго ряда», а пытаться видеть мир во всей его сложности. И, что не может не восхищать, принимать на себя ответственность за научные исследования и их результаты: «В конечном счете нерешенность данной проблемы инициирует вопрос общего доверия к психологическому знанию, о зависимости последователей (адептов) от научного авторитета и об ответственности ученого за корректность исследовательских процедур...»¹. В авторском предисловии к фундаментальному труду «Сознание и творческий акт» В.П. Зинченко пишет, что это «книга, посвященная двум тайнам – сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну»². В.П. Зинченко предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам»³. И как совет читателям: «...тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под луной, кроме вечных проблем бытия и сознания»⁴. Воспользовавшись этим прекрасным образом, подаренным нам В.П. Зинченко, замечательным исследователем психологии сознания, представляется полезным обратить внимание на тот момент, что зафиксировать и адекватно оценить сам *факт* прикосновения не так просто. Поэтому отметим, что продвижение в содержательной разработке проблемной области сознания связано, на наш взгляд, с разработкой чисто методологических вопросов.

Нам уже неоднократно приходилось писать о том, что в современной психологической науке существует явная недооценка роли методологии психологии. Это заключение может показаться ошибочным: налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издается довольно значительное число книг и статей по методологическим вопросам и проблемам. По нашему мнению, в современной психологической литературе имеет место устойчивая недооценка роли методологических аспектов психологического знания в целом. Попробуем показать это на примере проблемы психологического факта.

Термин «факт» активно используется в современной психологии, что является абсолютно естественным, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению, что отношение к фактам на разных этапах развития психологии существенно различалось.

Если воспользоваться известной периодизацией М.С. Роговина, то окажется, что факты становятся значимы только на этапе научной психологии: в донаучной психологии говорить о фактах можно лишь условно, в философской психологии фактам не уделялось сколь-нибудь су-

¹ Акопов Г.В. Психология сознания. М., 2010. С. 19.

² Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же.

ществленного внимания. Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, наука «о фактах». Сыграл свою роль и позитивизм, в котором «факт» был одним из ключевых понятий. На авансцену научной психологии «факт» вышел в тех версиях психологии, которые использовали субъективный метод. Очень скоро обнаружилось, что для получения «настоящего» (то есть соответствующего ожиданиям исследователя) «факта» стихийного самонаблюдения недостаточно; необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В. Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались специальные процедуры, позволявшие вычленять те аспекты опыта, которые полагались значимыми в данной школе.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме факта традиционно отводили существенно меньшее внимание.

Это обстоятельство важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема факта не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что в советской психологии проблема факта не была популярна, так как опосредствованный метод, являвшийся основным в психологическом исследовании, был объективным.

Если в психологии проблеме факта «не повезло», то на основных ролях она оказалась в философских направлениях, в первую очередь, тех, которые продолжали традиции позитивизма. Через логический позитивизм проблема факта в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии проблема факта оказалась в значительной степени «вытесненной» из исследовательского пространства категориями «явления» и «сущности», соотношением эмпирического и теоретического уровней познания.

Проблема факта в психологии представляет собой актуальную методологическую проблему современной психологии. Как ни удивительно, эта методологическая проблема не осознается в качестве таковой большинством исследователей. Обратимся к популярному Большому психологическому словарю, который сообщает, что факт это «результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований»¹. Это определение воспроизводится в других современных психологических словарях. Между тем известно, что история психологии знает много случаев, когда один и тот же факт оценивается разными учеными совершенно по-разному, когда кто-то считает нечто фактом, а кто-то другой имеет по этому поводу совсем иное мнение.

Актуальность данной проблемы состоит в следующем. Психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По справедливому выражению классика науки, факты – воздух ученого (И.П. Павлов). Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее «нескольких истолкований», является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Проблема факта представляет собой фундаментальную проблему современной психологии. Рассматривая факт как нечто простое и однозначное, психологи не исследовали до сих пор его структуру, не выявили уровни, не построили типологий факта. Факт при таком подходе не выступает (и не может выступать) фундаментом, обеспечивающим взаимопонимание ученых. На уровне эмпирическом отсутствие концепции факта затрудняет формирование фактологической основы науки, лишая возможности дополнительного анализа научного психологического факта как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, тем самым делая невозможным разработку универсального стандарта для описания факта в психологии. На уровне теоретическом недооценка данной проблематики приводит к тому, что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне методологическом отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Как мы полагаем, психологический факт не может быть адекватно понят, если он рассматривается сам по себе, изолированно от системы других методологических понятий.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволит принципиально решить ряд важнейших вопросов, а именно: 1) повысить соот-

¹ Еникеев Б.Н. Факт // Большой психологический словарь / под ред В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова. СПб, 2008. С. 526.

носимость психологических фактов между собой; 2) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; 3) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; 4) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; 5) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; 6) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали совершенно различное описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме факта «не повезло» в психологии, особенно в отечественной. Впрочем, это никак не означает, что проблема не исследовалась совершенно.

Во избежание недоразумений подчеркнем, что не должно создаться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования, затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Подчеркнем, что в современной психологии отсутствуют *специальные* исследования, посвященные факту в психологии. Этот момент достоин акцентирования, поскольку оказывается, что структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до настоящих пор, по сути, не раскрыта и не изучена.

И все-таки не бывает правил без исключений. Нам выше уже приходилось писать о том, что психологам не свойственно задумываться и заниматься разработкой проблем методологии факта. Приходится констатировать, что специальные исследования по проблеме факта отсутствуют. В целом это справедливо, хотя всегда найдутся и исключения, и причины, которые эти исключения объясняют.

Концепцией, где подробно анализируется проблема факта в психологии, причем именно в методологическом контексте, является известная работа А.В. Юревича¹. Как справедливо отмечает ученый, «одной из особенностей современного состояния психологической науки в России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и самих его носителей – психологов, с другой, – ослабление попыток внести порядок в это знание и явное пренебрежение к методологическим вопросам»². В исследовании А.В. Юревича решается фундаментальная задача выявления строения психологического знания, в котором определенное место занимают и собственно факты.

К числу структурных элементов психологического знания А.В. Юревич относит:

1. Базовые «идеологии» и сопряженные с ними системы методологических принципов.
2. Категории.
3. Теории.
4. Законы.
5. Обобщения.
6. Объяснения и интерпретации.
7. Прогнозы и предсказания.
8. Факты и феномены.
9. Знание контекста (установления фактов и проявления феноменов).
10. Эмпирически выявленные корреляции между феноменами.
11. Описания.
12. Методики.
13. Технологии.
14. Знания, ассимилированные психологией из смежных наук³.

А.В. Юревич характеризует роль фактов в структуре психологического знания: «Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психоло-

¹ Юревич А.В. Методология и социология психологии. М., 2010.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16–17.

гической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности»¹. «Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило, бывают зафиксированы в специально организованных условиях психологического исследования»². Справедливо замечание, согласно которому «психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как знание контекста установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления»³.

А.В. Юревич отмечает, что в постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены» и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами, исследовательскими программами, исследовательскими традициями и т.п. Согласно Юревичу, «ощущение эфемерности фактов наиболее характерно для социогуманитарных наук, таких, как психология, где оно оказалось обостренным постмодернистской методологией»⁴.

Важно, что в работе А.В. Юревича предложен способ упорядочения фактов: «разнообразие можно упорядочить, выстроив факты, устанавливаемые психологической наукой в рамках системы как минимум пяти шкал, выражающих степень: 1) «жесткости» фактов; 2) их воспроизводимости; 3) контекстуальной зависимости; 4) теоретической нагруженности; 5) социализации»⁵. Представляется, что это очень перспективная идея.

Как уже отмечалось, основное препятствие для разработки проблемы факта состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен рассматриваться, трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, то есть в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методологическо-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации. В наших работах конца 90-х годов прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение К.Г. Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло⁶.

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотнесенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок⁷.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнообразность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях⁸.

¹ Юревич А.В. Методология и социология психологии. С. 26–27.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Юревич А.В. Методология и социология психологии. С. 88.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998 ; *его же*. Наука психология: из плена чужих парадигм // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 3. С. 9–17 ; *его же*. Научная психология: поиски оснований // Проблемы психологии и эргономики. 2000. № 3. С. 3–22 ; *его же*. М.С. Роговин и методологические проблемы психологии // Проблемы психологии и эргономики. 2000. № 3. С. 36–39.

⁷ Мазилев В.А. Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль, 2005. Т. 2. С. 248–279 ; *его же*. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61–85 ; *его же*. Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. V всерос. науч.-практ. конф. Ярославль, 2011. С. 57–59 ; *его же*. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013а. № 4. С. 144–148.

⁸ Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии : научный журнал. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 55–72 ; *его же*. Актуальные методологические проблемы современной психологии //

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки. Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции общей (интегративной) методологии психологии. Психологический факт. Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Обратимся к философии науки, которая, в отличие от методологии психологии, уделяет этим вопросам достойное внимание. Как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану»¹. Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории, и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки². А.Л. Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания»³. В другой работе А.Л. Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: «...можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта»⁴. «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта»⁵. А.Л. Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта.

Не имея возможности дать в рамках настоящего текста развернутого анализа, напомним только характеристику предтеории, так как она чрезвычайно важна для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, «предмеченная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения⁶.

Вернемся к проблеме факта. В структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и модели-

Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 149–155 ; Его же. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 3. С. 186–194.

¹ Кант И. Сочинения. В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 85.

² Никифоров А.Л. Факт // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 3. С. 157–158.

³ Там же. С. 158.

⁴ Никифоров А.Л. Философия и история науки. М., 2008. С. 75–76.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.

рующими представлениями. Не имея возможности здесь останавливаться на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М. Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна, но представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу (этого аспекта в настоящем тексте мы касаться не будем). Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий. Итак, предварительный анализ проблемы факта свидетельствует, что психологический конструкт «акт» нуждается в специальной методологической проработке.

Как нам представляется, этот момент является ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, важно понять, каким образом происходит эта интерпретация. Таким образом, неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Вероятно, не стоит специально говорить о том, что названные нами структуры исследованы чрезвычайно слабо. Можно сказать, что они вообще не исследованы. Здесь мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии. Действительно, психологами исследовано много различных видов профессиональной деятельности, в частности, выявлена информационная основа многих видов деятельности. И, вероятно, никто не станет утверждать, что то же самое можно сказать о деятельности самого психолога. Похоже, очередной случай, когда сапожник оказывается без сапог. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что изучение профессионального сознания связано с большими проблемами. Не будем в данном тексте их обсуждать. Как представляется, более конструктивно рассматривать обсуждаемые вопросы в другом контексте. Речь идет о понятии внутреннего мира человека. Применительно к нашей проблематике, можно говорить о внутреннем мире психолога. Таким образом, ставится задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала. Осознавая сложность предстоящей задачи, мы тем не менее приступаем к эмпирическим исследованиям структуры этого мира.

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, зав. каф. общей и социальной психологии. Ярославский государственный педагогический университет. Россия, Ярославль.

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, doctor of psychology, professor, head of the general and social psychology chair at K.D. Ushinsky's Yaroslavl State Pedagogical University. Russia, Yaroslavl.
v.mazilov@yspu.org

УДК 159.923+612.8

О генезисе субъективной реальности

З.О. Османов

On the genesis of subjective reality

Z.O. Osmanov

Аннотация. В статье обосновывается мысль о том, что сам по себе мозг не способен породить субъективную реальность. Автор доказывает необходимость существования органа, чувствительного к нейрональным процессам, способного к порождению субъективной реальности и воздействию на эфферентные нейрональные комплексы.

Ключевые слова: субъективная реальность, редукционизм, психофизиологическая проблема, актуализация, субъект психической деятельности, декодер, эгоцентр.

Abstract. The article substantiates the idea that the brain itself is not able to generate a subjective reality. The author proves the existence of an organ, that is sensitive to the neuronal processes, capable to create subjective reality and to manipulate the efferent neural systems.

Key words: subjective reality, reductionism, psychophysiological problem, actualization, the subject of mental activity, decoder, ego-center.

Две школы

По данной теме, прежде всего, обратим внимание читателя на подводящую некоторые предварительные итоги статью Н.Н. Вересова «Психология сознания в России и на Западе. Возможные точки пересечения»¹. Автор указывает на существование двух школ. Одна школа условно может быть названа нейрональной (она пытаются объяснить сознание через нейрокоды), а другая – это сторонники культурно-исторической традиции. Относительно нейронистов говорится, что лет 50–60 обещают, что вот-вот будет расшифрован нейронный код, материальный носитель человеческого сознания, и тогда наступит светлое будущее, и мы поймем, что к чему. Годы проходят, а проблема не решается, светлое будущее никак не наступает. И, наоборот, мы сейчас всё чаще слышим разочарованные голоса, что, мол, ничего не получается, и даже, если бы было что-то расшифровано, то это ничего не даст. Произошло разочарование и потеря ориентира, но многие всё равно себя подбадривают и обнадеживают, подобно Насреддину, который взялся выучить осла грамоте. Н.Н. Вересов считает, что ответ нужно искать, используя методику другой школы, которая называется культурно- исторической. Здесь задана другая парадигма – не сознание и мозг, а сознание и культура. Т.е. культура в широком смысле слова имеет не меньше основания считаться материальным носителем сознания, чем нейрональные сети. По Л.С. Выготскому, историю человеческого сознания следует искать не в морфологических структурах мозга, а в человеческой культуре и в человеческой истории фило- и онтогенезе. Формирование сознания происходит за счет вовлечения каждого нового поколения в ту культуру, которая уже сформировалась.

Интересен подход другого яркого теоретика психологии А.Ю. Агафонова. В статье «Бессознательные обертоны сознания» он выступает против психофизического редукционизма, понимая под этим попытку сведения причин психических явлений к мозговым явлениям. Далее А.Ю. Агафонов указывает на неприемлемость и другого вида редукционизма. Речь идет о попытке объяснить возникновение психических явлений социальными факторами, то есть влиянием родителей, среды и т.п. Этот редукционизм социологического типа был характерен для отечественной науки. И, если психофизический редукционизм стоит на более прочной основе, говорит А.Ю. Агафонов, то социологический редукционизм представляется более уязвимым для критики.

Эти рассуждения приводят автора к следующим выводам. Неправомерно объяснять психические явления физическими причинами так же, как и сводить их к явлениям социологического плана. Психические явления нужно объяснять из психических же причин, т.е. не выходя из границ психического мира. Он говорит: «Если при интерпретации феноменов сознания оставаться в границах психического, то представляется оправданным осознаваемые переживания объяснять неосознаваемыми психическими процессами, которые предваряют эти переживания. Иначе говоря, при объяснении психических феноменов оправдан квазиредукционизм, предусматривающий объяснение осознаваемого психического из неосознаваемого психического»².

На наш взгляд, пытаясь освободиться от двух форм редукционизма, А.Ю. Агафонов приходит к ещё более радикальному редукционизму. Ведь игнорирование психофизических и социальных причин приводит к сужению поля поиска до узкой кромки психических явлений. И тем более, если поиск осуществляется в «темноте» неосознаваемых явлений, трудно будет доискаться до чего-нибудь существенного. Но в этом подходе есть и один очень важный момент. Это провозглашение автономного статуса психических явлений, не сводимых ни к физиологическим, ни к социальным явлениям. Но, поскольку психические явления могут реализоваться только совместно с физиологическими и социальными явлениями, то задача исследователя не в редуцировании той или иной компоненты, а в построении синтетической картины, в которой каждая из этих трех компонент займет свое место.

¹ <http://nveresov.narod.ru/Samara.htm>

² По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общей ред. А.Ю. Агафонова Самара, 2012.

Порождает ли мозг субъективную реальность (СР)?

Под субъективной реальностью принято принимать психические явления, такие, как ощущения, восприятия, представления, воображения, образы, мысли, эмоции, намерения и, возможно, некоторые другие. Это состояния, которые каждый индивид переживает в себе. Никто не может ощущать чужую боль или видеть чужие сны. Мы только можем, опираясь на свой опыт экстраполировать его на других людей. Общеизвестна связь мозговых процессов с субъективными явлениями. Скажем, укол палец, мы ощущаем боль как следствие прохождения электрического сигнала от рецепторов на коже к нейронам мозга. И все психические явления, так или иначе, сопровождаются электрическим возбуждением нейронов. Но можно ли сказать, что СР порождена мозгом?

Для ответа на этот вопрос нужно понять, что такое нейрон как устройство, проводящее ток. С точки зрения проводимости принята такая классификация материалов: диэлектрик, проводник, полупроводник, транзистор. Проводник проводит в обе стороны, диэлектрик не проводит ни в одном направлении. Полупроводник проводит в одном направлении. Транзистор – это полупроводник со шлагбаумом. То есть, он проводит ток только в одном направлении, но при определенных условиях может запирает и это направление. Такая способность транзисторов к фильтрации электрического тока позволяет регулировать ток в зависимости от условий. Другими словами, выполнено условие – ток идет, в противном случае нет тока. Совокупность транзисторов, объединенных в единый блок, называют интегральной схемой.

Транзисторы и интегральные схемы позволили совершить революцию в вычислительной технике и электронике и изменить облик планеты. Нейронные комплексы являются аналогами интегральных схем, а нейроны играют роль транзисторов.

Общеизвестен принцип работы холодильника. Когда температура в холодильной камере поднимается выше той, которую назначил хозяин, открывается затвор транзистора, электрический импульс запускает холодильный агрегат, он нагоняет холод, а после того, как температура опускается ниже требуемой, происходит запираение транзистора и выключение агрегата. По такому принципу, называемому отрицательной обратной связью, работает очень много систем регуляции в живых организмах. Например, если поднимается уровень сахара в крови, происходит серия гормональных процессов, приводящая к выбросу инсулина в кровь, в результате которого происходит возвращение уровня сахара в норму, после чего выброс инсулина прекращается. Таких автоматизированных процессов немереное количество, и они несколько не отвлекают человека.

В быту мы находим множество сложнейших приборов, деятельность которых регулируется интегральными схемами. Но мы же не приписываем им СР. Мы не думаем, что стиральная машина озабочена тем, чтобы наше белье было чистым. И не удивляемся тому, что наши телевизоры не перегорают от стыда из-за той реальности, которую показывают на их экранах. Мы постоянно общаемся по телефону и храним в их памяти огромный объем информации, но никто не считает, что телефон в курсе его проблем, озабочен его проблемами и т.д. Мы понимаем, что все эти аппараты – приспособления, используемые хозяином для своих нужд. У этих аппаратов нет собственной картины мироздания и своих интересов, они устроены специально для удобства владельца.

Довод против редукционизма

Точно так же мозг – приспособление для непсихической и психической регуляции. Причем, непсихическую регуляцию мозг осуществляет в автономном режиме, не вовлекая в него хозяина (субъекта психической деятельности), а психическую регуляцию осуществляет субъект, используя мозг в качестве приспособления.

Чем же обосновывают свою позицию сторонники редукционирования психических явлений к мозговым процессам? Вот позиция Н.И. Чуприковой. «Даже, когда уже выяснилось, что психическое – это не что иное, как функция мозга, что вне деятельности мозга нет и не может быть никакой психики (по крайней мере, в нашем земном мире), онтологический дуализм психики и материи долго оставался непреодоленным. Он и по сей день не преодолен в четкой и ясной системе понятий, отвечающей всей системе существующих научных фактов, хотя сильно сдал свои позиции»¹.

А вот высказывание К. Изарда. «Между тем большинство ученых продолжают считать, что все психические явления порождены физическим мозгом. Одно из наиболее распространенных возражений против дуалистических теорий о нематериальной природе ума основано на том фак-

¹ Чуприкова Н.И. Психофизиологическая проблема и разработка теории мозговой организации высших психических процессов человека в трудах Е.И. Бойко и его школы // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 69.

те, что изменения в мозгу влекут за собой изменения в умственной деятельности. Например, при повреждении мозгового центра речи, человек теряет способность говорить. Вводя в организм наркотики, можно изменить настроение человека или вызвать галлюцинации. Это наталкивает на мысль о том, что ум должен быть продуктом физического мозга. В противном случае состояние мозга не влияло бы на психическое состояние человека»¹.

Можно ли считать правильным вывод о том, что «все психические явления порождены физическим мозгом» на том основании, что «изменения в мозгу влекут за собой изменения в умственной деятельности»?! Думаем, что нет. Проиллюстрируем это на следующем примере.

Допустим, к вам приехал родственник из деревни, который наслышан об интернете, но не видел его вживую. И он просит показать ему это чудо. Вы ему показываете все возможности интернета. После этого гость указывает на адаптер, соединяющий компьютер с Wi-Fi-роутером, и спрашивает что это такое. Вы на полном серьезе говорите, что весь интернет заключен в этой пластине. Он выражает сомнение в таком утверждении. Тогда вы извлекаете адаптер, и интернет мигмом пропадает. Вставляете обратно – интернет появляется. Ему ничего не остается, кроме как поверить вам, так как он не знает о Wi-Fi и обо всем остальном, чем обеспечен интернет. На самом деле эти манипуляции с адаптером приводят к выводу о том, что «дисфункция адаптера приводит к потере связи с интернетом». Манипуляции с мозгом приводят к выводу: «Дисфункция мозга приводит к психической дисфункции». Но обратные теоремы не всегда верны. Рассуждая в подобном ключе, к таким же выводам приходит и А.Ю. Агафонов².

Доводы в пользу субъекта

Для нас очевидно, что ощущения возникают в результате воздействия электрических сигналов на нейроны головного мозга. Это возбуждение является необходимым условием, но является ли оно достаточным для возникновения ощущений. Оказывается, нет. Факт возбуждения нейронов головного мозга не приводит непременно к возникновению ощущений. Часто может быть так, что, будучи охвачен какой-то проблемой, человек не замечает слабые сигналы о голоде, холоде и т.п. Когда проблемы отходят на второй план, человек чувствует, то есть ощущает ту или иную боль. Воздействие на нейроны головного мозга электрических сигналов не приводит к безусловному возникновению ощущений. А какое же дополнительное условие тогда? Таковым, по видимому, является участие ещё одного органа, помимо нейронов головного мозга.

Но даже возникновение ощущения (скажем, болевого) не всегда приводит к безусловному реагированию, направленному на устранение неприятности. Это также указывает на существование субъекта, выбирающего то, что является иерархически вышестоящим: боль или другая проблема.

Угрызания совести

Общеизвестна такая форма субъективной реальности, как угрызения совести. Все переживали её, и мы понимаем, что значит её переживать. Но каким органом мы переживаем угрызения совести? Неужели нейронами? Или скажет ли кто-нибудь, что некое обстоятельство рассмешило его нейроны. Едва ли такое высказывание уместно. Не то, чтобы нейроны совсем были ни при чем. Когда перед нашим внутренним взором предстает лицо человека, которому мы когда-то причинили незаслуженную обиду, нейроны участвуют в формировании картины. Но, не сами нейроны видят эту картину, и не они краснеют от стыда. Аfferентные нейроны вносят свой вклад в формирование картины, эfferентные нейроны запускают механизм выброса крови, но угрызения совести находятся посередине между воспоминанием и покраснением, в промежутке времени между возбуждением аfferентных нейрокомплексов и эfferентных нейрокомплексов. Вот также всякая форма субъективной реальности – это то, что происходит при участии нейронов, но не с самими нейронами. Отрицать существование центра переживания эмоций, сводить его функцию к нейронам-транзисторам нелепо и верить в это искренне вряд ли можно. Кстати, вера тоже является функцией эмоционального центра, но никак не функцией нейронов.

Эйдос и потенциэйдос

При рассмотрении психофизической проблемы нельзя обойти стороной вопрос о природе идеальных явлений. Вот очень ценное высказывание на эту тему Д.И. Дубровского в его полеми-

¹ Изард К. Психология эмоций. СПб., 2003. С. 79.

² По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общ. ред. А.Ю. Агафонова Самара, 2012.

ке с Ильенковым. «Звучащая в эфире речь сама по себе не содержит идеального; нет идеального в письме, брошенном мною только что в почтовый ящик, и т. п. Все это – материальные явления, несущие информацию. Идеальное в точном смысле неотчуждаемо от личности. Отчужденное от личности идеальное есть уже материальное, т.е. объективно-реально существующие сигналы, знаки, которые снова могут «превратиться» в идеальное, если будут преобразованы в иную, весьма специфическую форму существования информации – когда носителем информации становится мозговая нейродинамическая система определенного типа, «открывающая» информацию для личности в виде переживаемых ею явлений субъективной реальности»¹.

Считаем целесообразным внести некоторые уточнения. Слово «идеальное» является прилагательным, и нежелательно, чтобы прилагательные обретали самостоятельность и гуляли в отрыве от тех объектов, для описания которых они существуют. Подходящей заменой слову «идеальное» я считаю слово «эйдос». Это образы и мысли в момент непосредственного их переживания, актуализации. Эйдосы существуют очень непродолжительное время, сменяя друг друга в центре внимания. Но от них остаются следы либо в мозгу, либо на внешних носителях. Эти следы целесообразно назвать потенциоэйдосами, поскольку в результате их актуализации снова возникают эйдосы. Потенциоэйдосы можно подразделить на интериоэйдосы (то, что хранится в форме нейрокомплексов) и экстериоэйдосы (то, что сохранено на внешних носителях). Актуализация потенциоэйдосов приводит к возникновению эйдосов.

Сигналы можно подразделить на два вида: первичные и вторичные. Под первичными понимаются сигналы, исходящие непосредственно от материальных объектов, такие, как солнечный свет, отраженный от кукурузного поля, или шелест травы. Под вторичными понимаются сигналы в форме речи, рисунка, схемы, то есть обработанные сигналы, связанные с символами и знаками. Сигнал, поступивший к познающему субъекту, опознается (интерпретируется) им посредством актуализации интериоэйдосов, а в случае отсутствия подходящего интериоэйдоса отыскивается и актуализуется экстериоэйдос. Сформулировав несколько суждений по поводу изучаемых объектов и, проверив их на достоверность и аффективную значимость, субъект формулирует свои мысли об этих объектах, после чего сохраняет их в форме интериоэйдосов, а, возможно, и экстериоэйдосов на внешних носителях.

Познавательный процесс вкратце может быть описан следующим образом. Постоянная актуализация потенциоэйдосов, как внутренней так и внешней дислокации, приводит к возникновению эйдосов (образов и мыслей), что позволяет формулировать суждения и умозаключения, которые консервируются в форме интериоэйдосов и экстериоэйдосов. По такой схеме происходит практически неограниченное накопление сведений, доступных для субъекта, приращение баз данных как внутренних, так и внешних.

Декодер

Интроспективный анализ того, как происходит сознание, наводит многих известных авторов на мысль о сходстве мозговых процессов с театральным действием, а сознаваемых процессов с тем, что происходит на сцене. Эту аллегория применяли Р. Декарт, Л.С. Выготский и другие авторы. К примеру, в статье Б. Баарса «В театре сознания» говорится следующее.

«В рабочем театре, центральное сознание действует как «светлое пятно» на сцене, направленное туда избирательным «прожектором» внимания (Рис. 3). Только события, освященные этим «прожектором», становятся сознательными. Так называемые «актёры», соперничающие за доступ в светлое пятно (доступ в сознание), представляют собой потенциальные мысли, образы или чувства. Только то, что происходит в самом центре пятна, осознается полностью (т.е. осознается более точно и быстро). Чем дальше происходящие события от светлого пятна, тем они менее осознанны, а если свет прожектора вообще на них не попадает, то они соответственно не осознаются»².

«Большая загадка, по мнению Б. Баарса, заключается в вопросе, почему сознательный аспект столь ограничен, а бессознательная часть столь обширна?»³

Этот вопрос можно переформулировать следующим образом. Почему владея неограниченным объемом интериоэйдосов и имея доступ к несоизмеримо большей базе экстериоэйдосов, субъект в каждый конкретный момент времени может актуализировать только ничтожную часть этого объема и формулировать только одну мысль в один момент времени? Представим себе

¹ Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг : монография. М., 1980. С. 167.

² Сознание в актуальных измерениях: академический проект. Самара, 2010. С. 142, 148.

³ Там же.

огромный склад, куда привозят фрукты, конфеты и т.п., и их нужно распаковать из ящиков и упаковать в маленькие кульки. Известно также, что, несмотря на огромный объем пакуемых товаров, в каждый отдельный момент времени можно распаковывать и упаковывать очень малое количество. С чем это может быть связано? Ответ на этот вопрос может быть только один. С ограниченной пропускной способностью упаковочного аппарата.

Почему «распаковка» потенциодосов происходит в ничтожно малом объеме и «запаковка» результатов, полученных в результате манипулирования актуализированными мыслями, также сужена до минимума? Ответ очевиден! Это может быть связано с ограниченной способностью устройства, которое может быть названо эгоцентром, субъектом сознания или декодером.

Гомункул

Но тут мы сталкиваемся с резкой отповедью Д.И. Дубровского: «Многие серьёзные авторы считают, что нужно допустить наличие в мозгу специального механизма декодирования, переводящего код в образ. Однако такое допущение порождает дополнительные трудности. (Тут явно не обойтись без пресловутого гомункулюса!)»¹.

Д.И. Дубровский неоднократно возвращается к проблеме гомункула, пытаясь обосновать неприемлемость гипотезы о существовании внутреннего декодера, антрепренера психических процессов. Он, наряду с Д. Милнером² и Д. Деннеттом³ утверждает, что, признав существование «гомункула» в качестве регулятора, придется вводить второго «гомункула» для регуляции внутри первого и так по цепочке. Но эти рассуждения не имеют достаточного обоснования и легко опровергаются.

Какие соображения привели нас к мысли о существовании декодера? То обстоятельство, что из гигантского потока потенциодосов только ничтожно малая часть приводит к порождению эйдоса. И всякий, кто хочет нас бить этой же картой, должен показать, что внутри этого декодера также имеется неограниченный поток потенциодосов, который повторно нужно фильтровать. Но наш декодер в каждый момент времени получает на входе один потенциодос и выдает один эйдос. Поэтому суждение о том, что нашему декодеру нужен ещё один декодер, приводящее к дурной бесконечности, ничем не обосновано.

Любопытно, что Д.И. Дубровский, отвергая декодер, сравнивая его с гомункулом, приходит к идее «мозговой эгосистемы, представляющей наше Я»⁴, то есть окольными путями возвращается практически к тому же. Ведь как бы мы ни назвали это устройство, функция у него одна – чтение нейрональных кодограмм и порождение субъективной реальности. Правда, Д.И. Дубровский считает, что эгосистема имеет нейрональную природу. С этим согласиться невозможно, поскольку считывающее устройство не может иметь ту же природу, что и считываемый носитель информации. Мы считаем, что эгосистема (можно также называть эгоцентром, эмоциональным центром, декодером) имеет нетелесную природу. Эгоцентр трудно обнаружить, потому что ищущий является искомым. Когда мы задаем вопрос о том, существует ли он, вопрошающим является он сам же. А когда кто-то отвергает его существование, он сам же – отвергающий и отвергаемый.

Таким образом, предлагаем признать существование эгоцентра как органа, генерирующего психические явления, поскольку ни мозг, ни социальная среда не способны порождать субъективную реальность, а могут лишь служить посредниками между эгоцентром, его окружением и хранилищами потенциодосов.

Османов Зубаиргаджи Османович, соискатель ученой степени канд. философских наук, старший научный сотрудник кафедры «Онтология и теория познания». Дагестанский государственный университет. Россия, Махачкала.

Zubairgadzhi Osmanovich Osmanov, competitor of a scientific degree of candidate of philosophical sciences, the senior researcher of the department "Ontology and knowledge theory". Dagestan State University. Russia, Makhachkala.
zosm@yandex.ru

¹ Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 101–105.

² Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. С. 167

³ Dennett D.C. Sweet dreams: Philosophical obstacles to a science of consciousness. Cambridge, 2005.

⁴ Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения. С. 101–105.

Ментальные репрезентации психических состояний: образный уровень*А.О. Прохоров***Representation of the mental state: the imaginative of level***А.О. Prokhorov**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00884а.*

Аннотация. В статье рассматривается образ психического состояния как составляющий компонент ментальной репрезентации состояния человека, отображающий субъективный (ментальный) опыт его переживания. Представлена модель психологических механизмов актуализации и закрепления образа в структурах сознания.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, образ, субъективный опыт, сознание, структура, модель.

Abstract. The article deals with the image of mental state as an integral component of mental representation of the human state, showing the subjective (mental) experience of his feelings. The model of psychological mechanisms of updating and fixing of an image in the structures of consciousness is presented.

Key words: mental representation, image, subjective experience, consciousness, structure, model.

Изучение психических состояний человека неизбежно ставит вопрос о возникновении, становлении и упрочивании представлений о переживаемых состояниях, их распознавании, идентификации и репродукции в тех или иных ситуациях жизнедеятельности. Такая постановка вопроса приводит исследователя к «хранилищу» возникшего конструкта – *ментальному* опыту, как составной части субъективного опыта человека. На наш взгляд, содержательное понимание ментального опыта предлагается М.А. Холодной¹, по мнению которой такой опыт представлен в трех основных формах: оперативный – ментальные репрезентации, динамический – ментальное пространство и фиксированный – ментальные структуры. В этом контексте процесс формирования представлений о психических состояниях в ментальном плане, а также результат данного процесса в виде образа и знания, как совокупности субъективных суждений о состоянии, связаны с *ментальными репрезентациями*.

А.В. Брушлинский и Е.А. Сергиенко считают, что понятие *репрезентация* означает «представленность», «изображение», «отображение одного в другом или на другое», то есть речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя². При такой трактовке с помощью понятия «ментальная репрезентация» можно описывать и содержание психического отображения, и формат, в котором происходит такое отображение. Отметим также, что ментальные репрезентации со временем приобретают определенную структуру: в них выделяют *ассоциативный, оценочный, понятийный и образный уровни*.

Ментальные репрезентации могут рассматриваться и как процесс (процесс отображения, представления), и как результат, единица (описание опыта в рамках картины мира). Первый подход характерен для зарубежной психологии, где акцент делается на процессуальной, динамической стороне ментальной репрезентации, на ее когнитивных функциях³.

В рамках второго подхода ментальные репрезентации понимаются как внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него

¹ Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2002.

² Андреева Е.А., Белопольский В.И., Блиникова И.В. и др. Ментальная репрезентация: динамика и структура / под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М., 1998.

³ Blatt S.J., Auerbach J.S., Levy K.N. Mental Representations in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process // Review of General Psychology. 1997. V. 1 (4). P. 351–374 ; Cooper L. A. Mental Representation of Three-Dimensional Objects in Visual Problem Solving and Recognition // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1990. V. 16 (6). P. 1097–1106 ; Geller J.D., Farber B.A., Schaffer C.E. Representations of the supervisory dialogue and the development of psychotherapists // Psychotherapy Theory, Research, Practice, Training. 2010. V. 47 (2). P. 211–220 ; Kemp S. Medieval Theories of Mental Representation // History of Psychology. 1998. V. 1 (4). P. 275–288.

картина мира, социума и самого себя¹. Данная парадигма ментальной репрезентации представлена в ряде отечественных и зарубежных работ². Она позволяет рассмотреть организацию и содержание вербальных и образных представлений человека.

При таком подходе, рассматривающем ментальную репрезентацию, прежде всего, как результат отображения, принято различать несколько форм: образные, концептуальные, функциональные репрезентации (репрезентации, связанные с действием) и социальные репрезентации. Ключевыми здесь являются образные и концептуальные ментальные репрезентации. Понимание ментальной репрезентации как образа довольно широко распространено среди исследователей. Так, М.А. Холодная, например, считает, что «ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (то есть субъективная форма «видения» происходящего)»³.

В контексте высказанных представлений обратимся к ментальным репрезентациям психических состояний. Изучение ментальных репрезентаций имеет особую значимость, так как психическое состояние – индивидуальный субъективный феномен человеческой психики и выделение универсальных закономерностей в их репрезентации может также выявить закономерности в формировании картины мира и структуры представлений о нем. Представляет интерес процесс формирования системы представлений о психических состояниях в ментальном плане, а также результат данного процесса. Это особый вид репрезентации того, чему нет соответствий в объективном предметном мире, поэтому системное изучение этой проблемы позволит более глубоко понять функционирование репрезентаций психической жизни человека, его внутреннего мира.

Следует отметить, что в ряде работ так или иначе, чаще косвенно, затрагивались проблемы ментальных репрезентаций эмоциональной сферы (в некоторых работах эмоции были синонимами состояний). В исследованиях ставился вопрос о структуре и развитии знаний, об эмоциях в ходе онтогенеза⁴, эмоциональной наполненности ментальных образов⁵; представленности эмоций на различных уровнях сознания⁶ и др. Л.Я. Дорфман, О.А. Прусакова и О.А. Сергиенко осуществляли исследования в рамках подхода, в котором анализируются знания и представления об эмоциях в контексте глобальных когнитивных структур⁷. Эмоции в данном подходе выступают как многогранный феномен психической жизни, знания о котором должны быть представлены, структурированы и включены в процесс психической регуляции.

Однако, несмотря на наличие отдельных работ в области ментальных репрезентаций эмоций, в целом, следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, целью которых явилось бы целостное изучение и описание содержания, структуры и динамики, связи с другими психическими явлениями и конструктами сознания ментальных репрезентаций, а именно – психических состояний.

Обратимся к *образной* составляющей ментальных репрезентаций, значение которой отмечалось в приводимых выше работах. В контексте изучения психического состояния вопрос заключается в том, как отображается (отражается) психическое состояние в сознании субъекта? В чём специфика образа психического состояния? Каковы механизмы возникновения образа психического состояния, особенности его динамики и др.

¹ Андреева Е.А., Белопольский В.И., Блинникова И.В. и др. Ментальная репрезентация: Динамика и структура. М., 1998.

² Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2007. № 4. С. 8–16 ; Bascoe S.M., Davies P.T., Sturge, M.L., Cummings E.M. Children's Representations of Family Relationships // Developmental Psychology. 2009. V. 45 (6). P. 1740–1751 ; Lotto L., Rubaltelli E., Rumiati R., Savadori L. Mental Representation of Money in Experts and Nonexperts after the Introduction of the Euro // European Psychologist. 2006. V. 11(4). P. 277–288 ; Savadori L., Nicotra E., Rumiati R., Tamborini R. Mental representation of economic crisis in Italian and Swiss samples // Swiss Journal of Psychology. 2001. V. 60 (1). P. 11–14 ; Lukowitsky M.R., Pincus A.L. The pantheoretical nature of mental representations // Psychoanalytic Psychology. 2011. V. 28 (1). P. 48–74.

³ Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. С. 245.

⁴ Прусакова О.А., Сергиенко О.А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет // Научный поиск : сб. науч. работ студентов, аспирантов и молодых преподавателей / под ред. А.В. Карпова. Ярославль, 2002. Вып. 3. С. 51–64.

⁵ Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., 2007.

⁶ Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М., 1997; Прусакова О.А., Сергиенко О.А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет. С. 51–64.

⁷ Там же

По мнению Л.Г. Дикой, в образе состояния как системного чувства отражается не только внешняя среда организма, но и внутренняя – в форме многообразия interoцептивных ощущений. Образ психического состояния имеет ряд свойств, присущих перцептивному образу окружающего мира, таких, как целостность, интегральность и процессуальность¹.

При изучении образа мы исходим из следующих представлений. Образ состояния, в отличие от предметного образа, вслед за Л.Г. Дикой может рассматриваться как структура, в которой слиты воедино знание, переживание и отношение, где знание раскрывается на основе консолидации внутренних ощущений и субъективного опыта, переживание связано с осознанностью и рефлексивностью, а отношение выражает зависимость образа состояния от ситуаций его возникновения, с одной стороны, и влияние образа состояния на регуляторные процессы жизнедеятельности субъекта, с другой.

На наш взгляд, образ психического состояния связан с сенсорно-перцептивными процессами (впечатлением, ощущением, восприятием), со структурами субъективного опыта вкупе с представлениями (вторичными образами) и памятью, а также с переживаниями и рефлексией. Именно в переживании, на основе ощущений и рефлексии, субъекту дается реальность его психического состояния². Переживание определяет и закрепляет психический образ состояния, интенсивность (яркость) его проявления, тогда как рефлексия устанавливает границы образа, его близость и соответствие актуально переживаемому состоянию³. Образ состояния порождается условиями, содержанием деятельности и одновременно внутренними ощущениями и самооценкой. В то же время образ психического состояния всегда актуален и существует «здесь и теперь». Одновременно в памяти человека существует образ себя и своего состояния в определенных ситуациях прошлого и по аналогии – образ потребного будущего.

В соответствии с этими представлениями, механизмы, приводящие к возникновению и закреплению образа психического состояния, следующие. Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживаемыми субъектом, проходя этап сличения с содержанием прошлого опыта, превращаются в представления о пережитом состоянии и далее, через процесс осознания, – в его образ. Подобно тому, как возникает и закрепляется предметный образ в процессе восприятия, образ психического состояния фиксируется и закрепляется в структурах памяти во время переживания индивидом данного состояния, формируя субъективный опыт. Этот процесс связан с осознанием и рефлексией; в него также включены смысловые структуры сознания⁴.

При своем означивании психическое состояние частично объективируется, становясь объектом рефлексии. Результатом рефлексии и означивания является не только придание психическому состоянию конкретного значения, но и появление его образа, который специфичен и отличается от образов объектов внешнего мира. Его особенности: отсутствие предметности, большая выраженность аспекта переживания, отсутствие яркости, когда образ маскируется в предметном мире, стремится раствориться в нем.

Образ психического состояния только при значительной рефлексивной работе и осознанности психического состояния становится полноценным объектом образа мира субъекта. При этом образ психического состояния не только становится более ярким и осмысленным, но и приобретает новые отношения и объектные качества, связывающие его с образами других объектов.

Отметим, что движением «снизу вверх» (от ощущений к образу) не исчерпывается данный процесс: одновременно существует и обратное движение «сверху вниз», от структур сознания к ощущению, где происходит распознавание образа состояния через возникшую конфигурацию ощущений. Уже на начальной стадии, связанной с переживанием ситуации, события, включаются механизмы сличения возникшей пространственной структуры состояния с образными схемами, являющимися компонентами ментальных репрезентаций. Это – узнавание, установление тождества представлений, хранящихся в виде ментальных репрезентаций в субъективном опыте, с актуализированным состоянием. Подобные механизмы ментальных репрезентаций, как показано в исследованиях Е.А. Сергиенко, складываются уже в младенческом возрасте, представляя собой антиципирующие схемы (ядро знания) в самих репрезентациях⁵.

¹ Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М., 2003.

² Фахрутдинова Л.Р. Теория переживания. Казань, 2009.

³ Карпов А.В. Закономерности структурной организации рефлексивных процессов // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 21–25.

⁴ Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М., 2009.

⁵ Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.

В дальнейшем образ может репродуцироваться в актуальных ситуациях жизнедеятельности в форме представления, то есть образа памяти, хранящегося в субъективном опыте¹. Данный образ не является предметным, это чувственный образ, формируемый переживанием. Он, в свою очередь, как и образ представления, может обогащаться и изменяться в процессе жизнедеятельности.

Субъективный образ психического состояния раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния, возникающий вследствие восприятия собственного состояния «здесь и сейчас») и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния). Образ состояния характеризуется определенным строем, связанным с отношениями между составляющими образа, схемой, представляющей собой форму когнитивного образования, объединяющей и отражающей пространственно-временные и функциональные отношения между составляющими состоянием, а также иерархической организацией, структурой, интенсивностью, качеством, модальностью и функциональностью. Он относительно стабилен, в его структуре существуют как постоянные, так и вариативные составляющие.

В когнитивном плане образ состояния представляет собой семантическое пространство, включающее в себя «накопленные» следы переживаний, осуществленных ранее («прошедших») деятельностей, поведения, физиологических реакций и др.². Это следы «сцепления» семантического пространства с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта. Каждая составляющая, входящая в семантическое пространство образа состояния, может являться своего рода «ключом» к возникновению состояния: закрепившаяся за определенным оперантом система психологических, физиологических, поведенческих и других характеристик «развертывается» при актуализации состояния. В онтогенезе образ состояния изменяется в сторону большей качественной определенности и усложнения.

Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект, и связано с его впечатлениями, рефлексивными процессами, особенностями переживания и др. Отраженные компоненты психического состояния фиксируются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Структура изоморфна реальному состоянию, отображая последнее. Закрепляясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного опыта переживания состояний³.

С одной стороны, образ является составляющей единицей субъективного опыта, с другой, он сам хранит в себе опыт, который служит информационной базой для человека. Образ некогда переживаемого состояния можно назвать представлением или образом памяти, функция которого заключается в связывании образа в текущем времени с прошлым и будущим.

Относя образ состояния, переживаемого в прошлом, к представлениям, мы тем самым подчеркиваем наличие субъективного опыта, хранящегося в структурах памяти. Память фиксирует все тонкости, нюансы, особенности протекания, переживания состояния, а также его образ, сформированный с помощью сознания и процессов рефлексии. То есть формирование образа происходит за счет фиксации в памяти временных и пространственных (структурных) особенностей переживаемого актуального состояния. Механизм подобной фиксации описан в ряде работ⁴.

Специфика протекания состояния определяется содержанием опыта переживания данного состояния, то есть в памяти «всплывает» некогда сформированный образ этого психического состояния. Можно полагать, что формирование образа актуального состояния проходит под влиянием уже имеющегося представления о данном состоянии, образа памяти, составляющего индивидуальный (субъективный) опыт. При этом образ в то же время сам становится представлением, закрепляясь в памяти и обогащая опыт.

Отметим, что в субъективном опыте фиксируются структуры пространства, времени, скорости изменения (движения) и интенсивности психического состояния. Опыт проецируется на актуальное собственное состояние. Субъектом воспринимаются характеристики состояния со стороны поведенческих, психологических, физиологических и других показателей, придаётся форма этому разнообразию, формируется образ состояния, определяется качество. Субъект

¹ Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., 2007.

² Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна, 2002.

³ Знаков В.В. Понимание, постижение и экзистенциальный опыт // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 15–24.

⁴ Baddeley A.D., Hitch G. Working memory // The psychology of learning and motivation: Advances in research and theory. New York, 1974. Vol.8. P. 47–89 ; Kosslyn S.M. Image and mind. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1980.

структурирует пространство состояния, создается система отсчёта (ориентиры), т.к. пространство только тогда и есть, когда оно структурировано¹. Появляется мера. Движение по «собственной шкале» дает возможность субъекту оценить пространство состояния, что субъективно выражается в качественной определенности тех или иных составляющих, входящих в состояние при переживании интенсивности их проявления.

Переживание длительности («длениа») и изменения психического состояния создает временной ряд образа, включающий в себя различные характеристики (временные интервалы, последовательность, длительность, дискретность, циклы и пр.). Задачей ряда является синхронизация деятельности субъекта, событий и ситуаций, пространства, переживаний и др., в том числе, интеграция пространственных характеристик (параметров состояния) в единое образование – образ состояния. Опираясь на свою способность интегрировать временной континуум, субъект развертывает образ состояния в прошлом и в будущем, оперирует им в настоящем.

В этом контексте содержание субъективного опыта представляет собой относительно устойчивую пространственно-временную структуру отображаемого состояния, осознаваемую субъектом как определенное качество. Фиксация в опыте структур пространства, интенсивности, качества и модальности психического состояния в виде образа опосредуется переживаниями и рефлексивными процессами субъекта.

Взаимодействие ситуации (события), субъективного опыта, когнитивных процессов при опосредованном влиянии переживания, осознания и рефлексии приводит к формированию корреляционных образований («конstellаций», по Б.Г.Ананьеву) из отдельных «ведущих» составляющих психологических структур. Корреляции изменяют переживание, поведение, психические функции, вегетативные реакции, физиологические и пр. процессы субъекта. Эти изменения объективируются в сознании в виде образа психического состояния.

Прохоров Александр Октябрьнович, заведующий кафедрой общей психологии, доктор психологических наук, профессор. Казанский (Приволжский) государственный университет. Россия, Казань.

Prokhorov Alexander Oktyabrinovich, ead of the department of the general psychology, doctor of psychological sciences, professor. Russia, kazan, kazan (volga) state university. Russia, Kazan.
alprokhor1011@gmail.com

УДК 159.92+316.48

**Обзор современных научных публикаций по тематике
этнического, религиозного, правового и управленческого сознания
(по материалам реферативных журналов за период 2013–2015 гг.)**

Л.Т. Рузанов, В.В. Григорьева

**Review of current scientific publications
on ethnic, religious, legal and managerial consciousness
(based on abstract journals in the period 2013–2015)**

L.T. Ruzanov, V.V. Grigorieva

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014 /К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. Возрастающий интерес в психологии к проблеме сознания. Тенденции в зарубежной психологии. Трактовка сознания. Сознание в этнической психологии и психологии религии. Ценностные ориентации молодежи. Сознание как «невывказанная» категория в исследуемых работах.

Ключевые слова: сознание, ценностные ориентации, межэтническое взаимодействие, религиозность, толерантность, когнитивная сфера.

¹ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М., 2001.

Abstract. Increasing interest in the psychology of the problem of consciousness. Trends in foreign psychology. Vasilyuk FE – Interpretation of consciousness. Consciousness in the ethnic psychology and the psychology of religion. Valuable orientations of youth. Consciousness as the "unspoken" category in the studied works.

Key words: consciousness, values, inter-ethnic cooperation, religious tolerance, cognitive sphere.

В современной психологии наблюдается значительный сдвиг к проблеме сознания, и в последние десятилетия происходит ее выдвижение на первый план. Многие исследователи (В.Е. Ключко, А.И. Миракян, В.И. Панов, В.И. Слободчиков и др.) говорят об интенсивно происходящем на Западе разделении психологии на «Науку о психике» и «Науку о сознании»¹. В данной работе осуществлена попытка как обнаружить данную тенденцию, так и то, каким образом проблема сознания обнаруживает себя в научных публикациях по тематике этнического, религиозного, правового и управленческого сознания за период 2013–2015 гг.

Принимая во внимание существование различных теорий и определений относительно сознания, при работе с материалом предпринята попытка принять в расчет известные автору взгляды, включая и понятие сознания в широком смысле. В последнем случае рассматривается как что-то отличное от психики, некий внутренний инструмент, как такое начало в нас, которое работает с нашими ценностями, выбирает, к чему стремиться, ради чего жить и действовать. Как писал Ф.Е. Василюк, «сознание – это «орган», предназначение которого – согласование и сопряжение различных жизненных отношений». Цели и смыслы своих стремлений определяет сам человек – они во внешнем мире не записаны.

Изучая публикации по тематике этнической психологии, следует обратить внимание на работу К.М. Оганян и В.П. Бранского, которые, исследуя природу межкультурного взаимодействия с точки зрения его взаимодействия на определенной ступени его развития, показывают, что в основе межкультурного взаимодействия лежит влияние таких элементов когнитивной сферы сознания, как социальные идеалы². С помощью опроса отношения студентов института психологии к миграции и мигрантам была исследована этнокультурная ситуация на Урале. Был выделен ряд факторов, влияющих на эффективность ситуации на Урале³. Такая категория, как отношения в сфере межэтнического взаимодействия, межэтническая толерантность, ценностные ориентации различных этносов, находят отражение в исследовании межэтнического взаимодействия как социокультурного процесса⁴. Обнаружены различия типов этнической идентичности, стратегий, аккультурации, содержательных характеристик идентичности, уровня агрессивности личности в зависимости от длительности пребывания мигрантов в принимающей этнической среде и вовлеченности их в деятельность национальной общины⁵.

Рассмотрено информационное влияние на толерантность, как составляющую этнического сознания, в ходе которого установлено, что в наибольшей степени влиянию материалов СМИ с негативной оценкой представителей определенных этнических групп подвержены молодые люди с неустойчивыми толерантными убеждениями⁶.

Поведенческая составляющая сознания рассматривается в работе В.В. Гриценко и В.Ю. Ковалева, в которой дан сравнительный анализ ценностей культуры, регулирующих поведение русских и белорусов на уровне индивидуальных эталонных моделей. Показаны сходства и

¹ Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010.

² Оганян К.М., Бранский В.П. Влияние социальных идеалов на формирование этнических стереотипов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 65–69.

³ Елисафенко М.К. Многокультурная среда обитания // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 15–18.

⁴ Кускарова О.И. Специфика межэтнического взаимодействия в полиэтничном регионе: по материалам эмпирического исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 159–162.

⁵ Константинов В.В., Вершинина М.В. Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 71–79.

⁶ Жесткова Н.А., Крмоян Г.Г. Направленное информационное воздействие как фактор формирования этнической толерантности студенческой молодежи // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : мат-лы XXXI междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2013. С. 95–101.

различия ценностей с нормами и типами просоциального поведения, обусловленного культурно-психологическими характеристиками русских и белорусов¹.

Интересна работа о влиянии менталитета (одной из составляющих этнического сознания) на систему ценностных представлений, образ жизни, характер мышления личности и его социального поведения². «Интересна» тем, что дает представление о системе ценностных представлений, образе жизни и характере мышления, как о «кирпичиках», из которых строится сам менталитет. Тогда как же следствие может влиять на причину?

По тематике психологии религии С.Н. Харитоновой исследуются убеждения и ценностные ориентации молодежи относительно религии и обозначенные ею как религиозное сознание³. В результате данного исследования выявлено, что религиозность российской молодежи носит характер более демонстративной, нежели истинной ценностной ориентации. Описан феномен «парадоксального верующего», относящего себя к определенной церкви, верующего в наиболее распространенные, не требующие глубоких знаний догмы, традиционно принимаемые положения вероучения. В то же время «парадоксальный верующий» принимает на веру утверждения других религий, часто противоположные положениям того вероисповедания, к которому он себя причисляет; «парадоксальный верующий» не обременяет себя исполнением требований церковной дисциплины, он не торопится участвовать в богослужениях, исполнять обряды и таинства, брать на себя ответственность перед общиной.

М.Е. Гумницкий помогает глубже понять феномен «парадоксального верующего» через введение понятия «уровень выраженности религиозности» (УВР)⁴. Автор определил взаимосвязи религиозности со смысложизненными ориентациями, ценностями и личностными качествами молодых людей. Молодые люди с низким уровнем выраженности религиозности характеризуются низким уровнем принятия конфессиональных (христианских) ценностей и религиозных моральных норм, высоким уровнем принятия агрессивного поведения, познавательных потребностей и креативности. Молодежь с высоким уровнем выраженности религиозности отличается низким уровнем «макиавеллизма» и агрессивного поведения, высоким уровнем принятия принципов идеалистической философии, стремлением искать в религии поддержку и моральные нормы⁵. Если в данные исследования ввести понятие «религиозное сознание», то станет понятно, что и «парадоксальный верующий», и молодой человек, обладающий неким «уровнем выраженности религиозности», – это люди, различающиеся уровнем религиозного сознания.

Говорим мы о сознании или не говорим, данный феномен существует, и многие авторы исследуют его сферы, проявления, и т.д. В ходе проделанной работы стало понятно, что, если авторы будут принимать категорию сознания и проводить на основе своего понимания и принятия научные изыскания, то это внесет больше ясности как в процесс построения исследования, так и в интерпретацию полученных результатов.

Рузанов Леонид Тимофеевич, магистр психологии, аспирант. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Ruzanov Leonid Timofeevich, master of psychology, graduate student. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
RuzanovLT@gmail.com

Григорьева Виктория Олеговна, студентка факультета психологии и специального образования, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

Grigorieva Victoria Olegovna, student of faculty of psychology and vocational education, Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
Viktoriya99.96@mail.ru

¹ Гриценко В.В., Ковалев В.Ю. Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 56–67.

² Макеева Е.А. Менталитет в системе общественных отношений // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 1. С. 313–315.

³ Харитонова С.Н. Религиозное сознание молодежи // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2012. № 4 (12). С. 140–143.

⁴ Гумницкий М.Е. Особенности ценностно-смысловой сферы личности молодых людей с разным уровнем выраженности религиозности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 5 (52). С. 72–78.

⁵ Там же.

Сознание как предмет философского и психологического анализа

Е.Л. Чернышова, В.С. Чернышов

Consciousness as an object of philosophical and psychological analysis

E.L. Chernyshova, V.S. Chernyshov

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 5.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. Данная работа посвящена изучению сознания как предмета философского анализа. Предметом философии сознания является изучение природы сознания, а также соотношения сознания и физической реальности. Человеческое сознание – сложный феномен; многомерный и многоаспектный. В перспективе предполагается создание целостной теории, состоящей из двух компонентов: физических законов, объясняющих поведение физических систем от бесконечно малых до бесконечно больших, и психологических законов, показывающих, как некоторые из данных систем ассоциируют с опытом сознания.

Ключевые слова: сознание, философия сознания, проблема сознания, психологический анализ сознания.

Abstract. The given work is devoted consciousness studying. Consciousness as a subject of the philosophical analysis. Consciousness philosophy – the philosophical discipline which subject of studying is the consciousness nature, and also interaction of consciousness and a physical reality. The human consciousness is a difficult phenomenon; it is many-sided and is multidimensional. In the future should be created the complete theory consisting of two components: the physical laws explaining behaviour of physical systems from simple to difficult, and psychological laws, showing as some of the given systems associate with consciousness experience.

Key words: consciousness, philosophy of mind, the problem of consciousness, psychological analysis of consciousness.

Философия сознания – философская дисциплина, предметом изучения которой является природа сознания, а также соотношение сознания и физической реальности¹.

Человеческое сознание является сложным феноменом; оно многомерно и многоаспектно. Сознание выступает как особая форма отражения, регуляции и управления отношением людей к окружающей действительности, к самим себе и своим способам общения, которые возникают и развиваются на основе практически-преобразовательной деятельности. Оно не только отражает, но и творит мир. Сознание с самого начала является общественным продуктом. Оно возникает и развивается только в совместной деятельности людей в процессе их труда и общения. Многогранность сознания делает его объектом изучения множества наук, среди которых одно из центральных мест занимает философия².

Проблема сознания всегда имела особое значение для философов, так как определение места и роли человека в мире, специфики его взаимоотношений с окружающей действительностью предполагает выяснение природы человеческого сознания. Для философии эта проблема важна и потому, что те или иные подходы к вопросу о сущности сознания, о характере его отношения к бытию затрагивают исходные мировоззренческие и методологические установки любого философского направления. Естественно, что подходы эти бывают разные, но все они, по существу, всегда имеют дело с единой проблемой: анализом сознания как специфически человеческой формы регуляции взаимодействия человека с действительностью. Эта форма характеризуется, прежде всего, выделением человека как своеобразной реальности, как носителя особых способов взаимодействия с окружающим миром, включая управление им³.

Такое понимание природы сознания предполагает очень широкий спектр вопросов, который делается предметом исследования не только философии, но и специальных гуманитарных и

¹ Кириленко Г.Г. Философский словарь: справочник студента. М., 2002.

² Канке В.А. Философия: учебник для вузов. М., 1996.

³ Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 3–18.

естественных наук: социологии, психологии, языкознания, педагогики, физиологии высшей нервной деятельности, а в настоящее время – и информатики, и кибернетики. Рассмотрение отдельных аспектов сознания в рамках этих дисциплин всегда опирается на определенную философско-мировоззренческую позицию в трактовке сознания¹.

Центральным философским вопросом всегда был и остается вопрос об отношении сознания к бытию, вопрос о тех возможностях, которые предоставляет человеку сознание, и о той ответственности, которую возлагает сознание на человека. Вторичность сознания по отношению к бытию означает, что бытие выступает как более широкая система, внутри которой сознание является специфическим условием, средством, предпосылкой, «механизмом» вписывания человека в эту целостную систему бытия².

В XIX веке Артур Шопенгауэр назвал сознание «загвоздкой Вселенной», намекая на то, что тайна сознания остается самым темным местом во всем корпусе (собрании) человеческого знания³. В XX веке философия сознания становится одним из самых популярных направлений исследования, ежегодно по этой теме выходит огромное количество литературы. Современный американский философ Ричард Рорти даже заявил, что, по его мнению, философия сознания сегодня является единственной действительно полезной философской дисциплиной.

Тема «Сознание как предмет философского и психологического анализа» является актуальной, так как сознание выступает как ключевое, исходное философское понятие для анализа всех форм проявления духовной и душевной жизни человека в их единстве и целостности, а также способов контроля и регуляции его взаимоотношений с действительностью, управления этими взаимоотношениями⁴.

В настоящее время мы видим, как вырос интерес к проблеме сознания в отечественной и зарубежной психологии, об этом свидетельствует огромное количество работ по данной теме. В решении данной проблемы учёные условно разделились на два больших блока – материалисты и идеалисты, т.е. тех, кто подходит к данной проблеме с позиции физиологии, и тех, кто ориентируется на философию. Но основные вопросы, которые решает современная наука, по большей части – одни и те же; это: вопрос о функциях сознания, о его структуре, о его происхождении и развитии и т.д. Таким образом, чтобы представить позицию современной науки по проблеме сознания, необходимо выделить направления, по которым происходит поиск ответов, не дающих покоя учёным всего мира на протяжении сотен лет.

Онтологическая трактовка сознания и субъективности осуществляется в современной западной философии по нескольким линиям, вычленение которых представляет известную трудность, ибо, как правило, в концепциях отдельных мыслителей различные линии анализа пересекаются и взаимодополняются. Однако в психологическом анализе исследований сознания в отечественной и зарубежной психологии нами были выделены следующие основные подходы к проблеме сознания:

1. «А» Структурологическое.
2. «Б» Функциональное.
3. «В» Онтологическое.
4. «Г» Нейрофизиологическое.
5. «Д» Философско-метафорическое.
6. «Е» Проблемное.

Под категорией «А» (Структурологическая) мы имеем в виду такое направление в исследовании проблемы сознания, при котором автор уделяет больше внимания компонентам и структуре сознания, т.е. тому, из чего оно состоит и как данные структуры взаимодействуют. Это может быть проявлено в выделении либо неких уровней, или «слоёв» сознания, либо в описании феномена с точки зрения взаимодействия психических процессов.

Категория «Б» (Функциональная) «говорит» о том, что в своих исследованиях учёный делает попытку понять и описать сознание, выделяя его функции и анализируя законы и принципы «работы» сознания.

¹ Кохановская Т.И. Философия: учебное пособие для высших учебных заведений, Ростов н/Дону, 2001.

² Зинченко В.П., Мамардашвили. М.К. Об объективном методе в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125, 1977

³ Антонов Е.А., Воронина М.В. Философия : учеб. пособие. Белгород, 2000.

⁴ Сенокосов Ю.П. Что такое сознание? // Вопросы философии. 1986. № 2. С. 153–159.

Если исследователь в своей работе говорит о развитии сознания (например, от детского до юношеского возраста) или о его возникновении, а также об этапах становления в онто- или филогенезе, мы говорим, что данная работа включает в себя категорию «В» (Онтологическая).

К нейрофизиологической категории («Г») мы относим работы, в которых сознание объяснялось в естественнонаучном русле, иначе говоря, сущность и принципы работы сознания объяснялись с точки зрения физиологии (например, сознание могло объясняться как деятельность структур головного мозга) или ещё глубже: с позиции нейронауки (некоторые учёные доказывают существование нейронов сознания).

Мы объединили философский и метафорический подход в одну категорию «Д», т.к. эти характеристики во многом пересекаются и очень тесно связаны. Мы относили работу к этой категории, если автор при описании феномена сознания пользовался философской терминологией и пытался решить различные проблемы в русле философии. А также создавал различные метафорические модели сознания (сознание как «вселенная» или как «театр»¹).

Также нами была выделена особая категория «Е» (Проблемная), в которой автор преимущественно описывает и ставит вопросы, касающиеся проблемы сознания, а не пытается их решить. Эта категория пересекается с философской, но так как вопросы можно сформулировать не только с точки зрения философии, но и с точки зрения других наук, то, по-нашему мнению, она заслуживает выделения в отдельную характеристику.

В философском подходе условно можно выделить следующие направления поисков: описание сознания как чего-то неотделимого и даже тождественного непосредственной жизненной реальности («философия жизни», концепция жизненного разума Х. Ортеги-и-Гассета); вычленение некоторого дорефлективного уровня сознания и описание последнего в его сущностной «чистоте» и феноменальной явственности (Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр); фиксирование жизни сознания на феноменально-телесном уровне (Ф. Ницше, М. Мерло-Понти); выявление детерминаций сознания через языковые и другие структуры бессознательного порядка (психоанализ, структурализм)².

Сознание человека обладает такими фундаментальными параметрами, как целеполагание и воля, память и внимание, разумная речь и абстрактное мышление. Они представляют собой нервную деятельность, однако не рефлекторную, а самопроизвольную, которая связана со становлением человека в процессе гоминизации (перехода от животного к человеку). Исследования показывают, что количество информации, содержащейся в генетическом материале, и количество информации, заключенной в мозгу, с ходом эволюции увеличивалось, что эти траектории пересеклись в точке, соответствующей времени в несколько сот миллионов лет и информационной емкости в несколько миллиардов лет. Где-то во влажных джунглях каменноугольного периода появилось животное – примитивная рептилия, у которого впервые за все время существования земной биосферы имелось больше информации в мозгу, чем в генах. Эта рептилия не очень разумна, однако ее мозг представлял собой поворотный момент в истории земной жизни. Два последующих скачка в эволюции мозга связаны с возникновением млекопитающих и появлением человекоподобных приматов. В связи с этим К. Саган подчеркивает, что «основную часть истории жизни со времени каменноугольного периода можно назвать постепенным (и, конечно, неполным) торжеством мозга над генами».

В ходе последнего скачка появился качественно новый принцип морфофункциональной организации мозга человека, или «специфическая морфофункциональная система» (СЧМФС). Существенной функцией СЧМФС является то, что она дает возможность для восприятия, хранения, переработки и извлечения в нужный момент социально значимой информации. В этом смысле она является морфологическим субстратом для разворачивания социального наследования, для формирования социокодов, соответствующих потребностям той или иной общественной системы. Эволюция человека стала идти по иным каналам – каналам социума, социального организма, который уже не поддается пониманию исключительно с точки зрения естествознания. Одним из таких каналов является система нравственных табу, положившая начало общечеловеческим ценностям. Таким образом, СЧМФС сыграла свою роль в возникновении целостной человеческой реальности (сознание, социум и труд), в превращении биологических структур в социальную структуру. Человек по мере развития общества стал частью некой общей единой системы, с

¹ Baars Bernard J. In the theatre of consciousness. Journal of Consciousness Studies. 4. 1997. №. 4.

² Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Об объективном методе в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

которой он находится в неразрывной связи – с ноосферой, окончательно сформировавшейся в XX веке. Тем не менее проблема происхождения сознания человека до сих пор не решена до конца, ибо в научных дисциплинах нет состыковки в понимании природы человека, не решен целый спектр вопросов, связанных с проблемой сознания человека¹.

В связи с бурным развитием информационных, компьютерных, виртуальных, генных технологий сейчас необычайно усилился интерес к выяснению природы сознания в ее полноте. В современном поле исследований сознание определяется как «способность человека оперировать образами окружающего мира, которая ориентирует его поведение; субъектная, внутренняя жизнь индивида» (Ю.Г. Волков). Само сознание является наиболее таинственной «вещью» в мире на данный момент, потому что до сих пор нет ответа на следующие вопросы: почему оно существует? что оно делает? как оно могло возникнуть на основе биохимических процессов мозга? Именно эти вопросы вызывают у ученых наибольший интерес, и поэтому на протяжении многих лет проблема сознания освещалась только в научных работах, изучающих мозг и разум. И, несмотря на усилия исследователей, проблема сознания остается «вещью в себе» в силу своей необычайной сложности. Существует бесчисленное число точек зрения относительно природы сознания (Онтологический подход) – от позиций тех, кто утверждает, что источник сознания человека находится вне его (им является высшее «Я»), вследствие чего сознание не может быть объяснено стандартными методами нейрофизиологии и психологии, до тех, кто считает, что согласно которой сознание человека является неотъемлемой частью его телесной экзистенции (И.П. Павлов). Еще в 1913 году И.П. Павлов высказал идею о том, что сознание представляет собой область оптимальной возбудимости, которая перемещается по коре больших полушарий мозга, причем перемещение «светлого пятна сознания» зависит от характера выполняемой умственной деятельности. В 1998 году опубликована «прожекторная» теория одного из дешифраторов кода ДНК Ф. Крика (ее название сходно со «светлым пятном»), где основой сознания рассматривается синхронизация активности нейронов зрительной и сенсомоторной коры с частотой 35–70 Гц, само же сообщение о восприятии стимула невозможно без вовлечения лобных областей².

Большое число учёных пытается объяснить сознание с помощью метафор (сознание как космос, как театр, как тени на скале и т.п.). Б. Баарс также описывает принцип работы сознания с помощью метафоры, т.е. механизмы сознания в теории автора сравниваются с событиями, происходящими на сцене театра. Хотя сам Б. Баарс и говорит, что достаточно грубо и рискованно описывать сложные научные проблемы с помощью метафор, но, по его мнению, иногда именно они «обеспечивают лучшую отправную точку для научного исследования»³.

В рабочем театре центральное сознание действует как «светлое пятно» на сцене, направленное туда избирательным «прожектором» внимания. Только события, освященные этим «прожектором», становятся сознательными. Так называемые «актёры», соперничающие за доступ в светлое пятно (доступ в сознание), представляют собой потенциальные мысли, образы или чувства. Только то, что происходит в самом центре пятна, осознается полностью (т.е. осознается более точно и быстро)⁴.

В конце века среди разнообразных теорий сознания на первый план все отчетливее выдвигается теория «повторного входа» А.М. Иваничкого и Дж. Эдельмана – связь сознания с обращением к долговременной памяти. Синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – определяется возникновением ощущения (длительность 100–150 мс), которое опознается и категоризируется примерно через 200 мс. В пользу нейрофизиологического подхода к сознанию человека свидетельствуют эксперименты по созданию кремниевой сетчатки. Американские исследователи сконструировали электронную микросхему, имитирующую нейронную структуру глаза, что открывает перспективы для цифрового, более эффективного способа вычислений. В связи с этим поставлен вопрос, интересующий многих исследователей: может ли сознание возникать в сложной синтетической системе?

Очевидно, что при детальном анализе двух этих взглядов (один рассматривает сознание как функцию нейронных структур мозга человека, другой считает, что сознание как идеальное существо во взаимодействии человека с миром культуры) будут выявлены все ошибки и промахи, и что истина лежит посередине. В перспективе будет создана целостная теория, состоящая из двух

¹ Сенокосов Ю.П. Что такое сознание? С. 153–159.

² Спиркин А.Г. Философия: учебник. М., 2001.

³ Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии: зарубежные подходы. Самара, 2006.

⁴ Baars Bernard J. In the theatre of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 4. 1997. № 4.

компонентов: физических законов, объясняющих поведение физических систем, от бесконечно малых до бесконечно больших, и психологических законов, показывающих, как некоторые из данных систем ассоциируют с опытом сознания. Понятно, что следует иметь в виду многообразные философские, социологические, социально-психологические, коммуникативные и другие аспекты функционирования сознания.

Чернышова Евгения Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Chernyshova Evgenia Leonidovna, candidate of psychological sciences, associate professor of the general and social psychology of faculty of psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

Chernyshova_geni@bk.ru

Чернышов Виталий Сергеевич, выпускник. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Chernyshov Vitaly Sergeyeovich, graduate. Volga region state social and humanitarian academy. . Russia, Samara.

Chernyshova_geni@bk.ru

УДК 159.9+2

Эмпирические исследования категории созерцания

Архимандрит Георгий (Шестун), И.А. Подоровская

Empirical studies of contemplation category

Archimandrite George (Shestun), I.A. Podorovskaya

Аннотация. Статья посвящена новой в академической психологии теме: созерцание в категориальной системе современной психологии. В статье представлены результаты эмпирического исследования созерцательного и деятельного типа личности.

Ключевые слова: созерцание, ум, рассудок, разум, деятельность, святоотеческая психология.

Abstract. The article is devoted to new academic psychology theme: contemplation in a categorical system of modern psychology. The article presents the results of empirical research of contemplative and active type of personality.

Key words: contemplation, mind, intellect, reason, activity, patristic psychology.

Проблема созерцания, теоретически и эмпирически исследуемая Самарской психологической школой в течение последних лет, подвела православных психологов к гносеологической и антропологической теме различения ума и рассудка. Прот. Вадим Леонов пишет, что святоотеческая антропология четко различает духовно-созерцательную и интеллектуально-рассудочную познавательные способности человека, которые обозначаются разными терминами – «ум» и «рассудок». Слово «рассудок» в большинстве случаев у святых отцов обозначает способность рассуждать, мышление, указывает на разумную силу души. Слово же «ум» указывает на дух или созерцательную способность человека. Итак, познавательные способности человека в зависимости от способа реализации могут именоваться умом или разумом¹. Прп. Иоанн Дамаскин писал, что разумному существу принадлежат две способности – созерцательная и деятельная. Созерцательная способность постигает природу сущего, деятельная же обдумывает поступки и определяет для них правильную меру. Созерцательную способность называют умом, деятельную же – разумом; созерцательную способность называют также мудростью, деятельную – благоразумием².

¹Леонов Вадим, протоиерей. Основы православной антропологии : учеб. пособие. М., 2013. С. 76–77.

² Там же.

Если ум созерцает, то он именуется умом, так как в этом случае его деятельность прямо соответствует божественному замыслу о нем. Через эту деятельность человек обретает божественные Откровения и познает сущностей тварного мира, что и есть истинная мудрость. Если же ум уклоняется от созерцания и обращается к рассуждениям, построению понятий, диалогизирует, то он именуется разумом, и плодом его является знания о видимом мире.

Прп. Максим Исповедник учил, что ум есть орган мудрости, а разум – орган знания, ум ищет причину существ, а разум, многообразно оснащенный, исследует только качества¹.

Прот. Вадим Леонов приводит слова Св. Каллиста Катафигиота: «Одно дело созерцать, другое – размышлять. Ум сначала созерцает, а потом разнообразно мыслит... Ум должен научиться молчать, должен оголиться. Тогда он обретает чувство тайного, сверхразумного и божественного»².

Понятие «рассудок» указывает на душевный аппарат мышления, мыслительную силу души, интеллект, способность производить суждения.

В рамках научного проекта РГНФ «Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты» (руководитель – Г.В. Акопов) кафедрой православной педагогики и психологии СамПДС в мае–июне 2014 г. было проведено эмпирическое исследование диагностики склонности к созерцанию (ДС).

Результаты исследований по апробированию инструментария, проведенных ранее самарской психологической школой, позволяют предположить, что есть люди, более склонные к созерцанию и есть менее к нему расположенные. Есть и такие, которым оно не свойственно. Можно подойти к рассмотрению созерцания как личностной черты или «черты характера», и тогда ее можно назвать «созерцательностью». С чем же она связана? Созерцательность в большей степени свойственна людям с развитой интуицией, она более характерна для интровертов, чем для экстравертов. Созерцание выступает дополнительной к деятельности категорией психологии³. Переходя от деятельности к созерцанию, человек отказывается от активности, но это не всегда связано с ленью. Созерцание и лень отличаются разной направленностью, а именно – желанием отказаться от чего-то неприятного, непосильного, ответственного (в случае лени), или желанием быть вовлеченным во что-то приятное, притягательное, интересное (в случае созерцания). При опросах людей, проживающих в городе и в сельской местности, выяснилось, что созерцательность – в большей мере городская черта, чем сельская. Есть данные, подтверждающие предположение о том, что созерцательность противостоит трудоголизму, что созерцателей можно найти среди постоянных посетителей книжных магазинов и т.д.

Выборка исследования:

• Выборка № 1. В Самарской православной духовной семинарии в исследовании принимали участие студенты 1 курса пастырского отделения (20), 1 курса магистратуры (4). *Всего – 24 человека, все – мужского пола.*

• Выборка № 2. Студенты 1–3 курсов регентского отделения. *Всего – 23 человека, все – женского пола.*

• Выборка № 3. Монахи и насельники Заволжского мужского монастыря Честного и Животворящего Креста Господня с. Подгоры Волжского района Самарской области, наместник – архимандрит Георгий (Шестун). *Всего 13 человек. Все мужского пола.*

• Выборка № 4. Студенты Самарской государственной областной академии (Наяновой) СГОАН (специальности: связь с общественностью (2 курс), философия (1 курс), туризм (1 курс)). *Всего 26 человек (22 – женского пола и 4 – мужского).*

Итого в исследовании приняли участие всего 86 человек.

Сравнительный анализ результатов теста «Диагностики склонности к созерцанию» (ДС) всех четырех выборок:

1. Тип сознания «Склонность к созерцательному образу жизни» встречается в 91%, 80%, 85%, 76% случаев в выборках. Наименьший результат (хотя все равно высокий) наблюдается в выборке № 4 (студенты СГОАН).

2. При этом тип «созерцательная лень» представлена 56%, 43%, 69%, 40% соответственно. Наибольший результат у монахов (69%), наименьший у студентов СГОАН (40%).

¹ Леонов Вадим, протоиерей. Основы православной антропологии

² Там же.

³ Акопов Г.В. Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010.

3. С помощью теста ДС во всех четырех группах выявляется тип «созерцательный сон», хотя в меньшем количестве, чем «созерцательная лень» (26%, 14%, 8%, 20%).

4. Тип «деятельное созерцание» выявлен в 9%, 24%, 8%, 16% случаев.

5. Тип, в котором в некоторых сферах преобладает созерцательная позиция, в некоторых деятельная имеет следующие показатели: 9%, 19%, 15%, 24%. Наибольший процент показывают студенты СГОАН, наименьший – студенты семинарии пастырского отделения.

6. Чисто деятельный тип сознания не был выявлен ни разу во всех четырех выборках.

Теоретический анализ полученных эмпирических результатов

Самарская научная психологическая школа разработала тесты, выявляющие склонность к созерцательному, деятельному или смешанному (в некоторых сферах преобладает созерцательная позиция, в некоторых – деятельностная) образу жизни¹, в основу которого была положена идея о существовании дихотомии «созерцание – деятельность» в типах индивидуального сознания. Следовательно, можно говорить о созерцательном и деятельном типах личности, т.к. особенности сознания определяют и особенности поведения, жизненного пути (не в содержательном, а в инструментальном смысле, конечно). Известное изречение сербского старца – архимандрита Фаддея (Штрабуловича): «Каковы твои мысли, такова и жизнь твоя» дало название книге его поучений, где подробно рассматривается данная тема – связь содержания сознания человека и его жизни².

Г.В. Акопов и Т.В. Семенова, кроме склонности к созерцанию, выделяют и несколько типов индивидуального сознания: «созерцательный» (с преобладанием созерцания), деятельный (с преобладанием деятельности), «критический» (и то, и другое) и неопределенный (невывраженный). Эта идея, интуитивно нащупанная авторами, в христианском мире имеет древнейшие корни и восходит к Евангельскому тексту (Лк.10). С первых веков христианства праведные Марфа и Мария олицетворяют собой два пути христианского спасения: путь деятельного служения Богу и ближним – путь Марфы, и путь созерцательной, молитвенной жизни – путь Марии.

Современный русский богослов архимандрит Платон (Игумнов) в книге «Православное нравственное богословие» посвящает целый раздел («Благочестие как путь деятельной и созерцательной жизни») теме двух видов служения. Интересно, что автор связывает тип жизни (созерцательной или деятельной) с интровертированной или экстравертированной установками личности (в юнговском понимании).

«Религиозному переживанию славы и святости Бога соответствуют два аспекта христианского православного благочестия: это деятельность и созерцание»³.

Архимандрит Платон пишет: «Святые отцы Церкви видели пример деятельной и созерцательной жизни в евангельском образе двух сестер – Марфы и Марии». Следующая мысль принадлежит ему самому (мы ее нигде не встречаем у святых отцов): «Деятельная жизнь определяется преимущественно экстравертивной установкой личности, созерцательная жизнь определяется преимущественно интровертивной установкой. В области религиозного благочестия экстравертивная и интровертивная установки являются глубоко взаимосвязанными и определяют собой путь, ведущий личность на высоту духовного совершенства и нравственного достоинства»⁴.

Говоря о двух аспектах христианского благочестия – деятельной и созерцательной жизни, святые отцы Церкви подчеркивают, что нельзя найти четкой и уловимой грани между этими двумя сферами религиозного опыта. Связываясь между собой внешне и внутренне, сосуществуя в одном контексте и имея один общий источник – заповеданную Евангелием любовь к Богу и ближним, *деятельность и созерцание образуют единый путь* духовно-нравственного совершенствования личности⁵.

Два пути жизни христианина описывали многие православные подвижники. Так, прп. Серафим Саровский («О жизни деятельной и умозрительной») считал, что, поскольку человек состоит из души и тела, потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания. «Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную, ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно». Прп. Серафим не считал типы жизни за-

¹ Акопов Г.В., Семенова Т.В. Созерцание: современное теоретико-эмпирическое исследование // Креативная экономика и социальные инновации. 2013. № 1 (4). Вып. 3. С. 67-80.

² Каковы мысли твои, такова и жизнь твоя. Поучения старца Фаддея Витовницкого / пер. с серб. А. Логинова. Минск, 2013.

³ Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. Сергиев Посад, 1994. С 201.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 202.

данными, а описывал их последовательность в пути каждого человека, желающего спасения. Конечно, здесь говорится не о типе сознания, а о типе жизни.

Также и преп. Максим Исповедник пишет о двух путях – деятельном и созерцательном – как о проходящих параллельно. «Тому, кто деятельно проходит жизнь, Господь присущ посредством добродетелей... И опять, мужу созерцательному Он присущ чрез *истинное ведение вещей...*».

В данном контексте было бы интересно и важно провести кросскультурные исследования для выявления ведущего типа сознания не только среди городского и сельского населения (городское – более созерцательное, деревенское – более деятельное), но и посмотреть межцивилизационные отличия. Даже внутри христианского мира православная цивилизация отличается от католических, а еще больше от протестантских стран доминирующим типом сознания. Протестантский тип сознания в силу конфессиональных особенностей (отсутствием монастырей, практики внутреннего делания, богословской неразработанности темы созерцания) более деятельный. Православный тип сознания – более созерцательный.

Для православной цивилизации характерно новозаветное отношение к жизни, изложенное Господом (Мф. 6):

²⁴Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне (*богатству*). ²⁵Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? ²⁶Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? ²⁷Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть? ²⁸И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; ²⁹но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; ³⁰если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малOVERы! ³¹Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? ³²потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. ³³Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. ³⁴Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своем: довольно для *каждого* дня своей заботы.

Интересный и важный фрагмент Священного Писания Нового Завета, который (не он один, конечно) формирует православный созерцательный тип сознания. Сам традиционный уклад жизни русского православного человека говорит о созерцательном типе сознания. До революции 1917 г. русское село – это убогие избы с соломенными крышами (то, что для тела), которые соседствовали с величественными каменными храмами с золотыми куполами, прекрасной иконописью и богатой утварью, огромными церковными хорами (и не одним) – это для души. «Странник я на земле...», а душа вечная. Конечно, среди русского православного народа было много деятельных и предприимчивых людей (например, преподобный Серафим Вырицкий (†1946) до монашеского пострига был миллионером, занимавшимся пушниной). Очень предприимчивым и деятельным в миру был и известный афонский старец Иосиф Исихаст. Но, наверное, сохраняется некоторый общий вектор отношения к богатству.

Протестантизм, опирающийся также на тексты Священного Писания, делает акцент на ветхозаветном понимании богатства, как благословении Божьем, а нищету считает проклятием (Втор. 28).

Косвенным доказательством этому могут служить сравнительные данные об уровне благосостояния католиков и протестантов в Европе на 1905 год, которые приводит М. Вебер. Он пишет о несомненном преобладании протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих и, прежде всего, среди высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий¹.

М. Вебер приводит характерный для его эпохи факт: среди абитуриентов-католиков процент окончивших учебные заведения, которые готовят к технической и торгово-промышленной деятельности, вообще к буржуазному предпринимательству (реальные гимназии, реальные училища, гражданские училища повышенного типа и т.п.), значительно ниже, чем среди протестантов – католики явно предпочитают гуманитарную подготовку классических гимназий. Еще более

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения : пер. с нем. М., 1990. С. 61–62.

показательно другое наблюдение, свидетельствующее о том, что среди квалифицированных рабочих современной крупной промышленности мало католиков¹.

М. Вебер объясняет это тем, что своеобразный склад психики, обусловленный воспитанием, в частности, религиозной атмосферой родины и семьи, определяет выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности. Он считал, что протестанты проявляют специфическую склонность к экономическому рационализму, которую католики не обнаруживают.

При поверхностном подходе и под влиянием современных представлений легко может сложиться следующая интерпретация данного явления: большая «отчужденность от мира», свойственная католицизму, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его приверженцах известное равнодушие к земным благам. Эта аргументация действительно лежит в основе сравнительной оценки обоих вероисповеданий. Протестанты, используя эту схему, подвергают критике аскетические (действительные или мнимые) идеалы жизненного уклада католиков, католики же, в свою очередь, упрекают протестантов в «материализме», к которому привела их секуляризация всего содержания жизни. Один современный М. Веберу писатель счел возможным сформулировать противоположность обоих вероисповеданий так, как она проявилась в их отношении к предпринимательской деятельности, следующим образом: «Католик... спокойнее; наделенный значительно более слабой склонностью к приобретательству, он предпочитает устойчивое обеспеченное существование, пусть с меньшим доходом, рискованной, тревожной жизни, подчас открывающей путь к почестям и богатству. Народная мудрость гласит: либо хорошо есть, либо спокойно спать. В данном случае протестант склонен хорошо есть, тогда как католик предпочитает спокойно спать»².

Мысли М. Вебера подтверждает мнение современных протестантов (например, кальвинистов) о предпринимательстве и богатстве: «В кальвинизме деньги – не грех. Вот почему в кальвинистских странах не смог возникнуть коммунизм, вот почему там такое высокое качество товаров и услуг, вот почему там такая прекрасная жизнь, и вот почему они самые богатые страны мира»³. При таком подходе созерцательная жизнь становится бессмысленной, не приносящей дохода.

Подводя итоги, можно сказать, что категория созерцания в современной психологии, безусловно, нуждается в дальнейших исследованиях – как теоретических, так и экспериментальных. Как показывает опыт, наиболее содержательными являются исследования, проводимые в русле сопряжения психологии и православного богословия.

Архимандрит Георгий (Шестун), доктор педагогических наук. Самарская Православная Духовная семинария. Россия, г. Самара.

Archimandrite George (Shestun), doctor of pedagogical sciences. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
kafpravped@yandex.ru

Подоровская Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, зав. регентским отделением. Самарская Православная Духовная семинария. Россия, Самара.

Podorovskaya Irina Anatolyevna, candidate of psychological sciences, associate professor of pedagogics and psychology. Samara Orthodox Theological seminary. Russia, Samara.
kafpravped@yandex.ru

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 63–64.

² Там же. С. 65–66.

³ Протестантизм и православие – краткое сравнение доктрин. <http://www.calvinism.ru/compare.htm>

Сознание и бессознательное в явлениях социальной категоризации, самокатегоризации, идентичности и смыслообразования

УДК 159.922.4(47+57)+159.923

Особенности российского менталитета в контексте проблемы становления идентичности

Н.В. Анненкова

Features of the Russian mentality in the context of an identity formation problem

N.V. Annenkova

Аннотация. В статье особенности российского менталитета рассматриваются через призму взаимосвязи процесса становления идентичности и различных аспектов феномена эгоцентризма.

Ключевые слова: идентичность, личностная идентичность, эгоцентризм, менталитет, российский менталитет.

Abstract. In article features of the Russian mentality through a prism of interrelation of process of formation of identity and various aspects of a phenomenon of an egocentrism are considered.

Key words: identity, personal identity, egocentrism, mentality, Russian mentality.

Вопрос об особенностях российского менталитета стоит давно, и не только в контексте научного знания. Чего стоит одно только «Умом Россию не понять...» Ф.И. Тютчева. К данному вопросу неоднократно обращались многие поколения ученых (М. Блок, П.С. Гуревич, В.А. Шкуратов, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева и др.)¹. Мы попытаемся осветить его в контексте проблемы становления личной идентичности.

Вслед за Э. Эриксеном, впервые детально описавшим это понятие, мы будем рассматривать идентичность как динамическое образование, интегрирующее отдельные аспекты личности в единое целое. В рамках данной статьи нас будет интересовать социальный аспект становления идентичности. На поведенческом уровне его можно рассматривать как решение жизненных задач, стоящих перед индивидуумом, причем каждое решение, принятое им относительно себя и своей жизни (самоопределение), вносит свою лепту в формирование самоидентичности.

Последователь Э. Эриксона Дж. Марсиа выделил четыре статуса эго-идентичности, основанные на двух критериях: наличии или отсутствии кризиса и выбора в жизненно важных для человека сферах². Статусы личной идентичности могут быть описаны следующим образом:

- достигнутая идентичность связана с пережитым кризисом и характеризует людей, сделавших значимые для их жизни выборы в сфере профессии или идеологии;
- мораторий характеризует человека, находящегося в кризисе в момент проведения исследования, выбирающего между альтернативами, представленными в его жизни, и находящегося в ситуации неопределенности своих предпочтений;
- предрешение отражает состояние индивидуума, определившегося в основных ориентирах своей жизни, в прошлом и настоящем которого отсутствуют признаки переживания кризиса (или они незначительны);
- диффузия идентичности связана с отсутствием или избеганием принятых решений в отношении профессии, идеологии, семьи и пр., а также отсутствием кризиса, связанного с необходимостью взять на себя те или иные обязательства.

¹ См. по: Митина Г.В. Особенности изменения менталитета в современном российском обществе : дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2005.

² Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // J. of Personality. 1966. P. 551–558.

Согласно Дж. Марсиа, описанные им статусы идентичности представляют общую логическую последовательность формирования эго-идентичности. В то же время исследователь отмечает, что становление идентичности не является линейным процессом. Так, имея статус достигнутой идентичности, человек может вновь пережить кризис (мораторий) и в результате вернуться в диффузное состояние.

Несмотря на то, что процесс становления идентичности связывают, прежде всего, с подростковым возрастом, возвращение к кризису возможно на протяжении всей жизни человека. На основании результатов лонгитюдных исследований А. Ватерман сделал вывод, что ощущение собственной идентичности размывается по мере того, как ценности и убеждения теряют свою актуальность. В этом случае запускается процесс переосмысления, т.е. у человека есть возможность через кризис снова достичь чувства собственной идентичности. В противном случае, если индивидуум не хочет замечать изменений, происходящих в его жизни, а также избегает решения вновь возникающих проблем, он может оказаться в состоянии диффузии¹.

Описанный подход имеет, на наш взгляд, огромное значение для жителей России, поскольку на протяжении многих десятилетий изменения в различных областях и сферах жизни непрерывно возвращают нас к переосмыслению ценностей и новому самоопределению в тех сферах, где казалось бы, всё устоялось.

Помимо понятия «идентичность», для нас важен другой аспект человеческого сознания – эгоцентризм. В большинстве философских энциклопедий и словарей он определяется как негативная личностная особенность, крайняя степень эгоизма. Однако интересующая нас психологическая трактовка не включает отрицательной оценки, хотя и допускает, что проявления эгоцентризма могут оцениваться негативно.

Как известно, Ж.Пиаже связывал центрированность на себе с недостаточной дифференциацией областей реальности. Д. Элкин и его последователи, обратившие внимание исследователей на аффективно-личностный аспект эгоцентризма, выделили следующие важные для нашего рассмотрения понятия: воображаемая аудитория, уникальность, неуязвимость².

Воображаемая аудитория связана с ошибкой восприятия индивидуума, полагающего, что окружающие его люди поглощены тем же, чем и он сам. Неуязвимость – с ощущением человека, что что-то негативное, плохое или неприятное может случиться с кем угодно, только не с ним самим. Уникальность – это переживание индивидом своих чувств, мыслей, поступков, жизненной ситуации как неповторимых, уникальных и, в силу этого, недоступных для понимания другим.

По мнению Пиаже, несмотря на то что феномен эгоцентризма характеризует различные этапы становления личности, в том числе подростковый возраст, у взрослых проявления эгоцентризма также возможны, например, при столкновении с незнакомыми, непривычными объектами и ситуациями. Иными словами, центрация человека на себе усиливается всякий раз, когда ему приходится соприкоснуться с чем-то новым, с незнакомой прежде сферой познавательной деятельности. Всплеск эгоцентризма постепенно затухает по мере освоения индивидом новой области.

В российской психологии Т.И. Пашукова и другие ученые рассматривают эгоцентрическую направленность личности как единицу измерения эгоцентризма, под которым понимается такая фокусировка на своих интересах и желаниях, при которой цели, планы и взгляды других людей в расчет не берутся или не учитываются в должной мере³.

В ходе исследования взаимосвязи эгоцентризма и идентичности было установлено, что особенности проявления и степень выраженности различных аспектов эгоцентризма непосредственно связаны с процессом становления идентичности. Так, кризис идентичности (мораторий) связан с усилением эгоцентрической направленности личности ($p < 0,01$) и всплеском «воображаемой аудитории» ($p < 0,01$). Статусу достигнутой идентичности сопутствует кратковременное, но яркое переживание собственной уникальности ($p < 0,01$). Самые яркие проявления переживания собственной неуязвимости связаны со статусом предрешиения⁴.

Таким образом, эгоцентризм выполняет две функции: с одной стороны, защитную, предохраняя «Я» человека от чувства стыда и возможного ущерба, с другой – ресурсную, открывая

¹ Анненкова Н.В. Динамика соотношения подросткового эгоцентризма и становления идентичности : дис. ... канд. псих. наук. М., 2004.

² Анненкова Н.В., Камнева Е.В. Специфика российского менталитета в период нестабильности // Научный вестник МГИИТ. 2011. №2. С. 101–115.

³ Пашукова Т.И. Социально-психологические и возрастные факторы и закономерности динамики эгоцентризма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. №539. С. 57–67.

⁴ Анненкова Н.В. Динамика соотношения подросткового эгоцентризма и становления идентичности...

перед индивидом новые возможности, позволяя ему сохранить и повысить самоуважение, усилить собственное «Я»¹.

Возвращаясь к теме особенностей российского менталитета, отметим, что, вследствие нестабильности жизни в России, появляется определенно количество людей, заново переживающих кризис идентичности, связанный с выбором в той или иной сфере жизни. Эти люди, имеющие статус моратория, характеризуются более высоким уровнем эгоцентризма/эгоцентрической направленности личности².

Особенностями становления идентичности в условиях беспокойной российской жизни можно также объяснить ряд других феноменов. Например, переживание своей непохожести на других, непостижимости другими своего опыта, так часто наблюдаемое в России, может быть связано с условно короткой вспышкой переживания данного ощущения при обретении человеком статуса достигнутой идентичности. Ощущение неуязвимости, характеризующее, к примеру, ряд российских туристов, отправляющихся в опасные регионы в силу снижения стоимости путевок (когда представители других стран отказываются от поездок), может быть связано с такими статусами идентичности, как предрешение и диффузия.

Таким образом, нестабильность российской жизни, по-видимому, способствует постоянно-му переосмыслению ценностей и принятию решений в ключевых сферах жизнедеятельности, что, в свою очередь, влияет на изменение статусов эго-идентичности жителей России. Можно предположить, что эта особенность жизни провоцирует более высокий уровень эгоцентризма/эгоцентрической направленности личности у жителей страны. Данная направленность, с одной стороны, выступает как ресурс и в определенном смысле как «защита», призванная поддерживать индивида и «усилить» его личностную позицию. С другой стороны, она характеризует эгоцентрический характер мышления россиян.

Анненкова Наталия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.

Annenkova Natalia Viktorovna, candidate of psychological sciences, associate professor "Applied psychology". FGOBU VPO Financial university at the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
n_annenkova@mail.ru

УДК 159.964+159.9.072+165

Усвоение имплицитных правил под действием эксплицитной обратной связи

С.Н. Бурмистров, Ю.Е. Шилов

Implicit rules learning conditioned by an explicit feedback

S.N. Burmistrov, Yu.Y. Shilov

Материалы подготовлены в рамках проекта, поддержанного РФФИ (проект № 13-06-00416).

Аннотация. В работе рассматривается влияние эксплицитной обратной связи на эффекты имплицитного научения. Две группы испытуемых в ходе решения задач на классификацию стимульного материала получали разную обратную связь. Показано, что испытуемые приобретают имплицитное знание того правила, которое согласуется с обратной связью.

Ключевые слова: имплицитное научение; обратная связь; взаимодействие имплицитного и эксплицитного знания.

Abstract. The article deals with an impact of explicit feedback on the effects of implicit learning. Two groups were given different feedback when solving the classification task. It was shown that participants learn implicitly only the rule that is consistent with feedback.

Key words: implicit learning; feedback; interaction of consciousness and unconscious processes.

Вопрос о роли сознания и бессознательного в познавательной деятельности обсуждается уже много десятилетий. Согласно традиционной точке зрения, сознание обеспечивает обработку

¹ Анненкова Н.В. Динамика соотношения подросткового эгоцентризма и становления идентичности. ...

² Анненкова Н.В., Камнева Е.В. Специфика российского менталитета в период нестабильности. ...

наиболее сложной из всей поступающей от внешнего мира информации. Вместе с тем множество данных указывает на то, что неосознаваемое (имплицитное) приобретение и переработка информации происходит несопоставимо быстрее и эффективнее, чем осознаваемое научение. Так, П. Левитски отмечает, что имплицитное знание принципиально недоступно для сознания, потому что имеет более сложную организацию, чем то знание, которое мышление способно обработать под контролем сознания¹.

Сегодня существует несколько подходов, в рамках которых проводятся исследования таких аспектов имплицитного научения, как уровень осознания приобретенного знания и произвольность его реализации в поведении². Многие психологи признают, что имплицитное научение не изолировано от сознания³. Предлагаются разные объяснительные модели, описывающие взаимосвязь сознания и бессознательного в процессе познания. В частности, А.Ю. Агафонов указывает, что все гипотезы о внешнем мире генерируются бессознательно на основе прошлого опыта, а специфическая роль сознания заключается в проверке этих гипотез. При этом сознание и бессознательное он объединяет в единую сферу неосознаваемого, противопоставляя их активность области осознаваемого опыта⁴. Имплицитное знание, в соответствии данной моделью, одновременно устанавливает в окружающей действительности множество закономерностей, некоторые из которых сознание проверяет в опыте. Формирование адекватной картины реальности происходит на основании обратной связи, сообщающей о результатах тестирования гипотез.

В исследованиях, основанных на парадигме научения искусственной грамматике (AGL), неоднократно отмечалось, что приобретение имплицитного знания происходит независимо от предъявления обратной связи⁵. Вместе с тем при использовании таких исследовательских программ, как выработка условных реакций, овладение вторым языком и управление динамическими системами, обратная связь играет ключевую роль.

Описанное ниже исследование является продолжением серии экспериментов⁶, направленных на установление зависимости когнитивной активности, в частности имплицитного научения от разных видов обратной связи.

Метод.

В эксперименте приняли участие 40 человек обоих полов в возрасте от 18 до 40 лет. Испытуемых распределили случайным образом на две экспериментальные группы (по 20 человек в каждой).

Для проведения эксперимента была разработана компьютерная программа, позволяющая произвольно задавать требуемые режимы стимуляции. Использовался компьютер с матрицей серийного образца при разрешении экрана 1366x768 пикселей.

Эксперимент состоял из двух частей: обучающей и тестовой.

В обучающей части, включающей 40 задач, испытуемым последовательно предъявляли наборы графических изображений. Требовалось установить, соответствует данный набор правилу или нет. В чем заключалось правило, испытуемым не сообщалось. После решения каждой задачи (осуществления выбора) испытуемые получали обратную связь – информацию о правильности их ответа.

¹ Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious acquisition of information // *American psychologist*. 1992. Vol. 47. №6. P. 796–801.

² См. Ivanchei I. Theories of Implicit Learning: Contradictory Approaches to the Same Phenomenon or Consistent Descriptions of Different Types of Learning? // *The Russian Journal of Cognitive Science*. 2014. Vol. 1. №4. P. 4–30.

³ См., например: Dienes Z., Broadbent D., Berry D. Implicit and explicit knowledge bases in artificial grammar learning // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1991. Vol. 17. №5. P. 875–887 ; Price M.C., Norman E. Intuitive decisions on the fringes of consciousness: Are they conscious and does it matter? // *Judgment and Decision Making*. 2008. Vol. 3. №1. P. 28–41.

⁴ Агафонов А.Ю. Как изучать сознание? // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2011. Т. 13. № 2-1. С. 85–90 ; Его же. Эволюционная эпистемология и когнитивная психология сознания, или зачем человеку разум? // *Вестник Самарского государственного университета*. 2013. № 5 (106). С. 165–178.

⁵ См., например: Dienes Z., Altmann G., Gao S.J. Mapping across domains without feedback: A neural network model of transfer of implicit knowledge // *Cognitive Science*. 1999. Vol. 23. №1. P. 53–82.

⁶ См. обзор: Агафонов А.Ю., Бурмистров С.Н., Козлов Д.Д., Шилов Ю.Е. Исследования влияния обратной связи на эффективность научения и когнитивной деятельности (обзор экспериментальных результатов) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015. Т. 17. №1 (в печати).

В качестве стимульного материала использовались графические изображения, различающиеся по двум признакам: форме и типу штриховки. Каждое изображение могло иметь одну из четырех форм и было заштриховано одним из четырех типов штриховки (рис. 1). Таким образом, всего было 16 изображений. Они использовались для составления 56 наборов по 3 изображения в каждом. Правило устанавливало соотношение представленных в наборе изображений по одному из критериев. Для группы 1 этим критерием была форма изображений, для группы 2 – тип штриховки.

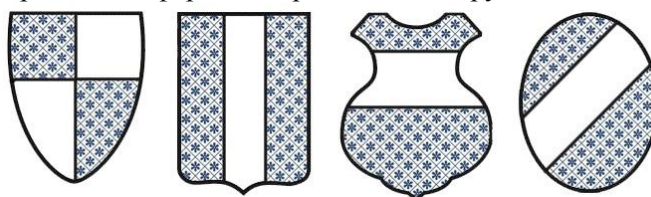

Рис. 1. Пример стимульного материала

В обеих группах предъявлялись одинаковые наборы изображений. Последовательность расстановки изображений в наборе не имела значения. Время демонстрации каждого набора – 3 секунды.

В группе 1 «правильными» считались те наборы, в которых были представлены изображения с формой (1) и (2), а также или (3), или (4). Нарушением правила считалось включение в набор изображений с формой (3) и (4). При этом тип штриховки не имел значения.

В группе 2 «правильными» считались наборы, в которых были представлены изображения с типом штриховки (1) и (2), а также или (3), или (4). Нарушением правила считалось включение в набор изображений со штриховкой (3) и (4). При этом форма изображений не имела значения.

Из 40 наборов, представленных в задачах обучающей части, 20 наборов отвечали правилу группы 1 и нарушали правило группы 2, а другие 20 наборов отвечали правилу группы 2 и нарушали правило группы 1. Последовательность предъявления наборов была задана в случайном порядке.

Обратная связь демонстрировала, соответствует ли выбор правилу, установленному для соответствующей группы.

Тестовая часть включала 16 задач, в которых использовались наборы, составленные по тем же правилам, что и в обучающей части. Испытуемые могли осуществлять выбор с момента появления набора на экране, время демонстрации наборов не ограничивалось. Последовательность предъявления наборов была задана в случайном порядке.

После решения задач тестовой серии испытуемых просили ответить на ряд вопросов, например: «На что Вы ориентировались, совершая выбор?», «Как Вы считаете, чем отличались наборы изображений, отвечающие правилу, от тех наборов, которые его нарушали?»

Затем испытуемые выполняли задание на дополнение набора, состоящего из двух изображений, одним из четырех других. Задание состояло из двух частей, по 10 задач в каждой. В первой части испытуемые должны были дополнить набор до «правильного», во второй – наоборот, дополнить набор, нарушив установленное ранее правило. Два из предлагаемых на выбор вариантов изображений позволяли решить первые 10 задач, другие два варианта давали возможность решить 10 задач второй части. Таким образом, вероятность случайного угадывания во всех случаях составляла 50%. Задание было составлено в соответствии с процедурой диссоциации процессов Л. Джакоби¹.

Фиксировались следующие параметры:

- количество правильных ответов в тестовой серии задач;
- время выбора ответа в тестовой серии;
- количество (процент) «правильных» наборов, составленных в задании на дополнение наборов одним из предложенных вариантов.

Результаты.

Полученные данные показали, что испытуемые обеих экспериментальных групп приобрели знание, позволяющее с вероятностью выше случайного угадывания определять соответствует предъявленный набор изображений установленному правилу или нет (таб. 1). Значение было рассчитано с помощью критерия χ^2 Пирсона с поправкой Йетса на непрерывность. В эксперимен-

¹ Jacoby L.A. Process dissociation framework: Separating automatic from intentional uses of memory // Journal of memory and language. 1991. Vol. 30. №5. P. 513–541.

тальной группе 1 количество правильных ответов составило 190 (59,38%), что значительно превышает уровень случайного угадывания ($\chi^2(1)=5,30$; $p=0,021$). В экспериментальной группе 2 количество правильных ответов составило 193 (60,31%), что еще выше уровня случайного угадывания ($\chi^2(1)=6,88$; $p=0,009$). Для всей выборки $\chi^2(1)=12,13$; $p=0,0005$.

Таблица 1

Результаты решения задач в тестовой серии

Тип ответа	Группа 1	Группа 2	Всего
«Правильный» ответ	190 59,38%	193 60,31%	383 59,84%
«Неправильный» ответ	130 40,63%	127 39,69%	257 40,16%
Всего	320	320	640

Для оценки второго параметра был произведен дифференцированный анализ времени принятия верных и ошибочных ответов в обеих экспериментальных группах. Обнаружено, что испытуемые обеих групп правильный выбор совершали несколько быстрее, чем неправильный. Однако обнаруженный эффект недостаточно выражен, значение результатов находится на уровне статистической тенденции (таб. 2, рис. 2).

Таблица 2

Основные результаты дисперсионного анализа

Источник дисперсии	SS	df	MS	F	p
Группа	23346602,1	1	23346602,1	4,464	0,035
Ответ	12209336,5	1	12209336,5	2,335	0,127
Группа* Ответ	1207610,4	1	1207610,4	0,231	0,631
Внутригрупповая	3326149242,0	636	5229794,4		

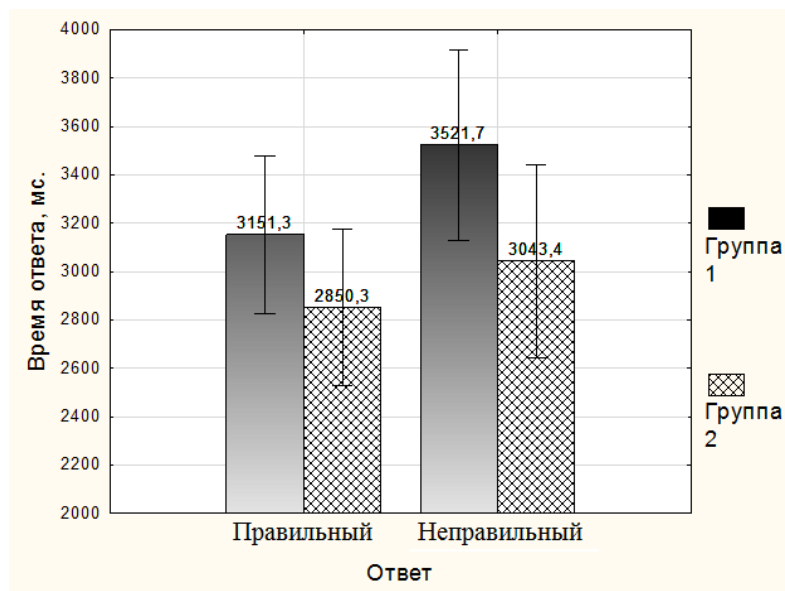

Рис. 2. Время ответа в первой и второй группе

В постэкспериментальном интервью испытуемые указывали признаки, которые в большинстве случаев относились как к «правильным», так и к «неправильным» наборам. По результатам опроса один испытуемый показал эксплицитное знание критериев набора, отвечающего правилу. Его данные были удалены из дальнейшего анализа.

Результаты задания на дополнение наборов показали, что при получении релевантной, т.е. ориентирующей на создание наборов, отвечающих правилу, эксплицитной установки, испытуемые показали более высокий процент составления «правильных» наборов, чем при получении

иррелевантной установки на создание наборов нарушающих правило (таб. 3). Однако различия показателей в группах не являются статистически значимыми ($p > 0,05$).

Таблица 3

Результаты задания на дополнение наборов

Тип установки	Релевантная	Иррелевантная
% "правильных" наборов в группе 1	46%	39%
% "правильных" наборов в группе 2	48%	44%

Выводы.

В результате проведенного эксперимента было обнаружено, что имплицитное научение происходит при взаимодействии с целенаправленной, осознаваемой когнитивной активностью. Воспринимая одинаковый стимульный материал и решая одну и ту же задачу, испытуемые усвоили разные правила. При этом, формулируя правило, участники эксперимента либо испытывали затруднения, либо указывали некорректные соотношения признаков в наборах. Результаты задания на дополнение наборов показали, что, вероятно, некоторая часть знания доступна для сознательного использования. Однако учитывая, что в условиях релевантной установки процент «правильных» наборов в обеих группах не превысил уровня случайного угадывания (50%), можно предположить, что при решении задач тестовой части испытуемые руководствовались знанием, которое не было показано в задании на дополнение наборов.

Таким образом, использование обратной связи позволяет установить взаимное влияние имплицитного и эксплицитного знания. Оно проявляется, с одной стороны, в избирательности имплицитного научения, устанавливающего закономерности в потоке осознаваемой информации, с другой – в эффектах осознания, возникающих в результате действия имплицитного знания.

Бурмистров Сергей Николаевич, ассистент кафедры общей психологии. Самарский государственный университет. Россия, Самара.

Burmistrov Sergey Nikolayevich, assistant to department of the general psychology. Samara state university. Russia, Samara.
burm33@mail.ru

Шилов Юрий Егорович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии. Самарский государственный университет. Россия, Самара.

Shilov Yury Egorovich, candidate of psychological sciences, associate professor of the general psychology. Samara state university. Russia, Samara.
sheloves@ssu.samara.ru

УДК 159.923

Диалогическое исследование «потока сознания»

Г.В. Дьяконов

Dialogical research of the «stream of consciousness»

G. V. Dyakonov

Аннотация. В статье рассматривается феномен «потока сознания» и характеризуются его принципы на материале художественной литературы и искусства. Предлагается авторский подход к феномену «потока сознания» на основе положений гештальт-терапии и диалогического подхода в психологии. Формулируются некоторые результаты эмпирического исследования «потока сознания» с помощью методов гештальт-терапии.

Ключевые слова: «поток сознания»; принципы «потока сознания»; гештальт-терапия; диалог; диалогический подход.

Abstract. The article deals with the phenomenon of "stream of consciousness" and characterized by its principles on material of literature and the arts. The author's approach to the phenomenon of "stream of consciousness" on the basis of the provisions of Gestalt therapy and dialogical approach in psychology. Formulated some of the results of empirical research the "stream of consciousness" with the methods of Gestalt therapy.

Key words: "stream of consciousness"; the principles of "stream of consciousness"; gestalt therapy; dialogue; dialogical approach.

Современная отечественная психология сознания раскрывает широкую феноменологию психических явлений и процессов и требует новых парадигм и методологических подходов в изучении сознания.

Для исследования сознания важны и перспективны гештальт-терапевтическая концепция осознания и феномен «потока сознания». Эти две психокультурные практики существуют многие десятилетия, однако взаимосвязь между ними почти не изучена.

Поэтому цель настоящей статьи заключается в теоретическом и практическом исследовании взаимосвязи между теорией и практикой осознания в гештальт-терапии и психокультурной концепцией и методом «потока сознания». Важной особенностью данного исследования является учет ряда положений диалогического подхода в психологии и психотерапии.

Процессы осознания (наряду с процессами контактирования) являются фундаментальным основанием теории и практики гештальт-терапии¹. Техники осознания Ф. Перлза и его последователей ориентируют на осознание сенсорно-перцептивных и телесно-двигательных ощущений, чувств и эмоций. В то же время практика гештальт-терапии показывает, что многообразие предметного содержания процессов осознания включает в себя не только сенсорно-перцептивные и телесно-двигательные стимулы, ощущения и эмоции, но и более широкий круг непрерывно текущих компонентов и процессов осознания и самоосознания, которые изменяются и развиваются – мыслей, образов, чувств, переживаний, мотивов, волевых состояний, смыслов, отношений и др.

Процессуальное содержание гештальт-терапевтического осознания характеризуется значительным разнообразием психических функций и механизмов сознания (что позволяет говорить о его полифонии), а также разнообразной динамикой проявления и действия различных сторон и функций человеческого сознания. Вследствие этого мы выдвигаем предположение о значительном и существенном сходстве особенностей осознания в гештальт-терапии и психологического феномена «потока сознания».

Представление о «потоке сознания» в психологии восходит к воззрениям А. Бергсона о феномене длительности в человеческом бытии и связанной с ним идее континуальности человеческого сознания. В последние годы концепция «потока» развивается в работах М. Чиксентмихайи.

Конкретная разработка концепции «потока сознания» в психологии была впервые предложена У. Джемсом, который противопоставил ее представлениям ассоциативной психологии, согласно которым сложное содержание сознания аддитивно складывается из более простых элементов (как здание из кирпичей или камней)². Ассоциативность сознания – важная черта «потока сознания», но она является не аддитивной суммой элементов, а целостным, непрерывным и динамичным единством разных проявлений и сторон сознания. Иначе говоря, по Джемсу, основными свойствами сознания являются его: 1) субъектность, 2) изменчивость, 3) непрерывность и 4) избирательность³.

Представление о «потоке сознания» в психологии и культуре XX века связывалось также и с психоаналитическим пониманием природы и метода свободных ассоциаций⁴, позволяющим истолковать цепочки психических взаимосвязей в подсознании человека и тем самым проникнуть в глубины его психической и душевной жизни. Несмотря на отдельные попытки изучить феномен «потока сознания», в целом можно сказать, что представление о нем остается на периферии психологической науки и практики.

Гораздо большую популярность феномен «поток сознания» приобрел в искусстве (музыке, живописи) и особенно в художественной литературе⁵.

Исследователи указывают, что первые яркие образцы «потока сознания» в художественной литературе были созданы Ф.М. Достоевским («Преступление и наказание», «Кроткая») и Л.Н. Толстым («Война и мир», «Анна Каренина»). Однако оформление «потока сознания» в ли-

¹ Перлз Ф. Опыты психологии самопознания. М., 1993 ; Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М., 1997 ; Фейдимен Д., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. Вып. 2 : пер. с англ. М., 1992.

² Джемс У. Психология. М., 1991.

³ Там же. С. 59–60.

⁴ Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989 ; Фейдимен Д., Фрейгер Р. Указ. соч.

⁵ Мотылева Т.Л. Зарубежный роман сегодня. М., 1966 ; Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1999.

тературный метод произошло в творчестве Дж. Джойса («Улисс») и М. Пруста («В поисках утраченного времени»). Впоследствии этот метод использовали У. Фолкнер, Т. Манн, Дж. Дос Пассос, Г. Гессе и др.

Современные литературоведы выделили 10 основных принципов прозы, использующей особенности «потока сознания»: неомифологизм, игра на грани между иллюзией и реальностью, текст в тексте, приоритет стиля над сюжетом, уничтожение фабулы, доминирование синтаксиса над лексикой, преобладание прагматики над семантикой, принцип наблюдателя, нарушение связности текста, аутическое сознание автора «потока сознания»¹.

Дадим краткую характеристику этих принципов и проанализируем их гештальт-терапевтическое и диалогическое содержание.

1. Неомифологизм заключается в ориентации на архаическую, классическую и бытовую мифологию и в использовании мифологического бриколажа, когда произведение строится как коллаж цитат из других произведений и реминисценций (что отчасти напоминает переключку разных авторов, стилей, эпох).

2. Второй принцип литературы «потока сознания» – игра на грани между иллюзией и реальностью, вымыслом и фактами. Эта особенность литературного отображения сознания весьма созвучна взаимодействию между внутренним и внешним диалогами, когда внутренние (реальные и иллюзорные) образы и события становятся лейтмотивами внешнего общения и поведения людей, а внешние события и отношения делаются фактами и процессами внутренней жизни сознания.

3. Третий принцип – «текст в тексте» – и порождает сложное соотношение (иерархию, композицию) текстов в тексте. С точки зрения психологии, феномен «текста в тексте» является следствием диалогичности человеческого общения и человеческого сознания, а также включает в себе предпосылки психологической рефлексии как механизма осознания и самосознания.

4. Приоритет стиля над сюжетом состоит в том, что для литературы «потока сознания» важно не то, что рассказать, а то, как рассказать, т.е. важно не столько содержание повествования, сколько сам по себе процесс повествования и рассказывания. Данный принцип прямо перекликается с принципом «как важнее, чем почему», лежащим в основе гештальт-терапии и диалогической психотерапии.

5. Принцип уничтожения фабулы означает, что истинная хронология событий утрачивает значение и потому различие между сюжетом и фабулой становится относительным. Этот принцип связан с неклассическим, нелинейным, неоднородным пониманием времени и с релятивистским пониманием истины, которая уже не принадлежит одному субъекту. Мы полагаем, что он созвучен гештальт-терапевтической ориентации на актуальное бытие людей в экзистенциальном «хронотопе» «здесь и теперь», а релятивизм прямо соответствует идее диалогических отношений, идее диалогической соотносительности субъектов общения и со-бытия.

6. Принцип доминирования синтаксиса над лексикой обеспечивает более активное развертывание «потока сознания», ибо теперь работа сознания идет не на уровне слова (лексики), а на уровне более высокой целостности – предложения, фразового единства (т.е. синтаксиса). Очевидно, что актуализация более высокого уровня целостности отвечает внутренней и внешней диалогизации «потока сознания».

7. Принцип «Прагматика, а не семантика» – это использование различных способов диалога автора с читателем и моделирование различных позиций читателя и рассказчика. С позиции психологии диалога этот принцип означает варьирование и исследование различных форм личности (субъектности, непосредственности, подлинности) и отчужденности (объектности, опосредованности, дистантности), в процессе построения отношений с собеседником в контексте – и в диапазоне – отношений «Я–Ты» и «Я–Оно».

8. Принцип наблюдателя состоит в том, что именно на совести наблюдателя-рассказчика остается правдивость того, о чем он рассказывает. С точки зрения философии диалога М.М. Бахтина, роль наблюдателя дает возможность занимать позицию вневходимости². Поэтому позиция «наблюдателя» – это позиция не столько рационального «судии» (дающего объективную, юридически-этическую оценку или окончательный психологический диагноз человеку), сколько экзистенциального «свидетеля» (который задает «человеко-человеческий», диалогический контекст бытия наблюдаемого человека и подтверждает реальность присутствия другого человека и уникальность его существования).

¹ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1999. С. 476.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

9. Принцип нарушения связности текста проявляется в том, что в прозе «потока сознания» (и в модернистской прозе) предложения не всегда логически следуют одно из другого, синтаксические структуры часто разрушаются. В диалогической психологии и в гештальт-терапии это соответствует принципам спонтанности и парадоксальности, креативности и инсайта, «экзистенциального тупика» и «экзистенциального просветления».

10. Аутическое мышление и аутическая характеристика автора «потока сознания» выражаются в представлении о том, что писатель-модернист почти всегда является шизоидом или полифоническим мозаиком, который не стремится отражать реальность, но постоянно моделирует собственную реальность. На наш взгляд, право и обязанность человека проявлять в диалоге свою субъективность ведет не только к аутизму и шизоидности, но и к подлинному самораскрытию и формированию способности к общению с другими людьми. Вследствие этого принцип аутичности противоречит сути диалога и смыслу диалогического подхода в психологии, а также гештальт-терапевтическому представлению о психическом здоровье.

В произведениях «потока сознания» голос автора чаще всего заглушен многоголосием других персонажей, причем окончательный приговор формулирует и основные смысловые акценты расставляет не автор, но читатель полсе целостное восприятия и понимания текста. Эта особенность литературы «потока сознания» близка гуманистической и диалогической психотерапии, ибо она соответствует стратегии недирективного поведения психолога и терапевта при взаимодействии с клиентом. С позиции гуманистической и диалогической психотерапии решающую роль в жизненно-коммуникативном взаимодействии клиента и психолога (консультанта, психотерапевта) играет не терапевт, а диалогическое взаимодействие, терапевтическая целостность участников со-бытия. Вследствие этого целостность диалога, единство со-бытия субъектов – участников взаимодействия, ситуации и контекста взаимодействия являются главной исцеляющей силой диалогической психотерапии¹.

Исследователи подчеркивают, что целостность литературного «потока сознания» имеет сходство с музыкальным произведением. Так, в симфонии разворачивается сложное взаимодействие и развитие лейтмотивов и смысловых контрапунктов, в результате чего порождаются и развиваются события и судьбы ее субъектов².

Изучение и анализ психологической и психотерапевтической литературы показали, что феномен «потока сознания» в психологической теории изучен недостаточно; он почти не исследуется экспериментально и весьма редко используется на практике.

Исходя из теоретического анализа особенностей «потока сознания» мы осуществили эмпирическое исследование содержания и форм, динамики и особенностей «потока сознания» с помощью гештальт-терапевтической организации свободно текущих процессов осознания и самоосознания³. Учитывая ограниченный размер статьи, рассмотрим его основные моменты и результаты.

В методико-техническом плане исследование сознания как «потока сознания» выполнялось методом экспериментальной – диалогической, гештальт-терапевтической – интроспекции, т.е. путем непрерывного самонаблюдения субъекта за содержанием своего сознания (за процессами созерцания, переживания, осмысления, внутренними диалогами и др.) и динамикой процесса осознания своего сознания.

На первом этапе исследования мы осуществили несколько сессий «потока сознания» продолжительностью 20-40 минут и зафиксировали их содержание. На втором этапе производился анализ и интерпретация полученного экспериментального материала.

В результате изучения экспериментальных образцов «потока сознания» мы убедились, что непрерывное отображение и продуцирование содержания сознания являются – субъективно – для автора «потоком сознания» вследствие процессуальной динамики содержания, спонтанности и ассоциативности высказываний, скачкообразности и непредсказуемости чувств и мыслей, свободы фантазии и естественной креативности проявлений и откровений.

По своему содержанию «поток сознания» представляет собой целостно-динамический процесс свободной актуализации ощущений – чувств – ассоциаций – воспоминаний – переживаний – размышлений – фантазий – рефлексии – самооценок – самоосознания и др. В зависимости от исходных установок, настроений, ориентаций, ситуаций, а также динамики развития «потока со-

¹ Hucner R. and Jacobs L. The Healing Relationship In Gestalt Therapy. A dialogic / self psychology approach. A Publication of The Gestalt Journal Press, 1995.

² Мотылева Т.Л. Зарубежный роман сегодня ; Руднев В.П. Словарь культуры XX века

³ Дьяконов Г.В. Основы диалогического подхода в психологической науке и практике. Кировоград, 2007.

знания» соотношение многообразных компонентов сознания может варьироваться – на разных этапах и в целом – в широких пределах.

В процессе развертывания «поток сознания» осуществляется благодаря постоянному действию-взаимодействию процессов и механизмов анализа-синтеза, идентификации-обособления, эгоцентрации-децентрации, проекции-интроекции и др., которые обретают внутренне-синхронный, ситуативно-оперативный, процессуально-динамический, спонтанно-дискретный, ассоциативно-интуитивный и – в итоге – целостный и креативный характер.

В результате проведения сессии «потока сознания» субъект этого действия испытывает глубокие чувства и переживания, которые свидетельствуют о том, что погружение в свое сознание явилось для человека ярким и значимым событием, которое обнаружило новые грани его личности и новые проявления его творческих интенций.

Вследствие этого мы приходим к выводу, что дальнейшее исследование «потока сознания» и разработка соответствующих методик открывают перспективы создания новых методов психокоррекционного воздействия на человека и творческого развития личности.

Дьяконов Геннадий Витальевич, профессор кафедры психологии образования и развития. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия, Уфа.

Deacons Gennady Vitalyevich, professor of the Department of Educational Psychology and the development. Bashkir State Pedagogical University M. Akmulla. Russia, Ufa.
dia_kon@ukr.net

УДК 159.923.2+165+316.7

Сознательное и бессознательное в понимании мира человека

В.В. Знаков

Conscious and unconscious in the human understanding of the world

V.V. Znakov

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 13-06-00526).

Аннотация. В статье описана модель понимания трех реальностей мира человека. Изложены способы, основания и типы понимания эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Проанализированы объективные и субъективные основания различения реальностей. Кратко описан субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания. Обосновано, что важным компонентом понимания экзистенциальной реальности является бессознательное знание.

Ключевые слова: понимание, реальность, факт, субъектно-аналитический подход.

Abstract. The article describes a model of understanding the three realities of the human world. Ways, the bases and types of understanding of empirical, sociocultural and existential realities are stated. The objective and subjective grounds of distinction of realities are analysed. Briefly described the subject-analytical approach to the study of the psychology of understanding. It is proved that an important component of understanding of existential reality is the unconscious knowledge.

Key words: understanding, reality, fact, subject-analytical approach.

Проблема. В жизни человека понимание – один из важнейших феноменов, пронизывающий все уровни бытия и направленный на порождение смысла явлений, событий, ситуаций во всех трех реальностях, в которых живет человек: эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. В психологии им соответствуют три традиции исследований: когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная¹. Понимание и в узком (как когнитивное образование), и в широком смысле (как экзистенциально-герменевтический феномен) всегда включает в себя осознаваемые и не осознаваемые понимающим субъектом компоненты. Когнитивное бессознательное и аффек-

¹ Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. №4. С. 14–23.

тивное бессознательное, о которых писал Ж. Пиаже¹, являются неизменными компонентами понимания человеком многих проблем, особенно экзистенциально значимых для него. Однако в каждой традиции психологи имеют дело с пониманием, в неодинаковой степени осознаваемым понимающим субъектом.

Коммуникация является продуктивной тогда, когда ее участники понимают друг друга. Предмет понимания, обсуждаемая тема обычно проявляется в двух основных типах высказываний. Одни описывают предметный мир, и каждому утверждению соответствует какое-то его объективное качество: у высказываний есть референты, денотаты. Это те случаи, когда мы говорим об *эмпирической реальности* и у нас есть процедуры проверки истинности высказываний. В этой реальности мы имеем дело с объективным знанием. Оно проявляется в истинных суждениях, которые соответствуют какому-то качеству реальности (например, кит больше слона). В *социокультурной реальности* нет качеств, явно соответствующих внешней действительности. Ну, какие могут быть референты у печали или вдохновения? У нас есть только репрезентации этих понятий и, соответственно, психологических феноменов, причем неодинаковые, связанные со структурой личностного знания каждого человека. Репрезентации проявляются в мнениях и интерпретациях. А истинность мнений невозможно оценить, можно говорить только об их правильности или неправильности с позиций разных групп людей. Например, можно ли утверждать, что выказывание «Лучше быть здоровым, чем богатым» является истинным? Одни согласятся с этим, другие – нет. Так же нет объектных референтов и в *экзистенциальной реальности*. Ключевыми психологическими феноменами в ней являются опыт, переживание, бессознательное, постижение. В частности, это отчетливо проявляется при исследовании роли когнитивного и аффективного бессознательного в понимании чужого человека как врага, а также понимания моральной допустимости абортов, эвтаназии.

Теоретической основой психологии понимания мира человека является утверждение, что понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия происходит на неодинаковых психологических основаниях.

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек: эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований: когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира: парадигматического, нарративного, тезаурусного; оснований понимания: знание и значение, мнение и смысл, переживание и опыт; его результатов – типов понимания: понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постигновения. Итог 30-летних исследований обсуждаемого феномена представлен в статье, опубликованной в журнале «Вопросы психологии»².

Согласно описанной в ней модели, анализ понимания явлений и феноменов, относящихся к эмпирической реальности, осуществляется психологами с позиций когнитивной традиции психологических исследований; способ понимания мира – парадигматический; основания понимания – знание и значение; тип понимания – понимание-знание. Социокультурной реальности соответствует герменевтическая традиция психологических исследований; нарративный способ понимания мира; основанием понимания являются мнение и смысл; в результате появляется тип понимания-интерпретации. Экзистенциальной реальности соответствуют экзистенциальная традиция; тезаурусный способ понимания; переживание и опыт; понимание-постигновение.

Цель статьи – проанализировать модель понимания, в которой мир человека представлен как закономерный переход от общего к частному, от повторяющегося к уникальному.

Три реальности мира человека.

Эмпирическая реальность состоит из предметов, объектов и явлений. Она воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» применительно к ней называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиня-

¹ Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 125–131.

² Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. №4. С. 16–29.

ющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения.

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержания индивидуального и группового сознания. Она дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». В ней мнения людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Соответственно главный постулат научного анализа звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло» – всегда существует несколько альтернативных описаний возможного развития событий.

Понимая высказывания о фактах социокультурной реальности, понимающий субъект сталкивается с невозможностью определения истинности, не с референтами, а репрезентациями, отражающими правильность-неправильность мнений. В социокультурной реальности правильное понимание высказываний понимающим субъектом требует от него выявления содержательной специфики мнений о теме разговора, различных у участников общения. По содержанию и объему мнение уже знания. Соответственно, мнения как согласованные точки зрения в социокультурной реальности обладают меньшей общностью, чем закономерно повторяющиеся процессы и явления в эмпирической реальности.

В социокультурной реальности слово «закон» используется в другом значении, чем применительно к эмпирической реальности. Законы здесь – регулирующие механизмы, предписывающие, как именно должны происходить те или иные процессы, события в мире человека. По своей сути, они отражают законы долженствования, нормы: моральные, социальные, юридические и др. Например, моральное долженствование по В. Франклу и С.Л. Рубинштейну (морально-нравственный императив, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим) лежит в основе психологии человеческого бытия.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «травма» или «печаль»?). На это обращает внимание Т.А. Кузьмина. Она пишет, что «в человеческом бытии имеются и сосуществуют по крайней мере две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая “не от мира сего”, живущая по другим законам»¹.

Для экзистенциальной реальности человеческого бытия повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. «Вместо повторяемости и всеобщности возникает представление об опыте как единственном в своем роде инсайте, который оставляет неповторимый отпечаток в жизни; необходимость заменяется спонтанностью и непредсказуемостью интуитивного переживания»². Понимание направлено на постижение экзистенциального опыта переживания значимых для человека событий и ситуаций.

Объективные и субъективные основания различия реальностей.

Нет сомнения, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем мне ясно, что различение реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленивать, отделить одну от другой. Вследствие этого лежащее в ее основе обоснование существования трех реальностей человеческого бытия пока вызывает немало вопросов. Главный из них давно сформулировал великий математик А. Пуанкаре, написавший в книге «Наука и гипотеза», что «невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего её»³. Для разных людей качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присущих последним свойств и характеристик. Как отмечают В.Ф. Петренко и А.П. Супрун, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Так же «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия

¹ Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М., 2014.

² Горелов А.А., Горелова Т.А. Опыт, истина, смысл // Опыт и смысл / отв. ред. Н.М. Смирнова. М., 2014. С. 147.

³ Пуанкаре А. О науке. М., 1989. С. 203–204.

двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представляет собой его свободное падение»¹.

В психологии после исследований С.Л. Рубинштейна и других крупных ученых аксиомой является положение, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. Объективность знания – всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Любое научное понятие, которым мы описываем реальные предметы, события, ситуации – это и конструкция мысли, и отражение бытия². Объективное содержание понятия – это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но только преломляясь через внутренние субъектные условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение. Внутренние субъектные условия познания определяют различное понимание людьми одних и тех же бесспорно объективных данных. К примеру, если я скажу, что расстояние от центра Москвы до центра Санкт-Петербурга по прямой составляет около 635 километров, то это может оказаться непонятным британцу или американцу, привыкшему производить расчеты в милях. Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия.

Проблема анализа внутренних условий оказывается важнейшей при аналитическом расчленении мира человека на три реальности. В связи с этим актуальным и необходимым представляется развитие субъектно-аналитического подхода к исследованию психологии понимания. Надо сделать явными те психологические основания, которые лежат в основе классификации реальностей, явного описания признаков каждой из них. Иначе говоря, нужно определить психологические условия формирования или предпочтения какого-то способа познания, которые были в основе выделения каждой из них. Кратко опишу суть субъектно-аналитического подхода к психологии понимания, развитие и наполнение конкретным психологическим содержанием которого на ближайшие годы является приоритетным направлением исследований. Сочетание в названии двух понятий означает, что и субъектная, и аналитическая составляющая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются три реальности человеческого бытия.

Субъектная составляющая подхода включает:

1) субъектность как внутренние условия развития понимания, формирующиеся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Знания и опыт являются внутренними условиями понимания, в значительной мере определяющими индивидуальную специфику взгляда субъекта на реальность, его схему понимания мира. Такая трактовка знания в 1990-е годы дала мне возможность определить признаки, по которым можно различать знание и понимание: «Понимание отличается от знания прежде всего тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Однако следует подчеркнуть: человек понимает не знание, а отраженный в нем предметный мир. Знание это не цель понимания, а средство. Разнообразные знания подобны стеклам очков: в познании и общении они играют роль линзы, с помощью которой мы лучше видим и понимаем окружающее»³. Сегодня метафору очков продуктивно используют многие психологи. Например, Дж. Холлис пишет: «Любая реальность в определенной мере формируется очками, через которые мы на нее смотрим. Родившись на свет, мы сразу становимся обладателями множества очков: генетическая наследственность, пол, особенности культуры и разнообразие нашего семейного окружения – все эти факторы формируют наше ощущение реальности. Спустя какое-то время, оглядываясь назад, приходится признать, что наше видение реальности не соответствовало истинной природе вещей: мы видели реальность сквозь эти очки»⁴;

2) гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта⁵, в которой показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между

¹ Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. №6. С. 70.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

³ Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М., 1994. С. 67.

⁴ Холлис Дж. Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М., 2013. С. 13–14.

⁵ Брушлинский А.В. Психология субъекта. М. ; СПб., 2003.

субъектом и объектом. Пространство между ними занимает опыт¹: в опыте и посредством опыта субъект связывается с другими и предметным миром. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Неудивительно, что экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. Он объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то убеждены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения.

В самом общем виде в науке опытом называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них. В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. Интегративная сущность опыта, описанная с удивительной категориальной ясностью, представлена в эмпирической антропологии М. Фуко. Он писал: «А под “мыслью” я понимал исследование того, что можно назвать средоточиями опыта, где одно сходится с другим: во-первых, формы возможного знания; во-вторых, нормативные основания поведения индивидов; и наконец, вероятные способы существования возможных субъектов. Эти три элемента – формы возможного знания, нормативные основания поведения и вероятные способы существования возможных субъектов – эти три вещи или, скорее, сочетание этих трех вещей, я полагаю, можно назвать “средоточием опыта”»². «Средоточие опыта» М. Фуко иллюстрировал на примере исследования безумия как опыта нашей культуры. Он пытался постичь, во-первых, безумие как матрицу разнородных знаний: медицинских, специфически психиатрических, психологических, социологических и т.п. Во-вторых, безумие в той мере, в какой оно выступает как совокупность норм, позволявших определять феномен девиации в обществе, сумасшествие. «Наконец, в-третьих, исследовать безумие в той мере, в какой опыт безумия определяет складывание определенного способа быть нормальным субъектом, в противоположность и по отношению к субъекту безумному»³;

3) способы преобразования субъекта, полагания себя, забота о себе, получение не познавательного, а духовного знания⁴. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения индивидов, вероятные способы существования возможных субъектов).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода включает:

1) раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о нем в целом. Аналитичность (разделение действительности на три реальности), в конечном счете, нужна для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека). Как очень точно подмечает М.С. Гусельцева, «анализ, понимаемый в широком смысле слова, реальность на элементы вовсе не расчленяет, а ее анализирует, устанавливая “игру” взаимосвязей. Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики»⁵;

2) ориентацию на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез. При этом анализ рассматривается как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение в исследованиях феномена «заботы о себе». Описание его в исследованиях М. Фуко было направлено на анализ через синтез: конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта. Первый аспект – то, что можно назвать мировоззрением субъекта, т.е. индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе – это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире.

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

² Фуко М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб., 2011. С. 15.

³ Там же.

⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

⁵ Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. №5. С. 20.

Второй аспект: забота о себе предполагает особую форму внимания, взгляда. Она подразумевает изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе предполагает интроспекцию: наблюдение субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий – определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Они представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предписаний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии¹;

3) использование современных данных об аналитическом и холистическом стилях мышления и четырех их основных признаках: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция².

Субъектно-аналитический подход уже междисциплинарного культурно-аналитического³. Он, хотя и не исключает обращение психолога к данным других наук, все-таки ориентирован преимущественно на исследование понимания как психологической проблемы.

Реальности и факты.

При изучении всех реальностей ученые направлены на анализ фактов. Простая констатация существования объектов, явлений, событий, результатов исследования не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотношены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. В частности, А.Ф. Лосев полагал, что история как наука – это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личностного бытия)»⁴. Фактов нет вне дискурса, схемы понимания мира. Однако схемы понимания различны в социокультурной и экзистенциальной реальностях, в которых ученые имеют дело с мыслями и поступками людей, и в эмпирической, применительно к которой анализируются закономерности, выражающие повторяющиеся явления и события. В первых двух факты всегда явным или неявным образом включают указание на цели поступков людей и их причины (исторический факт заключается не только в знании, что Цезарь перешел Рубикон, но и в понимании того, почему и зачем он это сделал).

При изучении закономерностей понимания людьми эмпирической реальности психологи называют фактами только такие объекты, явления, события, суждения о которых либо верифицируемы, допускают опытную проверку, либо основаны на общем для множества людей объективном знании. Факты есть не только в природном, но и в социальном мире. Суждения « $2+2=4$ » или «Расстояние от Калининграда до Хабаровска больше пяти тысяч километров» истинны, это научные факты. Но также объективно истинны, являются фактами высказывания: «Великий русский полководец Суворов умер 18 мая 1800 года»; «Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней». Такие суждения зависели от способов познания тогда, когда любой человек их впервые слышал и осмысливал. Потом они стали объективными: такие истинные суждения одинаково понятны всем людям.

Другими свойствами обладают суждения, в основании которых лежит здравый смысл. В частности, суждения, вытекающие главным образом из наблюдений, истинность которых не про-

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 284–311.

² Choi I. et al. Individual differences in analytic versus holistic thinking // Pers. Soc. Psychol. Bull. 2007. V. 33. №5. P. 691–705 ; Mei-Hua L. Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University, 2008 ; Nisbett R.E. et al. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. // Psychol. Rev. 2001. V. 108. №2. P. 291–310 ; Pierce M.E. Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. May 24, 2007. Blacksburg, VA. P. 1–24.

³ Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. №5. С. 17–27.

⁴ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 129.

верена, могут быть составной частью тезауруса обыденного знания человека, но они никогда не станут научным знанием и, соответственно, фактом. В юмористической форме, но очень точно это отражено в анекдоте. Две блондинки стоят на Красной площади и смотрят на Луну. Одна задумчиво спрашивает: «Как ты думаешь, что дальше – Луна или Монако?» Вторая отвечает: «Ну, ты меня удивляешь! Ты Монако отсюда видишь?» Визуальное отсутствие Монако порождает иллюзию, что расстояние до Луны меньше, чем до названного государства. При анализе этого случая ученый имеет дело с тем, что М. Феррарис называет преобладанием онтологии над эпистемологией. Не интерпретированная «реальность, будучи необъяснимой и неисправимой, представляет собой отрицательную крайность знания. Тем не менее, это также положительная крайность бытия, ведь это то, что дается, то, что упорствует и сопротивляется интерпретации и вместе с тем делает ее истинной, отличая ее от воображения или от wishful thinking»¹.

Научные факты не исключают, а, наоборот, включают в себя субъектные составляющие, являющиеся внутренними условиями понимания. Если я говорю о фактах, то моя субъектность проявляется в уверенности в их истинности: я убежден, что кит больше слона. Я также верю в то, что мои собеседники тоже не сомневаются в истинности этого утверждения. И это дает нам возможность понимать друг друга: в этом случае объективность и истинность знания являются общим базисом, гарантией одинакового понимания высказывания всеми общающимися.

Теперь, применяя одну и ту же логику и последовательность изложения, опишу специфику понимания в каждой из трех реальностей

Способы, основания и типы понимания в трех реальностях человеческого бытия.

Эмпирическая реальность.

Парадигматический способ понимания мира. В 1986 г. Дж.С. Брунер выделил два способа мышления и понимания испытуемыми мира: парадигматический и нарративный². Приверженцы парадигматического логико-научного способа склонны искать доказательства истинности суждений, причинности и их соответствия эмпирическим фактам. Их аргументации придают убедительность строгие правила, определения и положения. Парадигматический способ рассуждений является научным методом использования логической аргументации, классификации и предсказания.

Однако сказанное не означает, что парадигматические рассуждения – это порождение исключительно логического мышления. Дж.С. Брунер подчеркивает очень важный момент: «Творческое применение парадигматического способа мышления обеспечивает построение хорошей теории, глубокий анализ, логическую достоверность, убедительную аргументацию и построение разумных гипотез. Однако парадигматическое “воображение” (или интуиция) не является тем же самым, что воображение писателя или поэта. Скорее это – способность увидеть возможные формальные связи прежде, чем человек будет в состоянии доказать их каким-то формальным способом»³.

Такое интуитивное видение связей отражает потенциальную возможность познающего и понимающего мир субъекта в процессе перехода от содержания (значения) к смыслу (пониманию) реализовать не только осознаваемые логические компоненты рассуждений, но и не осознаваемые, уходящие корнями в мотивационно-потребностную сферу целеобразования и смыслопорождения. Для психологии понимания принципиально важно, что парадигматический способ неразрывно связан с «когнитивным бессознательным»⁴.

Психологу-исследователю эта связь напоминает о существовании целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному.

Основания понимания: знание и значение. Анализ знаний, необходимых для понимания, – это распространенный методический прием в когнитивных науках. Выявляются знания о закономерных, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление – значит иметь его рабочую модель. В частности, так считает П.Н. Джонсон-Лэйрд⁵. Еще раньше подобную точку зрения высказывал А.А. Брудный⁶.

¹ Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. №8. С. 151.

² Bruner J. Two modes of thought // Bruner J. Actual minds, possible worlds. L., 1986. P. 11–43.

³ Ibid. P. 12.

⁴ Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 125–131.

⁵ Johnson-Laird P.N. Mental models – towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, MA, 1983.

⁶ Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. №10. С. 109–117.

В эмпирической реальности понимание объектов, предметов, явлений основывается на общедоступном истинном и одинаковом для всех знании. Оно воплощается в современной культуре. Примером может служить мораль. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Мораль как форма общественного сознания, включающая обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, для каждого человека не имеет личностного смысла, но имеет значение. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, одинаковая для всех людей, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро – определенный набор связей»¹.

Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и другим.

Тип понимания: понимание-знание. Такое понимание основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. В этом случае знание о реальности дает понимающему субъекту возможность отличать истинные высказывания от ложных. Такое знание адекватно отражает эмпирическую реальность, но ничего не изменяет в познающем ее субъекте. М. Фуко называл его «познавательным»². Для глубокого понимания действительности субъекту нужно «духовное знание» (о нем скажем позже).

Таким образом, понимание-знание основано на познавательном знании, одинаковом для всех людей значении высказываний, не зависящем от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта.

Социокультурная реальность.

Нарративный способ понимания мира. Он проявляется в способности людей упорядочивать случайные факты и явления в последовательность событий, объединенных в связной истории. Нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации. Это один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом: что он видит и как излагает историю. Нарративное понимание целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно. Оно хотя и основано на осознании субъектом множества альтернатив, проявляется в его стремлении придерживаться одной версии событий, соответствующей личностному способу смыслового структурирования мира.

Основания понимания: мнение и смысл. В социокультурной реальности психологи имеют дело не с достоверными знаниями, а с мнениями людей. Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному»³. Мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний. Их невозможно оценить как безусловно истинные или ложные: как определить, чьи картины прекраснее – Тициана или Микельанджело, а также какой порок отвратительнее – жестокость или гордыня? Например, многие западные политики называют присоединение Крыма к России аннексией, в то время как российские говорят о восстановлении исторической справедливости. Ни одно из этих мнений невозможно признать однозначно истинным или ложным, потому что они построены на разных системах аргументации. В таких случаях суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнение можно характеризовать только как правильное или неправильное. В основе такой квалификации лежат согласованные представления людей о должном, о правилах и нормах поведения, которые формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами.

Мнения имеют мало общего с истиной: в соответствии с неодинаковыми ценностными представлениями люди выражают в них свое отношение к объектам познания и понимания. А познавательное и эмоциональное отношение к содержанию понимаемого (например, к ситуации, описанной в рассказе А.П. Чехова «Злоумышленник») – это не что иное, как смысл. Смыслы – главные системообразующие признаки социокультурной реальности, отсутствующие в эмпирической.

¹ Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53.

² Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций...

³ Нехаев А.В. Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2009. С. 16.

Тип понимания: понимание-интерпретация. Любое понимание многовариантно, оно содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий. Интерпретации – это конкретные способы понимания; чем их больше, тем выше степень полноты понимания. В социокультурной реальности интерпретации основаны не только на эмпирических фактах, но и на нормах и представлениях о правильном описании мира. Кроме того, понимание-интерпретация, в частности художественного текста, строится на основе взаимодействия интерпретации понимающим субъектом событий и ситуаций и самоинтерпретации.

Экзистенциальная реальность.

Тезаурусный способ понимания мира. Тезаурусная парадигма¹ определяет отличный от нарративного способ понимания субъектом мира: «если нарратив описывает историю жизни, то тезаурус – ее картину»². Тезаурусы представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание. В тезаурусе субъекта представлен только освоенный, понятый, осмысленный им мир. Результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Такое понимание фрагментарно, мозаично, нередко логически противоречиво и непоследовательно.

Основания понимания: переживание и опыт. Анализируя экзистенциальную реальность, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания-знания психологических проблем. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Психологические проблемы, возникающие у людей в этой реальности, отражаются в их внутреннем мире: они проявляются в эмоциях, чувствах и переживаниях, которые трудно поддаются осознанию.

В экзистенциальной реальности переживание и рефлексия образуют такой сплав, из которого рождается опыт человека. В отличие от аналитического познавательного знания, лежащего в основе понимания фактов эмпирической реальности, экзистенциальный опыт недизъюнктивен, целостен. Он определяет личностное отношение к определенным ситуациям человеческого бытия, особенно критическим: терактам, эвтаназии, оценки моральной допустимости абортот и т.п. – и их понимание. Вследствие этого представляется вполне оправданным предположение, что в понимание экзистенциальной реальности решающий вклад вносят холистические метод рассуждений и мировоззрение понимающего мир субъекта³.

Основания понимания – переживание и опыт – интегрируются, объединяются во введенном и проанализированном М. Фуко понятии и, соответственно, феномене «духовного знания»⁴. Именно с помощью такого знания можно наиболее точно характеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для возникновения духовного знания, – это перемещение взгляда на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя как он есть на самом деле. Духовное знание – атрибут не познания, а бытия человека в мире: «субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен»⁵.

Тип понимания: понимание-постижение. В этой реальности понимание неизбежно включает в себя постижение. Постигание представляет собой такой тип понимания, который, *во-первых*, направлен не на простое, а на сложное – на явления и объекты, требующие для своего понимания усилий, проникновения в их глубинные свойства. Понимать можно и простое и сложное, а постигать – только сложное. Употребление слова «постижимый» уместно тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути, существа дела. В 2001 г. для миллионов людей очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

¹ Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

² Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. №4. С. 47–56.

³ Nisbett R.E. et al. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. №2. P. 291–310.

⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта...

⁵ Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций...

Во-вторых, постижение – это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, а мэр мегаполиса – о состоянии абсолютно всех коммуникаций в городе. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это схватывание основано на понимании-объединении целого из частей¹, то оно должно отражать превалирование в мышлении понимающего субъекта холистичности над аналитичностью². Постигание направлено на преодоление схематичности знания проблемы, устремлено к ее целостному охвату. Когда понимающий субъект не может найти в своей памяти, внутри себя подходящего для понимания фрейма, он стремится выйти за пределы, осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом «заботы о себе»³.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание должно сопровождаться психологической готовностью эффективно действовать в условиях неопределенности. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, при совпадении которых он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Судя по результатам психологических исследований⁴, постижение – удел не просто умных, а мудрых людей. Л.И. Анцыферова, которая сама, несомненно, была мудрым человеком, отмечала, что понимание и признание неопределенности человека и мира – один из ключевых признаков мудрости. При этом под неопределенностью она имела в виду относительную индетерминированность и непредсказуемость жизни, порождающей экзистенциальные проблемы, которые не имеют простых однозначных решений и принципиально не могут быть решены только на основе имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков. Мудрый человек хорошо понимает присущую жизни неопределенность и обладает совокупностью эффективных стратегий управления ею⁵.

В-четвертых, существуют научные основания для утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) больший «удельный вес» имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и *самопонимание*. В процессе самопознания мы получаем новую информацию, новые знания о себе (например, на приеме у психолога человек может узнать, какой у него коэффициент интеллекта), но не наделяем их смыслом и не иерархизируем по ценностям. Самопонимание, напротив, не изменяет знания человека о себе количественно, но изменяет их на качественном уровне: происходит порождение их смысла, интерпретация, осмысление. Самопонимание возникает как результат ответов самому себе не на констатирующие вопросы (что? как? – это функция самопознания), а на причинные (зачем? почему? отчего?). Смыслообразование возникает вследствие способности субъекта отвечать на вопросы о причинах и следствиях природных явлений, а также своих и чужих чувствах, мыслях, поступках.

Без самопонимания постижение невозможно. На это указывает Л.И. Анцыферова, подчеркивающая особую роль феномена постижения субъектом своего внутреннего мира и психического других людей. Именно в постижении, а не достоверном знании она ищет ключ к решению

¹ Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М., 1994.

² Nisbett R.E. et al. Culture and systems of thought... P. 291–310.

³ Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций...

⁴ См., например: Анцыферова Л.И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. №3. С. 17–24 ; Ее же. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. №3. С. 5–14 ; Леонтьев Д.А. Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2011. С. 92–106 ; Baltes P., Kunzmann U. Wisdom // The Psychologist. 2003. Vol. 16. №3. P. 131–132 ; Sternberg R. Wisdom, Intelligence and Creativity Synthesized. Cambridge, 2003.

⁵ Анцыферова Л.И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека...

проблемы мудрости: «Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я»¹.

Постижение основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящем к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Оно возникает и развивается вследствие взаимодействия внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретации². Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за пределы индивидуально-личностного, своего внутреннего мира. Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемых событий и ситуаций с личностным знанием, но и включения их в более широкий контекст человеческого бытия – осознания субъектом себя как частицы человечества, жизни, космоса. Метаперсональный Я-конструкт определяется как такое чувство идентичности, которое простирается дальше индивидуального или межличностного и охватывает более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса³. В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознаёт, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта⁴.

Таким образом, важнейший психологический компонент постижения – холистическое понимание-объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постижение своего истинного Я никогда не может быть сведено к осознаваемому логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

Наконец, *в-пятых*, в каждом человеке есть что-то не выразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном *опыте*. Это «что-то» – потаенная основа бытия, его глубинные основания⁵. Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей⁶. Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно и неправильно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации, они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации⁷. Мудрец знает, что человек – это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

Человеческое бытие по объему и содержанию шире познания, и потому даже о себе современный человек не может знать все – самые глубокие мыслители никогда не смогут понять себя. Это очень точно сформулировал М.Н. Эпштейн, характеризуя Г.В. Иванченко: «Она не знала самой себя, она была много больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, – врожденный переизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь

¹ Анцыферова Л.И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости... С. 6.

² DeCicco T.L., Stroink M.L. A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // International Journal of Transpersonal Studies. 2007. V. 26. Issue 1. P. 82–104.

³ Mara C.A., DeCicco T.L., Stroink M.L. An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being // The International Journal of Transpersonal Studies. 2010. V. 29. Issue 1. P. 1–11.

⁴ DeCicco T.L., Stroink M.L. A Third Model of Self-Construal... P. 82–104.

⁵ Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. №10. С. 46–56 ; Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М., 2014.

⁶ Полани М. Личностное знание. На пути к посткристической философии. М., 1985.

⁷ Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. №4. С. 14–23.

самопознанию себя и человечества»¹. Мы можем понять таких уникальных людей только по типу понимания-постижения. Это понимание процессуально, динамично и основано не на знании, а на опыте.

Итак, в понимании как проблеме психологии человеческого бытия, как в фокусе, сконцентрированы и сознательные, и бессознательные составляющие психической жизни человека в трех разных реальностях. Причем в соответствии с типом решаемых в них проблем от когнитивной к экзистенциальной реальности «удельный вес» неосознаваемого знания и опыта возрастает. Неудивительно, что феномены и постижения опыта занимают все большее место в рассуждениях психологов. И это нормально: направленность ученых на исследование как названных, так и других подобных феноменов в современной науке становится все более явной и очевидной.

Знаков Виктор Владимирович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт психологии Российской академии наук. Россия, Москва.

Znakov Victor Vladimirovich, doctor of psychological sciences, professor. Chief researcher Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

znakov@psychol.ras.ru

УДК 159.922

Культурная трансмиссия характеристик автобиографического компонента самосознания

В.В. Нуркова, В.В. Гурьева

Cultural transmission of the autobiographical component of self-consciousness

V.V. Nourkova, V.V. Gurieva

ГРНТИ 15.21.51, 15.21.41, 15.21.45, 15.01.07. Код ВАК 19.00.01.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти» (№15-36-01045).

Аннотация. В статье автобиографический компонент самосознания (АСС) определяется как уникальная человеческая способность к осознаваемой интеграции разновременных аспектов личности. Обосновывается статус автобиографической памяти (АП) в качестве мнемического субстрата АСС и феноменологическое тождество АП и АСС на уровне целостного представления субъекта о личном прошлом. Описываются результаты эмпирического исследования, проведенного с целью экспликации универсальной социо-культурной схемы организации автобиографического опыта в целостную историю жизни во взаимосвязи с представлением о типичной (нормативной) жизни человека как осваиваемой в процессе развития АП идеальной культурной формы. Показано, что структура АСС задается следующими параметрами представления о нормативной жизни типичного человека: ограниченным объемом событийного наполнения истории жизни (около 16 воспоминаний); субъективной оценкой длительности периода от начала жизни до первого значимого события (около 2 см в графическом выражении); количественным преобладанием позитивных воспоминаний над негативными с коэффициентом приблизительно 3,5; преобладанием эмоциональной насыщенности пространства позитивного опыта над эмоциональной насыщенностью пространства негативного опыта (отношение около 1,2). Становление АСС осуществляется в конкретной семейной ситуации развития, о чем свидетельствуют выявленные нами взаимосвязи показателей по указанным параметрам между членами семейных диад.

Ключевые слова: автобиографическая память; автобиографическое самосознание; представление о типичном жизненном пути; культурный жизненный сценарий; культурно-исторический подход

¹ Эпштейн М.Н. Галина Владимировна Иванченко, 4 июня 1965 – 4 августа 2009 // Иванченко Г.В. Я не искала образов и слов. Избранные стихотворения. Таганрог, 2014. С. 4.

Abstract. Autobiographical component of self-consciousness (ACSC) we defined as an ability to integrate past selves into coherent and life-lasting personality. That ability is unique to human beings. We argued that autobiographical memory (AM) provides both content and structure for ACSC. The empirical study was carried out with a purpose to extract a cognitive schema standing beyond personal life story and to examine if a common representation of prototypical human life is a universal cultural model for AM formation. The study demonstrated that ACSC structure is determined by the following parameters of cultural model of human life: the limited number of memories (about 16); the proportion of positive and negative memories with prevalence of positive ones (about 70%); the prevalence of intensity in positive emotions over negative emotions (ratio is 1.2). The fact that family interaction mediates ACSC development is proved by strong correlations between AM's features of young adults and their parents.

Key words: autobiographical memory, autobiographical self-consciousness, cultural life script, cultural-historical approach.

Личность – то, что сохраняет воспоминания о самом себе и воспринимает себя как одного и того же и раньше, и теперь.

Х. фон Вольф

В данной статье термин «автобиографический компонент самосознания» (АСС) используется для обозначения уникальной человеческой способности интегрировать разновременные аспекты своей личности в единого трансспективного субъекта, переживающего и осознающего себя в качестве протагониста истории жизни.

Автобиографический компонент самосознания характеризуется рядом свойств. Во-первых, функционально он направлен на реализацию психологических феноменов, требующих ориентировки в протяженных временных интервалах (таких как ответственность, благодарность, прощение, ностальгия, стратегическое планирование жизненного пути). Во-вторых, обращение к АСС сопровождается переживанием преемственности и субъективной достоверности предшествующих настоящему времени этапов развития личности, что описывается терминами «ментальное путешествие во времени» (mental time travel) и «автоноэтическое состояние сознания» (autonoetic consciousness)¹. В-третьих, мнемическим субстратом АСС выступает автобиографическая память (АП) как высшая мнемическая функция, оперирующая с воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях². Мы исходим из представления о том, что АСС презентуется субъекту в форме индивидуальной истории жизни. Таким образом, феноменологически АСС и высший уровень организации АП совпадают.

На определяющий статус АП для принципиальной реализуемости диахронического функционирования личности указывают исследователи, относящиеся к противоположным полюсам дисциплинарного континуума. Так, рассматривая исторические основания возникновения суверенной и автономной личности в антропогенезе, культуролог Л.М. Баткин приходит к выделению феномена «автобиографическое сознание»; последнее необходимо для интеграции человека как целостного мотивированного познающего субъекта³. Нейрофизиолог А. Дамасио, предложивший трехуровневую эволюционную модель сознания, связывает высший его уровень, на котором происходит рефлексивное обособление самосознающего субъекта (extended consciousness), с укоренённым в индивидуальной памяти «автобиографическим Я» (autobiographical self)⁴.

В психологии наиболее близки к обсуждаемой тематике работы, выполняемые в рамках нарративного подхода⁵, в которых автобиографический нарратив (история жизни) трактуется как центральное средство содержательного наполнения и стабилизации личности во времени,

¹ Tulving E. Origin of Autonoetic in Episodic Memory // H.L.Roediger, III and J.S.Nairne et al. (Eds.) *The Nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder*. Washington, DC, 2001. P. 17–34 ; Quoidbach J., Hansenne M., Mottet C. Personality and mental time travel: A differential approach to autonoetic consciousness // *Consciousness and Cognition*. 2008. №17. P. 1082–1092.

² Нуркова В.В. *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М., 2000.

³ Баткин Л.М. *Европейский человек наедине с собой : очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. М., 2000.

⁴ Damasio F. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*. London, 1999.

⁵ Singer J.A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction // *Journal of Personality*. 2004. №72 (3). P. 437–460 ; Нуркова В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // *Развитие личности*. 2010. №1. С. 74–92.

направленное на достижение идентичности: «идентичность – это рассказ о жизни ... который сообщает жизни переживание целостности и осмысленности»¹.

Для нас также важны исследования концепта «культурный жизненный сценарий»². В них предполагается, что эмпирически наблюдаемый факт высокой гомогенности жизненных историй объясняется преобразованием индивидуально вариативного жизненного опыта в соответствии с присвоенной культурной моделью типичной судьбы человека, включающей номенклатуру и порядок складывания наиболее значимых событий нормативной жизни, что закономерно ведет к формированию культурно-специфичной АП³. Отсюда логичной представляется мысль о формировании индивидуальной автобиографической памяти на основе интериоризации культурного жизненного сценария как одной из существенных социальных практик воспроизводства культурного менталитета⁴. Роль АП в структуре самосознания обсуждается также в контексте субъективной картины жизненного пути⁵.

Однако приходится констатировать, что при очевидном теоретическом интересе взаимосвязь АСС и АП недостаточно операционализована в конкретных исследовательских процедурах; не установлено, какие параметры АП устойчиво задают структуру АСС, какими характеристиками обладает социокультурная схема, стоящая за индивидуальной жизненной историей.

В связи с этим целью проведенного исследования стала экспликация универсальной социокультурной схемы структурной организации автобиографического опыта в целостную историю жизни на основе представления о типичной (нормативной) жизни человека как осваиваемой в процессе развития АП идеальной культурной формы. Предполагается, что межпоколенно устойчивые характеристики целостного представления субъекта о своем прошлом, значения которых демонстрируют нормальное распределение и тождественны аналогичным характеристикам представлений о жизни типичного человека (либо согласованы с ними), отражают культурно детерминированную структуру АСС. Взаимосвязи количественных показателей объясняются тем, что при интериоризации культурного образца по таким параметрам происходит его корректировка локальными культурными практиками конкретных семей.

Методика эмпирического исследования.

В исследовании приняли участие 278 респондентов, составляющих семейные диады девушка/юноша – средний возраст 19,3 (1,7) и их родители – средний. возраст 46,5 (5,6). В качестве основной методики экспликации истории жизни (включая ее неполно рефлекслируемые системные свойства) применялась методика «Линия жизни» (ЛЖ). Испытуемые получали лист бумаги размером А4, разделенный по центру стрелкой длиной 280 мм, и задание обозначить значимые, наиболее запомнившиеся события своего прошлого: чем радостнее для них событие, тем ближе к оси времени оно располагается, и наоборот, чем неприятнее событие, тем дальше оно должно быть расположено⁶.

Для выявления культурного жизненного сценария как источника согласованности параметров индивидуальных историй жизни использовалась модификация ЛЖ «Жизнь типичного человека». В данном случае испытуемым предлагалось представить обычного человека, который прожил обычную жизнь, и выполнить описанное выше задание от его имени.

Для снятия возможных возрастных артефактов применения методики ЛЖ использовалась также в варианте «Мои детство и юность». С помощью ее модифицированной версии были обследованы 74 респондента.

¹ МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. С. 137.

² Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2011. №3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.05.2015) ; Berntsen D., Rubin D. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Vol. 32 (Apr). Issue 3. P. 427–443 ; Habermas T., Bluck S. The Life Story Schema // *Motivation and Emotion*, 2000. Vol. 4. №2. P. 121–147.

³ Koppel J., Berntsen D. The cultural life script as cognitive schema: How the life script shapes memory for fictional life stories // *Memory*. 2014. №22. P. 949–971.

⁴ Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // *Культурно историческая психология*. 2008. №1. С. 17–25 ; Ее же. Свершенное продолжается...

⁵ Ахмеров Р.А. Субъективная картина жизненного пути в структуре самосознания // *В мире научных открытий*. Красноярск, 2013. №7.3 (43) (Проблемы науки и образования). С. 190–220.

⁶ Нуркова В.В. Методы исследования автобиографической памяти // *Вестник УРАО*. 1999. №2. С. 11–31.

Результаты и их анализ.

На первом этапе анализа для выявления универсально согласованных параметров АП на уровне целостной истории прошлого, совпадающей, согласно нашей концепции, с содержанием АСС, была проведена проверка переменных на нормальность и взаимосвязь с возрастом респондентов. Следующие переменные показали нормальное распределение и отсутствие корреляционной связи с возрастом: количество нанесенных на Линию жизни воспоминаний (ср.=15,83 (7,56); корреляция с возрастом $r=0,04$, $p=0,51$); расстояние до первого нанесенного на Линию жизни воспоминания, отражающее субъективную длительность детской амнезии, т.е. раннего периода детства, о котором не осталось воспоминаний (ср.=22,5 мм (14,5), корреляция с возрастом $r=0,009$, $p=0,9$), тематическое разнообразие воспоминаний (ср.=4,48 тем (1,7); корреляция с возрастом $r=0,015$, $p=0,807$), процент позитивных воспоминаний (ср.=71,8% (12,6); корреляция с возрастом $r=0,06$, $p=0,286$), графически выраженная эмоциональная насыщенность позитивных воспоминаний (ср.=45,5 мм (14); корреляция с возрастом $r=0,1$, $p=0,155$), графически выраженная эмоциональная насыщенность негативных воспоминаний (ср.= 36,97 мм (10,3); корреляция с возрастом $r=0,09$, $p=0,247$). Респонденты стабильно изображают позитивные воспоминания как более эмоционально насыщенные по сравнению с негативными ($t = 6,99$, $p=0,00$), что еще раз подтверждает действие специфичного для АП закона ретроспективного снижения негативного аффекта¹. Данный закон гласит, что эмоциональная насыщенность негативных автобиографических воспоминаний со временем понижается, тогда как эмоциональная насыщенность позитивных автобиографических воспоминаний остается неизменной, а при определенных условиях даже повышается.

Закономерно возникает вопрос, не является ли фиксированное количество воспоминаний на ЛЖ артефактом методики. Возможно, инструкция, требующая нанести все важные автобиографические воспоминания на один стандартный лист бумаги, провоцирует определенный уровень селективности при отборе по сравнению, например, со свободным интервью. Для проверки данного предположения мы обратились к результатам применения ЛЖ в варианте «Мои детство и юность» на взрослой части выборки. При изображении периода своего детства и юности взрослые наносили на линию значимо меньше воспоминаний, чем их дети при изображении целостного прошлого: ср.=8,7(4,1) против ср.=15,7 (6,8) соотв. ($t=6,073$, $p=0,00$). А. Лямзенко при апробации варианта методики ЛЖ «Моё детство» также обнаружила, что в изображение периода детства взрослые включают в среднем 6,6 (4,1) воспоминания², что хорошо согласуется с нашими данными. Таким образом, при отражении на ЛЖ целостной истории личного прошлого общее количество воспоминаний не увеличивается с возрастом, однако существенно уменьшается при изображении отдельного периода, а полученный в исследовании результат адекватно описывает структурную емкость АП в форме целостной истории жизни³.

Итак, нами был выявлен ряд согласованных характеристик АП, которые отражают социокультурную схему организации АСС. Для верификации гипотезы о том, что источником выявленной устойчивости является культурный жизненный сценарий, были сопоставлены результаты применения методик «Моё прошлое» и «Жизнь типичного человека» с учетом возможных межпоколенных различий. Большинство анализируемых параметров не показывает различий при применении обеих методик:

- количество воспоминаний, которое приписывается типичному человеку, составляет в среднем 15,7 (6,8) ($t=1,764$, $p=0,082$, корреляция с возрастом $r=0,14$, $p=0,236$, взаимосвязь между результатами методик $r=0,22$, $p=0,06$);
- расстояние от начала оси времени до первого воспоминания в варианте «Прошлое типичного человека» в среднем 21,9 мм (12,3) ($t=0,892$, $p=0,373$, корреляция с возрастом $r=0,172$, $p=0,151$, взаимная корреляция методик $r=0,128$, $p=0,291$);

¹ Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. №1. С. 17–25 ; Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. №25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.05.2015).

² Лямзенко А.А. Культурные особенности счастливых воспоминаний о детстве : дипломная работа. Ташкент, 2015.

³ Гурьева В.В. Внутрисемейная согласованность характеристик автобиографической памяти // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. URL: http://new.philos.msu.ru/section/cultura/courses/sovremennyi_gorodskoi_folklor/

• показатели эмоциональной насыщенности, выраженные графически расстоянием от оси времени, не различаются для оценки как позитивных воспоминаний (ср.=51,36 (20,42), корреляция с возрастом $r=0,052$, $p=0,664$, взаимная корреляция $r=0,576$, $p=0,00$, $t=1,863$, $p=0,07$), так и негативных воспоминаний (ср.=46,43 (23, 2), корреляция с возрастом $r=0,08$, $p=0,503$, взаимная корреляция $r=0,222$, $p=0,06$, $t=1,311$, $p=0,194$).

Сходным оказывается и тематическое разнообразие индивидуальных АП и представлений о жизни типичного человека (ср.=4,25 (1,42), корреляция с возрастом $r=0,065$, $p=0,588$, взаимная корреляция $r=0,318$, $p=0,007$, $t=1,88$, $p=0,07$). Наличие сильной взаимосвязи представления о прошлом типичного человека с индивидуальной АП в последнем случае, по нашему мнению, свидетельствует о вкладе индивидуального опыта в осознаваемую нормативной жизнь человека.

Мы видим, что не все значения параметров АП точно заимствуются из представления о нормативной жизни человека. Наблюдаются различия в проценте позитивных воспоминаний ($t=2,9$, $p=0,005$, взаимная корреляция $r=0,223$, $p=0,06$). Согласно представлениям респондентов, в нормативной жизни процент позитивных событий несколько выше, чем в их собственном прошлом (ср.=77,6% (11,94) против ср.=71,8% (12,6), корреляция с возрастом $r=0,17$, $p=0,154$). Данный результат поддерживает тезис об идеализированности культурного жизненного сценария, что связано с его мотивирующей функцией при планировании своего жизненного пути¹. Более того, при преобразовании данных в форму отношения различия снимаются (ср.=1,2 (0,26) против ср.=1,4 (0,76), $t=0,041$, $p=0,967$).

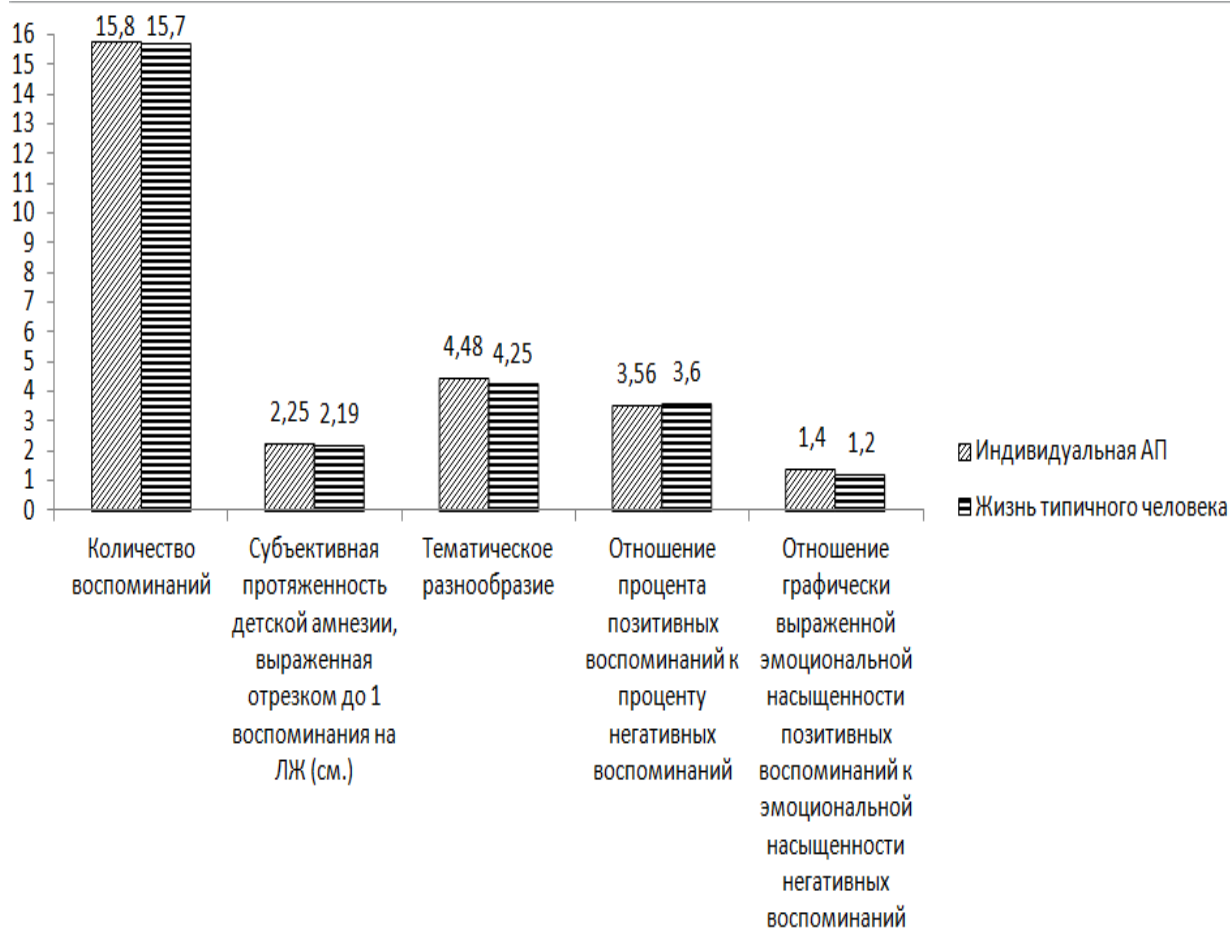

Рис. 1. Показатели структуры автобиографического самосознания, детерминированные культурным жизненным сценарием

Таким образом, можно утверждать, что перечисленные выше характеристики АП представляют собой результат присвоения внутрикультурно устойчивой схемы организации истории прошлого в АП и задают формат презентации субъекту его АСС. Сопоставление средних показателей

¹ Гришина Н.В. Указ. соч. ; Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Указ. соч.

структурных характеристик АСС и культурного жизненного сценария представлены на рис. 1, где для наглядности показатели эмоционального профиля представлены в форме отношений.

Несмотря на нормальное распределение значений анализируемых переменных, наблюдается достаточно высокая межиндивидуальная вариативность данных. Для выяснения ее источника был проведен корреляционный анализ данных по плану связанных выборок для семейных диад юноша/девушка и его/ее родитель. Большинство описанных выше переменных обнаруживают чрезвычайно высоко значимые корреляции внутри семейных диад: общее количество воспоминаний на ЛЖ ($r=0,418$, $p=0,00$); процент позитивных воспоминаний ($r=0,383$, $p=0,00$); тематическое разнообразие ($r = 0,502$, $p=0,00$), графически выраженная эмоциональная насыщенность позитивных воспоминаний ($r=0,444$, $p=0,00$) и негативных воспоминаний ($r=0,228$, $p=0,03$). Единственным исключением является субъективная временная протяженность периода «детской амнезии» ($r=0,032$, $p=0,763$). Иными словами, оценка продолжительности временного периода «когда я уже был на свете, но не помню об этом» не только внутрикультурно стабильна, но и не испытывает семейного влияния.

Выводы.

1. Автобиографический компонент самосознания представляет собой способность к осознанию временной протяженности своей личности в форме истории жизни. Автобиографическая память служит мнемическим субстратом автобиографического компонента самосознания и на высшем уровне своей организации феноменологически тождественна ему.

2. Ряд характеристик структуры АСС является внутрикультурно универсальным, содержится в разделяемом различными поколениями представлении о нормативной жизни типичного человека (о культурном жизненном сценарии) и присваивается субъектом, корректируясь особенностями конкретной семейной ситуации развития.

3. Структура АСС задается следующими параметрами представления о нормативной жизни типичного человека: ограниченным объемом событийного наполнения истории жизни (около 16 автобиографических воспоминаний); субъективной оценкой длительности периода от начала жизни до первого значимого события (около 2 см в графическом выражении); количественным преобладанием позитивных автобиографических воспоминаний над негативными в отношении около 3,5; преобладанием эмоциональной насыщенности пространства позитивного автобиографического опыта над эмоциональной насыщенностью пространства негативного опыта в отношении около 1,2.

4. Индивидуальная вариативность показателей структуры АСС связана с особенностями внутрисемейного взаимодействия в процессе формирования АП как высшей психической функции в конкретной социальной ситуации развития, что выявляется путем анализа значимых корреляционных связей между соответствующими показателями у членов одной семейной диады.

Нуркова Вероника Валерьевна, доктор психологических наук, профессор факультета психологии. Московский государственный университет им. Ломоносова. Россия, Москва.

Nurkova Veronika Valeryevna, doctor of psychological sciences, professor of faculty of psychology. Moscow State University of M.V. Lomonosov. Russia, Moscow.
Nourkova@mail.ru

Гурьева Валерия Вячеславовна, магистрант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

Gurieva Valeria Vyacheslavovna Moscow State University of M.V. Lomonosov. Russia, Moscow.
leratrf@mail.ru

Исследование рефлексивной составляющей аутопсихологической компетентности

В.В. Пантелеева, И.В. Голубева

The reflexivity as a component of autopsychological competence

V.V. Panteleeva, I.V. Golubeva

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования рефлексивной составляющей аутопсихологической компетентности. На выборке молодых учителей выявлена связь между высокой рефлексивностью, эффективностью деятельности и удовлетворенностью трудом. Предлагается рассматривать рефлексивный компонент аутопсихологической компетентности как серьезный психолого-акмеологический механизм повышения адаптации молодого специалиста. Приводится описание структуры рефлексивности и ее поведенческих индикаторов для использования в консультативной и психолого-профилактической работе.

Ключевые слова: профессиональная компетентность; аутопсихологическая компетентность; рефлексия; рефлексивность; поведенческие индикаторы рефлексивности; профессиональная пригодность; удовлетворенность трудом.

Abstract. The article contains the results of empirical research of the reflexive component of the autopsychology competence. There is a correlation between high reflexivity, effectiveness of professional activity and job satisfaction in the experimental group of starting teachers. We propose to consider the reflexive component of autopsychology competence as a serious psychological and acmeological mechanism to improve the adaptation of the young specialist. The description of the reflexivity structure and its behavioral indicators are presented in this article for using in a consultative and psycho-prophylactic work.

Key words: professional competence; autopsychology competence; reflection; reflexivity; behavioral indicators of reflexivity; professional suitability; job satisfaction

Современные психологические исследования отличаются выраженным интересом к психолого-акмеологическим механизмам профессиональной пригодности и удовлетворенности трудовой деятельностью. В связи с этим исследователи уделяют особое место вопросам аутопсихологической компетентности как совокупности характеристик субъекта, обеспечивающих высокий уровень самоорганизации, самоконтроля, самотворчества и саморазвития.

Аутопсихологическая компетентность интегрирует в себе ряд способностей, обеспечивающих готовность и способность личности к самопознанию, саморазвитию и самореализации в деятельности. Это системное и динамичное образование, связанное с изменением, развитием и совершенствованием своего внутриличностного пространства. Способность планировать деятельность по самопреобразованию является выражением проективного компонента аутопсихологической компетентности. Часто во время самопреобразующей деятельности появляется необходимость осуществления внутреннего диалога, направленного на изменение и преобразование, что обеспечивает интракоммуникативный компонент данной компетентности. Все внутренние личностные изменения, происходящие с целью активизации сильных и позитивных сторон личности, а также нивелирования негативных образований и слабых сторон, предполагают наличие ее конструктивного компонента. Организаторский компонент проявляется как способность наращивать арсенал внутренних психологических действий и осуществлять действия по самопознанию, саморазвитию, самокоррекции, самосовершенствованию. Прогностический компонент направлен на то, чтобы осуществлять коррекцию своего поведения, действий, конкретных качеств, а также предотвращать неблагоприятное развитие психологических качеств, нерезультативность своих действий.

В качестве ключевого компонента мы рассматриваем рефлексивную составляющую аутопсихологической компетентности. Это способность человека увидеть, почувствовать, понять себя и свое состояние, критически отнестись к своим внутренним психологическим особенностям. Для осуществления подобной деятельности и функциональности этого компонента человеку необходимо в различных жизненных и профессиональных ситуациях «включать» своего «внутреннего наблюдателя».

Наше исследование было проведено на выборке 40 учителей начальных классов нескольких образовательных учреждений г. Тольятти, имеющих стаж 3–4 года (данный период является для

них адаптационным); возраст испытуемых 22–24 года. Нами получены закономерности, обратные тем, что ранее были выявлены на выборке руководителей¹, для которых характерна U-образная связь уровня рефлексивности личности и эффективности деятельности и относительно низкая и значительно выраженная рефлексивность которых не способствуют эффективности управленческой деятельности. Для молодых учителей, напротив, оказалась характерной связь между высокой рефлексивностью в составе аутопсихологической компетентности и высокой степенью эффективности деятельности и профессиональной пригодности. В качестве критериев последней рассматривается успешное овладение профессией (объективный показатель, полученный методом экспертной оценки 360 градусов) и удовлетворенность трудом (субъективный показатель по методике «Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности» Т.Л. Бадоева). Выраженность вышеперечисленных компонентов аутопсихологической компетентности оценивалась при помощи методик «Опросник уровня рефлексивности» (В.В. Пономарева (Пантелеева), А.В. Карпов); теста «Смыслоразностные ориентации» (Д.А. Леонтьев), методики определения локуса контроля (Дж. Роттер). Корреляционный анализ компонентов аутопсихологической компетентности позволил нам предположить, какие механизмы способствуют достижению высокой продуктивности и удовлетворенности своей трудовой деятельностью. Выявленные в ходе статистического анализа взаимосвязи отражены на рис. 1. Во избежание загроможденности рисунка, в коррелограмме не показаны выявленные значимые корреляционные связи между всеми шкалами методики СЖО.

Наибольший удельный вес получила шкала «Локус контроля – жизнь» методики «Смыслоразностные ориентации» (Д.А. Леонтьева). С высокими баллами по этой шкале связан и более высокий уровень рефлексивности, что проявляется у рефлексивной личности как уверенность в способности свободно принимать решения, контролировать ход их реализации, тем самым управлять жизнью. На фоне высокозначимой отрицательной связи как данной шкалы, так и уровня рефлексивности с выраженностью экстернальности (методика Дж. Роттера) можно говорить о влиянии рефлексивности на готовность планировать будущее на основе убежденности в целесообразности сознательного контроля над грядущими событиями.

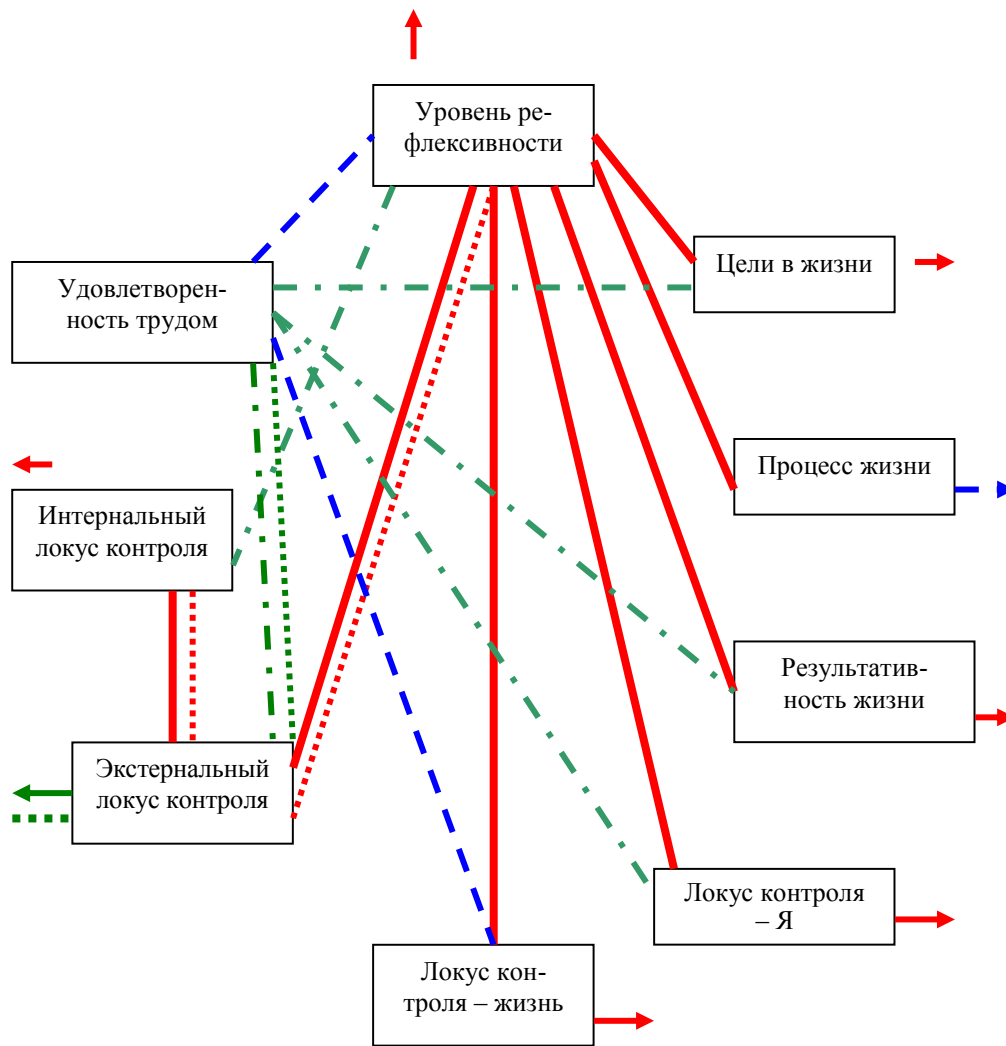
На втором месте по удельному весу оказались показатели по шкалам методики СЖО «Цели в жизни» и «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией». Они набрали большое число корреляций высоких уровней значимости с остальными переменными, в том числе с объективными и субъективными показателями эффективности деятельности и уровнем рефлексивности личности.

Кроме того, анализ структурограммы подтвердил, что системообразующим свойством аутопсихологической компетентности является именно рефлексивность, которая не только имеет высокий удельный вес (только на 1-2 балла меньше, чем у ведущих), связана с эффективностью труда, но и, в отличие от вышеперечисленных качеств, на более высоком уровне коррелирует с субъективными параметрами профессиональной пригодности (удовлетворенностью трудом). Оказалось, что чем выше уровень рефлексивности, тем выше удовлетворенность трудом в таких ее аспектах, как значимость и престижность профессии, вид и содержание трудовой деятельности, возможность повышения квалификации, взаимоотношения с коллегами.

Уровень рефлексивности личности оказался связан со всеми шкалами методики СЖО на уровне 0,99. В частности, значительная склонность к рефлексии сопровождается наличием целей жизни, придающих направленность и осмысленность временной перспективе. Связь рефлексивности с внутренним локусом контроля по методике Дж. Роттера на уровне 0,99 и отрицательная корреляция баллов по шкале «Цели в жизни» с выраженностью экстернального локуса контроля говорят о том, что постановка целей у более рефлексивных людей подкрепляется взятием на себя личной ответственности за их реализацию.

Наличие связи уровня рефлексивности с показателями по шкале «Процесс жизни» свидетельствует в пользу того, что более рефлексивная личность склонна воспринимать процесс своей жизни как более интересный, наполненный смыслом и эмоционально более насыщенный. Эти данные позволяют предполагать, что рефлексивные процессы участвуют в достижении состояния удовлетворенности полнотой жизни. К тому же показатели по шкале «Процесс жизни» связаны с удовлетворенностью трудом (определенной по методике Т.Л. Бадоева) не напрямую, а опосредованно, через уровень рефлексивности. Люди же с менее выраженной рефлексивностью, как правило, менее удовлетворены своей жизнью в настоящем.

¹ Пономарева (Пантелеева) В.В. Психодиагностика рефлексивности как метод социально-психологического исследования управленческой деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2000.

Условные обозначения:

- Связь на уровне $p = 0,001$
- Связь на уровне $p = 0,01$
- Связь на уровне $p = 0,05$
- Отрицательный характер связи
- Связь с эффективностью деятельности

Рис. 1. Структурограмма значимо коррелирующих компонентов аутопсихологической компетентности

Испытуемые с более высоким уровнем рефлексивности имеют более высокие показатели результативности жизни или удовлетворенности самореализацией, более способны к осмыслению прожитой жизни и оценке ее продуктивности, благодаря чему их будущая жизнь тоже становится более осмысленной.

Высокие показатели по шкале «Локус контроля Я» также значимо коррелируют с рефлексивностью. Следовательно, более рефлексивный человек имеет о себе представления как о более сильной личности, обладающей свободой выбора в разных жизненных обстоятельствах; он с большей эффективностью справляется с планированием и построением своей жизни в соответствии с поставленными целями, задачами и собственными представлениями о смысле жизни. И, напротив, менее рефлексивный человек недостаточно верит в свои силы и не уверен в способности контролировать события текущей жизни.

Таким образом, можно говорить о степени развития рефлексивного компонента аутопсихологической компетентности как о серьезном психолого-акмеологическом механизме повышения адаптации молодого специалиста, который способствует повышению эффективности его трудовой деятельности и удовлетворенности трудом.

Выявленная закономерность и предложенная нами модель рефлексивности, на основе которой разработана методика диагностики уровня рефлексивности¹ могут быть положены в основу консультативной и психо-профилактической работы с молодыми специалистами в сфере образования и, вероятно, в других сферах. В частности, эта работа может осуществляться через обучение молодого специалиста навыкам рефлексивного анализа собственной профессиональной деятельности, проработку и включение рефлексивных операций в повседневную трудовую деятельность, организацию тренинговых занятий. В связи с этим мы приводим краткое описание структуры рефлексивности и ее поведенческих индикаторов, которые могут быть положены в основу практической работы с клиентом.

В целом, осуществление рефлексии возможно в двух аспектах: рефлексия содержания собственного сознания, отражающего ход и результаты выполнения субъектом деятельности, и рефлексия внутреннего мира другого человека в процессе коммуникации.

В первом случае предметом рефлексии является деятельность, а рефлексия выступает как механизм ее регуляции и развития, является процессом критического осмысления текущей деятельности. Рефлексия проявляется как умение анализировать и выделять собственные действия, соотнося их с предметной ситуацией, как процесс обоснования необходимости внесения корректив в ход деятельности, т.е. она ориентирована на анализ, организацию и регуляцию деятельности. Субъект в сознании осуществляет рефлексивный выход за рамки непосредственной деятельности, обращая познание на ее ход, на свои состояния и психические качества, проявляющиеся в ней. Результатом этого вида рефлексии становится самооценка и образ «Я» в практической деятельности.

Рефлексия деятельности выступает в трех формах в соответствии с тем временем, которого охватывает: ситуативная, ретроспективная и перспективная. Ситуативная рефлексия обеспечивает непосредственную включенность субъекта в ситуацию в настоящем времени, осмысление ее элементов, анализ происходящего, способность субъекта соотносить с предметной ситуацией собственные действия, координировать, контролировать элементы деятельности в соответствии с меняющимися условиями. Поведенческие индикаторы ситуативной рефлексии: длительность и частота обдумывания своей текущей деятельности, легкость или тщательность подготовки принятия решений, количество вариантов и детальность замыслов, склонность прибегать к самоанализу в жизненных ситуациях, низкая импульсивность и тенденция обдумывать свои слова и действия, размышление над текущей задачей при выполнении других дел.

Ретроспективная рефлексия включает анализ прошедших событий и уже выполненной деятельности. Ее проявления: анализ предпосылок, причин произошедшего, мотивов своего поведения, условий, в которых происходила деятельность, изучение ошибок и промахов, размышление над причинами своих неудач, склонность вспоминать и обдумывать прочитанное или увиденное, интерес к последовательности мыслей, которые привели к решению, мысленное приведение новых аргументов после спора, новых вариантов после уже принятого решения, возможные сожаления о сделанном или сказанном.

Перспективная рефлексия заключается в размышлении о предстоящей деятельности, планировании, представлении о целях и будущих результатах, прогнозировании возможного исхода деятельности, выборе наиболее эффективных способов ее выполнения. Ее поведенческие индикаторы: частота мысленного обращения к предстоящей работе, тщательное мысленное планирование деталей и проигрывание предстоящей деятельности, беспокойство о будущем, анализ разных вариантов и возможных трудностей.

¹ Пономарева (Пантелеева) В.В. Психодиагностика рефлексивности...

При рефлексии внутреннего мира другого человека речь идет об интерпсихической рефлексии, когда в качестве объекта анализа выступает не собственная деятельность познающего субъекта, а представления о содержании сознания окружающих его людей. Размышляя за другое лицо, субъект становится способен понять, что думают другие люди, как они понимают происходящее, как оценивают ситуацию и, в конечном итоге, как они воспринимают самого субъекта. Поведенческие проявления этой формы рефлексии: склонность ставить себя на место другого, стремление понять мотивы поведения другого, желание предсказать реакцию окружающих на свои слова и поступки, терпимость к другим и готовность щадить чувства других людей, при анализе конфликта допущение возможности не только чужой, но и своей вины, мысленное ведение диалога с другим человеком.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование доказало, что на этапе вхождения в профессию рефлексивность личности играет системообразующую роль в формировании профессиональной пригодности. Представленное в статье описание поведенческих проявлений рефлексивности, как мы считаем, может быть использовано для проведения психолого-акмеологической развивающей и консультативной работы с молодыми специалистами.

Пантелеева Валерия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии. Тольяттинский государственный университет.

Panteleeva Valeria Vladimirovna, candidate of psychological sciences, associate professor, the Chair «Teoretical and practical psychologues». Togliatty State University. Russia, Togliatty.
v-pant@mail.ru

Голубева Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры педагогики и методики преподавания. Тольяттинский государственный университет. Россия, Тольятти.

Golubeva Irina Vladimirovna, senior teacher, the Chair «Pedagogy and methodology of teaching». Togliatty State University. Russia, Togliatty.
irina.golubeva.71@bk.ru

УДК 124.6

Судьба как цитата, жизнь как нарратив

В.Ф. Петренко, В.В. Кучеренко

Fate as a Quotation, Life as Narrativ

V.F. Petrenko, V.V. Kucherenko

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 14-06-00-212а и № 15-06-19451.

Аннотация. Статья посвящена экзистенциально значимой, житейски популярной, но мало разработанной в научной психологической литературе категории «судьба». В публикации акцент сделан на возможности влияния на выбор жизненного пути человека с помощью суггестивных психотехник. Приводятся феноменология и примеры «case study» такого выбора человеком своего будущего.

Ключевые слова: судьба, гипноз, обратная связь, проблема выбора.

Abstract. The article is devoted existentially meaningful worldly popular, but little developed in the scientific literature of psychological category of "fate." Publication emphasis on the ability to influence the choice of life course with the help of suggestive psycho. We give examples of phenomenology and «case study» this choice of man's future.

Key words: fate, hypnosis, feedback, the problem of choice.

В истории отечественной, да, пожалуй, и всей мировой психологической науки наблюдается сдвиг интересов от отдельных психических элементов (ассоциаций, умственных действий, реакций в бихевиоризме, мотивов и действий в деятельностном подходе, ментальных карт и семантических пространств в когнитивной психологии), от психических функций (восприятия, памяти, мышления, эмоций и т.п.) и даже от индивида, индивидуальных различий и личности ко все более целостным системам бытия, к процессам, включающим личность человека как подсистему в

отношения человек – среда, социум, история, наука, искусство, духовные ценности. Чем выше исследуемый уровень бытия, тем сложнее и менее изучены кольца обратной связи в регуляции и развитии сложного целого, в которое включен человек, Например, только в прошлом веке, благодаря работам А.Л. Чижевского¹, обнаружено влияние солнечной активности и космического ветра (космического излучения) на биологическую активность биоценоза и даже на социальную активность человека, на его творчество. Благодаря трудам В.И. Вернадского показана роль биосферы и человеческой цивилизации как геологического фактора в эволюции земной коры и обратное влияние геоморфологических процессов и катаклизмов на формирующуюся ноосферу как область приложения человеческого разума². Эта линия продолжена А.П. Назаретяном³, В.И. Пановым⁴ в анализе техногенных кризисов, вызванных нарушением морально-техногенного баланса и обратного влияния духовного состояния общества на природу и индустриальный прогресс. Благодаря работам З. Фрейда, К.Г. Юнга, Ш. Ференци (имена исследователей можно продолжить, включив современных отечественных психологов) вскрыто позитивное или разрушающее влияние бессознательных процессов человека на его психосоматику. В религиозных системах постулируется (а в актах самосозерцания и покаяния непосредственно переживается) влияние даже не поступков, а дурных помыслов на духовное и физическое самочувствие человека. Все эти уровни обратной связи сложных систем, в которые включен человек, мало изучены, мало отрефлексированы и мало представлены в понятийном психологическом аппарате. И здесь в поле науки (а не религии или искусства) возможны две глобальные стратегии теоретических построений: или находиться жестко в рамках естественнонаучной парадигмы и оперировать понятиями, фиксирующими наличное знание, рискуя редуцировать целое к его проекциям на частные науки и остаться слепым к многомерности и многоуровневости мира (при этом человек, успешно функционирующий в обыденной жизни, оказывается голым и беспомощным при столкновении с экстраординарными экзистенциальными проблемами жизни и смерти, смысла жизни и веры); или конструировать понятия «на вырост», оставлять в их содержании некую неопределенность, составляющую «люфт незнаемого».

Одним из таких понятий, могущих войти в теоретический аппарат психологии для описания целостной человеческой жизни и имеющий богатую мифологическую традицию, сложную символическую презентацию (от астрологических прогнозов до обрядов гадания), а также яркую историю осмысления средствами искусства, является понятие «судьба». Когда мы писали этот текст, в руки случайно (а может, это маленький звоночек судьбы?) попался номер «Вопросов психологии», посвященный столетию Л.С. Выготского, где в воспоминаниях его дочери приводится текст письма Выготского Р.Е. Левиной. «Кризисы, – пишет он, – это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам (произнести страшно и весело это слово, зная, что завтра мы будем исследовать, что за этим скрывается), к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию. Я убежден...». И далее: «Развитие есть умирание. Это действительно “маленькая смерть” в нас. Так и надо это понимать. Но за этим всем стоит жизнь, т.е. движение, путешествие, своя судьба. (Ницше учил *amor fati* – любовь к судьбе.)

Понятие судьбы в той или иной форме присутствует практически в любых человеческих культурах, или (в терминах Тойнби) в цивилизациях. Так, в античной культуре оно фиксирует идею жесткой детерминации и предопределенности жизненного пути человека. В мифологии образ судьбы персонифицирован: в греческой – это слепые мойры, а в римской – парки, прядущие нити судьбы человека. В гностической рукописи Пистис София тема судьбы человека выражена как предопределенность его смерти: «Если некто должен умереть от дикого зверя, Мойра приведет к нему дикого зверя, чтобы тот умертвил его, или если он должен умереть от змеи, или от должен упасть случайно в ров, или должен повеситься, или должен умереть в воде каким-то родом, или другой смертью, хуже этой или лучше, – словом, Мойра есть та, которая склонит его смерть к нему»⁵. Судьба понимается изначально заданной (как, например, в мифе об Эдипе), и ее невозможно изменить. Отсюда корни греческой трагедии и стоицизм как мужественное принятие судьбы и рока. В христианстве, которое предполагает свободу воли и личностный выбор пути, идея предопределенности варьируется широко: от жесткой предопределенности у святого Авгу-

¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. М., 1995.

² Вернадской В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

³ Назаретян А.П. Интеллект во вселенной. М., 1991.

⁴ Панов В.И. Введение в экологическую психологию : учеб. пособие. Ч. 1. М., 2001.

⁵ См.: Трофимова М. К. Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 17.

стина, Лютера и – особенно – Кальвина до признания Пелагеем, Иоанном Домаскиным, Фомой Аквинским возможности верующего благими деяниями обеспечить себе индивидуальное спасение.

Оппозиция «жесткий детерминизм ↔ свобода воли» присутствует в той или иной форме во всех мировых религиях и философских системах (от Платона, стоиков, Плотина до Канта, Шеллинга, Гартмана, Шестова, Бердяева, Сартра). И в общем-то, несмотря на почтенный возраст проблемы и множество глубоких рассуждений, современный образованный человек не в состоянии обосновать, какая из диаметрально противоположных версий детерминизма правильнее: Р. Брэдбери, в рассказе которого «И грянул гром» незначительное случайное событие (убийство бабочки путешественником в будущем) кардинально меняет историю, или Л. Толстого, в соответствии с воззрениями которого, выраженными в романе «Война и мир», воля даже такой личности, как Наполеон, никак не влияла на ход европейской истории, осуществлявшейся согласно некоторому предопределению. Не имея возможности «выйти из потока исторического или индивидуального времени» (как в романе А. Азимова «Конец вечности») и пережить иной сценарий, человек (субъект анализа) не в состоянии оценить меру причинности («Бог не обнаруживает себя в мире»). На наш взгляд, невозможность причинно-следственного анализа бытия человека в мире (в силу свободы воли субъекта) требует описания его жизненного пути в понятиях, учитывающих и внутреннюю, и внешнюю детерминацию.

Понятие жизненного сценария личности при всей его эвристичности имплицитно содержит самовыбор субъекта, пусть даже и на неосознанном уровне. Понятие судьбы, на наш взгляд, содержит и в христианском, и в буддистском (идея кармы) и особенно в мусульманском культуральном менталитете, да и в рамках научной ментальности (в представлениях о генетической наследственности, подтвержденных исследованиями однойцовых близнецов) как идею предопределенности, так и идею сознательного выбора и личной ответственности человека за совершаемые им деяния и помыслы, и производность (особенно в буддистской кармической версии судьбы) всего происходящего с субъектом от его предыдущих деяний. Некие «избранники судьбы», наиболее остро чувствующие ее внутренний голос, предвидят ее. Так, великая болгарская предсказательница Ванга, жившая уже в наше время и ослепшая в молодости во время свалившегося откуда-то, «как гром среди ясного неба» воздушного смерча, как бы предчувствуя свое будущее, заранее училась выполнять работу с закрытыми глазами, читать с помощью алфавита Брайля для слепых. В ее практике предсказания судеб других людей (имевшей около 70% верных «попаданий») часто встречались случаи, когда посетитель, предупрежденный о предстоящих негативных событиях, тем не менее, в силу различных обстоятельств, оказывался в то самое время в том самом месте, которого ему следовало бы избежать. Вспоминается суфийская притча о том, что некто, увидев свою Смерть на базаре, оседлал коня и помчался стремглав подальше в другой город; Смерть же, удивилась, что это он делает здесь, когда их встреча вскоре должна состояться совсем в другом городе. Наш старший друг и учитель, профессор П., незадолго до того, как в результате травмы он получил кровоизлияние в левое полушарие мозга и, лишившись дара речи, оказался парализован на одну сторону туловища, как бы предчувствуя негативные события будущего, неоднократно посещал, с незначительными жалобами на мозговое кровообращение, институт нейрофизиологии им. Н.Н. Бурденко, в котором он и оказался после трагедии. За несколько месяцев до этого события он видел пророческий (как оказалось впоследствии) сон, потрясший его мрачным предчувствием беды. Один из авторов настоящей статьи накануне (а может, уже и во время тяжелой болезни) видел во сне растение, с которым он во сне полностью идентифицировался, – однако не охваченный огнем куст «неопалимой купины», как в видении пророка Моисея, а, напротив, куст, подверженный болезни. Этот тревожный сон и заставил его обратиться к врачам, которые диагностировали весьма тяжелое заболевание. Наряду с медикаментозным лечением проводилась активная медитативная психотерапевтическая работа с энергетическими образами, во время которой один автор статьи помогал другому работать с измененными состояниями сознания. Прошло уже относительно много времени, и индивидуальный эксперимент-наблюдение «про судьбу» продолжается... Этот длящийся «экзистенциальный эксперимент» индивидуальной биографии может стать аргументом теоретического осмысления бытия и, надеемся, его оптимистической версии о возможности избежать предопределенного судьбой. Многие читающие этот текст могли бы, наверное, вспомнить подобные примеры из собственной жизни.

Многомерное и многоаспектное понятие судьбы требует его анализа в философском, мифологическом, потенциально научном и художественном аспектах, но, не имея возможности высказать что-либо дельное относительно божественно-провиденческого компонента судьбы, мы ограничимся ее феноменологическим определением, просто описав три случая из психологиче-

ской практики, в которых, на наш взгляд, его употребление было бы уместно. И поставим вопрос: так можно ли уйти от судьбы и как-то трансформировать свой жизненный сценарий, или все заранее предопределено, и мы обречены, как Сизиф, проклятый богами за то, что пытался обмануть смерть, катить свой камень на вершину горы, зная, что он неизбежно сорвется вниз. Но, в отличие от Сизифа, который знает всю тщетность своих усилий и невозможность что-либо изменить (и в этом суть наказания), мы полны наивного энтузиазма и полагаем, что мы-то и являемся хозяевами своей судьбы и субъектами собственного бытия.

Случай 1. Некто А. – студент педагогического вуза, географ, посещал в начале 80-х годов наши эксперименты по исследованию влияния эмоций на процессы категоризации. В одной из экспериментальных серий ему было предложено самому выбрать ситуацию успеха. Парень увлекся любительской игрой на синтезаторе, и ему было внушено, что он играет в составе известного рок-ансамбля перед громадной аудиторией. Вся его поза, мимика, жестикация свидетельствовали о переживании огромного наслаждения от творческого успеха. После сеанса он с упоением рассказывал об игре на японском синтезаторе известной фирмы, которые были в то время еще крайне редки и весьма дороги в нашей стране, и т.п. Последствия этой истории были неожиданны. А. бросил учебу в техническом вузе и полностью переключился на музыкальную деятельность. Он добился профессионального успеха, став известным и востребованным аранжировщиком. Спустя некоторое время он переехал жить и работать в США, продолжив свой музыкальный бизнес.

Случай 2 (в некотором смысле противоположный первому). Художнику-любителю К. внушалась следующая ситуация: в будущем, через пятнадцать лет (прием «возрастной прогрессии»), он находится на своей персональной выставке, где он – «известный» художник – комментирует собственные картины и дает пояснения журналистам. Ситуация интервью была использована, чтобы исследователь имел возможность «увидеть» сюжет и манеру письма художника кого собственными глазами. Испытуемый подробно описывал содержание картин и в ответ на вопросы «журналистов» комментировал свои творческие находки. В ходе обсуждения сеанса, когда пациенту «алаверды» рассказали о содержании и манере его (виртуальных) картин, он с негодованием отверг самим же им описанную манеру письма, заявив, что он никогда не опустится до такого. В дальнейшем К. так и остался художником-любителем, для которого увлечение живописью лишь хобби.

Случай 3. Д. – зрелая женщина, мать семейства, получившая в молодости профессию журналиста и склонная к сочинительству, (но на тот момент в профессии не реализовавшаяся), проходила курс гипнотерапии по причине тяжелой депрессии, вызванной серьезной соматической болезнью.

Для работы с пациенткой среди ряда психотехник, таких как метод сенсомоторного психосинтеза, В.В. Кучеренко использовал метод «эмоционального отстранения», заимствованный из техники НЛП – нейролингвистического программирования¹. Суть этого метода в том, что пациент наблюдает приключившиеся с ним в жизни негативные события, как бы проецируя их на воображаемый экран. В гипнотическом трансе он может придвинуть или отодвинуть экран, увеличив или уменьшив тем самым масштаб происходящего, усилить или притушить яркость проекции, изменить краски наблюдаемого. Таким образом, он получает субъективный контроль над переживаемой ситуацией и возможность отстраниться от нее, увеличивая дистанцию. На экране он сам, собственной персоной, но наблюдает он свершившиеся события как бы извне. Такая психотехника позволяет отстраниться от эмоционального шока, вызванного негативными событиями. События по-прежнему помнятся, но уже в другом свете, в другой окраске, более нейтральной эмоционально.

Благодаря усвоенной технике «проецирования на экран» и ее регулярной тренировке в гипнотерапевтических сеансах, пациентка обрела способность визуализировать воображаемые ситуации и просматривать их как своеобразное кино. Причем происходящие на «экране» события как бы осуществлялись автоматически, без волевых усилий самой пациентки, как в технике управляемых сновидений К. Юнга (практиковавшейся в свое время Н. Дзеном). В дальнейшем Д. стала записывать свои фантазии на бумагу. Получался интригующий литературный продукт, в дальнейшем имевший коммерческий успех. Впоследствии пациентка стала профессиональным литератором.

Среди множества приемов, использованных В.В. Кучеренко в психотерапевтической работе с Д., особое место занимала техника эмоциональной инверсии, когда в гипнотической иллю-

¹ Гриндер Д., Бэндлер Р. Формирование транса. М., 1994.

зорной ситуации идет гипертрофированное усиление привычной (как правило, эмоционально негативной) формы реагирования, а потом следует резкое переключение на противоположное переживание положительной эмоциональной окраски. Например, для пациентки с тревожно-депрессивным состоянием дается переживание одиночества в темном дремучем лесу: «Она идет по лесной тропинке, гулко ухают совы, где-то раздается треск валежника, усиливающий переживание тревоги и опасности, и вдруг из-под ближайшего куста на нее устремлены два огромных фосфоресцирующих глаза. Ноги прилипают к земле, глотку сводит судорога. Ни закричать, ни убежать. Стра-ааа-шно – ... аж жуть! И вдруг из куста выползает маленький черненький котенок, потерявшийся и заблудившийся в лесу. Он жалобно мяукает, трется о ноги. Его огромные глаза выражают страх и мольбу о помощи». Происходит инверсия эмоционального состояния пациентки. Из беззащитной и гонимой она превращается в могущественного покровителя слабого. Психотехника «экранной проекции» и освоенная техника эмоциональной инверсии стали компонентами творческой самореализации Д.; для которой литературный труд в ироническом ключе стал формой самопсихотерапии. Более того, ее творчество стало «всемирным антидепрессантом для населения»: «Собака нашла труп убитого, а мне не страшно, а смешно. Ха-ха-ха». Для массового сознания, уставшего от лавины негативной информации, это оказалось приемлемым средством ухода от каждодневной «чернухи», и Д. утвердилась и как популярный писатель.

Приведенные случаи не доказывают, но иллюстрируют возможность с помощью техник измененного состояния сознания изменить собственный жизненный сценарий, изменить судьбу. Большинство психотехник такого рода связано с работой с образами, представлениями.

В психологическом плане работа с образами в трансовом состоянии как ведет к эвристическим построениям новых жизненных сценариев личности, так и, сопровождаясь сильными эмоциональными переживаниями, может обеспечивать необходимую жизненную силу, энергетику для разрушения сложившихся жизненных стереотипов и реализации новых. Судьба, таким образом, выступает не жестко заданным и неизбежным сценарием, а деревом возможных выборов, которые субъект может реализовать сам или с помощью психотерапевта, помогающего ему осознать и открыть для самого себя эти возможные выборы. Правда, как в притче о встрече со Смертью, сама встреча с психотерапевтом может быть уже заложена в одном-единственном сценарии, предуготовленном данному человеку, и возможность выбора иллюзорна. Иллюзорна или нет наша свобода выбора (с внутренней позиции этот выбор есть) – в любом случае человек пытается предугадать свою судьбу, «свое Дао», свой истинный путь по этому ветвящемуся дереву возможностей, и по знакам-подсказкам совершать тот или иной выбор. Источник происхождения этих подсказок не ясен, но произносятся эти подсказки на образном языке бессознательного.

Вернемся к понятию «судьба» как к возможному рабочему понятию психологической науки. Если классическая психология опирается на методологию эксперимента, включающему многократную воспроизводимость некоего феномена и его наблюдаемость различными людьми (испытуемыми), и стремится вывести некие законы или хотя бы закономерности, то жизненная практика, связанная с понятием «судьба», подразумевает внутреннего наблюдателя (самого человека), уникальность и единичность наблюдаемого события и, в отличие от академической психологии, не поиск некоей закономерности путем подведения этого события под некий поведенческий стереотип, сценарный фрейм, а интерпретацию его субъектом как некоего символа, «знака судьбы», как некую подсказку для принятия решения, значимость и ценность которой может быть оценена только самим человеком. Измененные состояния сознания, транс облегчают доступ к этим «знакам судьбы» или генерируют их, а суггестивные техники, вызывая трансовые состояния, могут облегчить движение фантазии пациента к проблемной области и высветить возможные варианты выбора.

Понятие судьбы, таким образом, может стать рабочим в рамках интерпретационной психологии, основанной на герменевтической практике толкования жизни.

Петренко Виктор Федорович, доктор психологических наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, психологический факультет. Москва, Россия.

Petrenko Victor Fedorovich, doctor of psychological sciences, professor. Lomonosov Moscow State University, psychological faculty. Russia, Moscow.

Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology.
victor-petrenko@mail.ru

Кучеренко Владимир Вилетарьевич, научный сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики факультета психологии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, психологический факультет.

Kucherenko Vladimir Viletarevich, research associate of laboratory of psychology of communication and psychosemantics of faculty of psychology. Moscow State University, Department of Psychology. Russia, Moscow.
vvkucherenko@gmail.com

УДК 159.9

Духовно-душевно-телесная организация человека

Г.В. Пучкова

Spiritual-desino-bodily organization of man

G.V. Puchkova

Аннотация. Основная цель статьи состоит в теоретическом обосновании содержания духовно-душевно-телесных ипостасей человека и характера их взаимосвязи между собой. Противопоставление материалистической (научной) и идеалистической (религиозной) точек зрения на сущность человека в современном мире нуждается в обобщении, но не путем отвержения одной из позиций, а их взаимным дополнением. В статье сделана попытка поиска этой взаимодополнительности на основе анализа святоотеческого и научного подходов к сущности человека.

Ключевые слова: иерархической структура человека; духовность, душевность, телесность; взаимосвязь структурных компонентов.

Abstract. The main objective of this paper is the theoretical substantiation of the content of spiritual-spiritual and physical incarnations of a human being and the nature of their relationship to each other. Opposition of the materialist (scientific) and idealistic (religious) perspectives on the nature of man in the modern world needs generalization, but not by rejecting one of the positions, and their mutual complementation. The article is an attempt of finding this complementarity based on the analysis of patristic and scientific approaches to human nature.

Key words: hierarchical structure of man; spirituality, spirituality and physicality; the relationship of the structural components.

В начале наступившего века в психологической науке возрос интерес к духовно-душевно-телесной организации человека и духовно-нравственному воспитанию молодежи, обусловленный, в числе прочего, и ростом негативных социальных явлений, вызывающих беспокойство за будущее страны и человечества в целом. Сегодня актуален призыв правительства страны к созданию «духовных скреп» нации. В связи с этим закономерно постановка вопросов о иерархической структуре и содержании духовно-душевно-телесной составляющих человека и условиях их развития. Рассуждения о соотношении между телом, душой и духом актуальны сегодня как для науки, так и для религии. Наука основывается на сомнении и поиске выхода из него с помощью научного метода, а религия базируется на доверии и откровении. Однако единство предмета исследования требует поиска пересечения этих позиций и снятия противоречий между ними.

В современной науке нет единой трактовки понятий «дух», «душа» и иерархии духа, души, тела. Каждый из авторов дает собственную интерпретацию этих феноменов и их иерархического соподчинения: «дух–душа–тело» или «душа–дух–тело». Нередко встречается подмена одного понятия другим: содержание души приписывают духу и наоборот. Единая трактовка данных понятий и их иерархической соподчиненности позволит более точно определить содержание целенаправленного влияния на развитие личности и концептуальные основы самостоятельного и свободного совершенствования личности.

Человек, согласно материализму, есть продукт эволюции животного мира. Направление совершенствования человека – нравственность как основа гражданского общества равных возможностей и справедливости (светлое будущее). Нормы нравственности социально предзаданы. В идеализме человек есть фрактальное подобие Творцу, продукт Его творения. Смысл человеческой жизни состоит в реализации потенциальной возможности достижения уровня самого Творца через добровольное и свободное самосовершенствование сознания, расширение его границ. Пути реализации

данной потенции многообразны: познание мира и себя; преданность Учителю; путь страдания и горя. Но все пути принадлежат Творцу, и Он приветствует человека на любом из них.

Принцип воспитания советского периода господства материализма «Бытие определяет сознание» сменился сегодня другим – «Сознание определяет бытие». Признание первичности одного или другого лежит в основе формулирования парадигмы воспитания и определяет содержание мировоззрения развивающейся личности, характер и способы решения важнейших жизненных задач: выбор варианта и смысла жизни на каждом из ее этапов. Зависимость выбора от интенции сознания человека очевидна. Эгопрагматическое, светское духовное и религиозное духовное самосознание взаимосвязаны с иерархической структурой духовно-душевно-телесной организации человека. Эгопрагматическая направленность («Нарцисс») сопряжена с доминированием потребностей тела и признанием себя высшей ценностью. Сознание «ощинника» признает высшей ценностью общество, а себя его частью. Светская духовная направленность соотносится с душевным уровнем самосознания. «Мистик» высшей ценностью считает Бога, а смысл и цель жизни видит в непрерывном единении с ним. Религиозная духовная направленность сопряжена с духовным уровнем самосознания.

Бедность и ограниченность наших пяти органов чувств не позволяют найти научные методы для обнаружения того, что им не доступно. Тело и психика изучаются с помощью естественнонаучных методов, а дух – через интуитивное постижение и откровение. Поэтому в трактовке содержания понятия «Дух» обратимся к первоисточнику (Библии), в котором говорится о том, что Творец, создав человека из «природных материалов» по своему «образу и подобию», вдохнул в него жизнь – «одухотворил». «Передача Духа» человеку от Творца произошла однажды в момент его сотворения (появления). Далее происходит процесс проявления его (духа) в момент рождения человека (дата рождения есть дата очередного проявления, однако христианство отказалось от идеи перевоплощения). Таким образом, каждый человек получает дыхание Духа Святого. Этим актом человеку передано вечное и неисчерпаемое начало, «Образ Творца», его подобие. Человек подобен Богу не по внешнему облику, а в личностном разуме, сознательной воле, высшей Свободе, высшем Творчестве, процессе вечного совершенствования. Это отражение Сущего в человеке им не осознается так, как, например, чувство голода или обида на кого-то, вина за содеянное и т.д. Только в моменты экстатических переживаний «дух» едва улавливается, но с трудом «переводится» в словесную форму. Облачение духовных переживаний в слово одноmomentно приводит к потере его подлинного и истинного содержания, так как «мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). Поэтому над описанием любви, религиозных переживаний, прекрасного почти безрезультатно столетиями бьются философы и поэты. Однако человек не может объяснять себя и мир, в котором он живет, иначе как через слово (понятие). А как можно понять то, что ускользает от осознания? Этот феномен называют интуицией, но доверяют ей существенно реже, чем логике.

Каково содержание духовного аспекта человека, переданного ему Творцом? Каково содержание духовного компонента самосознания? Об этом можно говорить только на основе святоотеческих откровений и опыта личных переживаний человека.

Высшей функцией духа человеческого выступает Вера – Вера в то, что мир создан Творцом и функционирует по его законам: физическим, математическим, химическим, биологическим, социальным, душевным и т.д. – и Канонам: Фрактального подобия, Эволюции, Вечности, Духовного Единства, Нейтральности, Целесообразности, Целостности, Причины и следствия, Диссимиляции и т.д. Наука открывает законы и ставит их на службу человечеству, обеспечивая развитие цивилизации, но не культуры. Обладание самым «крутым» гаджетом не делает человека культурнее. И даже высокий уровень освоения научного знания не всегда положительно коррелирует с высоким уровнем культуры личности. Как пишет Гершунский, образование не решает своей главной задачи – синтеза Веры и Знания¹. Восприятие человеком себя как «царя» природы, который способен по своему усмотрению «переписывать» ее законы или использовать их во зло, ведет к неизбежной гибели человечества. Чаще всего корректируются или плохо усваиваются законы функционирования души, а именно они выступают причиной нарушения основных Канонов Мироздания. О последствиях выпущенного из поднятой руки камня знают все и не сомневаются в том, что в условиях земного притяжения он упадет вниз. О последствиях же собственных поступков знают и хотят знать немногие. Но даже тот, кто знает, нередко считает, что в отношении него причинно-следственные связи не работают. Знание законов функционирования собственной души и вера в их не человеческое (не социальное) происхождение (как закона смены

¹ Гершунский Б.С. Философия образования. М., 1998. С. 53.

дня и ночи) приводит человека к пониманию трансцендентности своего бытия и заставляет задуматься о том, что там, за границами земной жизни.

Еще сложнее человеку принять Каноны Мироздания, так как они, в отличие от законов, вообще не подлежат эмпирической проверке, и сознание человека чаще всего не способно, в силу своей ограниченности, фиксировать эти высшие причинно-следственные связи. А если не подтверждено, то и «не верю». Не слышит человек, что «не Вера от чуда, а чудо от Веры».

Второй функцией духовности, доступной осознанию, является Любовь. «Бог есть Любовь» – что стоит за этой фразой для обитателя Земли? При ответе на вопрос, что такое любовь, чаще всего можно слышать, что это чувство между мужчиной и женщиной. Этим же словом называют отношения полов, чувства к родителям, Родине, еде, работе и т. д. Однако смысловое содержание этих слов – только слабое отражение Любви Творца. За этим всеобъемлющим понятием – состояние гармонии человека с собой и с миром. Любовь не существует сама в себе. Ее основное свойство – потребность изливаться на кого-нибудь или на что-нибудь. А часто ли человек это состояние переживает (испытывает)? Без сомнения, редко. Это состояние полной осмысленности существования в том позитивном понимании, что человека не тревожат мысли о том, зачем он здесь, так как он на одной «волне», вибрации (в гармонии) с замыслом Творца. Человек становится Его мыслями и «руками», творящими на Земле. Внутренний покой вечного движения, жизнь, наполненная мелкими, на первый взгляд, делами создают таинственную витиеватость судьбы конкретного человека. Таким людям раскрывается триединый смысл их деяний на Земле: материальный (забота о хлебе насущном), социальный (признание, самоутверждение, служение ближнему), трансцендентный (исполнение Воли Творца, послушание). Это о них говорят в народе: «Кто понял жизнь, тот не спешит». К ним не только пришло осознание нейтральности между двумя вариантами существования: действенным (внешним) и созерцательным (внутренним), но им удалось этой нейтральности достичь. Это они довольствуются малым, умеют жить без суеты, все события жизни принимают с любовью и благодарностью. Излияние любви ко всему, что окружает, побуждает их к радостному отдаванию, а не к алчному присвоению. «О любви немало песен сложено» (Матусовский), и каждая новая песня ничего не добавит в сознание человека, если он не будет ежедневно учиться любить, а научить этому невозможно.

Третий аспект духовности – Надежда. Она связывает Веру и Любовь человека в его устремлении к Творцу, к единению с Ним. Каждый надеется «на лучшее», подразумевая под этим что-то свое. Житейское понимание выражения «Надежда умирает последней» – исчерпанность всех возможностей для решения проблемы, желаемого исхода дела. Надежда как аспект духовности неисчерпаема, так как направлена силой Творца на поддержку устремленности человека к Нему.

Точкой сопряжения всех трех аспектов духовности выступает мудрость (софия). Она дается как дар Творца тому, кто стяжает Веру, Любовь и Надежду. Без мудрости, которую человек обретает, идя по жизни, невозможно раскрытие законов и Канонов Мироздания, постижение Веры в их незыблимость и справедливость, смысла Любви и гармонии с собой и с миром, надежды на то, что каждый человек станет рано или поздно наместником Творца на Земле. Механизмом обретения мудрости выступает синтез разума, интуиции и опыта жизни. Мудрость исходит от Творца, и она как запах цветка, который никому из людей не принадлежит, но каждый может насладиться его ароматом. Она раскрывается человеку постепенно в результате его собственных усилий.

При анализе содержания душевного уровня человека снова обратимся к народной мудрости и святоотеческим воззрениям на нее. «Глаза – зеркало души», так как через глаза окружающий мир воспринимается и через них (во взгляде) проявляется отношение человека к миру. Не случайно во многих литературных произведениях автор описывает глаза героя и их изменения в различных жизненных ситуациях. Внешние события, преломляясь через душу человека, вызывают те или иные внутренние переживания. В свою очередь эти переживания изменяют, реконструируют содержание души. «Чужая душа потемки» – еще одно наблюдение над сущностью души. Человек и сам иногда не в состоянии пробраться через потаенные и не освещенные сознанием тропинки собственной души. Душа – источник актов поведения, так как она совокупность чувственных восприятий, мыслей, следов воспоминаний, волевых актов, всего того, что определяет сознательный или бессознательный выбор поступка в конкретной ситуации.

Содержание души закладывается в детстве через родительские послания и ранние детские переживания, модифицируется под влиянием событий жизни. Таким образом, бытие ребенка определяет содержание его сознания на многие годы вперед; то, чем наполнена душа ребенка, откликается эхом в поведении, переживаниях взрослой жизни. Однако душа человека «обязана трудиться и день и ночь» (Заболоцкий), «обрабатывая» события жизни, рефлексирова по поводу

личных переживаний. Переработка этой информации существенно изменяет человека, его сознание и самосознание. И уже «обновленное» сознание и измененная система личностных конструктов определяют бытие. Если бы отсутствовала эта вторая составляющая в диалектической связке бытия и сознания, то мир бы остановился в своем развитии, так как «душа» каждого нового поколения была бы точной копией «души» предков.

Вопрос в том, к чему ведут изменения в душах каждого нового поколения. Проблема «отцов и детей» по-прежнему остается актуальной. Обвинения старшими младших в безнравственности, инфантильности, лени и младшими старших в непонимании не утихают и при смене тысячелетий. Старшее поколение выступает частью социальной среды (бытия), в которой развиваются души следующего поколения. Чем же определяется содержание души? В качестве основы для выбора поступка может выступать социальный и духовный опыт. В первом случае развивающееся самосознание при оценке вариантов поведения опирается сначала на диаду «хорошо–плохо», затем – на «добро–зло». Критерием оценки и судьей в выборе каждого из вариантов выступает социально-нормативное содержание самосознания, интериоризированное им от значимого взрослого в детстве. «Плохое» и «злое» – это то, что, по мнению человека, приносит вред обществу и ему самому. Но всем известно, что если не будешь делать добра, то «не получишь и зла», «благими намерениями устлана дорога в ад». Социальная оценка «добра» и «зла» относительна. Где же душе искать опору, если критерии истинности субъективны и переменчивы, как погода? Ответ несомненен: в переживаниях духовного опыта.

Любое переживание представляет собой единство интеллекта (разума) и аффекта (эмоции). Рефлексивный анализ поступков и их последствий дает субъекту возможность выстраивать причинно-следственные связи между поступком (причина) и его результатом (следствием). За умением видеть эту причинную связь и принятием на себя ответственности за выбор и его последствия (хотя часто этого не происходит) следует осознание источников этого выбора. Это может быть личная выгода, принуждение, желание угодить, выглядеть выгодно в глазах других, бескорыстная забота о другом человеке и т.д. Выбор поступка может быть обусловлен и бессознательной установкой: «на том стою и не могу иначе». В любом случае интерпретация строится на основе приобретенных в процессе социализации установках, личностных конструктах, интернальной или экстернальной направленности. При этом и установки, и конструкты, и направленность не случайны, а закономерно обусловлены именно для данной личности (заданная тропинка жизни с множеством ответвлений для свободного выбора).

Личностный рост начинается с того момента, когда человек преодолевает эту социальную предзаданность и, проявляя внутреннюю свободу, ориентируется на духовность (Дух), соотносит свои поступки с заповедями Творца, а не социальным нормативным кодексом поведения. Душа «ныряет» в пространство «духа» и черпает там частицу мудрости Творца. Если сердце лишено Божьей благодати и не воспринимает из мира трансцендентного внушения Духа истины и добра, а расположено к восприятию зла, лжи, гордости, то в нем рождается безумие. Таким образом, грех или праведность – дело свободного выбора человека.

Душа устанавливает связь с Духом через совесть. Совесть – весть (известие) человеку о Божественных законах жизни тварного мира и последствиях их нарушения. Чем реже человек «окунается» в пространство Духа, тем «тоньше» нить совести, соединяющая его с Творцом, тем чаще при выборе действия он опирается на потребности тела (эгонаправленность) и потребности статуса, власти, влияния (источник гордыни). Только то действие, которое внутренне контролируется (со стороны совести) можно отнести к актуализирующему. Действие разрозненного контроля или контроля со стороны внешних сил не является самоактуализирующим.

Сущность природы человека ориентирована на движение к цели (все более полной самореализации, готовности стать наместником Бога на Земле) и способна вести себя к ней. Человек от природы (с момента одухотворения) обладает врожденным потенциалом, позволяющим ему развиваться оптимально и эффективно. Этот природный потенциал К. Роджерс называет «тенденцией к актуализации». Актуализировать себя – значит максимально раскрывать лучшие качества своей личности, заложенные в ней от природы (от Духа Святого). Человек, живущий против своей истинной природы, испускает злые, разрушительные и аномальные импульсы.

Несколько слов следует сказать и о важнейшем иерархическом уровне человека – теле – носителе души и духа. Забота о собственном теле становится с каждым годом все более модной. Однако румянец на щеках и «кубики» на прессе чаще всего удовлетворяют эгоистические потребности в статусе, принадлежности, восхищении со стороны других. Выражение «В здоровом теле здоровый дух» вызывает серьезное сомнение, если человек совершенствует тело для того,

чтобы потешить свою гордыню или не оплошать в драке, а не для достижения уровня развития тело–ум, когда появляется «организмическое доверие», чувствознание, единство ощущений тела и содержания мысли. На этой стадии развития тело становится инструментом «строительства» жизни. Выбор действия осуществляется на основе ответа на запрос, посланный к сердцу. Пропаганда здорового образа жизни основана на призывах: не злоупотребляй алкоголем, не кури, не коли наркотики, правильно питайся... Но все дурные наклонности – следствие состояния души, которая «больна» и не видит смысла в продолжении пребывания в этом проявленном мире. И снова сказывается первичность сознания по отношению к бытию. Целенаправленное воспитание души подрастающего поколения позволит решать и проблемы здоровья нации.

На основании выше изложенного можно заключить:

1) в структуре человека выделяются следующие иерархические уровни: дух–душа–тело, взаимообуславливающие и взаимопроникающие друг в друга. Дух первичен, не подлежит развитию, так как изначально совершенен. Это та часть человека, которая делает его «подобием Творца», которая подлежит раскрытию, разворачиванию через принятие Веры, Любви, Надежды и дара мудрости;

2) душа – посредник между Духом и человеком как представителем социума. В ней «содержится» прижизненная летопись событий, переживаний, выборов. Она не только летописец прошлого, но и автор жизненных сюжетов будущего. При этом душа-автор свободна в выборе поступков героя. Выбор души дуален: либо развитие через обращение к Духу и трансцендирование, либо жизнь как «заигранная пластинка», с шишками от «одних и тех же граблей» и постоянное обвинение этих самых граблей за то, что они так и лезут под ноги;

3) тело – носитель души и духа, объект заботы и внимания, но не поклонения. Нужны не бесконечные реакции на его инстинктивные потребности, а их разумное удовлетворение. Когда тело и душа составят единое целое, «организмическое доверие» обеспечит условия дальнейшего трансцендирования души к духу;

4) концепция духовно-душевно-телесной организации человека определяет характер воспитания (в-ось-питания). Осью процесса выступает душа, именно ее необходимо «питать». Дух в силу изначального совершенства ни в чем не нуждается. А вот душа, хоть от рождения и не является «чистой доской», ежедневно нуждается в питании, как и тело. Но с питанием тела все более или менее понятно. Питание должно быть сбалансированным и регулярным. А как с душой? Чем кормить ее? Как кормить? Вопрос: «Кому кормить?» – актуален, но не является предметом рассмотрения этой статьи.

Пучкова Галина Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент. Тольяттинский государственный университет. Россия, Тольятти.

Puchkova Galina Valentinovna, candidate of psychological sciences, associate Professor. Togliatti state University. Russia, Togliatti.
Tekav@meil.ru

УДК 74.01/09

К вопросу о влиянии ароматов и запахов на человека

Н.В. Чиркова

To the question about the influence of aromas and odors on the person

N.V. Chirkova

Аннотация. Запахи – важная область восприятия человеком действительности. Значение обоняния в жизни человека огромно. Спектр его возможностей очень широк: от защитной, биологической функции до психологических и эмоциональных впечатлений, которые играют важную роль в жизни людей.

Ключевые слова: запах; аромат; язык запахов; смысловой ряд; сознание.

Abstract. Smells – important area of human perception of reality. The importance of smell in human life is enormous. Its range of possibilities is very wide: from protective biological function to the psychological and emotional experiences, which play an important role in people's lives.

Key words: odour; scent; the language of smells; the semantic range; consciousness.

Ароматы и запахи являются неотъемлемой частью нашего бытия. Запахом обладает все, что существует вокруг нас. На протяжении всей жизни человек пребывает в среде запахов. Одни являются для человека приятными и притягательными, другие, наоборот, неприятными или отталкивающими, третьи человек даже не может уловить, но они действуют на него на подсознательном уровне. Трудно представить более сильный знак повседневности, нежели ежедневно повторяющиеся запахи, так как в концепте повседневности важна идея повтора. Таким образом, запахи – важная область восприятия человеком действительности. Запах – это информация любому живому существу о том, что его окружает¹.

По мнению некоторых исследователей культуры, следует различать понятия «запах» и «аромат». Запах – это все то, что мы обоняем; аромат – то, что приятно вдыхать. Запах – это «сухое», он исходит, например, от высохшего цветка, а аромат – это «влажное», т.е. аромат издает, например, живое растение. То, что остается от аромата, переходит в запах. Иными словами, аромат – это непременно приятное, а запах, как отмечалось выше, может быть как приятным, так и неприятным. Однако категории «приятное – неприятное» достаточно условны.

Влияние ароматов на физическое и психическое состояние человека известно еще с незапамятных времен. В древности умение точно определять запах ценилось очень высоко. Например, служители религиозных культов в Древнем Египте верили в наличие связи между различными благовониями и подсознанием человека. Они применяли ароматические масла для лечения всевозможных заболеваний.

Вслед за египтянами греки и римляне использовали душистые вещества в магических и гигиенических целях. Они приписывали ароматам божественное происхождение и сделали их неотъемлемой частью своих ритуалов. Греки и римляне широко использовали парфюмированные вещества в медицине – для оздоровления кожи принимали ароматические ванны и делали массаж с использованием душистых средств. Рождение, свадьба, смерть, жертвоприношения – всё сопровождалось возжиганием душистых веществ. Особую роль ароматы они играли в обрядах погребения, поскольку содействовали переходу в загробный мир.

В Средние века и эпоху Возрождения ароматные «воды» служили лучшим средством дезинфекции и защиты от эпидемий. Ароматизировали всё: драгоценности, веера, маски из бархата, редких птиц и даже животных. Та же тенденция сохранилась и в XVIII–XIX вв.²

Стремление к увеличению роли искусственных запахов в повседневной деятельности, наблюдаемое в наше время, позволяет признать все более возрастающую роль человека в создании обонятельной среды. Желание человека улучшить свой естественный запах, сделать его привлекательным для себя и окружающих привело к созданию целой индустрии, производящей ароматы. Современное общество сделало обыденной реальностью практику применения ароматов в различных сферах жизнедеятельности: политике, искусстве, рекламе. Огромное значение уделяется запаху при формировании имиджа. Запахи используются в маркетинге и других сферах повседневной жизни³.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что ароматы, которые мы ощущаем, воздействуют на сознание, настроение, здоровье. Запахи способны усиливать концентрацию, память, выносливость, помогают лучше сосредотачиваться, усваивать информацию, повышают работоспособность. Причем каждый запах оказывает на организм определенное воздействие. Например, лаванда, мята и тимьян активизируют область сна в мозге; эвкалипт, розмарин, шалфей, лимон, базилик и мята снимают сонливость, дарят бодрость и желание работать, улучшают память и способность воспринимать информацию. Запах полыни и лимона делает человека более точным и быстрым в его занятиях. (В Швеции были проведены опыты, показавшие, что лимонное эфирное масло, пары которого витали в офисе, помогало секретарям делать на 54% меньше опечаток и ошибок в документах.) Запах корня валерианы, наоборот, успокаивает и расслабляет. Лучшими стимулирующими ароматами исследователи признали лимон, мяту, розмарин и масло нероли, извлекаемое из померанцевых цветов. Укреплению иммунитета способствуют пихта, лаванда, сосна, эвкалипт, тимьян, чайное дерево, бензоин, ладан. Снятию умственного переутомления – имбирь, вербена, кориандр, гвоздика.

¹ Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

² Ароматы и запахи в культуре / Сост. О.Б. Вайнштейн: В 2 кн. М., 2010.

³ Епанешникова М.А. Феномен запаха в культуре: особенности функционирования в сакральной и профанной сферах : автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2011. С. 3.

Кроме того, что запахи запускают определенные химические реакции в мозге, они оказывают и другой эффект – ощущая их, человек попадает под власть ассоциаций. Каких именно – зависит от того, каким событиям, картинкам, чувствам и эмоциям сопутствовал этот запах. Ассоциации могут быть как общенациональными, так и индивидуальными. Например, запах камфары (в общем приятный) у многих вызывает негативные ассоциации с болезнью, потому что камфара входит в состав лекарственных препаратов. От запаха ладана у верующих людей возникает чувство святости, радости, блаженства оттого, что ладан используется во время богослужений. У жителей восточных стран, таких как Индия и Китай, ладан не вызывает подобных эмоций: там благовония для храмов делают из можжевельника. Запах гаультерии провоцирует разные эмоции у жителей Великобритании и США: в Соединенном Королевстве это растение раньше использовали при изготовлении лекарств (поэтому ассоциации негативные), а в США из него делают конфеты и другие кондитерские изделия.

Запах может спровоцировать глубокую эмоциональную реакцию. Запах, ассоциирующийся с положительными переживаниями, может вызвать прилив радости; отвратительный запах или запах, связанный с неприятными воспоминаниями, – гримасу отвращения. Респонденты различных опросов отмечали, что многие их ольфакторные пристрастия и антипатии основаны на эмоциональных ассоциациях. У некоторых людей такие ассоциации оказываются настолько сильными, что запахи, традиционно считающиеся неприятными, могут перейти в разряд любимых и наоборот. К примеру, запах бензина обычно считается неприятным, однако один из респондентов любил его, объясняя это так: «[Он. – Н.Ч.] напоминает мне обо всех местах, куда я могу съездить или уже съездил на своей машине, т. е. о свободе»¹. Другой человек испытывал слабость к запаху стадионов, поскольку последний ассоциировался у него с любимым спортом. Подобным образом некоторые, на первый взгляд, нейтральные или приятные запахи (например, запах цветов), вызывали у отдельных респондентов стойкое отвращение из-за связанных с ними тяжелых или неприятных воспоминаний: «Два года назад, когда умер отец, мы поставили какие-то цветы перед его фотографией. Теперь запах этих цветов напоминает мне о горе, беспомощности и маминых слезах – самых горьких из всех ее слез». Таким образом, восприятие запаха состоит не только из непосредственно обонятельных ощущений, но и из воспоминаний и эмоций, с этим запахом связанных².

Чтобы ароматы и запахи стали союзниками, необходимо помнить два главных правила. Во-первых, аромат не должен быть слишком сильным. Резкие запахи вызывают головную боль. В данном случае она не просто результат долгого контакта с источником интенсивного запаха, а и предупредительный механизм. На лице расположен специальный нерв, который реагирует на сильную концентрацию летучих веществ в воздухе. Он посылает в мозг сигнал опасности, а тот мотивирует человека удалиться от источника сильного запаха, способного нанести вред здоровью. Во-вторых, чтобы сделать влияние запаха на работоспособность человека максимально эффективным, следует использовать одновременно его физиологическое влияние на организм и ассоциативную память. Например, приучить себя к одному и тому же аромату, который будете использовать в начале рабочего или учебного процесса. Ассоциации будут срабатывать, подавая мозгу команду: «Внимание! Необходимо сконцентрироваться! Сейчас начнется работа!» Это может быть парфюмированная вода, эфирное масло или разрезанный пополам фрукт. Главное – не использовать для этой данной запахи, дающие седативный эффект, потому что в таком случае ассоциации будут идти вразрез с естественными реакциями мозга.

Таким образом, значение обоняния в жизни человека огромно. Его возможности очень велики: от защитной, биологической функции до психологических и эмоциональных впечатлений, которые играют важную роль в общем самочувствии людей.

Чиркова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и культуры. Самарский государственный институт культуры. Россия, Самара..

Chirkova Natalya Vladimirovna, candidate of historical sciences, associate professor of the theory and culture. Samara state institute kulturny. Russia, Novokuybyshevsk.
nat.chirk@mail.ru

¹ White E. B. The Fox of Peapack and Other Poems. N. Y., 1938. P. 63.

² Engen T. Odor Sensation and Memory. N. Y., 1991.

Временные параметры семантического (аффективного) прайминг-эффекта

П.В. Яньшин

Time parameters of the semantic (affective) priming-effect

P.V. Yanjshin

ГРНТИ 15.01.77.

Аннотация. На основе анализа литературы ставится под сомнение распространенное, базмирующееся на экспериментах R. Fazio представление о кратковременности действия аффективного прайма. С опорой на данные двух серий экспериментов, проведенных в рамках парадигмы микрокинетического психосемантического детектирования, доказывається, что аффективные подпороговые и околопороговые праймы способны вызывать микромодуляции произвольных движений как в миллисекундном интервале, так и в интервале до 4,5–10 секунд. В случае многократной подпороговой стимуляции в течение 20–30 дней эмоционально-значимые подпороговые праймы способны формировать антиципирующую смысловую установку, потенцирующую их избирательное восприятие на неосознаваемом уровне. Этот эффект проявляется также в облегчении осознания подпороговых эмоционально-значимых семантических праймов.

Ключевые слова: семантический прайминг, аффективный прайминг, подпороговый прайм, прайминг-эффект, длительность прайминг-эффекта, когнитивное бессознательное, смысловая антиципирующая установка, микрокинетический феномен, микрокинетическое психосемантическое детектирование, имплицитные структуры опыта.

Abstract. Appealing to the literature analysis, the widespread belief in short-time influence of affective prime based on R.Fazio's experiments is doubted. On the base of two experimental series arranged in Microkinetic Psychosemantic Detection paradigm the fact that affective subliminal and near-threshold primes can elicit micro modulations of voluntary movements in microsecond intervals and 4.5 – 10 seconds intervals as well, was approved. In case of multiple subliminal stimulation during 20–30 days, personally meaningful affective subliminal primes are capable to produce the attitude, potentiating there unconscious perception. This effect also manifests itself in awareness facilitation of personally meaningful subliminal semantic primes.

Key words: semantic priming, affective priming, subliminal prim, priming-effect, priming-effect duration, cognitive unconscious, attitude, microkinetic phenomenon, Microkinetic Psychosemantic Detection, Implicit Experience Structures.

В сложившейся в исследованиях когнитивного бессознательного практике термин «прайм (-инг)» (*prime(-ing)*) употребляется для обозначения стимула, предшествующего регистрируемой реакции испытуемого¹. В то время как возникновение осознанного образа определяется промежутком в 100–300 мс, эксперименты подтверждают семантическое воздействие подпороговой прайминговой стимуляции, экспонируемой в интервале от 4–7 мс до 35–50 мс². Обобщая, скажем,

¹ Abrams R.L., Greenwald A.G. Parts outweigh the whole (word) in unconscious analysis of meaning // Psychological science. 2000. V. 11. №2. P. 118–124 ; Abrams R.L., Klinger M.R., Greenwald A.G. Subliminal words activate semantic categories (not automated motor responses) // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. V. 9 (1). P. 100–106 ; Bar M., Biederman I. Subliminal visual priming // Psychological Science. 1998. V. 9. №6. P. 464–469 ; Debner J.A., Jacoby L.L. Unconscious perception: attention, awareness, and control // Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory, and Cognition. 1994. V. 20. P. 304–317 ; Draine S.C., Greenwald A.G. Replicable Unconscious Semantic Priming // Journal of Experimental Social Psychol: General. 1998. V. 127. №3. P. 286–303 ; Gaillard R., Del Cul Antoine, Naccache L., Vinckier F., Cohen L., Dehaene S. Nonconscious semantic processing of emotional words modulates conscious access // PNAS May 9, 2006. V. 103. № 19. URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0600584103 ; Greenwald A.G. New Look 3: Unconscious Cognition Reclaimed // American Psychologist. June 1992. P. 766–779 и мн. др.

² Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного. СПб., 2004 ; Hardaway R.A. Subliminally Activated Symbiotic Fantasies: Facts and Artifacts // Psychological Bulletin. 1990. V. 107. №2. P. 177–195 ; Kouider S., Dehaene S., Jobert A., LeBihan D. Cerebral Bases of Subliminal and Supraliminal Priming during Reading // Cerebral Cortex. September 2007. V. 17. P. 2019–2029 ; McGovern K., Baars J. Cognitive Theories of Consciousness // The Cambridge Handbook of Consciousness. Cambridge, New York, etc., 2007. P. 177–205 ; Van

что прайминг-эффект состоит в формировании установки, выражающейся в характерной реакции на целевой стимул в ответ на воздействие прайма. Экспериментальная парадигма эмоционально-прайминга основывается на гипотезе Р. Зайонца о том, что в ответ на подпороговый стимул может быть получена аффективная реакция. Поскольку возможно быстрое неосознаваемое возникновение положительного и отрицательного аффекта и на подпороговый стимул, этот аффект будет предшествовать последующим процессам восприятия испытуемого и потому оказывать на них влияние. В общем случае феномен аффективного (в том числе подпорогового) прайминга акцентирует внимание на специфическом влиянии эмоциональной валентности прайма на характер реакции испытуемого на следующий за ним целевой стимул¹.

Эффект эмоционального прайма наблюдается во временных промежутках, в принципе включающих возможность обдуманного принятия решения. Соответственно, процессы, стоящие как за «семантическим», так и за «аффективным» праймингом, в настоящее время вполне обоснованно считаются автоматическими, хотя единого объяснения им пока нет.

Оставив за скобками теоретические рассуждения, зададимся вопросом о том, как долго длится действие аффективного прайма. В настоящее время господствует убеждение, что его длительность не более 300 мс. Доказательством этому служат результаты полученной в предложенной Р. Фазио экспериментальной парадигме². Обнаруженный им эффект аффективного прайминга состоит в том, что скорость реакции (в миллисекундах) на целевые стимулы зависит от того, совпадает или противоречит их эмоциональная валентность валентности праймов. Целевой стимул – тот, относительно которого испытуемый должен произвести произвольное инструктированное действие: произнести его вслух, высказать суждение о его характере или просто нажать на определенную кнопку, проделать движение и т.п. При совпадении валентности прайма и целевого стимула скорость реакции возрастала, а при несовпадении – замедлялась. Например, если целевому стимулу «любовь» предшествовал прайм «солнечно», испытуемые быстрее нажимали кнопку на клавиатуре, нежели при прайме «смерть». Предполагается, что аффективный прайминг-эффект как-то связан со взаимодействием между валентностями близких по времени стимулов. Доказательство: когда Р. Фазио увеличил временное расстояние (SOA) между праймом и стимулом до 1000 мс, эффект исчез. Для повышения семантического прайминг-эффекта Э. Гринфальд и сотр. разработали парадигму «временного окна»³, ограничивающего возможность реагирования промежутком 250–500 мс (в среднем около 450 мс); они указывают, что вероятность получения эффекта увеличивается при временном расстоянии между праймом и целью менее 100 мс. Аналогичные результаты получены С.Т. Мэрфи и Р. Зайонцем при предъявлении на подпороговом уровне (4 мс) фотографий улыбающихся и хмурящихся людей: прайм не действовал при SOA в 1000 мс. Такой интервал также позволял испытуемым легко осознавать наличие прайма. То же самое наблюдается в исследованиях так называемой «Подпороговой психодинамической активации – SPA»: влияние эмоционально значимых стимулов пропадает, если их присутствие достаточно длительно, чтобы достичь сознания⁴.

den Bussche E., Van den Noortgate W., Reynvoet B. Mechanisms of Masked Priming: A Meta-Analysis. *University of Leuven // Psychological Bulletin. American Psychological Association. 2009. V. 135. №3. P. 452–477.*

¹ Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M. C., Kardes F.R. On the automatic activation of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. P. 229–238* ; Fazio R.H. On the automatic activation of associated evaluations: An overview // *Cognition and emotion. 2001. 15 (2). P. 115–141* ; Klauer K. C., Rosnagel C., Musch, J. List-context effects in evaluative priming // *Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory, and Cognition. 1997. V. 23. P. 246–255* ; Gaillard R., Del Cul Antoine, Naccache L., Vinckier F., Cohen L., Dehaene S. Nonconscious semantic processing of emotional words modulates conscious access... ; Wentura D., Degner J. A practical guide to sequential priming and related tasks // *Handbook of Implicit Social Cognition / Gawronski, B. and Payne, B.K., eds. Guilford, 2010. P. 95–116.*

² Fazio R.H., Sanbonmatsu D.M., Powell M.C., Kardes F.R. On the automatic activation of attitudes... ; Fazio R.H. On the automatic activation of associated evaluations...

³ Draine S.C., Greenwald A.G. Replicable Unconscious Semantic Priming...

⁴ Weinberger J., Silverman L.H. Testability and Empirical Verification of Psychoanalytic Dynamic Propositions Through Subliminal Psychodynamic Activation // *Psychoanalytic psychology. 1990. №7(3). P. 299–339* ; Westen D., Weinberger J., Bradley R. Motivation, Decision Making, and Consciousness: From Psychodynamics to Subliminal Priming and Emotional Constraint Satisfaction // *The Cambridge Handbook of Consciousness / ed. by Ph. D. Zelazo, M. Moscovitch and E. Thompson. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, 2007* ; Hardaway R.A. Subliminally Activated Symbiotic Fantasies: Facts and Artifacts // *Psychological Bulletin. 1990. V. 107. №2. P. 177–195.*

С другой стороны, в большинстве экспериментов, построенных по классической прайминговой схеме, наблюдался эффект влияния предварительного знакомства с прайминговыми словами на величину и устойчивость прайминг-эффекта¹. Например, если испытуемые предварительно выполняли задачу на классификацию будущих подпороговых слов-праймов в явно осознаваемой форме, последующий подпороговый прайминг-эффект был существенным и легко воспроизводимым. Более того, при предварительном знакомстве со словами различной эмоциональной валентности предсказуемый эмоциональный прайминг-эффект на оценку целевых стимулов производили и *фрагменты* этих слов². Если же предварительного знакомства с праймами не было, прайминг-эффект был едва различим и очень неустойчив. Было высказано предположение, что использование в качестве целевых стимулов и праймов одних и тех же слов вызывает «категориальную активацию», состоящую в облегчении доступа к определенным категориям памяти³. Есть также свидетельство, что влияние на феномен, описанный Р. Фазио, такой характеристики, как «доступность категории», исчезает спустя два дня⁴. Следовательно, само предварительное знакомство испытуемых с прайминговыми стимулами (словами) на осознаваемом уровне за 1-2 дня до проведения последующего эксперимента как с подпороговыми, так и с надпороговыми праймами тоже является своеобразным праймингом, увеличивающим «доступность категории», что и проявляется в усилении прайминг-эффекта.

Таким образом, есть все основания считать, что:

1) *подпороговый стимул* (прайм) способен создавать *смысловую антиципирующую установку* к восприятию и способу неосознаваемого анализа последующей подпороговой и надпороговой стимуляции. Не исключено, что повторяющийся подпороговый прайминг (например, неоднократное предъявление слов без осознания этого факта испытуемым) может повышать «доступность категории» – способствовать формированию категориальной установки восприятия последующих подпороговых же стимулов;

2) это выразится не только в кратковременном прайминг-эффекте, на котором основано большинство современных исследований когнитивного бессознательного, но и в более длительном эффекте, изменяющем характер восприятия стимулов.

В течение ряда лет мною производились исследования прайминг-эффекта в парадигме микрокинетического психосемантического детектирования (МПД)⁵. Микрокинетический феномен (МКФ) – это мотивированный произвольный микро моторный компонент произвольных движений. Наличие МКФ открывает возможность измерения неосознаваемой субъективной значимости стимулов в целях реконструкции *имплицитных структур опыта* (ИСО).

Под последними здесь понимается содержание индивидуального опыта субъекта, актуально не представленное в его сознании, но могущее быть эксплицированным через рефлекссию либо косвенным путем «от третьего лица» как проявляющееся в иных психических процессах и состояниях. Эмоциональная значимость стимулов, следовательно, апеллирует не просто к абстрактным «семантическим категориям», а к мотивационно-смысловым образованиям личности, акту-

¹ См. обзор: Kouider S., Dehaene S., Jobert A., LeBihan D. Cerebral Bases of Subliminal and Supraliminal Priming during Reading // *Cerebral Cortex*. September 2007. V. 17. P. 2019–2029

² Abrams R.L., Greenwald A.G. Parts outweigh the whole (word) in unconscious analysis of meaning // *Psychological science*. 2000. V. 11. №2. P. 118–124.

³ Draine S.C., Greenwald A.G. Replicable Unconscious Semantic Priming...

⁴ Bargh J. A., Chaiken S., Raymond P., Hymes C. The automatic evaluation effect: Unconditional automatic attitude activation with a pronunciation task // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1996. V. 32. P. 104–128.

⁵ Яньшин П.В. Микрокинетический феномен в исследовании неосознаваемых реакций на значимые семантические стимулы // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. №2. С. 68–82 ; Его же. Измерения бессознательного-I. Самара, 2013 ; Его же. Уточнение конструктивной валидности метода микрокинетического психосемантического детектирования (МПД) с применением теста имплицитных ассоциаций (ИАТ) // *Актуальные политико-правовые и социально-психологические исследования в традициях ведущих научных школ: достижения, тенденции, перспективы : междунар. коллективная монография / под ред. В.И. Веретенникова, Т.П. Висковатовой, В.А. Товстика, В.Е. Лунева. Донецк, 2013. С. 98–128 ; Его же. Экспериментальная оценка дифференциальной чувствительности психомоторных индикаторов неосознаваемых психических процессов // *Фундаментальные и прикладные психологические исследования в практиках ведущих научных школ: реалии и перспективы : междунар. коллективная монография / под научн. ред. Л.Ф. Бурлачука, Т.П. Висковатовой, В.М. Синельникова. Донецк, 2012. С. 4–29 ; Его же. Микрокинетический феномен и избирательное снижение порога опознания маскированных слов // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33. №3. С. 53–63 ; Яньшин П.В., Косова А.Н. Отражение эмоциональной значимости маскированных семантических стимулов в микро моторике руки // *Системная психология и социология*. 2011. Т. 3. С. 58–66.**

альным на момент возникновения ИСО (к психологическому *ретро-контексту*). Семантический принцип формирования долговременной памяти при этом приобретает многомерность, органично включая в себя аффективные, физиологические и моторные компоненты: произвольные и непроизвольные программы действий. В момент возникновения ИСО абсолютно и неизбежно целесообразны, и возникают они как форма антиципации будущего. Их актуализация в ответ на стимул (в том числе – подпороговый) здесь и теперь также имеет антиципирующий характер. Теоретический анализ показал, что искомая эмоциональная метка – «аффективный компонент» – не только существует в имплицитных структурах опыта, но и играет чуть ли не главную роль в их формировании. Такие индивидуально-специфичные эмоциональные метки, объединяющие представления в имплицитных структурах опыта, я обозначил как *ретро-смыслы*», обуславливающие «*идеографические коннотативные значения стимулов (ИКЗС)*»¹. В качестве наиболее значимых стимульных категорий, связанных с ведущими отношениями субъекта, в моих исследованиях использовались «Я», «Папа», «Мама», «Секс», «Страх», «Будущее».

Проведено исследование для проверки гипотез о консистентности микрокинетических реакций на идентичные семантические раздражители и выявления индивидуально-вариативных и инвариантных микрокинетических паттернов². Идея применения МПД основана на том, что индивидуальные структуры опыта актуализируются во временных интервалах, соразмерных микродвижениям. Как и индивидуальные структуры опыта, моторика обладает свойством *антиципации*, поскольку живое движение происходит симультанно, а осознание – дискретно и отстает от него. От движения? более чем на 100 мс³. Представляется, что самым логичным способом их чего? регистрации и является применение подпороговой стимуляции и отслеживание реакции на нее в *миллисекундном диапазоне изменчивости*. Такой «ловушкой» миллисекундного возмущения служат регистрируемые в МПД на протяжении нескольких секунд после подачи стимула микромодуляции произвольного движения. Поскольку в ИСО действие объединено с его смыслом (аффективная и предметная составляющая значения), это дает предвосхищению не только чисто техническое, но и смысловое наполнение. В микрокинетическом феномене отражаются кванты движения и кванты смысла.

Исследование состояло из двух экспериментальных серий. В обеих участвовало по 10 испытуемых, с каждым из которых проводилось 10 серий по технологии микрокинетического психосемантического детектирования⁴.

Стимулы (слова), принадлежащие к перечисленным выше категориям, в течение одной сессии экспонировались по 5 раз, чередуясь в псевдослучайном порядке. Для того чтобы у испытуемых не возникало привыкания к ритму предъявления, между стимулами была предусмотрена пассивная фаза продолжительностью в 1 секунду и интервал, случайным образом изменявшийся от 1 до 500 мс. Временное расстояние между праймом и целью (SOA) отсутствовало. Таким образом, длительность одного цикла «предъявление – движение» в среднем была равна 4,25 сек (от 4 до 4,5 сек), но промежутки между самими циклами могли быть и значительно больше из-за предъявления ложных стимулов. Длительность одной экспериментальной сессии составляла примерно 15 минут. Для того чтобы эффект воздействия предыдущего стимула не накладывался на эффект следующего, использовались «пустые» посткритические стимулы – бессмысленные строчки цифр, которые выполняли функцию обратной маскировки. Чередовалось предъявление этих масок и семантических стимулов (прайма) – слов, экспонировавшихся в течение 40 мс до подачи маскирующего стимула. Испытуемому предлагалось производить механическое и в общем-то лишнее субъективного смысла невыразительное движение в ответ на бессмысленные ряды цифр (маски) и целевых стимулов, управлявших, согласно инструкции, направлением движения. При выполнении движения испытуемый должен следить за его точностью и выполнять его максимально быстро, выбирая каждый раз одно из двух направлений: вверх либо вниз (в зависимости от типа маски).

¹ Яньшин П.В. Измерения бессознательного-I. Самара, 2013.

² См.: Яньшин П.В. Экспериментальная оценка дифференциальной чувствительности психомоторных индикаторов неосознаваемых психических процессов...

³ Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движения. Избранные труды / под ред. В.П. Зинченко. М.; Воронеж, 1997.

⁴ См.: Яньшин П.В. Уточнение конструктивной валидности метода микрокинетического психосемантического детектирования (МПД) с применением теста имплицитных ассоциаций (ИАТ)... ; Его же. Микрокинетический феномен в исследовании неосознаваемых реакций на значимые семантические стимулы...

Результаты *первой экспериментальной серии* свидетельствуют, что, помимо непосредственного отражения в микромоторике движения эмоционально значимых стимулов, при повторных сессиях МПД, проведенных в течение 20–30 дней, формируется неосознаваемая категориальная установка восприятия *подпороговых* стимулов. Выяснилось, что в ходе повторяющихся экспериментальных сессий инициируется второй этап актуализации ИСО, связанный с *частичным осознанием эмоционально значимых стимулов*. Стимулы распознавались избирательно, чаще всего следующие: фамилия испытуемого (25,6%), «папа» (16,2%), «секс» (15,1%), «страх» (12,8%)¹. Феномен прогрессирующего осознания стимулов в последовательных сериях эксперимента подтверждает факт их имплицитной семантической обработки.

Помимо возрастающей вероятности осознания стимулов, тенденция проявилась в коррелирующем с вероятностью осознания стимулов положительным тренде тест-ре-тест надежности МПД в 10 сессиях, и в «эхо»-эффекте: в микромоторных реакциях на посткритические бессмысленные подпороговые стимулы. По данным группы 10 испытуемых, прошедших последовательно 10 сессий МПД, между количеством распознанных стимулов и коэффициентами корреляции 10-й сессии с предыдущими девятью существует тесная корреляционная связь. Коэффициент нелинейной (десятичный логарифм) регрессии между (R) – 0,830, $p < 0,006$, $n = 9$.

Думаю, не будет большой натяжкой провести аналогию между «эхо»-реакцией на «пустые» стимулы и наблюдавшимся еще К.Г. Юнгом влиянием аффективного комплекса на увеличение латентного периода ассоциаций, постепенно «затухающих» в ряде следующих за ней реакций². Не менее показательным свидетельством А.Р. Лурии: в нескольких экспериментах на преступниках в ответ на *посткритические* (нейтральные к теме преступления) раздражители он зарегистрировал даже большее увеличение моторных нарушений, чем в ответ на критические³.

Таким образом, временная компонента проявилась в микро- и макромасштабе. В микромасштабе (0,4–3 сек) наблюдался МКФ как результат прямой и отсроченной («эхо»-) реакции (4,5–10 сек) на семантический прайм. В макромасштабе (на протяжении 20–30 дней) происходили процессы, связанные либо с избирательным запечатлением подпороговых стимулов в долговременной памяти, либо с антиципирующим потенцированием соответствующих категориальных структур памяти (формированием категориальной установки), что и приводило к дифференцированному снижению порога осознания стимулов.

Вторая экспериментальная серия предусматривала усложнение условий подпороговой стимуляции. Цель эксперимента – обнаружить отражение прайминга в микрокинетическом феномене при условии полного неосознавания подпороговых стимулов⁴. С помощью введения предварительной маскировки и уменьшения времени экспозиции до 37 мс удалось полностью воспрепятствовать осознанию стимуляции испытуемыми.

В этой экспериментальной серии при повторяющихся 10 сессиях МПД на 10 испытуемых также наблюдался эффект антиципирующего потенцирования подпорогового восприятия эмоционально значимых стимулов на протяжении 20–30 дней. Как и в первом случае, был получен явный тренд, состоящий в увеличении коэффициента корреляции от первой к девятой сессии на 10 испытуемых (корреляции каждой серии с 10-й). Как и в случае распознавания (осознания) стимулов в предыдущей экспериментальной серии, тренд хорошо аппроксимируется логарифмической кривой с параметрами $R = 0,896$, $p < 0,016$.

Проверка выявила корреляцию $r = 0,632$, $n = 9$ между трендами, полученными в первой и второй экспериментальных сериях. Правда, эта корреляция несколько не достигает 5-процентного уровня значимости ($p < 0,06$). После переведения обоих трендов в логарифмическую шкалу корреляция между ними существенно повысилась и составила $r = 0,782$, $p < 0,013$ при $n = 9$.

Сходство трендов свидетельствует о сходстве отражаемых ими психических процессов, поскольку они получены при помощи идентичных операций. Так как в первой экспериментальной серии этот тренд был тесно связан с количеством распознанных подпороговых стимулов, можно заключить, что и при полностью неосознаваемой стимуляции задействованы аналогичные психические процессы, но не завершившиеся осознанием стимулов. По совокупности данных можно сделать вывод, что и при полном неосознании факта стимуляции и содержания стимулов наблюдается эффект потенцирования восприятия эмоционально значимых стимулов в ряду по-

¹ Яньшин П.В. Микрокинетический феномен и избирательное снижение порога опознания маскированных слов...

² Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994.

³ Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов / под общ. ред. В.И. Белопольского. М., 2002.

⁴ Яньшин П.В. Микрокинетический феномен в исследовании неосознаваемых реакций на значимые семантические стимулы...

вторяющихся сессий *подпороговой стимуляции*. Тренд возрастания тест-ре-тест надежности в групповых данных означает также *конвергенцию к общему паттерну реакций в группе из 10 испытуемых*, отражающему групповые закономерности реагирования на эмоционально значимые стимулы. Эти закономерности обнаруживают лежащую в их основе семантическую структуру индивидуальных структур опыта испытуемых.

Следует сделать вывод, что аффективный прайминг может длиться значительно дольше 300 миллисекунд. Хотя подпороговый прайм воздействует на испытуемого в течение 37-40 мс, движение начинается через 350-400 мс, а первичный микрокинетический эффект фиксируется в промежутке 3 сек. С учетом того, что «пустой» посткритический стимул, следующий за эмоционально значимым, отдален от последнего не менее чем на 4 сек, к предыдущим 3 следует добавить эти 4 секунды. Итого – 7 секунд как минимум, а в реальности – до 10 и даже несколько больше. При условии последовательного повторения экспериментальных сессий МПД в течение 20–30 дней наблюдается еще один эффект аффективного прайминга – потенцирование подпорогового восприятия эмоционально значимых стимулов, способное даже привести к их осознанию.

Выводы.

1. Была обнаружена неслучайная связь микрокинетического феномена (непроизвольных микромодуляций произвольных движений – МКФ) с прогрессирующим избирательным осознанием испытуемыми в повторяющихся экспериментальных сериях подпороговых стимулов. Подпороговые прайминговые стимулы способны формировать категориальную установку, предвосхищающую их повторное появление, что может приводить к их осознанию. Этот же эффект антиципирующего потенцирования подпорогового восприятия эмоционально значимых стимулов проявляется в микрокинетическом феномене и при условии полного неосознания факта и содержания подпороговых стимулов. Он соотносим с временным промежутком от одних суток до нескольких недель при условии периодического проведения повторных экспериментальных сессий МПД.

2. Доказано, что в микрокинетическом феномене на посткритический стимул проявляются неосознаваемые психические процессы, возникшие как «эхо»-реакция на индивидуально значимый предыдущий критический подпороговый стимул. Этот эффект соотносим с временным интервалом приблизительно от 4,5 до 10 сек.

3. Сам микрокинетический феномен как отклик на непосредственный семантический стимул, соотносим с временным интервалом от 0,4 до 3 сек, и возникает даже при «сэндвич-маскировке» и экспозиции стимула в 37 мс.

Яньшин Петр Всеволодович, доктор психологических наук, доцент, профессор и заведующий кафедрой общей и социальной психологии. Московский городской педагогический университет, Самарский филиал. Россия, Самара.

Yanjshin Pjotr Vsevolodovich, doctor of psychology, docent, professor and head of department of General and Social psychology. Moscow Higher Professional Education University, Samara filial. Russia, Samara.

yapetr@yandex.ru

Правовое сознание и правовая регуляция национальных, конфессиональных, политических и социокультурных отношений

УДК 316.334.4

Особенности проблематизации противоречий нравственного и правового содержания и способов их разрешения в юридически значимых ситуациях

Е.И. Горбачева

Features problematization of moral and legal contradictions in the contents and ways of resolving them in legally relevant situations

E.I. Gorbachova

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту № 14-16-40005a(p) «Психологические механизмы разрешения противоречия нравственного и правового содержания в юридически значимых ситуациях» при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области.

Аннотация. Представлены данные исследования особенностей проблематизации противоречия между моральными и правовыми аспектами нормативного регулирования при интерпретации многозначного контекста юридически значимой ситуации. На выборке студентов вузов и старшеклассников выявлены типичные способы разрешения противоречий нравственного и правового содержания: вычленение только одного из предметных аспектов анализа; фиксация наличия нескольких содержательных направлений анализа и проблематизация необходимости выбора одного из них; проблематизация отношения «предмет – фон» между двумя содержаниями; проблематизация необходимости взаимосогласованного рассмотрения разных содержательных аспектов исследуемой ситуации.

Ключевые слова: юридически значимая ситуация; нравственное и правовое содержание; проблематизация противоречия, типичные способы разрешения противоречий нравственного и правового содержания.

Abstract. Presents data from studies of the problematization of the contradictions between moral and legal aspects of regulation in the interpretation of multivalued context of legally meaningful situation. On a sample of University students and high school students revealed typical ways of conflict resolution moral and legal contents: the isolation of only one of the substantive aspects of the analysis; fixation of multiple substantive areas of analysis and problematization of the necessity of choosing one of them; the problematization of the relation "object – background" between the two contents; problematization of the need for a mutually agreed consideration of various conceptual aspects of the investigated situation.

Key words: legally meaningful situation; moral and legal contents; problematization of the contradictions; typical ways of conflict resolution moral and legal contents.

Юридически значимая ситуация представляет так называемую социальную задачу. Она возникает тогда, когда интересы, потребности, желания одних людей противоречат интересам, потребностям, желаниям других и когда требуется признать действующий способ разрешения противоречия или предложить свой способ, который был бы признан конфликтующими сторонами¹. Заключение трудовых контрактов, оценка деятельности силовых структур, определение собственной позиции в отношении нарушения прав и свобод личности – все эти ситуации требуют не только собственно правовой, но и моральной квалификации. Названные стороны нормативной регуляции социальных отношений предполагают, обуславливают друг друга и при

¹ Белицкая Г.Э. Типы проблемности социального мышления // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 75–80.

этом являются взаимноисключающими. Проблема интеграции правового и нравственного содержания в разрешении юридически значимой ситуации инициирует изучение противоречий, возникающих в процессе их выделения и интерпретации.

Правомерно полагать, что ключевым условием обнаружения противоречия служит его проблематизация. С.Л. Рубинштейн рассматривал проблематизацию как основную процедуру мышления и познания в целом. Она осуществляется как структурирование предметного содержания, т.е. превращение предмета мысли неформальной действительности, в которой условия и требования разорваны и разделены во времени, в определение субъектом того, что является условием, а что – требованием. При этом степень существенности того и другого зависит от самого субъекта и его отношения, в силу которого он может абсолютизировать или, напротив, минимизировать роль тех или иных требований и условий¹. Именно проблематизация определяет возможность по-новому взглянуть на ситуацию, преодолев стереотипы замкнутого в своей качественной специфике способа мысли. А.М. Пятигорский под проблематизацией понимал «такое рассмотрение объекта рефлексии, которое ведет либо к новым альтернативам, либо к новым вариантам прежних альтернатив, либо, наконец, к радикальной смене объекта»².

Соответственно, можно выделить продуктивную и непродуктивную стратегии проблематизации противоречий. Стратегия, абсолютизирующая противоречия, считается непродуктивной и сводится к отбрасыванию какого-либо компонента противоречивой информации и принятию решения на основании одного из них³. При этом выбор «оставляемого» содержания обычно опирается на установки достаточно общего характера: собственные предпочтения, сложившиеся в опыте представления, определяемые спецификой обучения мыслительные стереотипы и т.п.⁴ Продуктивная стратегия (ее называют «диалектической») ориентирует познавательную активность субъекта на интеграцию разнообразных или противоречивых интерпретаций ситуации и направлений деятельности, что способствует созданию более широких контекстов, внутри которых проще находить связи между различными содержаниями⁵.

Методом изучения особенностей проблематизации противоречий нравственного и правового содержания и способов их разрешения в юридически значимых ситуациях в данном исследовании стало решение поливалентных заданий. Использование таких заданий отвечает требованиям экологической валидности исследования мышления. Традиционное включение экспериментаторами в состав заданий однородного материала снижает вероятность актуализации свойственной мышлению предметной избирательности и превращает его из ценностно-активного процесса в ценностно-нейтральный, предопределяющий пассивность позиции испытуемого. Подобные задания не инициируют возникновение в процессе мышления противоречий, не позволяют надлежащим образом раскрыть особенности их возникновения и проблематизации.

В качестве поливалентной исследовательского инструмента была взята методика «Ситуации» (автор М.К. Акимова), в которой требовалось соотнести нравственную и правовую справедливость как возможные основания оценки социальной значимости принимаемых решений. В методику вошли 20 ситуаций. Например, такая: «Суд провинции Онтарио (Канада) постановил убрать рождественскую ёлку, стоящую около суда. Объяснили это тем, что суд – административное здание, куда приходят представители разных конфессий. Чтобы не оскорблять их чувства, ёлку убрали, несмотря на протесты жителей, говорящих, что ёлка не может оскорблять чувства верующих. Справедливо ли решение суда?»

Испытуемым последовательно предлагались два перечня по 10 ситуаций каждый. К одному из них давалось задание установить, правильно или неправильно поступил человек или группа людей, действующие в той или иной ситуации. Ко второму перечню прилагалось задание развернуто объяснить свою точку зрения на ситуацию. Ожидалось, что такое требование побудит испытуемых к всестороннему рассмотрению юридически значимой ситуации и проблематизации противоречия между правовым и нравственным содержанием.

¹ Альбуханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М. ; Воронеж, 1999.

² Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения: Цикл лекций. М., 2007. С. 70.

³ Lewis M., Dehler G. Learning through Paradox: A Pedagogical Strategy for Exploring Contradictions and Complexity // J. of Management Education. 2000. V. 24. №12. P. 708–725.

⁴ Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? М., 1993. С. 97.

⁵ Блинникова С.Л. Психологическая природа понимания противоречий // Вопросы психологии. 2012. №1. С. 52–62.

Испытуемыми являлись студенты 2-4 курсов КГУ им. Циолковского (г. Калуга), обучающиеся на по направлениям «История», «Педагогическое образование», «Психология» (средний возраст 20,4 лет, всего 40 человек) и десятиклассники, обучающиеся по социогуманитарному профилю в лицее-интернате «Областной образовательный центр» г. Калуги (средний возраст 15,9 лет, всего 16 человек).

В материалах протоколов большинства испытуемых, как школьников, так и студентов, в интерпретации юридически значимых ситуаций было выделено противопоставление требования закона и моральных принципов. Даже на фоне признания необходимости следовать закону лишь у незначительного числа опрошенных происходило осознание его роли и функции в качестве морально нейтрального регулятора социальных взаимодействий. На это указывали и низкая активность в извлечении необходимого для принятия решения правового материала (9,51 балла у студентов и 7,1 балла у школьников из 20 возможных), и незначительная детализация в обосновании высказываемых суждений о правоприменении, и ярко выраженная готовность трансформировать требования закона – вплоть до оправдания его нарушения ввиду «особых» обстоятельств.

Лишь в незначительном числе протоколов (12,5% студентов и 6,25% школьников) намечился переход от констатации противоречия между правовыми и моральными аспектами юридически значимой ситуации к его активному осмыслению и разрешению. Имели место незначительные случаи «ухода» от ответа или отказа от его интерпретации. Они были связаны с тем, что испытуемые не принимали предложенную ситуацию из-за недостатка представленной в ней информации и ограниченности опыта правовой социализации, позволяющей переопределить ее для себя.

Как и ожидалось, результаты были лучше в тех случаях, когда испытуемым, выполняющим задание на интерпретацию ситуации применения норматива правой справедливости, предлагалось сформулировать принципы, которыми могли бы руководствоваться те, кто отрицает этот принцип. У студентов величина сдвига показателей продуктивности интерпретации ситуаций (признание ценности правовой справедливости), согласно одностороннему критерию Вилкоксона, значимо отличалась ($T=284$, $p=0,05$), по сравнению с теми случаями, когда заданием предписывалось лишь ответить, правильно ли или нет поступило действующее лицо.

При анализе данных были обнаружены четыре типа интерпретации правовых и нравственных аспектов ситуаций.

1. Испытуемые не могли объяснить свой выбор компонентов содержания. Да и сам выбор носил случайный характер, поскольку признак, на основании которого он совершался, был случайным, ситуативным – например, это мог быть любой из фрагментов текста задания. Часть испытуемых объясняли выбор субъективно: «Мне так кажется», «Я бы тоже так поступил...» Этот тип интерпретации заметно преобладал у десятиклассников: 37,5% школьников продемонстрировали фрагментарность ответа, а предметная направленность их анализа носила неустойчивый характер: фиксировались отдельные компоненты правового или морального содержания. У студентов подобные ответы встречались реже (15%).

2. Интерпретация характеризовалась доминирующей ориентацией на конкретный норматив – правовая или нравственная справедливость. При этом число признаков, учитываемых при объяснении необходимости правоприменения, было невелико. Например, испытуемые признавали, что «здесь правильно применили закон», или «здесь можно говорить о безнравственном поступке, потому что поступили безжалостно», «это несправедливое решение, потому что обидели людей». Данный тип интерпретации оказался достаточно частым как у студентов (47,5%), так и у школьников (43,75%).

3. Интерпретация характеризовалась устойчивыми предметно-специфичными суждениями с развернутой аргументацией. Внешне это выражалось в разнообразии учитываемых признаков, на основании которого совершался выбор. Для данного типа интерпретации характерно, что правовые и моральные аспекты выделяемого содержания остаются обособленными, локально существующими, хотя противоречие между ними и осознается как особая проблема. Например, указывалось, что «законам надо подчиняться, хотя люди могут от этого страдать», «права людей может защитить только суд, пусть даже кому-то не нравится его постановление». Этот тип интерпретации встречался в основном у студентов (25%) и реже у школьников (12,5%).

4. Интерпретация только этого типа свидетельствовала о проявлении диалектической стратегии преобразования ситуаций. Наряду с учетом признаков правового характера, выделялись и собственно моральные аспекты описываемой ситуации, при этом указывалось не только на различие данных точек зрения, но на необходимость их совместного применения. Так, высказывались мнения, что «законы существуют не в вакууме, и надо считаться с культурными традиция-

ми», «в судебных постановлениях надо прислушиваться к голосу совести» и т.п. Этот тип, соответствующий более высокому уровню проблематизации и разрешения противоречия между нравственным и правовым содержанием, встречался лишь у отдельных испытуемых: у 6,25% школьников и у 12,5% студентов.

Анализ интерпретации заданий, моделирующих юридически значимые ситуации, позволил распределить испытуемых в группы, различающиеся способами разрешения противоречий нравственного и правового содержания:

- отсутствие проблематизации: выделяется только одно из направлений анализа;
- фиксация наличия нескольких содержательных направлений анализа и проблематизация необходимости выбора одного из них для решения задачи;
- проблематизация отношения между двумя содержаниями, осуществление попыток соотнести их как «фоновое» и «периферийное»;
- проблематизация собственных предпочтений направленного анализа, осознание его ограничения в связи с необходимостью взаимосогласованного рассмотрения разных аспектов исследуемой ситуации.

Полученные данные частично подтверждают результаты исследований, проведенных еще в 1992–1995 гг. М.И. Воловиковой и О.П. Николаевой¹. Они показали, что рецепция и интерпретация нравственного и правового контекста социального поведения определяется культурной специфичностью процессов формирования правового сознания в современном российском обществе. В отличие от западноевропейских стран, где этот процесс проходит через рецепцию принятых в обществе правовых норм и законов и подражание им, у россиян наблюдается либо «застывание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо не подготовленный предыдущей рефлексивной работой переход на уровень «правотворчества» (термин Дж. Л. Тапп)². Человек, находящийся на уровне правотворчества, склонен объяснять поведение свое и других людей исходя из того, насколько оно соответствует системе моральных норм. Выявленная в нашем исследовании доминирующая ориентация на моральные принципы не столько демонстрирует неуважение к правовым нормам, опосредованное сравнением их содержания с требованиями общечеловеческих моральных принципов, сколько исходит из их противопоставления. В данном случае проявилась непродуктивная стратегия проблематизации противоречия между разными предметно-содержательными направлениями мыслительной обработки юридически значимых ситуаций.

Горбачева Елена Игоревна, доктор психологических наук, профессор, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. Россия, Калуга.

Gorbachova Elena Igorevna, doctor of psychological sciences, professor. Kaluga State University by K.E. Tsyolkovsky. Russia, Kaluga.
misha1994-84@mail.ru

¹ Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №5. С. 16–31 ; Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах : автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 1992.

² Tapp J.L., Levine F.J. The dialectic of legal socialization in community and school // Tapp J.L., Levine F.J. (eds). Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues. N.Y., 1977. P. 163–182.

О чем говорит «осознание собственных незаконных действий» при формулировке выводов судебного эксперта-психолога?

В. Ф. Енгальчев

What does "awareness of their own illegal acts" the formulation of the conclusions of judicial expert psychologist?

V.F. Engalychev

Аннотация. Предлагаются новые возможности судебно-психологической экспертизы: комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза. Используется структурный анализ смысловой сферы, а также наличие релевантных убеждений подэкспертного.

Ключевые слова: преступление, экспертиза, осознание, убеждение.

Key words: Key words: crime, expertise, awareness, persuas.

Abstract. A new possibilities of forensic psychological examination: a comprehensive forensic psychological and linguistic expertise. It uses structural analysis of semantic sphere, as well as the availability of relevant beliefs of the subject.

В процессе судебно-психологической, или – чаще – комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы следствие нередко ставит перед экспертами такой вопрос: «С учетом содержания и контекста разговоров между ... и другими фигурантами настоящего дела, а также лингвистических и паралингвистических параметров этих разговоров, имеются ли лингвистические и / или психологические признаки осознания Ивановым И.И. того, что он совершает заведомо незаконные действия?» Понятно, почему следствие ставит этот вопрос и именно в такой формулировке: осознание или понимание субъектом инкриминируемого преступления того, что его действия нарушают закон, является одним из квалифицирующих признаков состава преступления, который может значительно увеличить степень вины.

Но этот вопрос ставит экспертов в затруднительное положение, так как в настоящее время не существует валидного психологического инструментария, могущего в «автоматическом режиме», т.е. без участия сознания и воли самого эксперта-психолога, дать на него однозначный ответ. Данный вопрос, имеющий психолого-прикладной аспект, тянет за собой целый ряд других, фундаментальных: «Что такое сознание?», «Что такое “заведомо незаконные действия”?», «Что такое их осознание?», «Как проверить глубину понимания содержания конкретного закона?», «В чем убежден конкретный человек?» и т.д. Понятно, что научные дискуссии по этим вопросам далеко не закончены, поэтому, в принципе, любой ответ эксперта будет несовершенен, что нарушает основополагающие принципы права и процесс конкретного судопроизводства.

Будучи поставлены перед необходимостью ответа, психологи-эксперты либо пробуют переформулировать заданный им вопрос, снимая таким образом возможную неопределенность ответа, либо отказываются дать определенный ответ (пресловутое «НПВ» – «не представляется возможным ответить»), что отнюдь не помогает следствию и суду в выяснении истины. Это не помогает и стороне защиты, поскольку оставляет сомнения в степени вины обвиняемого или подсудимого. А всем хотелось бы «чистой победы».

Возможным выходом из данной коллизии является научно обоснованное поле интерпретационных смыслов поведения конкретного фигуранта в конкретных обстоятельствах, с которым может согласиться любой эксперт-психолог, а не только конкретный, назначенный по делу. Определяющим моментом здесь является выделение ключевого концепта сознания подэкспертного, в отношении которого (концепта) никаких сомнений не возникает. Например, в чем подэкспертный убежден, что определяет его образ мыслей, мотивацию и поведение?

Законодатель не расшифровывает, что подразумевается под «убеждениями». Семантическое поле этого понятия достаточно широко и вмещает в себя характеристики, далеко отстоящие от друг друга, вплоть до взаимоисключающих. Поэтому была проведена работа по согласованию различных подходов, выявлению такого устойчивого непротиворечивого семантического ядра (концепта) понятия, которое является общим для позиций большинства ведущих специалистов.

Нами было сформулировано, что «убеждения» – это такие смыслообразования личности, которые позволяют на понятийном уровне сформировать и поддерживать субъективное истолкование противоречий внешнего мира и своего отношения к ним. Они связаны с потребностно-

мотивационной сферой личности и актуализируются путем удовлетворения идеальных потребностей, имеющих отношение к иерархии ее жизненных ценностей. Наличие убеждений является свидетельством психологической развитости личности. Система непротиворечивых убеждений образует мировоззрение. Неотрефлексированные убеждения могут принимать форму побуждений или предубеждений. Некоторые исследователи выделяют устойчивые и неустойчивые, подлинные и неподлинные убеждения, но, с нашей точки зрения, это неправомерно, поскольку вторые в действительности являются псевдоубеждениями. Поэтому убеждения следует отличать от иных смыслообразований личности, таких как взгляды, мнения, точки зрения, позиции и т.п.

Как смыслообразования более высокого порядка, убеждения имеют обязательные и второстепенные признаки. Обязательными признаками убеждений являются следующие:

1) конкретность – предмет убеждений возможно отделить от других явлений и представить в сформулированном виде; не бывает убеждений «вообще»;

2) осознанность – убеждения должны быть отрефлексированы на уровне индивидуального сознания. Носитель убеждений при необходимости может а) восстановить историю их формирования у себя как личности и б) указать на аргументы «за» и контраргументы «против» своих убеждений;

3) действительность – существование убеждений может быть подтверждено только личным опытом их реализации и / или защиты. Убеждения должны актуализироваться всякий раз, когда дело касается их предмета. Однако эта актуализация может протекать в различных формах и не подразумевает обязательной социальной активности носителя убеждений. Например, в истории известны различные формы убеждений, связанных с принципами ненасилия: от просто неучастия в насилии до широкого общественного движения («активного ненасилия») Махатмы Ганди.

К факультативным признакам наличия убеждений относятся: 1) наличие базы для формирования убеждений в детстве и ранней юности (семья, близкое окружение, др.); 2) сочетаемость убеждений (так называемая «комплементарность убеждений») с другими родственными убеждениями; внутренняя непротиворечивость системы убеждений.

Решение задачи о природе убеждений и их содержании на этапе доэкспертной научно-исследовательской работы позволило экспертам-психологам в конечном счете адекватно ответить на все поставленные судом вопросы. Если выявленные «убеждения» противоречат закону, то при совершении инкриминируемых ему действий (если он их действительно совершал – этот уже вне компетенции эксперта-психолога) подэкспертный это о с о з н а в а л , отдавал себе в этом отчет, понимал, что он делает.

Более того, побочным продуктом проведенной работы стало использование диагностики убеждений при профессиональном психологическом отборе и аттестации кадров правоохранительных органов, а развитие убеждений – при их эффективной психологической подготовке. Оказалось, что изучение сферы убеждений может быть использовано и в психологии расследования – как составляющая психологического портрета лица.

Таким образом, «осознавание собственных незаконных действий» при формулировке выводов судебного эксперта-психолога может адекватно интерпретироваться и вне решения фундаментальных, «вечных» вопросов психологии. Но только в ограниченном, прикладном аспекте – применительно к конкретному лицу в конкретных обстоятельствах. В частности, путем выявления системы убеждений подэкспертного.

Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор. Калужский государственный университет. Россия, Калуга.

Engalychev Valy Fatekhovich, doctor of psychological sciences, professor. Kaluga state university. Russia, Kaluga.

Правовой нигилизм и готовность к коррумпирующему поведению*Е.В. Камнева***Legal nihilism and readiness for the corrupting behavior***E. V. Kamneva*

Аннотация. В статье рассматриваются правовой нигилизм как форма деформации правового сознания, феномен коррупции и его составляющий элемент – коррумпирующее поведение. Приводится описание и анализ результатов эмпирического исследования отношения к правовым институтам и ценностных ориентаций как факторов готовности к коррумпирующему поведению.

Abstract. In article are considered legal nihilism as a form of deformation of the right consciousness, a phenomenon of corruption and its making element – the corrupting behavior. The description and the analysis of results of empirical research of the relation to legal institutes and valuable orientations as factors of readiness for the corrupting behavior is provided.

Ключевые слова: деформация правосознания, правовой нигилизм, коррупция, коррумпирующее поведение, отношение к правовым институтам, ценностные ориентации.

Key words: deformation of sense of justice, legal nihilism, corruption, the corrupting behavior, the relation to legal institutes, valuable orientations.

Правовой нигилизма как социально-психологическое явление – это форма деформации правового сознания, при которой право воспринимается человеком пренебрежительно, отрицательно или безразлично¹; при которой формируются идеологические и психологические стереотипы, обусловленные окружающей правовой действительностью, выражающие отрицательное отношение к существующим правовым институтам и находящие свое завершение в поведении индивида². Таким образом, психологическая составляющая в его структуре представлена чувствами, эмоциями, переживаниями и различными стереотипами, вызываемыми окружающей юридической действительностью и порождающими у носителей деформированного сознания негативное отношение к правовым институтам.

Правовой нигилизм негативно воздействует на законность, общественный порядок, развитие положительной активности личности и является серьезным препятствием на пути демократических преобразований общества на современном этапе развития России. Его проявления достаточно разнообразны: от отрицания возможности реального использования и защиты личных прав и свобод – до веры в возможность безнаказанного нарушения прав индивида.

В современном мире одной из самых распространенных экономических и политических проблем является коррупция. Борьба с ней – один из важнейших приоритетов во внутренней политике государства. Но ни в праве, ни в психологии не выработано однозначного определения коррупции. Этим термином обычно обозначают злоупотребление со стороны должностных лиц их властными полномочиями, правами, авторитетом, возможностями, связями с целью личной выгоды, которое противоречит законам и морали. Достаточно часто коррупция определяется как подкуп должностных лиц, получение ими взятка.

Коррупция – многоаспектное, многоуровневое системное социальное явление, охватывающее все стороны жизни. Утрата доверия населения к властным и исполнительным структурам, а также ощущение несправедливости и цинизма происходящего приводят к деформациям экономического сознания, могущим повлечь изменение мотивации и сформировать интолерантное экономическое поведение субъектов хозяйственной деятельности. Следствиями коррупции становятся деморализация общества, подрыв экономической, политической и национальной безопасности государства³.

¹ Камнева Е.В. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел: факторы и формы проявления : монография. М., 2011 ; Камнева Е.В., Анненкова Н.В. Психологические аспекты феномена коррупции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. №4 (12). С. 67–71.

² Кумыкова Л.Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нальчик, 2006 ; Ширванов А.А., Камнева Е.В. Сущность фактора нарушения закона в отечественном праве // Научный портал МВД России. 2014. №2 (26). С. 10–13.

³ Максимцев И.А., Локшина Э.Х. Причины и следствия коррупции: экономико-психологический аспект // Экономическая психология в современном мире : сб. научн. ст. / отв. ред. А.Н. Лебедев. М., 2012. С. 170–186 ; Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов: Монография. М., 2014.

Среди составляющих коррупции можно выделить: 1) коррупционное поведение; 2) коррумпированное поведение; 3) отношение общества к коррупции; 4) социально-психологические процессы, влияющие на коррупцию; 5) психологические и экономические последствия коррупции.

Коррупционное поведение определяется как девиантное поведение публичного должностного лица, направленное на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением, наносящее экономический, социальный и моральный ущерб не только гражданам, но и государству в целом¹.

Коррумпированное поведение мы определяем как девиантное поведение личности, проявляющееся в воздействии на должностное лицо путем предложения материального вознаграждения, приводящее должностное лицо к ситуации выбора между злоупотреблением своими полномочиями для получения личной выгоды или отказу от него².

Следует отметить, что, в отличие от коррупционного поведения, многие виды коррумпированного поведения вообще не предусмотрены законодательством, а в массовом сознании россиян рассматриваются как не противоправные, а выражающие человеческую благодарность³.

В современной науке выделяют исторические, экономические, институциональные и социально-культурные факторы коррупции⁴.

Следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что коррупционное поведение не столько детерминировано внешними объективными условиями, сколько зависит от внутренних субъективных причин: определенных свойств личности, ее правовых установок, ценностных ориентаций и т. п. Данное положение можно распространить и на коррумпированное поведение. Можно предположить существование комплекса свойств, позволяющего охарактеризовать личность как предрасположенную к такому поведению.

Целью нашего исследования стало выявление факторов готовности к коррумпированному поведению. В нем приняли участие 200 студентов первого курса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Возраст респондентов – от 17 до 19 лет.

В исследовании применялись методика Шварца для изучения ценностей личности, методика «Диагностика отношения к правовым институтам» Е.В. Камневой, которая позволяет оценить отношение респондента к закону, должностным лицам, правонарушениям, судебной системе, социально-правовым ценностям и его представление об отношении общества к данным категориям. Готовность к коррумпированному поведению определялась при помощи анкеты, разработанной Е.В. Камневой и Н.В. Анненковой⁵.

Установлено, что 78% респондентов допускают возможность материального вознаграждения должностного лица, следовательно, характеризуются личностной предрасположенностью к коррумпированному поведению. При этом 62% испытуемых готовы предложить взятку за содействие в ускорении процесса решения проблемы, 43% – за разрешения спорного вопроса в его пользу, 29,5% – за получение услуги, 11% – для получения финансовой выгоды. (Как отмечают Л.А. Журавлев и А.В. Юревич, в отечественной культуре весьма размыты границы между собственнo взяткой и тем, что рассматривается как благодарность⁶).

Положительное отношение к закону выявлено у 32% студентов, у остальных же отношение к праву непоследовательное и противоречивое. В то же время 58% респондентов считают, что российское население негативно относится к закону. Выбор варианта правопослушного или противоправного поведения зависит от ценностного отношения к праву в целом, к отдельным его нормам и институтам.

39% респондентов характеризуются отрицательным отношением к должностным лицам, 21% имеют положительное отношение к ним. При этом 74% испытуемых полагают, что люди негативно относятся к властным структурам.

Существенно, что по всем показателям представления о поведении большинства людей и собственное отношение к правовым институтам (следовательно, установки личности и декларируемое отношение к правовым институтам) достоверно различаются. Следует согласиться с мнением ряда авторов, что антиправовые установки и стереотипы становятся элементами, свойства-

¹ Ванновская О.В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2009. №3-2. С. 54–62; Максимцев И.А., Локшина Э.Х. Указ. соч.

² Анненкова Н.В., Камнева Е.В. Специфика российского менталитета в период нестабильности...

³ Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 56–65.

⁴ Максимцев И.А., Локшина Э.Х. Указ. соч.

⁵ Анненкова Н.В., Камнева Е.В. Указ. соч.

⁶ Журавлев А.Л., Юревич А.В. Указ. соч.

ми общественного сознания и национальной психологии, отличительными особенностями культуры, традиций, образа жизни, что правовой нигилизм становится фактом объективной российской реальности.

Представления человека о том, как нужно поступать, отражают нормативные идеалы. Они определяют жизненные принципы поведения человека. При анализе нормативных идеалов испытуемых с готовностью к коррумпированному поведению отмечено, что на первом месте также находится «достижение», на втором – «самостоятельность» и на третьем – «гедонизм». Далее следует «стимуляция» – новизна и состязательность в жизни, необходимые для поддержания оптимального уровня активности организма. Это ценности самовозвышения и открытости изменениям; они не вступают в конфликт друг с другом.

Таким образом, жизненными принципами поведения для респондентов данной группы являются личный успех в соответствии с социальными стандартами, свобода мысли и действия, удовольствие, чувственное наслаждение, наслаждение жизнью и социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами.

Последние места в иерархии нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов заняли «традиции» – уважение и поддержание обычаев, принятие и признание идей, существующих в определенной культуре и религии, «универсализм» – терпимость, понимание и защита благополучия всех людей и природы.

Следует отметить, что при сравнении с результатами более ранних исследований наблюдается изменение как иерархии ценностных ориентаций, так и соотношения нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов.

В результате проведенного факторного анализа были выделены три фактора. В первый со значимыми отрицательными весами на уровне личностных приоритетов вошли «Отношение к праву», «Отношение к властным структурам», «Отношение к экономическим преступлениям», а на уровне декларируемых приоритетов – «Отношение к экономическим преступлениям». Следовательно, факторами готовности к коррумпированному поведению являются негативное отношение к праву и властным структурам и отсутствие отрицательного отношения к экономическим преступлениям. Второй и третий факторы представлены ценностями конформности и власти на уровне как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов. Значит, факторами готовности к коррумпированному поведению являются как декларирование данных ценностей, так и следование им.

Проведенное исследование следует рассматривать как пилотное. Для получения более достоверных данных необходима значительно большая выборка респондентов, причем составленная из представителей различных возрастных групп.

Камнева Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.

Kamneva Elena Vladimirovna, candidate of psychological sciences, associate professor. Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation, Russia, Moscow.
ekamneva@yandex.ru

УДК 316.624–053

Социальные установки и асоциальное поведение

А.А. Реан

Social attitudes and anti-social behavior

A.A. Rean

Аннотация. Анализируется взаимосвязь социальных установок и асоциального поведения детей и подростков. Излагаются результаты эмпирических исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи на выборках старшеклассников и студентов. Семья рассматривается как фактор, обуславливающий формирование как социальных установок, так и самого асоциального поведения. Анализируются результаты эмпирических исследований условий, при которых социальные установки личности на асоциальное поведение непосредственно влияют и не влияют. Поднимается вопрос влияния на асоциальное поведение детей и подростков структурной и психологической деформации семьи. Подчеркивается, что в плане

детерминации асоциального поведения несовершеннолетних приоритет принадлежит психосоциальной деформации семьи. Показано, какие стили родительского воспитания и при каких условиях непосредственно влияют на формирование агрессивного поведения. Отмечается, что недостаточный надзор за ребенком является более важным фактором делинквентности, чем неблагоприятное социально-экономическое положение. Анализируются результаты эмпирических исследований, из которых следует, что важным условием развития социально отклоняющегося поведения является не только негативное социальное научение, но и фрустрация, возникающая при отсутствии родительской любви. Показано, что центральное место в системе отношений детей и подростков принадлежит матери, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов при описании ее коррелирует с общим ростом негативизации социальных отношений личности. Подчеркивается, что наиболее значительно способствуют научению ребенка агрессии как способу разрешения межличностных конфликтов непоследовательные взаимоотношения между родителями и ребенком и высокая конфликтность.

Ключевые слова: агрессия, асоциальное поведение, делинквентность, нейротичная экстраверсия, принцип агрегации, семья, социализация, социальные установки, спланированное поведение.

Abstract. The relation of social attitudes and anti-social behavior of children and adolescents. The results of empirical studies of value orientations, moral attitudes of young people on samples of high school students and university students. The family is seen as factors contributing to the formation of both social systems and of anti-social behavior. The results of empirical studies of the conditions under which the individual attitudes to antisocial behavior directly affect or influence. It raises the question of influence on antisocial behavior of children and adolescents of the structural and psychological strain of the family. It is emphasized that in terms of the determination of anti-social behavior of juveniles priority psychosocial strain belongs to the family. Displaying what styles of parenting and the conditions under which directly influence the formation of aggressive behavior. It is noted that the lack of supervision of the child is a more important factor in delinquency than the adverse socio-economic situation. The results of empirical research, which indicate that an important condition for the development of socially deviant behavior is not only the negative social learning, but also the frustration that occurs in the absence of parental love. It is shown that a central place in the system of children and adolescents belong to the mother, that the decline in positive attitudes towards the mother, increasing the negative descriptors in the description of it is correlated with a general increase in social relations negativization personality. It is emphasized that most significantly contribute to child aggression learning disability as a means of resolution of interpersonal conflicts inconsistent relationship between parent and child and high conflict.

Key words: aggression, antisocial behavior, delinquency, neyrotichnaya extroversion, the principle of aggregation, family, socialization, social attitudes, planned behavior.

В большинстве случаев за любым асоциальным поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира, искаженные, асоциальные установки. Конечно, современной психологии известно, что между установками личности и ее поведением нет абсолютной зависимости. Однако радикальные выводы об отсутствии связи установки с поведением, и соответственно, о невозможности прогнозировать поведение на основе установок личности, которые появились после известного эксперимента Р. Ла Пьера), в настоящее время не представляются столь бесспорными, что следует из работ М. Хьюстона и В. Штребе¹, Д. Майерса², Г.М. Андреевой³, А.Л. Свенцицкого⁴ и др. Сейчас считается доказанным, что важным условием соответствия установки личности и поведения является достаточная сила и четкость установки. Несоответствие же чаще всего наблюдается, когда установка является слабой или амбивалентной или и той, и той одновременно. Важную роль, конечно, играет и фактор ситуации. В тех случаях, когда ситуация оказывает сильное давление на личность, имеющаяся установка может и не сработать.

Как показано в работах Д. Майерса, М. Хьюстона и В. Штребе⁵, одним из важных достижений современной психологии установки является определение принципа агрегации: воздействие установки на поведение становится более четким и очевидным, когда мы рассматриваем

¹ Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход. М., 2004.

² Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.

³ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988.

⁴ Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М., 2003.

⁵ Майерс Д. Указ. соч.; Хьюстон М., Штребе В. Указ. соч.

личность и поведение в целом, а не какой-либо отдельный поступок. Иллюстрацией этого принципа являются, например, результаты следующего эксперимента. Как оказалось, имеющаяся установка на сохранение окружающей среды в городе своего проживания коррелировала, но слабо, с *отдельными* актами поведения жителей, участвующих в эксперименте: подписать одно из воззваний против выхлопных газов, выйти в конкретный день на уборку мусора, привлечь друга к такой работе и т.п. Но *совокупная* оценка «экологического» поведения по 16 позициям (которые соответствовали различным актам поведения), как показано в работах М. Хьюстона и В. Штребе¹, уже дает высокую ($p \leq 0,001$) корреляцию между установкой и поведением.

Таким образом, из всего этого следует уже не слишком радикальный вывод, что определенные установки не всегда выражаются в соответствующем поведении – чаще по причине действия определенных сдерживающих факторов. Некоторые авторы насчитывают до 40 факторов, осложняющих связь в паре установка – поведение, на что обращают внимание, например, Д. Майерс². Вместе с тем, если определенное асоциальное поведение имеет место быть, то за ним стоят и соответствующие установки личности, обуславливающие готовность к такому поведению. Исключения составляют лишь случаи непредумышленного, случайного делинквентного поступка или поступка под сильным давлением ситуации. Подчеркнем принципиальный момент – именно поступка, а не систематического девиантного, делинквентного поведения личности. Р.У. Эмерсон заметил еще в 1841 году, что любое действие рождается от мысли³.

В связи с этим результаты некоторых исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи не могут не настораживать. Так, в одном из таких исследований старшеклассников попросили в списке из 40 пословиц и поговорок русского народа отметить лишь те десять, которые наиболее точно отражают их жизненную позицию. Выборочную совокупность составили более 1700 человек в возрасте 14–17 лет из всех районов одной из областей центральной России. Выборка была репрезентативной по половому, возрастному и социальному составу старшеклассников.

Вот наиболее часто отмечаемые пословицы. «В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорки...»: «Что наша честь, если нечего есть?» (93%); «Работа – не волк, в лес не убежит» (93%); «От трудов праведных не нажить палат каменных» (93%); «С волками жить – по-волчьи выть» (83%); «Стыд – не дым, глаза не выест» (81%); «Своя рубашка ближе к телу» (79%); «Скупость – не глупость» (76%); «Не делай добра – не получишь зла» (73%); «Говоришь правду – теряешь дружбу» (67%); «Две собаки грызутся – третья не лезь» (48%)... Обращает на себя внимание и то, что многие достаточно известные пословицы и поговорки, в которых выражается традиционная социальность русского народа, не получили массовой поддержки у старшеклассников и оказались по количеству их отметивших на последних позициях: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (9%); «Правда в огне не горит и в воде не тонет» (3%); «Где родился – там и пригодился» (3%); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалею» (2%); «Родина – мать, умей за неё постоять» (2%); «Чужое добро впрок не пойдет» (2%); и всего по одному человеку – «Бедность – не порок»; «Не в деньгах счастье»⁴.

Практически абсолютно такие же результаты были получены и на выборке студентов. Различия, да и то совсем небольшие, были лишь в процентных показателях, но никак не касались самой иерархии ценностей, предпочтений, жизненных позиций. Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, точнее всего характеризующие жизненную позицию студентов. «В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорки...»: «От трудов праведных не нажить палат каменных» (89%); «Что наша честь, если нечего есть?» (83%); «Своя рубашка ближе к телу» (73%); «Работа – не волк, в лес не убежит» (73%); «С волками жить – по-волчьи выть» (71%); «Стыд – не дым, глаза не выест» (69%); «Скупость – не глупость» (66%); «Не делай добра – не получишь зла» (63%); «Говоришь правду – теряешь дружбу» (61%); «Две собаки грызутся – третья не лезь» (58%). Опять-таки многие достаточно известные пословицы и поговорки, выражающие традиционную социальность русского человека, оказались по количеству их отметивших на последних позициях: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (12%); «Правда в огне не горит и в воде не тонет» (6%); «Где родился – там и пригодился» (5%); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не

¹ Хьюстон М., Штребе В. Указ. соч.

² Майерс Д. Указ. соч.

³ Эмерсон Р.У. Нравственная философия. Опыты. М., 2001.

⁴ Коротких М.Н. Развитие гражданского самосознания юношества в совместной деятельности семьи и школы: векторы перемен // Процветающая Россия – будущее твоей семьи : материалы проекта по гранту Президента РФ. Курск, 2009. С. 135–147.

жалей» (1%); «Родина – мать, умей за неё постоять» (1%); «Чужое добро впрок не пойдет» (1%); «Бедность – не порок» (2 человека); и один человек – «Не в деньгах счастье»¹.

Это, несомненно, не только тревожные, но и шокирующие результаты. Несколько сгладить шок позволяет, пожалуй, то обстоятельство, что, по теории, установки наиболее сильно и прямо определяют только спонтанное поведение личности. С так называемым продуманным, или спланированным, поведением, к счастью, дело обстоит несколько сложнее. Теория спланированного поведения² утверждает, что такое поведение точнее и лучше всего определяют не один, а три фактора (или составляющие): установки личности по отношению к конкретному поведению, к субъективным нормам, к возможностям контроля своих действий. Первый фактор связан с утверждением, что для прогноза поведения личности важна не общая, а конкретная установка, т.е. отношение человека к конкретному поступку, о котором он думает. Суть второго фактора в том, что для успешного предсказания конкретного поведения человека необходимо знать субъективные нормы – т.е. его представления о том, как близкие ему люди воспримут планируемый поступок, отнесутся к нему. И, наконец, третий фактор связан с представлением человека о легкости, с которой он может совершить тот или иной поступок.

Таким образом, представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, к которому побуждают вышеуказанные негативные установки, снижает вероятность его осуществления. Но, с другой стороны, дело осложняется тем, что сами эти установки возникают все-таки не из пустоты, а формируются, в частности, в самой семье, в процессе семейной социализации. А следовательно, они могут отражать установки, господствующим в семье, у родителей и близких. В этом случае, в соответствии с теорией спланированного поведения, реализация поступков, которые соответствуют названным выше негативным установкам, облегчается, становится более вероятной.

В настоящее время считается, что основным фактором негативного влияния семьи на развитие личности является не структурная, а психосоциальная ее деформация. И это общемировая тенденция.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что структурная деформация семьи все-таки крайне нежелательна. Она является существенной причиной социальных девиаций личности, особенно если круг их не сводить только к противоправному поведению. Данные о влиянии ее на делинквентность достаточно противоречивы. Так, по данным одного из российских исследований, в структурно деформированной (т.е. неполной) семье проживает около 50% подростков-делинквентов. А значит, вторая половина имеет полную семью. А вот проблемы с различными проявлениями психосоциальной деформации семьи, как установлено в работе В.В. Королева³, оказываются характерными более чем для 70% процентов подростков-правонарушителей.

В целом же, когда мы говорим о разном влиянии на развитие асоциальности несовершеннолетних психосоциальной и собственно структурной деформации семьи, надо отдавать себе отчет в том, что психосоциальная деформация – понятие более широкое, чем структурная деформация. Ведь она может быть присуща как полной, так и неполной семье.

Связь между воспитанием ребенка в неполной семье и делинквентностью в значительной мере усложняется наличием многих других факторов. Например, вполне очевидна зависимость между разводом и социально-экономическим статусом семьи. А обобщение данных многочисленных исследований четко показывает, как подчеркивается в работах К. Бартола⁴, что бедность – один из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность как среди юношей, так и среди девушек. Бедность влияет на семью по разным направлениям. Она может привести к изменению поведения родителей. Как показано в работах, К. Бартола⁵, стресс, обусловленный бедностью, уменьшает способность родителей осуществлять благоприятное и непротиворечивое воспитание.

Недостаточный надзор за ребенком, характерный для так называемого безучастного стиля воспитания, присущ семьям как с высоким, так и с низким социальным статусом, как полным,

¹ Булатников И.Е. Развитие социальной ответственности личности: место и роль семьи // Процветающая Россия – будущее твоей семьи... С. 252–264.

² Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planned behavior // Action-control: from cognition to behavior. Heidelberg, Germany. 1985. P. 11–39 ; Ajzen I. & Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. NJ., 1980.

³ Королев В.В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей. М., 1992.

⁴ Бартол К. Психология криминального поведения. СПб. ; М., 2004.

⁵ Бартол К. Указ. соч.

так и неполным. А ведь именно недостаточный надзор значимо коррелирует с делинквентностью и с агрессией, о чем убедительно говорит Р. Блэкборн¹. Более того, было показано, что плохой контроль со стороны матерей является более важным фактором в различении делинквентов и неделинквентов, чем неблагоприятное социально-экономическое положение или даже криминальность родителей².

Важнейшим механизмом негативного влияния семьи на развитие личности является социализация в семье по отклоняющемуся типу. Асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения, если они являются доминирующими в семье, могут усваиваться через научение и подражание. При этом закрепление социально отклоняющегося развития, как показано в работах А. Бандуры³, А. Бандуры и Р. Уолтерса⁴, Р. Бэрона, Д. Ричардсон⁵, и др., может идти тремя путями: за счет прямого декларирования асоциальных ценностей и норм и подчеркивания, «что только так и можно достичь успеха»; за счет проявления асоциального поведения при непосредственном взаимодействии родителей с ребенком; за счет того, что ребенок наблюдает реальное поведение родителей социально отклоняющейся направленности, даже если на речевом уровне они декларируют приверженность просоциальному поведению и просоциальной шкале ценностей.

Формирование просоциального поведения личности связано не только с отсутствием подкрепления асоциального поведения или активного наказания за него, но и обязательно (и, может быть, даже в первую очередь) с активным социальным научением просоциальным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности. Ведь, как установлено в исследовании L. Keltikangas-Jarvinen, P. Kangas⁶, наиболее выраженное различие между детьми с деструктивным и конструктивным социальным поведением состоит не в личностном предпочтении первыми деструктивных альтернатив, а в незнании ими конструктивных решений. Таким образом, процесс социализации конструктивного поведения включает приобретение системы знаний и социальных навыков, а также воспитание системы личностных диспозиций, установок, на основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Другим важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности является эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Так называемый безучастный, или игнорирующий, тип воспитания, при котором дети становятся «ловцами, искателями внимания», наиболее сильно связан с последующей делинквентностью. В некоторых исследованиях было установлено, что 84% детей, бывших «ловцами внимания» в восьмилетнем возрасте, в 14 лет имели дело с полицией⁷. Существует огромное число работ, которые убедительно показывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители – ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся развитием личности. Установлено, например, что если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки в оценках родителей или если ребенок не ощущает их поддержки и опеки, то вероятность противоправного поведения существенно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, проявляется агрессивность по отношению к собственным родителям.

Особое место в системе отношений детей и подростков принадлежит, конечно, матери. В исследовании А.А. Реана и М.Ю. Санниковой⁸, было установлено, что в системе отношений подростка к социальному окружению (определялось и отношение к отцу, и к сверстникам) наиболее положительным оказалось отношение именно к матери; что снижение положительного отношения к ней, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при ее описании коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма

¹ Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004.

² Там же.

³ Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000.

⁴ Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.

⁵ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

⁶ Keltikangas-Jarvinen L., Kangas P. Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children // *Aggr. Behav.* 1988. № 4. P. 255–264.

⁷ Блэкборн Р. Указ. соч.

⁸ Реан А.А. Психология личности. СПб., 2013.

ко всем социальным объектам, явлениям и нормам) тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в исследовании, такое отношение является важным показателем общего неблагоприятного развития личности.

В последние годы выявляется устойчивая тенденция снижения роли отца, его значимости и влияния на воспитание и становление личности ребенка. Так, в фундаментальном исследовании «Семья и родительство в современной России» было установлено, что доля тех, кто назвал отца значимым лицом, оказавшим в процессе взросления на личность наибольшее влияние, снизилась с 41,1% (в старшей возрастной группе 40–44 года) до 31,8% (в молодежной группе 16–19 лет).

Чем слабее становилась фигура отца, тем более укреплялась в сознании респондентов фигура матери. В молодежной группе (16–19 лет) доля тех, кто оценивал ее роль как самую значительную, составила 73,3%, в то время как в старшей возрастной группе (40–44 года) – 61,9%¹.

На оценку роли отца в родительской семье влияет не только возраст, но и другие показатели, например, уровень достатка. В бедных семьях влияние отца отметили только 26,8% опрошенных, в семьях со средними или высокими стандартами жизни – 40,7%. Таким образом, восприятие отца в значительной степени зависит от того, насколько успешно он справляется с ролью кормильца семьи.

Респонденты с высшим образованием оценивали роль отца выше, чем респонденты со средним образованием (36,6% и 42,2% соответственно). Однако эти различия оказались не значимыми².

Наиболее полной моделью неэффективных родительских приемов дисциплинирования считается теория «принудительного семейного процесса» Паттерсона, Д. Коннора³). Эта модель основана на положении, что в конфликтах из-за дисциплины обмена жесткими и, что особенно важно, непоследовательными, несогласованными действиями между родителями и ребенком приводят к агрессии или асоциальному поведению ребенка. Характеризуемые непоследовательностью взаимоотношения между родителями и ребенком – сначала слабость, затем жесткость, – так же как и высокая конфликтность наиболее значительно способствуют научению ребенка агрессии как способу урегулирования межличностных конфликтов.

В связи с этим интересным представляется тот факт, что лучшим прогностическим признаком правонарушения в возрасте 10–13 лет оказалась «недисциплинированность» в более раннем возрасте. По-другому дело обстоит с правонарушениями в более старшем возрасте – 17–20 лет. Как показано А. Фернхем, П. Хейвен, они точнее всего прогнозируются по таким факторам, как агрессивность в возрасте 12–14 лет и уровень нейротичной экстраверсии в возрасте 16 лет⁴.

В современной психологической науке, в рамках одной из наиболее авторитетных концепций личности, автором которой является А. Маслоу, принято считать, что потребность в любви и уважении является одной из фундаментальных. Она входит в пятерку основных, базовых потребностей человека наряду с потребностями выживания – т.е. физиологическими и потребностью в безопасности. В связи с этим обратим внимание на следующие чрезвычайно важные, на наш взгляд, обстоятельства. В 60-е годы в США приобрело популярность такое воспитание, когда родители минимально вмешиваются в жизнь ребенка, предоставляя ему максимальную свободу в принятии решений и, собственно, в жизни. Предполагалось, что это есть выражение уважения к личности ребенка, вроде как либерально-демократический подход в практике воспитания. Однако психологические исследования, проведенные отсрочено – спустя годы, показали, что именно дети из этих семей имели во взрослой жизни больше проблем.

Реан Артур Александрович, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель РФ, директор Федерального проекта «Крепкая семья», председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД РФ. Россия, Москва.

Rean Artur Aleksandrovich, the doctor of psychological sciences, professor, the Honored worker of the Russian Federation, the director of the Federal project "Strong Family", the Chairman of scientific coordination council of Russian joint stock company concerning a family and the childhood, professor of department of legal psychology of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of the Russian Federation
Ks-er@mail.ru

¹ Семья и родительство в современной России. М., 2009.

² Там же.

³ Коннор Д. Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков. М. ; СПб., 2005.

⁴ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб., 2001.

**Политическое самосознание
российской леворадикальной интеллигенции в условиях кризиса
(II половина XIX – начало XX вв.)**

С.Н. Фоломеев

**The political consciousness
of the russian left-wing radical intelligentsia during the crisis
(the latter half of the XIX century – the beginning of the XX century)**

S.N. Folomeev

Аннотация. В статье показан процесс осознания российской леворадикальной интеллигенцией II половины XIX – начала XX века себя как субъекта политики, представлена оценка собственной роли, целей, интересов, идеалов и мотивов поведения, особенностей политического восприятия действительности, мышления, характера и направления действий.

Ключевые слова: российская леворадикальная интеллигенция, политическое самосознание, условия кризиса.

Abstract. The article shows the process of self-perception of the Russian left-wing radical intelligentsia at the latter half of the XIX – early XX century as a political entity, presents an assessment of its own role, goals, interests, ideals and motives, the characteristics of the political perception of reality, of its thought, of nature and course of action.

Key words: Russian left-wing radical intelligentsia, political consciousness, the conditions of crisis.

Политическое самосознание социальной группы в условиях кризиса характеризуется такими чертами, как мозаичность, несистематизированность, отсутствие целостности и устойчивости, ситуативность и непрерывная изменчивость. Для него характерны поиски новых смыслов и осознания себя в изменившейся реальности¹. Рассмотрим проявление указанных черт на примере менталитета российской леворадикальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX века. Под леворадикальной интеллигенцией понимается находившаяся в непримиримой оппозиции к существовавшему политическому режиму социальная группа, представители которой принадлежали к разным идеологическим направлениям политической мысли, предлагали различные варианты переустройства общества и способы борьбы с самодержавием, имели различные точки зрения на свое место и свою роль в будущем преобразовании российского общества.

Данная социальная группа начала складываться под воздействием неудовлетворенности от половинчатых реформ 60–70 гг. XIX века. Уже на этом этапе проявились противоречия в представлениях о способах достижения справедливого общественного устройства. Если в целом леворадикальная интеллигенция второй половины XIX века осознавала себя вышедшей из среды простого народа, рассматривала себя в качестве должника перед ним и стремилась вернуть этот долг, просветить народ, дать ему свободу, знания и культуру, указать ему на его действительное место и роль в жизни общества, решить от его имени и без его согласия (ведь народ темный) стоявшие перед ним проблемы, то способы достижения справедливого общественного устройства виделись в диапазоне от мирной пропаганды социалистических идей (сторонники П.Л. Лаврова) до систематического террора против всех представителей власти вплоть до царубийства (последователи Исполнительного комитета «Народной Воли»). Как первые, так и вторые, включая анархистов – сторонников М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, принадлежали к разным течениям социалистической мысли, каждое из которых считало свои идеологические установки высшим откровением, свои формы и методы борьбы за преобразование общества единственно правильными. Эти разногласия, порой доходившие до полного разрыва отношений, царская охранка не раз использовала в целях борьбы против революционного лагеря как в России, так и за границей. Однако в критические моменты представители различных ветвей народнической и анархистской мысли достигали определенных договоренностей вплоть до организации общих типографий и выпуска совместных агитационных материалов, совместной транспортировке их в Россию, общей борьбе с провокаторами и т.д.

¹ Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю.И.Аверьянов. М., 1993. С. 175.

Большая часть леворадикального лагеря в своей деятельности по достижению справедливого общественного устройства опиралась на насилие во всех его формах, мотивируя это тем, что самодержавие боролось против оппозиции исключительно насильственными методами. Одним из первых представителей революционных народников, не согласившихся с результатами реформы 1861 г. и активно выступивших за ниспровержение самодержавия, был П.Г. Зайчневский. В своей прокламации «Молодая Россия», получившей широкое распространение, он призывал к революции «кровавой и неумолимой», в которой «прольется река крови», «погибнут невинные жертвы». Предвидя вероятность масштабной гражданской войны, он, тем не менее, звал к революции, которая «должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества», не ставя при этом конкретных задач преобразования общества, очевидно полагая, что все произойдет само собой. Предостерегая колеблющихся и запугивая нежелающих участвовать в кровавых событиях, П.Г. Зайчневский говорил: «Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»¹. Позднее эта мысль неоднократно встречается у В.И. Ленина и И.В. Сталина. Насилие по отношению к противникам и колеблющимся рассматривалось ими как необходимый элемент революции.

Приемник и последователь П.Г. Зайчневского Д.В. Каракозов, создавший со своими единомышленниками кружок «Организация», также полагал необходимым свершение революции и устройство общества на социалистических началах. Насилие он рассматривал не только как элемент революции, но и как способ ее подталкивания, средство добывания материальных средств, контроля за образом мыслей и действий, как средство, обеспечивающее рост популярности членов революционного сообщества и его вожаков. Члены кружка «Ада», осуществлявшие такой контроль, намеренно опускались морально. Чтобы отвлечь от себя подозрения, они должны были стать пьяницами, взяточниками, негодяями, доносчиками, отказаться от семейных уз и друзей, целиком подчинив себя делу революции, «средоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни»². Диапазон применения насилия расширяется. По мнению Д.В. Каракозова, его необходимо осуществлять по отношению не только к врагам революции, но и к ее сторонникам, включая вождей, к самим членам кружка «Ада» – внутренней инквизиции сообщества. Парадокс заключается в том, что насилие распространяется на всех членов общества (хотя и в разной степени), а они при этом должны быть счастливы.

С.Г. Нечаев развил идею насилия по отношению к обществу и каждому его члену, не исключая и самих революционеров, откинув все моральные нормы, привычки, привязанности, подчинив всех и вся делу революции. Единственная его цель – свершение революции и «полнейшее освобождение и счастье народа, то есть чернорабочего люда»³. Для приближения этой цели необходимо способствовать развитию и усилению всех бед и зол, которые должны вывести народ из терпения и побудить его к восстанию. Принцип «Чем хуже – тем лучше» был позднее востребован и применен на практике Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и его соратниками.

У В.И. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и тяжело ранившей его, террор предстает как «следствие чувства оскорбленной справедливости», средство защиты личности от насилия и беззакония. В.И. Засулич объяснила свой поступок незаконным приказом последнего применять телесные наказания к политическим заключенным. По мнению С.М. Степняк-Кравчинского, «она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на закланье, чтобы смыть с партии позорное пятно обиды»⁴. «Просвещенное общество» более чем сочувственно встретило оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных под председательством А.Ф. Кони. Впоследствии примкнув к социал-демократам, Засулич выступила с критикой терроризма, но отнюдь не насилия.

Убийца шефа жандармов Н.В. Мезенцова С.М. Степняк-Кравчинский рассматривал насилие со стороны революционеров не только как средство «самозащиты», к которой они вынуждены прибегать, так как свобода и личность в тех условиях не были гарантированы от произвола, но и как способ дестабилизации империи, создание «электрической атмосферы энтузиазма».

¹ Утопический социализм в России : хрестоматия. М., 1985. С. 333–334.

² Из показаний Н.А. Ишутина в следственной комиссии о покушении на жизнь его императорского величества 4 апреля 1866 г. от 29 мая 1866 г. // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Изд. 2-е, доп. и перераб. / автор-сост. О.В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 40–41.

³ Будницкий О.В. «Теоретическое убийство»: С.Г. Нечаев и его «Катехизис революционера» // История терроризма в России... С. 53.

⁴ Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 388.

Единомышленник С.М. Степняка-Кравчинского, один из руководителей «Земли и воли» Н.А. Морозов рассматривал политическое убийство не только как акт мести и единственное средство самозащиты, но и как «один из лучших агитационных приемов», как эффективное средство систематической политической борьбы, которую он назвал «террористической революцией». Она, по его мнению, представляла собой «самую справедливую из всех форм революции... и в то же время и самую удобную ее форму», так как казнила только действительно виновных и не распространяла насилие на широкие слои общества, что является неизбежным в массовом революционном движении. Веря в то, что террористическое движение в России способно совершить перелом в истории революционной борьбы, он отмечал, что оно «немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия (т.е. конституцию), после чего основные усилия будут направлены на пропагандистские формы работы, которые приведут к восстанию и устройству нового общества на началах свободы и справедливости»¹.

В программе Исполнительного комитета «Народной воли» террор окончательно закрепляется как одно из средств борьбы против правительства, расчищающее путь революции. Насильственные действия против представителей власти и своих единомышленников, заподозренных в измене, порой осуществленные с особой жестокостью (убийство подполковника Судейкина народолюбцами, убийство студента Иванова сторонниками С.Г. Нечаева), причудливым образом сочетались с проявлениями высокоморальных качеств у покушавшихся на цареубийство. (Казнь царя несколько раз откладывалась из-за того, что в карете вместе с ним ехали жена и дети.)

Для П.Н. Ткачева насилие (революционный терроризм) – уже единственное средство освобождения верноподданных «из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха», разрушающее иллюзию неприкосновенности самодержавия, способное нравственно переродить холопа в гражданина². Он призывает «делать революцию» – «Как? Как кто может и умеет», «делать ее как можно скорее»³. Для осуществления этой цели необходима «организация как средство, терроризирование и уничтожение существующей правительственной власти, как ближайшая насущная цель – такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров»⁴.

Программа террористической фракции «Народной воли», написанная А.И. Ульяновым, рассматривала террор как способ разрешения противоречий между самодержавием и интеллигенцией, представлявшей, по мнению автора, интересы народа. Члены фракции считали необходимым прибегнуть к террору лишь при отсутствии возможности мирной борьбы за свои идеалы. Но насилие они рассматривали как меру не только вынужденную, но и полезную во многих отношениях, так как оно «поднимает революционный дух, дает непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы, сильно действует пропагандистским образом на массы»⁵. В отличие от революционеров прежних поколений, признававших только борьбу с центральным правительством, народолюбцы считали необходимым и местные террористические действия, при подготовке и осуществлении которых централизация казалась им излишней и трудно осуществимой⁶. Сама жизнь, по мнению автора программы, будет определять ход террора и масштабы его применения. Таким образом, правом на террор наделяется практически каждый недовольный властью. Нравственные устои террористов при этом не обсуждались.

В целом для этого периода революционного движения было характерным применение насилия к представителям власти, виновным в страданиях народа, и недопустимость его осуществления в отношении ни в чем не повинных людей. Не оправдывая террористов и не поэтизируя их деятельность, следует все же отметить, что сами террористы готовы были принять муче-

¹ История терроризма в России... С. 91, 100, 102, 105.

² Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России... С. 143–154.

³ Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России : письмо к редактору журнала «Вперед». Апрель 1874 г. // История классовая борьба в России в материалах и документах / под ред. Н. Карпова и М. Мартынова. Т. 2. Л., 1926. С. 261, 262.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Программа террористической фракции партии «Народная воля» (фрагмент) // История терроризма в России... С. 157.

⁶ Там же.

ническую смерть во имя своих убеждений, отдать свою жизнь во имя освобождения порабощенного народа от деспотизма.

Наследники революционных традиций народничества-народовольчества – российские социал-демократы, хотя не являлись сторонниками их идеологических представлений о будущем обществе и способах его достижения, но также уверовали в свою мессианскую миссию преобразования общества. Выступая с идейной критикой терроризма, они зачастую использовали на практике проверенные временем методы, пополняя с их помощью партийную кассу: в ход шло все: от выгодной женитьбы на обладательницах капитала до экспроприации почтовых карет и банков. Они подвергали терроризм критике, поскольку с помощью отдельных террористических актов, как показывал опыт народовольцев, режим не свергнуть. Необходимо было масштабное насилие, в которое было бы вовлечено все общество. Пока революционная ситуация не просматривалась и в перспективе, отрабатывались методы подчинения и запугивания тех представителей рабочего класса, которые не хотели участвовать в стачках. Их рассматривали как штрейкбрехеров, зачастую избивали, обливали лицо серной кислотой, составляли списки бастующих и уклонившихся от стачек. В голодные 1891–1892 гг. среди социал-демократов не было единой точки зрения на оказание помощи голодающим. В.И. Ленин и его сторонники считали помощь голодающим поддержкой существующего режима и занимали позицию «чем хуже – тем лучше», тем скорее мужик поднимется против власти. Г.В. Плеханов и Н.Е. Федосеев, имея разное отношение к крестьянству, тем не менее высказывались за помощь голодающим.

Уже приведенные примеры свидетельствуют о дезинтегрированном сознании указанной социальной группы, отсутствии целостности и устойчивости ее менталитета, его непрерывной изменчивости, сочетавшихся с мессианским характером задуманных свершений и методов их реализации. Стремясь к созиданию справедливого общественного устройства, ратуя за освобождение народа, установление общества справедливости и гармонии, новые мессии опирались на те же методы насилия, которые практиковала самодержавная власть. В чем же принципиальное отличие первых от второй? Неизбежно ли при этом использование макиавеллистского принципа «Цель оправдывает средства»? Возможно ли, отстраняя народ от решения его судьбы либо используя его для достижения своих политических целей, построить новое справедливое общество? Попытки найти ответы на эти вопросы как самой леворадикальной интеллигенцией, так и ведомым ею народом, могли бы в то время дать пищу для размышлений и минимизировать масштабы последующих катаклизмов. Эти вопросы заставляют задуматься и о будущем российского общества.

Фоломеев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права и политологии. Самарский государственный экономический университет. Россия, Самара.

Folomeev Sergey Nikolaevich, candidate of historical sciences, associate professor of international law and political science. Samara State University of Economics. Russia, Samara.
cissime@yandex.ru

УДК 159.9.07+364.255

**Психологические основы разработки программ
подготовки к экстремальным ситуациям для иммигрантов**

О.М. Штейман (Шахмартова)

**Psychological foundations of training programs
for migrants about extreme situations**

О.М. Shteiman (Shahmartova)

Статья подготовлена в рамках выполнения исследования при кафедре географии и охраны окружающей среды (Department of Geography and Environmental Studies) в Хайфском университете при финансовой поддержке Лаборатории спектроскопии, Minerva Centre for the Rule of Law under Extreme Conditions, Министерства абсорбции Израиля (фонд Шапиро).

Аннотация. В статье показывается, что в ситуации, сложившейся в мире в результате увеличения количества катастроф, с одной стороны, и роста числа иммигрантов – с другой, невоз-

можно повысить эффективность государственных профилактических программ, направленных на подготовку к экстремальным ситуациям, без учета изменения менталитета иммигрантов.

Ключевые слова: экстремальные ситуации (ES), SB victim, иммигранты, программы подготовки к экстремальным ситуациям.

Abstract. The paper shows that the situation in the world as a result of the increase in the number of accidents on the one hand and the increasing number of immigrants, on the other hand, it is impossible to increase the efficiency of public prevention programs aimed at training for extreme situations without changing the mentality of immigrants.

Key words: Extreme Conditions (ES), SB victim, training programs for migrants about extreme situations.

Проблема преодоления личностью стрессовых и критических ситуаций исследуется в различных областях знания: биологии, медицине, психофизиологии, психологии – и в настоящее время остается одной из наиболее актуальных в науке. Устойчивый интерес к ней объясняется усилением негативного воздействия на личность природных, экологических, социальных и других неблагоприятных условий¹.

В конце XIX века исследование личности в ситуациях, которые сегодня обозначаются как экстремальные, осуществлялось в основном в рамках военной психологии. В середине XX века проблемы личности в сложной, пограничной ситуации привлекают внимание представителей экзистенциальной традиции в философии и психологии и интенсивно разрабатываются в психологии личности².

В современной науке, наряду с изучением характеристик личности, изменяющихся под воздействием экстремальных условий, активно исследуются личностные характеристики, обеспечивающие оптимальное совладающее поведение и выступающие в качестве ресурсов для полноценной жизнедеятельности в этих условиях.

В последнее время, понятие «экстремальная ситуация» (ES) существенно расширило свои рамки, что обусловлено сменой критериальных подходов к классификации ситуаций, переходом от внешнесредовых представлений о ситуации к изучению особенностей ее перцепции и интерпретации.

В течение нескольких последних проявляются две явные закономерности глобальных катастроф: увеличение со временем числа пострадавших и географическая корреляция (Международная федерация Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца).

В современном мире ни один день не проходит без информации о стихийном бедствии или техногенной катастрофе, которые случаются в разных странах независимо от их местонахождения и уровня развития. Проблема защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и экологического характера в последние годы в системе государственного регулирования всех стран осознается как насущная и объективная потребность. Возрастающие масштабы прямого ущерба от чрезвычайных ситуаций и затрат на их ликвидацию показывают, что устойчивое развитие страны требует повышения эффективности предупредительных мер, уменьшающих опасность, размеры и последствия катастроф.

Любая экстремальная ситуация, несет за собой травмы и жертвы, количество которых зависит от степени подготовленности населения к ES. Но существует одна группа жертв, которая неуклонно растет с каждым годом по объективным причинам. В нашем исследовании, проводимом в Хайфском университете, мы определяем ее как SB victim (self-behavior victim). SB victim – это человеческие потери вследствие неправильного поведения в экстремальных ситуациях и невыполнения предписаний служб тыла; это люди, получившие травмы в результате незнания того, как необходимо себя вести и в какие государственные и негосударственные структуры обращаться в экстремальной ситуации. Данное понятие важно не только с точки зрения теоретического анализа экстремальных ситуаций, но и для практического использования социальными службами, службами тыла и другим государственными структурами, которые работают с населением в экстремальных ситуациях.

Мы предполагаем, что поведение человека в ES зависит от 3-х факторов: 1) личностных характеристик человека, 2) его знаний о видах и формах экстремальных ситуаций в данном гео-

¹ Камынина И.В. Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : дис. ... канд. псих. наук. Петропавловск-Камчатский, 2008.

² Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984. См. также: Правдина Л.Р. Влияние экстремальной ситуации на динамику социально-психологических характеристик личности : дис. ... канд. псих. наук. Ростов н/Д, 2004.

графическом районе и навыков поведения при ЕС, 3) умения взаимодействовать с органами государственной власти страны проживания. Таким образом, эффективное поведение в ЕС определяется пересечением этих трех факторов (рис 1).

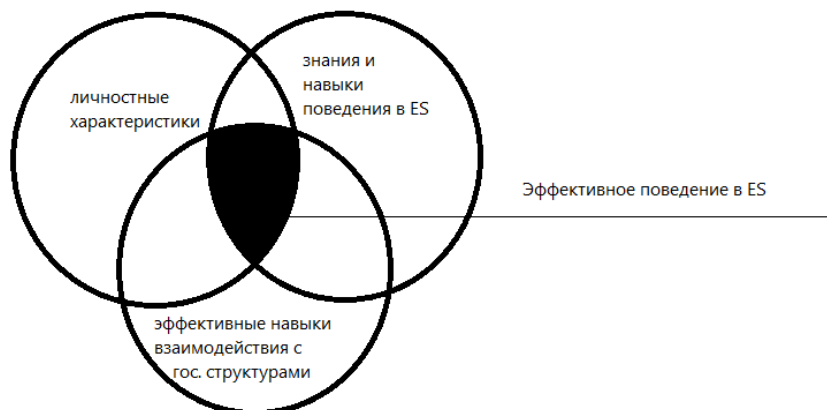

Рис. 1. Диаграмма Вьена

Два последних фактора – знание о ЕС и отношения с властями – зависят от паттернов поведения человека, которые вырабатываются, закрепляются и подкрепляются на протяжении всей его жизни. И вот тут в последнее время, вследствие определенных объективных факторов, появляется большая группа риска, которая, оказывается наиболее уязвимой в экстремальных ситуациях. Это люди, чьи знания, поведенческие навыки и привычное взаимодействия с властями часто оказываются бесполезны и иногда даже опасны для них самих в выборе схемы поведения в ЕС. Мы говорим об иммигрантах.

Согласно данным, обнародованным ООН в 2013 году, число международных мигрантов составило 232 миллиона человек или 3,2% мирового населения, тогда как в 2000 году их насчитывалось 175 миллионов, а в 1990 году – 154 миллиона. Большинство международных иммигрантов (74%) – люди в трудоспособном возрасте от 20 до 64 лет. Так, в 2000 г. иммигранты составляли 47% высококвалифицированной американской рабочей силы с естественнонаучным или инженерным образованием; в 2006 г. 40% всех международных патентов было выдано именно иностранцам, проживающим на территории США.

Федеральная миграционная служба (ФМС) РФ опубликовала последние сведения о количестве находящихся в стране иностранных граждан. По состоянию на 7 июня 2015 года в общей сложности на территории России находились 4.348.782 граждан центральноазиатских республик (на начало мая – 4.247.690 человек). Таким образом, общее число приезжих из Центральной Азии за месяц выросло более чем на 100 тысяч человек.

Особое внимание проблеме иммиграции уделяется в Израиле, стране с ярко выраженным неоднородным составом населения. Количество репатриантов, которые придут в Израиль в 2015 году, может быть в несколько раз выше, чем в прошлом: если в прошлом году в Израиль приехало примерно 26.000 человек, то в этом – даже по самым скромным подсчетам – новыми гражданами страны станут 40.000 человек.

В основном профилактические программы, направленные на подготовку населения к экстремальным ситуациям, во всех странах акцентируют внимание на схеме поведения в чрезвычайных ситуациях, последовательности действий и предоставляют координаты для связи с государственными учреждениями, задача которых – оказывать экстренную помощь в ЕС.

Можно выделить ряд проблем в построении профилактических программ, направленных на подготовку к ЕС и распространяемых на иммигрантов:

1. Часто у иммигрантов уже существует сложившееся представление об экстремальных ситуациях. Например, для новых репатриантов из СНГ понятие «катастрофа» сильно отличается от того, которое сложилось в Израиле. Если обратиться к тому, как ВОЗ классифицирует катастро-

фы на территории России¹, то можно увидеть, что для жителя СНГ и России основными экстремальными ситуациями, с которыми он может столкнуться, являются пожар, природные явления (снегопад, проливные дожди, вышедшие из берегов реки, затопление), плохая работа коммунальных служб, аварии на дорогах. Для Израиля же более характерны война, терроризм, пожары, природные катастрофы (цунами и землетрясение).

2. У иммигрантов уже существует динамический стереотип взаимодействия с органами власти в ЕС и поведения в экстремальных ситуациях. По исследованиям Ю.Н. Копыловой и В.А. Дмитриева В.А.², доверие населения к власти – это отношение людей к ней, основанное на уверенности в надежности, компетентности, добросовестности данной власти, в ее способности обеспечить нормальные условия жизни и социальную защищенность граждан. Показатели по этому критерию существенно различаются по странам. Причем доверие к власти входит в менталитет человека и очень трудно поддается корректировке, а именно от него зависит возможность, скорость и эффективность обращения (или не обращения) за помощью в государственные структуры в случае необходимости.

3. Во многих странах существуют структуры, обеспечивающие помощь в ЕС (например, в СНГ – МЧС, в Израиле – פיקוד העורף, служба тыла), их функционал совпадает, но варианты взаимодействия с населением различаются и имеют свои особенности.

4. Обращению в официальные структуры мешает и языковой барьер. Во-первых, существует страх перед звонком или взаимодействием, когда есть вероятность не понять ответа или не найти языковых средств, чтобы объяснить причину обращения. Во-вторых, в экстремальной ситуации человек очень часто начинает говорить путано и неуверенно даже на родном языке. Речь человека, попавшего в экстремальную ситуацию, относится к неофициальному стилю, к речевому жанру разговора или беседы; в большей части она основана на диалоге. Зачастую даже при незначительном отклонении от речевых норм «равновесие» в таком разговоре нарушается, и коммуникативный акт переходит из режима «получение – обмен информацией» в конфликтную зону.

5. Статистики по SB victim (человеческим потерям вследствие неправильного поведения в экстремальных ситуациях и невыполнения предписания служб тыла) не существует. При наличии такой статистики можно было бы проследить социально-демографические характеристики данной группы (пол, возраст, национальную принадлежность, место рождения), что дало бы необходимую информацию о группах риска, на которые в первую очередь необходимо направить обучение и профилактику. Создание база данных SB victim – одна из задач нашего исследования. Ее решение позволит достоверно изучить эффективность профилактических мер, направленных на обучение поведению в ЕС, а в перспективе – скорректировать работу и разработать рекомендации для всех государственных и негосударственных структур, призванных обеспечить безопасность и максимальную подготовку населения к ЕС.

Дифференцированные программы подготовки к ЕС дадут возможность уменьшить количество SB victim и улучшат информационную составляющую подготовки к ЕС. Кроме этого анализ отношения к государственным службам и, при необходимости, коррекция доверия к власти (т.е. нейтрализация прямого переноса отношения к власти из страны исхода в новую страну) сделает адаптацию иммигрантов более эффективной и перспективной.

Таким образом, систему поведения в ЕС и программ подготовки к ЕС можно представить так (рис. 2).

Мы предполагаем, что построение дифференцированных программ подготовки к ЕС с учетом социально-демографических характеристик и особенностей населения (в частности, иммигрантов) повысит уровень информированности и готовности населения к ЕС, а также значительно снизит количество SB victim.

¹ Нечаев Э.А., Фаршатов М.Н. Военная медицина и катастрофы мирного времени. М., 2010 ; Сидоров П.И., Мосягин И.Г., Маруняк С.В. Психология катастроф : учебник для вузов / под ред. П.И. Сидорова. Архангельск, 2007.

² Копылова Ю.Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти : дис. ... канд. псих. наук. М., 2003 ; Дмитриев В.А. Социально-психологические механизмы формирования авторитета институтов власти : дис. ... канд. псих. наук. М., 2008.

Рис. 2. Поведение в ES. Программы подготовки к ES для мигрантов

Мы уверены, что при подготовке профилактических программ необходим учет восприятия, знаний и готовности к экстремальным ситуациям людей с разными социально-демографическими характеристиками и менталитетами. Это будет огромной помощью для государственных структур, занимающихся адаптацией иммигрантов и содействием их безопасности в новых для них условиях жизни.

Штейман (Шахмартова) Ольга Максовна, Хайфский университет. Израиль, Хайфа.

Shteiman (Shahmartova) Olga. Department of Geography, University of Haifa. Israel.
shahmartova@gmail.com

УДК 159.9.072.432

Современные условия правовой социализации российской молодежи

Н.Н. Ярушкин, Н.Н. Сатонина

Modern conditions legal socialisation of the russian youth

N.N. Yarushkin, N.N. Satonina

Аннотация. Обсуждаются особенности правовой социализации и формирования правового сознания современной российской молодежи в сложных условиях международного информационного противоборства. Анализируются объективные и субъективные негативные факторы, способствующие формированию дефектов правового сознания молодежи.

Ключевые слова: молодежь; правовая социализация; правовое сознание; правоприменительное поведение; информационное воздействие; деформация правового сознания.

Abstract. Discusses peculiarities of legal socialization and formation legal consciousness of the modern Russian youth in difficult conditions of international information confrontation. Examines the objective and subjective negative factors contributing to the formation of defects in the legal consciousness of young people.

Key words: youth; legal socialisation; legal consciousness; implementing behavior; information impact; deformation of legal consciousness.

В период динамичных социально-экономических перемен, а также различных внешних противодействий российское общество испытывается на жизнестойкость, которую определяют

не только состояние экономики, но и, в значительной степени, уровень сознания его граждан. Его важной составляющей является уровень правового сознания. В.Л. Васильев полагает, что правосознание – это одна из форм общественного сознания. Его содержание и развитие детерминированы материальными условиями существования общества. Оно отражает общественные отношения, которые регулируются или должны быть урегулированы нормами права¹. Именно от уровня общественного правосознания зависит не только криминальная обстановка в обществе, в том числе уровень коррупции, подрывающей основы экономики, но и само восприятие действительности различными социальными группами, а также их готовность к преодолению возникающих трудностей.

Учитывая значительный и порой горький жизненный опыт старшего поколения, можно с уверенностью ожидать его более стоического поведения в трудный период развития общества. Но современная российская молодежь этого опыта, как правило, не имеет, воспринимает прошлое страны как далекую историю; ее социализация, в том числе правовая, проходила до недавнего времени в условиях определенного социально-экономического подъема и относительной стабильности. В связи с этим кризисные явления в экономике, а также в международных отношениях, затрагивающие интересы каждого россиянина, не могут не отражаться на умонастроении и жизненной позиции молодых людей. Это те объективные факторы, которые влияют на формирование правосознания. Молодежь в данной непростой обстановке должна делать свой жизненный выбор, опираясь не только на авторитет старшего поколения в лице своих родителей, педагогов, руководителей, СМИ, но и на свой личный, пока еще небольшой, жизненный опыт. Этот выбор определяется находящимися еще на стадии формирования ценностными ориентациями, социальными установками, представлениями, убеждениями и т.д., которые составляют содержание сознания молодежи.

Важно также учитывать, что правовая социализация нашей молодежи протекает в условиях разворачивающейся в глобальном масштабе информационной войны, одной из основных задач которой является деформация правового сознания российской молодежи. Для этого используются различные средства: некоторые организации, спонсируемые зарубежными странами; средства массовой информации; информационные, компьютерные технологии. К последним следует отнести, прежде всего, интернет-ресурсы, обладающими уникальными возможностями оказывать избирательное воздействие на представителей любых социальных групп независимо от места их жительства с целью изменения их мировоззренческих позиций. При этом в расчет принимаются как реальные трудности, с которыми сталкивается молодежь: выраженная поляризация населения по уровню доходов, коррупция, безработица, неразвитая социально-культурная инфраструктура, проблема межэтнических отношений, вызванная миграцией населения, – так и искусственно создаваемые трудности в виде поощрения национальной и религиозной нетерпимости и экстремизма. Проведенный нами опрос студенческой молодежи показал, что 14% респондентов сталкивались в Интернете с пропагандой религиозной нетерпимости; 20% – с пропагандой этнической и расовой ненависти; 10% – с пропагандой фашизма. Молодые люди достаточно отчетливо представляют причины появления сайтов с экстремистским содержанием: 13% опрошенных видят их в существовании реальных проблем; 30% – в появлении экстремистски настроенных людей в стране; 40% – во внешних попытках дестабилизировать ситуацию в России. При этом они полагают, что устранение данных негативных тенденций связано, прежде всего, с решением реальных проблем в стране – 33%, с необходимостью вести более активную воспитательную работу в системе образования – 27% и совершенствованием работы средств массовой информации – 10%².

Реальная опасность деформации правового сознания молодежи определяется тем, что процесс его формирования происходит в значительной степени стихийно, в отсутствие необходимого единства в подходах и реальных воспитательных действиях со стороны таких важнейших институтов социализации, как семья, школа, учебные заведения, молодежные организации, СМИ и т.д., на что указывают и результаты опроса. Молодые люди показали недостаточную историческую осведомленность: 95% респондентов не смогли назвать национального героя Украины, способствовавшего ее воссоединению с Россией и никто из опрошенных не смог назвать город, в котором действовала подпольная «Молодая гвардия». В условиях все более проявляющегося предпочтения молодежью электронной информации, зачастую весьма неполной и фрагментар-

¹ Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб., 2005. С. 141.

² Ярушкин Н.Н., Сатонина Н.Н. Информационный экстремизм в Интернете как средство манипулирования сознанием // Самарский научный вестник. 2014. №2(7). С. 143.

ной, такая тенденция может только усиливаться. Компенсировать некоторые ее негативные стороны можно активизацией выше обозначенных традиционных институтов социализации.

В процессе правовой социализации молодежи формируется правовое сознание, которое выступает в качестве регулятора ее социального поведения. Уровень правового сознания определяет разнополярные виды этого поведения. Один из них, по определению М.И. Еникеева, – правоприменительное поведение, т.е. соответствующее правовым и моральным нормам, а другой – отклоняющееся поведение, т.е. не соответствующее этим нормам¹. Конечно, во многом оба вида поведения обусловлены объективными факторами, о которых уже шла речь. Однако социализация происходит в сходных объективных условиях, а ее конечный результат может быть разным. Одной из причин этого являются субъективные факторы, к которым можно отнести индивидуально-психологические качества личности, доминирующие потребности и мотивы, ценностные ориентации, установки и т.д. Именно они в значительной мере, определяют не только правовую и нравственную полярность социального поведения молодежи но и существенные различия в содержании разновидностей правоприменительного поведения: правоисполнительного, правопослушного и законопослушного². Для правоисполнительного поведения характерно стремление личности выстраивать свое поведение в соответствии с усвоенными правовыми и моральными нормами социума даже в том случае, когда это создает для нее определенные проблемы. Правопослушное поведение реализуется не на основе собственных жизненных принципов, а в силу конформности личности, с ориентацией на мнение своего социума. Законопослушное поведение осуществляется под угрозой наказания.

Мы полагаем, что каждому из этих видов правоприменительного поведения соответствует свой симптомокомплекс личностных качеств. Правоисполнительному поведению – симптомокомплекс, включающий такие личностные качества, как высокая нормативность поведения, ответственность, уверенность в себе, социальная смелость; правопослушному – конформизм, тревожность, осторожность, робость, доверчивость, подчиненность; законопослушному – беспринципность, подозрительность, эгоцентричность, избирательность установок по отношению к социальным нормам, склонность к манипулированию.

Проверка данного предположения осложняется отсутствием надежных средств психодиагностики указанных видов правоприменительного поведения, хотя в психологии имеются методики, с помощью которых можно достаточно точно определить склонность личности к девиантному и, соответственно, к правоприменительному поведению в целом.

Однако и в отсутствие этих средств возможно на основе экспертных оценок и объективных показателей выявление данных видов правоприменительного поведения с последующим определением статистически достоверных взаимосвязей их с соответствующими симптомокомплексами. В практическом плане это может способствовать своевременному обнаружению определенной предрасположенности молодого человека к конкретному виду правоприменительного или девиантного поведения для проведения более целенаправленной и эффективной воспитательной работы.

Таким образом, для оптимизация процесса социализации и формирования правового сознания российской молодежи необходим комплексный подход, учитывающий ряд объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на этот процесс, а также предполагающий объединение усилий основных институтов социализации.

Ярушкин Николай Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Yarushkin Nikolay Nikolaevich, doctor of psychology, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
nyarushkin@mail.ru

Сатонина Неля Николаевна, кандидат психологических наук, доцент. Самарский государственный технический университет. Россия, Самара.

Satonina Nelia Nykolaivna, candidate of psychology, associate Professor. Samara State Technical University. Russia, Samara.
nn_satonina@rambler.ru

¹ Еникеев М.И. Юридическая психология. М., 2001. С. 25.

² Там же. С. 25–26.

Этническое и национальное сознание. Этничность и ментальность

УДК 159.923.2-057.875

Изучение этноцентризма в современной студенческой среде

Е.В. Алтухова, А.А. Припадчев

Study the ethnocentrism in the college environment

E.V. Altukhova, A.A. Pripadchev

Аннотация. В данном исследовании представлены результаты изучения феномена этноцентризма. Выявлены степени проявления этноцентризма в молодежной студенческой среде. Сделан вывод, что каждый человек, осознавая собственный этноцентризм, должен стремиться вырабатывать в себе гибкость при взаимодействии с другими людьми. Аргументирована мысль, что умение формировать позитивное отношение к иной культуре на основе уважения языка, комплекса обычаев, традиций, присущих различным этносам, способствует развитию межкультурной компетентности.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межэтнические взаимоотношения, этническая общность, этническая толерантность, этноцентризм.

Abstract. This study presents the results of studying the phenomenon of ethnocentrism. Revealed the expression of ethnocentrism in the youth environment. It is concluded that every person, aware of their own ethnocentrism, should strive to cultivate flexibility when interacting with other people. It argues the idea that the ability to form positive attitudes towards another culture based on the respect for the language, set of customs, traditions, specific to various ethnic groups, contributes to the development of intercultural competence.

Key words: intercultural competence, inter-ethnic relations, ethnic community, ethnic tolerance, ethnocentrism.

В последнее время внимание многих исследователей стали привлекать такие понятия, как «этнический парадокс современности»¹, «этническая толерантность»². По мнению ряда ученых, в современном обществе, затронутом процессами глобализации, этничность, или принадлежность к народу, – это то далекое прошлое, которое можно с любопытством наблюдать сегодня³. Вместе с тем в любом полиэтничном государстве неизбежны постоянные этнические взаимодействия. Исходя из этого, этничность становится актуальной, если окажется средством для достижения определенной цели. Важной причиной нарушения, искажения, неадекватной оценки этничности, а следовательно, и межэтнических взаимоотношений, взаимодействий является этноцентризм.

Понятие «этноцентризм» ввел в научный оборот австрийский социолог И. Гумплович в 1883 г., а социально-психологическую характеристику данного феномена предложил американский антрополог У.Г. Самнер в 1906 г.⁴. Этноцентризм – механизм этнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать все явления сквозь призму традиций и норм

¹ Аполлонов И.А. Толерантность как проблема личностного бытия в контексте этнического парадокса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. 2013. №5. С. 5–11.

² Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2002. С. 10–34 ; Юдакина С.И. Формирование толерантности обучающихся как ценности личности в условиях диалога культур // Высшее образование сегодня. 2011. №7. С. 75–80.

³ Дугин А.Г. Этносоциология. М., 2011 ; Султанова Ж.В. Этноцентризм в современном мире: истоки, сущность, практики : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2005.

⁴ Пашукова Т.И. Этноцентризм в межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. №563. С. 51.

собственной этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона¹. Л.Г. Почебут полагает, что это явление в ситуации внешней угрозы – терроризма – у населения проявляется наиболее ярко. В современном мире, где масштабы глобализации принимают всеобъемлющий характер, необходимость изучения этноцентризма как фактора межэтнического взаимодействия не вызывает сомнений. Причины межэтнических конфликтов различны, но в их основе лежит несходство в психологии людей, принадлежащих к разным этносам. Поскольку Российская Федерация является полиэтническим государством, то тема этноцентризма в нашей стране имеет особое значение².

Заинтересовавшись данной темой, мы поставили перед собой цель – изучить проявления этноцентризма в студенческой среде Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I. В нашем исследовании применялась методика измерения этноцентризма, разработанная М. Г. Стадниковым и представленная в адаптированном виде в учебном пособии Л.Г. Почебут³. Автор методики использовал идеи Т. Адорно, теорию социальной идентичности Г. Тэджфела и теорию социальной категоризации Д. Тернера. На основе анализа научных, литературных и газетных текстов, интервью с представителями разных национальностей он разработал инструментарий, позволяющий определить уровень этноцентризма личности.

Используемый в данном исследовании вариант методики направлен на выявление степени этноцентризма русских⁴. Согласно инструкции, респонденты получали по два опросных листа. В них предлагались утверждения, из которых необходимо было выбрать те, с которыми они были согласны, и определить степень своего согласия в соответствии с предложенной шкалой: «полностью согласен», «согласен», «трудно сказать», «не согласен», «совершенно не согласен». Ответы оценивались в баллах (5, 4, 3, 2, 1 соответственно). В бланке 2 суждения «Я могу дружить с людьми из любых национальных культур» и «Я очень интересуюсь ценностями и обычаями других этнических (национальных) культур» имеют обратные значения, следовательно, ответ «полностью согласен» оценивается в 1 балл, а ответ «совершенно не согласен» – в 5 баллов⁵. О высоком уровне этноцентризма свидетельствовали показатели от 75 баллов, о среднем – от 35 до 74 баллов, о низком – показатель 35 и менее баллов.

В исследовании принимали участие студенты 1 курса дневного отделения факультета бухгалтерского учета и финансов Воронежского государственного аграрного университета в возрасте от 17 до 19 лет. Всего было опрошено 52 студента. На основе обработки опросных листов была выявлена степень этноцентризма студентов.

В анкета 1 ответы распределились следующим образом: 7 свидетельствовали о высоком показателе этноцентризма, 9 – о среднем, 4 – о низком. В анкете 2 о высоком показателе этноцентризма говорил 1 ответ, о среднем – 5 и о низком – 11. В целом результаты опроса свидетельствовали о том, что практически все студенты в той или иной степени этноцентричны.

В 1976 г. М. Бруэр и Д. Кэмпбелл провели исследование 30 этнических общностей в трех странах восточной Африки. Они обратили внимание на то, что представители различных этнических общностей имели более благожелательное отношение к собственной группе, нежели к чужим. Можно сделать вывод, что этноцентризм неизбежен и вызван к жизни объективными условиями существования этносов. Он выполняет функцию поддержания этнической идентичности и выражения культурных ценностей; стимулирует и усиливает патриотизм, сплачивает этносоциальную общность.

Очевидно, что сам по себе этноцентризм ни плох, ни хорош. Однако он может послужить причиной межэтнической конфронтации. Зачастую термин «этноцентризм» употребляют с негативным оттенком.

Степень выраженности этноцентризма как социального явления постоянно варьируется⁶. Мы согласны с утверждением, что этноцентризм изначально не несет в себе критичного, а тем более враждебного отношения к другим группам и может сочетаться с терпимостью к межгруп-

¹ Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология : учеб. пособие. СПб., 2012. С. 162.

² Малахов В.С. Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис. 2006. №3 (7). С. 144–159 ; Хамутаев В. Национальный вопрос и этноцентризм: к проблеме устойчивого этносоциального развития народов // Власть. 2009. №2. С. 69–71.

³ Почебут Л.Г. Указ. соч. С. 208–212.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 146.

повым различиям. Такой этноцентризм называют гибким¹. В противоположность ему воинственный, или негибкий, этноцентризм² предполагает ненависть к другим группам, а также санкционирует захват и угнетение других этносов.

На наш взгляд, современное поколение студентов должно стремиться к развитию гибкого этноцентризма, т.е. есть рассматривать что-либо «чужое» с разных точек зрения. Вместе с тем это не означает, что чужую точку зрения необходимо принимать или одобрять, достаточно ее понять. Истоки же негибкого этноцентризма необходимо искоренять, так как он может порождать насилие и террор³. Поэтому каждый человек должен стремиться вырабатывать в себе гибкость при взаимодействии с другими людьми.

Умение формировать позитивное отношение к иной культуре на основе уважения языка, комплекса обычаев, традиций, присущих различным этносам, способствует развитию межкультурной компетентности, которая является важным компонентом процесса межэтнического взаимодействия. Межкультурная компетентность – это основанная на знаниях, умениях и опыте межкультурного общения способность осуществлять межкультурную коммуникацию в стиле сотрудничества, соответственно. Она подразумевает свои ценности, а также индивидуальные личностные характеристики: открытость, толерантность, эмпатию, взаимопонимание, гибкость мышления⁴. Можно сделать вывод, что межкультурная компетентность представляет собой совокупность знаний, навыков и умений, при помощи которых индивид может успешно общаться с партнерами из других культур как на бытовом, так и на профессиональном уровнях.

Межкультурная компетентность сегодня рассматривается как инструмент достижения успеха в межкультурном взаимодействии и определяется посредством детальной характеристики продуктивности международного сотрудничества. Среди критериев эффективности межкультурного взаимодействия и владения основами межкультурной компетентности выделяются: успешное выполнение своих профессиональных задач в чужой среде; способность к конструктивному общению, включающая хорошее знание языка; гармоничные социальные отношения между гостем и представителями принимающей стороны; отсутствие стрессовых симптомов; идентификация с инокультурным обществом. В наше время межкультурная компетентность становится необходимой для деятельности в разных областях. Соответствующие навыки и умения нужны для работы или учебы за рубежом, для эффективного взаимодействия в мультикультурном коллективе. Помочь в этом могут программы по развитию межкультурной компетентности.

В Воронежском государственном аграрном университете имени императора Петра I учатся представители разных этнических общностей, поэтому в студенческой среде может возникнуть проблема проявления этноцентризма. Полагаем, что некоторые сформулированные в нашем исследовании выводы можно попытаться применить в учебно-воспитательном процессе с целью формирования гибкого этноцентризма и этнорелятивизма будущих поколений.

Алтухова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общеправовых гуманитарных дисциплин гуманитарно-правового факультета. Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I. Россия, Воронеж.

Altukhova Elena Vladimirovna., associate professor of an obshchpravovyykha of humanitarian disciplines of humanitarian and legal faculty. Voronezh state agricultural university of a name of the emperor Peter I. Russia, Voronezh.

Elena_altuhova7@mail.ru

Припадчев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент. Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I. Россия, Воронеж.

Pripadchev AndreyAleksandrovich, associate professor, candidate of historical sciences. Voronezh state agricultural university of a name of the emperor Peter I. Russia, Voronezh.

senior.pripadcheff@yandex.ru

¹ Копытько С.В. Студенты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона в российских вузах: проблемы педагогической коммуникации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. №2. С. 31–38.

² Стефаненко Т. Г. Указ. соч. С. 146, 147.

³ Матчанова З.Ш. Психологические факторы распространения терроризма в современной России // Образование и право. 2013. №9. С. 129–135.

⁴ Новикова Л.А. Развитие межкультурной компетентности студентов педагогического университета на основе использования телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2007.

**Исследование этнической идентичности
и ее структурных компонентов
у русской и армянской студенческой молодежи**

Э.С. Берберян

**Study of russian and armenian students' ethnic identity
and its structural components**

H.S. Berberyan

Статья подготовлена при поддержке ГКН МОН РА в рамках научного проекта № SCS. Шифр 13RF-013 – «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)».

Аннотация. Целью работы является исследование этнической идентичности и ее компонентов у русской и армянской студенческой молодежи. Этнические армяне и этнические русские находятся в непрерывном взаимодействии как на территории РА, так и на территории РФ, что является залогом позитивных этнических аттитюдов у обеих групп, толерантности к другим этносам, сплоченности. Данное взаимодействие обогащает представителей обоих этносов на нормативно-ценностном уровне.

Ключевые слова: этническая идентичность; структурные компоненты; нормативно-ценностный уровень.

Abstract. The aim is to study ethnic identity and its components of Russian and Armenian students. Ethnic Armenians and ethnic Russian are in continuous interaction on the territory of the Republic of Armenia and the Russian Federation, that is the key to positive ethnic attitudes, tolerance to other ethnic groups, solidarity in both groups. This enriches the interaction of both ethnic groups in the standard-value level.

Key words: ethnic identity; structural components; standard-value level.

Этническая идентичность представляет собой процесс интеграции и дистрибуции идентификационных оснований и обусловлена подсознательным стремлением к единству с окружающим миром путем интеграции в культурно-символическую сферу. Осмысление этнической идентичности чрезвычайно важно для организации процесса межкультурной коммуникации, понимания системы ценностей, усваиваемых в рамках конкретного этноса, является базой для конструктивного диалога.

Культурная самобытность этноса, преломляясь в национально-этническом сознании индивида, предполагает самоидентификацию человека с определенным этносом, его историческим прошлым. Самопонимание субъектом своей этнической идентичности во многом зависит от бытия индивида в моно- или полиэтнической среде, принадлежности к социальной группе титульного этноса или диаспоры.

Современные образовательные интеграционные процессы обуславливают интенсивное межкультурное взаимодействие между субъектами образовательного процесса, влияют на формирование этнопсихологической компетентности и этнокультурной идентичности.

Целью работы является исследование этнической идентичности и ее компонентов у русской и армянской студенческой молодежи.

Личностная идентичность в контексте социальных форм личностного бытия связана с обретением свободы и самобытности. Данная проблема получила отражение в исследованиях личностной самоидентичности в социологии (теории интеракционизма Д. Мида, Ч. Кули); в психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг и др.), в русле которого Э. Эриксон ввел в психологию понятие идентичности и ее разновидностей – индивидуальной и коллективной¹.

Этническую идентичность и ее структурные компоненты изучали как отечественные, так и зарубежные авторы: Дж. Берри, М. Плизент, Д. Тейлор, Г. Тэджфел, Дж. Марсиа, Ю. В. Арутю-

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М., 2006.

нян, Ю.П. Платонов, Л.М. Дробижева, Б.Д. Парыгин, Л.Г. Почебут, Г.У. Солдатова-Кцолева, В.Ю. Хотинец, Н. М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, Е.М. Калмыкова и др.¹

Изучение этнической идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре чрезвычайно актуально в современных исследованиях в этнопсихологии. Оно дает возможность рассмотреть социально-культурную дистанцию этнических групп, процессы аккультурации, трансформации этнической идентичности в моно- и биполярной этнической среде.

В новейших кросскультурных исследованиях этнической молодежи армянской и русской национальности, представителей титульного этноса и сопряженной диаспоры, анализировался широкий круг проблем: компоненты этнической идентичности, явления ассимиляции, аккультурации, этническое самосознание, суверенность психологического пространства у этнических армян и этнических русских РА и РФ².

В структуре этнической идентичности Т.Г. Стефаненко выделяет два базовых компонента: когнитивный, куда включены знания об этнической группе, и аффективный, выражающий оценку своей принадлежности к этнической группе. Составными элементами когнитивного компонента являются этническая осведомленность и этническое самоназвание. Они позволяют личности отделять свою этническую группу от других, быть осведомленным о базовых характеристиках, составляющих нормативно-ценностный базис данной этнической группы. Аффективный компонент этнической идентичности раскрывается в этнических аттитюдах. В зависимости от наличия позитивной либо негативной этнической идентичности личность положительно либо негативно оценивает свою этническую принадлежность.

Л.М. Дробижева к двум названным компонентам добавляет третий – поведенческий, который характеризует поведение личности в качестве представителя этнической группы, т.е. «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях»³.

Развитие компонентов идентичности происходит на индивидуальном уровне, ценностно-смысловые особенности влияют на статус идентичности и ее характеристики.

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко в качестве характеристик этнической идентичности рассматривают определенность и валентность. Первая характеристика выражает степень осознания своей этнической идентичности, вторая определяет позитивное либо негативное отношение к своей этнической идентичности, этносу.

Этническая идентичность осознается по-разному в зависимости от пребывания в моно- или поликультурной, гетеро- или гомогенной среде. Предполагается, что она осознается более четко, если личность проживает в полиэтнической среде, что увеличивает возможности узнавания других этнических групп.

Если личность относится к группе меньшинства в полиэтнической среде, возникает необходимость наиболее раннего осознания своей этнической идентичности. Знания приобретаются от представителей своей группы, от представителей других групп, формирующих полиэтническую среду. Как результат у личности может формироваться идентификация со своей группой (в меньшинстве) либо с доминантной группой (в большинстве), что определяется как измененная, или ложная, идентичность.

Дж. Берри с соавторами была предложена модель этнической идентичности, основанная на идентификациях индивида с двумя общностями, представленных в разных соотношениях. В рамках данной модели выделяют четыре варианта этнической идентичности: 1) моноэтническая идентичность со своей этнической группой; 2) биетническая идентичность; 3) моноэтническая идентичность с чужой этнической группой; 4) маргинальная этническая идентичность.

1. Первый вариант является наиболее частым. Идентификация с представителями собственного этноса может быть как положительной, так и негативной. В первом случае предпола-

¹ См.: Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методы этнической и кросскультурной психологии : учебно-методич. пособие. М., 2011 ; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2009 ; Хотинец Ю.В. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопросы психологии. 1998. №3. С. 31-42 ; Berry J.N. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46(1). P. 5–68.

² Берберян А.С. Исследование самопонимания этнокультурной идентичности российской и армянской молодежи // Социосфера. 2013. №4. С. 78–83 ; Варданян М.А. Психологические особенности этнического самосознания армянской молодежи в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004 ; Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности. Ереван, 1988.

³ Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России... ; Стефаненко Т.Г. Указ. соч.

гается сочетание позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам.

2. Биэтническая идентичность – это идентификация сразу с двумя этническими группами. Идентичность такого типа, безусловно, обладает преимуществами, так как ее представители являются носителями ценностно-нормативных качеств обеих культур. Осознание и принятие своей принадлежности к двум этническим группам положительно влияет на личностный рост, на самореализацию. Н.Н. Берберова, армянка по отцу и русская по матери, так характеризуют свою идентичность: «Я давно уже не чувствую себя состоящей из двух половинок, я физически ощущаю, как по мне проходит не разрез, но шов. Что я сама есть шов. Что этим швом, пока я жива, что-то сошлось во мне, что-то спаялось, что я-то и есть в природе один из примеров спайки, соединения, слияния, гармонизации, что я живу недаром, но есть смысл в том, что я такая, какая есть: один из феноменов синтеза в мире антитез»¹. Биэтническая идентичность – это оптимальный вариант взаимодействия двух культур.

3. Моноэтническая идентичность с чужой группой, возможно, в случае большей ее привлекательности для индивида, предопределяет формирование у него ложной, или измененной, идентичности.

4. В случае маргинальной идентичности индивиды балансируют между двумя культурами, не относя себя ни к одной из них.

Представления о типичных чертах представителей определенной национальности, в том числе и своей, обобщенно включаются в автостереотипы (представления о собственном народе) и гетеростереотипы (оценочные суждения о другом народе).

Для изучения стереотипов об армянах и русских среди молодежи Армении А.С. Берберян был проведен опрос, в рамках которого респондентам предлагалось выделить основные характеристики, присущие: а) армянам; б) русским. Примечательным оказался тот факт, что в обоих случаях студенты выделяли положительные качества, т.е. наличествовал позитивный этнический аттитюд, сопряженный с позитивным восприятием представителей другой национальности. В качестве характерных черт армян называли (по частоте употребления): заботливость, терпимость, общительность, доброжелательность, зависимость. В качестве наиболее присущих русским качеств выделяли: открытость, оптимизм, коммуникабельность, радушие, дружелюбие.

Для исследования признаков этнической самоидентификации нами было проведено исследование со студентами Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван, РА). Количество участников исследования – 61 человек. Испытуемые были разделены на две группы: 1) этнические армяне (31 человек), 2) этнические русские (30 человек). Результаты опроса на осознание этнической принадлежности, где респонденты описывали свое генеалогическое древо, послужили основанием для подтверждения верности деления по этническому признаку. Исследование было проведено с использованием следующих методик: 1) тест двадцати ответов М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?»; 2) опросник на осознание этнической принадлежности; 3) опросник на выявление признаков этнической самоидентификации; 4) опросник «Этнический фактор в моей жизни»; 5) методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой².

1. По результатам методики «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда выявлено следующее:

1) у этнических русских при описании себя в 41% случаев превалирует Я-социальное, у 39% отмечается преобладание Я-рефлексивного и у 20% – Я-перспективного; таким образом, наиболее выражены социальное Я и коммуникативное Я. При ответе на вопрос «Кто Я?» в социальном Я преобладает использование семейных принадлежностей и учебно-профессиональной позиции, в коммуникативном Я – персональная идентичность;

2) у 54,3% этнических армян в самоописании доминирует характеристика качеств, относящихся к Я-социальному, у 37,5% превалирует Я-рефлексивное и у 8,2% – Я-коммуникативное, таким образом, ярче выражены социальное Я и перспективное Я. В социальном Я преобладает использование семейных принадлежностей и учебно-профессиональной позиции, в перспективном Я – преобладают семейные, профессиональные и материальные перспективы.

2. Анализа опросника на осознание этнической принадлежности как у этнических армян, так и у этнических русских показал тенденцию причислять себя к национальности, к которой они относятся ввиду своей генетической принадлежности. Результаты ответов на вопрос «Какую национальность Вы бы предпочли?» отражены в таблице 1.

¹ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996.

² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Результаты осознания своей этнической принадлежности респондентами

Какую национальность Вы бы выбрали?	Этнические армяне	Этнические русские
Свою	70%	55%
Конкретную другую национальность	10%	23%
Другой вариант	30%	22%

3. Опросник на выявление признаков этнической самоидентификации показал следующие особенности ответов этнических армян и этнических русских:

1) отвечая на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?», этнические русские выделяли как доминирующие факторы язык (29%); историю, культуру (28%); этнические армяне чаще называли менталитет (46%), историю, культуру (31%), религию (7%);

2) в ответах на вопрос «Как Вы думаете, по каким признакам может определяться национальность человека?» 29% этнических русских отметили язык, 28% – этническое происхождение (28%) и 15% – характерное поведение отметили 15%; в ответах на данный вопрос этнических армян сложилась несколько иная картина: 38% опрошенных выделили как определяющий фактор этническое происхождение, 23% – темперамент, эмоции, 23% – язык и 7% – религию.

4. По результатам опросника «Этнический фактор в моей жизни» у этнических армян и этнических русских, проживающих на территории РА, были отмечены характерные особенности, которые отражены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты исследования респондентов по опроснику «Этнический фактор в моей жизни»

Этнический фактор в моей жизни	Этнические русские	Этнические армяне
Моя национальность и национальность окружающих не значима	30,50%	11%
Никогда не забываю о своей национальности	47,50%	38%
Помню о национальности в определенных ситуациях	22%	51%

5. По методике «Типы этнической идентичности» были получены следующие результаты: 1) у 85,7% этнических русских преобладает позитивная этническая идентичность, что служит позитивной предпосылкой для существования в реальности армянского этноса; 2) у этнических армян в большинстве случаев (у 63% респондентов) также преобладает позитивная этническая идентичность, но имеются случаи этнической индифферентности, этнофанатизма.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) у этнических армян и русских, проживающих на территории РА, в большинстве случаев преобладает позитивная этническая идентичность (у 74% респондентов), 2) у 47,5% этнических русских ввиду проживания в иной этнической среде повышается значимость своей национальной принадлежности (вариант «Никогда не забываю о своей национальности»), 3) этноинтегрирующими качествами для этнических армян являются менталитет, история и культура, для русских – язык, история и культура.

Аналогичное исследование было проведено нами с этническими армянами и русскими, проживающими в РФ. Этнические армяне в большинстве случаев (87%) идентифицируют себя с представителями армянского этноса. В то же время у 45% наблюдалась тенденция отмечать русскую национальность как свою вторую национальность. Среди качеств, роднящих с людьми той же национальности, называются следующие: вера, исторический контекст, язык и др. Этнические армяне, проживающие в РФ, в большинстве случаев не связывают перспективу дальнейшей жизни с РА. Респонденты приводят множество объяснений этого факта, среди которых преобладают материальные причины и невозможность самореализации в РА.

Этнические армяне и этнические русские находятся в непрерывном взаимодействии как на территории РА, так и на территории РФ, что у обеих групп является залогом позитивных этнических аттитудов, толерантности к другим этносам, сплоченности. Данное взаимодействие обогащает представителей обоих этносов на нормативно-ценностном уровне, делая их носителями обеих культур.

Берберян Эрмине Самвеловна, магистрант 2 курса. Кафедра психологии. Российско-Армянский (Славянский) университет. Армения, г. Ереван.

Berberyana Hermine Samvelovna, master 2nd course. Department of Psychology. Russian-Armenian (Slavonic) University. Armenia, Yerevan.
hermpsy@mail.ru

УДК 159.922.4–057+378.1+316.6

Методические возможности исследования этнической идентичности

Р. Габриелян

Methods study of ethnic identity

R. Gabrielyan

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования степени этнической принадлежности индивида к своему народу. Предполагается, что позитивные чувства индивида, связанные с этнической идентичностью, доминантны, а также что индивид в высокой степени ощущает себя представителем своего народа. Согласно результатам, большее число респондентов ощущает себя представителем данного народа.

Ключевые слова: этническая идентичность; методы исследования; студенческая молодежь.

Abstract. In the article research degree ethnicity of the individual to his people. It is assumed that the positive feelings of the individual associated with the dominant ethnic identity, and that the individual is highly feels representative of his people. According to the results, a larger number of respondents feels representative of the people.

Key words: ethnic identity; research methods; students.

Проблема этнической идентичности находится на стыке интересов социологии, культурологии, истории, психологии личности, когнитивной психологии, социальной психологии. За последние годы она нашла свое место в психологии познания. Человеку важно ощущать себя частью «мы», и этнос не является единственной группой, в осознании принадлежности к которой человек находит опору. К таким группам можно отнести неформальные объединения молодежи, партии, профессиональные объединения, церковные организации и т.п.

Цель нашего исследования – изучение степени этнической принадлежности индивида к своему народу. Мы выдвигаем гипотезу, что позитивные чувства индивида, связанные с этнической идентичностью (гордость, спокойная уверенность) доминантны, а также что индивид в высокой степени ощущает себя представителем своего народа.

Этническая группа – межпоколенная группа, которая устойчива во времени и для которой характерна стабильность ее состава. Каждый человек имеет в ней устойчивый этнический статус, и его невозможно «исключить» из этноса. Благодаря этому этнос является надежной для индивида группой.

Этническая идентичность – это восприятие, осознание, переживание, эмоциональное оценивание своей принадлежности к этнической общности. Наилучшим образом смысл этого понятия отражается в термине «переживание». Имеется в виду переживание индивидом отношений своего «Я» и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и в то же время отделения от остальных общностей, самоопределения в социальном пространстве относительно других этносов¹.

К определению этнической принадлежности относятся две категории; «этническая идентичность» и «этничность». Важно различать их по определенным объективным признакам: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре. Если этничность – аскриптивная характеристика (она приписывается обществом), то этническая идентичность достигается самим индивидом вместе с конструированием социальной реальности на базе этничности, но не сводится к ней.

В структуре этнической идентичности, как правило, выделяют два основных компонента: когнитивный, включающий этническую осведомленность (субъективные представления и объек-

¹ Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб., 2000 ; Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 97–104.

тивные знания об этнических группах, их традициях, различиях между ними) и этническую самоидентификацию (применение этнических «ярлыков» – этнонимов). Эмоционально-оценочный компонент – это анализ свойств собственной группы, принадлежность к членству, а также значимость этого членства для человека. Отношение к своей этнической общности выражается в этнических аттитюдах, с чем согласны почти все исследователи этнической идентичности¹.

Однако согласие исследователей на этом заканчивается, и возникают многочисленные проблемы, в том числе методического характера. К примеру, выделяется поведенческий компонент этнической идентичности, под которым понимают механизм осознания и проявления себя членом определенного этноса, включенность в его социальную жизнь. В качестве показателя сформированной этнической идентичности достаточно часто рассматривается вовлеченность в культурную и социальную практику этнической группы. Однако сегодня отношение между этнической вовлеченностью и этнической идентичностью остается спорным вопросом. Так, результаты многих исследований показали, что эти два измерения независимы друг от друга². Установки на этническую культуру и ее определенные элементы как образцы могут не коррелировать с реальной в нее вовлеченностью. Кроме того, степень демонстрации вовлеченности в жизнь группы может значительно превосходить степень глубинной идентификации с ней. Однако идентичность современного человека не всегда предполагает его взаимодействие с группой, где индивид является «своим», она может представляться символическим присвоением этнодифференцирующих признаков.

Необходимо помнить, что структура и феноменология этнической идентичности зависят от места и времени их изучения, иначе говоря, анализируя их, необходимо учитывать такие важные переменные, как история и культура. С культурно-исторической позиции поведение человека не стоит рассматривать как необходимую составляющую «современной» этнической идентичности, хотя в традиционном обществе вовлеченность человека в культурную практику и социальную жизнь являлась важной составляющей формирования и функционирования его этнической идентичности. Более того, беспроблемность социальной и этнической идентичности достигалась именно вовлеченностью каждого индивида в жизнь общности и постоянной подтверждаемостью принадлежности к ней социально важным взаимодействием³. Это происходило потому, что основную заботу о построении этнической (так и другой) социальной реальности на себя брало общество, которое вовлекало индивидов в культурную практику. В наше время немалую активность вынужден проявлять отдельный индивид. Современные этнические общности не имеют непререкаемых традиций и стабильной картины мира, многие элементы их культуры (хозяйственная деятельность, пища, жилище, искусство) интернализируются. Этности в определенной степени оказываются оторванными от традиций, а поведение предков не воспринимается членами группы как эталон.

Сравнительно более широкий спектр активности (бессознательная психологическая защита, целенаправленное когнитивное преодоление негативной этнической идентичности) наблюдается у представителей этнических меньшинств, в ситуации социальных изменений.

Представим обзор методов изучения этнической идентичности. Отметим, что здесь, как и в эмпирических исследованиях идентичности, существуют некоторые проблемы, которые сегодня не получили однозначного разрешения.

Во-первых, отсутствие в психологии четкого определения самого понятия идентичности привело к тому, что она исследуется при помощи различных методик – от свободных самоописаний до клинических личностных тестов.

Во-вторых, есть некоторые специфические сложности изучения этнической идентичности. При обращении исследователя к данному предмету в качестве центральной методической проблемы появляется необходимость определить, на каком уровне он будет рассматриваться. Очевидно, что выбор определенного уровня изучения задает и выбор конкретной методической базы.

В-третьих, трудности методического освоения проблемы идентичности связаны с ее междисциплинарностью. Категория идентичности применяется как психологами, так и историками, философами, социологами и даже специалистами в области IT-технологий. На предметном поле этнической идентичности перекрещиваются методические подходы психологии, социологии, эт-

¹ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. №1. С. 131-143 ; Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. №4. С. 75–86.

² Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Указ. соч.

³ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.

нографии. Таким образом, перед исследователем встает задача соотнесения методов разных наук, что требует от него методической рефлексии: определения целей и задач исследования, знания ограничений и возможностей при применении конкретной методики, возможности соотнести ее содержание с выбранной теоретической концепцией и т.д.

Сегодня при исследовании этнической идентичности, также как других разновидностей идентичности, используются следующие типы методических средств:

1) опросники, в том числе и шкальные, которые изучают структуру идентичности, ее основные компоненты и т.д.;

2) широко применяемые методики самоописания, например тест «Двадцати высказываний» М. Куна и Т. Макпартлэнда;

3) полуструктурированное интервью, которое базируется на определенной теоретической модели идентичности и анализируется при помощи сетки категорий контент-анализа, соответствующей ей;

4) психосемантические методы, которые все активнее применяются исследователями идентичности личности.

Можно заметить, что все перечисленные виды методического инструментария исследования идентичности (социальной, личностной и этнической) фактически совпадают с методами изучения Я-концепции. Несмотря на очевидные различия во взглядах на проблему соотношения понятий «Я» и идентичность, на уровне определенного эмпирического исследования они стираются: так, самоописания в терминах социальных ролей, которые получены при помощи методики «Кто Я?», могут интерпретироваться и как характерные черты Я-концепции, и как компоненты социальной идентичности.

Такую методическую неопределенность при изучении идентичности исследователи обычно преодолевают через сочетание различных видов инструментария. Например, одновременно могут использоваться семантический дифференциал и методы свободного самоописания, полуструктурированные интервью и шкальные опросники, репертуарные решетки Келли и методика «Кто Я?».

Тест «Кто Я?» основан на учении о Я-концепции М. Куна. Его теоретической базой являются концепции ролевого поведения и социальных ролей, в рамках которых определяется метод самовосприятия человека как их носителя. Однако личности свойственно рефлексировать свои психологические характеристики, свое место как в социальном мире, так и в мире в целом. По этой причине методика охватывает как ролевые аспекты, так и все области представлений человека о своей личности и ее ядре – «Я». Сравнительно часто для анализа ответов испытуемых применяются такие категории группировок, как тип родства, группы принадлежности, интерперсональный стиль, основные занятия, черты характера, устремления и др. Теоретически предполагается, что, если испытуемый оперирует идеальными представлениями о себе, он дает не меньше информации об особенностях своего самовосприятия, так как представления о том, каким человек хочет казаться, дают важные данные о его личности¹.

Таким образом, данный тест направлен на изучение содержательных качеств идентичности личности. Задаваемый вопрос «Кто Я?» непосредственно связан с тем, как индивид воспринимает самого себя, а именно свой образ – Я или Я-концепцию.

С использованием перечисленных методов было проведено исследование степени выраженности этнической идентичности. В нем приняло участие 11 студентов.

Для оценки эмоциональной составляющей этнической идентичности широко применяются шкальные методики, одной из которых является шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева). Эта шкала используется вместе с большим количеством тестов, когда, например, в полевых условиях нужно оценить немалое количество параметров, но при этом нет возможности тратить время на работу с каждым респондентом. Она также применяется для экспресс-диагностики результатов тренинга межкультурного взаимодействия, если тренинг предполагает повышение позитивности этнической идентичности.

На вопрос «Какие чувства вызывает у вас принадлежность к своему народу?» ответ «гордость» дали 5 человек (45,5%), т.е. у них показатель выше нормы, ответ «спокойную уверенность» – также 5 человек – (45,5%), «никаких чувств» – 1 человек (9,09%), «обида» – 0, «ущемленность, униженность» – 0.

¹ Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика

Среднеарифметический аффективный компонент у студентов равен 4,36 (максимальный балл здесь 5). Таким образом, эта шкала дала возможность быстро оценить выраженность этнической идентичности у индивида. Отвечая на вопрос, респондент должен оценить, насколько он ощущает себя представителем данного народа.

Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности состоит из двух шкал, каждая из которых включает четыре вопроса¹. По первой шкале определяется эмоциональный компонент этнической идентичности, а именно ее валентность (эмоциональная окрашенность), а также степень позитивности этнической идентичности. Вторая шкала оценивает, насколько ясно испытуемый ощущает себя представителем своего народа. Вопросы, которые составляют данную шкалу, направлены на оценку уровня неопределенности этнической идентичности респондента. При обработке результатов подсчитывают среднее значение данных, полученных по двум шкалам. Шкалы содержат прямые и обратные вопросы. Последние перед обработкой подлежат перекодировке.

В результате обработки данных по показателям шкалы «Позитивность этнической идентичности» выяснилось, что у всех респондентов позитивное отношение к своему этносу и высокая степень позитивности этнической идентичности (100%). Среднеарифметический показатель равен 4,48 (максимальный балл здесь 5).

Обработка данных, полученных по показателям шкалы «Чувство неопределенности этнической идентичности», обнаружила, что 6 студентов (54,54%) ясно ощущают себя представителем своего народа и имеют низкий уровень неопределенности в принадлежности к своему этносу. Средний уровень проявился у 5 студентов (45,45%). Высокий уровень неопределенности в принадлежности к своему этносу отмечен не был. Среднеарифметический показатель – 1,64 (максимальный балл здесь 5).

Таким образом, чувство принадлежности к своему народу заметно доминирует над чувством неопределенности своей этнической идентичности.

Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева)² построена по принципу шкал Лайкерта. Заполняя анкету, респондент обязан отметить свою национальность, а также оценить, насколько он воспринимает себя представителем своего народа. Ответы на вопрос «В какой степени ощущаете себя представителем своего народа?» распределились следующим образом: что «совсем не ощущаю» – 0% респондентов; «ощущаю, но очень слабо» – 0%; «иногда ощущаю, а иногда нет» – 5 человек (45,45 %); «почти всегда ощущаю» – 4 человек (36,36%); «в полной мере ощущаю» – 2 респондента (18,18%). Таким образом, высокая степень выраженности этнической идентичности отмечается только у 2 студентов, а низкая не отмечалась. Среднеарифметический показатель равен 3,73 (максимальный балл здесь 5).

Наконец, согласно результатам опросника «Этнический фактор в моей жизни», 6 человек (54,54%) никогда не забывают о своей национальности, 4 человека (36,36%) помнят о своей национальности в определенных ситуациях. Только для одного из испытуемых не имеет значения его национальность и национальность окружающих.

Таким образом, согласно результатам исследования, большее число респондентов ощущает себя представителем данного народа.

Габриелян Рузанна, соискатель первого года обучения. Кафедра психологии. Российско-Армянский (Славянский) университет. Армения, г. Ереван.

Gabrielyan Ruzanna, competitor of the first year of training, Department of Psychology. Russian-Armenian (Slavonic) University. Armenia, Yerevan.

Ruzana-yan@mail.ru

¹ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности. М., 2004.

² Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М., 2011.

**Психологические основания лингвистического изучения эвфемии
в аспекте общего и особенного**

Е.Г. Коромысленко

**Psychological bases of linguistic studying of an evfemiya
in aspect of the general and special**

E.G. Koromyslenko

Аннотация. Явление эвфемии, эвфемизации речи предстаёт одним из путей преодоления запрета на обсуждение тех или иных тем в обществе, связанного с табуизацией речи. В статье показано, что накопленный в теории эвфемии материал актуализирует проблему изучения эвфемизмов русского дискурса.

Ключевые слова: эвфемизмы, табу, ментальность, полисемия.

Abstract: Euphemy phenomenon, euphemism speech appears one solution to circumvent the prohibition to the pronunciation of certain topics in the community related to speech speak about it. The article shows that the accumulated in euphemic theory material dictates the urgent problem of studying euphemisms of Russian discourse.

Key words: euphemy, tabu, mentality, polysemy.

В предложенной Г.В. Акоповым двухфакторной модели порождения и функционирования сознания в качестве этих факторов называются контакт (коммуникация, общение) и свобода (творчество, созидание)¹. При этом учёный характеризует ментальность как междисциплинарное понятие, которое в каждой из использующих его предметных областей (история, филология, социология, лингвистика и т. д.) может иметь свою специфику, явно выраженную или дискурсивно обозначенную в соответствующих работах².

Таким образом, изучение ментальности русского народа значимо для русистики. Современные исследования сознания отечественными учёными определили новые точки роста. Полагаем, что такой точкой роста является изучение национальной специфики русской табуизации и эвфемизации. Очевидно, что явление эвфемии, эвфемизации речи предстаёт одним из путей преодоления запрета на произнесению тех или иных слов. И в этом смысле можно говорить, что эвфемия – своего рода языковая универсалия³.

Предметом настоящего исследование является изучение процесса эвфемизации как частного случая отражения русской ментальности, исследование общего и особенного в эвфемизации русского дискурса.

Ещё в 90-е годы XX в. В.И. Жельвис называл эвфемизацию альтернативой и вызовом инвективному, т.е. бранному, словоупотреблению. Он определил эвфемизмы как ещё одну попытку общества найти приемлемый канал для направления агрессивных тенденций в нужное русло⁴. Учёный не ставил задачу изучить и описать виды эвфемизмов русского языка. Но при изучении бытования инвектив как вербализованных эмоций агрессии В.И. Жельвис выявлял национальную специфику не только собственно инвектив, но и системы табу на использование лексических единиц. Учёный приводит красноречивый пример. Для японца оскорбительно снижение «полового статуса» – например, обращение к мужчине как к женщине. Ср. в русском языке: – *А ты зачем руки хватаешь и разные глупые слова... Дура!* – *Сам ты дура!* (А. Чехов). Японский эквивалент слова *дура* в этом значении – «Подобное женщине паршивое насекомое!». Чеховское «Чёртов идеалист!» передаётся как «Идеалистка!» и т. п. В.И. Жельвис отмечает, что «на япон-

¹ См. об этом: Акопов Г.В. Сознание, ментальность, менталистика // Современные проблемы российской ментальности: Материалы всерос. научно-практ. конф. СПб., 2005. С. 11.

² Там же.

³ См. об этом, напр.: Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка. Ч. 2: Курс лекций. 2-е изд. М., 2014 ; Никитина И.Н. Приёмы создания комического в английских эвфемизмах-табуизмах // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. №4. С. 16–19.

⁴ Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия : учеб. пособие. Ярославль, 1990. С. 65–66.

ской шкале вежливости женщина иерархически стоит ниже мужчины, и соответственно обращение к ней требует иных лексических и грамматических форм»¹.

Е.П. Иванян указывает на психологический аспект изучения эвфемии как сложного и многогранного явления, понимая его как тот эффект смягчения высказывания, который сопутствует эвфемистической замене. Старое прямое наименование предмета или явления вызывает негативную эмоцию (страх, стыд, неловкость, отвращение), новое косвенное наименование нейтрализует ее².

Именно психологический аспект изучения системы эвфемизмов того или иного языка (в нашем случае русского) даёт ответ на вопрос, почему одни темы почти не затронуты эвфемизмами, а в других отмечается их изобилие. Конечно, в основе формирования эвфемизмов лежит табу – запрет на произнесение. И чем строже табу, тем большее количество эвфемизмов возникнет в этой сфере. Как замечал В.И. Жельвис, «позволительно даже предположить, что чем сильнее подспудно ощущаемый стрессовый характер ситуации, чем больше в национальной культуре инвективных – или куртуазных – формул, тем очевиднее стремление данного общества справиться с рвущимися наружу антиобщественными тенденциями»³.

В этом смысле является аксиомой тот факт, что русский язык по части передачи любовно-половых отношений является целомудренным, наследует греческую православную традицию на необозначение плотских отношений. Симптоматичен в свете сказанного значительный объем внелитературной лексики, матерщины.

Между тем, к сожалению, продолжает бытовать точка зрения, что в русском языке существует слишком много запретов. Например, в дискуссионном клубе на сайте известного журнала «Дружба народов» в статье «Русский язык в современном мире» Г. Гусейнов так выражает своё недовольство: «Тем временем эпоха СССР миновала, оставив неизученными важнейшие пласты русского языка – «низ» речи и ее казённый «верх». В Википедии носители других языков спокойно анализируют свои национальные сквернословия. В русской Википедии мат табуирован. Зато существует портал «Лукоморье» (недавно переехавший с домена «.ру» за границу) – матерная пародийная эмуляция википедийного знания. Тем временем Госдума России, не потрудившись изучить вопрос, приняла закон, запрещающий публичное применение сквернословия. И это после 70 лет тотального запрета даже на просторечие в советской печати и в разгар беспримерной для носителей языка речевой сквернословной агрессии»⁴. Полагаем, что запрет на размещение в интернет-пространстве грубых инвектив, матерщины является достоинством, а не недостатком русскоязычного интернет-сообщества; показывает его умение защитить национальные ценности своей страны без оглядки на речевое поведение населения других стран.

Е.П. Иванян на протяжении десяти лет руководит международными проектами в области изучения эвфемии. Основная задача этих проектов – выявление общего и особенного в эвфемии разных языков. Сопоставлению подвергались языки русский, польский, английский, татарский, башкирский и китайский⁵. Были определены общие психологические причины табуизации в сфере коммуникации тех или иных тем, выявлены активные способы образования эвфемизмов, определена специфика тематических групп (например, в русском языке по сравнению с другими сопоставляемыми больше эвфемизмов, связанных с употреблением алкоголя). Названы общие закономерности эвфемизации речи: появление новых тематических групп заменяющих номинаций и новых сфер эвфемизации – что обусловлено расширением рынка услуг, глобализацией, отодвиганием возраста старения.

Специфика современной эвфемизации проявляется, в частности, в развитии явления параэвфемии (особых жестов, мимики, а в письменных текстах – графических приемов эвфемизации).

Подводя итог нашего пилотного исследования процесса эвфемизации в русском дискурсе с учётом психологического аспекта заменяющих номинаций как попытки обойти запрет на произ-

¹ Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. С. 46.

² Иванян Е.П. Эвфемизмы русского языка : учеб. пособие к спецкурсу. 2-е изд. М., 2012. С. 6.

³ Жельвис В.И. Указ. соч. С. 47.

⁴ Гусейнов Г. Русский язык в современном мире // Дружба народов. URL: <http://дружбанародов.com/comment/reply/3708> (дата обращения 20.04.2015).

⁵ Иванян Е.П., Чжан Чань. Динамика эвфемизации в русском и китайском языках // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы восьмой междунар. научн. конф. Самара, 2013. С. 118–122 ; Иванян Е.П., Кудлинская-Степень Х., Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы) : монография / под общ. ред. Е.П. Иванян. М., 2013.

несение, отметим, что в целом эвфемизация речи – явление интернациональное; это языковая универсалия. С другой стороны, разные языки с разной степенью активности эвфемизируют те или иные участки дискурса.

Коромысленко Екатерина Геннадьевна, учитель русского языка и литературы, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания. МБОУ СОШ №154 г.о. Самара. Россия, Самара.

Koromyslenko Ekaterina Gennadyevna, teacher of Russian and literature, graduate student of chair of Russian, standard of speech and technique of their teaching. MBOU SOSH No. 154 of the lake Samara. Russia, Samara.

Khluudneva@mail.ru

УДК 159.9

Предрефлексивный генезис групповой категориальной системы

Т.К. Рулина, Е.В. Бакуштова

The pre-reflexive genesis of the group categorical system

T.K. Rulina, E.V. Bakshutova

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этно-национального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. В статье развивается теория группового генезиса языкового подсознания. Авторы выдвигают концепты группового номинирования реальности, понимаемого как исторически наследуемый феномен; групповой «ферментации» значений (дорефлексивного синтеза), кумулирующей значения объекта по принципу его «сцепления» с базисными категориями группы. Данные концепты обосновываются примерами из эмпирического исследования ассоциативно-вербальных сетей религиозных категорий русских и татар.

Ключевые слова: групповое ассоциативно-вербальное сознание, дизъюнктивный синтез категории, групповая когнитивность, религиозная перцепция, религиозный тропизм.

Abstract: The article develops a theory of the genesis of the group language of the subconscious. The authors put forward the concepts of group nomination of reality, understood as a historically inherited phenomena; “group fermentation” values (pre-reflexive synthesis), cumulating the value of the object on the basis of its “coupling” with the basic categories of the group. These concepts are substantiated by examples from empirical research-verbal associative networks of religious categories of Russian and Tatar.

Key words: group associative-verbal consciousness, disjunctive synthesis of the category, group cognition, perception of religious, religious tropism (orienting response).

Модернистский культ субъектности личности донашивает свои ветхие одежды. XXI век вопреки ожиданиям гуманистов принял «кошунственную» стратегию антропологов, согласно которой субъект не является источником того, что он мыслит и делает в силу автоматической зависимости от доиндивидуальных и безличных сингулярностей. «Мышление не является стихийным выплеском свойственной нам способности», – пишет А. Бадью, указывая на тотальную вовлеченность интеллекта в иерархизированное пространство доиндивидуальных детерминаций¹. Актуальность сознания пронизана и структурирована тотальной социальностью языка и опыта группового генезиса. Субъектники еще бряцают выводами диссертаций, однако в жизни обществ и в социальных практиках роль героев-одиночек заметно уменьшается.

Методологические основы исследования.

Современная нейробиология в поиске связей между нейронной организацией головного мозга и его когнитивными функциями видит в культуре (социальности) имманентный способ редукции феноменов функционирования мозга как центрального конструктора когнитивного материала. «Любой мозг, – считает нейрофизиолог Г. Рот, представитель радикального конструкти-

¹ Бадью А. Делез. Шум бытия / пер. с франц. Д. Скопина. М., 2004. С. 151.

визма, – принципиально не в состоянии отражать мир, он предназначен породить поведение, благодаря которому организм способен выживать»¹. Эпистемология Г. Рота позволяет построить конструктивистскую теорию восприятия и познания, неосознаваемой основой которых является нейрональная способность самореферентности, получившая в истории познания наименование «категория умозрения (созерцания)», где социальность является полем «мнемических знаков». Групповое номинирование реальности для обмена мыслями, чувствами, знаниями в процессах выработки общегруппового взгляда на вещи, норм взаимных уступок, консенсуальной сферы интересов и поступков – исторически наследуемый социальный феномен. Его психологическая природа стихийно порождается синтезом гносеологических, социокультурных, психических образований. Это придает ему, в отличие от индивидуального мышления, многосторонность, полноту и детальность мироощущения, в то же время снижая рациональный уровень осознанности реальности. Именно в социальной когнитивности групп фиксируется реальное состояние психологии социальных макроструктур (обществ, классов, этносов, наций) с их особенностями, противоречивыми представлениями настроениями, ожиданиями, предрассудками, задающими аттрактивность групповому поведению. Вариативные признаки реальности в этнических, гендерных, религиозных, профессиональных, духовных сообществах обуславливаются внутригрупповым консенсусом относительно подлинности и ценности явлений и событий.

Таким образом, социальная общность, группа как некая социальная матрица вырабатывает типологию нормативной личности, наделенной строго определенными социальными качествами. Если традиционная общность в процессе социальной трансмиссии дает индивиду свое коллективное понимание реальности, свои мифоматричные представления о ней, то с разрушением коллективной идентичности феномены социального познания переживают перестройку: или превращаются в реликт, или, видоизменяясь, продолжают функционировать в обновленном виде. Речь идет о «единстве психологических и идеологических элементов в самосознании личности, которые вырабатываются с помощью интеллектуальных механизмов и реализуются в ее мироощущении, мировоззрении и мироотношениях»².

Кроме больших социальных групп, психологически специфичны и отдельные государства, культуры, цивилизации, которые, при несомненном наличии фундаментально общего между ними, все-таки заметно отличаются друг от друга по многим параметрам. Несмотря на наличие этого общего и усиливающиеся тенденции к взаимодействию культур, они сохраняют значительную самобытность и потребность ее всячески защищать. Но соединение в рамках одного классификационного уровня государств и групп-организаций сводит на нет различия между социально-политическими взаимодействиями в обществе и органичными взаимодействиями между отдельными групповыми субъектами (и внутри них).

Межсубъективная открытость носителей групповой психологии позволяет формироваться мощным семействам базисных категорий, порождая предрефлексивное сцепление значений слов, ведущее к смыслу концептуальных связей обыденных представлений. Групповая «ферментация» значений (дорефлексивный синтез) кумулирует значения объекта по принципу его «сцепления» с базисными категориями группы. Для работ по данной теме, ставших классическими, характерно выделение связи смысла и языковых структур познания, смысла и ценностных оснований бытия человека. Чрезвычайно важным для нас оказывается рассмотрение смысла как феномена, синтезирующего противлежащие проявления бытия человека и культуры – имманентного и трансцендентного сознания, онтологического и онтического, телесного и духовного, сознательного и бессознательного, формально-логического и ассоциативного»³.

Предрефлексивная регуляция значений категориального ряда осуществляется в соответствии с межсубъективными нормами (ассоциативными семействами категорий). Именно они позволяют человеку подсознательно понимать тех, чьи мысли и действия устойчивыми регулятивными нормами сочувствия и межсубъективного понимания. Эффект корреляций номинирования группового генезиса может быть объяснен уникальной гомогенностью ассоциативно-вербальных систем большинства группы. Коммунальное единство, передача норм, традиций и конвенций обеспечивает общность базисных категорий мышления группы. Категориальное моделирование групповых представлений развивается в ассоциативно-вербальных сетях групп на основе механизмов мимикрии, образного проектирования, мимесиса в социальных рамках групповых значений.

¹ Roth G. Das Gehirn und seine Wirklichkeit. Kognitive Neurobiologie und ihre philosophischen Konsequenzen. Frankfurt am Main, 1994. S. 23.

² Шевандрин Н.И. Социальная психология образования. М., 1995. С. 192.

³ Спиридонова Е.П. Феномен смысла в формировании картины мира : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2002. С. 8.

Кроме соотношения понятий знака и значения, традиционно и разведение понятий значения и смысла как социального и индивидуального, значения как отражающего объективные свойства и связи объектов и явлений, и личностного смысла, выражающего отношения субъекта к этим объектам¹. Однако их противопоставление в аспектах социального и индивидуального вряд ли конструктивно, поскольку «смысл не менее социален, чем значение, и всегда окрашен какими-то групповыми интересами»². Действительный мир не укладывается в теоретические схемы, осмысленность существует как спонтанность, алогичность, нерепрезентируемость. В целом в исследованиях современных отечественных авторов смысл рассматривается как ценностно-целевая установка деятельности или феномен языка и познания. Если Е.Ю. Артемьева определяет смысл как «след деятельности, зафиксированный в отношении к соответствующему предмету»³, то и значение – след деятельности, только коллективной⁴, граница между ними подвижна. При этом важным представляется, чтобы в общении и совместной деятельности разные индивидуальные смыслы становились общими значениями. По словам Д.А. Леонтьева, «значение – системное качество, приобретаемое смыслом слова в условиях единства смыслообразующего контекста... Системообразующим фактором будет при этом выступать деятельность социальной общности как совокупного субъекта... Контекст, задаваемый этой деятельностью, определяет смысл любого высказывания, однако в ситуации внутригрупповой коммуникации этот смысл приобретает статус значения»⁵.

Д.А. Леонтьев справедливо выделяет два возможных варианта соотношения индивидуальной и коллективной смысловых реальностей: 1) первичность «смысловой реальности культурного мифа; индивидуальные смыслы выступают как вторичные, надстраивающиеся на ее основе, хоть и вступающие с ней в диалог»; 2). вторичность коллективной смысловой реальности «по отношению к индивидуальным смыслам, как продукта диалога и взаимодействия индивидуальных смысловых миров»⁶. Он отмечает, что два эти подхода не противопоставлены, в реальности «коллективное смысловое поле, присущее определенной социальной общности или культуре, влияет на формирование смысловой сферы членов этой общности, но и оно само, в свою очередь, изменяется под воздействием диалога и координации смыслов как внутри этой общности, так и в общении с другими культурами»⁷.

Таким образом, смысловая сфера представляет собой систему, «определяющую восприятие, понимание и истолкование ценностей, идеалов, значений и концептов, которые организуют и направляют человеческую деятельность»⁸.

Основоположителем исследования социально-психологического аспекта значения, т.е. значения в его становлении, или же генезиса значения слова, стал А.А. Потебня⁹. Он первым показал, что слово представляет собой не жесткую связь звуковой оболочки с закрепленным за ним значением как обобщенным отражением объективной действительности, а достаточно динамическое образование, в котором между «членораздельным звуком» и значением лежит «представление» («внутренняя форма») как признак, полагающий обозначение, как способ означивания. Внутренняя форма и является отношением мысли к сознанию, т.е. объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание и таким образом выступает как способ передачи знания.

Методический подход к исследованию.

Следует особо подчеркнуть, что изучение «ассоциативного значения» слова стало одним из самых популярных и разработанных направлений в исследовании вербальных ассоциаций и имеет уже более чем сорокалетнюю историю. Фундаментальной здесь явилась работа Дж. Диза «Структура ассоциаций в языке и мышлении»¹⁰. В этой работе Дж. Диз обобщил и осмыслил теоретический опыт, накопленный в экспериментальных исследованиях ассоциативного, а также категориального значения слова, которое проявляется при свободном воспроизведении слов через объединение их испытываемыми в семантические или тематически связанные группы («класте-

¹ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999. С. 376.

² См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла... С. 378.

³ Цит. по: Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 377.

⁴ Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 387.

⁵ Там же. С. 382.

⁶ Там же. С. 372.

⁷ Там же. С. 373.

⁸ Хоружая С.В. Смысловая сфера культуры: модусы кризисного развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 12.

⁹ Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1892.

¹⁰ Deese J. The structure of associations in Language and thought. Baltimore, 1965.

ры)). В предисловии к своей работе он пишет, что при изучении ассоциаций психологи обычно следуют ложному пути: их интересует, «что следует за чем», в то время как должен ставиться вопрос, как ассоциативные ряды отражают структурные модели отношений между понятиями. Дж. Диз полагал, что исследуемая им проблема носит, выражаясь современным языком, междисциплинарный характер и находится на стыке между эмпирической экспериментальной психологией и формальной лингвистической теорией. Фактически он пересмотрел традиционную трактовку ассоциации как отражения следования элементов в прошлом опыте индивида, и скорее подчеркивал взаимосвязь и структурированность ассоциаций, т.е. образно говоря, перешел от анализа вертикального среза предсознания к горизонтальному.

Ассоциативная система рассматривается как система связанных тем, способных изменяться в зависимости от своего значения, важности и взаимосвязанности. Наиболее связанные темы могут организовываться в сегменты более высокого уровня – доминанты. Иерархия доминант «составляет» вертикальную организацию системы, а основным параметром горизонтальной организации служит их близость.

Даже осознанный отказ индивида от группового опыта поведения (чувственной, интеллектуальной, социальной действительности), который создает иллюзию субъектности, не отменяет закономерностей языкового сознания (тотальность значений и смыслов языка) как матрицы «неорганической жизни» (Ж. Делез), ограничивающей свободу мысли «безличной непричастностью» (А. Бадью), что и позволяет последнему определять мышление как «развязывание языка» безличных единичностей.

Речевая деятельность группы основана на синтезе диссипативных структур, рассеянных в ассоциативно-вербальной сети сознания, как уникальных моментальных состояний, изменения которых непрерывны, но столь малы, что субъект речи не замечает их общей сбалансированности. Параметризация ассоциатов сети позволяет исследователю моделировать когнитивность как вариабельную систему категорий, разделяемых большинством группы.

Выборка и методика.

Исследование проводилось в 2014–2015 гг. по методике стимульного ассоциативного эксперимента. Его выборку составили русские жители деревни Екатериновка Самарской области (100 человек), из которых 80% утверждают, что они православные христиане; казанские татары (100 человек), все 100% утверждают, что они мусульмане. Результаты были подвергнуты индексации по расчетам методик алгебры частот.

Результаты.

Соотношение уровней стереотипности / дискретности ассоциативных полей испытуемых позволяет заключить, что религиозность групп носит гетерономно-автономный характер (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Диаграмма распределения континуальности (гетерономии) и дискретности (автономии) ассоциативных частот в русской выборке.

Черный – гетерономия, серый – дискретность

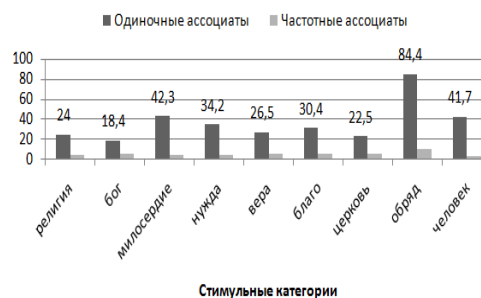

Рис. 2. Диаграмма распределения континуальности (гетерономии) и дискретности (автономии) ассоциативных частот в татарской выборке.

Черный – гетерономия, серый – дискретность

Среди концептов категорий присутствуют как предписанные, так и непредписанные религиозными канонами и традицией, что свидетельствует о подмене церковных значений профанными, и, следовательно, о скриптологическом течении процессов энтропии значений ассоциативно-вербальной сети группы.

Утверждая, что индивид контролируется групповой когнитивностью и выйти за ее пределы не может, поскольку сам механизм восприятия реальности функционирует только в заданных группой знаковых парадигмах, мы указываем на различия результатов анализа ассоциативно-

вербальных сетей двух групп, в одной из которых (рис. 2) налицо более ригидное воспроизводство ассоциатов (автономия ассоциирования значительно ниже, чем в русской выборке). Это свидетельствует о слабости энтропийных процессов в религиозной ассоциативно-вербальной сети татар, о принципиально иной ментальной стихии группового религиозного генезиса.

Далее исследовались структуры базисных категорий ассоциативно-вербальных сетей групп, порождающих одинаковые (устойчивые) реакции в диссипативных, рассеянных структурах, распределенных, «разлитых» по лексике в ассоциативно-вербальной сети.

Ассоциативные связи базисной категории «вера», порождающие комплекс периферийных категорий, показаны на рис. 3. В их качестве у православных русских выступают «религия», «бог», «церковь» и «обряд», в то время как в татарской выборке только «религия», «бог» и «церковь». При этом уровень континуальности категорий значительно выше в татарской выборке, чем в русской, особенно в категории «религии». Категории «обряд», «вера», «человек» достаточно гомогенны, что обеспечивает относительный «канонизм» смысловой упорядоченности категориальной модели группы.

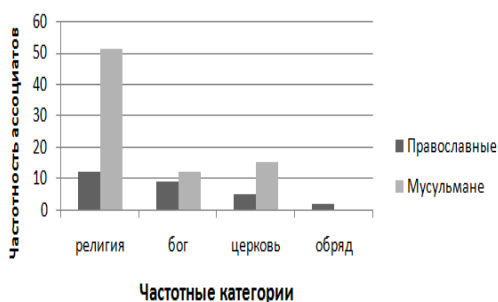

Рис. 3. Сравнительный анализ генезиса категории «вера» в русской и татарской выборках

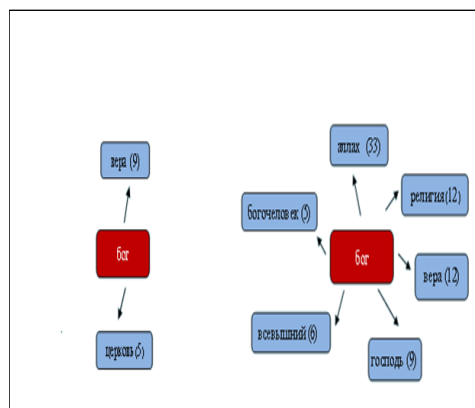

Рис. 4. Сравнительный анализ содержательной структуры категории «бог» (частоты ассоциатов)

Модели групповых репертуаров ассоциирования базисных категорий демонстрируют генерацию вербальных топиков. Если в русской выборке категория «бог» структурируется клирически ориентированными топиками категорий «вера» и «церковь», то в татарской категориальная структура обнаруживает многообразие синонимического ряда нуминозного характера. Из этого следует, что семантические комплексы процессов понимания категории «бог» в двух выборках разнородны: в татарской выборке генезис категории ведет к порождению понятий более высокого уровня и его организации (см. рис. 4).

Выводы.

Стимульная категория ассоциирования принуждает обнаружить ассоциативные связи сети, их плотность, групповую уникальность массива (тезауруса), пульсирующую в зависимости от тождественности категориального аппарата себе.

Выявление групповых топиков (ассоциатов) представляет собой единственную возможность обнаружения смысловых ядер языкового подсознания групп, несущих групповой смысл. Обнаружение подсознательного генезиса мысли ведет к признанию слабости объяснительного принципа сознания на основе редукционистских подходов. Мысль не проистекает из сознания; точнее, она проистекает не столько из сознания как из рефлексивной машины, сколько из его языковой «подпочвы».

Подсознательная структура языка и ее групповые социокультурные средства лежат в основе любой интеллектуальной способности. Запертые в логические структуры когнитивные суждения оживают только при активности когнитивного подсознания языка, маркированного базисными категориями группового номинирования. Когнитивная реальность выражается и понимается только в соответствии с категориями, а категориальное определение реальности протекает посредством дифференциации и дизъюнкции изменчивых ассоциатов.

На основе вышеизложенных выводов допустимо заключить, что религиозность современных православных русских в большей степени, чем религиозность татар, может трактоваться как криптологическая (неназываемая). Языковая религиозная компетентность выступает в качестве исторической детерминации наследования (социальный тропизм) и потому с рефлексивных по-

зиций может выглядеть как религиозный индифферентизм, или «бедная вера» (феномен религиозного индифферентизма выявлен в многочисленных исследованиях как неспособность к теоретическому оправданию веры, отсутствие потребностей рефлексии, набор семантики морально-наставительного характера, догматическое невежество, антиканоническое направление религиозной мысли, суеверное сознание в отсутствии рефлексии и критики). Все это действительно выглядит как характерные признаки ослабления традиционной гетерономной религиозности. Однако потребность в религии представляется имманентным качеством человеческой ментальности, которая всегда готова к замене имен богов, но не к отказу от них самих.

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Rulina Tatyana Konstantinovna, candidate of pedagogical sciences, docent of the Department of General and Social Psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

tatrul@yandex.ru

Бакшутова Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Bakshutova Ekaterina Valerievna, candidate of psychological sciences, docent of the Department of General and Social Psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

bakshutova.ekat@pgsga.ru

УДК 159.9.072–053.2+159.922.4

Сравнительная характеристика психологии некоторых наций на основе результатов тестирования кандидатов в замещающие родители

Е.М. Савицкая, Т.Б. Журавлева, О.М. Лоргина

Comparative characteristics of the psychology of some Nations on the basis of results of testing of candidates for foster parents

E.M. Savitskaya, T.B. Zhuravleva, O.M. Lorgyna

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа национальной психологии народов в ее связи с теми личностными качествами, которые требуются от замещающих родителей. Приведены результаты тестирования русских, американцев, итальянцев, мальтийцев и израильтян.

Ключевые слова: нация, национальная психология, тестирование, замещающие родители.

Abstract. The article contains the results of comparative analysis of national psychology in connection with personal features required from foster parents. Russian, American, Italian, Maltese and Israeli prospective foster parents were tested.

Key words: nation, national psychology, testing, foster parents.

Существует такое социальное явление, как сироты при живых родителях. Их становится всё больше и больше. Они ничем не провинились, не совершили никаких правонарушений; единственное, что они сделали – родились ненужными своим матерям.

Без семьи... Эти дети, как осколки, черепки разбитой чаши, собираются в приютах. Да, там есть еда, одежда, общие игрушки. Только даже самая добрая тетя не может полюбить сразу 51 ребенка – острых, пугливых и побитых жизнью маленьких «осколков» взрослых ошибок. «Мама» – это первое слово ребенка, оно не исчезает из детской речи, этим словом малыши называют воспитателей и нянь, врачей и медсестер, которые, как могут, стараются одарить душевным теплом каждого ребенка, каждому дать частицу родительской любви – ласковое слово, улыбку,

жест. Находятся люди, способные исправить ситуацию. И высыхают слезы одиночества, и снова можно позвать маму.

Конвенция «ООН» о правах ребенка декларирует, что «ребёнок, временно или постоянно лишённый своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством».

Государство принимает неотложные меры по социальной защите детей, оставшихся без попечения родителей, и гарантирует им защиту прав и предусмотренных льгот в соответствии с конвенцией о правах ребёнка (ФЗ). В соответствии с международным актом и российским законодательством определён ряд форм устройства детей-сирот, оставшихся без попечения родителей. Получили распространение следующие формы: усыновление; опека и попечительство; приёмная семья; патронатная семья; учреждения для детей-сирот.

В РФ созданы структуры, обеспечивающие целенаправленное развитие и воспитание детей из социально неблагополучных семей. Одной из них является ГКУ СО «Областной центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей» (до 23.01.2012 г. – ГУСО «Областной центр усыновления, опеки и попечительства»), созданный 17 февраля 1992 г. при Главном Управлении по вопросам семьи, материнства и детства Самарской области, развернутый на 51 место для временного пребывания детей от 6 месяцев до 7 лет.

Центр» – учреждение, осуществляющее прием и обеспечивающее временное проживание детей, оставшихся без попечения родителей, оказание им комплексной реабилитации, включающей социально-бытовые, социально-педагогические, социально-правовые, социально-психологические, социально-медицинские услуги. За время пребывания в «Центре» дети проходят полное медико-педагогическое обследование, определяется их юридический и правовой статус, при необходимости им назначают лечение, после чего они определяются в семью (возвращаются в родную или передаются в замещающую), переводятся в детские государственные учреждения постоянного пребывания. Это одно из направлений деятельности «Центра».

Другое направление – выполнение функции регионального оператора государственного банка данных о детях, подлежащих усыновлению, опеке и попечительству, и о взрослых, желающих принять их в свою семью, обеспечение систематизации и оперативного использования заложенной в нем информации, а также передача в государственный банк данных сведений о детях, не устроенных на воспитание в семьи граждан Самарской области. Это направление деятельности «Центра» предусматривает и подготовку лиц, желающих принять в свою семью на воспитание ребенка, оставшегося без попечения родителей.

До сентября 2012 г. такая подготовка включала беседу с кандидатами в замещающие родители и тестирование (с сентября 2012 г. – это расширенная «Программа подготовки лиц, желающих принять в свою семью на воспитание ребенка»).

Беседа просвещала усыновителей по следующим вопросам:

- тайна усыновления;
- психологическое своеобразие детей, оставшихся без попечения родителей;
- психическое здоровье детей; детские неврозы и их профилактика;
- кризисы развития ребенка и пути их преодоления;
- эффективность методов и стилей семейного воспитания.

Мотивация усыновления разнообразна – от общечеловеческой жалости к «чужим» до идеи формирования «нового человека». Но отметим один очень важный момент. Когда кандидата в усыновители спрашивают: «Почему Вы хотите иметь детей?», и он называет больше десяти причин, то есть повод дать человеку время для обдумывания этого важного шага. Когда останется только один ответ: «Просто хочу быть мамой» («Просто хотим быть родителями»), тогда можно «заводить» ребенка.

Результаты диагностической работы складывались из психологических методов: беседа, опросники, проективные методы, наблюдение, в составлении «психологического портрета» испытуемого (кандидата в усыновители), выявлении мотивации усыновления, наличия или отсутствия проблем межличностных взаимоотношений. «Портрет» испытуемого, составленный в процессе беседы и наблюдения, находит отражение в «портрете», сложенном из результатов всех остальных методов: опросники и проективные методы. Это «Социограмма», «ЦТО», тест Люшера, опросники АСТ, ТСС, опросник Леонгарда, опросник Томаса.

В «Центр» обращаются не только российские граждане, желающие принять в свою семью ребенка на воспитание, но и граждане иностранных государств: Германии, США, Италии, Израиля, Мальты, Испании, Канады, Ирландии.

«В психологии одного человека воплощаются его внутренний мир и индивидуальное восприятие окружающей действительности. В общественной же психологии групп проявляются посредственные реакции людей на события повседневной жизни, в ней формируются и закрепляются представления, мнения, настроения, взаимоотношения между индивидами... Психология нации является результатом исторического развития, в ходе которого экономические и социально-политические условия жизни и деятельности людей определяли формирование черт их общественной психики»¹.

Психология нации имеет свою структуру и проявляется в форме национально-психологических особенностей.

Русские как представители славянского этноса.

«...В целом большинству из них в настоящее время присущи: высокая степень осмысления действительности, хотя и несколько отсроченного по времени от конкретной ситуации; достаточно высокие общеобразовательный уровень и подготовленность к жизни и труду; уравновешенность в решениях, поступках и трудовой деятельности, реакция на сложности и трудности жизни; общительность, дружелюбие без навязчивости, постоянная готовность оказать поддержку другим людям; достаточно ровное и доброжелательное отношение к представителям других национальностей; отсутствие в обычных условиях повседневной жизни стремления к образованию микрогрупп, изолированных от других по национальному признаку; стойкость, самоотверженность, готовность к самопожертвованию в экстремальных условиях жизни и деятельности, требующих предельного напряжения духовных и физических сил»².

Выборка: 25 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
23 (92%)	2 (8%)	18 (72%)	7 (28%)	7 (28%)	18 (72%)

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	12 (48%)	Целеустремленность	6 (24%)
Эмотивность	12 (48%)	Стремление к признанию	8 (32%)
Демонстративность	8 (32%)	Чувственность	11 (44%)
Тревожность	7 (28%)	Активность	8 (32%)
Дистимность	4 (16%)	Эмоциональная неудовлетворенность	13 (52%)
Педантичность	4 (16%)	Ощущение жертвы	4 (16%)
Возбудимость	2 (8%)	Требовательность	2 (8%)
Экзальтированность	2 (8%)	Тревожность	9 (36%)
Циклотимность	1 (4%)	Эмоциональная сдержанность	6 (24%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	10 (40%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	15 (60%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	5 (20%)
		Стремление к контролю	4 (16%)

Только у россиян выявлены такие акцентуации, как тревожность (причем, у большого процента респондентов) и циклотимность. Также только среди них отмечено ощущение себя жертвой.

¹ Крысько В.Г., Саракуев Э.А. Введение в этнопсихологию. М., 1996. С. 50–51.

² Ватулин М. К возрождению славяно-русского самосознания. СПб., 1911. С. 43.

Американцы.

Американцы суть население Соединенных Штатов – страны, которая существует свыше 200 лет и объединяет в своем составе целый ряд этнических групп, у которых имеются общие психологические черты. Им присущи прилежность, любовь к труду, широта замыслов, энергия, напор, энтузиазм, предприимчивость, инициатива в делах, храбрость, настойчивость, новаторство. Впечатляет фанатическая одержимость, с которой жители США трудятся, делают бизнес, особенно в молодые годы. Им свойственны также практичность и деловитость, в которую входят четкая организованность, расчетливость, компетентность, мастерство, умение находить самые рациональные решения, умение извлекать пользу из всего. Научная организация труда, способность ценить время и рационально его расходовать тоже стали неотъемлемыми чертами психологии жителей США. У американцев имеется большой организаторский талант – больший, чем, к примеру, у немцев: у них это свойство заменено строгой дисциплиной. Жители США независимы, инициативны, настойчивы. Их склонность во всяком деле полагаться лишь на свои силы воспитывается с младых ногтей. Американцам свойственно стремление гордиться всем отечественным, презрение ко всему неамериканскому, порой чрезмерно высокая самооценка. Тенденция к совершенствованию, рационализаторству – специфическая черта американцев. Характер американцев – живой, «взрывной». В каждодневной жизни они энергичны и жизнерадостны. Чувства они выражают непосредственно и открыто, привыкли улыбаться, и это им дается легко. Они любят шутку, обладают чувством грубоватого юмора, могут посмеяться над собой¹.

Выборка: 43 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
0 (0%)	43 (100%)	7 (16,3%)	36 (83,7%)	30 (69,7%)	13 (30,3%)

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	40 (93%)	Целеустремленность	5 (11,6%)
Эмотивность	36 (83,7%)	Стремление к признанию	32 (74,4%)
Демонстративность	31 (72%)	Чувственность	21 (48,8%)
Тревожность	0 (0%)	Активность	19 (44%)
Дистимность	2 (4,6%)	Эмоциональная неудовлетворенность	3 (6,9%)
Педантичность	1 (2,3%)	Ощущение жертвы	0 (0%)
Возбудимость	19 (44%)	Требовательность	5 (11,6%)
Экзальтированность	0 (0%)	Тревожность	2 (4,6%)
Циклотимность	1 (2,3%)	Эмоциональная сдержанность	2 (4,6%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	0 (0%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	20 (46,5%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	12 (27,9%)
		Стремление к контролю	3 (6,9%)

Отметим, что ни у одного представителя США не выявлена такая акцентуация, как тревожность.

Немцы.

Известны умеренность, аккуратность, усердие, добросовестность, предусмотрительность, осторожность, внимательность, пунктуальность, скрупулезность в делах, трудолюбие немцев. Им присущи технический склад ума, увлечение спортом, любовь к музыке, религиозное чувство. Они приветствуют высокую семейную мораль и строго придерживаются ее. Немецкая менталь-

¹ Крысько В.Г. Влияние национально-психологических особенностей на боевую деятельность личного состава армий империалистических государств. М., 1987. С. 238, 292.

ность характеризуется способностью к абстрактным построениям, взлетам к высоким отвлеченным материям, философской глубиной. Немцы обладают практическим здравым смыслом, который, впрочем, не препятствует их живому мировосприятию. На немцев эффективно действуют цифры, факты и расчеты – в большей степени, чем эмоциональная риторика. Немцам свойственна рассудительность и настойчивость в стремлении к цели, способность стойко терпеть лишения и трудности. Среди цивилизованных народов немцы больше всех склонны подчиняться авторитетам. Они не очень стремятся к переменам и склонны придерживаться установленного порядка. Преданность системе обуславливает стремление к штампам, снижает инициативность и новаторство. Поведение отличается некоторой грубоватостью. Не в их характере привычка сдерживаться и учитывать чужое настроение. Впрочем, видя человека в трудном положении, они охотно ему помогают¹.

Выборка: 28 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
2 (7,1%)	26 (92,9%)	2 (7,1%)	26 (92,9%)	26 (92,9%)	2 (7,1%)

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	28 (100%)	Целеустремленность	8 (28,6%)
Эмотивность	23 (82,1%)	Стремление к признанию	27 (96,4%)
Демонстративность	8 (28,6%)	Чувственность	19 (67,9%)
Тревожность	0 (0%)	Активность	5 (17,9%)
Дистимность	0 (0%)	Эмоциональная неудовлетворенность	15 (53,6%)
Педантичность	1 (3,6%)	Ощущение жертвы	4 (16%)
Возбудимость	11 (39,3%)	Требовательность	6 (21,4%)
Экзальтированность	1 (3,6%)	Тревожность	6 (21,4%)
Циклотимность	0 (0%)	Эмоциональная сдержанность	11 (39,3%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	5 (17,9%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	6 (21,4%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	12 (42,9%)
		Стремление к контролю	5 (17,9%)

Итальянцы.

Выборка: 12 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
0 (0%)	12 (100%)	0 (0%)	12 (100%)	2 (16,7%)	10 (83,3%)

¹ Крысько В.Г. Влияние национально-психологических особенностей... С. 140.

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	11 (91,7%)	Целеустремленность	6 (50%)
Эмотивность	8 (66,7%)	Стремление к признанию	7 (58,3%)
Демонстративность	10 (83,3%)	Чувственность	3 (25%)
Тревожность	0 (0%)	Активность	2 (16,7%)
Дистимность	1 (8,3%)	Эмоциональная неудовлетворенность	6 (50%)
Педантичность	0 (0%)	Ощущение жертвы	0 (0%)
Возбудимость	7 (58,3%)	Требовательность	1 (8,3%)
Экзальтированность	0 (0%)	Тревожность	1 (8,3%)
Циклотимность	0 (0%)	Эмоциональная сдержанность	3 (25%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	3 (25%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	7 (58,3%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	4 (33,3%)

Мальтийцы.

Выборка: 14 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
0 (0%)	14 (100%)	0 (0%)	14 (100%)	4 (28,6%)	10 чел. (71,4%)

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	11 (78,6%)	Целеустремленность	2 (14,3%)
Эмотивность	11 (78,6%)	Стремление к признанию	6 (42,9%)
Демонстративность	6 (42,9%)	Чувственность	6 (42,9%)
Тревожность	0 (0%)	Активность	9 (64,3%)
Дистимность	3 (21,4%)	Эмоциональная неудовлетворенность	6 (42,9%)
Педантичность	5 (35,7%)	Ощущение жертвы	0 (0%)
Возбудимость	6 (42,9%)	Требовательность	2 (14,3%)
Экзальтированность	0 (0%)	Тревожность	1 (7,1%)
Циклотимность	0 (0%)	Эмоциональная сдержанность	6 (24%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	1 (7,1%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	9 (64,3%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	5 (35,7%)
		Стремление к контролю	4 (28,6%)

Израильтяне.

Выборка: 17 чел.

Тайна усыновления		Задержка развития и наследственная предрасположенность		Изображение семьи (социограмма)	
Сохраняется	Не сохраняется	Настораживает	Не пугает	Большая семья (с родственниками)	Маленькая семья (3-4 чел.)
1 (5,9%).	16 (94,1%)	1 (5,9%).	16 (94,1%)	8 (47,1%)	9 (52,9%)

Акцентуации характера (тест Леонгарда)		Эмоциональное состояние (тест Люшера)	
Акцентуация	Количество (чел., %)	Название	Количество (чел., %)
Гипертимность	13 (76,5%)	Целеустремленность	7 (41,2%)
Эмотивность	14 (82,4%)	Стремление к признанию	14 (82,4%)
Демонстративность	13 (76,5%)	Чувственность	8 (47,1%)
Тревожность	0 (0%)	Активность	3 (17,6%)
Дистимность	2 (11,8%)	Эмоциональная неудовлетворенность	5 (29,94%)
Педантичность	1 (5,9%)	Эгоцентричность	4 (23,5%)
Возбудимость	3 (17,6%)	Требовательность	
Экзальтированность	1 (5,9%)	Тревожность	3 (17,6%)
Циклотимность	0 (0%)	Эмоциональная сдержанность	5 (29,94%)
Неуравновешенность	0 (0%)	Неуверенность	0 (0%)
		Стремление к гармонии, взаимопониманию и спокойствию	8 (47,1%)
		Стремление к ощущению полноты жизни	4 (23,5%)
		Стремление к контролю	2 (11,8%)

Отметим, что только из Израиля больше половины кандидатов в замещающие родители (7 человек, 58,3%) – одинокие женщины.

Подводя итог, можно заключить, что в характеристике личности замещающих родителей («портрете», создаваемом совокупностью результатов тестов-опросников и проективных методик) нашли явное отражение особенности психология наций. При этом важно отметить общее, присущее всем гражданам иностранных государств. У них не выявлена акцентуация тревожности, присутствующая у русских. Большинство иностранцев не собирается скрывать факта усыновления и не пугается задержки развития и наследственной предрасположенности ребенка, полагаясь на помощь в воспитании со стороны своего социального окружения и государства. Это чувство уверенности позволяет рассчитывать на общественное признание в качестве успешных родителей и верить в будущие достижения приемных детей, которые станут равноправными членами социума.

Савицкая Елена Матвеевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Savitskaya Elena Matveyevna, candidate of psychological sciences, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
lampasha90@mail.ru

Журавлева Татьяна Борисовна, директор. Областной центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Россия. Самара.

Zhuravleva Tatyana Borisovna, director, Regional center of assistance to children left without parental care. Russia, Samara.
adoption@santel.ru

Лоргина Оксана Михайловна, педагог-психолог. Областной центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Россия. Самара.

Lorgyna Oksana Mikhailovna, The teacher – the psychologist. The regional center of the help to children without parental support. Russia. Samara.
akn55@rambler.ru

Женщина в западных и восточных цивилизациях*А.Г. Сулейманова***Women in Western and Eastern civilizations***A.G. Suleymanova*

Аннотация. Существует много негативных стереотипов в отношении Ислама и мусульман. Например, при одном упоминании слов «хиджаб» и «мусульманка», в воображении у многих людей возникает образ несчастной, угнетенной женщины. В статье автор показывает, что это стереотип, порождённый невежеством. Нигде женщина не имеет столько прав, как в Исламе. Это подтверждено как приведёнными аятами Священного Корана, хадисами, а также опросами самих женщин-мусульманок.

Ключевые слова: Коран, ислам, мусульмане, стереотипы, хиджаб, хадисы, стереотипы экстремизм.

Abstract: There are many negative stereotypes of Islam and Muslims. For example, at the mere mention of words Hijab and Muslim, in the imagination of many people have the image of an unhappy, oppressed women. The article the author shows that this stereotype is generated by ignorance. Women do not have as many rights in Islam. This is confirmed as the given verses of the Holy Quran, Hadith, as well as surveys of women themselves Muslim.

Keywords: Quran, Islam, Muslims, stereotypes, hijab, Hadith, stereotypes extremism.

Принято считать, что в основном творят историю мужчины: большинство политических и исторических событий инициировано и произведено мужчинами. Тогда женщины – творцы культуры, причем в значительной степени не в ее художественном аспекте, а в бытовом. Женщины, играющие функционально роль «хранительниц очага» и «продолжательниц рода», устанавливают, трансформируют и передают через поколения культурные конструкты (как материального, так и духовного характера), способствующие реализации двух названных функций. Именно женщины в значительной степени влияют на передачу и сохранение традиций, обычаев, культуры своего народа. Поэтому женский мир традиционно разворачивается в культуре в пространстве семьи, быта. Однако в современном мире наблюдается смешение культур, уход от традиций и многовековых норм. Именно это особым образом влияет на место и роль женщины в нем. Вместе с тем женский мир, место женщины, отношение к ней и ее реализация в социуме в значительной степени зависит и от типа культуры, в которой женщина существует.

Сегодня в наиболее выраженном противостоянии находятся два типа культуры: западный, в течение последнего века связанный с пересмотром традиций, изменением отношений и связей в социуме, и восточный, определяющийся как ориентированный на традиции, ортодоксальный. Западный тип культуры – это культура современной Европы, Северной Америки; восточный – культура мусульманского, буддистского миров. Если же говорить о противостоянии – речь идет именно о культурных различиях Запада и мусульманского Востока, так как именно эти культуры наиболее конфликтны. Вопрос о месте, роли, значении женщины в этих культурах – один из самых острых и полемичных.

Рассмотрим сначала место и роль женщины в западной культуре.

Истоки положения женщины в современной западной цивилизации следует искать в античном мировоззрении, христианской морали, языческих (дохристианских) культурах.

В античную эпоху существовало выраженное неравенство мужчины и женщины. В Древней Греции ярко доминировало мужское начало. Женщина является низшим существом; она не только не занимает высокого положения в обществе, но всегда несамостоятельна, полностью зависит от мужчины. В Риме женщины не имели гражданских прав и были формально отстранены от участия в государственных делах. Их положение не было таким приниженным, как в Греции. Римлянки пользовались относительной свободой: могли появляться в обществе, ездить в гости, посещать приемы. Что касается семейной жизни, то им не грозило затворничество на женской половине дома – в Риме не существовало подобного понятия. Обычным являлось участие римских женщин в общественной жизни. Они создавали свои женские объединения (например, в Тускуле, в Медиолане), устраивали собрания, обсуждали волнующие их темы. Женщины из высших слоев свободно ориентировались в вопросах политики и способны были энергично за-

щищать свои права. Они оказывали влияние на политическую жизнь республики, а позднее и империи: лишенные права участвовать в голосовании, римлянки агитировали за того или иного кандидата, способствовали принятию тех или иных решений и законов на собраниях, вмешивались в политические интриги.

Конечно, представление о положении женщины в эпоху античности будет неполным, если ограничиться описанием женского социального бесправия и мужского произвола. Древние памятники искусства и литературы свидетельствуют, что античный идеал красоты нашел отображение в том числе и в женских скульптурах, показывавших красоту и совершенство женского тела. Греки считали, что женщины способны вдохновлять мужчин, влиять на мужское поведение. Правда, большей частью это относилось к гетерам, «спутницам», которые специально привозились из других краев для увеселительных приемов греческих мужчин, чьи жены не имели возможности разделить мужское веселье. Кстати сказать, супружеская измена и в Древнем Риме каралась смертью – естественно, если изменяла женщина.

Аристотель утверждает неравенство полов, причину которого видит в качественной разнице между полами, предполагающей большую значимость мужчины, чем женщины: «...есть ли у них [женщин. – А.С.] добродетели, должна ли женщина быть скромной, мужественной и справедливой?.. И если обоим этим существам должно быть свойственно совершенство, то почему одно из них предназначено раз и навсегда властвовать, а другое – быть в подчинении? И это отличие не может основываться на большей или меньшей степени совершенства, присущего тому и другому существу, так как сами понятия «быть в подчинении» и «властвовать» отличаются одно от другого в качественном, а не количественном отношении»¹. Иными словами, мужчина не просто сильнее, умнее и т.д., он качественно лучше, поэтому его природа априори предназначена для того, чтобы властвовать, тогда как природа женщины побуждает ее подчиняться.

Христианство, явившись вызовом всей римской культуре, не могло не затронуть и взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Конечно, евангельская проповедь не была направлена на подрыв социально-политического порядка и не имела целью изменить отношения между полами, но все же христианство утверждало радикально новые принципы взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Прежде всего, христианство предложило принципиально новую оценку человека, актуализировав идею творения «по образу и подобию». Новое учение утверждало, что «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Принципиально важно понять, что в этом отрицании нет ни малейшего презрения к полу или браку, но утверждается, напротив, равенство полов перед богом, ценность личности, а не мужского или женского. Конечно, равенство ценностное не означает равенства функционального, не стирает разницу – и это важно осознавать и чувствовать, иначе христианские установки могут при желании легко быть истолкованы в духе «воинствующего феминизма».

Вся история раннего христианства свидетельствуют об отличном от античного отношении к женщине. Так, Христос беседовал и общался как с мужчинами, так и с женщинами. Именно женщины сопровождали Христа на Голгофу в то время, когда ученики оставили Его. Именно женщинам первым явился Христос и т.д.

Вместе с тем в христианском мировоззрении I-го тысячелетия женщина не равна и не близка по своему положению к мужчине. Однако библейский рассказ о сотворении человека не дает никаких оснований для устоявшихся на бытовом уровне представлений об изначально бесправном положении женщины. Даже создание женщины из ребра мужчины вызвано тем, что само по себе существование первого человека не стало концом творения; не было еще полной гармонии: «Не хорошо быть человеку одному». Потом с первыми людьми, согласно библейскому повествованию, происходит трагедия: не поверив Богу, Адам и жена совершили поступок, исказивший их первоначальную, естественную природу – стали смертными и попали в глубокую, непреодолимую зависимость от греха. Результатом грехопадения стал не только разрыв человека с богом, но и изменение во взаимоотношениях мужчины и женщины. Эмоционально-чувственная женщина первой поддалась на призыв соблазнителя и, искусившись, повлекла за собой и мужчину. Равновесие было нарушено, мужчина получил над женщиной власть.

Окончательное верховенство мужа над женой появляется только после грехопадения, о чем свидетельствует факт наречения имени жене – Ева. Православный богослов справедливо замечает, что наречение имени есть властный акт: дающий имя должен иметь на это право. Поэтому

¹ Аристотель. Политика // Сочинения : В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 399.

неслучайно наречение имени происходит после грехопадения. Надо вспомнить и о том, что женщина изначально сотворена как помощник мужчине («И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему»). Уже на этом основании можно предположить определенную власть мужа над женой. Этот же мотив звучит и в словах Адама: «Она будет называться женою, ибо взята от мужа своего». Итак, библейский рассказ говорит нам об изменившихся взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. В новом типе отношений женщина занимает положение подчиненное.

При распространении христианства на территории Европы женское начало считалось темным, губительным, искушающим. В этот период женщина находится на «вторых ролях», она практически исключена из общественной жизни и во всем подчинена мужчине. В вопросах взаимоотношений с мужчинами ей, как правило, отводится роль пассивной стороны. Эта традиция сохраняется и в Средневековье. Например, если женщина в традиционных утренних молитвах должна возносить хвалу Господу за то, что Он создал ее по Своей воле, то мужчина – за то, что Бог не создал его женщиной. С другой стороны, большим уважением пользуется женщина-мать (супруга, сестра) как хранительница очага и воспитательница детей. Правда, исполнение этих функций не вменяется в заслугу, а является обязанностью. Женщина обречена страдать, в муках производя на свет детей, но в этом же (деторождении) полагается и ее спасение, и спасение всего человечества, так как семя жены паразит главу змея.

В Средние века в Европе статусы мужчины и женщины существенно различались. Женщина считается причиной грехопадения, источником искушений и темным началом. Так, средневековые священники видели причину изгнания Адама из рая в женщине и полагали, что она опаснее змеи. А в 586 г. во Франции прошло собрание, на повестке дня которого стоял вопрос: является ли женщина человеком или нет? После обсуждения собравшиеся вынесли приговор, что женщина – это человек, однако она создана для обслуживания мужчины.

Наиболее остро негативное отношение к женщине проявлялось в открытых женоненавистнических суждениях, которые чаще всего принадлежали перу монахов. Св. Бернар, с одной стороны, возводил Марию (Марьям) в ранг святой, с другой стороны, принижал положение женщин-христианок насколько возможно. Несмотря на распространение культа Девы Марии, материнство не считалось основанием для особого уважения к женщине. В средневековой Европе женщина была настолько бесправна, что, выходя замуж, она теряла право на все свое имущество, которое переходило к мужу. Это положение не менялось и в том случае, если женщина принадлежала к высшим слоям общества, даже к королевской семье.

После Ренессанса и Реформации, которые считаются эпохой Просвещения, в судьбе европейской женщины не произошло никаких изменений.

Вплоть до XIX в. женщина в Европе считалась существом, которое в расчет никто не принимал. «Ученые» и «философы» затевали споры по этой проблеме. Например, обсуждался вопрос, есть ли у женщины душа или нет. Если душа все-таки есть, то она человеческая или звериная? Если все же предположить у нее наличие человеческой души, то ее социальное положение по отношению к мужчине является рабским либо несколько выше?

Европа в XIX в. сотрясалась революциями. Изменения в социальном устройстве повлекли за собой изменения положения женщины. Согласно мнению большинства ученых, первые ростки эмансипации появились еще в эпоху эллинизма, однако тогда им не дано было развиваться. Всерьез же против положения женщины – «босой, беременной и на кухне» – сознание европейца начинает восставать лишь в конце XVIII – начале XIX века. Однако и в это время существенно ничего не меняется. Знаменитый кодекс Наполеона выдержан во вполне патриархальном духе: согласно ему, за мужем закрепляется верховная власть в семье; показания жены не могут быть рассмотрены в суде в качестве свидетельских; проституция оправдывается как способ сохранения единобрачия и т.д.

Однако именно XIX в. считается началом истории женской эмансипации. Начало борьбы женщин за свои права относится к временам Великой французской революции, но сам термин и формулирование основных идей этого движения – к началу XIX века.

Ростки эмансипации пробились сквозь толщу патриархальных устоев и дали обильные плоды. Получив абсолютно равные с мужчинами права и возможности (за что, собственно, и боролись первые эмансипе), феминистки не остановились на достигнутом. Сегодня они выдвигают требования, повергающие в шок даже выдавших виды борцов за женские права, а в бесправном положении часто оказываются уже мужчины, каждый неосторожный взгляд которых может быть истолкован как посягательство на женскую честь. Да и вообще, по мнению таких феминисток,

современные мужчины должны постоянно испытывать комплекс вины за разгильдяйство своих предков.

Большинство современных мужчин с трудом расстается с образом женщины-супруги, жены-хранительницы семейного очага. Процесс женской эмансипации пошел таким образом, что социально-экономическое освобождение женщины нередко приводило к появлению «новых женщин», лишенных привычного женского обаяния. Именно на это жаловался русский мыслитель Н. Бердяев в работе «Метафизика пола и любви». Соглашаясь с тем, что женщина должна быть экономически независима от мужчины, иметь свободный доступ ко всем благам культуры, а также право восставать против «рабства семьи», философ замечал, что все это само по себе не решает проблемы. Более того, женской эмансипации, согласно Бердяеву, помимо позитива, присуща и ложная тенденция, которая разрушает прекрасные мечты и «мистические грезы»¹.

На смену крайностям древнего мира, обрекавшего женщину на бесправное существование, пришли крайности феминизма, заразившего женщину стремлением обязательно быть «не хуже» мужчины во всем: одежде, спорте, профессии и т.д. И если во многом такое стремление оправданно, то, доведенное до крайности, оно становится абсурдным отрицанием половых различий и, на самом деле, мешает, а не помогает женщине полноценно развиваться как личности.

По подсчетам специалистов, современный европейский и американский феминизм сегодня представлен уже «четвертой волной». Радикализм современных адептов этого движения имеет мало общего с позицией родоначальниц феминизма, который, напомним, возник как борьба женщин за равные с мужчинами социально-политические и экономические права. К примеру, сегодня во многих американских вузах созданы особые службы защиты прав женщин от сексуальных домогательств мужчин. Это означает, в частности, что теперь любая студентка, которой показалось, будто какой-нибудь студент или преподаватель косо (в смысле с вожделием) на нее посмотрел, может обратиться за помощью в такую службу, и тогда незадачливому сладострастнику не поздоровится. К счастью, среди американок все же преобладают здравомыслящие особы, которые отнюдь не стремятся в каждом мужском взгляде видеть взор насильника. Но сама формулировка женских прав зачастую звучит совершенно абсурдно.

Античная модель гласила: женщина – не человек или второсортный человек, существо между мужчиной и рабом. Христианство провозгласило равноценность личностей мужского и женского пола, подчеркнув их различия, которые не могут быть предметом оценки (лучше / хуже), а требуют каждое своего развития. Такой подход не ограничивает женское присутствие на профессиональной сцене, но и не снимает с мужчины большей ответственности за семью, семейный мир и спокойствие, обязанности защищать свою спутницу, беречь ее, помогать ей в ее начинаниях и трудах. Современная же модель рисует женщину мужеподобным существом, стремящимся окончательно освободиться от диктата мужчины. В рамках такой модели невозможно функционирование нормальной семьи, так как равенство феминистского толка неизбежно превращается в равнобезответственность обеих сторон, так как на равенстве невозможно построить семейные отношения, которые требуют любви, заботы и ответственности. Современный мужчина, кстати сказать, «феминизирован» не меньше, чем женщина: он тоже чувствует себя свободным от ответственности, от женщины, от любви.

В итоге же, современный феминизм парадоксальным образом приводит к полной и окончательной победе именно патриархального взгляда на жизнь: современная женщина стремится к признанию не столько равной важности мужского и женского, исходящего из фундаментальных и важных для жизни человека и общества различий между полами, сколько полного равенства в выполнении традиционно мужских функций, к тому, что критериями современной женственности становятся успех в бизнесе, победа на олимпийских играх, головокружительная карьера в правительстве, а такое занятие, как материнство становится просто стыдным, если оно не подкреплено всеми вышеуказанными успехами. Вполне очевидно, что подобная переоценка ценностей не может не сказаться на взаимоотношениях мужчины и женщины, на семье, на воспитании детей. И дело не в том, чтобы общество вернулось к принципу «Дело женщины – вязание», но в том, в конце концов, чтобы в семье, независимо от того, кто из родителей сколько и где работает и сколько получает, ребенок мог бы рассчитывать на настоящую материнскую заботу и отцовское внимание.

Итак, в периоды античности, раннего и средневекового христианства, а также эпохи Просвещения женщина занимала приниженное, даже временами постыдное положение по сравнению

¹ Бердяев Н. Метафизика пола и любви. М., 2000.

с мужчиной. Это обусловило вспышку эмансипации в Новое время. Своего апогея эмансипация женщин достигла в XX веке. В настоящее время во многих западных странах (преимущественно европейских, а также в США) женщины и мужчины уравниваются в правах. Перемены, произошедшие в отношении к женщине в XX веке на Западе, наиболее ярко характеризуются такими процессами, как сексуальная революция и активизация феминизма как крайнего проявления стремления к равноправию мужчины и женщины.

В западном мире женщины добились полного равенства с мужчинами. Но в поиске прав женщина потеряла свои самые главные качества: стыдливость и скромность – и превратилась в дешевый товар. Сегодня для продвижения любых видов продукции, начиная от зубной пасты и заканчивая автомобилями, рекламная индустрия эксплуатирует образ женщины. Женщина занята на работах, противоречащих ее естественной сути. При этом, взвалив на себя такой груз, она все равно не стала чем-то большим, чем просто средство производства, и во многих цивилизованных странах даже не получает оплату наравне с мужчиной.

Итак, на Западе вопрос о гендерном равенстве породил концепцию равенства полов, подразумевающую достижение равных прав мужчины и женщины в семейных и других правовых отношениях. Она состоит в том, чтобы изучить и устранить все социальные барьеры, мешающие человеку проявиться как личности, а также создать равные социальные возможности для реализации личности мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности в зависимости от предпочтений автономной личности.

Сторонники данной концепции утверждают, что равенство есть предоставление каждому равных возможностей. Но вопрос о равных возможностях мужчины и женщины спорен – хотя бы на том основании, что мужчина и женщина не идентичны в биологическом отношении, следовательно, от природы не могут и не должны иметь равные возможности. При этом речь не идет о неравенстве возможностей для реализации потенциалов. Женщина может выполнять любую работу, мужчина тоже. Понятно, что есть личные склонности, способности, возможности организма, наконец. Но в целом нет таких профессий и занятий, которые бы были недоступны женщине (то же справедливо и для мужчин). Прикладывая усилия, человек может добиться интересных ему результатов независимо от пола. Кому-то усилий нужно больше, кому-то меньше, но с полом это не связано.

Вернемся к упомянутому выше биологическому неравенству. Наличие разных хромосом существенно влияет на организм. Женский организм ориентирован на зачатие, вынашивание и выкармливание, что накладывает некоторый отпечаток на работу, например, желез внутренней секреции, приводит к повышенной выработке гормонов серотонина и дофамина, обеспечивающих сохранение спокойствия. У мужчин функция другая – обеспечить выживание потомства через защиту от внешних угроз и добычу необходимых для выживания вещей. В связи с этим мужской организм в повышенном количестве вырабатывает адреналин. Поэтому, в биологическом смысле, мужчины – бросовый расходный материал (феномен повышенной мужской смертности). Даже если 90% мужчин погибнет, популяция от этого пострадает, но переживет потерю. Женщины – ценный биологический актив, от которого напрямую зависит выживание популяции. Поэтому женщина в ходе эволюции сформировалась как максимально выносливая единица. При этом важно, что указанные различия не фатальны. Например, они никак не сказываются на интеллекте – чисто биологически интеллектуальные возможности мужчин и женщин одинаковы.

Отсутствие биологического равенства имеет и социальные последствия. Например, женщина, являясь по факту равной мужчине, значительно реже занимает руководящие позиции, государственные должности и пр., иными словами, реже добивается так называемого социального успеха. Причина этого очевидна и лежит в области биологических и культуральных различий. Она заключается в том, что женщины тратят на потомство очень много энергии, гораздо больше, чем мужчины. Соответственно, не у всякой женщины энергии достаточно, чтобы вырастить потомство и жить активной социальной жизнью. Отсюда и необходимость выбора – семья или работа. Фактически, это разделение труда: она занимается детьми, он обеспечивает семью пищей. Поэтому женщина реже, чем мужчина, добивается успеха в делах, требующих полной отдачи.

Иными словами, полного равенства между мужчиной и женщиной быть не может, по крайней мере до тех пор, пока мужчина не окажется способным выносить и выкормить ребенка (декретный отпуск для мужчин – не решение, все равно энергетические затраты женщины больше). Таким образом, биологическое неравенство мужчины и женщины действительно существует, оно обусловлено половым диморфизмом, одним из факторов эволюции. И ключевым фактором этого неравенства является количество энергии, которое женщина тратит на потомство.

При этом нельзя утверждать, что «женщины и мужчины совершенно одинаковы, только женщины могут рожать». Человек нуждается в самоидентификации с какой-либо группой. Самая простая и очевидная группа – это люди одного с ним пола.

В норме женщина горда тем, что она женщина. А мужчина гордится тем, что он мужчина. В норме они знают про различия и испытывают по этому поводу глубочайшее уважение друг к другу. В частности, мужчины стараются по возможности компенсировать вложения женщины в потомство и / или снизить их. В норме женщина ценит усилия мужчины, а мужчина – вложения женщины.

Итак, абсолютное равенство мужчины и женщины – идея утопичная, не имеющая связи с реальной жизнью. Стремление западной цивилизации к максимальному уравниванию полов, к сожалению, нередко приводит к социальным и культурным деформациям, которые мы наблюдаем в современной Европе: рост отклонений в гендерной самоидентификации, тенденция полного игнорирования пола человека – с негласным ущемлением прав мужчины и предоставлением женщине всевозможных льгот, появление института однополых семьи (что не может не сказаться на воспроизводстве потомства) и пр.

Совсем иначе вопрос о равенстве мужчины и женщины решается в цивилизациях традиционных. В них женщины и мужчина не равны по сути, так как имеют разное предназначение, функции. Иными словами, Запад стремится к провозглашению равенства между мужчинами и женщинами, стиранию функциональных различий между ними, Восток – к подчеркиванию этих различий и, как следствие, к утверждению неравенства, проистекающего из сути мужчины и женщины.

В современной исламской цивилизации нет представления о равенстве мужчины и женщины, что означает не приниженное положение женщины, а, скорее, соотнесение половой принадлежности с естественными для мужчины и женщины функциями (биологическими, социальными и культурными). В мусульманских странах все сферы жизни регулируются законами веры. А Коран если и не утверждает равенства полов, то требует относиться к женщине с уважением и почитанием. Кораном определяются ограничения для женщин, касающиеся одежды, правил поведения, но в целом женщины в мусульманском мире не находятся в подчиненном положении: они получают образование; активно участвуют в политической жизни; работают, если хотят, – только для самореализации, поскольку содержать жену обязан муж; браки скреплены брачным контрактом, который в теории должен в равной степени защищать интересы обеих сторон, но на деле в большинстве случаев защищает интересы женщины (да и большинство законов ориентированы на них). Некоторая же изоляция от мужских дел – это не дискриминация, а, скорее, возможность создать свой, женский мир, наполненный интересными для женщины вещами, вместо ненужного участия в игре на мужском поле в деловой сфере.

На Аравийском полуострове в доисламский период женщине также отказывали в правах. Она не могла наследовать после смерти мужа или отца, занимала приниженное положение. Ислам вернул женщине ее достоинство и обелил ее после эпохи всевозможных унижений. Она стала пользоваться уважением и вниманием в доме своего отца, ей оказывают честь и достойно относятся к ней в доме мужа. Она имеет возможность высказывать свое мнение, навещать своих родных и поддерживать с ними связи. Когда же она становится матерью, то превращается в охранительницу детей. Известно, что люди, которые выросли вне здоровой семейной среды, и особенно те, кто был лишен материнской нежности и ласки, в дальнейшей жизни сталкиваются с большими психологическими проблемами.

Однажды один человек пришел к Мухаммаду и спросил: «Кто в жизни больше всего достоин моего уважения, о Посланник Аллаха?» Мухаммад ответил: «Твоя мать». Человек спросил: «А затем кто?» Посланник Аллаха ответил: «Твоя мать». В третий раз человек спросил: «Кто затем, о Посланник Аллаха?» Пророк ответил: «Затем твой отец». Этим показано, какое высокое положение занимает мать в исламе. Уважение к матери проистекает из требований ислама о послушании родителям, а авторитет жены из того, что она является другой половиной религии мужа и порогом его дома. Что же касается сестры, то ее надо оберегать, пока она не найдет добродетельного мужа.

В исламе уважительное отношение к жене и матери не исключает полигамии для мужчин, т.е. сам институт семьи существенно отличается от европейского традиционного (сложно говорить о современном институте семьи в Европе). Однако в исламе полигамия трактуется как преграда чувственной похоти. Иными словами, мужчина, в природе которого признается полигамное начало, чтобы не разрушать семью изменой, связями на стороне, может иметь нескольких жен

(как правило, до четырех). Даже противники ислама свидетельствовали о благотворном воздействии его положений, легализующих многоженство. Эти положения сохранили исламские страны от эпидемии проституции: они в меньшей степени затронуты волной проституции благодаря допущению многоженства. При этом ислам разрешает многоженство при условии справедливого отношения к женам: «Женитесь на тех женщинах, приятных вам – на двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то – на одной».

Основы отношения к женщине в исламской цивилизации лежат в Шариате – исламском праве. Шариат предусматривает значительные различия в прах и обязанностях мужчины и женщины, которые касаются вопросов брака, развода, юридического статуса, одежды и образования.

Шариат обязывает женщину носить хиджаб – это одно из основных требований исламского законоположения. В Коране, а также в высказываниях Мухаммеда четко определены основные требования к женской одежде:

- необходимо, чтобы одежда прикрывала все части тела, кроме лица и кистей рук, а также волосы;

- одежда не должна быть прозрачной, просвечивающейся;

- одежда не должна быть облегающей;

- одеяние женщины должно соответствовать традиционно женскому, а не мужскому стилю в одежде.

«И скажи женщинам, истинно верующим в Бога, чтоб опускали они взоры свои и сохраняли плоть свою (от грехов). И чтобы не выставляли напоказ красоту свою, помимо лишь того, что явно. И пусть набрасывают шаль на грудь (разрез одежды на верхней части груди). И пусть не выставляют красоту свою, кроме как для мужей своих...»

Ставшие привычным для современного (в большей части нерелигиозного) общественного сознания представления о женской одежде обусловлены влиянием западных стандартов в одежде и поведении женщин. Им присуща тенденция к чрезмерной открытости и обнаженности, которая противоречит морально-этическим идеалам не только исламской, но и христианской и иудейской религий. Исламские требования скромности и умеренности, предъявляемые к женской одежде, полностью соответствуют духу морально-нравственных заповедей Библии. Традиция авраамического единобожия уделяет особое внимание внешнему виду женщин, уверовавших в господина своего: сокрытость тела от посторонних, нескромных взглядов, «целомудренные одеяния» всегда символизировали чистоту и непорочность женщины. Покрывало (евр. «цаиф», перс. «чадур», араб. «хиджаб») с древнейших времен было неотъемлемой частью ее костюма.

Таким образом, отношение к хиджабу в западной и мусульманской традиции различны. Современная западная культура видит в хиджабе приниженность, ущемленность женщины, что обусловлено привычкой видеть более открытую, обнаженную, и, как правило, доступную женщину. Мусульманская цивилизация иначе относится к хиджабу: увидя на улице мусульманку, идущую в свободной одежде и в платке, вспомните, что это не забитая и бесправная, а достойная и уважаемая женщина, всем своим видом показывающая, что она уверовала в Единого Бога и живет по Его нормам и принципам, чего и другим желает.

В современном исламском мире неоднозначна ситуация именно с положением Корана об обязательном ношении хиджаба, так как оно, по мнению западной цивилизации, наиболее ущемляет права и свободы женщины. И если сегодня хиджаб обязателен в Афганистане, Саудовской Аравии, Иране и Йемене, то в ряде стран, населенных преимущественно мусульманами (Турции, Киргизии, Туркмении, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане и Азербайджане), запрещено носить его в государственных учреждениях, школах и университетах. Эти запреты обусловлены различием взглядов на женщину и ее свободы в западной и исламской цивилизациях. Данные запреты (волна которых прошла во второй половине XX века) до сих пор вызывают протесты. Так, Турция, одной из первых запретившая хиджаб в государственных учреждениях, уже трижды возвращалась к вопросу о возврате традиционной исламской одежды. Однако очевидно, что страна, являющаяся членом НАТО и кандидатом на включение в Евросоюз, находится в ситуации «раздирающих противоречий» между западной и исламской культурой.

Инциденты с запретом на ношение хиджаба имеют место и в России. Россия, будучи многоконфессиональной страной, не имеет такого запрета на ношение хиджаба, и все попытки его введения (особенно в районах с мусульманским населением) встречают сопротивление. Так, в октябре 2012 года в Ставропольском крае разгорелся скандал из-за запрета носить хиджаб в школах, расположенных в районах, где большинство населения – мусульмане.

Важной особенностью положения женщины в современном исламском мире является равное с мужчинами право на образование – (при том, что многими противниками ислама исламская женщина позиционируется как неграмотная и необразованная). «...И говорил: “Господи! Приумножь мои знания”». Знание освещает нам путь и приносит радость, открывая перед нами новые горизонты.

Обогащать свои знания – обязанность каждого мусульманина. Поэтому не удивительно, что в жизни сознательного мусульманина образование, как религиозное, так и светское, играет важную роль. Из этого следует, что ни при богослужении, ни при получении знаний не делается различий между мужчинами и женщинами.

Женщины сыграли важную роль в основании многих исламских учебных заведений, например, Фатима аль-Фихри в основании университета Аль-Карауин в 859 году. По свидетельству Ибн Асакира, жившего в XII в., в исламском мире существовали большие возможности для образования женщин, коорые могли учиться, достигать академических степеней, а также квалифицироваться как ученые и преподаватели. Женщины в исламском мире были вдохновлены примерами жен пророка Мухаммеда: Хадиджи, которая была успешным предпринимателем, и Айши, известной ученой в области хадисов.

Ислам дает женщинам право на личное имущество. По причине отсутствия у них финансовых обязательств (по содержанию семьи, например), некоторых финансовых прав у мужчины больше. Однако мусульманские женщины исторически имели права собственности, аналоги которых на Западе появились сравнительно недавно.

Особого рассмотрения требует вопрос об отношении женщины к религии в исламе.

Аллах предписал верующим покорность и выполнение возложенных на человека обязательств независимо от пола. Ислам осовывается на пяти столпах, которые являются фундаментом веры в этой жизни и гарантом спасения от наказания в следующей вечной жизни.

1. Свидетельство Шахада – это признание в сердце, осмысление разумом и произнесение следующей фразы: «Нет божества, кроме одного бога, Мухаммад – посланник бога». Это простое утверждение, указывающее на основные убеждения мусульманина, является основой для всего остального. Из этого утверждения, свидетельствующего о вере в единственность бога и пророческую миссию Мухаммада, вытекают все концепции ислама, его моральные ценности и руководящие принципы поведения и отношений между людьми.

2. Молитва (намаз) – второй столп ислама после произнесения формулы исповедания веры, означающей принятие ислама. Основной и важнейшей обязанностью женщины в исламе является совершение намаза, что есть признак наличия искренней веры в Аллаха и поклонения ему.

3. Обязательная благотворительность. Закят – это обязательная выплата с дохода мусульманина, равного или превышающего установленную норму (нисаб) за годовой период. Женщины, равно как и мужчины, при наличии дохода (речь идет о работающих женщинах) обязаны выплачивать закят.

4. Пост в месяц Рамадан. Пост означает воздержание от еды, питья, супружеской близости в течение дневного времени суток, т.е. от рассвета до захода солнца. Это время для увеличения богобоязненности, благочестивых дел, борьбы с собственными слабостями и пороками. Верующий укрепляет свою веру (иман) путем приближения к Аллаху через чтение Корана, дополнительных молитв, воспоминание его имен и атрибутов (зикр) и размышления над могуществом всевышнего Аллаха. Пост в месяц Рамадан обязателен как для мужчин, так и для женщин, за исключением случаев, когда женщина беременна или кормит ребенка грудью. В отношении этих случаев мнения расходятся. Согласно первому мнению, женщина, не имеющая возможности воздержаться от поста, должна восполнить день поста позже. Согласно второму, женщины должны восполнить пост и накормить одного бедняка за каждый пропущенный день. По третьему мнению, женщина должна только накормить бедняков и не должна восполнять пост. В любом случае мы видим, что особое положение беременной или кормящей женщины учитывается во время поста месяца Рамадан.

5. Паломничество к дому Аллаха (Хадж). Хадж является величайшим обрядом поклонения, а поскольку все поклонение всевышнему основывается на священном Коране и сунне посланника Аллаха, то каждый мусульманин при совершении хаджа обязан стремиться следовать дороге пророка, который сказал: Учитесь у меня своим обрядам.

Хадж обязателен один раз в жизни для каждого мусульманина, который в состоянии совершить его, т.е.имеет для этого физические силы, а также денежные средства. Женщина может

отправиться в хадж только с мужем или с родственником, вступление в брак с которым невозможно (махрамом).

В последнее время имеется разрешение (фетва) по поводу отправления в хадж женщины, не сопровождаемой махрамом. Оно имеет место, если: 1) у женщины нет махрама, способного сопровождать ее; 2) группа, отправляющаяся в хадж, включает других женщин; 3) в группе должен быть руководитель-мужчина, хорошо владеющий информацией о правилах хаджа, месте пребывания и ориентирующийся на местности.

Итак, как видим, религиозные права женщин-мусульманок никоим образом не ущемляются, в некоторых случаях используются ограничения, обусловленные состоянием женщины (пост для кормящих и беременных женщин в месяц Рамадан или сопровождение незамужней девушки махрамом в Хадж).

Специфику имеет и отношение к вопросам трудовой занятости женщин в исламе.

Женщина обладает правом на такой труд, который соответствует ее достоинству. Однако обстоятельства могут быть разными. У женщины может не быть близких людей, или она может по своему желанию избрать труд. В такой ситуации важно, чтобы она работала в среде, где бы могла сохранять свое целомудрие, честь и достоинство. И создание такой среды – обязанность соответствующих организаций.

Ислам уважает право женщины на труд – труд созидательный, на благо семьи и общества. Шариат, в целом не запрещая женский труд, определил, принимая во внимание особенную природу женщины, несколько условий, обеспечивающих работающей женщине охрану ее чести, здоровья и безопасность:

1) женщина должна, по возможности, трудиться отдельно от мужчин, так как смешивание вредно как для женщин, так и для мужчин;

2) женщина, пожелавшая работать, должна получить согласие со стороны своего мужа, отца, брата или опекуна;

3) труд не должен отрицательно сказываться на физическом и духовном состоянии женщины;

4) женщинам рекомендуется приложить свои усилия в тех областях, где это было бы наиболее эффективно и целесообразно:

– в воспитании и образовании, в частности, девичьем;

– в здравоохранении, особенно в гинекологии;

– в сфере производства женской одежды и т.п.;

– в сфере консультационных услуг в области бизнеса, психологии, дизайна;

– в писательской деятельности;

5) работа не должна занимать слишком много времени, так как женщине необходимо уделять время себе, детям и мужу:

б) женщине нельзя вне дома пользоваться косметикой и парфюмерией; следует одеваться скромно, без излишеств и вести себя перед посторонними как подобает истинной верующей.

Как видим, вопрос об отношении ислама к трудовой занятости женщины отражает представления о месте и роли женщины, о ее надлежащем облике. В исламе принято видеть женщину скромной, доброжелательной, в первую очередь реализующей обусловленные природой свойства и избегать ситуаций, в которых возможно духовное, нравственное падение, соблазн, искушение. Поэтому занятость женщины сопряжена с ограничениями от общества посторонних мужчин (впрочем, и мужчинам в трудовой деятельности не рекомендуется находиться в обществе женщин, так как это отвлекает и разлагает морально). Данные ограничения представляются целесообразными с точки зрения естественной морали, предусматривающей некий идеал мужчины и женщины, который связан с их естественными особенностями и функциями, сохранением духовной, моральной целостности.

Именно моральными ограничениями обусловлены некоторые нежелательные, с точки зрения ислама, последствия трудовой занятости женщин вне дома. Вот как их характеризуют ученые.

1. Ежедневные транспортные проблемы и связанные с ними большая скученность, давка отрицательно сказываются на внешнем и внутреннем, духовном, состоянии женщины.

2. Чрезмерная занятость на работе отвлекает женщину от ведения домашнего хозяйства, воспитания детей. Мужчина желает видеть в ней не передовика производства, а любимую женщину и добрую, заботливую мать своих детей.

3. Нередко деловые взаимоотношения женщины и мужчины, являющихся сотрудниками одного офиса, предприятия, перерастают в интимные связи, что, как правило, в конечном итоге, после череды скандалов и объяснений, приводит к разрыву законных семейных уз.

4. Дети, лишенные материнской заботы и ласки, выброшенные фактически на улицу, пополняют ряды социально опасных преступников.

5. Иногда несчастные матери, из боязни потерять работу, вынуждены оставлять своих малолетних детей одних, без присмотра, и зачастую случаются непоправимые беды.

6. Женщины, устремившись за мнимой свободой, отстранив мужчин от работы, взвалили на себя непосильную ношу. Экономический кризис повлек за собой кризис духовный. Мусульманские семьи, являвшиеся когда-то очагом любви и тепла, разваливаются на глазах. Мораль пала так низко, что скромность и верность уступили место мерзости и распутству.

В исламе некоторая правовая ущемленность женщины имеет место в вопросах бизнеса: где нужно свидетельство одного мужчины, обычно требуется свидетельство двух женщин. Однако в вопросах семьи, брака, развода и подобных, свидетельства одной женщины бывает достаточно для доказательства факта. Это несоответствие связывают с вероятной меньшей осведомленностью женщин в финансовых вопросах.

Некоторые исламские школы не дают женщине права занять должность судьи. Другие (ханафитский мазхаб) говорят о запрете только на уголовный суд и разрешают вести гражданские дела. Это связывают с желанием оградить женщину от бремени рассмотрения жестоких, кровавых криминальных дел.

На современном этапе в некоторых мусульманских странах, например в Египте и Марокко, остается дискриминация в области образования и работы. Структура занятости в мусульманском мире различна: в Пакистане экономически активны 16% женщин, в Индонезии – 52%.

Иными словами, в исламе вопрос о занятости женщины рассматривается в целом положительно и женщина имеет право трудиться, если того желает сама, однако нежелательными считаются некоторые виды профессий и формы организации труда.

Несмотря на допустимость трудовой занятости, в исламе основным предназначением женщины считается ее реализация в семье как матери и жены.

В Исламе семье уделяется большое значение. Коран очень высоко чтит ее. Семья считается естественной формой проявления любви мужчины и женщины, которая, в свою очередь, считается знаменем бога. Ислам выступает за гармоничные отношения между мужем и женой. Оба должны стремиться удовлетворить сексуальные и другие потребности друг друга. Ислам призывает мужей проявлять доброту к женам, а жен быть послушными своим мужьям. В Коране поощряется стремление к взаимному соглашению в семейных спорах.

Рекомендуется, чтобы муж и жена соответствовали друг другу по возрасту и общественному положению. Однако существуют некоторые ограничения: супруга не должна подпадать под категорию махрам, к которой относятся мать (в том числе молочная), бабушка, дочь, внучка, родная и молочная сестра, дочь родной сестры или дочь родного брата, сестра матери или сестра отца, теща, падчерица, мачеха и невестка. Разрешено кровное родство не ближе третьей степени по боковым линиям.

Специфическое воспитание девочки, скромность, сдержанность, обусловленные Шариатом, способствуют тому, что в исламе девушка готова вступить в брак и стать хорошей матерью в довольно раннем по западным меркам возрасте. Так как ислам распространен широко, мы видим очень разный возраст, с которого девушка может вступить в брак. В некоторых странах допускаются даже браки с девочками. Однако это совсем не означает вступления девочки в сексуальные отношения с мужем. Как правило, такие браки заключаются из других соображений: для укрепления материального положения, соединения родов и пр.

Что касается осуществления брачных отношений с молодой женщиной, то ученые единогласны в том, что жениху нельзя позволять входить к невесте, пока она не будет готова к общению. При этом следить за соблюдением данного правила должна семья молодой жены. Исламские правоведы единогласно считают, что мужу нельзя разрешать приближаться к жене, пока она не будет физически способна к супружеским отношениям, а это должны определять специалисты.

Вступление в брак в молодом возрасте является предписанием пророка Мухаммеда для предотвращения некоторых из самых серьезных проблем, которые стоят перед молодежью и оказывают огромное влияние на благополучие общества. Мухаммед сказал: «О юноши! Пусть те из Вас, кто может жениться, женятся, ибо это ведет к опусканию взоров и защите их целомудрия. А те, кто не может это позволить, пусть постятся, дабы обуздать свою плоть». Заметьте, что хадис гласит: «...кто может жениться...», при этом «может» в любом отношении.

В мусульманских семьях принято относиться друг к другу с добротой и милосердием. Если один из супругов болен или у него неприятности, то второй поддерживает его и помогает ему.

Жене подобает встречать мужа с улыбкой и не нагружать его с порога своими проблемами, а ему следует быть благодарным за то, что она ухаживает за семьей и старается обеспечить комфорт и уют в доме.

В исламе рекомендуется, чтобы муж и жена старались видеть друг в друге только хорошие качества, проявлять терпение в жизненных трудностях, не раздражаться по мелочам, быть внимательными и заботиться друг о друге.

Здоровая крепкая семья имеет большую ценность для общества. Каждый член семьи, по Шариату, имеет свои права и обязанности, соблюдая которые можно достичь счастья в семейной жизни.

Рассмотрим основные права женщины, которые реализуются в семье.

В первую очередь, ислам, вопреки западным стереотипам, не приемлет принудительного брака. Вступление женщины в брак является добровольным. Невозможно заключение брака без согласия будущей жены, причем это согласие должен спрашивать у нее даже ее отец. Если отец без разрешения девушки выдал ее замуж, она может попросить об отмене брака в суде.

Однако, по Шариату, мусульманка может вступить в брак только с мусульманином. Это объясняется тем, что мужчина-немусульманин как глава семьи может дать дурной пример детям. Если муж – иноверец, а жена мусульманка, то, скорее всего, дети перестанут быть мусульманами и будут воспитаны в иноверческой традиции. Здесь предусмотрен защитный, охранительный механизм для мусульманской культуры.

Вместе с тем Коран позволяет мужчинам-мусульманам брать в жены женщин из числа «людей Писания» (христианок и иудеек). В этом присутствует та же логика, что и в запрете женщинам-мусульманкам выходить замуж за иноверцев: муж – глава семьи, он определяет ее духовные ориентиры, поэтому, даже женившись на немусульманке, мужчина-мусульманин сохраняет религиозные и культурные традиции семьи, прививая их детям. Однако брак мусульманина с немусульманкой является предосудительным, хоть и не запретным. Предпочтительный брак с мусульманкой обусловлен следующим постулатом Корана: «На женщине женятся из-за четырёх причин: её богатства, её происхождения, её красоты и её набожности; руководствуясь последним, ты преуспеешь».

В мусульманской семье распространен брачный контракт. Он представляет собой договор, по которому каждый из супругов с момента вступления в брак возлагает на себя определенные обязательства, за которые несет ответственность.

По взглядам ислама, нет необходимости в утверждении брачного договора судьей, юристом-богословом и его документальной фиксации. Дело в том, что в исламском обществе заключение брака – достаточно простая процедура. Главное условие состоит в том, чтобы она не была тайной и скрытой, а проводилась открыто и гласно. Для признания брака действительным достаточно взаимного согласия совершеннолетних супругов в присутствии двух свидетелей.

Наиболее важными нормами брачного контракта являются: устойчивость супружества и выполнение каждым из супругов условий контракта; разделение наследства между двумя сторонами.

Согласно брачному контракту, мужчина обязан:

- выплатить свадебный подарок (махр);
- возложить на себя содержание жены во всех его формах (пища, одежда, жилье и другое).

На жену возлагается:

- утверждение за мужем права на её воспитание, поскольку муж является главой семьи;
- подчинение мужу во всем; жена должна быть привязанной к его дому; поэтому, если нет необходимости, она не должна выходить из дому без разрешения мужа;
- дозволение мужу наслаждаться ею, если нет весомой причины, например, месячных кровотечений.

Как уже отмечалось, мужчинам в браке разрешено иметь до четырёх жён. По мнению некоторых исламских богословов, женщина имеет право прописать в контракте условие, по которому мужу запрещается брать вторую и последующую жену без её согласия.

Как видим, Коран предъявляет весьма существенные требования к женщине, выходящей замуж. В первую очередь, это признание мужа главой семьи и подчинение ему. Впрочем, подчинение мужу не должно нарушать прав женщины в браке, о которых сказано выше.

Несмотря на то, что, по Корану, женщина занимает достойное положение в мусульманской семье, семья строится именно на различиях между мужчиной и женщиной. В мусульманской семье отношения сходят из понимания, что бог создал мужчину и женщину разными и дал им раз-

ные права и обязанности с соответствии с их особенностями. Мусульманка понимает, что она слабее мужчины и не стремится занять его место. А мужчина-мусульманин не стремится уподобляться женщине и не избегает возложенной на него ответственности. Однако в понятие «уподобление женщине» входит не помощь женщине в домашних делах (известно, что пророк Мухаммед сам помогал жене в домашних делах), которая что ни в коем случае не унижает достоинство мужчины. Скорее всего, имеется в виду положение, в котором находится женщина в семье: она не несет ответственности за материальное обеспечение, может не работать, что для мужчины не позволительно.

В мусульманской семье мужчина является главой и кормильцем. Он имеет права в семейных отношениях. Но это ни в коем случае не ущемляет права женщины – ни моральные, ни материальные. Муж обязан обеспечивать свою жену и детей, а также своих родителей, если они нуждаются, и тех, кого, по Шариату, он обязан содержать. Он защищает свою семью, оберегает её, старается оградить от грехов и нарушений. Он отвечает и за то, чтобы его жена и дети имели достойные религиозные знания.

А жена в ответ старается помогать ему, делать ему приятное, радовать его. Ведь, согласно Корану, она не только мать его детей, но и друг, и советчик. Ислам не поощряет домашний беспорядок, отсутствие в семье настоящего хозяина и безответственность. В семье обязательно должен быть ответственный за моральное состояние домочадцев, их дела и порядок в доме. Хозяин семьи, как считает ислам, больше подходит для этой важной роли. На мужчине лежит большая ответственность, с него и спрос больше: это он обязан обеспечивать всю семью материально, на нем также лежит и моральная ответственность за благополучие своей семьи. Что касается материальной стороны, в исламе существует следующее правило: деньги мужа – это общие деньги (они расходуются сообща, но жена обязана согласовывать свои траты с мужем); если же жена работает, то заработанные ею деньги являются её личной собственностью, которой она может распоряжаться по своему.

Однако это вовсе не значит, что если ислам сделал мужчину единовластным попечителем всех членов семьи, то он управляет ими, как ему заблагорассудится, а женщина при этом выступает в роли безгласной невольницы, не имеющей влияния в домашних делах. В современной западной культуре сложился именно такой стереотип восприятия мусульманской семьи.

В Коране сказано: «Жены имеют такие же права, как и обязанности, и относится к ним следует по-доброму, но мужа выше их по положению». Посланник Аллаха сказал: «Поистине, для вас от ваших жен – право, и для ваших жен тоже на вас лежит право».

Если женщина обязана повиноваться своему мужу, то и муж, в свою очередь, должен использовать свое влияние для того, чтобы в семье царил дух благоденствия, счастья и процветания, а не в вероломных и агрессивных целях. Мужчине предписывается относиться к женщине снисходительно, прощать многие ее слабости, если они не противоречат Шариату и не в ущерб ее основным обязанностям. Ислам старается сохранить брачные узы только в том случае, пока между супругами сохраняется обстановка любви, сердечности, дружелюбия или, по крайней мере, нормальные взаимоотношения. Если создание такой обстановки невозможно, если в семейной жизни вместо милосердия воцарилась ненависть, то исламский суд вправе расторгнуть брак.

Развод далеко не поощряется исламским обществом, к нему прибегают только в самых крайних случаях. В результате распада семьи страдают дети, которые лишаются возможности часто общаться с одним из родителей; страдают также и женщины, остающиеся без материальной поддержки (так как, как мы уже знаем, все основные обязанности по содержанию семьи лежат на мужчине).

Права женщины в исламе особым образом реализуются в семье не только в супружеских отношениях. Специфичны правовые отношения в аспекте семейного наследования. Так, согласно Шариату, мусульманка получает меньшую долю наследства, чем ее братья. Однако следует подчеркнуть, что обязанность по защите жизни, имущества, чести и достоинств женщины лежит на мужчине. Женщина должна оберегать свою честь, но она не обязана оберегать жизнь, имущество, честь и достоинство других людей. Поэтому вопрос наследства следует рассматривать с этих позиций, так как женщина не несет ответственности за обеспечение средствами к существованию не только других, но и себя.

В Исламе большое внимание уделено обретению знания и обучению других. С этим связаны особые обязанности матери, которая до определенного возраста обучает своих детей. Чтобы отвечать на вопросы детей, ей нужно обладать начальными знаниями практически по всем темам,

которые только можно себе представить. И если мать не знает, что ответить, то она должна знать, где найти ответ.

Таким образом, женщина в исламе рассматривается как драгоценность, требующая заботы и бережного отношения. С этой целью имеются некоторые предписания, направленные на сохранение ее чести, достоинства, красоты. Однако, как было сказано ранее, как мужчина, так и женщина обладают полным равенством, что дает им все соответствующие права: защиту жизни, чести, имущества и достоинства. Эти права неприкосновенны, не ущемляются и не оспариваются. Соблюдается неприкосновенность личности и жилища. Все предписания и законы распространяются без исключения на всех. Ислам установил определенные различия между мужчиной и женщиной по некоторым правам и обязанностям вследствие особенностей организма мужчины и женщины, а также возложенной на них роли в обществе.

Женщина свободна и независима в обладании, пользовании и распоряжении собственностью, она может участвовать в управлении, работать, получать образование, выступать против несправедливости и защищать свои права, путешествовать вместе с близкими родственниками, может сама, без постороннего вмешательства, выбирать для себя супруга, может создавать семью, рожать детей, а в случае развода получать алименты. Более того, при любых обстоятельствах ей гарантированы средства к существованию.

Несмотря на то, что, с точки зрения правоверных мусульман, женщина должна занимать в обществе одно из самых почётных положений, фактически она обладает меньшими правами, чем мужчина. Это, в частности, касается семейных отношений, где, как уже отмечено, мужчины имеют право на полигамию, брак с женщиной другой веры и т. п. У женщины аналогичных прав нет. Также в некоторых исламских странах существуют другие ограничения прав женщин, такие как запрет на вождение автомобиля, появление на публике без сопровождения родственника-мужчины, запрет на участие «во всем, что связано с музыкой и костюмированными представлениями» (эти ограничения действуют в Саудовской Аравии).

В настоящее время не наблюдается серьёзных изменений в вопросе равноправия женщины в исламских странах, единичные случаи протеста не влияют на сложившуюся ситуацию.

Нам было интересно получить информацию, так сказать, из первых уст, т.е. мнение самих мусульманок о том, насколько реализуются их права, каково их место в мусульманском мире. Для этого мы провели небольшой опрос:

Как Вы оцениваете положение женщины в мусульманском обществе?

Важна ли для Вас трудовая занятость? Работаете ли Вы? Если да, то в какой сфере?

Какое значение для Вас имеет семья и каким Вы видите свое место в семье?

Опишите Ваше отношение к образованию. Имеете ли Вы образование? Если да, то какое?

Опишите Ваше отношение к исламу.

Опрос проводился по электронной почте, так как было необходимо рассмотреть мнение мусульманок, проживающих в разных регионах России. Мусульманки, опрошенные нами, представляли разные возрастные группы, были различны по семейному положению (замужние, незамужние).

На вопрос о положении женщины в мусульманском обществе получены позитивные ответы, описывающие свободную и достаточно независимую женщину, выбирающую род занятий (согласно Шариату) и высоко ценящую свой облик «мусульманки».

Мы видим активность и социальную занятость молодой мусульманки. Незамужние девушки, по мнению опрошенных, – это «студентки, ведущие активный образ жизни, занимающиеся самообразованием», «девушки, ведущие активную социальную и политическую жизнь, из-за чего у них довольно мало свободного времени».

Замужние женщины отличаются уже тем, что семья является для них важнейшим занятием: «Важнее всего для меня семья, дети и муж, работа – второстепенна, но она приносит удовольствие»; «Я – жена и мать, это мой сознательный выбор, поскольку так сказано в Коране, а я стараюсь чтить Коран». Замужние мусульманки, являясь в первую очередь хранительницами семьи и ценя это свое качество, нередко работают, чтобы самореализоваться и в других сферах. Но даже неработающие замужние мусульманки не ощущают себя неполноценными (что нередко в западной цивилизации) и полностью реализуют себя в семье.

Все опрошенные мусульманки соблюдают Шариат в отношении хиджаба, так как считают это «важной частью женского начала». «Хиджаб позволяет женщине сохранить свое лицо, оставаться целомудренной, скромной, добропорядочной». Хиджаб воспринимается ими как необходимая часть жизни, подчеркивающая достоинство, добропорядочность женщины. При этом от-

мечается и положительное отношение к этому факту других людей: «Люди с уважением принимают то, что я одеваюсь соответственно своей религии; я очень рада, что я в религии Ислам, и считаю, что это большой подарок».

Несмотря на то, что все эти женщины надевают закрытую одежду и платки, они стараются, чтобы их одежда была красивой. Как отмечает одна из опрошенных, «сейчас существует большое количество фирм исламской одежды – это наряды, деловые костюмы, свадебные платья, повседневная одежда, даже спортивные костюмы и купальники, все это сшито так, чтобы женщина в любой ситуации могла сохранять свое достоинство».

В современном мире стала проявляться тенденция к более глубокому изучению исламской моды. Так, в 2009 году в Казани прошел финал Первого международного конкурса мусульманской моды «Islamicclothes». В 2015 году в Казани же был проведен Пятый фестиваль мусульманской моды. В конкурсе участвовали 40 модельеров разных национальностей, профессионалы и любители из Узбекистана, Азербайджана и нескольких регионов России: Оренбургской, Свердловской областей, Татарстана, Башкирии, Чувашии, Приморья, Алтая, Москвы и Санкт-Петербурга. Они представили 51 коллекцию, 10 из которых вышли в финал. Одежда, представленная на конкурсе, удовлетворяла основным требованиям Шариата. При этом было представлено обилие цветов, орнаментов, украшений. Многие коллекции (а представлены были женская, мужская и детская исламская одежда) вызвали шквал аплодисментов зрителей: настолько удачно они сочетали в себе канонические требования и современные веяния моды.

Для западной культуры сочетание «исламская мода» звучит как оксюморон, причиной чего является западный менталитет. Западные модные коллекции, показы мод формируют образ анорексичной женщины, одетой так, чтобы вызвать желание в мужчине. Мусульманская мода, следуя Шариату, создает разные варианты костюмов для женщин, которые ведут активный образ жизни, занимаются общественной деятельностью и спортом. И если модели из западных коллекций довольно трудно вообразить на женщине в обыденной жизни, то модельеры, шьющие одежду для мусульманок, ориентированы именно на то, чтобы их модели использовались в повседневности – от рабочих будней до праздничных мероприятий.

На вопрос о трудовой занятости мусульманки отвечали по-разному. Не все опрошенные имеют работу, некоторые посвятили себя семье и, как уже отмечено выше, испытывают удовлетворение от самореализации в качестве жены и матери. Однако многие современные мусульманки в России успешны в общественной деятельности.

Так, весьма популярна у мусульманок профессия модельера, специалиста по пошиву женской одежды. При этом не значим «размах», с которым женщина реализует себя в этой сфере. Среди опрошенных женщин встречались такие, которые не имеют специального образования по шитью и крою, обучились этому самостоятельно, тем не менее шьют одежду на заказ. При этом характерно стремление реализовать себя творчески: «в данный момент я увлечена новым направлением в своей работе: делаю для женщин оригинальные укладки платков на торжественные мероприятия». Среди опрошенных была и руководитель фирмы по производству исламской одежды «Хаят» в Санкт-Петербурге. Эта женщина совмещает дизайнерскую работу с литературным творчеством: она является еще и писательницей.

Еще одна девушка ведет рубрику в развлекательно-познавательной передаче для молодежи «Молодёжная остановка» на казанском телевидении, с недавних пор является также главным редактором этой программы. Соблюдающая мусульманка, она всегда появляется перед телезрителями исключительно в хиджабе. Несмотря на свой юный возраст, она смогла проявить себя не только как редактор и телеведущая, но и возглавляет пиар-отдел межрегионального центра.

Многие мусульманки имеют простые, но очень важные профессии: «Я работаю медиком в п. Знаменском. Работа мне в радость, пациенты относятся ко мне замечательно и доверяют мне. Отчасти так складывается из-за того, что среди них есть мусульмане, которые хотят попасть на прием именно ко мне, так как я соблюдаю исламские традиции».

Как видно, женщины-мусульманки имеют право выбора деятельности. Ни одна из работающих замужних мусульманок не отметила, что муж не доволен ее деятельностью вне семьи.

Вопрос о значении семьи задавался как замужним, так и незамужним мусульманкам. Практически все отметили главенствующее значение семьи: «После замужества на первый план выходят муж, дети и дом, многие женщины по возможностям и желанию работают в домашних условиях». Незамужние девушки описывали свое будущее замужество (в котором никто из них не сомневался) как брак с мусульманином, в котором они надеются стать «хорошей женой и матерью».

Возможность сочетания семейных дел, воспитания детей и работы описывается одной из опрошенных с помощью свойственного для мусульманок «стремления достигнуть успеха во всех начатых делах». То есть работающие замужние женщины-мусульманки – это женщины, у которых хватает сил, энергии и желания реализовываться как мать, жена и как профессионал в какой-либо сфере.

Относительно вопроса об образовании можно отметить, что некоторые опрошенные мусульманки – студентки, обучающиеся психологии, финансированию, медицине, педагогике. При этом интересно их отношение к образованию. Вот как характеризует его одна из опрошенных: «К учебе ислам меня еще больше подстегивает: хочется бороться со стереотипами, что мусульманки безграмотные и не работают, а только сидят дома и нянчат детей. У нас в семье наоборот. Муж меня поддразнивает: “«Бросишь учебу – перестану тебя уважать. Ты должна ходить на все пары”». Я как-то не сдала математику с первого раза, огорчилась ужасно и начала про себя бормотать: “Блин, еще и муж расстроится”. Это услышал мой преподаватель и спрашивает: “Он что, вас бьет?!” Я: “Что? Нет!” И воображаю себе: “Неужели они в самом деле считают, что, если я мусульманка, значит, меня избивают дома? Какой кошмар!” При этом учебу я, честно говоря, воспринимаю не как вложение в будущую профессию, а скорее как способ поддержать мой брак в должном виде, быть интеллектуально подпитанной. Мой муж – очень образованный человек, и не хочется быть дурочкой, которая только и может, что спросить: “Что тебе приготовить на обед?”»

Как видно из этого описания, образование женщине-мусульманке нужно в первую очередь для себя, для поддержания семейного благополучия. При этом очевидна пропасть между стереотипами о месте мусульманки в семье и ее реальным положением.

Помимо образования светского, есть мусульманки, получающие религиозное образование и даже обучающие других. «Я пришла в ислам 4 года назад. Начала читать намаз, одеваться по фарзу. Через полгода решила собирать женский таалим (собрание, где учат религии). Многие после этого таалима начали молиться. Вскоре подумала: “А почему бы не учить детей основе ислама?”. И сейчас провожу таалим не только для женщин, но и для детей».

Отношение к исламу у мусульманок весьма трепетное. Среди опрошенных есть обращенные мусульманки, пришедшие в ислам в зрелом возрасте, нашедшие в нем то, что не смогли получить в других религиях. «Я искала не полуответ, которым можно удовлетвориться, не религию для самоуспокоения, а истину – и нашла ее. В какой-то момент я поняла, что мне надо принять ислам, – и стала соблюдающей мусульманкой. При этом жизнь радикально менять не пришлось. Я стала переводить с английского и работать редактором». Большинство опрошенных – мусульманки по рождению и для них Шариат, намаз – не просто слова, а важные основы жизни.

Таким образом, современная мусульманка довольно высоко оценивает собственное значение в семье, обществе. При этом она часто весьма социально активна, имеет или получает образование (светское и / или религиозное). Соблюдение Шариата – важная составляющая жизни, так как им определяются нормы поведения, отношений, без которых женщины не чувствуют себя уверенными и защищенными, не могут ощущать собственное достоинство. Вместе с тем в жизнь современных мусульманок входят и многое актуальное для социума: современные профессии, мода, увлечения и хобби.

В связи с этим можно отметить огромную разницу между стереотипами в отношении места женщины в мусульманском мире, которые сформированы в западном менталитете (довольно часто и в российском также) и реальным положением женщины-мусульманки, ее самооощущением.

Сулейманова Альфия Галимзяновна, студентка факультета психологии и специального образования. Поволжская государственная социально-гуманитарной академия. Россия, Самара.

Suleymanova Alfiya Galimzyanovna, student of faculty of psychology and vocational education. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

Nailich_99@mail.ru

**Исследование представлений молодежи об этнокультурном идеале
в титульном этносе и сопряженной диаспоре**

О.Р. Тучина

**A study of the views of young people
on ethno-cultural ideal in the titular ethnic group and the conjugated diaspora**

O.R. Tuchena

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 14-26-20001 а(м) «Самопонимание этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (на примере исследования русской и армянской молодежи Армении и России)».

Аннотация. Автор обосновывает, что этнокультурный идеал является смыслообразующей основой этнокультурной идентичности. С целью выявления влияния социокультурной ситуации (принадлежности к титульному этносу или диаспоре) на представление об этнокультурном идеале было проведено эмпирическое исследование в следующих группах: армяне, постоянно проживающие в Армении, и армяне, постоянно проживающие в России. В результате выделены общие черты этнокультурного идеала армян в титульном этносе и российской диаспоре: ядро этнической нормативности армянских респондентов составляют экстравертивные и коллективистские черты; важной составляющей этнокультурного идеала является патриотизм; значимой чертой этнокультурного идеала является уважение к старшим, лежащее в основе сохранения этнокультурной идентичности. Таким образом, можно утверждать, что существует определенное ценностно-нормативное ядро этнокультурной традиции, зафиксированное в образе идеального представителя этноса. Вместе с тем под влиянием новых социокультурных условий представление об этнокультурном идеале в условиях диаспоры претерпевает значительные изменения.

Ключевые слова: этническое сознание; этническая культура; этнокультурные ценности; этнический идеал.

Abstract. The author proves that the cultural ideal of is the basis of ethnocultural identity. To identify the influence of socio-cultural situation (belonging to the titular ethnic group or the Diaspora) on the representation of ethno-cultural ideally have conducted an empirical study in the following groups: Armenians residing in Armenia and Armenians residing in Russia. As a result highlighted the common features of ethno-cultural ideal of Armenians in the titular ethnic group and the Russian Diaspora: the core of ethnic norm of Armenian respondents are extrovert and collectivistic traits; an important component of ethno-cultural ideal is patriotism; a significant feature of ethno-cultural ideal is the respect for elders, underlying the preservation of ethno-cultural identity. There is a certain value and normative core of ethno-cultural traditions recorded in the image of the ideal representative of the ethnic group. However, under the influence of new socio-cultural conditions the idea of ethno-cultural ideal in the Diaspora is undergoing significant changes.

Key words: ethnic consciousness; ethnic culture; cultural values; ethnic ideal.

Этническое самосознание личности как объект психологического анализа представляет собой глобальную ценностную ориентацию, формирующуюся в рамках этнического самосознания общности. Его можно рассматривать как историческую форму саморефлексии этнической общности, как осознание нацией объективно существующих национальных потребностей, интересов и целей и построенную на этой базе систему представлений о типичных чертах своей нации, ее достижениях, месте среди других этносоциальных общностей и ее роли в истории человечества¹. Этническое самосознание защищает личность от неопределенности, являя собой устойчивую конструкцию, связанную с усвоением культурного опыта².

Этническая культура является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир, основные парадигмы, определяющие возможность и условия своих действий в нем, структуру бытия. Нормативно-ценностный потенциал этнокультурной традиции проявляется в обобщенном образе типичного представителя народа и идеальном конструкте образцовой личности. Именно

¹ Шульга Н.А. Этническая самоидентификации личности. Киев, 1996.

² Бучек А.А. Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. №5 (19). URL: <http://psystudy.ru>.

последний служит смыслообразующей основой этнокультурной идентичности. Он рассматривается как «человек культуры» – идеальный, «желанный» человеческий тип, который формируется национальной культурой и воспроизводится ею как безусловная, единственно приемлемая форма человеческого существования. Подобное образование, главным образом интуитивно-самоочевидное, является основой всевозможных нормативных структур и оценочных суждений. Именно «человек культуры» рассматривается как мерило собственного Я, а идентичность, т.е. личностная самоидентичность, – это момент совпадения или же принципиальная возможность совпадения образа себя с образом такой личности.

Таким образом, этнокультурная идентичность предполагает проникновение в идейное ядро культурной традиции посредством освоения базовой культурной личности. Такое проникновение неотделимо от поиска личностной значимости и оправдания культурной традиции, позволяющего увидеть в ней средоточие предельно истинного, правильного – того «нашего», что есть «свое» или должно стать «своим», определяющим сущность человеческого в человеке. Здесь проявляется бытийная основа идентичности: этническое рассматривается как общечеловеческая и вместе с тем как индивидуально-человеческая сущность личности.

Важным аспектом проблемы этнокультурной идентичности является исследование трансформации представлений об этнокультурном идеале в разных условиях бытия этнической группы. Такая возможность представляется при сравнительном изучении данных феноменов в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры.

Практически все исследователи единодушны в том, что диаспора – это не «скол с этноса», а этническая общность, сохраняющая основные черты национальной самобытности своего народа (язык, традиции, сознание и пр.) и содействующая их развитию. З.В. Канукова, обобщая результаты научной дискуссии, резюмирует: «Диаспора – часть этноса, которая проживает вне своей исторической родины или территории обитания основного этнического массива, сохраняет этническое самосознание, культурную самобытность и создает в ходе адаптации к принимающему обществу “диаспорную структуру”, т. е. совокупность конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений, а также хозяйственных объединений (мононациональных ремесленных цехов, торговых компаний и пр.)»¹.

Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, связи историй, культур и языков, а также трех акторов отношений: самой диаспоры, принимающей стороны и исторической родины. Кроме того, серьезное влияние оказывают миграционные потоки, передел границ, распад государственных образований и др. Они обуславливают географическое распыление этнических групп, представленных как меньшинства в других обществах и поставленных в тяжелые условия отстаивания своих интересов и поиска идентичности.

Многие исследователи отмечают факт множественной идентичности членов диаспоры: диаспора предполагает смешение различных культурных, социальных, политических, экономических установок, характерных одновременно и для страны проживания, и для страны происхождения. Для диаспоры важен не выбор альтернативного направления в формировании идентичности и самоопределения, а синтез выбранных культурных ориентиров и создание особого типа диаспорной идентичности. Диаспорная идентичность, как отмечает М.А. Аствацатурова, более динамична, ситуативна и масштабна по сравнению с идентичностью коренных (автохтонных) меньшинств. По ее мнению, переселенческое этническое меньшинство способно в большей степени варьировать этнокультурные характеристики, чем материнский этнос². Таким образом, диаспорная идентичность – многогранная (или множественная) идентичность, которая обусловлена структурой диаспоры, отличается динамизмом и имеет региональные особенности.

С целью выявления влияния социокультурной ситуации (принадлежности к титульному этносу или диаспоре) на представление об этнокультурном идеале было проведено эмпирическое исследование армян, постоянно проживающих в Армении, и армян, постоянно проживающих в России. Респондентами стали студенты вузов г. Краснодара и г. Еревана. Были образованы следующие выборки: армяне, проживающие в России, – 307 человек (157 женщин и 150 мужчин), армяне, проживающие в Армении, – 310 человек (159 женщин и 151 мужчина). На предыдущем

¹ Канукова З.В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. №4. С. 24.

² Аствацатурова М.А. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические модели) // Диаспора. 2003. №2. С. 185–189.

этапе исследования в результате свободного ассоциативного эксперимента с множественными ассоциациями были сформированы шкалы, характеризующие личностные качества, типичные формы поведения, жизненные цели и ценности представителей исследуемых этнических групп¹. Выявление представления о чертах типичного и идеального представителя исследуемых групп осуществлялось методом семантического дифференциала.

Как показали результаты сравнительного исследования респондентов из Армении и России, ядро этнической нормативности респондентов-армян составляют качества, связанные с открытостью и заботой о других: верность дружбе (средний показатель 4,35 в армянской группе и 4,5 в российской), гостеприимство (4,43 в армянской группе и 4,7 в российской), оптимизм (4,47 и 4,6 соответственно), ответственность (4,57 и 4,46 соответственно). Вместе с тем в интервью респонденты – представители диаспоры многократно отмечали, что данные качества направлены, главным образом, на представителей этнической общности, тех, кого считают «своими».

Важной составляющей этнокультурного идеала обеих группах является патриотизм (4,07 в армянской группе и 4,44 в российской), причем, как показали данные интервью, представители диаспоры это качество рассматривают одновременно в двух аспектах, взаимно дополняющих друг друга: как этнический патриотизм и как государственный патриотизм.

Еще одной общей чертой этнокультурного идеала исследуемых групп является уважение к старшим (4,45 в армянской группе и 4,6 в российской), лежащее в основе сохранения этнокультурной идентичности.

Среди значимо более высоко оцененных в диаспорной группе, чем в группе титульного этноса, можно выделить качества, связанные с положительной самопрезентацией: щедрость (4,87), отсутствие склонности к воровству (0,3), отсутствие склонности к алкоголю (0,8), а также качества, способствующие внутригрупповой сплоченности: взаимовыручка (4,65), отзывчивость (4,53).

Среди значимо более высоко оцененных представителями титульного этноса, чем диаспорной группы, можно выделить следующие группы качеств: определяющие открытость и уважительное отношение к Другому – доброта (4,45), дружелюбие (4,24), общительность (4,21), добродушие (4,11), отсутствие наглости (0,63); креативно-волевые черты – ум (4,16), самостоятельность (4,41), решительность (4,30), сдержанность (4,19), добросовестность (4,13), терпение (4,11). Представители титульного этноса также значимо выше оценили религиозность (4,00).

Еще одно различие в представлениях респондентов об этнокультурном идеале обнаружено при исследовании его гендерной составляющей. В группе представителей титульного этноса выявлено традиционное противопоставление мужественности и женственности. Маскулинность в данной группе характеризуется такими качествами, как храбрость (4,46), сила (4,41), готовность помочь (4,26), находчивость (4,23), настойчивость (4,15), склонность к риску (4,01). Фемининность включает тактичность (4,31), отзывчивость (4,21), работоспособность (4,11), искренность (4,09), любовь к порядку (4,08), отсутствие лени (0,79).

Гендерная составляющая этнокультурного идеала армян в диаспоре существенно различается в мужской и женской выборке. Представление о маскулинности у армянских девушек связано с традиционно маскулинными качествами (самостоятельность, решительность, храбрость, сила, выдержка, настойчивость, выносливость), а у мужчин – с экстраверсированными качествами (общительность, чувство юмора). Таким образом, наблюдаются противоположные установки юношей и девушек по отношению к гендерной роли мужчин: для мужчин мужское поведение связано, прежде всего, с дружеским общением, праздником, т.е. гендерная роль рассматривается с точки зрения преимуществ, которые предполагает ее реализация, а у девушек – с выполнением традиционной гендерной роли защитника и кормильца, т.е. с позиций выполнения долга, предписанного ролью.

Представление о фемининности у мужчин в диаспоре связано с заботой о других (доброта), деятельностью на благо окружающих (добросовестность, трудолюбие), мягкостью и уступчивостью. В то же время девушки не выделили специфически фемининных качеств, рассматривая доброту и трудолюбие как нормативные качества, не связанные с полом. Соответственно, у девушек-армянок в диаспоре выявлено более эмансипированное представление о нормативном поведении женщин и традиционное представление о нормативном поведении мужчин, а у юношей – традиционное представление о нормативном поведении женщин и одностороннее представление о нормативном поведении мужчин.

¹ Аполлонов И.А., Карнаушенко Л.В., Тучина О.Р. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов). Краснодар, 2009.

Таким образом, мы можем выделить следующие общие черты этнокультурного идеала армян в титульном этносе и российской диаспоре:

– ядро этнической нормативности армянских респондентов составляют экстравертивные и коллективистские черты, однако в диаспоральной группе данные качества направлены главным образом на представителей своей этнической общности;

– важной составляющей этнокультурного идеала является патриотизм; в диаспоре он рассматривается одновременно в двух взаимодополняющих аспектах: как этнический патриотизм и как государственный патриотизм;

– значимой чертой этнокультурного идеала является уважение к старшим, лежащее в основе сохранения этнокультурной идентичности общности.

Эмпирическое исследование выявило не только черты сходства, но и существенные различия в представлениях об этнокультурном идеале армян в титульном этносе и российской диаспоре.

Наиболее значимые различия касаются категорий «маскулинность – фемининность». В группе представителей титульного этноса выявлено традиционное противопоставление мужественности и женственности. В диаспоре образ «идеального представителя этноса» отличается противоречивостью: у девушек-армянок более эмансипированное по сравнению с мужской выборкой представление о нормативном поведении женщин и традиционное представление о нормативном поведении мужчин. Для юношей характерно традиционное представление о нормативном поведении женщин, представление об эмоционально-волевых качествах мужчин соответствуют традиции, а представление о качествах, связанных с отношением к труду и ответственностью, не соответствует традиции.

Результаты исследования также показали, что в диаспорной группе значительно выше оценивают качества идеала, связанные с положительной самопрезентацией, а также качества, способствующие внутригрупповой сплоченности. Представители титульного этноса выше оценивают качества, определяющие открытость и уважительное отношение к Другому, и креативно-волевые черты; важной составляющей этнокультурного идеала они считают религиозность.

Таким образом, можно утверждать, что существует определенное ценностно-нормативное ядро этнокультурной традиции, зафиксированное в образе идеального представителя этноса. Вместе с тем под влиянием новых социокультурных условий представление об этнокультурном идеале в условиях диаспоры претерпевает значительные изменения.

Тучина Оксана Роеальдовна кандидат психологических наук, доцент. Кубанский государственный технологический университет. Россия, Краснодар.

Tuchena Oksana Roaldovna, candidate of psychological sciences, associate professor. The Kuban state technological university. Russia, Kuban.
tuchena@yandex.ru

УДК 159.922.4 + 37

Проблема исследования этнического самосознания как интегрального образования

В.В. Шаранов

The problem study of ethnic identity as an integral education

V.V. Sharapov

Аннотация: Статья посвящена исследованию актуальных вопросов формирования и развития структуры этнического самосознания. Освещаются и анализируются различные компоненты обозначенной субстанции. Определяется своеобразие соотношения и взаимовлияния категорий «этнонациональное» («национальное») сознание и «этническое самосознание». В результате анализа эмпирических наблюдений, основанных на материалах исследования Среднего Поволжья, приводятся аргументы, подтверждающие объективность излагаемой концепции.

Ключевые слова: этническая идентификация; этническая идентичность; этническая толерантность; этническое самосознание; локально-территориальная ментальность; территориально-

государственное сознание, этнонациональное сознание; поля межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Abstract: The article is devoted to the study of topical issues of formation and development of the structure of ethnic consciousness. Highlights and analyzes the various components above the designated substance. Determined by the originality of the relation and interaction categories of "ethno – national" ("national") consciousness and "ethnic identity". An analysis of empirical observations, based on research of the Middle Volga, are arguments supporting the stated objective concept.

Key words: ethnic identification; ethnic identity, ethnic tolerance, ethnic identity, local and territorial mentality; territorial public consciousness, ethno – national consciousness; the field of inter-ethnic and cross-cultural interaction.

На рубеже XX–XXI столетий, и особенно в последние годы, весь мир переживает процесс этнического возрождения и развития, детерминированный определённым уровнем этнического самосознания. Именно совершенствование национального сознания и этнического самосознания, межкультурного взаимодействия наций и народов является необходимым условием построения как в России, так во всём мире демократического, правового общества. Так как этническое самосознание очень восприимчиво к политическим и социальным изменениям, необходимы научно обоснованные технологии, способствующие его совершенствованию, а следовательно, стабилизации межнациональных отношений и развитию межкультурных взаимодействий, поддержанию монолитности государства, выводу личности порой из кризисного маргинального положения.

В данной публикации предпринят теоретический анализ этнического самосознания как ведущего компонента сознания субъекта межэтнических и межкультурных взаимодействий, важного интегрирующего звена процесса формирования оптимальной межэтнической толерантности; а также исследована и описана структура национального (этнонационального) сознания – важная составляющая полей межэтнического и межкультурного взаимодействия, формирующих всероссийское жизненное пространство

В качестве объекта исследования было выбрано этническое самосознание этносов Поволжья как субъектов межэтнических и межкультурных взаимодействий, определена специфика противоречий в их повседневном общении; изучены особенности и уровни толерантности.

Необходимо констатировать, что в связи с междисциплинарным характером исследуемой проблемы к настоящему времени не сложилось общей точки зрения на феномен этнического самосознания и структуру последнего¹. Проведенный анализ литературы позволил заключить, что остаётся неразрешённым ряд вопросов, касающихся взаимосвязей компонентов структуры этнического самосознания. Кроме того, слабо, изучено влияние на особенности этнического самосознания опыта проживания в инокультурной среде. Проблема влияния на этническую идентичность процессов аккультурации изучалась, в основном, на материале таких западных стран, как США, Великобритания, Канада, Австрия.

В российской психологии термин «этническое самосознание» утвердился с середины 1980-х годов и используется для определения предмета этносоциологии. В категориальном аппарате зарубежной кросс-культурной психологии понятие «этническое самосознание» отсутствует.

В российской этнопсихологии немногочисленные попытки исследования социально-психологических аспектов аккультурации предпринимались Н.М. Лебедевой и В.В. Гриценко²

¹ Александренков Э.Г. Этническое самосознание. Этническая идентичность // Этнографическое обозрение. 1996. №3. С. 11–17; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; Дробижева Л.М. Психологические аспекты национальных отношений // Социальное и национальное. М., 1973; Козлов В.Е. Межэтническая толерантность и этническое самосознание в условиях крупного полиэтнического города: на примере г. Казань : дис. ... канд. психол. наук. Уфа, 2000; Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель. М., 1987; Левкович В.П. Социально-психологические аспекты этнического самосознания // Советская этнография. 1983. №4. С. 75–78; Мухина В.С. Современное самосознание народностей Севера // Психологический журнал. 1988. Т. 9. №4. С. 44–53; Почебут Л.Г. Социальные общности: психология толпы, социума, этноса : монография. СПб., 2005; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996; Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М., 1988. С. 111–125; Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. М., 2003; Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

² Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М., 1997; Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002.

при изучении психологических проблем этнических миграций на групповом уровне, трансформациям особенностей этнического самосознания на индивидуально-личностном уровне уделялось недостаточное влияние.

В основе научно-теоретического подхода к заявленной проблеме лежит идея К. Левина относительно актуальности «поля межкультурного взаимодействия», главного детерминирующего фактора этнической толерантности. Опираясь на данное положение, мы определили структуру социального пространства межкультурного взаимодействия этносов в Среднем Поволжье, определяющего своеобразие психологических проявлений этноидентификации, этноидентичности, этнического самосознания, толерантности / интолерантности, а также менталитета и интегрированного этнонационального сознания.

I. Взаимосвязь между социально-психологическими феноменами межэтнического и межкультурного взаимодействия этносов осуществляется по следующей последовательности: этническая идентификация → этническая идентичность → этническая толерантность → этническое самосознание → локально-территориальная ментальность → территориально-государственное сознание, что в целом образует аккумулирующий данные субстанции феномен – этническое самосознание (в широком смысле данного термина), или этнонациональное сознание.

II. Этническое самосознание как интегральное образование детерминировано группой факторов, дифференцированных нами на два блока.

1. Этнотерриториальная дисперсия.

1.1. Пространственно-временной фактор, имеющий следующую структуру:

а) вектор изменения уровня этнического самосознания направлен от диффузности к компактности расселения этноса. (Оптимальный уровень этнического самосознания аккумулирует в себе высокую степень этнической идентификации и как следствие этого позитивную этническую идентичность; естественный вид этнической толерантности.);

б) степень полиэтничности / моноэтничности населения рассматриваемой территории; тип поселения. (Проявление оптимального уровня этнического самосознания характерно для наиболее полиэтничных регионов, более крупных населенных пунктов.);

в) своеобразие соотношения численного большинства / меньшинства этносов; уровни взаимодействия мажоритарного и миноритарного языков (Численное преобладание носителей обуславливает более широкую сферу применения мажоритарного языка – один из основных критериев естественной, гармоничной ассимиляции этносов, с одной стороны, и их интеграции в более крупную этнокультурную и (или) этногосударственную общность, подразумевающую наличие у данных этносов оптимального уровня этнического самосознания, с другой стороны.);

г) время проживания этноса на той или иной территории. (Более продолжительное время освоения этносом того или иного региона определяет становление позитивной этнической идентичности, самосознания и толерантности; оптимального баланса в системе соотношений авто- и гетеростереотипов.)

1.2. Территориально-(национально)-административный фактор (устройство). Его структура:

а) своеобразие межэтнического и межкультурного взаимодействия, количественное соотношение титульной нации и иных этносов. Влияние на специфику становления (проявления) этнического самосознания наций совпадения категорий «титульность» и «доминантность»;

б) характерные особенности межэтнической и межкультурной коммуникации титульной и доминантной наций, этнических меньшинств. (В национальных субъектах Российской Федерации становление этнического самосознания наций определяется стратегией взаимодействия титульной нации с другими этносами, принятой как на формальном, так и неформальном уровнях.)

2. Этнопрофессиональная (культурная) и половозрастная дисперсия.

2.1. Социально-профессиональный (культурный) фактор. Его структура:

а) соотношение в пределах той или иной нации представителей высококвалифицированных и малоквалифицированных профессий, работников физического и умственного труда. (Чем менее квалифицирован труд, тем более высока вероятность проявления деформированной этнической идентичности (гипо- и гиперэтническая идентичность), низкого уровня этнического самосознания и толерантности. Если в процентном соотношении представителей малоквалифицированных профессий преобладают, тем более доминируют, то можно утверждать, что в пределах этноса имеются объективные предпосылки формирования межэтнических противоречий, напряженности, а в перспективе – конфликтов. Если процентное же преобладает высококвалифицированный труд, то есть все основания предполагать, что становление этнической идентичности, самосознания и толерантности наций будет иметь оптимальный позитивный характер.);

б) образовательный уровень представителей той или иной нации. (Чем выше уровень образования, тем в большей степени его обладатель склонен к проявлению высокого уровня этнического самосознания.);

в) тактика и стратегия деятельности национально-культурных обществ, СМИ, учреждений культуры, отдельных представителей творческих профессий. (Концептуальная направленность деятельности данных составляющих этнокультурной активности нации (этнический сепаратизм – изоляционизм) или этническая коммуникация (интеграция) определяют особенности этнического самосознания.)

2.2. Половозрастной фактор. Его структура:

а) содержание этнических брачно-семейно-родовых взаимоотношений. (Чем гармоничнее данные взаимоотношения, чем прочнее институт семьи, тем наиболее существенны объективные предпосылки становления позитивной этнической идентичности, высокого уровня этнического самосознания и толерантности. При этом женщины более позитивны, чем мужчины.);

б) своеобразие детско-родительских отношений. От характера этнической направленности и степени взаимопонимания детей и родителей зависит процесс становления и проявление этнического самосознания подрастающего поколения. Молодежь более толерантна к представителям иных этносов, чем представители других возрастных групп, более позитивна в формировании этнических и ментальных представлений об окружающей действительности.

III. Становление и проявление этнической идентичности, этнического самосознания, толерантности и территориальной ментальности наций Среднего Поволжья определяется также уникальностью этногенеза населения данного региона, который начинался за пределами исследуемой территории. В результате все этносы, осваивавшие данный регион и взаимодействующие друг с другом, находились практически в одинаковом политическом, правовом и социально-экономическом положении, что заложило основу становления российской идентичности и самосознания.

Результатом анализа выше обозначенных концептуальных положений исследования явились следующие умозаключения:

– в Поволжском регионе не имеется потенциальных объективных детерминант, стимулирующих образование противоречий и конфликтов в межэтнической сфере;

– на рубеже XX–XXI столетий в Волжском речном бассейне доминируют две диалектически взаимодействующие социально-психологические тенденции: 1) объединение всех этносов в рамках общероссийской нации; 2) сохранение и развитие (в ряде случаев – возрождение) этносами Поволжья своего национально-культурного наследия;

– этническая идентификация в Поволжье в среднем менее актуальна, чем в целом по стране (62,3% опрошенных против 73,6%). Прежде всего, волжане идентифицируют себя: а) с семьей и близкими друзьями (92,9% опрошенных); б) с людьми того же поколения (81,1% опрошенных); в) с разделяющими те же убеждения и взгляды на жизнь (72,7% опрошенных). В изучаемом регионе представления об этнической идентичности трансформируются в наднациональную, личностную идентичность, т.е. в ментальность. Данный факт, бесспорно, является важным свидетельством поступательного развития межэтнических и межкультурных взаимоотношений этносов не только в Поволжье, но и в стране в целом, завершающим этапом которого станет формирование у населения «гражданской» российской идентичности и дальнейшее совершенствование демократических основ общества.

Шарапов Вячеслав Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Sharapov Vyacheslav Viktorovich, candidate of historical sciences. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

sharapov61@mail.ru

Праздничная культура как фактор формирования этнической идентичности чувашей

Е.А. Ягафова

Festive Culture as a Factor of Developing Chuvash Ethnic Identity

Е.А. Yagafova

Статья подготовлена на средства гранта РГНФ (14-01-00360).

Аннотация. В статье показана роль современных праздников и обрядов в формировании и проявлении этнической идентичности чувашей.

Ключевые слова: чувашеи; праздничная культура; обряды; этническая идентичность.

Abstract. The article shows the role of today's celebrations and rituals in the development and manifestation of ethnic identity of the Chuvash.

Key words: Chuvash; festive culture; rituals; ethnic identity.

Праздники составляют один из основных институтов культурной системы этнического общества, в них воплощены наиболее важные культурные нормы и ценностные ориентации этнической группы. Как отмечал известный польский исследователь К. Жигульский, в праздниках «проявляются, актуализируются и открыто утверждаются основные, во всяком случае важные для празднующей группы, ценности, придающие смысл человеческой жизни и характерные для данной культуры и этапа ее развития, исторического бытия»¹. Праздники, способствуя приобщению к ним молодого поколения, выступая своеобразным транслятором культурных традиций, что «позволяет людям осуществлять свою культурную самоидентификацию»². Таким образом, праздничная культура рассматривается исследователями как один из факторов формирования и утверждения этнической идентичности.

В традиционном обществе в празднике как особой фазе культурной жизни в едином комплексе выступают обычаи, ритуалы, праздничные церемонии, элементы материальной культуры (костюмы, украшения, обрядовые блюда, декор жилища и т.д.), нормы поведения и т.д., которые в совокупности формируют отличную от будничного времени атмосферу праздника. В современном обществе с его размытостью границ повседневного и праздничного бытия, фестивализацией праздника³, его частичным превращением в зрелище⁴ природа праздника существенно изменилась вследствие трансформации социума и его культурной жизни. В связи с этим возникает вопрос о функциональности современных этнических праздников в передаче этнокультурных традиций, в формировании этнокультурной идентичности членов группы. В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать роль современных праздников и обрядов в формировании и проявлении этнической идентичности чувашей.

Традиционный празднично-обрядовый календарь чувашей включал праздники и обряды новогоднего, масленичного, пасхального, семицко-троицкого циклов, весенне-летние хороводы и осенние благодарственные моления. Социально-политические преобразования второй четверти – конца XX в. привели к существенной трансформации религиозных верований и обрядности, т.е. сокращению циклов, утрате элементов, их десакрализации, что разрушительно сказалось на всей системе этнической культуры. Процессы национально-культурного возрождения в современном обществе непосредственно связаны с актуализацией праздничной культуры, однако на ее функциональной и содержательной природе отражаются изменение социального контекста праздников, особенно в городах, влияние современной массовой культуры, тенденций модернизации и глобализации общества.

Значимым элементом празднично-обрядовой культуры являются сельские календарные праздники, в различной степени сохраняющие традиционные религиозные представления и культовые практики. Так, как в общинах чувашей-христиан, так и в немногочисленных сообществах

¹ Жигульский К. Праздник и культура / пер. с польского. М., 1985. С. 153.

² Там же.

³ Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Экзистенциальный смысл праздника и его место в современной культуре // Эстетико-культурологические смыслы праздника / под. ред. И.В.Кондакова. М., 2009. С. 370–389.

⁴ Мазаев А.М. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978. С. 171.

некрещеных чувашей (*чӑн чӑваш*) актуальны праздники новогоднего цикла *сӗнӗ сул* (гадания, ряжение), масленица *сӑварни* с катанием на лошадях, выпеканием блинов, гостеванием родственников, «пасха» мункун со сбором детьми яиц и гостеванием родственников, праздники семицко-троицкого цикла, в течение которого навещают могилы на кладбищах, гостят у родственников, проводят сельские праздники (праздники села, *акатуй*), период хороводов и игрищ *уяв/вӑйӑ* с исполнением жанровых песен, осенние благодарственные и поминальные обряды *кӑр сӑри*. В некоторых селениях сохраняются благодарственные моления за урожай *чӑклеме*. Имея традиционную основу, эти праздники впитали и новации, что, впрочем, не меняет их восприятия как этнических. Вместе с тем сходство с соответствующими русскими календарными праздниками способствует размыванию этнического потенциала сельских праздников.

Знаковое явление современной праздничной культуры – масштабные массовые праздники регионального уровня. Одним из первых в областях и республиках РФ стал проводиться акатуй. С начала 1990-х гг. он закрепился в Тюменской, Самарской, Ульяновской, Оренбургской, Свердловской, Саратовской, Нижегородской областях, республиках Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, в Чувашии, Красноярском крае, в Москве и Санкт-Петербурге, а также в диаспорных группах в ближнем зарубежье (Эстонии, Республике Беларусь). В 2011 г. в г. Ульяновске был проведен первый общероссийский *акатуй*¹. Несмотря на закрепление в новом формате традиционных элементов (ритуал опахивания земли, состязания и т.д.), праздник претерпел трансформации, превратившись в зрелищное мероприятие, утратившее первоначальный сакральный смысл и выполняющее преимущественно коммуникативную и релаксационную функции. Вместе с тем современный *акатуй* выступает эффективным инструментом этнической мобилизации и консолидации чувашского сообщества в региональном и общероссийском масштабах. Он активно осваивает урбанистическое пространство, создавая опору для этнокультурной идентификации городских чувашей.

Аналогичные тенденции наблюдаются в развитии другого праздника – *уяв*. Преодолев границы селений, он превратился в 1990-х гг. в праздник регионального характера – Республиканский праздник чувашской культуры в Татарстане и Детский фольклорный конкурс и спартакиаду в Самарской области. Как и акатуй, *уяв* основывается на новой парадигме этничности как единства на основе исторических традиций. Этническую атмосферу создают выставка произведений декоративно-прикладного искусства, угощение блюдами национальной кухни, выступления фольклорных коллективов и артистов, соревнования борцов в национальном стиле *кӑрешӑ*, оформление площадки праздника в виде деревни с декоративными домами, банями, обилие разнообразных чувашских нарядов. Но кульминационным моментом является общий хоровод всех участников, исполняющих песни особого жанра *уяв юрри*, восходящие собственно к традиции *уяв*. Глубоко символичным организаторы считают и проведение праздника на земле Волжской Булгарии как подтверждение преемственности народных традиций².

Менее масштабное, но знаковое событие – «встреча» (в конце мая) и «проводы» (в начале июля) *уяв'а* в г. Самаре, ежегодно проводимое городской чувашской общиной в форме концерта чувашских творческих коллективов, объединяющихся по ходу мероприятия также в общий хоровод – неизменный символ *уяв'а*³. Таким образом, несмотря на существенную трансформацию пространственно-временных и содержательных характеристик, *уяв* сохранил важную функцию – нацеленность на формирование праздничной атмосферы, консолидацию этнического сообщества и укрепление этнической идентичности его членов.

В подобном ключе следует, вероятно, трактовать и осенний праздник «Кӑр сӑри», который, так же как акатуй, прочно закрепился в современном праздничном календаре региональных общин чувашей в Самаре, Тюмени, Москве, Уфе, а также в диаспорных группах эстонских, белорусских, казахстанских (павлодарских) чувашей⁴. В программу праздника включена, как правило, инсценировка обряда (благодарственное моление и угощение пивом), но основное время отведено на концерт фольклорных коллективов. Особенности сценария обусловлены творческими способностями и финансовыми возможностями местных общин. Так, тюменские чувашаи приурочивают к празднику конкурсы пивоварения и красоты, самарские – областной фольклорный

¹ Полевые материалы автора. 2011 г., г. Ульяновск.

² Полевые материалы автора. 2014 г., г. Нурлат (Республика Татарстан).

³ Полевые материалы автора. 2015 г., Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

⁴ Полевые материалы автора. 2011 г., г. Москва; 2012 г., г. Самара; 2013 г., г. Павлодар (Казахстан).

фестиваль, а в Чувашии он проходит под эгидой «Чебоксарской пивоваренной фирмы “Букет Чувашии”»).

Аналогичный формат обрядово-театрализованного представления присущ и *чўклемe* – осеннему празднику нового урожая, который в последние годы появился в ряде российских регионов. В его программу включена выставка даров осени – сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки, в том числе обязательно хлебных изделий и домашнего пива. Но содержательно *чўклемe* дублирует *кёр с̑ри* (что объясняет конфликты между чувашскими общественными организациями, выступающими инициаторами проведения этих праздников). Возможно, что это сходство предопределено их происхождением из осеннего цикла календарной обрядности. Однако и *чўклемe*, и *кёр с̑ри* претерпели в течение XX – первых десятилетий XXI в. трансформацию содержания, структуры и формы проведения. Из локальных обрядов поминовения предков (*кёр с̑ри*) или благодарственного моления (*чўклемe*) с целым рядом характерных ритуалов они превратились в региональные праздники-концерты, в этнические шоу, нацеленные на удовлетворение этнокультурных запросов чувашского населения. Приспосабливаясь к функционированию в новых условиях в пространстве города или региона, *кёр с̑ри* и *чўклемe* лишь через внешние атрибуты и псевдоритуальные действия (угощение пивом, инсценировка моления) сохраняют связь с традиционными обрядами, а по сути представляют собой совершенно новое явление в празднично-обрядовом календаре чувашей, в центре которого – идея целостности коллектива и его связи с прошлым (а значит, и предками), выражаемая региональным сообществом чувашей с помощью наиболее выразительных средств народной культуры.

Форма и содержание возрожденных или созданных под вывеской традиционных новых праздников определяются потребностями сообщества, в том числе и в организации досуга, и его представлениями об этнически значимых компонентах культуры (национальный костюм, традиционные блюда, народные песни и т.д.), становясь площадкой для их публичной демонстрации. Погружение в этническую атмосферу нацелено на выполнение основной функциональной нагрузки современных праздников – актуализацию этнического самосознания и этническую мобилизацию.

Наряду с региональной идентичностью, в поисках своего «Я» в современном чувашском обществе все более актуализируется этнолокальное, земляческое, сознание, связанное с конкретным селением и даже улицей. Новые праздники чувашей – это праздники сел и улиц. Но и в этой новации заметны следы традиции. Праздники селений (сел, деревень), как правило, приурочены к наиболее значимым сельским праздникам, уже существовавшим в традиционном праздничном календаре. При этом предпочтение отдается датам весенне-летнего календаря. Так, для закамских чувашей значимым событием в обрядовом календаре были проводы *уяв'а*, потому и сегодня праздники сел часто приурочивают к 12 июля, Петрову дню. В некоторых селениях северной части Самарской области «проводы» *уяв'а* – это многолюдный шумный праздник со скачками, хороводами, выступлениями коллективов художественной самодеятельности. К нему стараются приурочить встречи одноклассников и давно покинувших родные места земляков, празднование юбилеев и других семейных торжеств¹. Таким образом, обряд *уяв* приобрел в условиях трансформации сельской общины иную окраску, сохраняя основную социально-интегрирующую роль, поддерживая понимание целостности сельского мира и межпоколенную связь его жителей.

Аналогичные функции выполняет в низовой зоне, юго-восточном Яльчикском районе Чувашской Республики и прилегающих к нему Буинском и Тетюшском районах Республики Татарстан, празднование Петрова дня (*Петравка*) при завершении периода *в̑й̑й̑*. Накануне праздника почти в каждой семье режут барана – *Петрав таки*, из мяса которого варят блюда для совместной праздничной трапезы родственников. Праздничную программу «Дня села» открывает торжественное шествие и хоровод девушек под песню жанра *в̑й̑й̑ юрри*, после которых следуют чествование ударников труда, концерт художественных коллективов и звезд чувашской эстрады и различные соревнования².

¹ Полевые материалы автора. 1997 г., Самарская обл., Кошкинский р-н, сс. Старое Максимкино, Малое Максимкино, Старое Юреево, Большое Ермаково; 2008 г., Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, сс. Девлезеркино, Старое Эштебенькино.

² Полевые материалы автора. 2002 г., Республика Татарстан, Аксубаевский р-н, сс. Старое Тимошкино, Новое Аксубаево; Буинский р-н, сс. Рунга, Альшеево, Бюрганы, Ст. Бурундуки; Тетюшский р-н, сс. Тоншерма, Чураково, Бол.Бисярино; 2014 г., Чувашская Республика, Яльчикский р-н, сс. Кильдюшево, Эмметево, Шаймурзино, Полевые Буртасы, Уразмаметево.

В ряде селений низовых чувашей, а также в большинстве ареалов территориальных групп в Приволжье, Заволжье и Приуралье праздники селений проходят в день Св. Троицы, нередко в форме сельского акатауя с выступлениями местной самодеятельности и состязаниями, а накануне чуваша навещают могилы своих родственников – проводят *чимёк*. Таким образом, «День села» обретает традиционный формат праздника-обряда с религиозной составляющей (поклонение духам предков, чествование Св. Троицы), выраженным социальным контекстом и функцией отдыха и развлечения для его участников¹.

В праздновании «Дня улицы» более значима общественная сторона, направленная на укрепление соседских связей и личностных (а часто и родственных) контактов между сельчанами и уехавшими в города или другие регионы прежними жителями улицы. Но немаловажным аспектом его содержания является апелляция к памяти, к воспоминаниям участников праздника о детстве и школьных годах, к исторической памяти об улице и ее жителях, о событиях прошлого, в которых этнический пласт выражен достаточно ярко, что в совокупности влияет на формирование культурной идентичности жителей улицы и способствует ее сохранению².

Таким образом, современная праздничная культура чувашей, развивающаяся на основе глубинных связей с этнокультурными традициями народа, выступает новой ценностью, через которую и благодаря которой чуваша подтверждают свою «культурную тождественность, оригинальность, приверженность традициям, наследию»³, приобретают новую опору своей этнокультурной идентичности.

Ягафова Екатерина Андреевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Yagafova Ekaterina Valerievna, doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of philosophy, history and theory of world culture. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

yagafova@yandex.ru

¹ Полевые материалы автора. 2001 г., Самарская обл., Шенталинский р-н. сс. Старое Афонькино, Салейкино.

² Полевые материалы автора. 2015 г., Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

³ Жигульский К. Указ. соч. С. 86.

Регулятивное сознание: управление, менеджмент, регуляция, самоорганизация, самоуправление

УДК 316.6+159.923

Умения самоорганизации личности современного студента

Н.А. Адельбаева, Г.А. Жумагулова

Modern students skills of self-organization

N.A. Adelbaeva, G.A. Zhumagulova

Аннотация. Авторы рассматривают вопросы умения самоорганизации современных студентов. Показана актуальность проблемы самоорганизации. Определены проблемы самоорганизации в современных условиях перехода на кредитную систему образования.

Ключевые слова: образование, учение, самоорганизация, умения, социально-регулятивное сознание.

Abstract: Authors In the article study the ability of self-organization of modern students. The urgency of the problem of self-organization. Determined problem-self-organization in modern conditions of transition to the credit system of education.

Keywords: education, learning, self-organization, skills, social and regulatory consciousness.

Самоорганизация является важнейшей частью системы организации учебно-профессионального процесса, которая, в свою очередь, является одним из существенных компонентов системы обеспечения качества образования. Ситуативная необходимость изучения проблемы самоорганизации определяется состоянием казахстанской системы образования, переживающей непростой этап перехода на кредитную систему образования¹. В условиях постоянно возрастающей и ужесточающейся конкуренции на рынке труда гораздо больше возможностей и перспектив имеют выпускники активные, творческие, обладающие, помимо знаний, и высокой квалификации, способностью к самообразованию, к самосовершенствованию, к поиску и реализации новых, эффективных форм организации своей деятельности.

Для формирования умений самоорганизации необходимо: осознание личной значимости умений самоорганизации; установка на овладение определенным умением; понимание личностью обобщённого правила актуализации знаний; уяснение содержания каждого умения как определённой совокупности действий и операций, его составляющих, и способов выполнения действий; опыт практической деятельности и упражнения по овладению умением; контроль за уровнем сформированности умения; учёт и оценка хода и результатов деятельности²

В научной литературе отдельно рассматриваются учебные умения. Особо подчеркнём, что учебные умения выступают основой для формирования любых умений, в том числе умений самоорганизации.

Перечислим учебные умения:

- форма деятельности – складывается как контролируемая сознанием последовательность ранее усвоенных действий;
- совокупность знаний и гибких навыков, обеспечивающая возможность выполнения определенной деятельности или действия в определенных условиях;
- способ действия, выполнение действия, необходимого учащемуся для овладения учебной деятельностью;
- способ получения знаний при осуществлении творческой деятельности, продуктами которой являются собственные мысли, оценки, новая интерпретация фактов.

¹ Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 г. ; Реформирование высшего образования в Казахстане и Болонский процесс: информ. мат.-лы. Алматы, 2009.

² Фалеева Л.В. Формирование профессиональных умений самоорганизации будущего менеджера в вузе : дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009.

В исследованиях, проведенных в последние годы, определены следующие учебные умения:

– учебно-организаторские, включающие в себя способы выполнения каждого компонента учебной деятельности (учебная задача, учебное действие, самоконтроль, самооценка), самостоятельный переход от одного компонента или этапа учебной работы к другому; умения организации учебной работы (рациональный порядок занятий, режим дня, культура рабочего места) и передачи знаний свои товарищам;

– учебно-информационные – способы самостоятельного приобретения и смысловой переработки, запоминания и хранения новой и дополнительной информации;

– учебно-коммуникативные – способы построения устной и письменной речи в зависимости от целей и условий общения с другим человеком в ходе учебной работы¹.

В психолого-педагогических исследованиях профессиональная самоорганизация рассматривается как показатель личностной зрелости². О профессиональной самоорганизации можно говорить только в том случае, когда профессионально значимые задачи становятся и личностно значимыми. В ходе профессиональной самоорганизации используется и совершенствуется весь комплекс, составляющий сложную структуру личности, прежде всего, интеллектуальные, эмоциональные, волевые черты характера. Уточняя определение профессиональной самоорганизации, можно исходить из того, что это процесс и способность личности, проявляющиеся в умении осознанно и целенаправленно использовать и совершенствовать в ходе профессиональной деятельности значимые составляющие структуры личности. Профессиональная самоорганизация необходима для того, чтобы оптимизировать действия, быть способным интегрировать свои усилия и усилия коллег, обозначить границы профессиональной активности, обеспечить успешность деятельности.

В процессе формирования самоорганизации будущего специалиста должны учитываться направленность профессиональной самоорганизации, преемственность этапов развития с учетом индивидуальных возможностей и особенностей, многовариантность путей развития, темп и т. п. Формирование профессиональной самоорганизации, обусловленное динамикой развития личности в целом, в каждом отдельном случае приобретает особый характер. Это сложный, многоаспектный процесс, следующий своей внутренней логике и имеющий индивидуально-своеобразную траекторию.

Умения профессиональной самоорганизации – это освоенные человеком способы рационального выполнения действий, направленных на решение профессиональных и личностно значимых задач, в которых человек выступает субъектом деятельности и профессионального саморазвития. При этом умения могут быть как практическими (операциональными), так и теоретическими (умственными)³, что определяет возможность формирования умений профессиональной самоорганизации на этапе обучения в условиях ВПО. Многие учебные навыки, сформированные у студентов в ходе профессиональной подготовки, затем становятся профессионально значимыми. К тому же внутренние ресурсы требуют определенной внешней инициативы, и «...любая самоорганизация невозможна без организации внешней, т. е. без определенного регулирования иницилирующих ее внешних воздействий»⁴. Процессы формирования специфических профессиональных умений и умений самоорганизации не противоречат, но дополняют друг друга, они взаимозависимы и взаимообусловлены.

С 2002 г. с целью международного признания национальных образовательных программ, усиления академической мобильности студентов и преподавателей, а также для повышения качества образования и обеспечения преемственности всех уровней и ступеней высшего и послевузовского образования внедрена кредитная технология обучения. Кредитная система обучения – способ организации учебного процесса, при котором обучающиеся в определенных границах имеют возможность индивидуально планировать последовательность образовательной траектории.

К важным преимуществам кредитной системы обучения относятся демократическая форма управления учебным процессом, максимальный учет интересов и потребностей обучающихся, большая академическая свобода вузов и обучающихся, удовлетворение потребностей работодателей, переход обучения от формата «учить» (teaching) к формату «учиться» (learning).

У студентов появляется свободный доступ ко всем уровням университетского образования зарубежных стран, у выпускников бакалавриата и магистратуры право – на трудоустройство в

¹ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад ; редкол.: М.М. Безруких В.А. и др. М., 2003.

² Горюнка В.П. Обучение профессиональной деятельности студентов // Педагогика. 1997. № 4. С. 7–8.

³ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад ; редкол.: М.М. Безруких и др. М., 2003.

⁴ Кульневич С.В. Педагогика самоорганизации: феномен содержания : монография. Воронеж, 1997.

любой стране. Кроме того, удовлетворяются требования работодателей, иностранных инвесторов к профессиональному признанию квалификаций при трудоустройстве выпускников.

Интегральной целью подготовки специалистов в кредитной системе образования является субъект профессиональной деятельности, активный участник и организатор делового пространства на всех этапах его развития. Внутренним содержанием процесса подготовки и личностного роста специалиста, своего рода «механизмом», является специфическая самоорганизация личностного образовательно-развивающего пространства, в котором студент выступает как субъект своего профессионального становления. Таким образом, формирование и развитие самоорганизующейся личности будущего специалиста должно стать одним из основных направлений работы в новых условиях профессионального образования.

Необходимо реализовывать способность будущего специалиста входить в активную исследовательскую позицию по отношению к собственной жизнедеятельности, к себе самому с целью анализа, оценки эффективности для развития своей личности. Самоорганизующаяся личность будущего специалиста формируется прежде всего в самостоятельной творческой деятельности, в условиях стимулирования усилий и потребности в самосовершенствовании.

Адельбаева Нурия Адельжановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии. Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет. Казахстан, Уральск.

Adelbayeva Nuriya Adelzhanovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of pedagogics and psychology. West Kazakhstan engineering humanities university. Kazakhstan, Uralsk.
wketu@mail.ru

Жумагулова Гульшат Амерхановна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии. Западно-Казахстанская гуманитарная академия. Казахстан, Уральск.

Zhumagulova Gulshat Amerhanovna, master of pedagogical sciences, senior teacher of chair of a pedagogika and psychology. West Kazakhstan University of Engineering and humanities. Kazakhstan, Uralsk.
gulshatzhumagulova@mail.ru

УДК 130.2+159.9

Философствование российской интеллигенции как особая форма групповой саморегуляции

Е.В. Бакиштова

Philosophizing Russian intelligentsia as a special form group self-regulation

E.V. Bakshutova

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. В статье рассматриваются исторически сложившиеся формы философствования российской интеллигенции в особых культурных практиках, обеспечивающие ее сохранность и воспроизводство. Показано, что философствование выступает не просто специфической формой мышления интеллектуальной группы, но и такой практикой, которая обеспечивает творческий потенциал нации и человекообразность общественных процессов.

Ключевые слова: интеллигенция, философствование, культурные практики, концептуализация, дискурс, идеологемы.

Abstract. The article deals with historical forms of philosophizing Russian intelligentsia in particular cultural practices to ensure its preservation and reproduction. It is shown that philosophizing stands not just a specific form of intellectual thinking group, but also a practice that allows the creative potential of the nation and the person concerned social processes.

Key words: intellectuals, philosophizing, cultural practices, conceptualization, discourse, ideological.

Прагматизация общественной «надстройки», стремление к выхолащиванию гуманитарной сферы из системы социального управления и образования, иногда опирающиеся на беспомощ-

ность самих гуманитариев, создают иллюзию возможности технологизировать социальную и гуманитарные сферы. Осмелимся предположить, что на сегодняшний день (как и всегда) в вопросах регуляции и саморегуляции общества с настойчивой необходимостью нельзя обойтись без философствования. Философствование можно рассматривать на бытовом уровне (детское философствование, профанные рассуждения и т.п.), и в то же время философствование – «высшая форма исследований на основе всех возможностей философии»¹. А.Г. Войтов предлагает рассматривать как синонимы такие понятия, как «отражать», «чувствовать», «постигать», «представлять», «познавать», «мнить», «мыслить», «понимать», «исследовать», «философствовать», «теоретизировать», при этом формулируя в качестве проблемы необходимость «осмыслить единство и различие этих понятий»². Для познания некоторых объектов или событий достаточно чувствования или постижения, для других – только философствования и теоретизирования. Философствование существовало всегда, оно фундаментально, но оно не может не быть историчным как форма мышления и технология отражения / конструирования реальности. Как известно, общим местом являются рассуждения о специфичности российских форм философствования и об уникальности российской интеллигенции в целом. На наш взгляд в историческом становлении философии от «просто познания» к теоретизированию российская философия углубилась в философствование, увлеклась этим процессом, переходя к теоретизированию только в форме филодоксии, усвоению и ретрансляции идей и теорий европейских философов. Для этого есть причины, но для общества гораздо более важны последствия – дефицит теоретизирования приводит к тому, что в российском обществе не формируется тезаурус общественного согласия. Но в то же время философствование как практика вопрошания и передачи духовного опыта чрезвычайно важен как творческий процесс. Опыт философствования был прерван в начале XX в. и не только в России, а теоретизирование, создание конкретных теорий, собственно аналитическая философия, как оказалось, не вполне сообразны сверхсложной общественной реальности настоящего.

Возвращаясь к интеллигенции как основному субъекту философствования в России, отметим, что знание интеллигенции (о себе, об обществе, о власти) всегда не конечно, но всегда становится (если устанавливается, то, значит, интеллигенция полностью институализирована государством), оно всегда процесс – из-за одновременной общности и крайней индивидуализированности интеллигентского философствования. Согласованность – только в вопросотворчестве, но ответы всегда индивидуальны. Концептуализация реальности в журнальных статьях, дискурсивное конструирование идентичности в докладах, дискуссиях, переписке были внутренними формами философствования. «Словомышление» российской интеллигенции напоминает очень древние когитальные формы, когда человек, осознавший себя отдельным от природы, должен был как-то объяснять увиденное и еще не совсем осознанное, создавая миф. Однако мифотворчество российской интеллигенции опирается не на реальность или образ реальности, а уже на созданное описание реальности, на знаковые системы, существующие в западной философии. Как известно, практики – это действия, обладающие определенным (практическим) смыслом для индивида или коллектива, они существуют во времени, повторяют сами себя, и в то же время изменяются благодаря некоторой свободе, привносимой индивидуальными габитусами. Практика не может «быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур»³. Культурные практики интеллигенции протяженны во времени, имеют историю, связанную с социальными и культурными практиками других социальных классов, вписаны в исторический процесс. Как справедливо отмечал Г.П. Федотов, «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру. Можно сказать, что столетие самосознания русской интеллигенции является ее непрерывным саморазрушением»⁴.

Культурная практика интеллигенции – это самоизменение и изменение группы, обусловленное дискурсом, производящим аутентичный дискурс модернизации российской культуры.

¹ Войтов А.Г. Ретроспектива философствования // Войтов А.Г. Философское основание теории (Осмысление проблемы). URL: http://sorit.ru/mshtml/Retrospektiva_filosofstvovaniya/Problemy_teorizacii_filosofii.htm. Дата обращения: 14.02.15

² Войтов А.Г. Ретроспектива философствования...

³ Шматко Н.А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. СПб. ; М., 2001. С. 552.

⁴ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. С. 54.

Идея модернизации России является внутренне необходимой, но как практика и как рефлексия привносится интеллигенцией из западной культуры и является чуждой по отношению к внутренней традиции, такой же «выглядит» группа, осуществляющая эту рефлексю. Необходимость присвоения идеи модернизации русской культурой, соединения объективных структур преобразования социального мира и субъективной интериоризации порождает атипичный дискурс интеллигенции, в котором философствование выступает стилевой характеристикой.

Дискурс – это высказывания, коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте; это инструмент конструирования идентичности, опирающийся на модели социального опыта, представленные в когнитивных схемах (прототипах, скриптах и т.п.). По словам М.Л. Макарова, по сравнению с «механическим миром вещей, пространства, времени и каузативности дискурс» представляет собой социальную реальность, где один «речевой акт не может однозначно определять тип и свойства последующего акта». Высказывание как «атомарный факт социального мира» создает условия, при которых последующее высказывание может быть ожидаемо, но не обязательно, что оно действительно будет соответствовать нормам и правилам общения. В дискурсе нет однозначно детерминированных отношений, он характеризуется «размытыми вероятностными зависимостями “речи-во-взаимодействии”»¹. То есть интеллигентский дискурс – это не целостная упорядоченная система текстов, как считают некоторые авторы, но их конгломерат (соединение разнородного), совокупность высказываний, обсуждение, философствование интеллигенции об интеллигенции (о месте, роли, функциях в обществе, психологических характеристиках, прошлом и будущем и т.п.), обладающий временной и содержательной динамикой и направленный на воспроизводство группы. Именно поэтому любой «интеллигентский» текст, в какой бы период истории он ни был создан, понятен «интеллигентному» читателю в любой другой период. Сотворчество дискурса, единое (хоть и раздвоенное) сознание группы позволяет ставить через запятую имена Бердяева, Горького, Солженицына, Сахарова и др. Именно они, эти имена, включенные в дискурс, детерминируют социализацию сообщества интеллигенции и служат эпонимами идентичности. Однако вопрос о диалогичности дискурса интеллигенции не так прост. Кто является со-участником коммуникации интеллигенции? Предположительно, Власть и Народ должны быть представлены в дискурсе, как тот Другой, с которыми осуществляется диалог и совместное смыслопорождение. Однако история интеллигенции – это скорее история несостоявшегося диалога интеллигенции и Мира. Не-открытость Другому обуславливает и невозможности интерпретативного самопознания. Вот почему, несмотря на многоуровневость, сверхсвязность и конфликтность, интеллигентский дискурс, по существу, остается дискурсом самоопределения и самопознания (то есть конструирования идентичности) вплоть до настоящего времени. Говоря словами У. Эко, интеллигентский дискурс является «открытым» текстом, примером «такого синтактико-семантико-прагматического устройства, в самом процессе порождения которого предусматриваются способы его интерпретации»². На самом деле, этот текст (Текст) может интерпретироваться одновременно как профанный и сакральный, открытый не для всей публики, а только для той, которой понятны смыслы, значения, интенции этого текста. Текст, открытый для интеллигенции, закрыт для остального общества, он является своеобразной самореферентной системой, он, пожалуй, не ждет собеседника. Дискурс интеллигенции как культурная практика имеет свойство экзистенциальности – он одновременно порождается и порождающий. Только он в специфических условиях модернизации в России, обеспечивает бытие группы как целого социокультурного макрофеномена.

Группа «говорит» от имени других групп и для других групп; осмысление реальности, ее объективация характеризуются такими формами концептуализации и категоризации, которой свойственны: аксиологизация любого предмета осмысления («погружение» в литературу таких категорий, как «народ», «овес», «наука», их эмоционально-оценочное осмысление и описание и «возвращение» в социальную реальность; причем в обратной ситуации – при излишней логизации (т.е. иных способах культурной объективации) – интеллигенция превращается в технологическую структуру, создающую лозунги и директивы); ментальная конфликтность (негативный и позитивный мифы об интеллигенции; конфликт установок: эволюционизм – революционаризм, активность – пассивность, оппозиционность власти – сервиллизм, «свой» – «чужие» и «свое» – «чужое»; разделение на «подлинных» и «неподлинных» интеллигентов и др.); литературоцен-

¹ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 19.

² Эко У. Роль читателя : исследования по семиотике текста : пер. с англ. М., 2005. С. 11–12.

тричность российского габитуса («литературизация внелитературного становится ведущей формой культурного самоопределения и действия»¹ – настоящую жизнь можно было увидеть только в художественных произведениях, они же предоставляют образцы мышления и поведения, а «толстые» журналы заменяли собой общественные объединения и политические партии).

Описанные характеристики концептуализации в дискурсивном процессе превращают концепты в идеологемы – социолекты, «гипотезы смысла» (М.М. Бахтин), «украшающие» интеллигентскую картину мира, маркирующие дискурс как практику, где «стимулы не существуют как объективная истина *условных* и *обусловленных* пусковых устройств, а действуют только при условии их встречи с агентами, способными их *узнавать*»², то есть дискурс является инструментом инкультурации агентов, индивидов в группу, способом их идентификации (не существует объективных «внешних» маркеров, определяющих принадлежность человека к интеллигенции, идентификация осуществляется только на основе самоатрибуции). Идеологемы описаны Г.П. Федотовым, и они также предстают в синкретически сосуществующих антиномиях: православие и идейность, подменившая веру в Бога; западники и славянофилы; почвенники и беспочвенники разных времен, периодически сменяющие друг друга; народопоклонство и терроризм; умственный консерватизм и радикализм³.

Сознание и самосознание интеллигенции характеризуется дивергентностью конфликта, который не имеет однозначного решения, неразрешим, и может быть только интегрирован. Возможности преодоления конфликта, на наш взгляд, раскрываются в концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. По его словам, возможности Модерна еще не исчерпаны до конца и требуют на новом витке истории обращения к себе, к возобновлению общественного договора, передоговаривания. Коммуникативная рациональность нацелена на создание новых подходов к социальной реальности, на поиск методов рационального прогнозирования, новых норм, ценностей и содержащихся в них культурных смыслов, которые могли бы послужить ориентирами для развития как общества, так и самого человека. В этих условиях она приобретает характер созидательного процесса, в котором активно используется *интеллектуальная интуиция*, творческое *воображение*, в том числе политическое, создаются социокультурные модели и проекты. Они должны проверяться в практическом дискурсе, а в социальном плане открывать возможности не только модернизации, но и гуманизации общества. Осуществление скоординированных конкретных социальных действий в этом направлении – «коммуникативных действий», согласно терминологии Ю. Хабермаса, – является конечной целью коммуникативной рациональности⁴. Для современного мира, времени распада связей в государствах, группах, сообществах, это актуально, как никогда. Но ситуация не представляется нам совершенно безнадежной. Если скоро реальность конструируется и управляется дискурсивно, то понимание и изменение дискурсивных правил, а, следовательно, и культурных практик интеллигенции в целом способны привести к конструктивным изменениям.

Бакшутова, Екатерина Валерьевна кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Bakshutova Ekaterina Valerievna, candidate of psychological sciences, associate professor . Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
bakshutova.ekat@pgsga.ru

¹ Дубин Б. Слово – письмо – литература : очерки по социологии современной культуры. М., 2001. С. 10.

² Бурдые П. Практический смысл. СПб. ; М., 2001. С. 103.

³ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991.

⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Социально-регулятивное сознание и иудаизм

А.И. Белкин

Social and regulatory consciousness and judaism

A.I. Belkin

Государственное задание Минобрнауки РФ №25.1028.2014/к «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. Статья посвящена специфике исследования социально-регулятивного сознания и его составляющих, содержит в себе методику изучения социально-регулятивного сознания. Другая часть работы посвящена описанию и анализу результатов исследования социально-регулятивного сознания на основе разработанной авторской анкеты, которая легла в основу полуструктурированного интервью об иудаизме. Описаны основные вопросы, специфика осуществления регуляции поведения и изменения личностных составляющих.

Ключевые слова: сознание, социально-регулятивное сознание, исследование, интервью, поведение.

Abstract. Article is devoted to specifics of research of social and regulatory consciousness and its components, comprises a technique of studying of social and regulatory consciousness. Other part of work is devoted to the description and the analysis of results of research of social and regulatory consciousness on the basis of the developed author's questionnaire which formed the basis of the semi-structured interview, characteristic for Judaism. The main questions, specifics of implementation of regulation of behavior and change of personal components are described.

Key words: consciousness, social and regulatory consciousness, research, interview, behavior.

Настоящая статья посвящена изучению социально-регулятивного сознания как в общем так и, в частности, его специфики в религии иудаизма. Социально-регулятивное сознание можно определить как совокупность ментальных представлений определенной социальной группы о власти и влиянии, включающую в себя социально-психологические установки, социальные ожидания (экспектации), социальные стереотипы и ряд других психологических переменных.

Наибольшую сложность вызывает сам процесс изучения специфики распределения власти и представления о нем в том или ином социальном сообществе. Действительно, власть или отношения влияния-подчинения являются одним из базовых измерений социальных отношений наряду с эмоциональной составляющей¹ и поэтому часто подвергаются завуалированию, маскировке, обозначению совершенно различными конструктами, цель которых – внести смысловую гетерогенность в определение и оценку власти.

М. Фуко сравнивал власть с циркуляцией энергии в электрических цепях, указывая на то, что власть может быть сконцентрирована в разных местах, однако сам факт ее наличия и действия остается постоянным. Следовательно, социально-регулятивное сознание является неотъемлемой частью сознания группы, племени, общества с незапамятных времен².

Х. Арендт считает, что власть мало операционализируема, то есть она не может быть принудительной и наиболее эффективна, когда управляемый не считает, что на него оказывают воздействие. Напротив, ужесточение, принудительные меры свидетельствуют об утрате власти со стороны лидера или государства³.

Управление, социальная регуляция с точки зрения системного подхода служит задаче упорядочивания социального взаимодействия, для чего в любой социальной группе существуют система управления, лидер, являющийся моделью желаемого социального поведения и осуществляющий регуляцию данной социальной структуры. В информационном обществе в несколько меньшей степени сохраняется значение лидера как образца для подражания, в то время как зна-

¹ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1998.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб., 1994.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой и др. ; послесл. Ю.Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М., 1996.

чение социально-регулятивного сознания как основы для формирования у членов группы развитой психосоциальной идентичности, то есть чувства единства, ощущения «мы» с группой, еще более усиливается.

При изучении социально-регулятивного сознания наиболее значимым фактором является определение системы управления, ее значения, целей, содержания, средств и других параметров осуществления и распределения власти в той или иной социальной группе. Для определения структуры социально-регулятивного сознания совместно с Г.В. Акоповым были определены составляющие системы управления, которые представлены на рис. №1. Как видно из рисунка, наиболее значимым компонентом является цель, которая и определяет существование той или иной социальной структуры, будь то организация или малая, средняя, большая социальная группа.

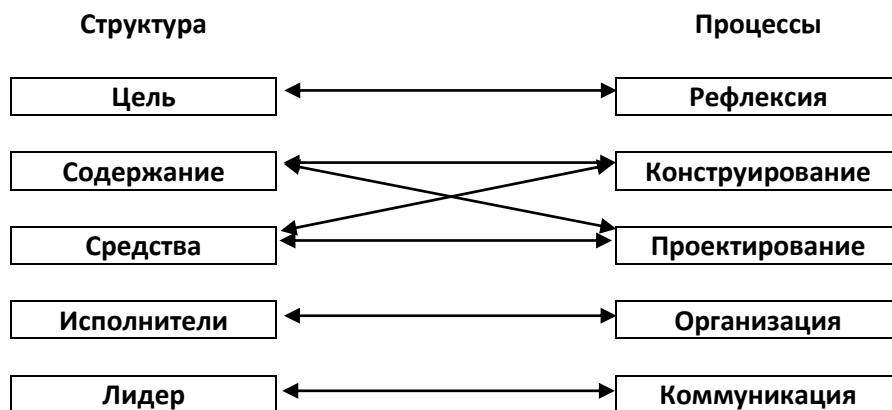

Рис. 1. Структура системы управления и процесса его изучения

Рассмотрим подробнее содержание отдельных компонентов. Наиболее значимый из них – цель, которая в общем плане определяется ответом на вопрос «Для чего осуществляется то или иное управление» и в конечном итоге определяет его смысл и конечный результат. Следующей составляющей является содержание управления (вопрос «Что?», то есть, конкретизируя: какие условия нужно учитывать, какие задачи решать, чтобы достигнуть поставленной цели). Следующая составляющая – средства (вопрос «Как?», то есть каков путь решения задач и достижения целей, какие именно методы, формы, операции, действия необходимы для эффективного управления). Следующая характеристика – это исполнители («Кто?»). Имеется в виду, что должно знать, нужны ли какие-то особые физические или психологические характеристики, кто в целом составляет ту или иную социальную группу, каковы их отличительные особенности. Последней составляющей (не по значимости) является лидер (его индивидуальность, необходимая для осуществления эффективного руководства или лидерства).

Каждому из этих уровней, как видно из приведенного рисунка, соответствуют те или иные социальные процессы. На уровне цели это рефлексия, позволяющая в целом определить, достигнута или не достигнута цель, существуют ли мешающие факторы и каким образом их можно устранить. На уровне содержания и средств осуществляется процессы проектирования и конструирования. Процесс конструирования представляет собой создание модели организации, то есть всей социальной системы. Процесс проектирования направлен на достижение цели и представляет собой создание предварительной модели всей системы управления. Уровень исполнителей более точно характеризуется теми социальными нормами, а также санкциями, которые характерны для той или иной социальной группы. Лидер является наименее доступным объектом для изучения, которое возможно при осуществлении коммуникации, направленной на получение информации о специфике структуры управления и социально-регулятивного сознания.

Для изучения социально-регулятивного сознания нами была составлена и апробирована анкета, которая легла в основу полуструктурированного интервью, направленного на получение значимой диагностической информации о субъектах социально-регуляционного процесса. Изначально анкету составили 28 вопросов, каждый из которых был привязан к одной из характеристики системы управления. Затем собственно структуру процесса управления мы разделили на три уровня: 1) **ценностно-смысловой уровень** – эффективность – определяется на основе достижения цели социальной группы, степени ее достижения от полной, частичной до недостижения; 2) **предметный уровень делится на два подуровня**: управляющий и собственно функционально-предметный, которые определяются спецификой условий деятельности и в их основе ле-

жат процессы конструирования и проектирования содержания и средств деятельности. Для нашего исследования интерес представляет только управляющий предметный уровень; 3) **социальный уровень** предполагает анализ осуществления властных полномочий, а также специфики межличностных отношений в системах «лидер – группа», «член группы – член группы», а также «член группы – группа».

Таким образом, анализ уровней осуществления управления, которые предполагают учет структуры управления и процессов, характерных для той или иной социальной группы, должен дать наибольшую полноту описания изучаемого явления, так как процесс изучения предполагает экспертную ситуацию и может быть сопряжен с большими сложностями при проведении эмпирического исследования.

Религиозное сознание и религиозные социальные системы являются жесткими социальными структурами, которые имеют многовековой опыт, что предполагает высокую степень эффективности составляющих системы управления, и поэтому имеют высокую исследовательскую ценность для изучения социально-регулятивного сознания.

Кратко охарактеризуем содержание авторской анкеты. Она имеет конструктивную валидность (на данный момент), то есть, соотнесена с представлением о понятии и структуре социально-регулятивного сознания и системы управления как его отражения. Приведем примеры некоторых вопросов, затрагивающих конкретные уровни социально-управленческого процесса. На ценностно-смысловом уровне это вопросы, затрагивающие социальное значение религиозной практики, веру, конечную цель верующего (пример: «Как, по Вашему мнению, влияет стремление к вере, к духовному самосовершенствованию на человека?»); на предметном уровне вопросы призваны определить, с помощью чего совершается то или иное духовное достижение, при этом здесь есть внутренний план, касающийся изменения характера человека, его отношения к определенным вещам (например: «Каким становится человек, если он стремится к богу, что в нем меняется прежде всего?») и т.д., и план внешний, предполагающий осуществление тех или иных религиозных практик («Что помогает ему в этом?» и др.). На социальном уровне речь идет о взаимоотношениях человека с другими людьми, а также о нормах, особенностях коммуникации, взаимодействия с другими людьми (пример: «Какие нормы становятся более важными?»). Каждый уровень представлен не менее чем 7 дескрипторами, что обеспечивает получение надежной информации. Вопросы по возможности сформулированы простым языком, не требуют от респондента специальных знаний и доступны каждому. Соблюдены все основные требования к анкете: структура, специфика закрытых и открытых вопросов, а также вопросов-фильтров, что также повышает ее надежность. В эмпирическом исследовании анкета дополняется наблюдением, так как ряд процессов, например организацию, коммуникацию наиболее эффективно оценивать с помощью метода наблюдения. Конечно, в этом случае наиболее характерно полевое скрытое наблюдение, которое часто дает возможность изучения явления с высокой степенью точности. Может быть использован любой способ фиксации данных: обобщенный, фактографический, индикаторный, но в силу специфики осуществления наблюдения более предпочтителен фактографический метод фиксации данных процесса наблюдения.

Эмпирическое изучение социально-регулятивного сознания в практике иудаизма осуществлялось на протяжении 2014–2015 гг., было проведено 15 посещений синагоги, а также апробирована авторская анкета, направленная на выявление специфики социально-регулятивного сознания. Охарактеризуем кратко результаты изучения социально-регулятивного сознания на каждом из выделенных нами уровней системы управления. В основе социально-регулятивного сознания в иудаизме лежит представление о том, что, в конечном счете, все определяется творцом, однако человеку дана большая свобода в его личном выборе. Основной целью является приближение к творцу посредством религиозных практик. Практика ортодоксального иудаизма предполагает большое внимание к различным ритуалам, которые очень четко расписаны и осуществление которых считается средством достижения главной цели. То есть уровень содержаний и средств довольно таки структурирован.

Важным представлением является то, что существуют два основных процесса: получения и отдачи. Считается, что когда человек отдает, то он становится подобен творцу и, в каком-то смысле, главная задача его жизни – приблизиться к творцу, что предполагает умение отдавать. Те же самые действия, которые осуществлялись ранее, меняются, если в их основе находится процесс отдачи, а не получения. Таким образом, меняется процесс смыслообразования социальных действий и, соответственно, восприятие реальности субъектами.

Очень интересным является то, что вопрос содержания в каком-то смысле в иудаизме оказывается снятым. Считается, что представления о том то, что человек считает себя отделенным от творца, или о том, что для достижения творца необходимо пройти долгий и мучительный путь, есть неверные представления самого человека. В иудаизме существует представление, что творец открыт человеку и в любой момент может быть доступен ему. Так что в определенном смысле вопрос о вере оказывается снят. Считается, что не нужно стремиться к обретению веры, так как, наоборот, безверие, атеизм требует огромной работы над собой, и при этом человек все равно продолжает сомневаться в атеизме, так как подсознательно чувствует, что творец на самом деле есть. Наоборот, принятие существования творца рассматривается как естественный процесс, который не требует каких-то особых усилий. Сам человек является особенным существом, которому, в отличие от животных, дано право выбора.

При этом существует определенное разнообразие средств, необходимых для достижения главной цели. Помимо молитвы, чтения священных текстов, существует практика устремления, когда религиозный человек, не используя специальных молитв, просто беседует, разговаривает с богом своим языком, так как это у него получается. Это также считается одной из основных религиозных практик.

Если говорить о социальном уровне и о характеристиках людей и лидера, то прежде всего обращает на себя внимание высокая степень дружелюбия, практическое отсутствие агрессии и санкций за нарушение тех или иных норм. К примеру, в шабат в синагогу пришел новый человек и во время чтения молитв стал смотреть iPad, в то время как по религиозным представлениям в иудаизме в шабат нельзя не только работать, но и заниматься чем-либо вообще. Его попросили, далеко не сразу, убрать iPad, при этом трижды извинились. Общая атмосфера или социально-психологический климат положительный, обращает на себя внимание спокойная атмосфера и в целом, положительный эмоциональный настрой людей.

Хочется отметить отсутствие чрезмерной экзальтированности, спокойствие, высокую лабильность. Также нет выраженности чрезмерной мускулиности, которая часто бывает связана с агрессивностью.

Сам процесс общения достаточно структурирован и включает в себя приветствие, одевание кипы, сначала неформальное общение, затем основную часть, связанную с чтением молитв и рассказыванием религиозных устоев, причем всем раздают книги и показывают (периодически) страницы, которые нужно читать. Следует отметить, что религиозные истории всегда имеют конкретно-историческую специфику, служат сплочением и укреплением религиозной идентичности и содержат в себе какой-то важный смысл или знание, расширяющее границы понимания религиозного опыта. Нельзя сказать, что все и всегда читают, при этом отсутствует какой-то явный контроль за этим процессом, так как присутствуют люди разных возрастов и степени знания иврита, а также различных религиозных норм и праздников. Кто-то читает, кто-то слушает, но в целом царит атмосфера уважения и включенности в процесс. Помимо пожилых людей, присутствуют молодежь и дети. Завершают действие трапеза и неформальное общение.

Выборку респондентов составили 30 верующих, посещающих синагоги, из них мужчин – 92 %, женщин – 8 %, средний возраст $M=54$. Анкетирование и интервьюирование самих верующих показало, что наиболее важным качеством, которое они считают главным, формирующимся за время религиозной практики, является благодарность, которое возникает на основе благодарности творцу (83 % опрошенных респондентов). Отмечается, что часто нерелигиозные люди считают само собой разумеющимся то, что они имеют или кем являются, в то время как в иудаизме присутствует представление о том, что все определяется волей творца. Это не противоречит свободе воли человека, так как человек может поступать по своему личному выбору, важнейшим из которых считается выбор творца или нежелание признавать его. Считается, что результат не всегда зависит от усилий человека, при этом наиболее продуктивным оказывается такой подход, при котором человек (весь день) делает от себя все зависящее, чтобы достичь цели, а затем (вечером) говорит о том, что на все воля творца. Благодарность как редкое качество, которое становится все сильнее, по словам респондентов, отражает значимые изменения в их сознании и также связано с альтруизмом, рассматриваемым прежде всего как способность и желание отдавать.

Изучая социальный уровень, отметим, что важнейшим условием для того, чтобы войти в круг религиозных практик иудаизма, является факт принадлежности к евреям, который устанавливается на основе национальности матери. Это очень важный, родовой, факт для религиозного сознания, и он считается крайне, архетипически важным, так как присутствует представление, что именно он определяет предназначение человека, хотя и для неевреев существует возможность пройти гиюр и таким

образом стать частью еврейства. Следовательно, важнейшей характеристикой людей является то, что они являются евреями, представителями данной национальности, и, конечно же, сами, по своему желанию, ходят в синагогу. Лидером является раввин, знаток ритуалов и текстов, который умеет адаптировать многовековой религиозный опыт к современным реалиям жизни. В этом аспекте социально-регулятивное сознание тесно связано с религиозным сознанием.

Следовательно, социально-регулятивное сознание является совокупностью ментальных представлений определенной социальной группы о власти и влиянии, включающих в себя социально-психологические установки, социальные ожидания (экспектации), социальные стереотипы и ряд других психологических переменных. Изучение социально-регулятивного сознания предполагает изучение системы управления. Выделены три основных уровня системы управления: ценностно-смысловой, предметный и социальный. Определены структура и процессы управления: цель, связанная с рефлексией; содержание и средства, связанные с конструированием и проектированием; лидер и исполнители, связанные с коммуникацией и организацией. Сконструирована и апробирована авторская анкета, направленная на изучение социально-регулятивного сознания и являющаяся основой проведения полуструктурированного интервью. Получены результаты, отражающие специфику социально-регулятивного сознания в иудаизме. Определены цель (достижение творца), содержание и средства (молитва, ритуалы, устремления), а также характеристики людей и лидера как представителей данной социальной группы (дружелюбие, альтруизм, благодарность, лабильность и ряд других).

Белкин Антон Игоревич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Belkin Anton Igorevich, doctor of psychological sciences, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
rotati@mail.ru

УДК 159.922.8+263

Влияние религиозного сознания на эмоциональное состояние подростков

Е.В. Беляева, А.Е. Питухина

The influence of religious consciousness on the emotional state of teenagers

E. V. Belyaeva, A. E. Pitukhina

Аннотация. В статье представлен анализ результатов эмпирического исследования, выявляющий различия в регуляции эмоциональных состояний у подростков, посещающих различные образовательные учреждения: православную и мусульманскую и светскую школу.

Ключевые слова: религиозное сознание подростков; психические новообразования подросткового возраста; эмоциональное состояние подростков; тревожность; познавательная активность; негативные эмоциональные переживания; агрессия; фрустрация; ригидность; стрессовые состояния.

Abstract. The article presents the analysis of the results of empirical studies that identify differences in the regulation of emotional States in adolescents attending various educational institutions: Orthodox and Muslim and secular school.

Keywords: The religious consciousness of adolescents; mental neoplasms adolescence; emotional state of adolescents; anxiety; cognitive activity; negative emotional experiences; aggression; frustration; stiffness; stress state.

Подростковый период занимает особое место в жизни человека, потому что в эти годы ребенок переходит от детства к взрослости. У подростка появляются такие психические новообразования, которых не было у младшего школьника: формируются новые элементы самосознания, типы отношений со сверстниками, родителями и другими людьми, новые представления о будущем, моральные принципы. В подростковом возрасте закладываются основы нравственности и социальных установок личности, поэтому он становится стартом для раскрытия жизненных позиций и устремлений человека. В этот момент религия может являться эффективным средством в

преодолении тревожности и страхов, связанных возрастающей ответственностью, физиологическими изменениями и т.д., содействовать принятию себя, построению отношений с окружающими. Здоровая религиозность, соответствующее воспитание, атмосфера понимания, поддержки и доверия способствуют более здоровым взаимоотношениям, формированию идеалов, творческому развитию, уменьшению негативных эмоциональных переживаний.

На современном этапе проблема влияния религиозного сознания на эмоциональное состояние подростков исследуется рядом ученых (А.М. Двойнин, Г.И. Данилова и др.¹).

В настоящее время возросла религиозная активность населения России, в частности молодежи, увеличилось количество религиозных организаций. Это связано с тем, что в условиях непростой обстановки в мире и увеличения темпа жизни возникает необходимость в психологических ресурсах, обеспечивающих защищенность личности. Таким ресурсом для многих становится религия как система норм и правил. Религиозное сознание обеспечивает психологическую защищенность эмоциональной сферы человека, которая выражается в чувстве принадлежности к устойчивой социальной группе. Она определяет следующие причины обращения к религии: потребность в эмоциональном успокоении, психотравма, неудовлетворенность условиями жизни, поиск решения внутриличностных вопросов².

Существует большое количество различных определений понятия «религиозное сознание». В частности, оно определяется как совокупность несистематизированных представлений, установок, идей, чувств, настроений, потребностей, привычек, через призму которых верующий человек в иллюзорной форме осмысливает и воспринимает окружающий мир, свою жизнь и определяет свое отношение к ним.

Цель нашего исследования – изучение различий в регуляции эмоциональных состояний у подростков, посещающих различные образовательные учреждения: православную и мусульманскую и светскую школу. Гипотеза исследования: религиозное сознание подростков положительно влияет на регуляцию эмоционального состояния; у подростков, посещающих религиозные образовательные учреждения, уровень тревожности, негативных эмоциональных переживаний, агрессии, фрустрации, ригидности и стрессового состояния ниже, чем у подростков, не имеющих отношения к религиозному обучению.

В настоящем эмпирическом исследовании приняли участие подростки, посещающие воскресную школу при Покровском кафедральном соборе, духовно-просветительский центр «Кириллица», мусульманское религиозное учебное заведение медресе «Нур», а так же учащиеся светской школы МБОУ СОШ №156. Возраст испытуемых 12–15 лет. Выборка составила 60 человек.

Для проведения эмпирического исследования были использованы методики, позволяющие определить эмоциональное состояние подростков: опросник исследования тревожности у подростков и юношей Ч.Д.Спилбергер (адаптация А.Д. Андреевой), методика диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка, опросник «Инвентаризация симптомов стресса» (Т. Иванченко).

Тревожность у подростков изучалась методикой Ч.Д.Спилбергера адаптированной А.Д.Андреевой в 1988 г.. Выбор данной методики в качестве исследовательского инструментария связан как с тем, что она позволяет выявить уровень познавательной активности, тревожность и гнев как наличное состояние и как свойство личности. Под познавательной активностью понимается присущая человеку любознательность, непосредственный интерес к окружающему миру, активизирующие познавательную деятельность субъекта. Гнев и тревога – базальные эмоции, зависящие от иерархически организованных структур мозга, они усиливают действие эмоцио-

¹ Данилова Г.И. К вопросу о логике формирования индивидуальной религиозности личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. Т. 2, № 4. С. 232–235 ; Двойнин А.М., Данилова Г.И. Вера как психологическая основа религиозности современной православной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10–2. С. 282–288 ; Алиева Б.Ш., Омаров О.А., Омарова Т.А. Религиозно-педагогические аспекты семейного воспитания у мусульман // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 162–165 ; Безрукова В.С. Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000 ; Верещагина А.А. Проблема формирования социальных представлений о религиозном воспитании // Наука и Мир. 2014. № 1 (5). С. 370–371 ; Перевозникова Е.В. Психологические особенности самосознания подростков из семей православной и атеистической ориентации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000 ; Густова Л.В. Исследование взаимосвязи индивидуального уровня религиозности и личностных качеств // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6366> ; Мальцев С.И. К вопросу о религиозно-культурологическом воспитании в региональной системе образования // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 1. С. 74–81

² Грановская Р. М. Психология веры. СПб., 2004.

генных стимулов, и это усиление внешне проявляется в виде затрудненного приспособления субъекта к жизненно значимым ситуациям. Поскольку эмоция гнева практически не имеет реального выхода в условиях школьного обучения, А.Д. Андреева рассматривает последнюю шкалу более широко как направленную на выявление отрицательных эмоциональных переживаний, связанных с учебной деятельностью школьников.

Опросник разделен на две части: первая часть позволяет оценить обычное состояние, а вторая часть выявляет то, как подросток чувствует себя в школе.

Анализ результатов первой части опросника, показал, для подростков всех трех типов образовательных учреждений наиболее характерны низкий и средний уровень тревожности. Это свидетельствует о том, что большинство учащихся как общеобразовательной, так и религиозных образовательных учреждений не испытывает повышенной тревожности. Однако показатели, полученные в общеобразовательной школе, в 2,5 раза выше, чем у учащихся медресе, и в 5 раз выше, чем у учащихся православной школы. Это может свидетельствовать о том, что учащиеся светской школы больше склонны остро реагировать на ситуации, угрожающие их жизнедеятельности и самооценке, чем подростки, посещающие религиозные образовательные учреждения.

Высокий уровень познавательной активности преобладает среди подростков, посещающих религиозные образовательные учреждения, средний уровень – у подростков светской школы. Это свидетельствует о том, что подростки, посещающие религиозные образовательные учреждения, проявляют большую любознательность, непосредственный интерес к окружающему миру, активизирующие познавательную деятельность, чем учащиеся светской школы.

По шкале негативных эмоциональных переживаний средний и низкий уровень выявлен у православных подростков и посещающих медресе, а у испытуемых общеобразовательной школы – высокий уровень негативных эмоциональных переживаний. Это говорит нам о том, что подростки общеобразовательной школы чаще склонны проявлять несдержанность, раздражительность и вспыльчивость. Внешне это может, проявляется в виде затрудненного приспособления субъекта к жизненно значимым ситуациям.

Результаты, полученные по второй части методики, которая исследует, как подросток чувствует себя в школе, показал, что высокий и средний уровень тревожности больше проявляется у подростков светской школы, а у подростков, посещающих воскресные школы, наблюдается средний и низкий уровень тревожности. Самый низкий уровень тревожности у подростков-мусульман. Это может говорить о том, что напряжение и беспокойство в момент нахождения в школе чаще переживают нерелигиозные подростки.

Уровень познавательной активности в школе у трех групп подростков в основном находится на высоком и среднем уровне. При этом низкая познавательная активность полностью отсутствует у учащихся светской школы. Это может означать, что подростки стремятся быть сосредоточенными, концентрировать внимания на изучаемом предмете, стремятся узнать что-то новое.

Результаты диагностики уровня негативных эмоциональных переживаний, связанных с учебной деятельностью, у не посещающих религиозные образовательные учреждения, распределились по всем трем уровням, но преобладает средний уровень, как и у православных подростков. У подростков-мусульман преобладает высокий уровень негативных эмоциональных переживаний в школе.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе диагностического исследования с помощью методики диагностики психических состояний Г. Айзенка, которая определяет уровень выраженности таких состояний, как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность.

Наиболее высокий уровень тревожности был выявлен у учеников светской школы. Средний и низкий уровень в равных значениях тревожности преобладает у православных подростков и подростков-мусульман.

По шкале «фрустрация» высокий уровень отсутствует у всех трех групп опрошенных. В данной выборке преобладает средний уровень фрустрации. Самый низкий уровень преобладает у подростков, посещающих медресе.

Сравнение результатов по шкале «агрессия» показало, что средний уровень агрессии примерно в равной степени характерен для учащихся общеобразовательной школы и подростков, посещающих воскресные школы. У подростков-мусульман преобладает низкий уровень агрессии по сравнению с двумя другими группами опрошенных.

Показатель «ригидность» у подростков-мусульман выражен в средней степени, а у православных подростков и учащихся общеобразовательной школы наоборот – низкий уровень ригидности преобладает над средним.

В целом по выборке следует, что подростки, посещающие медресе имеют более низкий уровень тревожности, агрессии, фрустрации, что может говорить о том, что они меньше испытывают отрицательные эмоциональные состояния в виде беспокойства, страха, агрессии и вместе с тем низкая тревожность требует особого внимания к мотивам деятельности и повышения чувства ответственности. Также для них характерна более высокая ригидность, проявляющаяся как неспособность в той или иной мере воспринимать новый опыт и включать его в систему личности.

У учащихся православной школы все показатели имеют средние значения, что может говорить по закону Йеркса-Додсона о высокой продуктивности деятельности личности.

Наиболее высокий уровень тревожности был выявлен у испытуемых общеобразовательной школы, что может быть связано неадекватно высокой самооценкой, которая вызывается неудовлетворением притязаний на успех. Тем более что современные светские ценности больше связаны с высокими социальными амбициями и жесткой конкуренцией. Таким образом, противоречия между высокими притязаниями и реальными возможностями могут привести к неблагоприятным эмоциональным состояниям подростков. При этом низкий уровень ригидности позволяет говорить о благоприятном прогнозе в отношении гибкости в оценке самого себя и реагировании на окружающий мир.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе диагностического исследования с помощью опросника «инвентаризация симптомов стресса» Т. Иванченко.

У всех трех групп опрошенных, в основном преобладает средний уровень стрессового состояния. Высокий показатель преобладает у учащихся общеобразовательной школы, а низкие показатели – у подростков, которые посещают религиозные образовательные учреждения.

Для определения того, влияет ли религиозное сознание на регуляцию эмоционального состояния подростков, нами был использован критерий Стьюдента-Фишера и критерий достоверности различий, результатов, полученных с помощью серии вышеназванных диагностических методик.

Методы математической статистики показывают следующие результаты: в первой части опросника Ч.Д. Спилбергера, которая диагностирует эмоциональное состояние подростков в повседневной жизни, – статистически значимые различия между подростками-мусульманами и учащимися светской школы по шкале «Тревожность». Между православными подростками и учащимися светской школы наблюдается различие по всем трем шкалам (тревожность, познавательная активность, негативные эмоциональные переживания). Во второй части опросника Ч.Д. Спилбергера между подростками-мусульманами и учащимися светской школы выявлены статистически значимые различия в шкалах «Тревожность» и «Познавательная активность». Между православными подростками и учащимися светской школы выявлено различие только по шкале «Негативные эмоциональные переживания».

Статистически значимые различия, обнаруженные по методике диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка, выявлены между подростками-мусульманами и учащимися светской школы по шкале «Ригидность». Между православными подростками и учащимися светской школы выявлено различие по шкале «Фрустрация».

По опроснику «Инвентаризация симптомов стресса» Т. Иванченко, статистически значимых различий между подростками-мусульманами и учащимися светской школы не выявлено. Между православными подростками и учащимися светской школы значимые различия были выявлены.

В целом, можно сделать вывод о том, что религиозное сознание влияет на эмоциональное состояние подростков. Оно обеспечивает психологическую защищенность эмоциональной сферы, которая выражается в меньшей тревожности, фрустрации, агрессии, более высокой познавательной активности, что говорит об умении творчески относиться к окружающему миру и нестандартно мыслить. Вместе с этим, у таких подростков наблюдается более высокий уровень ригидности, что мешает восприятию нового опыта.

Беляева Елена Викторовна кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Belyaeva Elena Viktorovna., candidate of psychological Sciences of the Department of developmental and educational psychology of the faculty of psychology . Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

Elenabel65@mail.ru

Питухина Анна Евгеньевна, студентка 5 курса очной формы обучения факультета психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Pitukhina Anna Evgenyevna, 5th year student of the faculty of psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
psy-info@pgsga.ru

УДК 159.922

Самоописание как средство самоорганизации личности

С.М. Буянова

Self-description as means of self-organization of the personality

S.M. Buyanova

Аннотация. В статье представлен анализ проблемы саморегуляции личности посредством самоописаний. Автор предлагает различать самоописания «для себя» и самоописания «для других».

Ключевые слова: самоописание; самоорганизация; представления о себе.

Abstract. The paper analyzes the problem of self-organization of the individual through self-descriptions. The author proposes to distinguish between self-description "for himself" and of self "to others".

Key words: self-description; self-organization; representations about self.

В психологической науке проблема осознания человеком самого себя, своего места в окружающем мире является традиционным исследовательским предметом. Перед каждым человеком стоит острая проблема нахождения своего места в окружающем мире, осознания представлений о себе, своей значимости, самопонимания. Интенсивность социально-исторических процессов предъявляет особые требования к личной автономии, свободе и ответственности каждого человека. С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что чем интенсивнее контакт человека с миром, тем более остро встает перед ним задача сохранения собственной частности, не-публичности во всех сферах существования. Вследствие этого у современного человека возникает необходимость гармонизации отношений с окружающим миром, которые, принимая часто искаженные формы, снижают продуктивность деятельности и личностную эффективность¹.

Итак, желание понять себя, осознать мотивы своих поступков и действий, свои личностные качества неотъемлемо присутствует в жизни каждого человека. Это желание толкает личность к самопознанию, самоорганизации и саморазвитию. Самоорганизация предстает как процесс сознательного и целенаправленного конструирования своей личности на основе имеющихся эталонных представлений и результатов самооценки². М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович считают самоорганизацию показателем личностной зрелости, а в качестве основного признака высокой самоорганизации выделяют активное самосоздание себя как личности³.

Самоорганизация в самом общем понимании означает самоструктурирование⁴. Активным способом структурирования себя является организация жизненного опыта в повествовательные, «рассказовые» структуры, то есть создание нарративов (Дж. Комбс, Е.Г. Трубина, Дж. Фридман, J. Bruner, P.G. Davies, H.R. Harre, K. J. Gergen, H.A. Murrey, G. Prince). Такие истории о себе предстают как тексты самоописаний человека, то есть демонстрация и структурирование индивидуального и социального опыта, содержащегося в представлениях о себе. Самопредставления человека являются итоговым продуктом процесса самосознания и саморефлексии на каждом эта-

¹ Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления : автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2005.

² Ишков Д.А. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности : монография. М., 2004.

³ Дьяченко М.И. Краткий психологический словарь. Минск, 1998.

⁴ Князькова О.Н. О понятии «культура самоорганизации личности студента» // Молодой ученый. 2012. №11. С. 428-432.

пе возрастного развития. Поэтому о складывающейся системе представлений о себе мы можем говорить в рамках становления самосознания личности.

Как вербальный самоотчет самоописания апеллируют к актуальной информации о самом себе, при этом личность формулирует в речевой форме представления о себе такими, как она видит себя сам в результате саморефлексии, или таким, какой она хотела бы представить себя окружающим с учетом установки на самопрезентацию¹. С одной стороны, самоописания должны подчеркивать индивидуальность и аутентичность человека, его неповторимость, описывать его физические, психические, психологические и т.п. отличия от других, то есть «схватывать» его подлинность. С другой стороны, общество диктует человеку, каким он должен быть, чтобы стать успешным, богатым и счастливым, формируя установку на самопрезентацию и саморекламу. Поэтому, ориентируясь на существующие стандарты, в таком самоописании человек будет стараться подчеркнуть «востребованные» черты свой личности, свои сильные стороны. Можно предположить, что самоописания «для себя» будут возникать на более поздних этапах развития, так как именно в более старших возрастах появляется потребность к саморефлексии, необходимость обращения к собственной подлинной сущности. По мнению Е.Е. Сапоговой, «в том, чтобы выговаривать, высвечивать себя, есть для зрелого, состоявшегося человека своеобразная «ментальная необходимость»².

Мы можем говорить о том, что человек как «истолковывающее себя животное» достигает самопонимания через нарратив или непрерывную самоинтерпретацию, посредством которой выделяет в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслом и оценочным значением. Как своеобразная форма самообоснования автобиографический нарратив выступает в качестве орудия построения идентичности. Он создается по преимуществу для ее подтверждения и социальной презентации, для утверждения собственной личностной состоятельности и укоренения индивидуального жизненного опыта в реальности³. Именно самоописания «для себя» будут являться средством самопонимания и самоорганизации личности.

Итак, самописание – это, с одной стороны, род самопрезентации, самопредъявления в общении (хотя и опосредствованном, через текст); с другой стороны, оно отражает содержательные и формальные аспекты самосознания, самооценки и самоотношения; это некий показатель знания человека о себе, результат саморефлексии. Поэтому мы можем увидеть как «самоописания-самопрезентации», так и «самоописания-для-себя». В самоописании должны проявляться характерные стилевые и языковые особенности, различия в коммуникативных установках, экспрессивности, строении самоотношения и самооценки, а также особенности некоего самопроектирования, результатом которой является предвидение возможного жизненного пути, определение целей и задач⁴.

Как ментальный феномен повествующее «Я» ориентировано на глубинные внутренние цели самонахождения, самоопределения, самоосмысления, самопонимания и самопринятия – оно и есть, по сути, основной предмет построения содержания автобиографического нарратива. «Активное самосозерцание», которое обеспечивается рассказыванием жизни, предполагает внутреннее совмещение самого себя с разнообразными формами самоинтерпретации. Это совмещение с «другими Я» позволяет насытить представления о себе дополнительными смыслами. Кроме того, здесь ищутся ответы на вопросы, которые личность ставит сама себе, исходя из тех аспектов накопленного жизненного опыта, которые полагает единичными, уникальными, имеющими отношение к нему и только к нему⁵.

Подобные самоописания схватывают «подлинное Я» личности, так как представляют собой «описания для себя», попытку проанализировать себя в переломные моменты своей жизни. Осознавать себя подлинным, «своим» – значит переживать себя не просто самобытным, но «само-

¹ Яремчук М.В., Панасенко К.Е. Особенности вербальной самопрезентации дошкольников с нарушением речевого развития // Психологическая наука и образование. 2006. №4. С. 36–43.

² Сапогова Е.Е. Паломничество в собственное «Я»: смысл и назначение автобиографирования // Психосфера : сб. науч. тр. кафедры психологии ТулГУ. Вып. шестой / под ред. Е.Е. Сапоговой. – Тула, 2012. С. 161–20.

³ Сапогова Е.Е. Смысловая структура автобиографирования // Психосфера : сб. науч. тр. кафедры психологии ТулГУ. Вып. пятый / под ред. Е.Е. Сапоговой. Тула, 2011. С. 159–182.

⁴ Буянова С.М. Представления о себе в самоописаниях: введение в проблему // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 180–187.

⁵ Сапогова Е.Е. Смысловая структура автобиографирования. С. 159–182.

для-себя-бытным». Основной фокус самоосознания на этом уровне помещается в различении «себя» и «не-себя».

Социальный уровень предполагает рассмотрение описания личности в рамках социализации и инкультурации. В процессе социализации индивид приобретает опыт, который требуется для исполнения различных социальных ролей. Опираясь на теорию «социальной драматургии» И. Гофмана, мы можем говорить о том, что межличностное социальное взаимодействие является неким спектаклем, в котором мы познаем себя и других в рамках определенных ролей. И. Гофман поставил вопрос о существовании «Я-для-себя» и «Я-для-других», которые подчиняются различным целям, возникающим в рамках взаимодействия. Одной из целей является создание определенного впечатления относительно собственной личности. Человек в своем самовыражении должен находиться в определенной ролевой позиции. Каждая социальная роль содержит предписания относительно ее исполнения, существующие в виде традиции в культуре. Современное общество предоставляет человеку широкие возможности для выбора как самих ролей, так и вариантов их исполнения с опорой на разные культурные традиции. В рамках инкультурации индивид осваивает присущие определенной культуре миропонимание и поведение, ценности и нормы, символы и традиции.

Буянова Светлана Михайловна, преподаватель кафедры прикладной психологии. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.

Buyanova Svetlana Mikhaelovna, teacher of Applied Psychology chair. Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow.
svebuyanova@yandex.ru

УДК 342.9

Профессиональные установки государственных и муниципальных служащих

Н.П. Варфоломеева

Professional guidelines of state and municipal officials

N.P. Varfolomeyeva

Аннотация. В статье освещается проблема актуальности мотивации профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих в качестве антикоррупционного стандарта службы. Раскрывается значение профессиональных установок служащих как одного из условий законности публичного управления.

Ключевые слова: мотивация; профессиональные установки; государственные и муниципальные служащие; антикоррупционные стандарты.

Abstract. The problem of the relevance of state and municipal officials' professional activities motivation as official anti-corruption standard is elucidated in this article. The meaning of officials' professional guidelines as a condition of public administration legality is uncovered.

Key words: motivation; professional guidelines; state and municipal officials; anti-corruption standards.

Современный период развития Российской Федерации характеризуется стремлением подавить коррупционный потенциал бюрократии, которая воспринимается не только как административный аппарат, но и как реальная политическая сила. Можно утверждать, что органы публичного управления, государственные и муниципальные служащие призваны оптимизировать процессы управления и модернизировать качество жизни нашего общества. Значительный ущерб эффективности управления наносит подмена публичного интереса частными, отсутствие государственного разума при принятии значимых для государства и общества решений.

В настоящее время в России реализуется антикоррупционная политика, вследствие которой в систему государственной и муниципальной службы и деятельность должностных лиц внедрены новые стандарты служебной деятельности. Поэтому представляется справедливым утверждение, что основой противодействия коррупции должно быть формирование государственного разума,

мотивации публичных служащих, должностных лиц и граждан, соответствующей публичным интересам и целям служебной деятельности.

В рамках данной статьи хотелось бы уделить особое внимание проблемам и важности профессиональной и социальной мотивации современного корпуса служащих государства. Термин «мотивация» фигурирует в современной психологии в таких аспектах:

– как обобщение совокупности неких стимулов, несомненно влияющих на модель поведения индивида (включая потребности, мотивы,¹ намерения, стремления);

– как обозначение процесса последовательно совершаемых действий, которые свидетельствуют о намерении добиться желаемого результата, то есть, это обязательно целенаправленной деятельности².

Преимущественно мотивация рассматривается как совокупность множества причин психологического характера, раскрывающих поведение человека в социуме, цели такого поведения, стимулы и объективное выражение желаемого результата. Модель поведения будет зависеть не только от поставленной цели, но от границ внутренней автономии воли конкретного человека, от предела самодопустимых действий и его нравственных ориентиров. Представляется несомненным, что нравственно-адекватная мотивация является составляющей антикоррупционного механизма профессиональной деятельности должностных лиц и профессиональных служащих.

В современной психологической литературе процесс профессионального становления понимается как целостный феномен, который включает в себя компоненты объективного: престижность профессии, ее социальная конкурентоспособность, уровень безработицы, – и субъективного характера: отношение личности к профессии, к себе как профессионалу, выраженность профессиональных способностей, профессиональные идеалы, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности.

Профессионал относится к своей трудовой деятельности как к способу и процессу выражения личных потребностей, собственного таланта, одаренности, что, в первую очередь, побуждает правильно самоидентифицироваться в процессе профессиональной ориентации, а затем, определиться с формой (способом профессиональной реализации) дальнейшей деятельности³.

Базовые составляющие системы «профессионал» – это свойства человека как личности, субъекта деятельности; его образованность, специальные знания, приобретенный опыт, культура; адаптивность, понимание психологических трудностей и нагрузок в данной профессиональной области⁴.

Значительное влияние на становление профессионала оказывают социальные установки – то, как люди обрабатывают социальную информацию, их заключения и выводы о фактических ситуациях, содержащих и организующих информацию о явлениях, событиях. Социальные установки содержат огромный потенциал влияния на поведение человека и на формирование его знания о мире и, в итоге, определяют предел допустимых действий и в профессиональной среде. Поэтому так важно сформировать у современных чиновников антикоррупционные профессиональные установки, которые даже при появлении административного усмотрения и возможности использовать его не на общее благо, стали бы сдерживающим фактором для административного произвола.

Профессиональная установка представляет собой отношение индивида к своей профессиональной ситуации, её стремление в соответствии с этим отношением действовать определенным образом в фактических обстоятельствах реализации профессионального долга. В широком смысле она включает в себя индивидуальные и групповые представления специалистов о своей профессиональной деятельности⁵. Представляется возможным утверждать, что профессиональные установки публичных служащих должны формироваться в контексте правовой культуры в целом,

¹ *Мотив* – это побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребности субъекта. Под мотивом также понимают причину, лежащую в основе любой деятельности и поступков, совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта. Понятие «мотивация» является более широким понятием, чем «мотив».

² Покровский М.Н. Противодействие коррупции в России: административно-правовые и этические аспекты // Административное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 110.

³ Варфоломеева Т.П. Учебно-профессиональные установки студентов-психологов в вузовской подготовке: монография. Самара, 2010. С. 65–70.

⁴ Гончаров В.В. Укрепление исполнительской дисциплины в системе исполнительной власти в Российской Федерации как основное средство борьбы с коррупцией // Российский следователь. 2010. № 6. С. 17.

⁵ Варфоломеева Т.П. Учебно-профессиональные установки студентов-психологов в вузовской подготовке. С. 82.

в условиях качественного состояния правовой жизни общества, отраженного в аспектах правовой деятельности, особенностях правосознания, характере и уровне развития информационных связей между государством и обществом.

Нельзя игнорировать тот факт, что на распространение коррупции серьезно влияет морально-психологическая атмосфера в обществе. Большинство должностных лиц и служащих так или иначе впервые должны делать выбор: принимать или не принимать коррупционное решение, что зависит как от причин, порождающих коррупцию, так и от социально-психологических факторов. Поэтому, определив их природу, можно сформулировать те меры, которые нужно принимать для пресечения возможности возникновения коррупционных факторов. Мотивами коррупционного поведения может быть желание получить компенсацию за ограничения, распространяемые на чиновников в связи с прохождением службы, при этом, несомненно снижается нравственный иммунитет человека, поддавшегося соблазну выбора¹.

Вопрос об актуальности сдерживающих факторов уже не ставится сегодня, он не вызывает сомнений, так как любое явление, протекающее бесконтрольно, тем более с патологией развития стремится к самораспространению. В то же время в российском антикоррупционном законодательстве не вполне учтены все способы незаконного использования публичной власти, не все потенциальные субъекты коррупционных правонарушений охвачены административными запретами (совершеннолетние дети чиновников, например). Фактически это результат злоупотребления публичным статусом: коррупционный лоббизм, протекционизм, олигополия, nepотизм. Данные деяния относятся к коррупционным проявлениям, которые не получили должного правового регулирования, а в реальной действительности являются причинами снижения эффективности государственной антикоррупционной политики. В свою очередь, нельзя забывать, что проблема формирования качественного, высокопрофессионального корпуса государственных и муниципальных служащих – это сложная задача для любого государства. Международный опыт борьбы с коррупцией свидетельствует о том же: последнее десятилетие в большинстве государств мира идет поиск эффективных стандартов профессиональной деятельности и поведения публичных служащих, в том числе, антикоррупционных стандартов. Основой таких стандартов могут быть такие, как совершенствование системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и отбора кадров на государственную и муниципальную службу, разработка научных критериев их оценки, точность исходных данных в анализе потребностей в управленческом персонале, гласность деятельности публичных должностных лиц, введение механизма общественного контроля².

Представляется возможным выделить качества и черты, которыми должен обладать современный чиновник:

- правовая культура, выступающая гарантом самоограничений;
- компетентность, обеспечивающая соответствие современным требованиям и задачам системы публичного управления;
- государственный разум, обеспечивающий защиту публичных целей деятельности от подмены частным, своекорыстным интересом;
- профессиональная мотивация труда;
- отсутствие притязаний на средства производства и ответственность за результаты своей профессиональной деятельности.

Из перечисленных черт, хотелось бы выделить значимость в сфере управления правовой культуры, которая может рассматриваться не только как целостная система идей, убеждений, понятий, отражающих социально-оценочное отношение к праву, но и как основа для формирования системы самоограничений чиновника, удерживающих от участия в коррупционных деяниях³.

Эффективность антикоррупционной политики государства может быть обеспечена системой стабильных правовых связей и отношений в государстве, обществе, между людьми, осно-

¹ Фурсов А.Л. Динамика установок правосознания молодых специалистов государственной службы // Административное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 13–14.

² Мещерякова М.А., Хатаева М.А. Обеспечение междисциплинарного взаимодействия в рамках координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 122–127 ; Никулина И.В. Психология профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей школы. Самара, 2010.

³ Охотский Е.В. Правовое сознание современного российского государственного служащего // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации : мат-лы IV междунауч.-практич. конф. фак. гос. управления МГУ. М., 2006 ; Толкачев К.Б. Правовая идеология в структуре профессионального сознания государственных служащих Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 11. С. 101–103.

ванных в первую очередь на признании и соблюдении таких конституционных принципов, как законность и приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Представляется возможным сделать вывод о необходимом сочетании внутренней и внешней мотивации публичных служащих в профессиональной деятельности для формирования антикоррупционной идеологии. К внешним мотивам можно отнести все способы и средства противодействия коррупции, предусмотренные современным антикоррупционным законодательством России, в том числе и внешнюю систему контроля. А к внутренним мотивам отнесем самоограничение, самоорганизацию и внутренний контроль, которые, конечно, должны доминировать в профессиональной деятельности публичных служащих и должностных лиц.

Варфоломеева Наталья Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права. Юридический факультет. Самарский государственный университет. Россия, Самара.

Varfolomeyeva Natalya Valerievna, candidate of jurisprudence, associate professor of the state and administrative law. Law department, Samara State University. Russia, Samara.
Vnp_77@mail.ru

УДК 331 104 2

Корпоративная культура как бизнес-инструмент

Н.В. Минайчева

Corporate culture as a business tool

N. V. Minaycheva

Аннотация Статья посвящена анализу и описанию особенностей актуального восприятия корпоративной культуры участниками бизнес-процессов. Рассматриваются причинно-следственные связи, способствовавшие формированию корпоративной культуры, и формы ее проявления в наше время. Анализируются перспективы и возможные направления развития этого специфического бизнес-инструмента в соответствии с задачами, ценностями, смыслами современного менеджмента.

Ключевые слова: корпоративная культура, менеджмент, бизнес, персонал, имидж-стратегия.

Abstract. the Article is devoted to the analysis and description of the relevant features of perception of the corporate culture participants in business processes. Examines the causal relationships that contributed to the formation of corporate culture and its form of existence in our time. Analyzes the prospects and possible ways of development of this specific business tool in accordance with the objectives, values, meanings modern management.

Key words: corporate culture, management, business, personnel, image-strategy

Сегодня, когда влияние кризиса все острее ощущается во всех сферах деловой жизни, возникает соблазн спасения по не раз опробованной модели: сокращение персонала и минимизация расходов на сервисное обслуживание бизнеса, прежде всего малого. Традиционно в непростых экономических условиях российской действительности прежде всего «режут» расходы на рекламу, PR и HR. Бизнес ищет способы выживания и иногда находит совершенно неконструктивные.

Солидные компании с импортным менеджментом и капиталом, крупные торговые сети и т.д. отлично знают, что именно в кризисный период повышено предупредительный сервис – это значительный и относительно недорогой плюс в борьбе за клиента. Под ударом прежде всего оказывается малый и средний бизнес, где построение и поддержание корпоративной культуры, имиджа фирмы в лучшем случае происходит спонтанно. В худшем – почитается излишеством, недопустимой роскошью.

Некоторые руководители воспринимают корпоративную культуру как нечто красивое и бесполезное. Ведь между ней и бизнес-показателями, казалось бы, очевидной зависимости нет. И когда в процессе коучинга мне приходится слышать: некогда нам заниматься такой ерундой, как корпоративная культура, реальных дел полно, оперативных вопросов, диагноз как прогноз становится вполне очевидным: здесь еще не поняли, что оперативные вопросы множатся в том числе из-за от-

сутствия корпоративной культуры. Хороший руководитель может неделю не появляться в компании, а работа будет идти своим чередом. Если бизнес требует постоянного присутствия, значит, что-то делается не так – руководитель не сумел простроить контроль, наладить систему взаимодействия, четко разграничить и делегировать полномочия. Таких проблем практически не случается в компаниях, где есть понимание того, что корпоративная культура – вещь важная и полезная¹.

Так что же это такое? О корпоративной культуре много говорят, даже спорят, зачастую не понимая природы этого явления: причин возникновения, этапов развития и шагов грамотного построения. Корпоративная культура – механизм опосредованного управления, который позволяет руководителю автоматически обрабатывать рутинные вопросы, высвобождая время и силы для решения стратегических задач, выполнения представительских функций и креативных взлетов.

Как правило, руководство компании определяет, в чем основная идея организации, что именно она привносит в ту или иную сферу бизнеса. Сформулированные таким образом базовые положения долгосрочно определяют политику работы с персоналом. Но чтобы они не оставались декларацией, необходима детальная проработка социально-психологических механизмов и организационно-управленческих процедур, позволяющих их реализовать. Именно на этой стадии чаще всего возникают трудности и сбои – очень уж нематериальными и сложно измеримыми кажутся такие вещи, как ценности, миссия, нормы и правила...

Человеческая психика подчиняется вполне стандартному набору социально-психологических закономерностей, поэтому, формируя корпоративную культуру, надо постараться создать такие условия, в которых будут проявляться именно те закономерные реакции, которые востребованы в конкретной компании. Новый сотрудник, попадая в эту среду, очень быстро усваивает те образцы поведения, которые признаны ценными и полезными для организации. Именно они позволят ему легко находить взаимопонимание с коллегами и руководством, подниматься по карьерной лестнице². Именно корпоративная культура формирует эффективное организационное поведение, создает ситуацию, когда руководителю не приходится решать рутинные задачи, например, связанные с адаптацией, обучением нового сотрудника и тому подобными вещами. Все эти функции в простроенном бизнес-пространстве осуществляются автоматически³. И если корпоративные принципы и этика неукоснительно соблюдаются всеми членами коллектива, это создает здоровую рабочую атмосферу и в значительной мере способствует эффективному функционированию компании, поскольку носителями корпоративной культуры и одновременно элементами ее являются все сотрудники.

Субъект управления корпоративной культурой комплексный и включает в себя и топ-менеджмент и линейный менеджмент и службу персонала. При ее построении дело есть для всех управленческих уровней. И если любой из них не решает свои задачи, проблемы гарантированы всем. Если топ-менеджер просто декларирует, что корпоративная культура важна, а на деле не уделяет ей должного внимания, практической пользы от этих деклараций будет немного. Задача топ-менеджмента сформулировать ключевые принципы корпоративной кадровой политики в соответствии со стратегией развития организации: кого привлекать на работу, что именно требуется от сотрудников, что они получают от компании и каким образом строятся отношения с ними. Если эти принципиальные позиции точно сформулированы, то задача службы персонала – создать соответствующие процедуры, включающие систему подбора, обучения, мотивации сотрудников. Практически служба персонала в рамках формирования корпоративной культуры должна выстраивать отношения между сотрудниками и организацией, осуществляя консультативные функции. Во многих организациях деятельность по построению корпоративной культуры относится к внутреннему PR-у и попадает в функционал соответствующего подразделения. К компетенции линейного менеджмента относится согласованное воплощение правил и процедур, на которых базируется корпоративная культура. Непосредственным руководителем определяются так же специфические критерии: образование, опыт работы, коммуникабельность в команде и т.п.⁴.

¹ Лунёва Е.И. . Критерии качества и эффективность предприятий индустрии услуг // Стандарты и качество. 2014. № 11 (929). С. 48–51 ; Лунёва Е.И. Социальное развитие предприятия сферы услуг как часть системы эффективного управления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5–1. С. 7–16.

² Весманов Д.С. Некоторые особенности карьерных продвижений работников российских бизнес-организаций // Современный менеджмент: вопросы теории и практики : сб. ст. М., 2010. С. 183–192.

³ Герчиков В.И. Работник – самый эффективный ресурс компании : учеб. пособие. М., 2007. С. 175–177.

⁴ Лунева Е.И. Стратегия кадрового планирования на предприятиях индустрии красоты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. №5–1. С. 17–23.

Очевидной для каждого иллюстрацией различных корпоративных культур могут служить торговые сети разных ценовых категорий. Полагаю, не секрет, что «7 Континент» или «Азбука вкуса» отличаются от сетей-дискаунтеров не только ассортиментом товаров, но и уровнем сервиса. А заодно и принципами сетевой культуры. И если в хрустальных дворцах торговли стремятся привлечь покупателя роскошью, заставить «хотеть товар», то в копейках-пятерочках используют другие средства, не менее действенные. В магазинах «Пятерочка» продавцы начинают утро с чтения текста «утреннего настроения»: «Я, действительный партнер Крупнейшей в России Сети магазинов, действую непрерывно для достижения цели кратчайшим путем. Цель должна быть достигнута любой ценой. Я приложу все свои знания и опыт для удовлетворения всех запросов наших клиентов и обеспечу низкие цены и высокое качество продуктов...». По торжественным же дням берутся за руки и поют гимн «Пятерочки». С заводным припевом: «Вперед, “Пятерочка” вперед!». Один из основателей холдинга Андрей Рогачев публично утверждал: «Нашу компанию всегда обвиняли в том, что мы поработаем людей, зомбируем их. Но мне однажды рассказали, что человек, уволившийся из “Пятерочки”, в одиночестве пел ее гимн в чужом магазине. Это означает, что ему это было нужно. Ему по жизни помогала эта песня». Каково? И компаний-гимнюков не счесть. Практически все, чей бизнес строится на сетевых продажах неважно чего, пользуются методами «зомбирования» персонала. Что ж, как специфика, так перегибы существуют в любом деле. Но про культуру ли это? Сомнительно...

Несомненно другое, развитие бизнеса, построенного на принципах, отличных от социалистических, подарило нас новой идеей: чтобы успешно работать, сотруднику необходимо полюбить свою компанию. Ее удачно придуманную концепцию, отличную от конкурентов, ее миссию, ее путь к успеху, то есть все и то, что образует корпоративную культуру. Проникнуться ее атмосферой, возможно, даже стать конформистом. Альтернативой может стать рутинная работа «за зарплату», но, как известно труд подневольный, неосмысленный, рабский был и остается самым неэффективным в истории человечества.

Минайчева Наталья Викторовна, главный специалист. Московская служба психологической помощи населению. Старший научный сотрудник. Московский институт развития образования. Россия, Москва.

Minaycheva Natalia Viktorovna, chief specialist. Moscow service of psychological assistance to the population. Senior research associate. Moscow institute of a development of education. Russia, Moscow
nminaycheva@yandex.ru

УДК 159.9 + 316.6

**Ценностно-смысловая регуляция социального поведения личности
с опытом компенсации затрудненности психического развития
(на материале подросткового возраста)**

Т.И. Филиппиди, С.Ю. Флоровский

**Valuable-semantic regulation of social behavior of the personality
with compensatory experience of overcoming
of difficult psychological development (by the example of teenagers)**

T.I. Filipidy, S.Yu. Florovski

Аннотация. Обсуждаются результаты исследования ценностно-смысловой регуляции социального поведения подростков с опытом компенсации затрудненности психического развития (задержка психического развития в детстве и её последующее преодоление). Установлено, что для таких подростков (независимо от пола) характерен следующий способ включения терминальных ценностей в регуляцию повседневного общения и социального взаимодействия. Чем большую личностную значимость имеют для них просоциальные терминальные ценности (что обычно рассматривается как интраперсональный коррелят успешного воспитания и социализации в целом), тем в большей мере в повседневном взаимодействии с окружающими выражены компетентные и зависимые тенденции. Субъективная же девальвация этих ценностей обуславливает увеличение в структуре интерперсонального поведения доли агрессивных паттернов. Это существенно отличает данную категорию подростков от нормативных сверстников, склонных

полностью игнорировать в качестве релевантных способов реализации личностных ценностей зависимые модели поведения (мальчики), либо переоценивать действенность моделей агрессивной направленности (девочки).

Ключевые слова: ценностно-смысловая регуляция, социальное поведение, личность, опыт компенсации затруднённости психического развития, подростковый возраст.

Abstract. The article discusses the results of the research of valuable-semantic regulation of social behavior of teenagers with compensatory experience of overcoming of difficult psychological development (disorder of psychological development in the childhood and its subsequent overcoming). For investigated teenagers (independently of a sex-factor) the next way of inclusion of terminal values in regulation of everyday communication and social interaction is characteristic. The more pro-social terminal values (usually it is considered as an intrapersonal correlate of successful education and socialization in general), are of a big personal importance for the investigated teenagers, the greater degree competent and dependent tendencies are expressed in daily interaction with the people around. Subjective devaluation of these values causes increase a part of aggressive patterns in structure of interpersonal behavior. It significantly distinguishes investigated teenagers from normative contemporaries the contemporaries, inclined to ignore completely the dependent behavior models (boys) or to overestimate efficiency of the aggressive directivity models (girls) as relevant methods of realization of personal values.

Key words: valuable-semantic regulation, social behavior, personality, compensatory experience of overcoming of difficult psychological development.

В современной российской популяции задержкой психического развития (ЗПР) страдает от 20 до 40 процентов детей дошкольного и младшего школьного возраста¹. Значительная часть из них после получения соответствующей коррекционной помощи более или менее успешно интегрируется в учебную деятельность и общеобразовательное пространство. Тем не менее, сам факт пережитой затруднённости психического развития не может не оказывать влияния на качественный уровень и структурную организацию механизмов психологической регуляции межличностного общения и социального поведения на последующих этапах жизненного пути, – в частности, в подростковом возрасте, который является сензитивным для формирования компетентности личности в сфере субъект-субъектных отношений. Однако подобные темпорально-отсроченные эффекты затруднения психического развития в современной отечественной психологии изучены весьма слабо, поскольку названная категория подростков в буквальном смысле слова оказывается на нейтральной территории между специальной психологией, психологией развития, психологией личности и общей психологией, каждая из которых не считает их вполне своими. Как следствие, существенно ограничены и возможности оказания таким людям необходимой психологической помощи.

Подростки с опытом компенсации затруднённости психического развития могут рассматриваться как действительно «особые» субъекты межличностного общения и социального поведения. От нормативно развивающихся сверстников они отличаются тем, что большую часть прожитой жизни находились, по сути дела, в трудных жизненных обстоятельствах. Несмотря на то, что изначально эти трудности имели интраперсональную природу, локализуясь в системе психической регуляции ребенка, им сопутствовало значительное количество проблем и затруднений интерперсонального и социального порядка: стигматизация как «ненормального», «отклоняющегося», «проблемного»; пренебрежительное отношение сверстников и многих взрослых; трудности в освоении школьной программы и т.п.². Отличие же от сверстников со «сходной онтогенетической судьбой» – детей с ЗПР – состоит в том, что трудные жизненные обстоятельства так или иначе оказались преодолены. Наличие такого сплава «опыта ущербности» и «опыта преодоления» весьма непростой жизненной проблемы, выражающегося в возвращении на нормативную траекторию персоногенетического развития, отличает рассматриваемую нами категорию подростков и от их возрастно-нормативных сверстников, в массе своей не сталкивавшихся с трудностями сопоставимого масштаба.

Предметом исследования выступает характер регулирующего влияния ценностных ориентаций на структуру умений и навыков социального поведения подростков, в жизненном опыте которых имел место факт задержки психического развития с последующей компенсацией.

Умения и навыки общения и социального поведения являются одной из важнейших форм кристаллизации опыта общения личности. По своей психологической природе они представляют

¹ Тригер Р.Д. Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. СПб., 2008.

² Филиппиди Т.И., Флоровский С.Ю. Преодоление трудных ситуаций подростками с компенсированной затрудненностью психического развития // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №2. С. 31–46.

собой освоенные субъектом программы и способы психологической регуляции, саморегуляции и самоорганизации собственного поведения в типичных ситуациях межличностного общения и социального взаимодействия¹. С функциональной точки зрения социальные (коммуникативные) умения и навыки являются средствами/инструментами реализации мотивов и целей личности в сфере субъект-субъектных отношений², обеспечивающими и поддерживающими операциональную сторону общения³, составляя «поведенческий каркас» личности, явленный партнерам по общению и социальным контактам⁴. Степень сформированности рассматриваемых умений и навыков определяет уровень операционально-технических возможностей личности в качестве субъекта общения и социального взаимодействия⁵.

Интернализированные ценности определяют характер личностных выборов человека в ситуациях взаимодействия с окружающими, придавая смысл проживаемым «коммуникативным событиям». Индивидуально-своеобразная иерархия ценностных ориентаций задаёт содержательную направленность действия человека в пространстве интерперсонального взаимодействия, обеспечивая смысловую интеграцию локальных актов социально-коммуникативной активности субъекта⁶. Нормативной характеристикой ценностно-смысловой сферы развивающейся личности в период отрочества является нестабильность. Ценностное поле находится в постоянном движении: ценности активно перемещаются по индивидуальной шкале личностной значимости, дрейфуют от «центра» к «периферии» и обратно, включаются в различные регуляторные конstellации с другими ценностными образованиями и «выпадают» из них⁷. Вышеописанные изменения носят вполне закономерный характер и отражают присущее данному периоду жизни и развития личности «ценностное экспериментирование». Именно таким образом молодые люди проходят огромную – с психологической точки зрения – дистанцию от оперирования «только известными» ценностями к наполнению этих ценностей индивидуально-своеобразным личностно-смысловым содержанием, что превращает их (ценности) в реально действующие регуляторы общения и социального поведения⁸.

Ранее проведенные нами исследования показывают, что характеристики ценностно-смысловой сферы и подсистемы умений и навыков социального поведения «особых» и нормативно развивавшихся подростков обнаруживают больше сходства, чем различия. Ценностное сознание подростков с различными траекториями персоногенетического развития определяется общей смысловой рамкой. Ведущими терминальными ценностями являются высокое материальное положение и личный престиж. Идентична и структура личностной значимости основных жизненных сфер. Самой значимой оказывается сфера обучения и образования, наименее значимой – сфера общественной жизни, промежуточные положения занимают сферы увлечений и семейной

¹ Кривцова С.В., Достанова М.Н. Исследование коммуникативных умений подростков / С.В. Кривцова, М.Н. Достанова // Подросток на перекрестке эпох: Проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков. М., 1997. С.87–105 ; Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behavior. L., 1975 ; Children's and Social Competency: Arenas of Action / eds. I. Hutchby J. Moran-Ellis. N.Y. ; L., 1997 ; Kanning U.P. Soziale Kompetenzen. Göttingen ; Bern ; Wien, 2005 ; Michelson L., Sugai D.P., Wood R.P., Kazdin A.E. Social Skills Assessment and Training with Children: An Empirically Based Approach. N.Y., 1983.

² Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. СПб., 2009 ; Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. СПб., 2004.

³ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2011 ; Куницына В.Н., Казаринова В.Н., Погорельца В.М. Межличностное общение. СПб., 2002.

⁴ Бодалев, А.А. Психология общения : избр. психол. тр. М. ; Воронеж, 1996 ; Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг : избр. психол. тр. М., 2007 ; Furnham F., Heaven P. Personality and Social Behavior. N.Y. ; L., 1999.

⁵ Калинина Н.В. Психология социальной компетентности школьников. Самара, 2005 ; Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М., 2002.

⁶ Алишев Б.С. О психологической сущности ценностей // Психология человека в современном мире : мат-лы всерос. юбилейной науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 1 / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М., 2009. С. 7–14 ; Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций в российском обществе. М., 2006.

⁷ Вартанова И.И. Структура ценностей в системе мотивации старших подростков и юношей // Мир психологии. 2008. №3. С. 131–142 ; Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. СПб., 2004.

⁸ Божович Л.И. Проблемы формирования личности : избр. психол. труды. М., 1997 ; Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка. М., 2007.

жизни¹. В поведенческом профиле единственное отличие «особых» подростков от «обычных» состоит в том, что первые достоверно чаще вторых используют в ситуациях межличностного взаимодействия модели агрессивного типа. Степень сформированности зависимых и компетентных моделей построения поведения в типичных социально-коммуникативных ситуациях одинакова у подростков с различной траекторией персонотенеза².

В то же время, следование методологическим положениям субъектного, ресурсно-регуляторного и системогенетического подходов о нелинейном многозначном влиянии масштабных жизненных событий на сферу психологической регуляции социального поведения личности³ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что наличие опыта переживания и преодоления затруднённости психического развития выступает фактором трансформации характера ценностно-смысловой регуляции социального поведения развивающейся личности. Операциональным подтверждением данного предположения может выступать различный у подростков с «особой» и нормативной траекториями психического развития характер взаимосвязей между степенью личностной значимости тех или иных терминальных ценностей с частотой использования в повседневном взаимодействии с окружающими умениями и навыками, соответствующих альтернативным моделям социального поведения (компетентной, зависимой, агрессивной). Наличие или отсутствие связей между рассматриваемыми переменными интерпретировалось нами как индикатор осмысления подростками проблемы, связанной с ответом на вопрос: через какие варианты организации социально-коммуникативного поведения можно (или наоборот, невозможно в принципе) реализовать те или иные личные терминальные ценности и ценностно-опосредованные жизненные проекты.

Эмпирическую базу исследования составили девятиклассники общеобразовательных школ Анапы и Краснодара. Экспериментальная группа включала 99 школьников, у которых в детстве констатировалось наличие задержки психического развития: из них 54 мальчика и 45 девочек. Контрольную группу составили 118 школьников (62 мальчика и 56 девочек), психическое развитие которых протекало в соответствии с возрастно-нормативной траекторией. Далее сопоставляемые категории подростков будут обозначаться, соответственно, как «особые» и «обычные (нормативные)».

Ценностные ориентации диагностировались при помощи подросткового варианта опросника терминальных ценностей (ОТеЦ), разработанного И.Г. Сениным⁴. Оценивалась степень личностной значимости для респондентов следующих восьми терминальных ценностей: собственный престиж, высокое материальное положение, креативность, активные социальные контакты, развитие себя, достижения, духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности. Также определялась и личностная значимость четырёх жизненных сфер: обучения и образования, семейной жизни, общественной жизни, увлечений. Умения и навыки социального поведения оценивались посредством тест-опросника коммуникативных умений для подростков и старшеклассников, разработанного Л. Мишелсоном с соавторами⁵, адаптированного для русскоязычной выборки Ю.З. Гильбухом и модифицированного С.В. Кривцовой и М.Н. Достановой⁶. Определялся профиль выраженности трёх базисных вариантов социально-коммуникативного поведения: 1) компетентного, предполагающего построение общения с партнёром на принципах равенства психологических позиций и паритетной координации усилий по разрешению проблемной ситуации; 2) агрессивного, предполагающего давление на партнера из психологической позиции

¹ Филиппиди Т.И., Флоровский С.Ю. Ценностные ориентации подростков с компенсированной затрудненностью психического развития // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в современной России : мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. (26–27 сентября 2013 г.) / общ. ред. А.В. Капцова. Самара, 2013.

² Филиппиди Т.И. Социально-коммуникативная компетентность подростков с компенсированной затрудненностью психического развития: анализ поведенческих компонентов // Психолого-социальная работа в современном обществе: Проблемы и решения : сб. мат-лов X междунар. науч.-практ. конф. (19–21 апреля 2012 г.) / под общ. ред. Ю.П. Платонова. СПб., 2012. С. 409–412.

³ Забродин Ю.М. Очерки теории психической регуляции поведения: Основы субъектного анализа. М., 1997 ; Моросанова В.И., Аронова Е.А. Самосознание и саморегуляция поведения. М., 2007 ; Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М., 2002.

⁴ Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) (подростковый вариант) : руководство. Ярославль, 2001.

⁵ Michelson L., Sugai D.P., Wood R.P., Kazdin A.E. Social Skills Assessment and Training with Children: An Empirically Based Approach. N.Y., 1983.

⁶ Кривцова С.В., Достанова М.Н. Исследование коммуникативных умений подростков // Подросток на перекрестке эпох: Проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков. М., 1997. С. 87–105.

«сверху»; 3) зависимого, связанного с психологической пристройкой к партнёру «снизу» и пассивным следованием за ним.

Взаимосвязи между рассматриваемыми переменными выявлялись посредством рангового корреляционного анализа по Спирмену. Использовался пакет прикладных статистических программ SPSS 13.0. Для уточнения тестовых результатов проводился выборочный опрос респондентов.

Эмпирические данные подтвердили выдвинутую гипотезу: характер «сцепления» ценностей со степенью выраженности в структуре повседневного поведения компетентных, зависимых и агрессивных тенденций значительно варьирует как в связи с траекторией психического развития, так и полом подростков (таблица 1).

Повышение личностной значимости просоциальных терминальных ценностей значимо связано с усилением в повседневном поведении нормативных мальчиков компетентных тенденций и ослаблением тенденций агрессивной и зависимой направленности. Аналогичные динамические процессы в ценностной сфере мальчиков с компенсированной затрудненностью психического развития также корреспондируются с ослаблением агрессивности и ростом компетентности в межличностном взаимодействии.

Таблица 1

Взаимосвязь терминальных ценностей и способов поведения подростков в типичных коммуникативных ситуациях

Способы поведения	«Особые» подростки		«Обычные» подростки	
	мальчики (n=54)	девочки (n=45)	мальчики (n=62)	девочки (n=56)
Компетентное поведение	ВМП+(25)	PC+(26) Д+(27) ССИ+(28) СОО+(27) СУ+(68) СОЖ+(28)	СП+(58) ВМП+(32) АСК+(29) РС+(28) ССИ+(51) СОО+(48) СУ+(23) СОЖ+(32) ССЖ+(30)	ВМП-(25) К-(24) АСК-(24) РС-(31) Д-(28) ДУ-(30) ССИ-(24) СОО-(24) СУ-(31) ССЖ-(32)
Зависимое поведение	СП+(56) К+(24) ДУ+(23) ССИ+(28) СОО+(27) СУ+(23) СОЖ+ (30)	СП-(29) ВМП-(32) К+(27) АСК+(34) РС+(28) ДУ+(27) ССИ-(26) СОО+(27) ССЖ+(31)	СП-(24) ВМП-(32) РС-(23) ССИ-(24) СОО-(24) СОЖ-(23) ССЖ-(31)	Д+(24) ДУ+(26) ССЖ+(25)
Агрессивное поведение	ВМП-(27) К-(25) СОО-(25) СОЖ-(29)	РС-(59) Д-(27) ДУ-(30) СОО-(34) СУ-(72) СОЖ-(26)	СП-(69) ВМП-(28) К-(22) АСК-(32) РС-(27) Д-(23) ДУ-(22) ССИ-(62) СОО-(54) СУ-(25) СОЖ-(52) ССЖ-(23)	СП+(28) ВМП+(26) К+(25) АСК+(25) РС+(24) СУ+(27) СОЖ+(25)

Примечание: СП – собственный престиж, ВМП – высокое материальное положение, К – креативность, АСК – активные социальные контакты, РС – развитие себя, Д – достижения, ДУ – духовное удовлетворение, ССИ – сохранение собственной индивидуальности; СОО – сфера обучения и образования, ССЖ – сфера семейной жизни, СОЖ – сфера общественной жизни, СУ – сфера увлечений. Знаки «плюс» и «минус» обозначают характер взаимосвязи – положительный и отрицательный соответственно. Полужирным шрифтом выделены корреляционные связи значимые на уровне $p < 0,01$, обычным – на уровне $p < 0,05$, курсивом – на уровне $p < 0,10$ (тенденциальные). В скобках представлены модульные значения корреляционных коэффициентов (нули и запятые опущены).

Указанные тенденции у «особых» подростков отличаются существенно меньшей «проявленностью» вследствие вовлечения в регуляцию названных модусов поведения гораздо меньшего числа терминальных ценностей по сравнению с «обычными» сверстниками. Принципиальным отличием системы ценностного опосредования социально-коммуникативного поведения у «особых» мальчиков-подростков выступает фасилитирующее влияние просоциальных терминальных ценностей в отношении зависимого модуса взаимодействия этих подростков с окружающими.

Иначе говоря, «обычные» и «особые» мальчики-подростки склонны связывать реализацию ценностных идеалов с различными способами выстраивания повседневных межличностных контактов. По мнению нормативных подростков, кратчайшим путём реализации личностно значимых ценностей является компетентное социальное поведение; при этом агрессивные и зависимые поведенческие стратегии воспринимаются как затрудняющие реализацию имеющихся «ценностных проектов». Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития, разделяя мнение «обычных» сверстников относительно функциональности/нефункциональности ком-

петентного и агрессивного поведения, склонны связывать достижение своих личных ценностей преимущественно с поведением зависимого типа.

По мнению нормативно развивавшихся девочек, наиболее действенным способом воплощения в жизнь большинства «ценностных проектов» является агрессивное поведение. Приемлемыми представляются и зависимые поведенческие модели, но для выборочной реализации лишь некоторых терминальных ценностей. Поведение, выстраиваемое в логике паритета и координации, напротив, кажется максимально нефункциональным. «Особые» девочки радикально расходятся с «обычными» сверстницами во взглядах на агрессивный и компетентный варианты интерперсонального поведения как способы реализации ценностных планов и программ. Агрессивная модель взаимодействия с окружающими видится однозначно непродуктивной, компетентная – столь же однозначно рассматривается как функциональная и продуктивная. Зависимая модель поведения вызывает дифференцированное отношение: «присоединение» и «следование» за партнёрами по общению воспринимается как вполне надёжное средство достижения одних ценностных стремлений и столь же серьёзное препятствие для достижения других.

Подводя итоги, можно констатировать, что для «особых» подростков (независимо от пола) характерен следующий способ включения терминальных ценностей в регуляцию повседневного общения и социального взаимодействия. Чем большую личностную значимость имеют для них просоциальные терминальные ценности (что обычно рассматривается как интраперсональный коррелят успешного воспитания и социализации в целом), тем в большей мере в повседневном взаимодействии с окружающими выражены компетентные и зависимые тенденции. Субъективная же девальвация этих ценностей обуславливает увеличение в структуре интерперсонального поведения доли агрессивных паттернов. Это существенно отличает их от нормативных сверстников, склонных полностью игнорировать в качестве релевантных способов реализации личностных ценностей зависимые модели поведения (мальчики), либо переоценивать действенность моделей агрессивной направленности (девочки). Полученные данные позволяют уточнить ориентировочную основу разработки и реализации программ психологической поддержки и развития подростков с компенсированной затруднённой психическим развитием в качестве субъектов компетентного социального поведения и межличностного общения.

Филипиди Татьяна Ивановна, учитель-дефектолог высшей квалификации, председатель территориальной организации города-курорта Анапа профсоюза работников народного образования и науки РФ. Россия, Анапа.

Filipidy Tatyana Ivanovna, top category teacher-speech pathologist, Chairman, Anapa Municipal Territorial Organization of the Trade Union of Education and Science Employees of the Russian Federation. Russia, Anapa.

lugua@mail.ru

Флоровский Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления. Кубанский государственный университет. Россия, Краснодар.

Florovski Sergey Yuryevich, candidate of psychological sciences, associate professor of social psychology and sociology of management, Kuban State University. Russia, Krasnodar.

florowsky@mail.ru

Сознание человека в условиях современного глобализирующегося общества

УДК 159.95

Православное религиозное сознание в России как объект психологического исследования: проблемы и дилеммы

А.А. Авдейчев

Orthodox religious consciousness in Russia as object of psychological research: problems and dilemmas

A.A. Avdeychev

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования религиозного сознания в условиях современной России, акцентируется внимание на методологические проблемы, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: религиозное сознание; психосемантическая проблема; социальные фильтры; монашество.

Abstract. The article sets out the relevance of the study of the religious consciousness in modern Russia, focuses on methodological problems, the ways of their solution.

Key words: religious consciousness; psychosemantic problem; social filters; monasticism.

В связи со значительными изменениями политической и социальной ситуации в современном мире актуализировалась проблема ее адекватной оценки и выработки эффективной государственной стратегии противодействия негативным антисоциальным тенденциям. В ряду мер, направленных на решение данной проблемы, различного рода научные разработки, выполняемые по заданию Правительства РФ. Одной из них является государственное задание Министерства образования и науки РФ № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционного-управленческого сознания в современной России», полученное факультетом психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (ПГСГА). В ходе выполнения данного задания актуализировались проблемы, создавшие трудности для исследователей. Рассмотрим некоторые из них.

Психосемантическая проблема. Атрибутом православного сообщества, как и всякой иной социальной группы, является специфический язык, заполненный малопонятными терминами и смысловыми конструкциями. В связи с этим различного рода рабочие встречи с представителями православной Церкви зачастую проходили на декларативном уровне без достижения взаимно удовлетворяющего результата. Причина подобного явления – недостаточная подготовка субъектов данного процесса в вопросах языковой специфики как в сфере современной психологии, так и в области современного церковного словаря.

Проблема социальных фильтров и стереотипов. В процессе общения с представителями различных групп людей, позиционирующих себя как православные, зачастую актуализировался стереотип, отраженный Ф.М.Достоевским в романе «Бесы»: «Слушайте, я не люблю шпионов и психологов, по крайней мере, таких, которые в мою душу лезут»¹. Большинство мотиваций в отказе от участия в исследовании были именно такого свойства.

Проблема динамичности объекта исследования. Религиозное сознание современных православных лишено статичности и подвержено влиянию ситуативных факторов. Церковный канон в значительной мере утратил своё абсолютное регулирующее значение в сфере унификации мировоззрения верующих и православного богослужения. В частности, результаты, полученные в ходе выполнения данного государственного задания, свидетельствуют, что «...возможность много-

¹ Достоевский Ф.М. Бесы. URL: <http://emagia.narod.ru/books/besy/besy162.html>

образных истолкований христианского учения и религиозных догм создает почву для разномыслия, вариативности семантики ... Феномен религиозного индифферентизма выявлен ... как набор семантики морально-наставительного характера или антиканоническое направление религиозной мысли»¹.

Проблема плюрализма среди референтов внутри группы православно верующих. На многие фундаментальные понятия и события имеются принципиальные различия с точки зрения наиболее авторитетных представителей православного сообщества. К примеру, различны оценки важнейшего компонента современной православной жизни – монашества и монастырей.

В структуре Русской Православной Церкви Московского Патриархата имеется Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской православной церкви, т.е. монашество существует как массовое явление, координируемое названным отделом².

Вместе с тем, святитель Игнатий (Брянчанинов), являясь неоспоримым экспертом в области церковной жизни, ещё в середине XIX в. считал историю монашества в России завершённой: «Относительно монастырей, я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами по себе ... Если бы, как Вы говорите, и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления, нет монахов, а актер ничего не сделает. Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления»³. При этом святитель Игнатий упоминает столь же авторитетного церковного деятеля – святителя Тихона Задонского, который ещё в XVIII в. утверждал в отношении монастырей, что «... истинное благочестие почти исчезло, а заменено оно лицемерством для обмана людей с целью вещественной выгоды. Надо понимать дух времени и не признавать прежних пристанища пристанищами, потому что они наиболее превратились в гибельные омуты и пропасти»⁴. Среди других высказываний святителя Игнатия: «Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо ... Мнение Ваше о монастырях вполне разделяю. Положение их подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых числах апреля»⁵. Важнейшим критерием существования монашества святитель Игнатий считает обязательную особую молитвенную практику, называемую Иисусовой молитвой («умным деланием»). В связи с этим он пишет: «Важная примета кончины монашества — повсеместное оставление внутреннего делания и удовлетворение себя наружностью напоказ»⁶.

Компромиссную точку зрения высказывает схииерхимандрит Гавриил (Бунге) – игумен Крестовоздвиженского монастыря Русской Православной Церкви в Лугано (Швейцария). Признавая неоспоримым факт прерывания в настоящее время монашеской традиции как церковного института, он констатирует, что монашество продолжается на духовном уровне через так называемую старческую преемственность⁷.

Таким образом, многогранность и неоднозначность церковной жизни в Православии препятствует рассмотрению её как статического объекта, что существенно усложняет методологию исследования.

Исходя из изложенного, с целью повышения надёжности проводимого психологического исследования представляются целесообразными:

- разработка терминологического словаря тезауруса церковных терминов и выражений;
- повышение значимости в исследовании мотивационного этапа с целью формирования адекватного отношения респондентов;
- отход к изучаемым явлениям с позиций исторической ретроспективы;
- повышение регулярности и конструктивности встреч с представителями Церкви с целью своевременного согласования промежуточных позиций.

¹ Рулина Т.К., Бакшутова Е.В., Ихсанова С.Г. Категориально-ассоциированная система религиозного сознания православных христиан // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук) 2014. № 10, т. 2. С. 516–525.

² URL: <http://monasterium.ru/>

³ Брянчанинов Игнатий, святитель. Письма разным лицам // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7. М., 2011.

⁴ Цит. по: Брянчанинов Игнатий, святитель. Письма к разным лицам // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7. М., 2011. С. 32.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Брянчанинов Игнатий Письма к монашествующим // Там же. С. 48.

⁷ Бунге Гавриил, схииерхимандрит. Преемство святоотеческих традиций в монашестве Русской Церкви : доклад на XXIII международных Рождественских образовательных чтениях / Сретенский ставропигиальный мужской монастырь. 22–23 января 2015 года. URL: www.pravoslavie.ru/smi/76894.htm

Авдейчев Александр Алексеевич (отец Антип), кандидат медицинских наук, Священнослужитель, докторант кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия; Самарская Епархия Русской Православной Церкви. Россия, Самара.

Avdeychev Alexander Alexeevich (father Antip), candidate of medical sciences, Priest, doctoral candidate of department of the general and social psychology. Volga region state social and humanitarian academy, Samara Diocese of Russian Orthodox Church. Russia, Samara.
avdeyaa@gmail.com

УДК 174+159.992.4

**Этические принципы
профессиональной деятельности педагога-психолога
в контексте решения этнокультурных проблем**

М.Н. Акимова

**Ethical principles
of professional work of the teacher-psychologist
in the context of ethnocultural problems solving**

M.N. Akimova

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы специфики профессиональной деятельности педагога-психолога системы образования, предполагающей максимальное соблюдение этических принципов в решении проблем этнокультурного содержания.

Ключевые слова: профессиональная подготовка педагогов-психологов, профессиональная этика, Этический кодекс, этнокультурные проблемы.

Abstract. The article deals with the specifics of the professional work of the teacher-psychologist of the education system, assuming that the maximum respect for ethical principles in solving the problems of ethnic and cultural content.

Key words: training of educational psychologists, professional ethics, Code of Ethics, ethnocultural problems.

Период 90-х гг. XX в. можно назвать периодом бурного развития психологической службы во всех сферах жизни российского сообщества. Наиболее активно этот процесс наблюдался и продолжает наблюдаться в системе образования, чему в немалой степени способствует утвержденный комплекс Федеральных государственных стандартов образования от дошкольного до высшего профессионального. Этому также способствует имеющая место целенаправленная подготовка специалистов так называемых «помогающих» профессий, в число которых в первую очередь попадают педагоги-психологи, к профессиональной деятельности которых предъявляются определенные требования. Выраженные в многоаспектном понятии «профессиональная компетентность», эти требования в значительной степени касаются соблюдения профессиональной этики.

Основополагающее значение, важность и необходимость соблюдения этических принципов в научной и практической деятельности профессиональных психологов обусловлены рядом обстоятельств. «Во-первых, психология относится к категории профессий, в которых велика роль персональной ответственности специалистов и отсутствует внешний контроль процесса деятельности; во-вторых, как в научной, так и в практической работе центральное значение имеет тесное взаимодействие с другими людьми, с другими личностями; в-третьих, именно в области этики ярко проявляются исторические, культурные, религиозные, социальные, семейные и др. традиции и стереотипы, которые нужно уважать, но и отделять от этических требований практической и научной деятельности; в-четвертых, исторически в СССР и в России у населения в целом и у различных специалистов, включая психологов, сформировался низкий уровень правовой и этической чувствительности»¹ и, можно добавить, низкий уровень этической культуры.

¹ Проекты документов к V Съезду Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». М., 2012. С. 17.

Эти обстоятельства обуславливают определенную специфику деятельности педагога-психолога, работающего в структуре психологической службы системы образования. Необходимость проведения диагностических, профилактических, коррекционно-развивающих, реабилитационных и иных мероприятий с представителями разных категорий субъектов (лиц, групп, сообществ), нуждающихся или уже включенных в процесс психолого-педагогического сопровождения (помощи, поддержки), ставит вопрос об объективной целесообразности учета всего многообразия широких социально обусловленных особенностей личности, представляющих собой единое целое, системы их индивидуальных, возрастных, гендерных и др. характеристик.

Перечень этих характеристик все чаще и во все более широких масштабах дополняется характеристиками этнокультурного содержания, что подтверждается реальной практикой достаточно тесного взаимодействия профессиональных педагогов-психологов с представителями этнических групп, наделенных существенным объективно и субъективно значимым багажом этнической культуры, традиций, обычаев, нравов и т.д.

Обозначенные выше обстоятельства выдвигают множество профессионально значимых проблем, основу которых составляет проблема соблюдения профессиональной этики во всех видах деятельности с разными категориями субъектов, как моральной основы практической деятельности педагога-психолога.

Современная практика целенаправленной подготовки будущих педагогов-психологов с получением ими базового психолого-педагогического образования позволяет решать ряд вопросов, касающихся механизма внедрения этических принципов в их дальнейшую профессиональную деятельность. Одним из таких механизмов является включение в учебный план подготовки психологов по направлениям «Психология» и « Психолого-педагогическое образование» учебной дисциплины «Профессиональная этика».

Программное содержание указанной дисциплины условно можно разделить на два модуля. Первый модуль направлен на освоение методологических основ и общих этических принципов профессиональной деятельности психолога, второй – на освоение этических стандартов в основных конкретных видах профессиональной деятельности психолога (диагностика, консультирование, психологическое просвещение, профилактика, коррекция, реабилитация и т.д.).

Существенным шагом в решении проблемы формирования профессиональной компетентности в условиях получения обучающимися базового психологического образования является создание группой сотрудников факультетов психологии МГУ и СПбГУ проекта Этического кодекса Российского психологического общества (РПО), текст которого принят и утвержден на V Съезде РПО в 2012 г.

Действующий ныне Этический кодекс РПО составлен в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом Российской Федерации №152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных», Уставом Российского психологического общества, Хельсинской Декларацией прав человека, Международной Универсальной Декларацией этических принципов для психологов (Universal Declaration of Ethical Principles for Psychologists), Этическим Метакодексом Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA Meta – Code of Ethics).

Своевременность разработки Этического кодекса РПО подтверждается и одним из этических принципов деятельности российского психолога, обозначенным как «Обязанности студентов и учащихся, получающих психологическое образование»:

– студенты и учащиеся, получающие психологическое образование, должны внимательно изучить Этический кодекс психологов Российского психологического общества и этические принципы и придерживаться в своей деятельности этических принципов деятельности российского психолога;

– в учебной деятельности студенты должны постоянно повышать уровень своей профессиональной компетентности¹.

Таким образом, освоение основ профессиональной этики будущими педагогами-психологами начинается с анализа текста Этического кодекса.

В рамках рассматриваемых нами вопросов особую важность представляет освоение обучающимися этических принципов, касающихся этнокультурных проблем. Из общего перечня обозначенных в кодексе этических принципов следует выделить два, имеющих прямое отношение к этнокультурным проблемам: Принцип Уважения и Принцип Ответственности.

¹ Проекты документов к V Съезду Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». С. 27.

Принцип Уважения включает следующие этические позиции:

– психолог уважает индивидуальные различия клиентов по признакам пола, сексуальной ориентации, национальности, принадлежности к окружающей культуре, этносу, религиозного вероисповедания, языка, социально-экономического статуса, физических возможностей и другим основаниям;

– психолог избегает деятельности, которая может привести к дискриминации по любым основаниям.

Принцип Ответственности включает подраздел «Решение этических дилемм», в котором обозначается следующее:

– психолог должен осознавать возможность возникновения этических дилемм и нести свою ответственность за их решение;

– в случае возникновения у психолога вопросов относительно этики в психологической работе необходимо обратиться в Этический комитет РПО за консультацией.

Программное содержание второго модуля учебной дисциплины «Профессиональная этика» позволяет рассмотреть базовые методологические этические принципы в контексте конкретной деятельности педагога-психолога и обратить внимание обучающихся на необходимость учета всего комплекса различий субъектов, включая различия, имеющие этнокультурный характер.

Так, при проведении диагностического обследования, являющегося обязательным этапом практической деятельности педагога-психолога, следует учесть, что всякая диагностика – это вторжение в личную, частную жизнь, наделенную многими специфическими особенностями, в том числе и этнокультурными. В штатной ситуации диагностического обследования педагог-психолог имеет большую вероятность столкнуться с действием известного в социальной и этнической психологии механизма стереотипизации. Он проявляется в том, при недостаточном знакомстве представителя одного этноса с представителем другого имеет место приписывание априори воспринимаемому человеку психологических характеристик его этноса, что, к сожалению, увеличивает риск субъективной оценки при использовании в диагностическом обследовании техник беседы, опроса, наблюдения, и т.п.

В связи с этим одним из требований диагностической беседы, которая может быть как индивидуальной так и групповой, внимание диагноста должно быть обращено на этническое своеобразие, которое проявляется в манере излагать информацию (кратко, логично и быстро по западному образцу и не спеша, пространно и витиевато – по-восточному), в использовании невербальных пара- и экстралингвистических средств, в роли проксемики (особенно при выборе дистанции в момент беседы).

Целый ряд этнических особенностей в их сочетании с этическими нормативами обуславливает специфику психологического консультирования как одного из основных направлений профессиональной деятельности педагога-психолога системы образования.

Наиболее востребованным является консультирование семей, родителей детей разных возрастных групп. Проблемы консультирования в определенной степени могут быть близкими по тематике (например, неблагоприятный социально-психологический климат в семье, трудности родительно-детских отношений, ответственность за воспитание детей в семье и т.д.), но без учета этнических и этнокультурных особенностей практически невозможно рассчитывать не только на качество консультативной беседы, но и на ее последующий результат.

Так по данным Р.С. Хамматовой¹, в семьи различной этнической принадлежности по-разному реагируют практически на все вопросы семейной жизни, в том числе и на вопросы воспитания детей. Специфика стилей семейного воспитания отражает культуру и стереотипы внутрисемейных отношений, меру стабильности семьи, преобладание этнических ценностей и традиций конкретного этноса. В исследовании выявлено, что в русских семьях ведущими стилями семейного воспитания являются гармоничный, предупредительный и попустительский. В семьях башкир – сочувствующий и предупредительный. В семьях татар – рассудительный и составительный.

Достаточно значимые различия, обусловленные этнической принадлежностью, которые необходимо учитывать в семейном консультировании, наблюдаются в вопросах семейно-ролевых установок родителей, супругов. В русских семьях имеет место вероятность несогласованности социально-ролевых установок супругов, что приводит к дезорганизации системы семейных отноше-

¹ Хамматова Р.С. Социально-психологические особенности семей различной этнической принадлежности. Самара, 2004.

ний, в том числе и системы родительско-детских отношений. В семьях башкир и татар в силу традиционного уклада, при котором муж обладает полнотой власти, наблюдается большая определенность семейных ролей, что обуславливает меньшую конфликтность во внутрисемейных отношениях в целом и конкретно – в вопросах единства требований в воспитании детей.

С учетом этих фактов соблюдение этических принципов уважения, принятия при разработке коррекционно-развивающих программ должно стать обязательным. Значимость этого требования существенно возрастает, поскольку такого рода программы, отвечая общедидактическому принципу системности, должны быть направлены не только на создание образовательно-воспитательной среды для развития или коррекции отдельных психических функций (например, внимания, памяти, речи, мышления и т.п.), но и на развитие личности и ее стержневых структур, таких, как самосознание, характер, чувства и др.

Разрабатывая и отбирая содержание коррекционно-развивающих программ, необходимо учитывать возможную принадлежность обучающихся к разным этническим группам. Следовательно, педагогу-психологу необходимо учесть то, что у них уже закрепилось в обыденном сознании в виде национальных традиций, обычаев, привычек, этнокультурных ценностей и установок. Дифференцированный подход в данном случае вполне оправдан и необходим.

Начавшееся XXI столетие крайне обострило проблему этнической миграции, связанной с перемещением народов с одних мест проживания в другие. Усилился приток в российские школы детей мигрантов. Психологическая служба системы образования включилась в решение новых задач: обеспечение социальной адаптации детей мигрантов, преодоление «культурного шока», формирование толерантности и преодоление этнической нетерпимости по отношению к представителям другого этноса, рациональное использование и возможное освоение положительных моментов этнической культуры мигрантов и т.п. В решении этих задач соблюдение этических принципов становится необходимым.

Акимова Муза Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Akimova Muza Nikolaevna, candidate of psychological sciences, assistant professor of age and educational psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
akimova@pgsa.ru

УДК 159.923.2

Психологическая характеристика духовно-нравственного самосознания личности в период взрослости

С.С. Белоусова

Psychological characteristics of spiritual and moral consciousness of the person in adulthood

S.S. Belousova

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовно-нравственного самосознания личности, психологические особенности духовно-нравственного самосознания личности в периоды взрослости и раскрываются различия духовно-нравственного самосознания личности, обусловленные полом, возрастом, профессией.

Ключевые слова: самосознание личности, духовно-нравственное самосознание личности.

Abstract. In article the problem of spiritual and moral consciousness of the personality, psychological features of spiritual and moral consciousness of the personality during the periods of a maturity is considered and distinctions of spiritual and moral consciousness of the personality depending on a sex, age, professions reveal.

Key words: consciousness of the personality, spiritual and moral consciousness of the personality.

Актуальность рассмотрения вопроса духовно-нравственного самосознания как основы общего духовно-нравственного развития личности определяется возросшим вниманием общества к

данному вопросу, к роли самосознания в развитии и становлении как активной, творческой, социально-ориентированной и гармоничной личности, а с усилением технократизма и нестабильности жизни, с разрушением нравственных ориентиров особенно актуальной становится проблема духовно-нравственного самосознания.

Духовно-нравственное развитие личности является одной из ведущих проблем как в системе научного психологического и педагогического знания, так и в образовательной практике. Накоплен обширный опыт исследования духовно-нравственных сторон личности, духовно-нравственного развития личности человека в его деятельности, нравственности как системы социальных требований, регулирующих поведение личности, как интегративного образования, включающего когнитивную, эмоциональную и волевую сферы.

В отечественной психологической науке нравственность рассматривается в теории моральных отношений личности, самосознания личности, в связи с проблемами ответственности, правды и лжи, как высшее чувство, как компонент духовности личности¹. В основе современных психолого-педагогических направлений и подходов лежит поиск источника духовно-нравственного роста и самореализации личности (И.В. Костакова, С.И. Кудинов)².

Важно отметить, что понятие «духовность» намного шире понятия «нравственность», но также и на порядок выше. Нравственное совершенствование и развитие – это движение личности по горизонтали, где реализуются принципы гуманности, любви к ближнему. А духовность есть ось вертикальная. В жизни постоянно происходит встреча горизонтальных и вертикальных движений, поэтому правомерно говорить о духовно-нравственном развитии, которое, по нашему мнению, наиболее эффективно осуществляется в системе духовно-нравственных отношений.

Цель исследования – раскрыть психологические особенности духовно-нравственного самосознания личности в период взрослости.

Методы исследования включают общенаучные методы теоретического, экспериментального и эмпирического исследования, в частности, теоретические методы: анализ, сравнение, систематизацию и обобщение теоретических, экспериментальных и эмпирических данных. Экспериментальные и эмпирические методы: психодиагностические тесты и методики в бланковой форме при изучении психологических особенностей духовно-нравственного самосознания личности – «Методика диагностики духовно-нравственного самосознания личности» (И.В. Ежов)³; методы статистического анализа обработки данных с использованием описательной статистики, табличного, графического представления и качественного анализа полученных результатов.

В исследовании приняло участие 100 человек в возрасте 25–45 лет – 29 мужчин, 71 женщина (средний возраст испытуемых составляет 31 год), представители различных профессий, лица разного социального статуса – программисты, учителя, психологи, преподаватели, директора, безработные, бухгалтеры, системные администраторы и т.д. Выбор данного возрастного периода (зрелость) обусловлен тем, что он является наиболее продолжительным периодом онтогенеза, который характеризуется тенденцией к достижению наивысшего результата в различных видах деятельности, личностной и духовной зрелости.

На рисунке 1 представлены средние значения шкал духовно-нравственного самосознания личности респондентов выборки.

¹ Коваль Н.А. Духовность личности в историко-методологическом аспекте // Акмеология. 2004. № 1. С. 8–11 ; Коваль Н.А. Подходы к психологической интерпретации «духовности» // Вестник Тамбовского государственного университета. 1998. № 1. С. 33–39 ; Коваль Н.А. Социально-психологические основы духовности личности // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. №8. С. 23–28.

² Костакова И.В. Развитие общительности как фактор самореализации студентов – будущих психологов : автореф. ... канд. психол. наук. Самара, 2008 ; Костакова И.В., Григорьева С.С. Взаимосвязь самореализации и духовно-нравственного потенциала личности // Вестник науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 4(26). С. 114–117 ; Кудинов С.И. Полисистемный подход исследования самореализации личности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 11. С. 337–346.

³ Ежов И.В. Методика исследования духовно-нравственного самосознания личности в педагогической сфере // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 156–166.

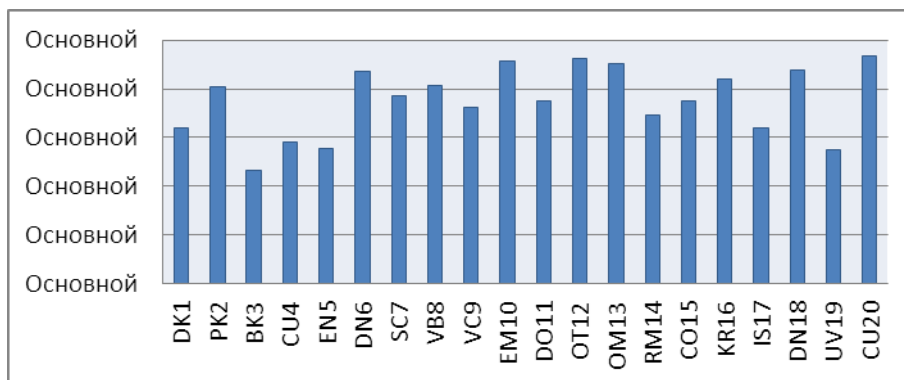

Рис. 1. Средние значения респондентов по шкалам духовно-нравственного самосознания личности (n=100)

Примечание: DK1 – трансцендентное Я; PK2 – личностное духовное Я; BK3 – биологическое Я; CU4 – свобода – созависимость; EN5 – эгопрагматическая направленность; DN6 – духовная направленность; SC7 – самооценка духовности; VB8 – вера в Бога; VC9 – вера в Человека; EM10 – эмпатия; DO11 – доброжелательность; OT12 – ответственность; OM13 – общественная моральность; RM14 – религиозная моральность; CO15 – совестливость; KR16 – самокритичность; IS17 – искренность; DN18 – духовная независимость; UV19 – уверенность в себе; CU20 – целеустремленность.

Рассмотрев средние показатели шкал духовно-нравственного самосознания личности, отметим, что наибольшую выраженность имеют шкалы «Целеустремленность», «Ответственность», «Эмпатия», «Общественная моральность», «Духовная направленность» и «Духовная независимость». Это выражается у испытуемых в готовности подходить ко всему ответственно, способности брать на себя ответственность за свои действия и поступки. Ярко выражено стремление к достижению поставленных целей. Выражена способность к сопереживанию, сочувствию и состраданию к другим. За основу своего поведения принимаются правовые нормы и правила поведения в обществе. Ярко выражены познавательные и альтруистические мотивы поведения и деятельности, гуманистические ценностные ориентации. Респонденты выборки склонны в большей степени полагаться на свои чувства и разум, самостоятельно принимать решения, чем следовать за духовным авторитетом. Наименее выражены шкалы «Я биологическое», «уверенность в себе», «эго-прагматическая направленность» и «свобода – созависимость». Это выражается у обследуемых в низкой уверенности в своих силах и возможностях, в представлениях о зависимости Я и множественной внешней личностной детерминированности. Незначительно выражены материально-гедонистические и узко-прагматические мотивы и ценности. «Истинное Я» в большей степени рассматривается как совокупность высших психических процессов, обеспечивающих самоидентичность и самоуправление личности, что способствует усилению веры в духовные потенциал человека, способности личностного и духовного роста людей.

Анализируя психологические особенности духовно-нравственного самосознания личности респондентов в период взрослости, важно обозначить выраженность каждого компонента духовного самосознания¹: когнитивно-онтологического, мотивационно-ценностного, «отношенческо-поведенческого, самооценочного (рис. 2). Наиболее ярко проявляется отношенческо-поведенческий компонент духовно-нравственного самосознания личности, что проявляется в значимости трансляции и реализации общечеловеческих ценностей, религиозных, общественных норм и правил поведения, эмпатичности, доброжелательности, совестливости, духовной независимости личности. Самооценочный компонент духовно-нравственного самосознания личности характеризуется развитой самокритичностью, т.е. респонденты выборки способны критически оценивать свое поведение с точки зрения нравственно-этических норм, объективно оценивать уровень своего духовно-нравственного развития и способны быть честными перед собой и другими. Мотивационно-ценностный компонент представлен ярко выраженными познавательными и альтруистическими мотивами, гуманистические ценностные ориентации являются значимыми и определяющими жизнедеятельность личности, в то время как материально-гедонистические и узко-прагматические мотивы и ценности у респондентов выборки выражены слабо. Определяющим свойством когнитивно-онтологического компонента духовно-нравственного самосознания личности в период взрослости является вера в существование Бога, убежденность в Духовной Основе

¹ Ежов И.В. Методика исследования духовно-нравственного самосознания личности в педагогической сфере // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 156–166.

Вселенной и вера в духовный потенциал человека, возможности духовного роста людей. Важно отметить, что в данном возрасте все компоненты духовно-нравственного самосознания выражены более чем на 50%, что позволяет говорить о выраженном духовном потенциале и выраженной тенденции к реализации данного потенциала.

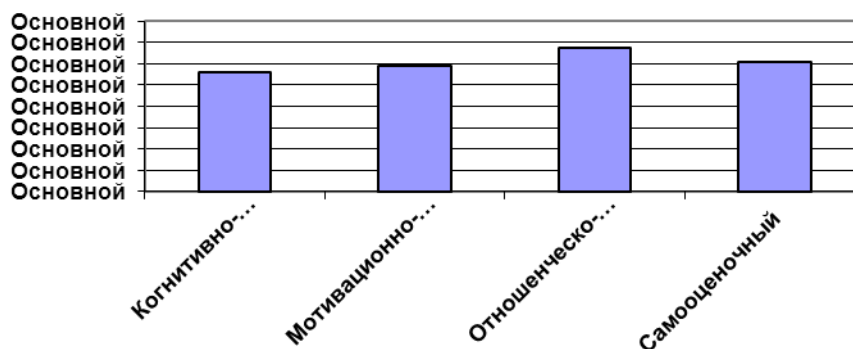

Рис.2. Выраженность компонентов духовно-нравственного самосознания личности в период взрослости

Также был проведен сравнительный анализ духовно-нравственного самосознания респондентов выборки по следующим критериям: половые, возрастные различия (группы 20–30 лет и 31–45 лет), тип профессии («человек – человек» и «человек – знак»).

Таблица 1

Сравнительный анализ особенностей духовно-нравственного самосознания личности

Направленность	Пол	Возраст 20-30 / 31-45	Тип профессии «Ч – Ч»; «Ч – З»	Направленность	Пол	Возраст 20-30 / 31-45	Тип профессии «Ч – Ч»; «Ч – З»
DK1 – Трансцендентное Я				DO11 – Доброжелательность			
PK2 – Личностное духовное Я				OT12 – Ответственность			
BK3 – Биологическое Я				OM13 – Общественная мораль- ность			
CU4 – Свобода – созависимость				RM14 – Религиозная мораль- ность			
EN5 – Эгопрагматическая направленность		3,3**		CO15 – Совестьливость			
DN6 – Духовная направленность	2,6*			KR16 – Самокритичность			
SC7 – Самооценка духовности		2*		IS17 – Искренность		2,7**	
VB8 – Вера в Бога				DN18 – Духовная независи- мость		3,9**	
VC9 – Вера в Человека			2,8**	UV19 – Уверенность в себе			
EM10 – Эмпатия				CU20 – Целеустремленность		2,2**	

Опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод о том, что существуют статистически значимые различия по показателю духовной направленности у мужчин и женщин. Мужчины отличаются большей выраженностью познавательных и альтруистических мотивов, большей ориентацией на гуманистические ценности. Предполагаем, что это может быть связано с особенностями развития современного общества, когда стираются четкие границы мужского и женского в личности, меняется место и взгляд мужчины и женщины на окружающий мир.

Значимые различия были получены в разных возрастных группах по показателям: EN5 (Эгопрагматическая направленность), SC7 (Самооценка уровня духовно-нравственного развития), IS17 (Искренность), DN18 (Духовная независимость), CO20 (Целеустремленность). В возрастной период 31–45 лет большую выраженность имеют материально-гедонистические и узко прагматические мотивы и ценностные ориентации. Возможно, это связано с уже накопившимся личным и житейским опытом, высокой направленность на себя, собственные интересы и потребности. Также в данном возрастном периоде высок уровень осознания и самооценки своего духовно-

нравственного развития. В период ранней зрелости ярко выражена способность личности быть честным перед собой и другими, склонность полагаться исключительно на свои чувства, самому принимать решения, высоко стремление к достижению целей и уверенность в своих способностях их достижения (рис. 3).

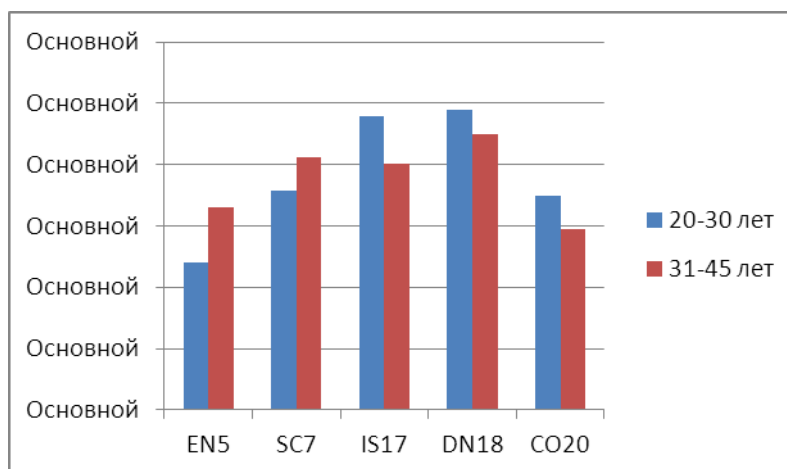

Рис. 3. Средние значения значимых различий по критерию возраста

Примечание: EN5 – эгопрагматическая направленность; SC7 – самооценка духовности; IS17 –искренность; DN18 – духовная независимость; CU20 – целеустремленность.

Также значимые различия были зафиксированы в показателях духовно-нравственного самосознания респондентов разных типов профессий. Работники профессиональной сферы «человек-человек» отличаются большей верой в человека, духовный потенциал и возможности духовного роста людей. Очевидно, это связано с индивидуальными особенностями и личностной предрасположенностью людей, выбирающих и реализующих себя в данной профессиональной сфере.

Исследование актуализировало проблему духовно-нравственного самосознания личности, что определяется потребностями современного общества, его направленностью на возрождение духовности. Перспективными направлениями научных исследований могут стать дальнейший научный поиск и обоснование факторов и условий развития духовно-нравственного самосознания.

Белюсова Софья Сергеевна, аспирант. Тольяттинский государственный университет. Россия, Тольятти.

Belousova Sofya Sergeevna, graduate. Togliatti State University. Russia, Togliatti.
grigoreva.sofya@mail.ru

УДК 122/129+316.72

Соотношение философских категорий в структуре художественного сознания

А.И. Бондаренко

Correlation of philosophical categories and notions in structure of art consciousness

A.I. Bondarenko

Аннотация. В статье раскрывается соотношение философских категорий всеобщего, особенного, единичного в ценностно-смысловой оценке художественной системы.

Ключевые слова: философские категории; всеобщее; особенное; единичное; ценностно-смысловая оценка; художественная система.

Article. Correlation of philosophical categories and notions in structure of art consciousness

Abstract. The article deals with the philosophical categories and notions in appreciation of art system.

Key words: philosophical categories and notions; art system; appreciation; universal (general); peculiarity; singularity (oneness).

На протяжении многих десятилетий философия, кроме исследования в прикладных сферах, занималась скрупулезным анализом философских понятий и категорий собственной научной системы, изучая сущностное содержание, этимологию и семантику философских категорий. В гегелевской «Диалектике» закон «единства и борьбы противоположностей» раскрывает присутствие постоянного противоречия в системах как внутреннее обязательное условие развития материи. То есть единство осуществляет объединение и усиление энергии и дает возможность интенсивного развития уже на уровне частиц прама еще до периода сингулярности, а противоположности указывают не только на «отрицание отрицания» разных или новых видов последующих «снятых форм» (Гегель)¹, но и многовариантность их существования как условие многовекторного движения и залога развития материи.

Эволюция живой субстанции показывает на следующие исторически сложившиеся типы взаимоотношений: мутуализм, комменсализм, паразитизм, хищничество и конкуренцию². Благодаря этим типам живое существует и в социализированной среде. В нашей ситуации мы рассматриваем только противоречие в (рамках закона единства и борьбы противоположностей) как внутреннюю сущность любого явления, если таковое действительно является условием развития. Законы термодинамики и энтропийности совместно с противоречием и единством борьбы противоположностей, отрицанием отрицания и т. д. характеризуют в целом движущуюся и развивающуюся живую систему.

Таким образом, анализируя понятия «противоположность» и «противоречие», мы можем дать следующие определения. Противоположности – это разные виды, типы и системы. Противоречия – это формы взаимоотношений, взаимодействий этих систем. Отсюда возникает вопрос о принципиальной возможности или невозможности толерантного существования противоположностей (т.е. разных систем сознания) при всей их сущностной противоречивости.

Из соотношения этих двух категорий выстраивается следующая проблематика исследования структуры художественного сознания, т.е. современных художественных систем, культуры этносов и всего многообразия творческих мировоззрений:

- принятие или непринятие новой системы (**всеобщности**);
- определение «нового» как понятия («момента»; Гегель³): его **всеобщности, особенности и единичности**;
- определение этической «нормы» суждения в ценностно-смысловой оценке явления (системы).

Любое авангардное направление постмодерна в искусстве (например, «mainstream») как система представляет собой противоположность предшествующей аналогичной типовой структуре. Естественная претензия его мировоззренческой позиции состоит в определении себя как всеобщей, особенной и уникальной **единичности**. Как правило, в этих определениях и содержится сущностное присутствие противоречия в противопоставлении двух противоположных систем. На первый взгляд, проблема кажется простой, если обе противоположности (системы) определяют границы этической нормы суждений в ценностно-смысловой оценке собственных и противоположных систем (тем более, что история содержит множество аналогичных ситуаций противостояния художественных систем). Тогда и «новое» легко будет восприниматься как «снятая форма» (Гегель), и ее **единичность** войдет в структуру **всеобщности** (новой системы). Тем не менее, на практике все происходит иначе.

Становление **единичного** (уже как сущностного противоречия в самом явлении) есть начало формирования энергетического фундамента, который придает **особенность** направлению развития. Из хаотичного разнообразия **особенностей** и складывается mainstream новой художественной системы как некая **всеобщность**, которая усиливает энергию движения системы. Каждая система требует все новой и новой энергии (информационной и т.п.) и получает ее только через **единичность**. **Единичность** отрицает любую другую **особенность** как свою противополо-

¹ Гегель. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М., 1974. С. 341, 345 ; Гегель. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 117.

² Зуевская Е. Эволюция (иллюстрированный атлас). М., 2011. С. 14–15.

³ Гегель. Наука логики. Т. 1. С. 341, 345 ; Гегель. Работы разных лет. Т. 2. С. 117.

ложность, создавая постоянную неустойчивую ситуацию. Отсюда сложности функционирования **всеобщности** (системы) и риски, связанные с внутренней противоречивостью **единичности** (критика Н.С. Хрущевым выставки в Манеже). **Единичное** приобретает статус **особенного** в связи с существенным качественным изменением своей сущности только в результате взаимодействия со своей противоположностью – другой **единичностью**. Однако этическая норма суждения в ценностно-смысловой оценке явления при их взаимодействии никогда не будет одинаковой, так как иначе вообще рухнет вся система: не будет создаваться новая качественная **особенность** и художественная система застынет в ситуации «remakes» (повторов) репродуктивного мышления. В эволюции материи мы наблюдаем это в форме мутуализма и комменсализма¹. При этой ситуации развития наблюдается поглощение, нивелирование **единичности** как источника энергии, а также нивелирование **особенностей** и **всеобщее** исчезает как система.

Аналогично, при рассмотрении различных культурных этносов и художественных концепций с позиции **всеобщности** абсурдно употребление понятий «поражение» и «победа» того или иного мировоззрения или идеологии². Истребление системы (**всеобщности**) с ее культурой, разнообразием этносов, традиций, языка и т.д. – есть преступление перед человечеством (захватнические империалистические войны). Противоречие как сущностная составляющая явления («момента»; Гегель) не означает уничтожение противоположностей, а является условием создания новой качественной **особенности**. Главное, чтобы взаимодействие тех или иных противоречивых **единичностей** формировало эту новую качественную **особенность**.

Бондаренко Александр Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедры декоративного и прикладного творчества. Самарский государственный институт культуры. Россия, Самара.

Bondarenko Alexander Ivanovich, candidate of pedagogical sciences, associate professor, chairs of decorative and applied creativity. Samara state institute of culture. Russia, Samara.
mail@smrgaki.ru

УДК 159.992.4+821.151.0(092) Маяковский В.В.+913 (470.43)

**«Вот – я, весь боль и ушиб...»:
В.В. Маяковский в настенных надписях Самары**

О.М. Буранок

**«Here I Am, All Bruises And Aches...»:
V.V. Mayakovsky in Samara's Graffiti Pictures**

О.М. Buranok

Аннотация В статье рассматриваются психологические аспекты граффити как явление молодежной субкультуры.

Ключевые слова Маяковский, лирика, граффити, психология, ментальность, субкультура.

Abstract. The article deals with the psychological aspects of graffiti as a phenomenon of youth subculture.

Key words: Mayakovsky, poetry, graffiti, psychology, mentality, subculture.

Думаю, многие из нас, самарцев, гуляя по улице Маяковского, сознательно (или неосознанно) вспоминали Владимира Владимировича: его такую счастливую и трагическую судьбу – поэта и человека, его творения и их непростую судьбу на протяжении ста лет. В памяти всплывают стихотворения, отдельные строки, фотографии, кадры из фильмов, сцены спектаклей...

Доходил до дома № 2 по улице Маяковского – и вставал образ Учителя: известный исследователь творчества Маяковского Иосиф Маркович Машбиц-Веров жил и работал здесь, создав свой образ Маяковского во многих своих статьях, монографиях, выступлениях.

¹ Зуевская Е. Эволюция (иллюстрированный атлас). М., 2011. С. 14–15.

² Забелин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания и поэзия. М., 1990. С. 226 ; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001. С. 60, 87, 89, 126, 239 ; Нарочницкий А.Л. Новая история. Ч. 1 (1640–1870 гг.). М., 1978. С. 200–250 ; Худаков К.В. Против течения. М., 2014. С. 7–8, 16–17, 19–20, 522–523.

Осень 2013 г. (есть дата под одной из надписей – 09.10.13). Иду по Маяковке. Случайно брошенный взгляд выхватывает не привычные всем нам художества на стенах, а ... – стихотворные строки: 7 отрывков! Что это? – Маяковский!

Хотите, буду от мяса
бешеный
– и, как небо, меняя тона,
хотите, буду безукоризненно
нежный...¹

Поражённый, читаю всё. В середине этого настенного «альманаха» вопрос: «ул. Маяковского, а стихов нет. Почему?» Действительно, почему? Понимаю, что всё началось с этого наивно-гениального вопроса. И самарцы откликнулись: разными почерками несколько отрывков из разных стихотворений разных лет.

Может быть, точкой отсчёта в потребности писать стихи Маяковского на стене дома стал телефильм о Владимире Владимировиче, шедший в то время (Маяковского играл популярный актёр Андрей Чернышев). К фильму можно по-разному относиться, но после многих лет забвения, сплетен, инсинуаций о его жизни и творчестве, это, пожалуй, единственная удачная и интересная попытка воспроизвести образ поэта и эпохи.

Самовыражение кинематографистов вызвало к жизни желание зафиксировать в граффити поэта.

Надпись на стене	Маяковский ²
Послушайте, Ведь если звезды зажигают значит это кому-нибудь нужно, значит это необходимо, чтобы каждый вечер загоралась хоть одна звезда. 19.10.2013	Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? (I, 60) <...> Значит это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда?! (I, 61) («Послушайте!», 1914)
Дым табачный воздух выел Комната глава в крученыховском аде. Вспомни за этим окном впервые Руки твои иступленный гладил. 09.10.13	Дым табачный воздух выел. Комната – глава в крученыховском аде. Вспомни – за этим окном впервые руки твои, иступленный, гладил. (I, 107)(«Вместо письма», 1916)
Я сразу смазал карту будня плеснувши краску из стакана я показал на блюде студня косые скулы океана. А вы могли бы?	Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скулы океана. (I, 40) («А вы могли бы?», 1913)
Дым табачный воздух выел И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа! 09.10.13	Дым табачный воздух выел... (I, 107) И в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа! (I, 108)(«Вместо письма», 1916)

¹ Здесь и далее сохранены пунктуация и орфография автора граффити. Маяковский В.В. Облако в штанах: «Хотите – / буду от мяса бешеный / – и, как небо, меняя тона – / хотите – / буду безукоризненно нежный, / не мужчина, а – облако в штанах!» (Деление на строки, соответствующее тексту В.В. Маяковского, отмечено косыми линиями).

² В правом столбике тексты приведены по изданию: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1955–1961. Том и страница указаны в тексте.

<p>В сто сорок солнц закат пылал В июль катилось лето</p>	<p>В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето... (II, 35) («Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», 1920)</p>
<p>Хотите, буду от мяса бешеный – и, как небо, меняя тона, хотите, буду безукоризненно нежный, не мужчина, а – облако в штанах!</p>	<p>Хотите – буду от мяса бешеный – и, как небо, меняя тона – хотите – буду безукоризненно нежный, не мужчина, а – облако в штанах! (I, 175) («Облако в штанах», 1914–1915)</p>
<p>Грядущие люди! Кто вы? Вот я – весь, боль и ушиб. Вам завещаю я сад фруктовый моей великой души. <i>В.В.Маяковский</i></p>	<p>Грядущие люди! Кто вы? Вот – я, весь боль и ушиб. Вам завещаю я сад фруктовый моей великой души. (I, 106) («Ко всему», 1916)</p>
<p>Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца! 21.05.2014</p>	<p>Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца! (I, 38) («Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», 1920)</p>
<p>Бросают девушки думать об нас нужны им такие очень! Они оборачивают пудренный нос на тех, кто лучше обносочен.</p>	<p>Бросают девушки думать об нас: нужны им такие очень! Они оборачивают пудренный нос на тех, кто лучше обносочен. (IX, 326) («Поиски носков», 1928)</p>
<p>1914 Послушайте! Ведь, если звезды зажигают значит – это кому-нибудь нужно. Значит – кто-то хочет, чтобы они были, Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной? И, надрываясь в метелях полуденной пыли, врывается к Богу, боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку, просит чтоб обязательно была звезда! Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? Значит – это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда. 2014.06.17</p>	<p>Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? значит – кто-то хочет, чтобы они были? Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной? И, надрываясь в метелях полуденной пыли, врывается к богу, боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку, просит – чтоб обязательно была звезда! (I, 60) <...> Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? Значит – это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда?! (I, 60–61) («Послушайте!», 1914)</p>

<p>ВАМ! Вам, проживающим за оргией оргию, имеющим ванную и теплый клозет! Как вам не стыдно о представленных к Георгию вычитывать из столбцов газет? Знаете ли вы, бездарные многие, думающие нажраться лучше как, – может быть, сейчас бомбой ноги выдрало у Петрова поручика? Если он приведенный на убой, вдруг увидел, израненный, как вы измазанной в котлете губой похотливо напеваеете Северянина! Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?! Я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду! 17.06.2014</p>	<p>Вам! Вам, проживающим за оргией оргию, имеющим ванную и теплый клозет! Как вам не стыдно о представленных к Георгию вычитывать из столбцов газет? Знаете ли вы, бездарные, многие, думающие нажраться лучше как, – может быть, сейчас бомбой ноги выдрало у Петрова поручика?.. Если он приведенный на убой, вдруг увидел, израненный, как вы измазанной в котлете губой похотливо напеваеете Северянина! Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?! Я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду! (I, 75) 1915 («Вам!», 1915)</p>
<p>Вы любите розы? а я на них сраал! стране нужны паровозы, нам нужен металл! товарищ! не ахай! не дергай узду! коль выполнил план, посылай всех в пи*ду не выполнил – сам иди нах*й!!!</p>	<p>Вы любите розы? ¹ Вы любите розы? а я на них срал! стране нужны паровозы, нам нужен металл! товарищ! не охай, не ахай! не дёргай узду! коль выполнил план, посылай всех в пи*ду не выполнил – сам иди на х*й</p>

«Граффити издавна служили средством самовыражения отдельных индивидов и определённых социальных групп, которые могли с их помощью запечатлеть в образно-дискурсивном плане определённые ценности, идеи, желания, потребности и т.д.»²

Историко-функциональное изучение искусства, в том числе литературы, тесно соприкасается с психологией искусства.

Художественное слово полифункционально, поэтому спорно утверждение о том, что надписи не являются искусством, литературой, что граффити (фрагментарный язык) «лежит в области изучения психологии больших социальных групп и ментальности...»³ Конечно, граффити может изучать и психология искусства (как, впрочем, и вся психология), однако всё где-либо и

¹ В полном собрании сочинений Маяковского этот текст отсутствует. В интернет-ресурсах он даётся как приписываемый Маяковскому, в числе запрещённых стихов и т.п. При сопоставлении надписей и интернетного варианта видно, что авторы граффити безусловно пользовались интернет-ресурсами, не обращаясь к академическому собранию сочинений поэта, в котором, конечно, не было нецензурных текстов. Как минимум, на трёх сайтах идёт разночтение, причём в интернет-статьях указывается, что безусловное авторство спорно. См.: Бранная поэзия Владимира Маяковского // <http://www.liveinternet.ru/community/2450664/post84757485/>; Матершинные стихи Маяковского // <http://pishi-stihi.ru/maternye-stihi-mayakovskogo.html>; Стихи с матом // <http://mayakovskij.ru/stihi-s-matom>.

² Белкин А.И. Настенные надписи Самары. Самара, 2008. С. 9. См. также: Белкин А.И. Ментальность и социально-психологические особенности авторов граффити : автореф. дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2012.

³ Белкин А.И. Настенные надписи Самары. С. 10.

когда-либо нарисованное, написанное, безусловно, является и объектом изучения теоретиков искусства, в том числе и литературоведов.

В изучении психологических аспектов граффити действительно слабо исследованными являются проблемы социально-психологических и личностных характеристик их авторов. Принято считать, что в основном это подростки и молодые люди определённых социокультурных сред, хотя историческая и археологическая наука свидетельствует о том, что история этого явления насчитывает тысячи лет. Безусловно, «граффити отражают конкретно-историческую специфику своего времени»¹. Уже так называемые исторические граффити имели в своём составе стихи, посвящения, лозунги, различные поздравления и рисунки. При этом среди исторических функций граффити для нас интересна эстетическая функция.

На примере В.В. Маяковского в самарских настенных надписях мы наблюдаем перемещение стихотворения из классической литературы в массовую культуру, уже – в молодёжную культуру. Идёт преобразование в особую и маргинальность, и ментальность.

Надписи (и частично рисунки) утверждают некую групповую этичность, относящуюся к публичным граффити. Как известно, содержательные граффити (М. Kokoreff²) представляет собою не только надписи, но и символы (в нашем случае, шестиконечная звезда), даты, когда записывались на стене отрывки и т.д. Поверх стихотворных надписей – надпись на английском языке (одно слово), сделанная темно-синей краской.

Речь может идти о письменной ментальности, понятие которой ввёл в научный оборот известный учёный В.А. Шкуратов. Замечательно то обстоятельство, что именно самарцы в этих граффити пытаются не только самовыразиться, но и привлечь внимание земляков к поэзии Маяковского. При этом характерно жанровое обозначение – лирические стихотворения, относящиеся к теме любви. Выдержан, кстати, и жанр граффити: пропуск или замена знаков препинания (запятые, тире, вопросительные и восклицательные знаки и т.д.), обрыв строк или иное их расположение.

Мы считаем, что в данном случае имеем дело с интересным социо-культурным явлением в Самаре, относящимся к молодёжной субкультуре.

Буренок Олег Михайлович, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русской зарубежной литературы и методики преподавания литературы. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Buranok Oleg Mikhaylovich, doctor of Philology, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of the Russian. foreign literature and technique of teaching literature, Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

olegburanok@yandex.ru

УДК 15.41.39

Погасли ли «сумерки богов»?

Д.Г. Васильева

Is the twilight of the „gods extinct“?

D.G. Vasilyeva

Аннотация. Текст посвящен некоторым низовым формам ментальности, нашедшим выражение в средневековом «примере». Они сопоставлены с подобными «примерами» низовых форм ментальности наших дней. В анализе примеров отрывка из периодического издания и публикации в Интернете акцент ставится на проблему унаследования некоторых неявных и концептуально неформулированных моделей сознания и социального поведения.

Ключевые слова: средневековый «пример»; ментальность; коммуникативная ситуация; унаследование.

Abstract. The text is devoted to forms of mentality, reflected in the medieval ‘example’. They are compared with similar ‘examples’ of forms of mentality in present day. Accent is put on the problem of

¹ Белкин А.И. Настенные надписи Самары. С. 17.

² Kokoreff M. Tags et zoulous: Une nouvelle urbaine // Esprit. 1991. № 2. P. 23–36.

heirdom of some implicit and conceptual unformulated models of mentality and social behavior, using excerpts from the press and publications in Internet.

Key words: medieval 'example'; mentality; communicative situation; heirdom.

За истекшие приблизительно девять десятилетий получил признание и утвердился выдвинутый Марком Блоком и Люсьеном Февром принцип, согласно которому история является проблемой современности. Исследователи обращаются к прошлому с существенными для сегодняшнего дня вопросами, одна формулировка которых уже вскрывает возможность для содержательного диалога с теми, кто жил задолго до нас.

Анализ современных проблем в контексте относительно устойчивых и общественно значимых тенденций в общем социокультурном развитии с целью выявить их генезис требует конкретизации понятия «прошлое». По мысли Умберто Эко, все проблемы современной Европы, такие, какими мы их ощущаем сегодня, восходят к средневековью: от демократии общин до банковской экономики, от национальных монархий до городов, от новых технологий до восстаний бедных. Средневековье – наше детство, к которому мы должны возвращаться, чтобы собрать свой анамнез.

Такая точка отсчета подсказывает, что нам следует выбрать подход, позволяющий заглянуть в «свое детство». Французская «Новая историческая наука» выдвинула интердисциплинарный подход, но подчеркнутый интерес к массовому сознанию, к коллективным представлениям, к картине мира, присущей тальвегу общественного развития, поставила во главу угла и выделила как особо существенные социологические и социально-психологические стороны этого подхода. При том изначальной позицией послужила идея о том, что исторический источник – хроника ли это, художественное произведение или же юридический документ – фиксирует совершенно иное сознание; что люди, перешедшие в вечность, не думали и не чувствовали так, как думаем и чувствуем мы. Когда речь идет об установлении подобного несходства, возникает необходимость в сравнении. Но убедительность подобного опыта зависит от того, учтем ли мы обстоятельство, что общество не является и никогда не являлось единой социокультурной общностью, следовательно, усреднение логически недопустимо. Вот почему, если мы направим свое внимание к массовому сознанию, к средневековым низовым формам ментальности, нам следует придерживаться плоскости сопоставления их с такими же примерами низовых форм ментальности, которые функционируют в наши дни.

При подобном сопоставлении очевидна необходимость в адекватном выборе памятников. В области исследований концептуально неоформленных и неявных моделей сознания и социального поведения средневекового человека наряду с достижениями французской научной традиции стоят и достижения русской – труды Льва Карсавина, Михаила Бахтина, Арона Гуревича... В случае, который нас занимает, работы А.Я. Гуревича заслуживают более пристального всматривания. Необходимость в проведении наблюдений, опирающихся на повторяющиеся или сходные факты, чтобы выявить типичные структуры и устойчивые стереотипы сознания, подсказывает автору выбор жанра, лишенного оригинальности, но владеющего завидно широкой аудиторией¹. Речь идет об «*exempla*» (букв. – *пример*) – элемент проповеди, которому придавалось большое значение как самому доступному и тем самым обладающему самым большим эффектом воздействия. Ввиду неясности и нечеткости подобной дефиниции и факта, что речь идет о собирательном понятии, охватывающем различные жанры – извлечения из легенд, хроник, житий, а также басни, анекдоты и пр., – приходится разграничивать отдельные типы «*exempla*»². Однако формальное разграничение оказывается весьма недостаточным. В целях выявления специфики средневекового «*примера*» необходим анализ его содержательной стороны – условие, которое нам следует соблюдать при сопоставлении с примерами сегодняшней действительности.

Прежде чем приступить к рассмотрению темы посредством предварительной постановки проблем, нам нужно обратить внимание на особенности социального функционирования «*exempla*». Поскольку этот аспект не является основополагающим, в литературе он затронут мельком: монахи проповедовали везде – на городских площадях и в церквях, в деревнях и в замках, т.е. в условиях непосредственных межличностных контактов, максимально близких и эффективных³. Налицо серьезные предпосылки, которые сегодня дали бы нам все основания расценивать проповедника как социолога и психолога, а в какой-то мере и как актера, важнейшая задача

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 19.

³ Там же. С. 325.

которых состоит в том, чтобы достичь обратной связи с аудиторией. Очевидно, эта деятельность дает себя интерпретировать как «демонстрацию человеческого действия в пространстве и во времени, воспринимаемую коллективно»¹.

Своим самым занимательным элементом – «примером» – проповедь должна была подталкивать к самоанализу и утверждать веру в Бога в качестве всеобщего регулятивного принципа, что в известной мере превращает ее в разновидность утилитарных зрелищных форм средневековой культурной традиции. Подобная интерпретация в контексте зрелища как особенность социального функционирования «примера» не самоцель. Чтобы проникнуть в глубину оппозиции «устойчивое – изменчивое», опыт именно такой интерпретации превращается в *conditio sine qua non*. Основанием для подобного вывода является понимание общения как фундаментального конструктивного и результативного элемента культуры. Общение и есть тот всеобщий культурный показатель, который требует от нас учитывать изменения нового времени, наступившие в этой области.

В динамично меняющихся условиях жизни у традиционной культуры, оказывается, ограниченные возможности для развития личности, что приводит к разрушению старых пространственно-временных закономерностей; человек выходит за пределы замкнутого пространства традиционных общностей, но в результате наступает несоответствие между образом жизни в новых условиях и регулятивными нормами традиционной культуры. Как ответ на это предстают средства массовой коммуникации. Установившимся при их помощи нормам общения, однако, невозможно удержаться в пределах города. Формы городской культуры активно впитываются в формы всей современной культуры².

И все же, если в последние лет десять прошлого века попытка приблизиться к некоторым неявным и концептуально неформулированным моделям сознания и социального поведения тех групп населения, которые наиболее активно участвуют в массовых социокультурных процессах, требовала внимания к функционированию средств массовых коммуникаций, то картина сегодня уже иная. Многие эксперты разделяют мнение, что сам феномен «масс-медиа» уже принадлежит недалекому прошлому. В условиях современности, именуемой поздним модерном, эти средства массовой информации и развлечения уступают позиции в пользу Интернета. Интернет выступает в качестве главным, а в недалеком будущем, вероятнее всего, и единственным средством информации, коммуникации и организации досуга для подавляющей части человечества³.

Вряд ли возможно обозреть фонд унаследованных представлений, да мы подобной задачи перед собой и не ставим. Наша цель сосредоточить внимание на проблеме унаследования, опираясь на материал периодической печати 90-х гг. прошедшего XX в. – некоторых болгарских газет типа «Психо» и «Феномен» – сравнивая его с электронными публикациями последних лет.

Специалисты считают, что определяющими для специфики «примера» являются следующие особенности: принимаемый за истинный короткий рассказ (в предельно сжатой форме), минимальное число действующих лиц, колоссальная смысловая нагрузка⁴.

Дед Вылко Генчовски из деревни Малорад пошел напoить буйволов. Из-за жары он потерял сознание. Увидели односельчане и рассказали жене, что он умер, но среди ночи он пришел в себя (воскрес) и рассказал, что видел св. Рангела-вадодушника (в рус. Ангел смерти Азраиль, который вынимает душу из тела человека), и он привел его к Господу. Там он встретил своих родных – покойников. Они несли надлежащие наказания за свои земные дела. После обморока дед Вылко стал гадалем⁵.

Как обстоят дела с публикациями в прессе 20 лет спустя?

В 1999 году 72-летнему Йордану Гогову из деревни Смоличино (Невестинской общины, Кюстендилской области) снизошли помощь и спасение свыше. С тех пор в течении пяти лет он странствует ночью вне измерений Земли. Был он в Раю, видел Бога, святых братьев Кирилла и Мефодия, св. Ивана Рильского, пророчицу тетю Вангу... Встретил умерших коллег и родственников. Явилась Богоматерь и велела ему поделиться с людьми всем тем, что узнал.

¹ Хренов Н.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981. С. 48.

² Там же. С. 196–197.

³ Ганчева В.Л. Техноромантизмът като едно от главните течения в световната култура от края на XX и началото на XXI век // Културата на късната модерност : сб. ст. от XVII Лятна научна среща. Варна, 2009. С. 62.

⁴ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 19.

⁵ Почти клинична смърт // Психо –1990. № 3.

*Каждый должен жить в мире и взаимопонимании с остальными, а Землю нужно оберегать, как дом и для грядущих поколений*¹.

Связь подобных публикаций с «примером» в его самых существенных характеристиках очевидна. В какой-то короткий момент, на каком-то конкретном месте наступает какое-то чудесное событие в результате столкновения двух миров. Друг с другом пересекаются разные системы отсчета времени и несовместимые пространства. Действие происходит и здесь, и там, следовательно, ни здесь, ни там, а на совершенно ином пространственно-временном уровне, в новом хронотопе – как выражение своеобразия породившего его сознания. Экстремальная ситуация роковым образом переворачивает дальнейшую жизнь героя «примера»².

Существенное сходство с «примером» дает эффект присутствия, вызванный скрупулезным описанием имен местностей и деревень, в которых разворачиваются различные воображенные события, описанием имен участников, времени, в отдельных случаях – с указанием точной даты:

*28 августа 1930 года Йорданка Найденова Бакалова из деревни Червен под Пловдивом со своей грудной девочкой Еленой на руках отправилась в местность «Клувия» на поклонение Пресвятой Богородице. На обратном пути, спускаясь по высеченным в скалах ступеням, она споткнулась и уронила в пропасть спящего ребенка. Позднее нашла его живым и здоровым. Не было границ благодарности Пресвятой Богородице. Эта история поведана епископом Агатонийским Наумом и подтверждается Еленой Борисовой Михайловой и ныне здравствующей ее матерью*³.

Когда сам автор не является свидетелем или участником события, он, как правило, ссылается на имя человека, поведавшего о случившемся: «Эту историю рассказала мне Вана. Вана живет в Трыне, она лечит травами и является двоюродной сестрой жены»⁴.

Максимально сближенные с хроникой публикации, но обладающие всеми отличительными особенностями «примера», нетрудно найти и в наши дни. Время в приводимом ниже примере не некая фикция, а историческое время X в., как и пространство, в котором происходит действие, – вполне реальная территория Северной Греции:

*В X веке, во время строительства лавры святого Афанасия, год выдался неурожайным. Потерявший веру святой Афанасий бросил дело. По дороге в Карею его встретила Пресвятая Богородица и, повелев ему вернуться обратно, прорекла, что все ему достанется в изобилии, а слава монастыря превзойдет славу всех Божьих храмов. Так и сбылось – вскоре после этого была написана икона Пресвятой Богородицы, молитва перед ликом которой и по сей день помогает в торговле и бизнесе и множит благосостояние*⁵.

Для большей части публикаций характерна морализация, как неотъемлемая черта «примера»:

*Цветко Брынков из деревни Рогозен под Михайловградом (нын. Монтана) нашел полный бочонок золота, но когда решил достать золотую монету, жаром обожгло пальцы. На всех, кто доближался до золота, нападала какая беда. Решили отвезти клад в монастырь – молитву читать, да в подарок прихватили с собой несколько глиняных горшков. Молитва кончилась, и горшки разбились. Все это повторялось целых три года. Уже никто и не вздумывал прикоснуться к деньгам из-за страха перед наказанием. Кто хочет, может их найти в окрестностях деревни*⁶.

В газете «Феномен» читаем:

*В 1939 году отец Стояна Кирова из деревни Джулюница под Велико-Тырновым ловко подобрал выпавшие из заднего кармана брюк мужчины из соседней деревни только что полученные на рынке в Горна-Оряховице за продажу волов деньги. Как ни искал их мужик, как ни плакал, а обратно их так и не получил. Оберегся от людей отец Стояна, но не и от Бога. Его девятимесячного ребенка залихорадило, и через семь дней он скончался. Чужое ушло от него с большой убылью*⁷.

Не менее впечатляющий в этом отношении «пример» находим в центральном болгарском ежедневнике последних дней:

¹ Йордан Гогов: видях Бога, има и рай, и ад // Психо–2011. Май. URL: <http://psihobg.com/> (дата обращения: 01.04.2015).

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 19–20.

³ Силата на чудото говори // Психо. 1990. № 9.

⁴ За умрелия, който се... върнал! // Психо. 1990. № 4.

⁵ Вълшебна икона на Божията майка дарява благосъстояние и успех в бизнеса // Психо–2014. Май. URL: <http://psihobg.com/> (дата обращения: 01.04.2015).

⁶ Проклетите пари // Психо. 1990. № 3.

⁷ Чужди пари // Феномен. 1994. № 14.

3-его апреля 2015 года 22-летний Велико Попов гоняет свой новый мотоцикл по аллеям курортного комплекса «Солнечный берег» в компании 18-летнего Василя Вылчева. До 17.15 часов. В учиненной водителем аварии погибают оба парня. Смерть молодых людей и их похороны как раз в день Недели Цветоносной заставили людей вспомнить о страшном проклятии, связанном с кражей чудотворной иконы „Черная Богоматерь“ в городе Несебре. Украдена была не сама икона, а ее золотая риза. И хотя позднее ее заменили серебрянной, а скорбящие матери заказали копию другой иконы – известной «Иверской Пресвятой Богородицы» грузинского мастера, только одновременный звон колоколов трех храмов избавит жителей Несебра от проклятия. Церковь в городе однако только одна¹.

Уклонение от норм религиозного поведения и удел тех, кто тонет во грехе, – одна из центральных тем:

Стефан Крыстев вспоминает о ведьме Тодоре из асенеградской деревни Стоево. Когда она умерла, ее похоронили, как всех, кто уходит из этого мира. Ужас начался на следующий день, когда соседки пошли на кладбище окропить могилу святой водой. Они нашли труп выброшенным – земля его не принимала. Четыре раза пытались односельчане похоронить Тодору, наконец сожгли ее тело, а ветер разнес ее прах².

Средневековый проповедник, как правило, начинал с sub specie peccati (с точки зрения греха). Примеры легко находим и сегодня:

«Когда исповедуете все свои грехи с пятилетнего возраста, и священник позволит вам причаститься, позовите меня снова, – сказал старец Никон Святогорец родителям парализованного ребенка. – Только тогда я подниму на ноги вашего ребенка». Родители выполнили поруку и когда перешагнули порог своего дома ... любимое дитя встретило их без следа парализа, потому что покаяние – могучая и великая тайна, которая может сниспослать благодать Божью с неба на землю³.

Наряду с общечеловеческой греховностью существовали и специфические, так сказать, «профессиональные» грехи⁴.

К протоиерею Ивану Георгиеву из пловдивской церкви «Св. Петки» пришли три женщины попросить его освятить им воду из семи источников. Принесли они ее в литровой бутылке. Священник посмеялся над ними, сказав, что не надо семи источников, достаточен только один. Осветив ее в медном ведре и вернув ее обратно в бутылку, он с изумлением увидел, что вода увеличила свой объем почти на пол-литра. Таким образом Бог наказал своего служителя за то, что потревожил веру женщин⁵.

Если свидетельство очевидцев или участников события, как и вещественные доказательства его истинности, – неотъемлемая конституирующая черта средневекового «примера»⁶, то и сегодня в публичном пространстве есть подобные «примеры»:

Георги Петков из Горна-Оряховицы рассказывает: «Далось свыше, что Стояну Зографу (иконописцу) из Велико-Тырнова суждено написать икону Архангела Рафаэля. Написал Стоян икону, и помолился я, и явился Архангел Рафаэль и сказал написать справа солнце и добавить цветов и птиц, потому что он с ними говорит. Потом он раскрыл книгу, сложенную в четыре раза, и сказал мне, что она ему дана Богом и исцеляет от всех болезней. Стоян изобразил и книгу – раскрытой. Потом далось мне послание-молитва. Сам Архангел Рафаэль освятил икону»⁷.

Трудно обозреть тематическое многообразие публикаций, да и объем настоящего текста заставляет нас перейти к другому интересному аспекту исследования, а именно – к параллельной презентации материалов из сборников типа «Liber exemplorum ad usum praedicatorum» или же «Dialogus Miraculorum»⁸ с примерами из газет или же из Интернета, о которых пошла речь. Но даже в этом случае не можем обойтись без ответа на вопрос как подобные публикации воспринимаются читателем и какую функцию они выполняют? Болгарский литературовед Огнян

¹ Купили мотора на 22-годишния Велико от Несебър месец преди катастрофата, която погреба него и приятел // 24 часа. 2015. 06 април. URL: <http://www.24chasa.bg/> (дата обращения: 06.04.2015).

² Черна Тодора в черна земя не влиза // Феномен. 1993. № 36.

³ Старецът Тихон Светогорец: покаянието е най-мощното лекарство // Психо. 2014. Юли. URL: <http://psihobg.com/> (дата обращения: 01.04.2015).

⁴ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 68.

⁵ Свещеник разваля магии в Божия храм // Психо. 1993. № 34.

⁶ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 24.

⁷ Архангел Рафаел даде молитва за всякакви болести // Психо. 2012. Април. URL: <http://psihobg.com/> (дата обращения: 01.04.2015).

⁸ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников.

Сапарев считает, что для каждого непредубежденного человека – это приятное развлечение¹. Когда-то Жак де Витри – французский богослов, историк и проповедник – называл «примеры» повседневным хлебом, потребным для питания душ во всякое время². Восемь столетий спустя наша попытка посмотреть на подобного типа «продукцию» глазами публики показывает, что в иерархии ее функций развлечение отнюдь не значится в красной строке. Читатели рассказывают, что для них все это является духовной пищей, оно им помогает переосмыслить прежнюю жизнь – вот почему, мало сказать, что оно им нравится, оно помогает им жить. В подавляющем числе случаев они ищут ответы на важнейшие, в известном смысле, на «последние», как сказал Достоевский, вопросы жизни. Интерес вызывает и преобладающий образ мышления. Если мы остановим внимание на проблеме магии, ссылаясь на рубрики типа «Письма Ирине» газеты «Феномен», то придем к выводу, что отношение читательской публики этих изданий мало чем отличается от отношения ее предшественников: на магию и в наши дни смотрят как на результат воздействия сатанинских сил³.

Вернувшись к оппозиции «устойчивое – изменчивое», отметим, что в результате изменившейся коммуникативной ситуации городской культуры нового типа, более того, культуры позднего модерна, низовые формы ментальности выявляют себя по-новому – публично-зрелищная форма давно не является определяющей. С точки зрения их содержательной характеристики, однако, их устойчивость и очевидна и впечатляюща. В современной ситуации парадоксы подобного типа трудно объяснить, если не учесть принципиально различного понимания ритма в истории европейской культуры, являющегося результатом внимания, направленного не к относительно коротким, качественно различным и последовательным этапам динамического развития, присущего ее элитарным формам, а к медлительному движению ее глубинных пластов – движению, трудно осязаемому как раз из-за этого же темпа⁴.

Чуткое понимание этих особенностей важно, поскольку речь идет об изменениях и противоречиях общего порядка, а именно они модифицируют частные проблемы в их конкретно-исторической сути. Возьмем, к примеру, социальное функционирование искусства: если на всякой мысли, рождающейся в голове человека, если на всяком его поступке неизбежно отражается то, что современные историки именуют «ментальностью»⁵, то достаточно примеров, представляющих собой современные соответствия средневековым низовым формам ментальности, а усвоение художественных ценностей, созданных на более позднем этапе развития, становится весьма проблематичным. До недавнего времени эти ранние формы считали уже прожитыми, а смену эстетического сознания как неотъемлемую часть мироощущения людей данной эпохи называли «сумерками богов».

Погазли ли «сумерки богов»?

Современная ситуация – всем своим драматизмом да и проекциями некоторых ментальных форм средневековья – показывает, что вопрос не лишен оснований.

Васильева Дарина Георгиевна, заведующий кафедрой музыкальной эстетики, музыкального воспитания и исполнительства. Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского. Педагогический факультет. Болгария, Шумен.

Vasileva Darina Georgieva. Preslavski University of Shumen. Faculty of Education Head of the Department of Music Aesthetics. Music Education and Performance. Bulgaria, Shumen.

Ins_varna@abv.bg

¹ Психо. 1993. № 3.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. С. 55.

³ Феномен. 1990. № 3, 4.

⁴ Le Goff J. L'imaginaire médiéval. Paris, 1985. P. 7–13.

⁵ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 10–52.

Гендерное сознание как проблема современного общества

А.В. Воронова

Gender Consciousness as a Problem of Modern Society

A.V. Voronova

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования гендерного сознания в современном обществе. Анализируются некоторые особенности развития гендерных исследований в психологии, обращается внимание на изменения, произошедшие в современном обществе и науке, которые привели к появлению нового подхода в изучении психологии мужчин и женщин. Делается вывод о необходимости развития гендерной психологии с целью более полного и глубокого изучения человека.

Ключевые слова: гендер; гендерные исследования; гендерный подход; новая психология пола.

Abstract. In the article the problem of forming of gender consciousness in modern society is being considered. Some peculiarities of the development of gender studies in psychology are being analyzed, it emphasizes the changes taken in modern society and science, that led to the appearance of the new approach in studying psychology of men and women. It concludes that it is necessary to develop gender studies in psychology for more comprehensive and deep studying of human personality.

Key words: gender; gender studies; gender approach; new psychology of sex.

Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением новых подходов к изучению психологии человека и, соответственно, новых направлений в психологической науке. Одним из них является гендерная психология. Эта область знания возникла во второй половине XX в. и в настоящее время является очень актуальной. Гендерные исследования начались в США и странах Западной Европы примерно в 70-х гг. прошлого века. В России это произошло позже – в середине 90-х гг. XX в., что в значительной степени связано с определенными социокультурными различиями между странами.

Появление термина «гендер», обозначающего социальный пол человека, было связано с необходимостью пересмотра представлений о биологическом детерминизме полоролевых различий. В нашей стране понятие «гендер» для многих остается непривычным, что связано, возможно, с использованием иностранного термина. Примечательно, что в английском языке понятия, обозначающие биологический пол (sex) и социальный (gender) различны, в русском же языке есть только понятие пола, которое ассоциируется с биологией, а для обозначения социальных аспектов отдельного термина нет, это вносит определенную путаницу в определение и использование понятий «пол» и «гендер».

Проблема соотношения понятий биологического и социального пола давно интересует представителей различных областей знания. Истоки гендерного направления в психологии можно обнаружить в разных науках, занимающихся изучением человека. Изменения, произошедшие в обществе за последнее столетие, поставили под сомнение традиционные взгляды на социальные роли мужчин и женщин, что, в свою очередь, отразилось в науке. Во второй половине XX в. появляются такие научные направления, как гендерная социология, гендерная история, гендерная педагогика, гендерная антропология, гендерная лингвистика, гендерная психология и др. Рост интереса к данному рода проблематике очевиден и является неслучайным.

До появления таких направлений в науке, как женские и гендерные исследования, наука в целом была андроцентрированной, т.е. ориентированной на мужчин и мужской опыт. Традиционные патриархатные ценности, господствовавшие в научном знании, практически вытеснили женщин из поля зрения ученых, в результате чего возникли существенные недостатки в изучении человека и общества¹. В начале XX в. серьезных исследований в области психологии женщин практически не было. Женщины отсутствовали в психологической науке и как субъекты, и как объекты исследований. Внимание психологов-мужчин было сосредоточено на изучении психологических параметров мужского социального опыта с последующей экстраполяцией вы-

¹ Воронина О. Феминизм и гендерное равенство. М., 2003. С. 33–70.

водов на весь род *Homo sapiens*¹. Конечно, при таком подходе, невозможно было сделать объективные выводы о психологических особенностях мужчин и женщин, и часто они оказывались необоснованными. Традиционные представления о полной противоположности мужского и женского полов были очень сильны. Причем, эти различия считались биологически обусловленными, связанными с анатомо-физиологическими особенностями мужчин и женщин.

В начале XX в. произошли важные изменения в общественном положении женщин. Женщины получили права, которые позволили им занять более активную позицию в обществе. Возможность получения равного с мужчинами образования открыла новые горизонты для женщин, увеличилось количество женщин, занимающихся наукой – все это потребовало пересмотра существующих догм.

Помимо изменений в общественной жизни, необходимо отметить некоторые научные достижения, которые способствовали возникновению «новой психологии пола»².

Сам термин «гендер» появился благодаря сексологу Д. Мани, который занимался проблемами гермафродитизма и транссексуализма. При изучении феномена несоответствия биологического пола и представлений человека о самом себе возникла необходимость выделить отдельно социокультурные факторы, влияющие на формирование половых различий. Таким образом, были разделены понятия «пол», обозначающее биологические аспекты жизнедеятельности человека, и «гендер», относящееся к социокультурной сфере. В психологии данный термин появился благодаря американскому психоаналитику Р. Столлеру в 60-х гг. XX в.³

Исследования Е. Маккоби и К. Джеклин, посвященные анализу психологии половых различий, также сыграли существенную роль в формировании «новой психологии пола». Е. Маккоби и К. Джеклин, критически проанализировав 1600 исследований, посвященных изучению психологических половых различий, пришли к выводу, что, те многочисленные фундаментальные врожденные различия в половых особенностях восприятия, обучаемости, памяти, интеллекта, когнитивного стиля, мотивации, самосознания, темперамента, уровня активности и эмоциональности, общительности, доминантности, которые признавались ранее, на самом деле, не так существенны, как это представлялось раньше⁴.

Создание концепции андрогинии С. Бем также способствовало расширению взглядов на «мужские» и «женские» качества личности. Выяснилось, что люди могут успешно сочетать в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества, а маскулинность и фемининность не являются взаимоисключающими категориями.

Важно подчеркнуть, что сегодня известно, что биологический пол также является очень сложной системой, имеющей несколько уровней: генетический пол, гонадный пол, морфологический пол, церебральный пол. При этом только на уровне гонадного пола (т.е. половых органов) можно говорить о четком разделении на две противоположные системы⁵. Поэтому вопрос половых различий сегодня рассматривается как достаточно сложная проблема, требующая комплексного подхода к ее решению.

Интересно проследить историю развития гендерных исследований. В конце 1960-х гг. в США возникла особая сфера знания – женские исследования. В 1980-х гг. появляются гендерные исследования, открываются специальные факультеты и кафедры в странах Западной Европы и США, в эти же годы возникает еще одна специфическая область знания – андрология. В 90-е гг. фокус исследований гендерной психологии несколько сместился: основной интерес стали вызывать работы, направленные на изучение различий среди групп женщин и мужчин. Появились исследования, изучающие людей с различной расовой и этнической принадлежностью, сексуальной ориентацией и т. д. Очевидно, что по мере развития гендерных исследований расширялась сфера интересов ученых в данной области. Начавшись с изучения женщин и специфики женского опыта, сфера гендерной проблематики расширилась и стала включать в себя вопросы, связанные с неоднозначностью гендерных категорий и различиями внутри них.

Несмотря на все достижения в общественной и научной сферах жизни, в современном обществе как в России, так и на Западе очень широко распространены полоролевые стереотипы. Они касаются различных сфер жизни людей. В ходе социализации люди прочно усваивают су-

¹ Бендас Т.В. Гендерная психология : учеб. пособие. СПб., 2006.

² См.: Гендерная психология : практикум. 2-е изд. / под ред. И.С. Клециной. СПб., 2009.

³ Там же

⁴ Кон И.С. Психология половых различий // Психология индивидуальных различий : хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 2000. С. 210–214.

⁵ Гендерная психология.

ществующие установки, а затем передают их своим детям. Источников передачи гендерных стереотипов много. Большое значение в формировании представлений о гендерных ролях имеют литература, средства массовой информации, детские игрушки, которые часто содержат информацию о традиционных стандартах поведения для женщин и мужчин.

По утверждению отечественного психотерапевта А.И. Белкина, имевшего большой опыт работы с гермафродитами, в обществе «нельзя быть человеком вообще, но только конкретно мужчиной или женщиной»¹. С этим связано негативное восприятие людей, имеющих определенные отличия в каком-либо виде от «нормальных» представителей своего пола.

Представления о биологическом детерминизме социального пола преобладали в психологии вплоть до 70-х гг. XX в. В настоящее время более распространена идея о социальном моделировании пола. Такой подход представляется нам более разносторонним и объективным, т.к. игнорирование социального опыта человека ведет к одностороннему пониманию особенностей развития и формирования личности.

Как справедливо отмечает И.В. Костикова, гендерный подход преодолевает самую фундаментальную оппозицию – оппозицию биологических полов, заложенную во всех сферах человеческой жизни. Гендерный подход предполагает индивидуальный подход к проявлению идентичности. Появление возможности коррекции анатомического и гормонального строения, исчезновение социальной, политической, экономической сегрегации по половому принципу вынуждают отказываться от жестких стереотипов женственности и мужественности².

Важно подчеркнуть, что гендерный подход не предполагает отрицания различий между полами. С точки зрения данного подхода, главным является не сам факт биологических различий между полами, а его социальное выражение и восприятие. По утверждению американского социолога М. Киммела, задачей современного общества является «дегендеризация» качеств и поведения, но это означает не то, что женщины и мужчины должны стать одинаковыми, а необходимость осознания своих различий и сходств и установления равенства между полами³.

Сегодня известно, что женщины и мужчины не являются абсолютно противоположными и имеют много общего, а те различия, которые наблюдаются, в значительной степени связаны с особенностями воспитания и социализации. Тем не менее, устойчивые представления о половых ролях, существующие в каждом обществе, до сих пор оказывают огромное влияние на сознание людей, что приводит к тому, что личность не имеет возможностей для полноценной реализации своих качеств и способностей в обществе. Гендерная психология представляется сегодня очень важной и перспективной областью знания, ее изучение позволяет по-новому посмотреть на проблему гендерных различий и понять их, что, несомненно, дает возможность более всестороннего изучения личности человека.

Воронова Анастасия Валерьевна, аспирант. Ярославский педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Россия, Ярославль.

Voronova Anastasia Valer'evna, graduate student. The Yaroslavl pedagogical university of K.D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl.
ligea@inbox.ru

¹ Белкин А. И. Третий пол. М., 2000.

² Введение в гендерные исследования : учеб. пособие для студентов вузов / Костикова И.В. и др. ; под общ. ред. И.В. Костиковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

³ См.: Гендерная психология.

**Духовно-нравственная сфера человечества как проблема
психологического здоровья и измененных состояний сознания**

А.А. Гостев

**Moral and spiritual spheres of humanity as a problem
of psychological health and altered states of consciousness**

A.A. Gostev

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 14-18-03271.

Аннотация. Обосновывается подход к изучению состояния духовно-нравственной сферы человечества с точки зрения понятия психологического здоровья и проблематики измененного сознания – индивидуального и группового. Это предполагает включение в методологию современной психологии принципа теоцентризма. В частности, учтены святоотеческие идеи, касающиеся познания высших духовных смыслов. С этой позиции рассматриваются различные виды разрушения традиционных ценностей на Западе, психоманипулирование человеком, в частности, религиозным сознанием.

Ключевые слова: духовность; нравственность; измененные состояния сознания; психологическое здоровье; теоцентризм; святоотеческая традиция; толерантность; психоманипуляция; религия.

Abstract. The approach of studying spiritual and moral spheres of humanity from the point of view of “psychological health”, as well as “altered states of consciousness” (individual and collective) concepts is justified. This implies the inclusion the principle of theocentrism into the methodology of psychology. Specifically, some patristic ideas, regarding cognition of the highest spiritual meanings are reviewed. From this position different types of traditional values destruction, psycho-manipulation of a human being, especially religious consciousness etc., are considered,

Key words: spirituality; morality; altered states of consciousness; psychological health; theocentrism; patristic tradition; intolerance to traditional values; psycho-manipulation; religion.

Психология морали/нравственности превратилась в одно из признанных и успешно развивающихся научных направлений отечественной психологии¹. Важнейший принцип психологии нравственности (этической психологии) – рассмотрение достижений психологической науки через нравственную призму. Среди спектра изучаемых проблем отметим морально-психологические основы негативных социальных явлений, психологию безнравственности и аморального поведения, изучение адекватности социального восприятия, манипуляций (преднамеренных и спонтанно-непроизвольных) внутренним миром личности и социальных групп с учетом состояния их духовно-нравственной сферы.

Для рассмотрения духовно-нравственной сферы человека и групповых социальных субъектов под влиянием информационных воздействий аморального содержания важно исходить из того, что безнравственный человек, социальная группа или общество представляет собой особую область феноменов, обладающую самостоятельным психологическим содержанием. Теоретически значимой позицией нравственной психологии выступает также участие современной психологической науки в борьбе различных мировоззрений, идеологий, в частности, идей, порожденных в России псевдолиберальной идеологией, и идей, связанных с возрождающейся отечественной духовно-нравственной традицией². Нас также интересует процесс трансформации идеологического сознания при перетекании идеологием из псевдолиберализма в мондиализм (идеологию глобализма), а также идеи, возникающие в недрах различных теорий глобализации, которые явно или пока прикровенно эксплицируют себя в жизнь человечества.

Проблематика психологии нравственности связана с проблематикой психологического здоровья, понятие о котором размыто, подходы к которому фрагментарны и слабо соотнесены

¹ Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 4–14 ; Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / отв. ред. М.И. Воловикова. М., 2011

² Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психология нравственности как область психологического исследования. С. 4–14.

друг с другом. И это происходит не только в силу многоаспектности самой темы, но и от влияния мировоззренческой позиции исследователя, прежде всего, его отношения к духовно-нравственному прочтению проблематики, тем более, признанию в ней религиозного аспекта. Понятие «психологическое здоровье» нуждается в расширении своего содержания при одновременном наведении порядка в дефинициях¹. Теоретическую возможность для этого дает изучение: 1) измененных состояний индивидуального сознания и их аналогий на групповом уровне; 2) подмен в понимании современной психологией личностного развития; 3) взаимосвязи тематик психологического здоровья и психологии духовно-нравственной сферы с позиции междисциплинарного знания о высших духовных смыслах, создающих «духовную вертикаль» человека.

При рассмотрении тематики измененных/особых состояний сознания (ОСС) в связи с духовно-нравственной сферой соотнесем ее со святоотеческой традицией, которая в роли «методологического зеркала» помогает увидеть новые ракурсы в проблеме взаимосвязей «духовного/душевного» (психического), понять, как повреждения духовно-нравственного начала в человеке порождают его психологическое нездоровье².

Об ОСС можно говорить как о «расширении» и как об «омрачении» сознания. ОСС-опыт использовался в практической психологии и психотерапии, например, в трансперсональной психологии (подход С. Грофа), эриксоновском гипнозе, НЛП, психосинтезе, в школах движения «New Age». ОСС связаны с применением медитаций, дыхательных техник, шаманских практик, психоделиков. Научное осмысление ОСС должно учитывать, с одной стороны, недопустимость массового использования методов изменения сознания, а с другой, считаться с тем фактом, что они показывают себя психокоррекционным средством (в наркологической практике в «глубинном анализе» эмоциональных проблем, в борьбе с суицидальными тенденциями и др.). Вместе с тем, феноменология негативных ОСС говорит о вариантах психологического нездоровья и даже психиатрических нарушений. Отмечается, что в глубинах психики существуют «неизвестные реальности», которыми можно травмироваться при столкновении. Подсознательные или «надсознательные» силы «захлестывают» сознание человека (личный опыт К. Юнга). В изучении «латентно-потенциального сознания» необходимо понимание того, что в ОСС человек встречается с мощнейшими автономными силами, способными принести ему вред (религиозно-философский опыт человечества свидетельствует об этом). Психология личности недооценивает, что в глубинном самопознании на основе ОСС возможно проявление деструктивных сил, замаскированных под энергию самоактуализации. Духовный опыт человечества говорит о том, что в ОСС происходит взаимодействие человека с некими метафизическими измерениями реальности, не осмысленными наукой, однако, известными из тысячелетнего опыта духовных традиций. Этот опыт человечества допускает существование «невидимого духовного мира» и потенциальную возможность его созерцания (творчество Чюрлениса, Дали и др.; иконопись).

Но «внесенсорные созерцания» чреватые «психо-духовной поврежденностью» человека³. Это подчеркивает православно-христианская традиция. С одной стороны, «сфера божественного» может предстать в символах-образах, с другой, традиция осторожно относится к роли образной сферы в переживании и понимании духовных смыслов. Через образы человеку приходит привязанность к «плотскому» и «материальному», пробуждаются страсти и пр. Традиция раскрывает когнитивные, эмоциональные искажения в развитии и религиозном опыте личности. В этой связи святыми отцами введено понятие «прелесть» – извращенное состояние духовно-нравственной и религиозной жизни, самообман, при котором человек утрачивает способность адекватно воспринимать мир и себя, а свои фантазии принимает за действие божественных сил (порождаются иллюзии о «высокой духовной жизни», «божественных откровениях, богообщении и т.п.). Для христианских подвижников различение прелестных состояний стало тончайшей духовной работой. Данная проблема связана с темой ложных пророчеств. В прелести теряется способность сознавать заблуждения: образы-переживания кажутся «святыми»; «пророк» же чувствует себя «избранным». Отметим феномен «маскировки демона под ангела» (в восточных традициях есть аналог подобных «перевертышей»). Контакт прикрит «высокими целями» саморазвития, служения людям, «спасения человечества» и пр. Контактер считает себя подключенным к

¹ Гостев А.А. Психологическое и духовно-нравственное здоровье личности: о некоторых современных симптомах «болезни» // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / отв. ред.: А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М., 2014. С. 132–153.

² Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.

³ Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека.

«божественным»/космическим энергиям и потому верит в собственную пророческую и целительную силу, покровительство «высших сил» (соответственно, неуязвимость для сил зла). Святоотеческая традиция говорит о мистицизме как духовном нездоровье, ложно направленной религиозности, когда человек пытается своими усилиями завладеть дарами Святого Духа, не создав чистоту сердца. Визионерство рассматривается как душевная болезнь, связанная с общением с невидимым миром. Без искоренения страстей мистические видения являются разрушительной иллюзией. Визионерский опыт считается в психологии одной из главных форм, в которой актуализируется область неосознаваемого психического. Поэтому данный опыт не может быть источником информации о «мире горнем». Образную сферу человека можно понимать как «окно» в неявные аспекты реальности, представленной в человеке идеально. Однако смотреть в это «окно» в целях познания мира и самопознания следует очень осторожно, понимая факт искажения видения и опасностей самого «смотрения».

В связи с ОСС следует говорить и о подменах в понимании духовного развития на рынке психотехнологий. Гуманистическая психология, методология которой лежит в основе многих школ личностного роста, «обожествляет» человека в его «недолжном состоянии», в «своеволии низшего я». Речь идет лишь о «приручении демонов внутри человека». Человек впадает в иллюзии о своем духовном развитии, забывая, что оно достигается работой, требующей огромных усилий. Человек должен также знать, что каждый новый шаг на пути личностного развития «дается с боем», взлеты чередуются с поражениями, причем сопротивление возрастает по мере духовного продвижения. «Гладкая дорожка» означает отсутствие духовного восхождения человека. Развитие духовно-нравственной сферы связано с движением к независимости человека от своего «телесно-инстинктивного начала», от стереотипов бытовой жизни. Человеку также необходимо искать грань между желанием проявить потенциал «сущностного я» и своеволием «эмпирической самости». Изживая негативное мироощущение, человеку полезно знать, что сокрушение о собственном несовершенстве не являются «отрицательными переживаниями». Отрабатывая достижение *цели*, ему также полезно знать, что субъективно хорошие цели могут быть лишь средствами достижения целей объективно нехороших. Теоретико-методологические основы школ личностного роста неотделимы от философско-богословского понимания *любви, добра и зла*, подмен содержания данных понятий. Например, должны быть преодолены иллюзии обладания любовью, ее имитация. Подмены надо искать и в проблеме *самооценки*. Гордыня, тщеславие способны рядиться и в необходимые «самозащиту», «самоподдержку». Личностное развитие, тем более религиозные искания не должны быть компенсацией жизненных неудач, невротических комплексов (хотя, в то же время, эти проблемы могут породить стремление к развитию). Ориентация на наслаждение от религиозных переживаний дает иллюзорное единение с Богом, ввергает человека в утонченное духовное заблуждение (И.А. Ильин). В преодолении подмен в понимании *духовной силы*, которую человек ищет через занятие психотехниками и оккультно-магическими практиками, следует учиться видеть тонкие грани между благодатной духовной силой, отрицательной метафизической силой и находящейся под ее влиянием *силой эго*. Также актуальным является вопрос, действительно ли человек достигает «сущностного я», когда это ему кажется. Ведь голос искушений может звучать как голос «истинного я», разрешающий сделать нечто – для «самоактуализации». Еще одна проблема – *манипуляция человеком при духовном руководстве*. Личности тех, кто берет на себя ответственность «вести других к свету», вызывают тревогу в силу их неочищенного и прелестного состояния, непонимания глубины ответственности за вхождение во внутренний мир человека.

Итак, взаимосвязь тематик изменения сознания, психологического здоровья и состояния духовно-нравственной сферы очевидна. Для дальнейшего прояснения этой взаимосвязи обратимся *теоцентрическому подходу*, восходящему к традициям русской философии и отечественной духовно-нравственной традиции в лице православного христианства. Сегодня этот подход в связи с проблематикой психологического здоровья успешно разрабатывается¹. Именно тема психологического здоровья позволяет говорить о необходимом шаге для современной психологии – возвращении интереса к метафизическим основаниям психологического знания. В свою очередь, вне теоцентрического подхода невозможно полноценно, объемно понять проблематику психологического здоровья. Также следует признать, что не все теоцентрические описания равнозначны.

¹ Шувалов А.В. Здоровье личности: мировоззренческий и методологический аспекты // Современная личность: Актуальные проблемы и пути их решения. М., 2012. С. 76–99.

Религиозные тоталитарные секты, например, позволяют нам говорить о том, что существует и «демоноцентризм».

Конечно, отраднo видеть в современной психологии тенденцию возвращения интереса к осмыслению традиционного для психологии предмета исследования – духовно-нравственной сфере, религиозному поиску и опыту человека (указанные в подстрочнике книги свидетельствуют об этом). В отечественной психологии такому пониманию способствует, в частности, «новая методология» истории психологии¹ и принцип методологического плюрализма². Но принцип методологического плюрализма научным сообществом сциентистской ориентации используется выборочно. Относительно одних тем плюрализм допустим, а относительно полноты тематики духовно-нравственной сферы человеческого бытия, предполагающей опору на православную традицию, нет. Теоцентрический подход пока все же воспринимается несовместимым с научным мышлением. Принцип методологического плюрализма разрешил говорить о духовно-нравственной проблематике в научной среде по принципу «пусть расцветают все цветы». Осмысление же онтологических оснований духовно-нравственной сферы человеческого бытия предполагает рассмотрение *сопричастности духа*. Психология должна найти способы отразить сущностное для психики человека: 1) принадлежность внутреннего мира человека метафизическим сферам (положительным и отрицательным); 2) «искру Божью» в человеке (христианство говорит, например, об Образе Божьем, призванном к богоуподоблению); 3) идею «духовной вертикали»: плотское – в подчинении духовному в человеке. Залогом психологического здоровья является именно «вертикаль» – с Духом на вершине иерархии внутренних сил, противостоящим вызовам внешнего мира и желаниям «нижнего я», помогающим человеку достигать «истинного духовного я». Субъективного мнения о «боге в душе» недостаточно; вне реальной работы по нравственному очищению это будет иллюзией. Включение в предметное поле психологической науки перечисленных реалий и составляет сущность теоцентрического подхода. Теоцентрический подход предполагает метафизическую, трансцендентную сущность человека. Психологическое здоровье на высшем уровне реализации является эквивалентом духовно-нравственного преображения личности. Психологическое не-здоровье же видно из ограничений гуманистической парадигмы и антропоцентрического подхода. Не может оздоравливать людей идеал человека, стремящегося к возведению своей «эгоистической самости» в ранг высшей ценности (об этом говорят, в принципе, все духовно-религиозные традиции).

Современное состояние духовно-нравственной сферы человечества подходит под определение понятия *апостасия* – уход человека от теоцентричности своего бытия, от следования духовным законам мироздания и пр. Мы можем говорить о *глобальном измененном состоянии сознания* людей (в святоотеческой терминологии – глобальном прельщении) как о системных искажениях в познании высших смыслов человеческого бытия. Резерв углубления понимания психологического здоровья в связи проблематикой духовно-нравственной сферы человека – переход на уровень группового/общественного/массового сознания (в его влиянии на индивидуальное сознание). Здесь следует раскрывать, в частности, проявления психологического не-здоровья носителей современной западной ментальности, отвергающей или релятивизирующей традиционные нравственные ценности, соответственно, размывающей понятия добра и зла, делающей интересы «атомарного человека» главным критерием социальных процессов, воспевающей доминирование потребительских интересов. Здоровы ли на сущностном духовно-нравственном уровне люди, не видящие в мире «современного Содома и Гоморры», «Нового Вавилона»? Я имею в виду разрушение традиционного брака и семьи, свободу абортов, суррогатное материнство, эвтаназию, педофилию, абсолютизацию прав представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, разлучение детей и родителей по мелочным и сомнительным «ювенальным причинам». Я указываю на противоречие между насаждаемым культом «глобальной толерантности» и все большей нетерпимостью современного западного сознания к традиционным христианским ценностям. Проявлением не-здоровья является уровень психоманипулирования современным человеком, который становится «слеп» к двойным стандартам современной политики, к духовной сущности формирующегося «нового мироустройства» с его неофеодальной кастовой структурой (различные варианты идеи «золотого миллиарда»), к психологическим последствиям «транснационального сетевого общества» и тенденции «киборгизации» человека. Человечество

¹ Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.

² Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 503–523.

уходит в виртуальные миры, не задумываясь об утрате «традиционно человеческого» в себе. При этом человек стремится преобразовать Реальность, разбирая материю на «кирпичики» в коллажерах, создавая искусственные тела, осуществляя генетическую коррекцию биологических объектов и пр. Каждый из перечисленных аспектов измененного состояния планетарного сознания предполагает свое осмысление психологической наукой в междисциплинарном взаимодействии, включая «вненаучные» источники информации по данным тематикам. Большой интерес и актуальность представляют следующие проблемы.

Говоря о содержании «измененного глобального сознания» можно выделить два оппонирующих, а порой и активно борющихся начала: традиционная нравственность v.s. «новая этика». Национально-культурные особенности в последние десятилетия «пиарятся» как устаревшие реалии. Через разрушающуюся и разрушаемую традиционную мораль проглядывает новая и достаточно зловещая система ценностей. Сегодня на планете в целом и в каждой стране, в частности идет многоплановая борьба мировоззрений – их противостояние скрытое и явное, осознаваемое людьми ясно и смутно. В этой борьбе переосмысляются вся система отношений человека – к высшим духовным смыслам, включая религиозные, к миру и человечеству, к Родине, к согражданам, к людям ближайшего окружения, к самому себе. Важная грань в осмыслении манипуляций с духовно-нравственной сферой заключается в замене нравственной регуляции юридическими нормами (что особенно заметно в западных странах). Правовое же регулирование все более явно обслуживает глобализм-проект. Достаточно указать на тенденцию введения приоритета международных законов над национальным законодательством.

Особая тема – *анти-христианизация* Запада. Это декларируется открыто – идеей пост-христианской эпохи. Западное общество сознательно и добровольно разрушает фундамент, на котором выросло. Заметим, что предлог «анти» означает и «против», т.е. борьбу с христианством новых идеологий, обосновывающих глобализм-проект, и «вместо», т.е. различные подмены христианского вероучения и духовной практики. Анти-христианизация сопровождается всплеском интереса к мистике, оккультизму, восточным духовным практикам.

Современное западное сознание характеризуется не только «болезнью человеческого в человечестве», но и вырождением либерализма в «либертарианство» (Н.А. Нарочницкая), которое становится все более нетерпимым ко всему традиционному, особенно к традиционным христианским ценностям. Причем противоречие между насаждаемой «глобальной толерантностью» и этой нетерпимостью все более возрастает.

Отметим, что у власти во Франции находится поколение 1960гг. – противники («со стажем») традиционных нравственности и семьи. Это представители поколения, тяготеющее к измененным состояниям сознания, о котором мы говорили в связи с духовно-нравственным прочтением проблемы психологического здоровья. Не эта ли сохранившая «измененка» через прошедшие десятилетия закрывает глаза на масштабную и мощную пропаганду ценностей нетрадиционной сексуальной ориентации? Одним из разрушителей традиционной семьи является «ювенальная юстиция». Прикрываясь «гуманистическим» обоснованием охраны детства, она уничтожает семьи, порождает горе, тяжелые психотравмы и у отнятого от родителей ребенка, и у самих родителей.

Одно из главных влияний на нравственные ориентиры человека оказала философия *пост-модернизма*, успешно завершающая секуляризацию картины мира и работающая на виртуализацию сознания. Постмодернизм – это принципиальная установка на то, что мир плюралистичен, в нем отсутствует Нравственный закон, абсолютное начало, определяющее единство мира. Непреднамеренная составляющая постмодернистских взглядов связана с тем, что человек перестал справляться с потоком гуманитарного знания. Ему удобнее иметь дело с индивидуально нахватаемыми «кусками информации», с примитивными отображениями классики. Преднамеренная составляющая постмодернизма раскрывается идеей о том, что контроль за производством «информационных выжимок», образов-клипов, рекламных образов дает власть над культурной средой. Постмодернизм, однако, является переходным мировоззрением в процессе «глобальной перестройки». Идеология «нового мирового порядка» будет жестко предъявлена человечеству в случае успеха глобализм-проекта.

Хаотизация всей аксиологической смысловой системы человека в постмодернистском мировоззрении служит идее «управляемого хаоса», работающей на новое мироустройство. На фоне демонтажа традиционных мировоззрений постулируется построение новой ценностной иерархии, которая пиарится исключительно в положительном свете. Данная система ценностей прививает слепоту и равнодушие к духовно-нравственной коррозии человечества. Постмодернистский релятивизм, по сути, устраняет проблему различения добра и зла. Постмодернистские «переверты-

ши» в сознании с психологической точки зрения ориентируют человека на «сиюминутное», что облегчает манипулирование им.

Постмодернизм усиливает свое воздействие на человека через современную массовую культуру. Происходит деградация восприятия прекрасного. Отметим прежде всего тенденцию отрицания достижений христианской культуры, задавшей высочайший нравственный идеал преобразования человечества. Этим задан вектор ухода сознания в мир мощных наркотизирующих образов, тиражируемых литературным жанром «фэнетики» и индустрией рекламы.

Отдельной темой являются атаки на традиционные религиозные ценности. Наиболее сильно сопротивляются разрушениям и подменам прямыми и косвенными информационными воздействиями *религиозные традиции*. В этой связи больше внимания следует уделять исследованиям вопроса о роли религиозного менталитета в мире и у нас в стране. Религиозный менталитет может быть и «стабилизатором» и «деструктором» в современной геополитике. Ведь религиозное сознание выступает «призмой», целенаправленно задающей мировосприятие, мощнейшим регулятором поведения. Гуманитарная наука, в частности, психология недостаточно знают о взаимосвязи пробуждающегося традиционного религиозного сознания (например, в России это православно-христианское мировоззрение, ислам), его различных подмен и многопланового «секулярного менталитета».

Затронутые в статье вопросы мы планируем рассматривать с точки зрения психоманипуляций, использующих современного состояния духовно-нравственной сферы человеческого бытия. При этом особый интерес для нас представляет противодействие людей подобным манипуляциям.

Гостев Андрей Андреевич, ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук, профессор. Институт психологии РАН, лаборатория истории психологии и исторической психологии. Россия, Москва.

Gostev Andrey Andreevich, leading researcher, doctor of psychological sciences, professor. Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, laboratory of history of psychology and historical psychology. Russia, Moscow
aagos06@rambker.ru

УДК 316.627+004

**Информатизация сознания современной молодежи:
проблемы эффективного существования,
взаимодействия и регуляции поведения**

Н.П. Дедов

**Informatization of consciousness of modern youth – a problem
of effective existence, interaction and regulation of behavior**

N.P. Dedov

Аннотация. В статье рассматривается одна из основных проблем современности – информатизация и компьютеризация. Обращается внимание на распространение электронных систем управления в повседневной жизни человека. Молодежь является отражением и показателем исторического времени. Отмечается специфичность обучения молодого поколения компьютерным навыкам, которые включают в себя высокую переключаемость, быстроту реакций, мгновенное принятие решений. Виртуальность жизнедеятельности молодых людей устанавливает собственную стратегию поведения, образ восприятия окружающего мира и взаимодействия с другими людьми. Предлагается разрабатывать новые социально-психологические методы изучения и исследования бытия молодежи.

Ключевые слова: молодежь, информация, компьютеризация, сознание, мышление, поведение, виртуальность, адаптация.

Abstract. In article one of the main problems of the present – informatization and a computerization is considered. The attention to distribution of electronic control systems in everyday life of the person is paid. The youth is reflection and an indicator of historical time. Specificity of training of the younger generation in computer skills which include is noted: speed of reactions, instant decision-

making. Virtuality of activity of young people establishes own strategy of behavior, an image of perception of world around and interaction with other people. It is offered to develop new social and psychological methods of studying and research of life of youth.

Key words: youth, information, computerization, consciousness, thinking, behavior, virtuality, adaptation.

Условия существования современного человека характеризуются появлением совершенно новых социально обусловленных явлений и феноменов, которые оказываются результатом, с одной стороны, обществнных, технологических и экономических преобразований, а, с другой стороны, делом «рук» самого человека. Исследования психологов, философов, социологов убедительно доказывают взаимосвязь и взаимообусловленность жизнедеятельности людей и теми событиями, которые происходят в обществе¹. Современная молодежь является отражением и показателем «своего» исторического времени, в котором постоянно происходят модернизация, трансформация и модификация. Молодые люди как ведущие участники данных событий приобретают основные характеристики своего исторического времени, тех условий, в которых они оказываются. «Герой нашего времени» – это личность, отражающая основные социальные, экономические и политические показатели – кризисы, конфликты, упадок и расцвет². В соответствии с этим меняются поведение, взаимодействие с другими людьми, а также особенности восприятия окружающего мира. Ускорение общественных процессов предопределяет убыстрение мыслительных операций, эмоциональных реакций и принятие решений в различных условиях жизнедеятельности. Можно говорить о том, что технический прогресс, инновации в экономику и науку предопределили соответствующие изменения в психологии человека, в его сознании, мышлении, поведении и взаимоотношениях с другими людьми.

Повсеместная «интернетизация» и «всеобщая телефонизация» населения планеты приобрели настолько глобальный размах, что стали представлять собой особое социальное явление, которое предполагает соответствующий облик «информационного» человека. В соответствии с общепсихологическими критериями, ведущие психические функции также начинают приобретать «цифровой» характер, определяя специфические способы получения и переработки поступающей информации, а также эмоционально-логического реагирования. Основатель кибернетики Н. Винер рассматривал человека как своеобразную автоматизированную систему, в которой происходят все те же процессы, что и в обыкновенной ЭВМ³.

Информатизация, компьютеризация и автоматизация повседневной жизни людей определили ведущую роль техники и технических систем, т.е. они стали занимать приоритетное место в их поведении, определяя свою значимость и ценность. Невозможно представить современного человека без мобильного телефона, компьютера и другого электронного гаджета. Электронные гаджеты уже настолько включены в человеческое пространство, что становятся неотъемлемой частью жизни человека, его сопровождением и проводником.

Особенно это касается молодых людей, которые не только не могут существовать без электроники, без Интернета, но и оказываются от них в той или иной степени психологически зависимыми. Необходимость и нужда человека в электронных средствах становится предметом для различных шуток, анекдотов, т.к. обуславливает его комфортное существование, его «психическое здоровье», а их отсутствие приводит к переживанию им состояния депривации, тревоги и других болезненных ощущений. Исследования психологов указывают на то, что, в данном случае существует опасность возникновения девиантного поведения, обусловленного компьютерной зависимостью⁴.

В то же время молодое поколение оказывается в особых социальных условиях, когда имеющиеся изменения и трансформации в социуме на самом деле для них таковыми не являются. Они являются для молодых людей естественными и повседневными, окружающими их быт и существование. Он приобретает многие психологические характеристики, которые соответству-

¹ Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2000.

² Асмолов А.Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007. С. 528 ; Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся : очерки российской психологии. М., 1994.

³ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

⁴ Войскунский А.Е. Психология компьютеризации – история и современность // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления (к 70-летию со дня рождения) : тез. докл. науч. конф. М., 2003. С. 207–212.

ют критериям «новых» социальных условий. Данные социальные условия, во-первых, связаны с развитием информационных технологий и средств коммуникации. Они устанавливают необходимый объем информации, способы ее получения, обработки и передачи. Все это в совокупности приводит к развитию у человека необходимых умений и способностей, позволяющих ему быть эффективным, т.е. реализовать свои намерения. Во-вторых, процесс обучения компьютерной грамотности кардинально меняется, т.е. теперь современный ребенок начинает правильно пользоваться различными гаджетами гораздо раньше, чем ходить и говорить. Вырастает «информационное» поколение, которое входит в жизнь в сопровождении планшета и мобильного телефона, осваивая данные технические средства во много раз быстрее, чем предыдущие поколения¹.

Непосредственная включенность молодых людей в виртуальное пространство, в социальные сети, где происходят совершенно другие, отличные от реальных, события, устанавливает своеобразие их поведения, взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. Межличностные отношения также приобретают качественно новое значение, непосредственно связанное с теми глобальными социальными изменениями, которые происходят в обществе и с отдельным человеком. Технический прогресс, его основные продукты и технологии в виде электронных средств, Интернета, гаджетов приняли участие в формировании «нового» типа личности, который включает в себя «специфический» вид мышления, эмоциональной сферы и поведения. Являясь продуктом человеческой деятельности, они в определенной степени становятся «самостоятельными», т.е. устанавливают собственные технологические приоритеты и ценности. Благодаря этому современный человек оказывается в своеобразном информационном пространстве, в котором существуют свои законы, правила и ритуалы поведения. Объем информации, с которым он сталкивается каждый день, во много раз превышает объемы информации, который приходилось усваивать в прошлом. Кардинальные изменения произошли и в области хранения информации, ее получения и передачи, а также в области коммуникаций между людьми. Распространение информационных технологий достигло такого уровня, что они все в большей степени включаются в основную сферу жизнедеятельности людей, оказываясь не их помощниками, а одними из основных элементов существования.

Компьютерные и информационные системы в повседневной жизни человека приобрели специфически «человеческие» качества – непостоянство деятельности, независимость от «хозяина», избирательность и приоритетность выполняемых задач. При этом данные «покупки» часто совершаются самим прибором, а не его «владельцем». Специфичность возникающей ситуации состоит в том, что действия ее участников носят иррациональный характер, обусловленный предполагаемой вероятностью своего появления и воздействия. И если поступки человека изначально предполагают наличие эмоциональности, непредсказуемости или иррациональности, то такие же реакции электронных машин вызывают тревогу и опасения относительно безопасности людей.

Исследования в области психологии труда показывают, что проблема «резервирования» профессиональной деятельности операторов является одной из наиболее сложных и значимых для общества². Методологические изыскания Ю.Я. Голикова, Б.Ф. Ломова освещают различные теоретические и научно-практические подходы к анализу взаимоотношений между человеком и техникой: машиноцентрический, антропоцентрический и равнозначный³. Авторы указывают на важность и значимость роли человека и машины в эффективности профессиональной деятельности. Самой важной оказывается в их исследованиях направленность на «создателей», разработчиков технических систем, которые должны отвечать за последствия действий их «подопечных».

Современный человек уже давно связывает свою жизнь с «интуитивно понятными интерфейсами», компьютерной техникой и гаджетами, которые создают комфортные условия для его существования, при этом, активно «вмешиваясь» в его взаимоотношения с другими людьми. Он оказывается не только заинтересованным во взаимодействии с техническими системами, но и во многом зависимым от них. Такая зависимость приводит к тому, что компьютеры, смартфоны начинают играть особую социальную роль, где владелец приобретает второстепенное значение и характеристику.

Изучение специфики и особенностей информатизации сознания современной молодежи во многом определяется научными критериями, теоретическими и методологическими принципами,

¹ Солдатова Г.У., Рассказова Е.Н. Модели передачи опыта между поколениями при освоении и использовании Интернета // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 56–67.

² Голиков Ю.Я. Методология психологических проблем проектирования техники. М., 2003.

³ Голиков Ю.Я. Методология психологических проблем проектирования техники ; Ломов Б.Ф. Методологические проблемы в психологии. М., 1987.

которые сформировались прежде (в доинформационный исторический период). Однако специфичность поведения и жизнедеятельности молодых людей непосредственно связана с их совершенно другим («цифровым») пониманием и восприятием окружающего мира. В результате они устанавливают новые стратегии поведения и взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. При этом опыт поколений, родительские установки воспроизводят прежние стереотипы действий и поступков. Таким образом, у большинства молодых людей возникает внутриличностный конфликт, предопределяющий дезадаптивность личности. Процесс реабилитации, социальной адаптации молодых людей должен быть непосредственно связан с разработкой совершенно новых, нестандартных методов исследования их деятельности. В соответствии с данными установками ведущими становятся сформированные адаптивные и конструктивные навыки, способности современной молодежи.

Дедов Николай Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии. Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.

Dedov Nikolay Petrovich, candidate of psychological sciences, associate professor of applied psychology, Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.
vedun60@yandex.ru

УДК 316.6

Атрибуция ответственности за благополучие престарелых в обыденном сознании работающих взрослых

Т.В. Дробышева

Attributing responsibility for elders' wellbeing within mundane consciousness of working adults

T. V. Drobysheva

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 14-06-00434).

Аннотация. Статья посвящена проблеме атрибуции ответственности за благополучие престарелых людей в российском обществе. Отсутствие личностной атрибуции ответственности за качество жизни старшего поколения в обществе рассматривается как латентный эффект глобализации, связанный с ростом доли пожилого населения в мире и привыканием к сложившейся ситуации. В работе приводятся результаты эмпирического исследования социальных представлений о престарелых людях в обыденном сознании работающих взрослых. В исследовании принимали участие работники бюджетных организаций от 30 до 55 лет, отличающиеся невысоким уровнем дохода. Выявлены структура и содержание репрезентаций. Ядро социальных представлений о благополучии престарелых в обществе включает структурную атрибуцию ответственности. Респонденты переносят ответственность на власть, общество в целом и молодежь. Содержание периферийного компонента представлений свидетельствует о недооценивании работающими взрослыми проблемы стигматизации престарелых в обществе. В качестве причин низкого уровня благополучия стариков участники исследования указывают на невнимание государства. По их мнению, основная забота о благополучии престарелых людей лежит на родственниках и близких. Основу этой заботы должна составлять моральная (психологическая) поддержка. В представлениях респондентов, чтобы не бедствовать в старости, человек должен надеяться на себя.

Ключевые слова: атрибуция ответственности; благополучие престарелых; обыденное сознание; социальные представления; латентная социальная проблема.

Abstract. The article is dedicated to the problem of attributing responsibility for the aged people wellbeing in Russian society. Absence of personal responsibility attribution for life quality of older generation in society is seen as latent effect of globalization associated with growing share of aged population worldwide and with getting used to this situation. The work lists results of empiric research of social representations about elders within mundane consciousness of working adults. The research involved budget organizations staff aged 30-55 with low income (123 people). The structure and contents of representations were revealed. The core of social representations on elders' wellbeing in society included structural attribution of responsibility. Respondents transfer responsibility on authorities, society

in general, and youths. The representations' peripheral component contents highlight underestimating attitudes towards elders's stigmatization in society shared by working adults. The reasons behind seniors' low wellbeing as seen by research participants are state's negligence. In their opinion, basic care for the aged wellbeing is a responsibility for relatives and close people. The foundation of this care should lie in moral (psychologic) support. According to respondents' representations, a person should rely on him(her)self, for not being miserable in older age.

Key words: attributing responsibility; elders' wellbeing; mundane consciousness; social representations; latent social problem.

В настоящее время исследователи последствий глобализации не ограничиваются объективными индикаторами экономических, политических, социальных изменений в современном обществе. Обращая внимание на усиливающуюся связь между макро- и микроуровнем этих изменений, они акцентируют внимание на: роли гражданского общества как доминирующей форме социальной упорядоченности глобального социума¹; увеличении области приложения ответственности во всех сферах человеческой деятельности, возрастании доли индивидуальной ответственности в сравнении с коллективной формой ответственности² масштабных и глубинных изменениях общественного сознания и сознания личности³ и т.п. По мнению специалистов, усиливающиеся интеграционные процессы в мире неизбежно приводят, с одной стороны, к расширению свободы личности, ее независимости, инициативности, а с другой – к стремлению личности возложить на себя ответственность только за собственные действия, переложив ответственность за происходящие изменения в обществе на власть, государство, конкретные социальные группы⁴. В следствие этого возникает разрыв между готовностью быть причиной каких-то действий и готовностью отвечать за их последствия, между поступками и ответственностью⁵.

Атрибуция ответственности, в отличие от локуса контроля, относится не столько к собственным действиям человека, сколько к действиям других людей, оцениваемых им извне. Приписывание ответственности за исход разных событий каким-либо факторам осуществляется на основе механизма каузальной атрибуции. Хорошо известно, что характер приписывания зависит от позиции, которую занимает человек – непосредственный участник событий или наблюдатель, от степени его включенности в данную ситуацию, от субъективной значимости ситуации и т.п. Чем выше уровень значимости события, тем выше вероятность личностной, а не стимульной или обстоятельственной атрибуции. Непосредственное участие стимулирует человека видеть причину успеха в себе, а неуспеха – в обстоятельствах. К примеру, в исследовании К. Муздыбаева⁶ изучались типичные формы атрибуции ответственности за бедность в разных социальных группах («новые бедные», «традиционно бедные», «обеспеченные»). Автор обнаружил статистически значимые различия в атрибуции ответственности за экономическую недостаточность в выделенных группах в зависимости от их принадлежности к обеспеченным или малообеспеченным категориям людей. Так, по сравнению с обеспеченными людьми малоимущие были склонны возлагать вину за бедность на структурные факторы или объяснять экономическую недостаточность стечением обстоятельств, редко указывая на личностную атрибуцию. То есть тот, кто объективно является носителем признаков бедности, перекладывает ответственность на правительство, несостоятельность общества в решении социальных проблем, на коррупцию чиновников или сетует на судьбу, невезение и т.п. Обеспеченные же люди не идентифицировали себя с группой «бед-

¹ Черкашина Т.Ю. Индексы глобализации: индикаторы и логика построения // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 011. №33. С. 136–165.

² Султанова Л.И. Социальная ответственность в условиях глобализации (социально-философский анализ) : дис. ... канд. психол. наук. Уфа, 2010.

³ Акопов Г.В. Социально-психологические последствия и факторы современной глобализации // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 39–44.

⁴ Леонтьев Д.А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. Бирштонас; Вильнюс, 2005. С. 7–22 ; Султанова Л.И. Социальная ответственность в условиях глобализации (социально-философский анализ) ; Дементий Л.И. Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности : дис. ... д. психол. наук. М., 2005.

⁵ Леонтьев Д.А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем. С. 7–22.

⁶ Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. №1. С. 5–32.

ных». Как следствие, в качестве причин бедности они видели лень и пьянство, нежелание самих бедных что-либо изменить в своем положении.

Бедность, наркомания, женское пьянство, детская проституция, расовые конфликты – те социальные проблемы, которые могут выступать в качестве индикатора социальной глобализации наряду с культурной близостью, персональными контактами, информационными потоками. Нежелание общества нести ответственность за благополучие престарелых – социальная проблема латентного характера. Ее последствия могут привести к ослаблению межпоколенческих отношений, к изменению направленности инкультурации, к общему снижению уровня нравственности в обществе и т.п. Изучение данных проблем в рамках макросоциальной психологии представляется весьма актуальным по нескольким причинам. Первая из них определяется тезисом С. Московичи о социальной релевантности психологии, которую он отождествлял с ее активным участием в решении социальных проблем¹. Вторая связана с выполнением психологией мировоззренческой функции выработки и трансляции в массовое сознание общего образа общества и происходящего в нем². Наконец, третья причина кроется во взаимосвязи исследовательской и прикладной науки. По мнению П.Н. Шихирева, «необходимым условием высокой эффективности участия социальной психологии в решении социальных проблем является взаимодействие трех типов знания. Это знание академическое, или знание ученого; знание прикладное, или знание социального технолога, и знание массового участника, также непосредственно участвующего в преобразовании, для которого часто оно совершается»³. Решение проблемы снижения ответственности за благополучие стариков в обществе видится нами в том, что макросоциальная психология как академическая наука будет поставлять педагогической и психологической практике знания о состоянии массового сознания относительно факторов благополучия/ неблагополучия наиболее уязвимых групп современного общества – стариков.

Методологической основой эмпирического исследования явилась концепция С. Московичи, развиваемая в работах Ж.-К. Абрик, Д. Жодле, Т.П. Емельяновой, И.Б. Бовиной и др. «Социальные представления, с одной стороны, представляют собой процесс выработки социального объекта в процессе общественного дискурса, а с другой — ментальные продукты конструктивной работы, представляющие некоторую сеть идей, мыслей, образов, включающих разделяемые людьми знания»⁴. Будучи феноменами обыденного сознания, социальные репрезентации выполняют функцию адаптации личности и группы к изменяющимся социальным условиям, сохранения возможности взаимопонимания людей в периоды резких изменений (там же). Опираясь на вышеизложенное, мы сформулировали цель и задачи исследования.

Целью исследования явилось изучение атрибуции ответственности за благополучие престарелых людей в обществе в обыденном сознании работающих взрослых. Объектом исследования стала группа бюджетных работников. В качестве предмета исследования изучали атрибуцию ответственности за благополучие престарелых людей в содержании социальных представлений бюджетных работников. Предположили, что ядро социальных представлений будет включать элементы, указывающие на структурную атрибуцию ответственности в сознании респондентов. Факторами приписывания работниками ответственности за благополучие престарелых является их идентичность со старшими поколениями и психологическая дистанция, которую они выстраивают между собой и стариками. Чем короче дистанция, тем выше вероятность структурной атрибуции, чем больше дистанция, тем выше вероятность использования личностной атрибуции.

В исследовании принимали участие работники бюджетных организаций г. Москвы от 30 до 55 лет (123 чел.). Из них: 70% – женщины, остальные – мужчины. Все они работают в сферах образования, социального обслуживания и медицины. 62% из них состоят в официальном, 13% – в гражданском браке, остальные в браке не состоят. Опыт взаимодействия с престарелыми людьми определяли по следующим критериям: наличие/отсутствие престарелых родственников; совместное/раздельное проживание с ними. Выявлено, что 82% всех респондентов имеют престарелых родственников, но более половины из них (58%) проживают отдельно от них. Оценки объективного экономического статуса (среднемесячный доход на каждого члена семьи) показали, что 61% респондентов имеет среднемесячный доход ниже среднего прожиточного уровня (нормы по данным Росстата).

¹ Moscovici S. On social representation // Forgas, J. P. (ed.) Social Cognition: Perspectives on everyday life. London, 1981.

² Юревич А.В. Методология и социология психологии. М., 2010.

³ Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 371.

⁴ Емельянова Т.П., Зинина А.А. Уровни репрезентации престарелых людей в российском обществе // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 214.

На пилотажном этапе исследования были созданы фокус-группы с целью выявления суждений о положении престарелых людей в современном российском обществе. Полученные результаты обрабатывались с помощью тематического контент-анализа. В результате был составлен набор шкал для оценки структуры СП. Данный набор включал 24 утверждения, по отношению к которым нужно было по пятибалльной шкале Лайкерта выразить степень согласия. После этого структура СП определялась путем математического подсчета коэффициента позитивных ответов — ТСП (Taux categorique positif), предложенного Ж.-К. Абриком¹. Дополнительно применяли следующие методы и методики: анкетирование; модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева); методику диагностики ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой; методику «Поколенческая идентичность» (авт. Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева); «Шкалу эмпатии» А. Мехрабиана, Н. Эпштейна. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS.22. В работе применяли дескриптивную статистику, медианный, частотный анализ, критерий Спирмена (при $p < 0.05$). Контент-анализа использовался для обработки данных, полученных с помощью метода «Незаконченные предложения».

В связи с ограничением объема публикации ниже будут представлены только основные данные.

Расчёт данных по коэффициенту Ж.-К. Абрика позволил выявить и описать структуру социальных представлений (СП) о благополучии престарелых в обществе, конструируемых в обыденном сознании бюджетных работников. Результаты показали, что ядро СП включает 7 суждений, из них максимальную значимость имеет утверждение о том, что «ответственность за стариков должна воспитываться с детства» (табл. 1). При этом атрибутивные характеристики ответственности в обществе респонденты приписывают в первую очередь власти, затем обществу, семье и младшему поколению (табл. 1), что подтверждает гипотезу о преимущественно структурной атрибуции ответственности за положение стариков в обществе в обыденном сознании работающих взрослых. Кроме того, следует обратить внимание, что из семи элементов ядра два элемента затрагивают проблему межпоколенческих связей и два суждения указывают на ответственность семьи. Ответственность за стариков респонденты переносят с себя на более молодое поколение и семью. Данный факт можно объяснить композиционными характеристиками выборки, большая часть которой сотрудники образовательных учреждений, в чьи функциональные обязанности включена работа по воспитанию молодого поколения. При этом большинство из них состоят в браке и имеют престарелых родственников. Личностная атрибуция ответственности за престарелых людей в обществе представлена в периферийном компоненте социальных репрезентаций. Этот компонент СП включает два блока суждений. Первый, близкий к ядру, аккумулирует оценочные высказывания факторов неблагополучия престарелых (равнодушное общество, безответственность молодежи и социальных служб). Этот же компонент включает личностную атрибуцию ответственности за престарелых (должны сами отстаивать свои права; надо заблаговременно обеспечивать старость). Второй блок периферийного компонента (собственно периферия) включает суждения, указывающие на стигматизацию престарелых в обществе, их личностную атрибуцию ответственности за свое благополучие, фатализм («старикам отжили свое, они уже могут довольствоваться малым»; «тяжела жизнь – выжить бы самому»). Обнаруженный факт можно рассматривать как недооценивание степени угрозы благополучию стариков в стране. Принимая во внимание официальные данные о том, что еще в 1998 г. количество пенсионеров в развитых странах превысило численность детей, а к 2050 г. такое соотношение ожидает всю планету (<http://mkkprf.ru/news-view-12349.html>), следует отметить, что полученные нами результаты указывают на «привыкание» людей к информации о бедственном положении стариков, «стирании» остроты проблемы в общественном сознании.

Результаты контент-анализа данных, полученных с помощью методики «незавершенные предложения», позволили уточнить содержание выявленных СП о благополучии престарелых в обществе и атрибуции ответственности за них. Так, 76% респондентов, считают, что в первую очередь старые люди нуждаются в психологической поддержке близких и родственников («забота», «внимание», «любовь», «общение», «защита»).

¹ См.: Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. С. 243.

Таблица 1

**Содержание социальных представлений
о благополучии престарелых людей в обществе в группе работающих взрослых**

№ п/п	Суждения	Коэффициент позитивных ответов по Ж.-К.Абрику (%)
1	Ответственность за стариков должна воспитываться с детства	87
2	Власти должны обеспечить достойное качество жизни старикам	78
3	Цивилизованное общество должно поддерживать старых и слабых	73
4	Долг младших поколений – позаботиться о своих стариках	70
5	Престарелые люди часто не получают должную поддержку от государства	69
6	Долг семьи- обеспечить достойную старость своим близким	67
7	Моральные обязательства семьи перед стариками – основа основ	66
8	На практике общество, как правило, равнодушно к проблемам престарелых людей	35
9	Престарелые люди должны уметь отстаивать свои права	31
10	Социальные службы для стариков у нас оказывают им недостаточное внимание	29
11	Человек сам должен заблаговременно обеспечить свою старость	26
12	Молодёжь часто не старается задумываться о том, что нужно старому члену семьи	25
13	В общественных местах люди, как правило, равнодушны к трудностям стариков	23
14	Престарелые люди перестали приносить пользу для государства и теперь они, по существу, властям не нужны	22
15	Современные семейные устои мало ориентированы на заботу о стариках	18
16	Современное общество делает стариков маргиналами: у нас всё для молодых	16
17	Общество не должно перекладывать на власть заботу о стариках	13
18	Престарелые люди должны сами объединяться по интересам	12
19	Престарелые люди сами несут за себя ответственность	9
20	Старым людям много не надо	7
21	Жизнь тяжела – выжить бы самому	6
22	Каждый должен заботиться в первую очередь, о себе	5
23	Правильно, если старики не рассчитывают на чью- то помощь	4
24	Старики отжили своё, они уже могут довольствоваться малым	2

На последнее место, после социальной и государственной поддержки они поставили финансовую и материальную помощь. По их мнению, наше общество воспринимает стариков как ненужных людей: «обузу», «балласт», «отработанный материал», «помеху» и др. (68% респондентов). Только 13% участников исследования отметили, что современное общество рассматривает их как нужных, социально значимых людей. Интересно, что в представлениях респондентов престарелые люди должны посвящать свое время в первую очередь себе («хобби», «отдых», «путешествия», «общение со сверстниками» и т.п.) (78%), а затем, – близким (8%) и молодому поколению (4%). Данные результаты указывают на иждивенческую стратегию адаптации в обществе, которую участники исследования предлагают престарелым («общество должно создавать условия для благополучной жизни стариков, а сами старики ничего не должны обществу»). Иными словами, образ престарелых в обыденном сознании работающих взрослых соответствует сложившемуся в обществе стереотипу пассивного пожилого человека, нуждающегося в постоянном уходе и являющегося обузой для общества. Ответственность за благополучие престарелых респонденты переносят на государство (власть), что совпадает с ядерными элементами исследованных СП. Однако источником благополучия стариков респонденты считают их близких людей и семью, которые должны, в первую очередь психологически, поддерживать своих престарелых родственников. Скрытая форма привыкания к социальной проблеме (качество жизни стариков в

обществе) в сознании участников исследования проявляется в фаталистической атрибуции («чтобы не бедствовать в старости, члены нашего современного общества должны позаботиться об этом заранее, полагаясь, в основном, на свои собственные силы»).

Анализируя идентичность респондентов с людьми своего поколения, поколением родителей, дедушек/бабушек, обнаруживаем, что в большей степени общность интересов они разделяют со своим поколением (67% респондентов). Меньший процент участников исследования обнаружил общность интересов с поколением своих родителей (53%) и вторым предшествующим поколением (23%). Результаты корреляционного анализа (по критерию Спирмена) показали, что идентичность респондентов со своим поколением связана с коллективной памятью об исторических и других событиях своего поколения ($r=0.32$; $p=0.001$). Также их объединяет общность интересов, взглядов, мировоззрения в целом ($r=0.26$; $p=0.009$). Однако анализ значимости (ценности) своего и предшествующих поколений в обыденном сознании обнаружил наибольшую значимость в сознании респондентов представителей именно поколения дедушек и бабушек. Работники указывали, что они помнят об этом поколении, рассматривают их как образец для подражания, испытывают к ним чувство любви и близости, доверия. В их представлении старики выполняют функцию защиты в быстро изменяющихся социальных условиях.

Исследование психологической дистанции в группе бюджетных работников, которую они выстраивают между собой и престарелыми людьми, показало, что 50% всех респондентов отметили средний уровень близости («я бы мог провести с ним отпуск»), 39% участников исследования указали, что «готовы проводить свободное время с престарелыми». Всего 9% респондентов указали, что «могли бы пригласить старого человека в гости». При этом никто из работников не продемонстрировал тенденции к сближению или к стигматизации стариков (не родственников). Т.е. психологической готовности активно участвовать в жизни престарелых участники исследования не проявили. Корреляционный анализ между суждениями о благополучии престарелых в обществе в группах работающих взрослых и показателями психологической дистанции показал следующее. Обнаружена взаимосвязь между психологической дистанцией и фаталистическими причинами неудовлетворительного положения стариков в обществе: «жизнь тяжела, выжить бы самому» ($r=0.246$; $p=0.014$), («старика отжили своё, они уже могут довольствоваться малым» ($r=0.299$; $p=0.022$). То есть чем удаленнее дистанция, тем выше вероятность приписывания ответственности факторам, не связанным с государством, властью или какими-либо социальными группами. Нами не было обнаружено связи между значимостью старшего поколения в сознании респондентов и предпочитаемыми стилями атрибуции (структурная или личностная). Таким образом, одна из частных гипотез не подтвердилась.

Заключение. Резюмируя, следует отметить, что в целом образ престарелых в сознании работающих взрослых, точнее бюджетных работников, во многом стереотипизирован, т.к. соответствует распространенному в общественном дискурсе мнению о пассивной, иждивенческой позиции стариков. Люди, чье детство и юность пришлось на кризисные 90-е гг. прошлого века, переносят ответственность на государство, власть, общество, молодежь и семью стариков. Они придерживаются такой психологической дистанции, которая, с одной стороны, соответствует социальным нормам, с другой стороны, не обязывает их к конкретным действиям. Респонденты не воспринимают себя как субъектов ответственности за положение стариков в обществе. Содержание периферийного компонента СП в группе работающих взрослых включает суждения, указывающие на их «привыкание» к информации о бедственном положении стариков, «стирании» остроты проблемы в обыденном сознании. Все вышеизложенное косвенно указывает на латентные признаки эффектов глобализации. Решение социальной проблемы исследователями видится в поиске технологий ее преодоления. Возможно, в области таких прикладных наук, как психология образования, семейная психология и т.п.

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. Институт психологии РАН, лаборатория социальной и экономической психологии. Россия, Москва.

Drobysheva Tatiana Valerievna, candidate of psychological sciences, senior research associate, Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS. Russia, Moscow.
tdrobysheva@mail.ru

Коллективные чувства: феномен и понятие

Т.П. Емельянова

Collective sentiments: the phenomenon and the concept

T.P. Emelyanova

Работа выполнена по гранту РГНФ «Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных объектов» № 15-06-10394.

Аннотация: Показана необходимость и актуальность изучения коллективных чувств как устойчивых, разделяемых членами группы аффективных переживаний, связанных преимущественно с относительно стабильными экономическими, политическими, региональными условиями жизни людей. Понятие коллективных чувств сопоставляется с близкими социально-психологическими понятиями. Анализируются примеры исследований феномена коллективных чувств в отечественной науке. Намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коллективные чувства; социальные группы; обыденное сознание, глобализация; ментальность; социальные представления

Abstract: The article shows a necessity and urgency of studying the collective sense of how sustainable, shared by members of the group of affective experiences associated mainly with relatively stable economic, political, regional living conditions of people. The concept of collective feelings compared with similar socio-psychological concepts. Analyzed examples of studies of the phenomenon of collective feelings in domestic science. It is the prospect of further research.

Key words: collective sentiments; social groups; everyday consciousness, globalization; mentality; social representations

Обыденное коллективное сознание больших социальных групп в последние годы все чаще привлекает внимание отечественных социальных психологов. Предметом исследования становятся феномены массового сознания, коллективные эмоции, ментальность, коллективная память, социальные представления. Думается, объяснение возрастанию интереса к коллективному сознанию нужно искать в изменении социально-политических и экономических условий России в условиях глобализации. Знание о психической жизни больших групп людей стало актуальным, востребованным обществом и политической элитой. Коллективные чувства пока не получили «права гражданства» в перечне феноменов коллективного сознания. Между тем, это, безусловно, самостоятельное явление, отличающееся от более часто изучаемых аффективных явлений, имеющих социальную природу. Так, социальные эмоции традиционно атрибутируются малой группе, а коллективные эмоции – большим скоплениям людей, испытывающих схожие ситуативные эмоции, например, в условиях праздника или массовых мероприятий. Коллективные чувства – это устойчивые, разделяемые членами группы аффективные переживания, связанные преимущественно с относительно стабильными экономическими, политическими, региональными условиями жизни людей (например, чувства надежды, ответственности, стыда, страха, агрессии, недоумения, тревоги, удовлетворенности/неудовлетворенности, оптимизма/пессимизма и т.п.). Коллективные эмоции, социальные эмоции и коллективные чувства могут быть объединены одним общим понятием – «коллективные переживания».

Феномен коллективных чувств как устойчивых эмоциональных переживаний требует теоретической, методологической и методической разработки. Устойчивые эмоциональные переживания, кристаллизованные на социальных объектах и явлениях, изучались в рамках социальной психологии как обособленные феномены или как элементы в структуре более общих феноменов. Примером первого рода подходов может выступать межличностная аттракция, коллективные переживания или социальная идентичность. Вариантом второго рода трактовок является эмоционально-оценочный компонент аттитюда. Есть примеры подходов, в которых устойчивые коллективные переживания являются системообразующим элементом, как в феноменах «социального климата», «морального климата».

Коллективные чувства выполняют ряд важных функций в общественной жизни: они побуждают, стимулируют активность людей, обеспечивают мобилизацию или провоцируют демобилизацию поведения, выполняют функцию символической защиты от неблагоприятных воздействий, компенсируют материальные и моральные потери, участвуют в прогнозировании будуще-

го, создают базу для межгрупповых отношений и т.п. Отдельная проблема состоит в том, как осуществляется компенсаторная функция коллективных чувств в современных условиях российского общества. В социальном плане важными представляются проблемы рейтинга интенсивности чувств в разных социальных группах, преобладающая модальность чувств, «кристаллизация» чувств на определенных социальных объектах, динамика чувств и их зависимость от конъюнктуры социальных обстоятельств, в которых оказываются группы.

Корни исследования коллективных чувств уходят в классические работы французских социологов. Э. Дюркгейм в своем учении о социальных фактах важное место отводил эмоциональным явлениям, возникающим в обществе. В связи с анализом самоубийств он связывал такие коллективные эмоциональные состояния общества, как массовую агрессивность и апатию, с негативными процессами в экономике. В общественной жизни коллективные эмоциональные состояния, по Э. Дюркгейму, выполняют функцию «социального клея», который обеспечивает общественную солидарность. Г. Тард говорил о «социальной системе чувств», которые в его концепции социума занимают важное место, обеспечивая общественную стабильность. В рамках этой системы чувств одно и то же событие может вызывать различный эмоциональный отклик в разных группах общества. Внутреннее движение «социальной системы чувств» обеспечивает изменение и развитие общества. О коллективных переживаниях писал П. Сорокин в контексте рассуждений о противоборстве групп общества, антагонистически взаимодействующих друг с другом. В рамках социальной психологии К. Левин, создавая свою психологию групп, к наиболее важным динамическим характеристикам любой социально-психологической ситуации причислял «социальную атмосферу», «социальный климат». Сутью этих феноменов К. Левин считал чувства, доминирующие в социуме, в том числе, в больших социальных группах. В современной отечественной социальной психологии выделяют две содержательные составные части в структуре психической жизни больших социальных групп: психический склад и эмоциональную сферу. Е.В. Шорохова определяет четыре основных элемента общественной психологии, представленные когнитивной (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение, общественное сознание, менталитет), потребностно-мотивационной (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки, идеалы), аффективной (чувства, эмоции, настроения), регулятивно-волевой и деятельностной сферами. Таким образом, сфера коллективных чувств и эмоций представляется важной составной частью психической жизни больших социальных групп.

Нужно, однако, заметить, что именно в отечественной социальной психологии обращение к теории и методологии исследования психологии больших социальных групп в 70-80-х гг. было значительно более активным, чем в западной социальной психологии. Изучение общественных настроений, массового эмоционально заряженного политического сознания не только имело свою «нишу» в системе социально-психологического знания, но и задавало методологические ориентиры для изучения личности, общения и малой группы, правда, исключительно на базе классово-идеологии. Однако, несмотря на общее признание значимости эмоциональных компонентов общественной психологии, в практике социально-психологических исследований в настоящее время преобладает «точечный» подход: изучаются отдельные элементы коллективной эмоциональной жизни. Современные отечественные исследователи чаще всего обращаются к массовым настроениям, коллективным эмоциям, связанным с праздником, массовым переживаниям тревоги в связи с угрозами терактов, чувствам доверия и ответственности, к коллективным переживаниям¹, к анализу чувства оптимизма/пессимизма относительно будущего благосостояния своей социальной группы² и др.

В западной социальной психологии также отсутствует единый подход к феноменам коллективных эмоциональных переживаний. Социетальный вектор в западной социальной психологии с большим трудом пробивал себе путь. Достаточно сказать, что обобщающие коллективные монографии, раскрывающие макросоциальные подходы, сформировавшиеся в Западной Европе и принимающие в расчет эмоциональный фактор коллективной жизни, появились лишь в 90-х гг.³. Их авторы призывают активно пересматривать магистральную науку, используя, в частности,

¹ Ширков Ю.Э. Социальное переживание социальных проблем в общественном дискурсе // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 6 (ноябрь – декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Shirkov_The-Social-Feeling/

² Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 31, № 5. С. 25–41.

³ Societal Psychology. Ed. by H.T. Himmelweit, G. Gaskell. L., 1990; The psychology of the social / Ed by Uwe Flick. Cambridge, 1998.

такие подходы, как анализ социальных установлений, социальных представлений и социальной идентичности с их эмоциональными компонентами.

Следует заметить, что несмотря на психологическую природу феномена коллективных эмоциональных переживаний, он часто становится предметом не только социально-психологических, но политологических и социологических работ. Такой междисциплинарный интерес вполне объясним. Субъектом коллективных переживаний являются большие социальные группы, включенные в социально-экономические и общественно-политические движения, изучаемые политологией и социологией. В рамках политологии, в частности, М.Ю. Урновым разработана концепция «эмоциональной атмосферы общества»¹. Автор наметил основные векторы изучения эмоциональной стороны политического сознания: факторы и механизмы формирования эмоциональной атмосферы общества, ее ключевые компоненты и показатели оценки ее системных характеристик. Среди компонентов эмоциональной атмосферы общества вслед за К. Левиным и Ж. де Риверой М.Ю. Урнов выделяет интенсивность социальной идентичности, уровень тревог, страхов, оптимизм/пессимизм, уровень агрессивности, уверенность/неуверенность в себе и общую удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью. Основное внимание М.Ю. Урнов уделит анализу агрессивной составляющей эмоциональной атмосферы общества². В отечественной социологии с конца 1990-х гг. проводился мониторинг характера коллективных чувств населения. Многие исследования свидетельствуют о наличии страхов и тревог у жителей России. В 1997 г. опрос ВЦИОМ о тревогах населения показал, что их вызывают рост преступности и криминализация общества. В 1998 г. резко возросла доля респондентов, озабоченных безработицей и обнищанием. В 1999 г., основным источником тревог россиян были также угрозы обнищания, снижения жизненного уровня, массовой безработицы, добавился страх перед социальным хаосом, беспорядками, а также страх перед природными и экологическими катастрофами. В начале 2000-х гг. очень распространенным стал страх потери работы. По данным В.А. Аникина, такой страх в разной мере испытывает 55 % работающего населения. Как правило, этот страх связан с опасностью ухудшения материального положения. Типичным видом страха является и страх утраты здоровья, потеря которого может привести к снижению уровня и качества жизни, к хронической бедности³. По данным «Левада-Центра» за 2006 г., страх россиян вызывают также резкий рост жилищно-коммунальных платежей и проблемы, связанные с различными сферами социальной политики. В числе их депрессивность местных рынков труда, уровень образования и квалификации, плохое здоровье, наличие в семье иждивенцев и другие причины⁴. Помимо страхов, россияне испытывают и другие деструктивные чувства: чувство беспомощности (80%), ощущение несправедливости (90%), опасения относительно невозможности получить медицинскую помощь (29%); чувство отчаяния (17%) особенно часто фиксируется у пожилых людей и части населения с низким ресурсом образования, здоровья и условий жизни⁵. Характерно, что доля россиян, никогда не испытывавших ни одного из этих деструктивных чувств, составила всего 5 %. Исследования последних лет показывают, что растет чувство негодования по поводу нарушения принципа социальной справедливости и неравенства перед законом, а также чувство агрессии⁶. Страхи болезней, бедности и нищеты возглавляют рейтинг страхов россиян, затем следуют страх мировой войны и страх перед произволом властей⁷.

Анализ современного состояния исследований коллективных чувств у представителей разных групп общества показывает, что особое внимание авторы уделяют проблемным зонам общественной жизни и переживаниям, возникающим в отношении них. Значительно реже объектом исследований становятся позитивные чувства: по данным ВЦИОМ (2013 г.), чувство гордости у россиян вызывают история страны, достижения в спорте и классических видах искусства.

Исследования по тематике коллективных чувств ведутся автором совместно с коллегами в течение нескольких лет в ряде направлений. Так, автором разрабатывалась концепция социально-

¹ Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении. М., 2008.

² Урнов М.Ю. Эмоции в политическом поведении.

³ Горшков М.К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социс. 2006. № 12 (272). С. 3–8.

⁴ Власть в общественном мнении. Мониторинг Левада-Центра // Социс. 2006. № 8. С. 76–77.

⁵ Аникин В.А. Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социс. 2006. № 12 (272). С. 15–21.

⁶ Горшков М.К. и др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2013.

⁷ Левинсон А. «Наше "мы" едва ли не страшнее войны» // Ведомости. 11. 06. 2013. №101 (3363).

психологических составляющих культурной травмы¹. Под культурной травмой понимается состояние общества, претерпевшего быстрое, неожиданное и радикальное социальное изменение, которое посредством деструктивного толчка затрагивает ткань культуры. Мы предположили, что составляющими «ткани культуры» общества являются в том числе и социально-психологические феномены, которые включают коллективные чувства людей: чувство социальной идентичности, чувство социальной справедливости, чувство защищенности, оптимизм/пессимизм и др. Согласно нашему предположению, именно эмоциональная реакция коллективного субъекта, если иметь в виду его типичный, разделяемый членами сообщества аффективный ответ, будет первичной и повлечет за собой когнитивные, адаптивные и др. ответы. Основанием для такого предположения является известная в общей и социальной психологии логика взаимоотношения аффективной и когнитивной составляющих различных индивидуальных психических феноменов. Имеется в виду первичность аффективной составляющей, которая является более древней в структуре психики и предшествует когнитивной обработке информации по времени (например, в реакции на стресс, в актуализации аттитюда, в изменении элементов Я-концепции, в решении задач и др.).

Т.П. Емельянова и другие авторы исследовали социальные представления (СП) о гражданской ответственности как коллективном разделяемом чувстве². Изучалась проблема различий в СП о гражданской ответственности разных групп населения. С помощью методологии СП выявлены различия в содержании СП разных групп и основные типы этих СП. В исследовании приняли участие более 300 респондентов в возрасте от 25 до 45 лет, представителей четырех социальных групп: первая группа лица гражданских профессий, жителей Москвы; вторая аналогичная группа жителей Нефтеюганска; третья группа – сотрудники милиции из Нефтеюганска; четвертая группа – сотрудники милиции Москвы. Были выделены два основных типа СП о гражданской ответственности. Первый тип – «этатистский»: гражданская ответственность идентична гражданскому долгу личности перед государством. Второй тип – «либеральный», где личность представлена свободным субъектом, вступающим в диалог с государством. Содержание СП о гражданской ответственности в группе «либералов» отличалось статистически значимо от содержания СП группы «государственников». Из совокупности предложенных характеристик гражданской ответственности «либералы» значимо выше оценивали утверждения: «Отстаивание свободы слова и собраний»; «Активность в отстаивании гражданских прав и свобод» и «Участие в акциях в поддержку гражданских свобод». Значимо ниже, чем группа «государственников», они оценивали важность «исполнительности и трудолюбия» и «помощи властям в поддержании порядка» как характеристик гражданской ответственности. Респонденты, принадлежащие к первому типу СП, значимо отличались меньшей «доброжелательностью» и «открытостью внешнему опыту», низкой степенью готовности участвовать в работе общественных организаций. Носители второго типа представления более «доброжелательны», «открыты внешнему опыту», более критично оценивают уровень развития гражданской свободы в нашем обществе, выступают за активное участие граждан в работе общественных организаций. Оценочные компоненты СП были положительными во всей выборке, преобладали следующие определения гражданской ответственности: «полезная», «активная». Значимых различий между региональными частями выборки не обнаружено.

Коллективные чувства оптимизма/пессимизма по отношению к будущему благосостоянию изучались Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой. В качестве источников эмоциональных переживаний в группах респондентов, которым свойственны оптимистичные и пессимистичные чувства, выделялись разные макроэкономические явления: при прогнозировании экономического будущего «пессимисты» принимают во внимание более широкий спектр макроэкономических факторов. Хотя содержание ядерного компонента социальных представлений о благосостоянии в группах «пессимистов» и «оптимистов» значимо не различается, оно по-разному связано со способами улучшения экономического благосостояния своей социальной группы. Так, уверенность «оптимистов» в завтрашнем дне определяется их верой в собственные силы, тогда как для «пес-

¹ Емельянова Т.П. Социальные представления и символический коупинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2009. С. 85–136.

² Емельянова Т.П., Дорофеев Е.Д., Шустова А.В. Представления о гражданской ответственности в разных группах российского общества // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII, вып. 4 (59–60). С. 367–373.

симистов» основным гарантом уверенности в завтрашнем дне является социальная защита со стороны государства¹.

В этом же исследовании была обнаружена связь образа экономического будущего у россиян с характеристиками их социальной идентичности. В частности, отдаленность принимаемых во внимание событий будущего России прямо связана с ориентацией на «людей моего достатка» и «людей моей профессии». То есть трудовая деятельность и в широком смысле – экономическая активность – расширяют социальный контекст будущего, заставляют учитывать макросоциальные и макроэкономические факторы при прогнозировании своей жизни и жизни своей группы. Кроме того, чем более позитивно респонденты оценивают свою принадлежность к гражданам России, тем больше респонденты идентифицируют себя с будущим страны, считают его зависящими от своих личных усилий и более оптимистично оценивают будущее экономическое благосостояние России. Позитивная оценка своей группы переносится членами группы на коллективное будущее: чем сильнее идентификация с россиянами, тем менее значимыми оказываются такие ключевые экономические тревоги, как снижение темпов экономического развития и рост безработицы. По-видимому, сильная идентификация с группой способна блокировать реалистичную оценку экономических рисков, повышает подверженность эффектам сверхоптимизма. Вместе с тем, можно предположить, что сильное чувство гражданской идентичности повышает оптимизм в отношении будущего и тем самым способно стимулировать экономическую активность – предпринимательство и потребление.

Предметом того же исследования стало также коллективно разделяемое людьми чувство тревоги, вызванное макроэкономическими факторами. Наиболее распространенными тревогами по поводу будущего России являются ожидания застоя во всех сферах жизни; революции и распада России как единого государства; политические репрессии и дальнейший рост коррупции в стране; экономические трудности, в том числе экономический кризис, падение цен на нефть, рост разрыва в доходах, обнищание населения и т.п., а также возможность войны с другими странами, в том числе с использованием оружия массового поражения. Наиболее значимыми экономическими тревогами оказались рост цен, безработица, а также замораживание заработных плат и снижение темпов экономического роста. Среди надежд, связываемых с будущим страны, наибольший вес получили социально-экономические ожидания. Коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, играют разные социально-психологические функции. Тревоги включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более консервативны и прагматичны. Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности.

Перспективным для будущих исследований видится поиск механизмов, функций и факторов возникновения и участия коллективных чувств в построении жизненных стратегий людьми, в планировании будущего, в формировании межгрупповых отношений и т.п. Кроме того, встает вопрос о взаимодействии когнитивных и аффективных феноменов коллективного сознания. Немаловажна и проблема «сосуществования» негативных и позитивных чувств в коллективных переживаниях. На общем позитивном фоне жизни социальной группы с преобладанием положительных чувств непременно возникают «ложки дегтя» в виде чувств сомнения, недоверия, нестабильности ситуации. И, напротив, на общем негативном фоне существования группы не могут не рождаться, возможно, благодаря компенсаторным механизмам, чувства надежды или смирения, веры в будущее, которые позволяет людям сохранять общий продуктивный для жизни настрой.

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт психологии РАН. Россия, Москва.

Emelyanova Tat'iana Petrovna, doctor of psychological sciences, professor . Leading Research Associate. Russian Academy of Sciences Institute of Psychology. Russia, Moscow.

t_emelyanova@inbox.ru

¹ Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 31, № 5. С. 25–41.

**Этнопсихологические особенности добрачных установок
старшеклассниц и студенток в поликультурной среде**

В.В. Ильченко, В.Л. Ситников

**Ethnopsychological features of premarital installations
of senior pupils and students in the polycultural environment**

V.V. Ilchenko, V.L. Sitnikov

Аннотация. В статье рассматриваются этнопсихологические особенности добрачных сексуальных установок осетинских и русских девушек, проживающих во Владикавказе. Описаны достоверные различия между девушками двух изучаемых этнических групп в представлениях о мотивах и оптимальном возрасте начала половой жизни, об отношении к добрачной половой активности, об этнопсихологических особенностях полового поведения.

Ключевые слова: этнические особенности, добрачные половые установки, половое поведение, индивидуально-психологические особенности девушек, информированность о сексуальных отношениях.

Abstract. In article ethnopsychological features of premarital sexual installations of the Ossetian and Russian girls living in Vladikavkaz are considered. Reliable distinctions between girls of two studied ethnic groups in ideas of motives and optimum age of the beginning of sexual life, of the relation to premarital sexual activity, of ethnopsychological features of sexual behavior.

Key words: ethnic features, premarital sexual installations, sexual behavior, individual and psychological features of girls, knowledge of the sexual relations.

В настоящее время, в период серьезного кризиса нравственных ценностей, усиления общемировой тенденции к обострению этнокультурных противоречий, ухудшения демографической ситуации в России, одной из актуальных проблем является исследование особенностей психосексуального развития и добрачных половых установок девушек различных национальностей, проживающих в поликультурной среде. Знание и учёт возрастных и этнических факторов, влияющих на психосексуальное развитие, имеет большое значение для межэтнического взаимодействия, для понимания проблем в области семейно-брачной сферы, а также дополняет представление об особенностях полового поведения, установках представителей различных национальностей, проживающих в одном регионе.

Анализ научной литературы показывает наличие разнообразных исследовательских подходов к проблеме сексуального развития и полового поведения¹. В то же время отечественные психологические исследования, посвященные условиям и факторам сексуального развития личности, до сих пор остаются фрагментарными, касаясь в основном области психопатологии или патофизиологии. Крайне слабо исследованы национальные особенности добрачных установок юношей и девушек нашей страны.

Знание и учёт этнических факторов, влияющих на формирование интимно-личностных установок и сексуального поведения, имеет большое значение для межэтнического взаимодействия, для понимания проблем в области семейно-брачной сферы, практики полового воспитания того или иного этноса. В связи с этим нам представляется перспективным изучение особенностей добрачных половых установок молодежи, проживающей в одном регионе, но относящейся к различным этническим группам. Особое значение имеет изучение добрачных установок девушек, поскольку именно в их отношении сформировались наиболее существенные различия между представителями разных национальностей. С этой целью нами было проведено исследование, выборку которого составили учащиеся старших классов и студентки Владикавказа. В первую группу вошли 410 девушек осетинской национальности, а во вторую – 123 представительницы русской национальности в возрасте 15–19 лет, проживающие в Республике Северная Осетия – Алания. Общий объём выборки – 533 человека.

В процессе исследования был проведен анонимный опрос с использованием авторской анкеты, направленной на выявление добрачных сексуальных установок, полового поведения и источников

¹ Лосева О.К., Кравец Т.А. Медицинские социологические исследования подросткового сексуального поведения за период с 1989 по 2000 год // Вестник дерматологии и венерологии. 2001. №5. С. 34–36 ; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

информации по вопросам пола¹. Для выявления индивидуально-психологических свойств девушек использовались следующие методики: «Патохарактерологический диагностический опросник А.Е. Личко», «Опросник определения уровня невротизации и психопатизации», «Методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлор», «Фрайбургский личностный опросник» (форма «В»).

Математическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью стандартных методов статистики с использованием компьютерных программ для статистической обработки данных «SPSS 13.0» и Excel. Для оценки межгрупповых различий применялся U-критерий Манна – Уитни.

В результате анализа полученных данных выявилось сходство и различие добрачных установок осетинских и русских девушек. Большинство девушек независимо от этнической принадлежности основным мотивом начала половой жизни назвали любовь. Значительная часть респонденток, независимо от национальности, считала возможным вступление в интимные отношения из любопытства или физической потребности. Выявлены достоверные различия по параметру «оптимальный возраст начала половой жизни» между девушками двух изучаемых этнических групп. Среди русских респонденток больше тех, кто допускали возможность сексуального дебюта с 18 лет, а среди осетинских – не раньше 20 лет ($p < 0,05$). При этом, большинство осетинских испытуемых имели достаточно чёткую позицию по этому поводу, в то время как у русских респонденток наблюдался широкий разброс мнений. Все обследованные девушки, независимо от этнической принадлежности, считали невозможным вступление в интимные отношения до 15 лет.

Установлены достоверные различия по параметру «отношение к добрачной половой активности» между девушками двух этнических групп. Большинство осетинских девушек отметили, что добрачные половые отношения недопустимы ($p < 0,001$), в то время как русские респондентки придерживались противоположного мнения ($p < 0,01$). При этом большинство осетинских девушек считает, что вступление в сексуальные отношения до брака может оказать отрицательное влияние на будущую семейно-брачную жизнь ($p < 0,001$), а русские респондентки нередко указывали на позитивное значение подобного опыта ($p < 0,001$). Если построить континуум соотношения «оправдывания» и «осуждения» юридически незакрепленных сексуальных отношений, то у осетинских девушек оценка «осуждаю» преобладает над «оправдываю», в то время как у русских оценки распределились достаточно равномерно. При этом более трети респонденток имели амбивалентное мнение на этот счёт.

Для многих осетинских девушек сохранение целомудрия до брака является нормой, в то время как для русских это не является столь жёстким требованием. В этом проявляются этнопсихологические различия, обусловленные особенностями семейного и национального воспитания. Доминирование патриархального типа семьи, традиционных способов воспитания детей, культивирование этнической идентичности у осетин способствуют сохранению и воспроизводству традиционных стереотипов гендерных и сексуальных ролей у осетинских девушек.

Русские девушки, проживающие в РСО – Алания, являются носителями более либеральных установок по сравнению с осетинскими девушками. Распространённость современного типа семьи у русских, достаточно либеральное воспитание по сравнению с осетинами способствуют большей гибкости, изменчивости и вариативности их установок. Однако в полиэтнической среде ребенок подвергается также влиянию взрослых, принадлежащих к чужой культуре, т.е. включается в процесс аккультурации². Синтез русской и осетинской культур оказывает влияние на формирование установок у русских девушек, делая их более консервативными по сравнению с русскими, проживающими в некоторых других регионах³. Этому способствует и численное превосходство представителей титульного (осетинского) этноса в регионе.

¹ Ильченко В.В. Этнические особенности психосексуального развития девушек в поликультурной среде (на примере Республики Северная Осетия – Алания) : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

³ Голод С.И. Что было пороками, стало нравами : лекции по социологии сексуальности. М., 2005 ; Добряков И.В., Ильченко В.В. Особенности психосексуального развития и полового поведения девочек старшего подросткового возраста с различным темпом полового созревания // Вопросы психического здоровья детей и подростков (научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин). 2005. Т. 5, №2. С. 28–36 ; Ивченкова Н.П., Ефимова А.В., Аккузина О.П. Установки по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. 2001. №3. С. 49–57 ; Евдокимова Е.А., Ситников В.Л., Бондаренко Л.А. Особенности образа проститутки у несовершеннолетних девушек // Ученые записки ЗабГУ. 2014. № 5 (58). С. 91–98 ; Ивченкова Н.П., Ефимова А.В., Аккузина О.П. Установки по от-

Добрачные установки девушек различной национальности сказываются и на этнических особенностях полового поведения. Проведённое нами исследование показало, что осетинские девушки проявляли значительно большую пассивность в половом поведении (свиданиях, поцелуях, половой жизни и т.п.) по сравнению с русскими респондентками ($p \leq 0,01$). Таким образом, осетинские респондентки являются носителями консервативных добрачных установок и отличаются большей пассивностью в добрачном половом поведении по сравнению с русскими девушками.

Проведенное исследование позволило установить, что независимо от этнической принадлежности респондентки, оценившие свой уровень информированности по вопросам пола как недостаточный, отличались большей консервативностью добрачных сексуальных установках ($p \leq 0,001$), пассивностью в гетеросексуальном поведении ($p \leq 0,01$) по сравнению с хорошо информированными респондентками.

Анализ индивидуально-психологических особенностей девушек свидетельствует о том, что существуют достоверные различия по показателям «личностная тревожность» и «невротизация» между девушками с различным уровнем информированности по вопросам пола. Независимо от этнической принадлежности, респондентки, оценившие свой уровень информированности как недостаточный, отличались более высоким уровнем тревожности ($p \leq 0,001$) и невротизации ($p \leq 0,001$) по сравнению с хорошо информированными девушками. Таким образом, недостаток информации о вопросах половой жизни связан с высокой невротичностью девочек. Эти данные подтверждают мнение И.В. Магнутовой о том, что информирование девочек о вопросах сексуальных отношений значительно улучшает состояние подростков, снижая их невротизацию¹.

Независимо от этнической принадлежности, хорошо информированные респондентки, являлись эмансипированными, обладали гипертимными или лабильными чертами характера, более высоким уровнем спонтанной агрессивности. В то же время среди недостаточно информированных девушек в структуре их личности отмечались сенситивные черты, преобладала маскулинность в системе личностных отношений. На наш взгляд, своевременная информированность девушки по интимным вопросам способствует позитивному и спокойному отношению к половому созреванию, проявлению активности в гетеросексуальном поведении, развитию адекватных возрасту добрачных установок, снижению тревожности и невротизации.

Актуальность проведения подобных исследований в различных регионах Российской Федерации очевидна. Осмысление их результатов позволит разработать программы по половому воспитанию в школах и вузах, учитывающие этническую и региональную специфику, позволяющую предупредить отклонения в половом поведении, грамотно разрешать имеющиеся проблемы.

Ильченко Виктория Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета психологии и социологии, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. Россия, Владикавказ.

Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Ватутина, 46. Телефон: 8 (8672) 539824.

Pchenko Victoria Vladimirovna, candidate of psychological sciences, associate professor of psychology of faculty of psychology and sociology, North Ossetian state university of name K.L. Khetagurova. Russia, Vladikavkaz.

Russia, Republic Northern Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutin St., 46.
priem@nosu.ru

Ситников Валерий Леонидович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии и социологии, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I. Россия, Санкт-Петербург.

Sitnikov Valery Leonidovich, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of applied psychology and sociology, Petersburg state university of means of communication of the Emperor Alexander I. Russia, Petersburg.

190031, St. Petersburg, Moskovsky Ave. of 9.
pochta@pgups.edu

ношению к началу половой жизни. С. 49–57 ; Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: Социально-педагогический анализ. Дубна, 2001.

¹ Магнутова И.Ю. Адресность полового воспитания девочек-подростков на консультативном приёме врача-сексолога // Клиническая сексология : сб. науч. тр., посв. юбилею кафедры сексологии Санкт-Петербургской мед. академии последипломного образования. СПб., 1999. С. 45–47.

**Переходный процесс в социодинамике культуры:
от трансформации к адаптации**

В.И. Ионесов

**Transitional process in social dynamics of culture:
from transformation to adaptation**

V.I. Ionesov

Аннотация. Переходный процесс проецирует различные культурные ситуации, в которых не только раскрываются адаптивные возможности социума, но и определяются сценарии жизнеспособности и будущего развития культуры. В этом процессе простое и сложное, мелкое и крупное, локальное и глобальное взаимно обуславливают друг друга, формируют структуральный контекст эпохальных сдвигов. Выясняется, что, несмотря на доминирующую в трансформационном процессе изменчивость, у переходной культуры есть свои онтологические свойства, функциональные особенности и внутренняя логика, задающие смыслы и значения смены жизненных циклов культуры.

Ключевые слова: переходный процесс, трансформация культуры, структурные сдвиги, адаптация, жизнеспособность.

Abstract. Transitional process arouses different cultural situations in which not only reveals the adaptive capacity of society, but the often scripts of viability and future development of culture is determined. In this process simple and complex, small and large, local and global are mutually cause each other, form the structural context of epochal changes. It turns out that, despite dominating variability in the transformation process, transition culture has special structural characteristics, features and the internal logic of defining the meanings and significances of the shift of vital cycles of culture.

Key words: transition process, transformation of culture, structural changes, adaptation, viability.

Порядок и направленность трансформационных сдвигов в культуре обусловлены определёнными параметрами организации / дезорганизации структуральных связей и отношений как внутри системы, так и вокруг неё. Во время перехода всё приходит в движение, и актуализируются даже самые мелкие элементы системы. Трансформация культуры – это своего рода «фабрика» по переработке и утилизации (опредмечиванию) реальности¹. Когда опредмеченной реальности в трансформационном процессе не хватает, культуре угрожает хаос и саморазрушение (декультурация). Декультурация приводит к разрушению структур и форм взаимодействия (культурного взаимопротяжения) элементов системы. Культурное поле истощается, и система теряет устойчивость. В этом случае культура находится в состоянии так называемой «слабой гравитационной активности» и потому беззащитна перед вторжением инноваций и натиском внешней среды. Структурная организация системы слишком фрагментарна и неустойчива, и потому недостаточна для укрощения хаоса и поддержания жизнеспособности культуры.

Наиболее вероятным исходом декультурации является распад и саморазрушение структурно дефицитной культуры, либо её поглощение другой, более организованной и институционально устойчивой, культурой. Но в том случае, когда укрощённой реальности в избытке, и трансформационные возможности культуры не вмещают перерабатываемый ей материал, появляется опасность структурального ужесточения и, как следствие, экспансия социального диктата и культурального насилия.

Трансформационный процесс – наиболее активный и трудно прогнозируемый участок культурного развития системы². На этапе трансформации в процесс культурной реорганизации вовлекаются все компоненты системы. Большой трансформационный процесс порождает сильное *гравитационное поле* и втягивает в себя все соседствующие с ним объекты. Так, распад СССР повлёк за собой и распад всех союзных республик. Напротив, если в трансформационном

¹ Ионесов, В.И. Культура на переходе: императивы трансформации и возможности развития : монография. Самара, 2011. С. 16.

² Ионесов В.И. Динамика трансформации культуры в переходном процессе // Креативная экономика и социальные инновации : международ. науч. информ.-аналитический сетевой журнал. Вып.4, №1 (6). 2014.С. 6–16. BRL: www.cesi-journal.com

процессе недостаёт реальности для переработки культуры и образуются всё более расширяющиеся структурные пустоты, то так называемое *гравитационное поле* культурной системы слабеет и системе угрожает структурное размывание и постепенное исчезновение.

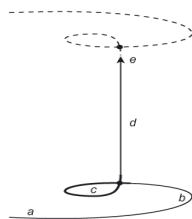
Трансформация – это не только продукт внутренних изменений, но и внешних. Причём в глобализированном мире влияние внешних и инвайронментальных факторов становится всё более значимым. Существует мнение, что современные культуры даже «больше подвержены воздействию и модификации не со стороны самой культуры, но со стороны культурной среды (контекста), в которой культуры существуют»¹.

Таким образом, трансформационный процесс следует рассматривать как сложный и предельно подвижный комплекс взаимоотношений. Культура на переходе предстаёт не только чрезвычайно подвижным и часто неопознанным объектом, но и мощным ретранслятором культурных значений (нарративов). То, что в стационарном состоянии скрывалось за пеленой культурных форм и порядка, вдруг сбрасывает с себя одеяния, выходит на большую арену истории и начинает вещать во весь голос, раскрывая свои корневые значения и онтологические смыслы.

Культура никогда не бывает такой «разговорчивой», как в ситуации перехода. Переход побуждает культуру к откровению. Подслушать этот разговор, значит понять, то, что с культурой происходит, откуда и куда она движется. Трудно найти в культуре более ёмкий и насыщенный ресурс информации, нежели тот, что образуется и залегает в полосе её трансформации. Вот почему так важно понять сущность и особенности социодинамики переходной культуры и её основные конститuenty.

Культура на переходе представляет собой специфическую систему, обеспечивающую и поддерживающую возможности адаптации и выживания социума в ситуации структуральной ломки и дезинтеграции. У переходной культуры как трансформационной системы есть своя морфология и функциональная спецификация, позволяющие осуществлять смену положений сущности в транзитивном движении системы. Представляется важным выделить в морфологии перехода несколько конститuentов, в числе которых: а) *конкрет перехода*, б) *контент перехода*, в) *модус перехода*, г) *траектория перехода*, д) *тренд (вектор) перехода*, е) *точка бифуркации* (рис.1).

"а" – конкрет перехода
 "б" – контент перехода
 "с" – модус перехода
 "д" – траектория перехода
 "е" – тренд (вектор) перехода
 "•" – точка бифуркации

Морфология перехода

Рис.1. Переход как связующее бытие культуры

Конкрет перехода – это собственно сама переходная сущность, то, что меняется, и то, что, одновременно, выражает себя конкретной формой и онтологическим присутствием. *Контент перехода* – это содержание переходного процесса, то, что выражает и поддерживает внутренние возможности транзитации системы. *Модус перехода* определяет способ осуществления смены положений сущности в транзитивном движении культуры. *Траектория перехода* – это путь и дистанция переходного процесса, фиксирующая фазы, стадии и периоды в трансформационном движении системы. *Тренд (вектор) перехода* выражает направленность переходного процесса и задаёт ему определённую последовательность в смене основных положений культурной системы. *Точка бифуркации* – это своего рода кульминация или высшая / низшая точка перехода, в которой культура освобождается от структурной зависимости и потому пребывает в состоянии «куль-

¹ Švob-Đokic, N. Cultural Contexts in Transition Processes // Cultural Transitions in Southeastern Europe. Edited by Nada Švob-Đokic. Culturelink / IMO. Zagreb, 2004. P.7–18.

турной невесомости». В точке бифуркации культура как бы провисает в неопределенности – уже нет тяги (падения), но ещё нет и стремления (подъёма).

В культурной реальности перехода актуализируются пространственно-временные параметры трансформирующейся системы. В ситуации, когда культура испытывает структуральную дефицитность, именно пространство и время выступают главными архитекторами транзитивного движения. В каждом переходе есть то, что переходит (наличествует), и то, к чему переходит (предрасположенность). Первое выступает в онтологическом ряду смены положений сущего как возможность, второе – как необходимость, императив. В пространственно-временном измерении, возможность онтологически привязана к прошлому (то, что накоплено, уже достигнуто), тогда как необходимость ориентирована в будущее (то, чего ещё нет, что нужно достигнуть, добыть, привнести).

Тем самым, у перехода практически нет настоящего, оно в состоянии переходности настолько быстротечно и бесформенно, что перестаёт быть сколько-нибудь значимой опорой для культуры. В этом состоит культурная драма переходности. Настоящее на переходе, в конечном счете, сжимается в точку бифуркации. Вместе с тем, именно настоящее есть своего рода защитный слой культуры, который продуктивно сдерживает противостояние прошлого и будущего. Без настоящего прошлому и будущему не на что опереться – они теряют свои границы и сталкиваются между собой в непримиримой схватке. Время перехода – это прежде всего взаимопроникновение прошлого и будущего. В этом состоит не только драматизм переходной культуры, но также императивы и возможности её возрождения, нового развития.

По сути, на переходе будущее прирастает прошлым, прошлое прирастает будущим. Эта амбивалентность переходного времени становится для быстро меняющейся культуры важным инструментом адаптации и самоорганизации. Идеи прошлого и будущего выступают друг для друга императивами самоутверждения в переходной культуре. На переходе «идея будущего ... это идея совсем другого рода, – пишет Э. Кассирер. – Это не просто ожидания, экспектации, это императив человеческой жизни ... Это символическое будущее человека, которое соответствует его символическому прошлому и находится в строгой соотнесенности с ним. Мы можем назвать его “пророческим” будущим»¹.

Переход можно рассматривать и как путь от предвосхищения к актуализации сущего. Прошлое – это уже-не-бытие. Настоящее – наличное бытие. Будущее – ещё-не-бытие. Х. Плеснер характеризует переход как единство возможного и невозможного. «Несущие в себе условия перехода к бытию предвосхищают в своем становлении нечто, обеспечивающее его единство»². Река культуры вытекает из двух слагаемых истоков: невозможности (неудовлетворенности) и возможности (потенциальной предрасположенности). В ситуации перехода эти два источника сливаются в одном мощном потоке бурлящего водоворота, взаимно образуя полноводную резервуацию смыслообразов. Возможность и невозможность (недостающее) выступают на переходе как сущее и онтологически единое.

Как замечает Х. Плеснер, «сущая возможность, реальная потенция в любом случае *есть*, то есть пребывает в модусе “теперь”. Отношение к модусу “теперь” является исполненным. Возможность означает способность мочь, то есть находится в модусе “еще-не”»³. Переход предстаёт как связующее бытие – момент развертывания настоящего между прошлым и будущим.

Таким образом, переход выражает себя в избыточности настоящего, но одновременно и в дефицитности прошлого и будущего. Экспансия настоящего, поглощающая условия своего существования – прошлое и будущее, в конечном счете, оборачивается жестоким и неизбежным распадом настоящего, его разливанием, растеканием, стиранием границ, *о-без-граничиванием* и вторжением в настоящее его оппозиционированной сущности – вневременности. Однако именно благодаря бинарной оппозициональности культура удерживает себя от структурального распада и актуализирует свою адаптивную способность к трансформации и переходу.

Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры. Самарский государственный институт культуры. Россия, Самара.

Ionesov Vladimir Ivanovich, professor, doctor of Culturology, Head, Department of Theory and History of Culture, Samara State Institute of Culture. Russia, Samara.
ionesov@mail.ru

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 504.

² Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М., 2004. С. 164.

³ Там же. С. 164.

О магической направленности сознания

Л.В. Куликов, А.А. Таканов

On the magical direction of consciousness

L. V. Kulikov, A. A. Takanov

Аннотация. Обсуждаются результаты анкетного опроса магической направленности сознания и факторы, усиливающие склонность видеть действие магических сил. Рассмотрены глобальные риски современности, характерные для многих стран мира, которые приводят к постоянному переживанию тревоги и страха, действуют угнетающе на общественное сознание и настроение людей.

Ключевые слова: сознание; магия; вера; психологическая устойчивость; страх; тревога; иррациональные суждения.

Abstract. The results of the questionnaire magical orientation of consciousness and factors that increase the tendency to see the effect of magical powers. We consider global risks modernity characteristic of many countries, which lead to a permanent experience anxiety and fear are depressing public consciousness and the mood of people: increased feelings of fear, stress, and others.

Key words: consciousness; magic; faith; psychological stability; fear; anxiety; irrational judgments.

ГРНТИ 15.21.31 + 15.41.21.

Бурное развитие информационных технологий, стремительное расширение Интернета привело к тому, что научные знания стали доступны широким массам. Однако количество людей, интересующихся загадочным и мистическим, а также тех, кто готов им предложить свои «магические услуги», не становится меньше. По данным Института социологии РАН за 2013 год, в России за помощью к гадалкам, экстрасенсам и магам обращаются 67% женщин и 4% мужчин¹. «Интерфакс», со ссылкой на главного кардиолога Москвы Юрия Бузиашвили, сообщал (20.03.2013), что россияне ежегодно тратят на колдунов и экстрасенсов около 30 миллиардов долларов². По разным данным, в нашей стране официально предлагают свои магические и экстрасенсорные услуги несколько сотен тысяч человек. Размер ущерба для душевного равновесия, психологического благополучия, психического здоровья нации, наносимый пандемией оккультизма в России, до сих пор не оценен. Возможно, это не только потому что нет адекватных методов для оценки, но и потому что он чрезвычайно велик. Содержание деятельности многочисленных представителей альтернативной психологии и психотерапии, как и сама эта сфера в целом, методы деятельности в ней очень редко оказываются в фокусе внимания ученых. В частности, анализ материалов двух весьма представительных научных конференций, на которых обсуждался широкий круг вопросов психологии сознания (Самара 2007 и 2011 гг.), показывает, что интереса специалистов к этой проблематике практически нет³. Какими могут быть пути определения природы магического сознания?

К одной из основных особенностей потока сознания Уильям Джемс относил то, что «сознание всегда бывает более заинтересовано в одной стороне объекта мысли, чем в другой, производя во все время процесса мышления известный выбор между его элементами, отвергая одни из них и предпочитая другие»⁴. Определенная сторона объекта мысли, о которой пишет У. Джемс, иногда может быть случайной, но часто она обусловлена доминирующими интересами, установками или мотивами, их иерархией. В организации личности как целостности действует иерархический принцип. Потребности, мотивы, цели, смыслы не только координированы, но и субординированы. Такое представление прочно утвердилось в отечественной психологии. Иерархичность строения присуща и сознанию, без этого качества оно не могло бы выполнять функцию интегратора психической (внутренней) и внешней (поведение и деятельность) активности.

¹ <http://lenta.ru/news/2013/03/20/extrasense> (дата обращения: 05.05.2015).

² Там же.

³ Психология сознания: современное состояние и перспективы : мат-лы I всерос. конф. 29 июня – 1 июля 2007 г., Самара. Самара, 2007 ; Психология сознания: современное состояние и перспективы : мат-лы II всерос. науч. конф. 29 сентября – 1 октября 2011 г. Самара, 2011.

⁴ Джемс У. Психология. М., 1991. С. 75.

Магическая направленность сознания проявляется в том, что, и в картине мира, и в образе отдельной жизненной ситуации индивид с такого рода направленностью сознания допускает и ожидает действия сил, недоступных человеческому разуму – таинственных, сверхъестественных, относящихся к потустороннему миру. Чем более склонен субъект в интерпретации происходящего усматривать действие сверхъестественных сил, чем большую власть этим силам он приписывает, тем сильнее выражена магическая направленность сознания.

Вера в магию связана с ожиданием чуда, нередко – страстным желанием чуда. Под влиянием самовнушения и внушения магов разного рода человек начинает чаще находить маленькие или большие чудеса. Находясь в трудной жизненной ситуации, многие надеются на то, что кто-то может сотворить чудо и сотворит его. При этом человек обычно не задумывается о том, для чего кому-то хочется устроить чудо и каким образом то или иное благо он может подарить нуждающемуся. Вера в магию и совершение каких-то магических действий часто инициирована манипулятивным воздействием мага (экстрасенса, колдуна, ведьмы...). Маг или мистик принимает иррациональную веру, но не в абсолют, а в самого себя. Он сам для себя абсолют. Э. Фромм замечает, что для иррациональной веры психологически вполне верно высказывание «Верую, ибо абсурдно». Если кто-то делает заявление, звучащее разумно, он делает то, что, в принципе, может сделать каждый. Но если он осмеливается сделать заявление, абсурдное с разумной точки зрения, то самым этим фактом он демонстрирует, что вышел за пределы здравого смысла и, значит, обладает магической силой, ставящей его над обычным человеком.

Рациональная и иррациональная части психики тесно связаны, но в определенной степени функционируют независимо, по своим закономерностям. Немалое число антропологов, философов, культурологов, лингвистов, психологов признают иррациональность (иррациональные умозаключения, убеждения) неотъемлемой частью мировоззрения человека, в том числе современного человека. Эксперименты, проведенные Е.В. Субботским, продемонстрировали, что при определенных условиях даже взрослые представители западной культуры «соскальзывают» с рационального на магическое осмысление ситуации, т. е. начинают вести себя так, как если бы магия существовала реально¹. Подобные результаты получил Д. Канеман с коллегами в своих исследованиях, показавших, что в ситуации неопределенности люди не могут рационально оценить ни величину ожидаемых выгод или потерь, ни их вероятность². Принятие решения основывается не на логике и рациональном анализе ситуации, а на стереотипах, предрассудках и эмоциях³.

Любая ситуация неопределенности, фрагментарность картины мира представляют собой для человека стрессор, превосходящий по своей силе многие другие. Нечто неизвестное, непонятное иррациональную часть психики заполняет чем-либо иллюзорным, не имеющим объективных оснований, но позволяющим достроить картину мира, ситуации и обрести желаемую целостность в ее восприятии.

Для сохранения психологической устойчивости человеку требуются определенные опоры. Активность в поведении и деятельности является одним из основных внутренних факторов, определяющих психологическую устойчивость личности. Доминантами активности в аспекте психологической устойчивости личности могут быть все виды активности: познавательная, деятельностная, коммуникативная. Каждая доминанта существует одновременно и как определенная направленность сознания: направленность на познание и самопознание, направленность на деятельность (трудовую, общественную, спортивную, поглощенность своим хобби...), направленность на межличностное взаимодействие. Доминанты активности не являются альтернативными, взаимоисключающими – это опоры устойчивости личности, которые вполне могут сочетаться друг с другом. Обычно одна из них занимает в сознании центральное место. Три перечисленные доминанты активности конструктивны как опоры психологической устойчивости, поскольку поддерживают готовность принимать на себя ответственность за собственную активность. Неконструктивной следует признать магическую направленность сознания. Вера в магические силы означает полное неприятие ответственности за себя, ожидание волшебных преобразований и помощи магических сил в решении жизненных задач. Она освобождает от ответственности, устраняет тревогу, вызываемую возможной ошибкой при принятии решений, поскольку решения не

¹ Субботский Е.В. Феноменальное и рациональное в сознании: борьба за доминантность // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 5. С. 94–98.

² Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. № 5 (4). P. 297–323.

³ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.

принимаются. Субъект полагает, что жизненно важные решения предопределены судьбой. Через гадалку, ясновидца, астролога ему слышен голос судьбы, которому необходимо повиноваться.

Вера в магические силы возникает при малоразвитых, фрагментарных религиозных представлениях, сочетающихся с выраженной потребностью переживать религиозные чувства. Религиозные чувства, как и любые другие, имеют какой-либо энергетический источник. Религиозная практика той или иной традиционной конфессии делает акцент на внутреннюю работу, склоняет к поиску источника энергии внутри самого себя. Человек с магической направленностью сознания ищет пути и способы отвлечься от реальности, переключиться на что-либо яркое, завораживающее. Ему необходимы внешние источники энергии. Нередко он находит их в секте, в ее атмосфере таинственности, могущественности.

Проведенный нами анализ черт магической направленности сознания привел к следующим выводам:

1. Магическое знание выносит за скобки полярность «истинное – ложное». Поскольку истинным для него выступают субъективные переживания и некоторая наглядность, его не получается высветить рациональными методами. Магическим представлениям свойственна малая осознанность и субъективная убежденность индивида в их истинности.

2. Магическая направленность сознания основывается на логике, согласно которой «все может быть». Это значительно расширяет границы для воображения и порождает веру в чудеса. Для субъекта магической направленности сознания все, что волнует, то и существует в реальности, поскольку эмоциональный накал сам по себе является подтверждением реальности.

3. Магически ориентированное сознание может соединять отдельные разнородные впечатления в единое целое, часто основываясь на несуществующих связях между ними. Построение более целостной, менее противоречивой картины мира достигается посредством упрощения сложного, объяснения непонятого.

4. В ослепленном эмоциями мистическом восприятии мира проявляются две закономерности: сопричастность (распространение свойств целого на любую его часть) и подобие (смешивание предшествующего события с причиной и отождествление похожих событий или объектов). Основываясь на этом, мистик пытается влиять на некоторые события и верит, что может «управлять миром».

5. Магическая направленность сознания часто выполняет функции психологической защиты. Магическое и мифологическое восприятие реальности выступает некоей «подушкой, буфером» в ситуациях неопределенности и повышенного стресса.

Некоторые черты обсуждаемого феномена могут прояснить результаты проведенного нами анкетного опроса. Его целью было оценить выраженность магической направленности сознания студентов и выявить акценты в этой направленности. Исследование было проведено с участием 65 студентов психологического факультета университета в возрасте от 17 до 30 лет (средний возраст 20 лет), выборка состояла из 23 мужчин и 42 женщин.

Для анкетного опроса использована специально разработанная нами анкета магической направленности сознания. Ее назначением была оценка степени принятия/непринятия сверхъестественного, веры в реальность и силу магии. Анкета включала 29 суждений. Степень своего согласия с каждым суждением респондент мог выразить, используя семибалльную шкалу. В ходе факторного анализа один пункт, имевший малую факторную общность, был отброшен. Остальные пункты распределились по двум факторам. Первый фактор был нами назван «Принятие сверхъестественного» (в него вошел 21 пункт). Пункты с наибольшим факторным весом (в скобках указан средний балл для всей выборки 65 человек) таковы: 1) «Хотя наука и не может дать объяснений экстрасенсорным явлениям, они действительно существуют» (4,86); 2) «Некоторые люди не видят сверхъестественное там, где оно есть» (4,58); 3) «Вера в духов — продукт фантазии» (3,86 – пункт с отрицательной корреляцией). Второй фактор был нами назван «Потребность в предсказаниях» (в него вошли 7 пунктов). Пункты с наибольшим факторным весом таковы: 1) «Бывает, что я ишу значение снов в сонниках» (3,45); 2) «Иногда мне кажется, будто что-то из сна перешло в действительность» (4,46); 3) «Нередко я с вниманием читаю или слушаю астрологические прогнозы» (3,66).

Можно было бы ожидать, что студенты-психологи, обладая знаниями о природе общественного и индивидуального сознания, психологических защитных механизмов, процессов адаптации, построения картины мира личности, проявят достаточно критическое восприятие и оценивание сверхъестественных явлений, представлений о них как компоненте массового сознания. Однако этого не было обнаружено. Качественный и количественный анализ представил

весьма противоречивую картину отношения к сверхъестественным явлениям, роли представлений и верований в сверхъестественное, открыл их заметное влияние на восприятие действительности, мировоззрение, поведение. У многих из студентов верования в сверхъестественное и магическое сочетаются (или, мягче, не конфликтуют) с научными представлениями о мире. В чем именно могут быть усмотрены причины такой легкой сочетаемости двух различных взглядов на мир? Что предрасполагает к тому, что вера в магию оставалась и остается на протяжении многих веков столь живучей? Исчерпывающие ответы на эти вопросы дать трудно.

Рассмотрим некоторые факторы, усиливающие склонность к магическому. При этом мы будем исходить из того, что склонность к магическому мировосприятию имеет весомые общие детерминанты, сходные для разных групп населения. Приведенные выше результаты анкетного опроса дают основания делать такое предположение.

Постоянные переживания тревоги и страха жителей многих стран угнетающе воздействуют на общественное настроение, негативно сказываются на ряде составляющих общественного сознания. К числу этих причин отнесены: акцент цивилизационного развития на техноцентризме (а не на антропоцентризме), ускорение ритма жизни современного человека, распространение стрессогенных депрессий, мало контролируемая общественными институтами деятельность средств массовой коммуникации, инициирующая переживания тревоги и страха.

Глобальные риски современности, характерные для многих стран мира, приводят к постоянному переживанию тревоги и страха, действуют угнетающе на общественное сознание и настроение людей многих стран, в том числе и России. Охарактеризуем кратко те риски современного мира, которые носят характер глобальных.

1. Есть острые противоречия между обществами в аспекте ментальности. Единая цивилизация на планете не возникает, существуют группы стран с различным цивилизационным укладом, в них разное понимание мироустройства, целей и путей развития человечества. Отсутствие гармонии, согласия в межгосударственных, межэтнических, межконфессиональных отношениях приводит к непрекращающимся трениям, спорам, конфликтам, что отчетливо отражается в общественном сознании. А поскольку многие из них ведут к большому числу человеческих жертв, то следует говорить не только о переживании тревоги, но и страха как весомых составляющих общественного настроения. Надежды на слияние, взаимопроникновение культур не оправдались – все более распространенной становится точка зрения, что мультикультурализм оказался утопией.

2. Ценность человеческой жизни не стала ценностной доминантой в массовом сознании населения большинства стран мира. Современная цивилизация не может быть охарактеризована как антропоцентрическая, точнее, ее можно определить как техноцентрическую, поскольку весь уклад жизни меняется не под влиянием идей совершенствования личности и межличностных отношений, общества и межэтнических отношений, а вследствие развития новых промышленных и информационных технологий, совершенствования технических устройств и налаживания комфортного быта.

3. Возрастает напряжение как характеристика доминирующего массового психического состояния. Скорость перемещения людей в пространстве значительно возросла в течение одного столетия. Стремительно меняющееся социальное и предметное окружение при перемещениях создают серьезную нагрузку на адаптационные механизмы психики и организма. Происходит ускорение ритма жизни и вследствие использования более производительной техники, требующей повышенной сосредоточенности при ее эксплуатации. Большинству городских жителей развитых и многих развивающихся стран трудно уклониться информационного потока, возникает информационное пресыщение.

4. Усиление переживаний страха. Цивилизация двадцать первого века, как и двадцатого, наиболее вероятно, останется техноцентрической, поскольку не наблюдается главного мерила прогресса – обогащения культуры во всех ее измерениях, включая духовную культуру, просвещение масс, развитие социальных и психологических компетенций. Трудно заметить качественные изменения в гармонизации отношений между людьми, ощутимые сдвиги в личностном развитии как массовом феномене. В качестве важнейшего измерения цивилизации (цивилизованности) может быть взято количество страха, которое давит на душу человека. По этому параметру лишь малое число стран продвинулось в своем развитии. Но если в отдельных группах и социальных слоях и продвинулось, то уходом в самообман, самовнушение, иллюзии. Те, кто не преуспел в этом, отнюдь не свободны от депрессии, ненависти к другим или от того и другого вместе.

Страх заставляет цепенеть, деформирует сознание, лишает творческого начала, ограничивает инициативу. Сочетанное воздействие негативных факторов современной жизни приводит к

ощущению явной неустойчивости, а порой и враждебности, того мира, в котором приходится жить человеку. Эти черты сознания и настроения существуют как в масштабе отдельного человека, так и в масштабе большей части человечества, т.е. имеют массовый характер. Состояние стресса становится доминирующим. Сознание в состоянии стресса отличается суженным фокусом, повышенной спонтанностью, что снижает его интегрированность. Интегрированным можно считать сознание, в котором существует иерархия жизненных смыслов и целей, ценностей и мотивов. Страх, фиксированность на выживании деформируют эту иерархию и всю архитектуру, ослабляя главную функцию сознания – функцию интеграции всех сторон и уровней бытия.

Рассматривая риски состояния общественного сознания современной России, нельзя обойти вниманием роль средств массовой коммуникации (СМК). Для формирования общественного сознания и самосознания их деятельность имеет первостепенное значение. Ряд субъектов медиапространства осознанно и неосознанно формирует катастрофическое сознание у населения. Лишь в последние годы несколько ослабло дурное соревнование – кто сильнее запугает слушателя, зрителя. Не будем обсуждать данную тему в деталях, заметим лишь применительно к предмету дискуссии, что разного рода мотивы конца света, черного будущего, развала всего и вся обесцениваются и ценность человеческой жизни, и материальных благ, вещей, всего, что создано человеком. Если сохранение духовных и материальных ценностей бессмысленно, то разрушительное поведение перестает восприниматься как дикость. Чрезвычайно сильное влияние СМК на общественное сознание опасно тем, что СМК монополизированы и коммерциализированы. Духовно-нравственные ценности отодвинуты на задний план, на переднем – и откровенная, и замаскированная страсть к наживе, ложные ценности, ведущие к деградации общества, не только – духовной. Влияние СМК создает почву и укрепляет упрощенное восприятие и оценивание устройства общества и происходящих в нем событий. Сюда должны быть отнесены: слишком большая доля примитива в медиапродукции, намеренная поляризация оценок, клиповое сознание, настойчиво формируемое рекламой и др. Сознание со сниженной дифференцированностью следует считать лишь отчасти адекватным, оно не выполняет главной функции – целостного отражения мира во всей его полноте.

Куликов Леонид Васильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, Санкт-Петербург.

Kulikov Leonid Vasilyevna, doctor of psychological sciences, professor. Department of Psychology. St.-Petersburg State University. Russia, St.-Petersburg.
leon-piter@mail.ru

Таканов Антон Анатольевич, магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, Санкт-Петербург.

Takanov Anton Anatolyevich, undergraduate. St.-Petersburg State University. Russia, St.-Petersburg.
novik017@mail.ru

УДК 159.316.6

Гендерный перформанс в социальных практиках пола

М.Н. Родштейн

Gender performance in social practices of sex

M.N. Rodshtein

Аннотация. Современное общество движется в русле трансформационных процессов, результаты которых отразились на функционировании социальных институтов и вызвали к жизни новые социальные практики и явления. Соглашаются с ними и объективные противоречия исчерпавшей себя модели гендерных отношений, которые подтолкнули процессы радикальных трансформаций в гендерном самосознании и гендерной системе общественных отношений.

Ключевые слова: гендер, гендерное самосознание, гендерный перформатизм, социокультурные роли.

Abstract. Modern society is moving in line with the transformation processes, the results of which were reflected in the functioning of social institutions and gave rise to new social practices and

phenomena. Objective contradictions existing patterns of gender relations, that has triggered the process of radical transformation in gender-awareness and gender-based system of social relations, are in line with them too.

Key words: gender, gender identity, gender performatizm, socio-cultural role.

Деконструкция незыблемых понятий мужественности и женственности и новая их интерпретация становится возможной при понимании того, что гендерные различия не даются, не устанавливаются рождением, а создаются обществом как конструкты культуры и потому подвергаются постоянной ревизии под влиянием изменений социальных практик¹.

В ситуации быстро изменяющегося баланса социокультурных ролей полов оценки и кальки патриархатного толка устаревают, что позволяет их заменять символами другого пола. Привычные знаки и образы пола заменяются непривычными интерпретациями, что приводит к утрате антагонистического характера половых дихотомий. Перемена гендерных ролей создаёт условия для постепенного изменения патриархатной парадигмы обыденного гендерного мышления, переводя его из состояния категорического отрицания в состояние дискуссии. Ж. Делёз называл это переменной, «живущей и действующей на изнанке того порядка, который идеи накладывают, а вещи получают», то есть старые идеологические каноны исчезают, открывая путь новым аксиологическим гендерным конструкциям². Чтобы стать новыми стереотипами новых гендерных моделей, они должны быть наделены новыми определениями. Ж. Деррида предложил метод деконструкции, направленный на преодоление обусловленных понятийных границ, ломающих бинарное мышление³.

Понятие «гендер» введенное как познавательный конструкт, искусственно вводимый для описания социальных ролей, в настоящее время все больше рассматривается с точки зрения его внутреннего наполнения. Противопоставляя перформативный подход эссенциалистской концепции гендера, мы рассматриваем раскрытие гендерной проблематики на основе интеракционной взаимоиентенциональности.

Гендерный перформатизм – присвоение категориально-гендерных характеристик и ролевого репертуара своего и иного пола для достижения преимуществ в социальных презентациях. Основанный на психологической способности личности к ролевому перевоплощению с присущим ему неустойчивым характером, гендерный перформатизм идентичности функционирует только в процессе выполнения ролевой задачи, но при этом порождает гендерную неопределенность или деидентификацию.

Попытка анализа того, как концепт перформативности находит своё отражение в полоролевых отношениях на этапах онтогенеза, была предпринята нами в исследовании, проведенном среди подростков 12–13 лет. Исследуемую выборку составили 50 человек, учащиеся 7-х классов Богатовской средней общеобразовательной школы Образовательный центр. Среди респондентов было 27 девочек и 23 мальчика.

Для проведения данного исследования использовались следующие методики:

1. Методика Сандры Бэм на определение гендерной идентичности в модификации М.Н.Родштейн. Модифицированный вариант позволяет оценить не только самооценку гендерного образа, но и определить гендерные характеристики идеальных образов юноши/девушки в представлениях подростков. Качественные результаты методики позволяют выявить различия или сходства между идеальным образом того или иного пола у мальчиков и девочек и их реальными предпочтениями (насколько идеальный образ совпадает или не совпадает с реальным).

2. Методика Дж. Морено «Социометрия». В нашем исследовании данной методикой исследовались формальные и неформальные предпочтения младших подростков в классе. Испытуемым предъявлялся бланк социометрического опроса, список классов.

Порядок исследования: были подготовлены критерии, измеряющие отношения учащихся по поводу совместной деятельности, ради выполнения которой создана группа (учебная деятельность) – это так называемые формальные отношения, которые выявляются вопросами 1 и 3 из указанных ниже. Критерии для измерения эмоционально-личностных взаимоотношений, не связанных с совместной деятельностью (выбор товарища для досуга), характеризовали неформальные отношения (выявляются с помощью вопросов 2 и 4).

Для опроса были предложены следующие вопросы:

¹ Вульф К. К генезу социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.

² Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 14.

³ Деррида Ж. Голос и феномен. СПб., 1999.

1. С кем бы вы предпочли делать домашнее задание?
2. С кем бы вы предпочли сходить в кино?
3. С кем бы вы хотели сидеть за одной партой?
4. Кто из вашего класса вам более всего симпатичен?

Была дана следующая инструкция: «Отвечая на поставленные вопросы, необходимо выбрать 4 одноклассников, наиболее симпатичных вам (по каждому поставленному вопросу)». Была подчеркнута необходимость быть искренними. При этом гарантировалась тайна индивидуальных ответов.

В результате тестирования было выявлено 3 группы испытуемых. В первую группу входят подростки с ярко выраженными фемининными характеристиками – 28%, вторую группу составляют подростки с маскулинными чертами – 24%, в третью входят подростки с андрогинными чертами – 48%. Первую группу подростков с выраженными фемининными характеристиками преимущественно составили девочки. Вторую группу подростков – мальчики. В 48% третьей андрогинной группы входят как мальчики, так и девочки.

По результатам социометрической методики было выявлено, что при ответе на вопросы, связанные с учебной деятельностью (1 и 3 вопросы социометрического опросника), девочки с ярко выраженными фемининными чертами в 55% случаев предпочитают общаться и дружить с девочками и мальчиками, у которых также преобладают фемининные черты. В 29% случаев предпочитают подростков с андрогинными чертами и в 16% – с маскулинными чертами. Однако при ответе на вопросы, связанные с неформальной деятельностью (2 и 4 вопросы социометрического опросника), которые характеризуют эмоционально-личностные взаимоотношения, не связанные с учебной деятельностью, девочки в 44% случаев отдают предпочтение мальчикам с ярко выраженными маскулинными чертами. В 27% случаев выбирают девочек с фемининными чертами.

У мальчиков же с ярко выраженными маскулинными чертами мы видим следующие тенденции, а именно: при ответе на вопросы, связанные с формальной (учебной) деятельностью, для них в 48% случаев предпочтительнее мальчики и девочки с ярко выраженными маскулинными чертами, в 29% – мальчики и девочки с андрогинными характеристиками. При выборах, связанных с неформальной деятельностью, мальчики с маскулинными чертами в 60% случаев предпочитают девочек с ярко выраженными фемининными чертами и в 29% – мальчиков и девочек с андрогинными чертами. По этим результатам можно сделать вывод о том, что для эмоциональных отношений предпочтительнее человек противоположного пола с гендерно-типичными характеристиками. Это заложено природой и поддерживается социальными нормами.

Что касается деловых отношений, то предпочтительнее свой пол или близость гендерных характеристик, так как это способствует большему совпадению усилий, целей и взглядов и не препятствует осуществлению совместной деятельности.

Что касается мальчиков и девочек с андрогинными характеристиками, то в своих как формальных, так и неформальных выборах они не различаются. Как правило, для эмоционально-личностных отношений и совместной деятельности в классе они выбирают и мальчиков с маскулинными и девочек с фемининными чертами или андрогинными чертами детей того и другого пола, что обусловлено их ситуативной гендерно-ролевой гибкостью.

При анализе «идеальных» образов было выявлено, что мальчики и девочки независимо от характерных для них гендерных черт описывают идеальный образ юноши и девушки, наделяя их чисто маскулинными или чисто фемининными характеристиками соответственно полу. Это говорит о проявлении устойчивости культурных традиций в противовес инновационным практикам социальных самопрезентаций. Однако при своих собственных социометрических выборах идеальный образ в некоторой степени не совпадает с реальными предпочтениями. Вариативность «предпочтительных» гендерных характеристик отражает тенденцию ситуативной вариативности гендерных предпочтений, что стимулирует процесс гендерно-ролевого перформанса в различных социальных практиках.

Перформативность гендерной идентичности не может быть подвергнута дихотомичной проверке на маскулинность-фемининность, хотя она играет такую же роль для нормализации полоролевого взаимодействия. Перформативная идентичность оказывается успешной и получает подкрепление, если ей удаётся конструировать полоролевые перформансы как процессы успешного взаимодействия. Рассматривая категорию гендера, Дж. Батлер развила перформативную теорию, доказывая, что категория гендера возникает в результате повторения социальных перформансов, которые конструируют идентичности в актах самопредставления, самопрезентации. Перформансы поддерживаются конвенциональными структурами общества и культуры, при этом они подверга-

ются переформулировке. Дж. Батлер подчёркивает: «Эффект сущности гендера перформативно производится и подчиняется регулятивными практиками гендерной связанности»¹.

Изучение социальной структуры (полоролевых отношений) привело к изучению процессов постоянного формирования, переформирования, изменения социальной реальности². Дж. Батлер пишет, что «гендер всегда является деланием»; это определяет методологическую необходимость анализа именно процессов «делания» интеракционизма, в рамках которого и демонтируются полоролевые перформансы. Перформативность может протекать и как уход от предустановленного поведения и как его подмена. Гендерная идентичность, будучи идеологически формируемым конструктом, может изменяться при столкновении полоролевых скриптов, сценариев, выраженных в перформативных практиках. Гендерная идентичность формируется посредством перформативных полоролевых отношений и сама формирует их, то есть она их задаёт, она их варьирует, и она же изменяется в перформативных процессах. Батлер заключала по этому поводу: «идентичности могут возникать и исчезать в зависимости от конкретных практик, которые их конституируют»³.

Гендерные определения мужчины и женщины, описывающие различия между женственностью и мужественностью, также меняется с течением времени. Представления о гендере сосуществуют одновременно, приобретая большую или меньшую значимость; их комбинируют, соотносят друг с другом, чтобы через различия между представлениями о поле дать характеристики человека вообще. Осознание факта этих исторических изменений произошло не так давно. Однако маскулинность и фемининность уже осознаны и как личностные глубинные структуры индивида и как стереотипные определения, внедренные в культурный дискурс⁴.

Уже в работах Маргарет Мид прослеживалась идея о конструируемости гендера в противовес заданности, зависящей от половой принадлежности. Современное понимание конструируемости моделей идентичности предполагает переориентацию психологического анализа с процесса усвоения общественных моделей и символов идентичности в процессе социализации на производство идентичности в дискурсивном акте самовыражения субъекта. При этом, в отличие от принятого понимания, перформативность не просто выражает и транслирует вовне гендерную идентичность, а именно создает ее. Такой подход лишает исключительности прежде господствовавшие интерпретации гендерных норм как моделей, задающих направление гендерной социализации. Концепцию гендера теперь предлагается рассматривать как своего рода материализацию «телесных стилей», вписанных не только в конкретный культурно-исторический контекст, но социальный контекст ролевого взаимодействия⁵.

Гендерная идентичность, рассмотренная в таком ракурсе, предстает не как «ядро» личности, наделенное абсолютной устойчивостью, а как некая «перформативная репрезентация», представляющая собой продукт поло-ролевой трансакции. В результате возникает образ некоего «относительного гендера», прагматически определяемого требованиями контекста и поставленными целями в определенном момент. При этом подчеркивается локальность гендерной самопрезентации и соответствующего полоролевого поведения, обеспечивающая максимальную избирательность решения.

Отношение к идентичности личности как к незаконченному, самообновляющемуся проекту требует переосмысления ряда привычных понятий и категорий, в частности, таких, как норма и патология, биологическое, культурное, природное и социальное пола, социально-психологического самоопределения и социальных схем в самосознании индивидов. Обращение к феномену перформативности идентичности позволяет выявить теоретический ресурс объяснительных моделей различных научных дискурсов в исследованиях пола, продемонстрировать эффективные методологии анализа гендерной идентичности и ее кризиса, наиболее адекватно отвечающие специфике существования индивида в современном обществе.

Мария Николаевна Родштейн, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

¹ Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск, 2000. С. 328.

² Остин Дж. Перформативы – констативы. // Философия языка. М., 2010. С.23–34.

³ Батлер Дж. Гендерное беспокойство. С. 328.

⁴ Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. №4. С. 74–82.

⁵ Вульф К. К генезу социального. Мимезис, перформативность, ритуал.

Rodstein Maria Nikolaevna, candidate of psychological sciences. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
rodshtein@inbox.ru

УДК 159.9.07

Личность и ее сознание в условиях виртуализации бытия

З.И. Рябикина, Е.И. Богомолова

Personality and her consciousness in terms of virtualization of being

Z.I. Ryabikina, E.I. Bogomolova

Аннотация. Необходимо научное осмысление влияния виртуализации общества на личность, ее сознание и бытие. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностных особенностей пользователя с характером его активности в социальной сети Интернета. Определены критерии активности личности и индикаторы ее субъектности в социальной сети. Исследование показало, что интенсивностный и качественный (высокая субъектность / низкая субъектность) параметры активности личности в социальных сетях Интернета связаны с ее психологическим статусом субъекта бытия и с соответствующими этому статусу различиями в самоактуализации, характерологических и поведенческих особенностях, в тенденциях межличностной ориентации и способах самопредъявления в коммуникации.

Ключевые слова: личность, субъект, сознание, виртуализация бытия, активность, субъектность, социальные сети.

Abstract. Scientific understanding the impact of virtualization of society on the person, its consciousness and existence. The article presents the results of empirical research on the relationship of personality characteristics of the user with the nature of its activity in the social network of the Internet. Criteria of personal activity and indicators of the subjectivity in the social network. The study showed that intensively and quality (high subjectivity / low subjectivity) parameters of personal activity in social networks linked to her psychological status as the subject of life and relevant to this status differences in self-actualization, characterological and behavioral features, tendencies of interpersonal orientation and ways of sampradaya in communication.

Key words: personality, the subject, consciousness, virtualization of being, activity, subjectivity, social networking.

С философской иронией человека, потерявшего надежду интегрировать разрозненные представления о сознании, Д. Чалмерс охарактеризовал «сознание» как двусмысленный термин, относящийся к множеству различных феноменов¹. Во множестве определений сознания отчасти отражено безмерное многообразие его функций (познание, отношение, целеполагание, регуляция и т.д.) и многое другое, что делает понятным, почему без него сложно обойтись в рассмотрении любых проблем личности. В одном из определений известного отечественного психолога категорично суммируется: «Личность – это человек как носитель сознания»². Таким образом, наличие сознания во всем многообразии его проявлений является решающим критерием присутствия личности и ее исчерпывающей характеристикой.

Среди развиваемых в российской психологии научных подходов к решению проблемы сознания есть воплощающие гуманитарную традицию, и не без оснований Г.В. Акопов утверждает, что обсуждение экзистенциальных проблем современности, как и поиск подступов к их решению, вряд ли возможны без привлечения категории сознания³.

Современный человек живет в условиях быстро изменяющейся реальности. Образ жизни человека, его сознание и личностное бытие претерпевают изменения. Скорость этих изменений возрастает. Одним из мощных факторов, обуславливающих преобразования бытия и сознания личности, является виртуализация. Характеризуя основные векторы социальной эволюции, А.П. Назаретян одним из таковых называет виртуализацию, подчеркивая, тем самым, значимость

¹ См. по: Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 43–64.

² Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 56–57.

³ Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии. С. 43–64.

этого тренда¹. Виртуализация бытия и сознания современного человека и возникающие в связи с этим психологические проблемы являются сегодня актуальным полем научных изысканий. Появление Интернета и социальных сетей привело к расширению коммуникативного поля личности, изменило характер общения, спровоцировало сопутствующие эффекты. Вместе с изменением возможностей коммуникации изменяется и сама личность пользователя интернет-услуг.

Реализованный в наших исследованиях субъектно-бытийный подход к личности является конкретизацией субъектного подхода и акцентирует внимание на *интенсивности* и *качестве* активности личности в виртуальном пространстве бытия. Качественным параметром активности выступает ее *субъектность* (или асубъектность).

Сложноорганизованная феноменологии сознания и бытия личности предполагает включение разнообразных составляющих; среди них *уровень субъектной активности* личности как носителя сознания – одна из существенных. «Сознание неотрывно от субъекта и не может существовать вне субъекта»².

Один из ведущих принципов отечественной психологии – *принцип деятельности*, обуславливающий рассмотрение ведущих видов деятельности как важнейшего фактора в развитии личности, объясняющий становление характерных для личности особенностей. Это создает теоретическое основание для объяснения различий между людьми, характеризуемыми различной степенью активности в виртуальном пространстве социальных сетей.

С другой стороны, большая значимость виртуального пространства коммуникации для личности (отсюда повышенная активность, проявляющаяся в частоте обращений, в большем количестве затрачиваемого времени и т.д.) обусловлена личностными особенностями пользователя. Возможно, проблемами его общения в *offline* пространстве бытия. Речь может идти о некоторой *характерологической дефицитарности* личности, т.е. недостаточной сформированности необходимых свойств для эффективного общения и со-бытия с другими людьми в реальном мире. Например, большая зависимость, ведомость, что предполагает поиск поддержки в отношениях. И если этой поддержки не хватает в *offline*, человек ее ищет в виртуальном со-бытии³.

Повышенную активность в социальных сетях могут обуславливать и *характерологические преимущества* личности. Например, это свойственная личности большая выраженность в области интенций самоактуализации и поиск дополнительных пространств бытия, в которые личность могла бы «продлить» себя, организуя их в большем соответствии со своей природой. Эта тема акцентируется в субъектно-бытийном подходе к личности. Таким более «податливым», легче переустраиваемым пространством бытия является виртуальное бытие, подчиняющееся нажатию клавиш на клавиатуре. *Характерологическим преимуществом* также является склонность к экспериментированию, большая восприимчивость к новым формам общения, готовность и психологическая настроенность на организацию со-бытия в виртуальном пространстве интернет-коммуникации.

Представленные рассуждения позволяют предположить: личностные особенности пользователя интернет-коммуникации и их связь с уровнем *интенсивности его активности* в виртуальных социальных сетях (высокая или сниженная активность). Но анализ показывает, что большая или меньшая активность в социальных сетях не может быть единственным и достаточным основанием для качественного различения пользователей, особенностей их личности и сознания. Другой, не менее значимый методологический принцип, сформулированный в отечественной психологии – *принцип субъекта* – акцентирует внимание на *качестве активности*. Проблема субъекта – одна из краеугольных в гуманитарных науках. В этом качестве личность выступает той силой, которая воплощает в объективной реальности содержание своего внутреннего, субъективного мира, продолжает себя в мир, перестраивая его в соответствии со своими смыслами. В работах многих авторов представлена идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение, таким образом, аутентич-

¹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М., 2013.

² Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии. С.46.

³ Войскунский А.Е. Психология и интернет. М., 2010 ; Рябикина З.И., Богомолова Е.И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Социальное управление. 2013. №2. С. 76–90 ; Чудова Н.В. Особенности образа «Я» жителя Интернета // Психологический журнал. 2002. Т. 23, №1. С. 113–118.

ного бытия – все эти темы отражают гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека.

Ранее в своих публикациях мы останавливались на *дуальном эффекте виртуализации бытия личности*¹. Рассмотрение изменений личности как субъекта бытия и со-бытия в условиях виртуальной реальности обнаруживает как положительные, так и отрицательные эффекты.

С одной стороны, выглядит обоснованным утверждение о возрастании субъектности личности. Об этом свидетельствует использование сетевых коммуникаций для расширения возможностей экспансии личности. Овладев необходимыми знаниями и освоив необходимые операции, человек создает собственную виртуальную реальность, в которой с наибольшей полнотой воплощается картина его внутренней жизни, его смыслов.

С другой стороны, в футуристических прогнозах преобладают мрачные сцены распада человеческой личности из-за потери субъектной позиции, из-за формирующейся зависимости от кибер-реальности. Ю.П. Зинченко указывает на расщепление целостности индивида, одновременно расположенного в двух пространствах, в результате чего возникает эффект обладания двойной самостью². В таком случае слияние субъекта и симулякра подразумевает стирание реального субъекта, его полное погружение в поле виртуального бытия, более комфортного по сравнению с реальным. Представленные рассуждения создают основания для предположения о взаимосвязи личностных характеристик пользователя с *уровнем субъектности* его активности в виртуальных социальных сетях (высокая или сниженная субъектность).

В эмпирическом исследовании приняли участие 528 человек в возрасте от 19 до 25 лет. Использовались следующие методики: анкета «Активность личности в виртуальной социальной сети» (Е.И. Богомолова); 16-факторный опросник личности Р.Б. Кеттелла; «Диагностика самоактуализации личности» (САМОАЛ) А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калиной; опросник межличностных отношений (ОМО) А.А. Рукавишниковой (адаптированная версия опросника FIRO-VВ.Шутца); опросник «Стратегии самопредъявления» И.П. Шкуратовой.

Основные результаты осуществленного исследования.

На основании теоретического анализа, анкетного опроса и самоотчетов определены *критерии интенсивности* активности пользователей в социальных сетях: а) количество активных аккаунтов в социальных сетях; б) частота посещений своих страниц и зависимость от них; в) степень увлеченности социальными сетями; г) уровень активность процесса коммуникации с другими в сети, инициативность личности; д) степень публичности личной информации в сети.

На основании теоретического анализа, анкетного опроса и самоотчетов определены *критерии субъектности* пользователей в социальных сетях: а) повышенная коммуникативная активность, расширяющая границы и сферы взаимодействия; б) познание собственных возможностей и реализация потенциалов; в) познавательная активность и направленность на исследование нового; г) преобразовательная деятельность в виртуальном пространстве бытия; д) выраженная лидерская позиция; е) применение ресурсов виртуального бытия в реальном бытии.

Теоретико-методологические положения субъектного подхода и их конкретизация в субъектно-бытийном подходе к рассмотрению личности создали основания для анализа дуальных эффектов, обусловленных *качеством* активности личности в виртуальном пространстве ее бытия, а, именно тем, является ли ее активность субъектной или нет. Исследование показало, что интенсивностный и качественный (высокая субъектность / низкая субъектность) параметры активности личности в социальных сетях Интернета связаны с ее *психологическим статусом как субъекта бытия* и с соответствующими этому статусу различиями в самоактуализации, психологических и поведенческих особенностях, в тенденциях межличностной ориентации и способах самопредъявления в коммуникации.

При сравнении высокоактивных пользователей с теми, кто характеризуется сниженной активностью в социальных сетях, очевидны предпосылки возникающей зависимости у первой группы, их «ненасыщаемой» потребности в виртуальном со-бытии. Но последующая дифференциация на основании *качества* активности (высокая или низкая *субъектность* проявляемой лич-

¹ Богомолова Е.И. Личностная идентичность: вызовы современности : мат-лы всерос. психол. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар, 2014. С. 180–182 ; Рябикина З.И., Богомолова Е.И. Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия. С. 76–90.

² Зинченко Ю.П. Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М., 2011. С. 231–278.

ностью активности) показывает, что активному пользователю с субъектной позицией такая зависимость не угрожает.

Пользователям с *высокой субъектностью* в социальной сети свойственна общительность, характеризуемая выраженной собственной инициативностью в выборе партнеров и в установлении правил и регламентов общения, независимость, склонность к доминантности и неприятие контроля со стороны; высокий уровень самоактуализации; реализованное в самопрезентации стремление «быть примером» для партнеров.

Пользователей с *низкой субъектностью* в социальной сети отличает общительность со склонностью к приспособляемости, зависимости, с ожиданием инициативы со стороны Другого; сниженный уровень самоактуализации в совокупности с консервативностью и социальной пассивностью; стремление к самопродвижению посредством демонстрации агрессии или, напротив, слабости и ожидание поддержки извне.

Таким образом, проблема субъекта остается одной из краеугольных. «Жизнь» личности в виртуальном пространстве в случае сохранения ее субъектности может органично сочетаться с жизнью в offline, создавая дополнительную ресурсность, совершенствующую бытие и сознание личности. Но возникают и опасности «зависания» личности в виртуальном пространстве online из-за сегрегации отдельного аспекта бытия (виртуальное бытие), когда общение в виртуальном пространстве из инструмента, средства, расширяющего возможности реальной жизни личности, превращается в ненасыщаемую самодовлеющую потребность, подчиняющую человека, делающую его зависимым от сформированных им в виртуальном пространстве фальшивых самоидентификаций, поддерживаемых виртуальными партнерами компьютерной коммуникации. Таким образом, в первом случае субъектная, а во втором случае *ложно-субъектная* позиция личности в виртуальном пространстве бытия обуславливают ее реальное бытие, его полноценность или выхожденность (вторичность в сравнении с online-бытием). Возникающая вследствие этого суженность, нереалистичность сознания объясняет неготовность разума совладать с растущим инструментальным могуществом¹.

Зинаида Ивановна Рябикина, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности и общей психологии. Кубанский государственный университет. Россия, Краснодар.

Ryabikina Zinaida Ivanovna, doctor of psychological sciences, professor, head of the department of psychology of the personality and general psychology, Kuban state university. Russia, Krasnodar.
z.ryabikina@yandex.ru

Богомолова Екатерина Ильинична, преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии. Кубанский государственный университет. Россия, Краснодар.

Bogomolova Ekaterina Iyinchna, teacher of department of psychology of the personality and general psychology, Kuban state university. Russia, Krasnodar.
z.ryabikina@yandex.ru

УДК 316.6–053.6

Полиментальность и социальные ценности современной российской молодежи

В.Е. Семенов

Polimentality and social values of modern russian young people

V.E. Semenov

Аннотация. В статье в контексте авторской концепции российской полиментальности рассматриваются такие актуальные проблемы современной российской молодёжи, как базовые ментальные типы, социальные ценности, патриотизм. Анализируются данные эмпирических социально-психологических исследований, выполненных под руководством автора.

¹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М., 2013.

Ключевые слова: современная российская молодёжь; полиментальность; базовые ментальные типы; социальные ценности; патриотизм.

Abstract. Actual Problems of modern Russian young People (basic mental Types, Social Values, Patriotism) are considered in the Article in the Context of the author's conception of the russian Polymentality. The empirical Data of a number of social-psychological Research carried out under the Guidance of the Author are being analyzed.

Key words: modern Russian young People; Polymentality; basic mental Types; Social Values; Patriotism.

Если в советскую эпоху была предпринята попытка кардинального преобразования полиментальной российской матрицы, сводя её только к одному ментальному коллективистско-социалистическому типу, то в «перестроечное» и, тем более, в наше время ценностно-ментальные типы снова явственно обнаруживаются, естественно, изменившись в соответствии с реалиями иной эпохи. Наиболее чётко они прослеживаются в молодёжной среде. Рассмотрим их, памятуя, что именно молодёжь определяет будущее любого общества.

В русле авторской *концепции российской полиментальности*¹ можно дать следующие наименования *современных базовых ментальных типажей российской молодёжи*: молодой православный человек; молодой «левый» (коммунист или социалист); молодой индивидуалист-прагматик (либерал новой формации); участник «теневых», криминальных сообществ, а также представитель псевдоменталитета с эклектично-мозаичным умонастроением.

Конечно, *молодой православный человек* в России неоднозначен, но в идеале это образованный и энергичный священник или просто светский юноша (девушка), который(-ая) характеризуется искренней верой и соответствующими духовно-нравственными ценностями (стремление соблюдать христианские заповеди и традиции, патриотизм, семья, дети, любовь к отечественной культуре и языку). Такие молодые люди нередко участвуют в различных православных объединениях, движениях и клубах (например, в Санкт-Петербурге это Межвузовская ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров», Александро-Невский союз молодёжи, православный молодёжный клуб «Чайка», клуб «Трилистник» и др.).

Молодой левый (коммунист/социалист), который исповедует ценности социальной справедливости, солидарности, коллективизма, обычно является членом «левых» партий и движений (Союз коммунистической молодёжи, Авангард красной молодёжи, Федерация социалистической молодёжи и др.).

Молодой либерал новой формации – обычно прагматик, направленный на карьерный успех, материальное благополучие, нередко фетишизирующий деньги, поклонник западной массовой культуры и обычно атеист. В силу выраженного индивидуализма представители этого менталитета не отличаются приверженностью к активной общественной деятельности.

Молодой участник «теневых»/криминальных сообществ. Представители этого менталитета по сравнению с «лихими 1990-ми» годами стали менее активны и заметны, и основной характер их деятельности изменился, став более замаскированным и даже отчасти легитимизованным. Это уже не накачанные парни в чёрных кожаных куртках, а, скорее, не очень бросающиеся в глаза «деловые» люди, так сказать, бизнесмены со своеобразной ценностно-моральной сферой. Более заметными стали мигранты, представители этнического криминала.

И наконец, *самый распространённый, псевдоментальный, типаж* – это *молодёжь с мозаично-эклектичным изменчивым менталитетом, противоречивой идентичностью*, своеобразные современные обыватели, не имеющие сформированного умонастроения и мировоззрения. Но это обыватели новой культурно-информационной эпохи, эпохи телевидения, Интернета, мобильной связи, всепроникающей психологически изошрённой рекламы, которые непрерывно бомбардируются всевозможной информацией (вербальной, изобразительной, звуковой). Мозаично-эклектический псевдоментальный человек – это порождение современного информационного общества потребления.

¹ Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 1997. Вып. 4. С. 59–67 ; то же // Социальная психология в трудах отечественных психологов (Хрестоматия) / ред.-сост. А.Л. Свенцицкий. СПб, 2000. С. 485-492 ; Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб. , 2008 ; Семёнов В.Е. Будущее России в контексте российской полиментальности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Вып. 3, ч. 1. 2009. С. 153–165.

Если базовые менталитеты закладываются и формируются прежде всего в семье, в микрогруппах по интересам, в специализированных образовательных учреждениях, в общественных и политических организациях под руководством старших наставников и товарищей, то псевдоменталитет складывается как бы стихийно и плюралистично, но в то же время вполне целенаправленно, ибо современные СМИ формируют и программируют именно деидеологизированного потребителя-покупателя товарно-денежной «ярмарки тщеславия и гедонизма».

Социологические исследования среди российской молодёжи (старшеклассники, студенты, работающая молодёжь) в Петербурге и городах провинции (Мурманск, Тула, Курск, Смоленск, Ярославль, Саратов, Барнаул, Томск, Чита и др.) были выполнены под руководством автора сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований методом анкетного опроса в 2010–2013 гг. Как и в прежних исследованиях (2001–2009 гг.)¹, главными ценностями молодёжи являются семья, здоровье и друзья (см. табл. 1).

Таблица 1

Социальные ценности российской молодёжи (данные в %)

Ценности	Молодежь СПб, 2010 г. (722 чел.)	Молодежь провинции, 2010 г. (1603 чел.)	Студенты СПб, 2013 г. (511 чел.)	Студенты провинции, 2010 г. (837 чел.)
Семья	78	86	83	87
Здоровье	77	77	70	77
Друзья	63	67	55	67
Интересная работа	43	42	39	45
Справедливость	44	52	34	53
Деньги	44	29	39	25
Вера	16	22	15	23

Ценности интересной работы и справедливости в провинции оказались выше ценностей денег, а в Петербурге все эти ценности по значимости практически одинаковы. Более половины молодых людей в провинции ориентированы на идеал справедливости и только четверть часть – на деньги. И в провинции, и в Петербурге интересная работа является ценностью для менее чем половины молодых людей. Очевидно, что большинство современной молодёжи ориентировано на свой микромир (*семья, здоровье, друзья*). Но в провинции молодые люди всё таки более духовно-нравственно ориентированы (*справедливость, вера*), а в мегаполисе – более прагматичны (*деньги*).

Несмотря на то, что замыкает частотную иерархию ценностей вера, как свидетельствуют все наши исследования молодёжи и студентов за последние 20 лет, на прямой вопрос «Считаете ли Вы себя верующим, религиозным человеком?» – *верующими себя всегда называют более 50% опрошенных*. В данных исследованиях верующими себя считают 59% молодёжи в Петербурге и 63% молодых людей в провинции (2010 г.), а также, 59% петербургских студентов (2013 г.) и 67% студентов в провинции (2010 г.). Однако, *когда приходится выбирать три-четыре ценности из семи главных жизненных ценностей (это специально предлагает наша методика), вера оказывается на последнем месте*. Это говорит о поверхностности религиозного сознания молодёжи, хотя идентификация с религией, прежде всего православием как безусловной культурно-исторической духовной ценностью России, несомненно существует.

В нашем исследовании молодёжи мы выявляли и ментально-ценностную направленность молодых людей. Поэтому в анкетном опросе учащейся и работающей молодёжи Петербурга в 2010 г. и петербургских студентов в 2013 г. на вопрос «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» можно было выбрать одновременно не более двух вариантов ответов из шести, которые попарно определяли три базовых менталитета в нашей типологии (православно-русский, коллективистско-просоциальный и индивидуалистско-либеральный). Неожиданно, вариант «общество потребления и комфорта» получило меньше всего сторонников (21% в 2010 г. и 14% в 2013 г.). И это при том, что данная характеристика общества уже многие годы усиленно рекламируется и внушается СМИ (см. табл. 2). Результаты исследования показывают, что молодёжь в

¹ Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодёжи // Социологические исследования. 2007. №4. С. 37–43; Семёнов В. Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологический журнал. 2011. №5. С. 92–96.

целом всё-таки чаще придерживается духовно-нравственных и просоциальных ценностей, чем индивидуалистско-либеральных.

В контексте авторской концепции полиментальности эти данные свидетельствуют о том, что большее количество выборов студенческой молодежи выражают коллективистско-просоциальный менталитет («общество социальной справедливости» плюс «общество честных людей труда»), а среди всей молодежи на первом месте оказывается православно-русский менталитет («общество веры и любви к ближним» плюс «общество правды и добра»). Таким образом, *превалируют элементы просоциального и православного самосознания.*

Таблица 2

Характеристики общества, которое хотела бы построить петербургская молодежь (в %)

Ментально-ценностная направленность (варианты ответов)	Студенты СПб 2013 г. (511 чел.)	Условный суммарный процент	Молодежь СПб, 2010г. (722 чел.)	Условный суммарный процент
Общество социальной справедливости	38	55	40	75
Общество честных людей труда	17		35	
Общество правды и добра	27	48	41	77
Общество веры и любви к ближним	21		36	
Общество личной свободы и бизнеса	37	51	41	62
Общество потребления и комфорта	14		21	

Рассмотрим один из важнейших традиционных духовно-нравственных компонентов русского сознания – патриотизм и его место в молодёжной среде (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение патриотов и не-патриотов среди российской молодёжи (в %)

Личностные ориентации	Молодёжь СПб, 2014г. (1512 чел.)*	Молодёжь СПб, 2010 г. (377 чел.)	Молодёжь городов провинции, 2010г. (1603 чел.)
Патриоты	50	41	53
Не-патриоты	29	28	21
Затруднились ответить	21	31	26

* Автор был консультантом и аналитиком данного исследования, проведённого студентами-журналистами и молодыми сотрудниками петербургского молодёжного журнала «Пять углов» (Пять углов, 2014, №5, с. 3).

Первое, что бросается в глаза при анализе таблицы, – это то, что очень много затруднившихся ответить. Это означает, что респонденты не могут дать однозначный ответ на этот вопрос или им не хочется отвечать откровенно. В любом случае с оценкой своего патриотизма у молодых людей возникают психологические проблемы. Удивляться не приходится, потому что ещё с конца 1980-х гг. постоянно осуществляется антипатриотический информационно-психологический прессинг на россиян. Пересмотр и негативная переоценка истории России, её исторических деятелей, событий и побед, перестроечная реальность с её бесконечными трагедиями и катастрофами, снижением рождаемости, военными конфликтами, нищетой и вопиющим социальным неравенством, а ещё «великая криминальная революция». В этой деморализующей атмосфере росла наша молодёжь, одновременно «облучаемая» красивыми картинками дальнего зарубежья на экранах кинотеатров, телевизоров и компьютеров. Затем бытовая рекламная американизация или «макдональдизация» общества, как назвал этот процесс социолог Дж. Ритцер¹, формирование «общества потребления» с реалиями которого на Западе Россия конкурировать не могла. Всё это и породило так много не-патриотов среди молодёжи.

Опрос 2014 г. показал, что жертвовать личными интересами ради общества готовы лишь 18% молодых людей, 15% считают, что патриотизм – устаревшее понятие. Молодые видят патриотов в основном среди старшего поколения (76%) и военнослужащих (48%), но совсем редко – среди депутатов и чиновников (6%) и предпринимателей (3%), а также (самокритично) и среди студентов (10%). Прежние институты социализации и патриотического воспитания (школа, СМИ, известные личности) утратили значение для молодёжи. Как свидетельствует опрос, *ныне главными источниками воспитания патриотизма выступают семья (45%), литература и кино*

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб, 2002. С. 497–498.

(33%) и достижения страны (45%), причём, не виртуальные, а реальные – в промышленности, науке, технике, и т.д. Известных личностей, которые влияют на воспитание патриотизма, назвали только 7,5% опрошенных молодых людей. К десяти чаще всего упоминаемым (по убыванию) относятся: В. Путин, И. Сталин, Ю. Гагарин, А. Пушкин, Пётр I, А. Суворов, М. Ломоносов, М. Кутузов, П. Столыпин и Г. Жуков.

Данные проведённых исследований ценностей российской молодежи свидетельствуют о противоречивости сознания молодых людей. Тем не менее, *можно сделать вывод о имеющемся позитивном духовно-нравственном потенциале более половины нашей молодёжи*. Такие духовно-нравственные ценности, как *семья* (в первую очередь), *друзья*, *справедливость*, присущи большинству представителей молодёжи. В то же время только меньшинство молодёжи считает деньги и потребление приоритетными жизненными ценностями. Вместе с тем, менее половины молодых людей ориентировано на интересную работу (в советское время эта ценность была ведущей наряду с семьёй), что свидетельствует о снижении творческой активности современной молодёжи. И самое главное: *только половина молодых считает себя патриотами России*. А это значит, что у *другой половины молодёжи настоящей российской идентичности просто нет*. И это, *по-настоящему, серьёзная проблема*, требующая переориентации всей работы по социализации и воспитанию. Героями времени должны стать не деятели шоу-бизнеса и «идолы потребления», а настоящие герои труда и созидания, патриоты, а не «глобалисты». Однако без утверждения принципов социальной справедливости настоящего патриотизма не бывает.

Семёнов Валентин Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, Санкт-Петербург.

Semenov Valentin Evgen'evich, doctor of psychological sciences, professor, Honoured Worker of Science of Russia. Saint-Petersburg State University. Russia, St.-Petersburg.
niiksi@niiksi/spbu.ru

УДК 159.9

Общительность, созерцательность, ноуменальность в эмпирических исследованиях типа сознания студентов-психологов

Т.В. Семенова

Communicative, contemplation, noumenal'nost' in empirical studies type of consciousness of students-psychologists

T.V. Semenova

Аннотация. Представлены результаты эмпирической проверки новых методик диагностики типа сознания, типа созерцания, психологических характеристик общения, типа личности и ноуменальности как ощущения синхроничности бытия. Методологическая основа исследований согласована с социально-коммуникативной парадигмой психологии и двухфакторной теорией сознания, развиваемыми в Самарском научном центре психологии сознания. Информантами выступили студенты-психологи.

Ключевые слова: психология сознания, созерцание, общение, контакт, синхроничность, свобода, созерцательность, общительность, ноуменальность, типы сознания, диагностический инструментарий, эмпирические исследования сознания.

Abstract. Presents the results of an empirical validation of new methods of diagnosis type of consciousness, type of contemplation, psychological characteristics of communication, personality type and noumenal'nosti as a sense of synchronicity of life. Research methodological framework aligned with the social-communicative paradigm of psychology and two-factor theory of consciousness, it has developed in the Samara scientific centre of psychology of consciousness. The informants were made by students-psychologists.

Key words: psychology of consciousness, contemplation, communication, contact, synchronicity, freedom, contemplation, communicative, noumenal'nost', types of consciousness, diagnostic tools, empirical studies of consciousness.

В Самарском научном центре психологии сознания продолжается серия эмпирических исследований, посвященных изучению типов сознания. Социально-психологический подход к проблеме диагностики типов сознания позволяет разрабатывать алгоритмы разнообразных форм опросов людей и относить информантов к тем или иным группам на основании психологических критериев. На основании теоретических конструктов разработаны и проходят эмпирическую апробацию новые методики: «Тест преобладающего типа сознания» (ТПТС), «Диагностика склонности к созерцанию» (ДС), анкета «Созерцание» (АС), «Комплексная психологическая диагностика общения» (КПДО), «Тест Авинского ноуменальных явлений» (ТАНЯ) и др.

Апробированные методики размещены на сайте «Самарский научный центр психологии сознания» (www.snrcps.ru) в разделе «Методические разработки»¹.

Методики ТПТС, ДС и АС позволяют проводить эмпирические исследования по определению типов сознания («созерцательный», «деятельностный», «критический», «неопределенный») и типов созерцания («созерцательная лень», «созерцательный сон», «созерцательная активность»), а также выявлять дескрипторы созерцания как психического явления. Методики разработаны в методологическом поле социально-коммуникативной парадигмы психологии, определяющей сознание в качестве основной проблемы и предмета психологической науки и предлагающей двухфакторную теорию сознания, в логике которой традиционный для отечественной психологии «принцип единства сознания и деятельности» дополняется триадой «сознание – деятельность – созерцание», а созерцание рассматривается в качестве дополнительной к деятельности категории психологии². С мировоззренческой позиции двухфакторной (контакт – свобода) теории сознания общение (контакт) является одним из двух факторов, каждый из которых представлен тремя составляющими (фактор контакта (общения): отклик, информация, смысл; фактор свободы: выбор, творчество, созидание).

Фактор контакта затрагивает сферу общения человека и выявляет зависимость от других людей и жизненных обстоятельств, а фактор свободы посвящен выявлению самостоятельности, творческого потенциала и тенденции к самоактуализации. Выделенные факторы влияют на проявление множества явлений сознания. Психологические характеристики общения (контакта) диагностируются методикой КПДО.

Для фиксации некоторых проявлений свободы сознания разрабатывается алгоритм ТАНЯ.

С точки зрения личности (индивидуального сознания конкретного человека), изучаемые явления сознания проявляются в виде личностных свойств (особенностей сознания), таких, как общительность (контакт), созерцательность (дополнение к деятельности), ноуменальность (синхроничность, свобода).

Общение рассматривается в многомерном измерении сознания: с точки зрения общительности в целом, направленности (установок) личности (когнитивная, аффективная, поведенческая, эгоцентрическая, альтруистическая, контекстная), стилей общения (директивный, конвенциональный, консолидирующий), уровней общения (контактный, информационный, смысловой, рефлексивный) и сфер общения (деловая, досуговая, семейная, педагогическая и др.)³.

Созерцательность (склонность к созерцанию) рассматривается нами как альтернатива деятельности и дополнительная к ней функция сознания. Созерцательность противоположна трудолюбию, есть люди, более склонные к созерцанию, и есть менее к нему расположенные, есть и такие, которым оно не свойственно⁴. При изучении социально-психологической феноменологии различных состояний сознания, в той или иной степени соизмеримых с состоянием созерцания (например, «контакта» в общении, «инсайта» и «интуиции» в обыденной жизни и в творчестве,

¹ Сайт «Самарский научный центр психологии сознания» (СНЦПС) : метод. разработка для пользователей / Сост.: Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. Самара, 2014 ; Созерцание: диагностический инструментарий (Тест преобладающего типа сознания. Диагностика склонности к созерцанию. Анкета «Созерцание») : метод. разработка к курсу «Психология сознания» / Сост. Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. Самара, 2015.

² Акопов Г.В., Семенова Т.В. Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии : лекция по курсу «Общая психология». Самара, 2014 ; Акопов Г.В., Семенова Т.В., Агапов Д.А. Психология сознания: социально-коммуникативная парадигма : лекция по курсу «Методологические основы психологии». Самара, 2014.

³ Комплексная психологическая диагностика общения (КПДО) : метод. разработка для бакалавриата по направлению «Психология» и магистратуры по направлению «Социальная психология» / Сост.: Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. Самара, 2015.

⁴ Семенова Т.В. Созерцательность как черта характера // Проблема личности и характера : сб. мат-лов регион. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 34–36.

«ноуменальности» и др.), в экспериментально-эмпирических исследованиях выявлено множество различий¹ в репрезентации внешней и внутренней психологической индивидуальности. Переходя от деятельности к созерцанию, человек отказывается от активности, но это не всегда связано с ленью. В феноменологических описаниях созерцание представлено в виде «умиротворения, удовлетворенности, отрешенности, гармонии»; прослеживается взаимосвязь созерцания с состоянием творческого вдохновения; созерцание притягательно, приятно, связано с потребностью в саморазвитии; в отличие от лени, созерцание продуктивно и т.п.

В пилотажных исследованиях проходит апробацию алгоритм диагностики своеобразного свойства сознания некоторых людей (ощущение свободы?), названного нами «ноуменальностью»². Под синхронистичностью (термин К. Юнга) понимается смысловое совпадение событий; под ноуменальностью – личностное свойство человека, степень его «самоотрегулированности», т.е. интуитивной подстройки к миру и другим людям. Если синхронистичность – это принцип устройства мира (механизм событийности), то ноуменальность – свойство человека, его особенность, акцентуация, отличающая его от людей другого (возможно, противоположного) типа. Человек с повышенной ноуменальностью интуитивно чувствует синхронистичность, т.е. нужную ему и созвучную с другими периодичность и мерность бытия, он более, чем другие, склонен к проявлению спонтанности, непредсказуемо-продуктивному поведению (оказывается в нужное время в нужном месте и т.п.). Обсуждаются возможности нового измерительного инструментария для диагностики ноуменальности человека как проявления синхронистичности мира³. Предполагается, что ноуменальные люди более развиты, они осознанно и неосознанно присматриваются, прислушиваются (принюхиваются и т.п.) к миру, подстраиваются к нему, к людям, к самим себе, «консолидируются» (термин, предложенный Г.В. Акоповым) друг с другом, интуитивно ощущают метричность мироздания, «альфа-метрику» (термин, предложенный В.И. Тюриным-Авинским), осознанно и неосознанно ищут и находят принципы, совместимые с принципом альфа-метричности, что помогает им быть более здоровыми, благополучными и успешными. Ноуменальность – не феномен, не особая характеристика, описывающая особых людей. Потенциально «ноуменальны» все (возможно, это что-то подобное «музыкальному слуху», а именно – «социально-психологический слух»), но кто-то в этом особенно успешен, и таких людей можно назвать «ноуменально одаренными» и в силу этого более свободными. В их поступках часто не прослеживается причинно-следственной связи между совпадающими событиями (Пример Юнга: номер трамвайного билета идентичен номеру купленного в тот же день билета в театр и номеру телефона, который сообщили в тот же вечер). Для кого-то подобные совпадения – не более чем случайность, а для кого-то – смысловые подсказки для недетерминированного (свободного) поведения.

Типы свободы, обозначенные Э. Фроммом (свобода от... – вынужденная активность; свобода для... – продуктивная активность), могут быть дополнены третьим типом (предложенным Г.В. Акоповым и Т.В. Семеновой) – «свободой к...» как способностью или готовностью к проявлению спонтанности (спонтанной активности, непредсказуемому поведению, интуитивному ощущению синхронистичности).

Каким образом возникает смысловое совпадение? Возможно ли изобрести метод, с помощью которого можно было бы продемонстрировать существование синхронистичности? Какова ее природа? Этими вопросами был обеспокоен К. Юнг. Он был уверен, что опираться надо на иррациональные функции сознания, то есть на чувства и интуицию. Метод исследования должен устанавливать как можно меньше правил, давая Природе возможность проявить себя в полную силу. Поиск интуитивного метода привел К. Юнга к астрологии. Он эмпирически исследовал соединяющие двух людей узы брака, анализируя даты рождения, «священные» числа и числа, имеющие особое значение, предполагая архетипическую основу чисел. Он подчеркивал, что числовые структуры не только выражают порядок, они создают его. Юнг был уверен, что определенные числа и комбинации чисел не только связаны с определенными архетипами и оказывают на них воздействие, но и сами подвергаются воздействию со стороны архетипов.

¹ Сайт «Самарский научный центр психологии сознания» (СНЦПС).

² Тюрин-Авинский В.И., Семенова Т.В. Ноуменальность как проявление синхронистичности // Креативная экономика и социальные инновации. Вып. 4, № 3 (8). 2014. С. 79–95. URL: [http://cesi-journal.com/sites/cesi.ru/files/Issues_pdf/Выпуск%204%20-%202014%20№3%20\(8\)%20.pdf](http://cesi-journal.com/sites/cesi.ru/files/Issues_pdf/Выпуск%204%20-%202014%20№3%20(8)%20.pdf) (дата обращения 01.06.2015).

³ Там же.

Поиск интуитивного метода привел нас не к астрологии, а к «альфа-метрике». Удивительные совпадения, на которые обращает внимание «альфа-метрика», основаны на повторяющихся закономерностях, выраженных в числах (периоды, размеры, отношения, константы и пр.), они найдены буквально во всех сферах бытия и подчиняются единой «метрике» – числовым структурам, выражающим общий порядок. Мы предлагаем использовать другой, отличный от астрологии, принцип, «ключ» к расшифровке упорядочивания. Альфа-метрика и каркасные альфа-пентаструктуры предопределяют оптимальную организацию и динамическую устойчивость природы, человека, социосферы, культуры, техники¹.

Применительно к диагностике ноуменальности, идея заключается в том, чтобы предложить людям какое-то простое интуитивное действие, в котором «всеобщая метрика» (на наш взгляд, более удачная – «альфа-метрика») себя проявила. Методика (последовательность действий), названная «Тест Авинского ноуменальных явлений» (ТАНЯ) основана на «измерении углов». Сначала их предлагается нарисовать, а затем – углы углами и измерить. Такой вариант новой, но уже неоднократно апробированной методики, мы и предлагаем к использованию и обсуждению².

Общительность, созерцательность, ноуменальность, предположительно, связаны между собой и могут быть соотнесены с определенным типом сознания. Информантами в пилотажных исследованиях по разработке диагностического инструментария выступают, как правило, студенты-психологи, которые в большинстве своем оказываются «общительными», «склонными к созерцанию» и «ноуменальными», что не противоречит здравому смыслу (именно поэтому они и психологи). Но именно это обстоятельство способствует более детальному изучению нюансов особенностей их психики и сознания.

В эмпирических исследованиях 2015 г. впервые новые методики использовались комплексно (на одной выборке студентов-психологов 1 курса, 33 человека, все женского пола): «Тест преобладающего типа сознания (ТПТС)», авторы Г.В. Акопов, Т.В. Семенова; «Диагностика склонности к созерцанию (ДС)», авторский вариант Т.В. Семеновой; «Комплексная психологическая диагностика общения (КПДО)», авторы Г.В. Акопов, Т.В. Семенова; «Тест Авинского ноуменальных явлений (ТАНЯ)», авторы В.И. Тюрин-Авинский, Т.В. Семенова, «Психометрический тест» Деллингера на выявление типа личности в авторской редакции Т.В. Семеновой.

С помощью методов математической статистики удалось подтвердить наличие некоторых значимых взаимосвязей. Расчеты производила Е.И. Рошупкина, всего исследовалось 19 параметров: тип сознания (критический, деятельностный, созерцательный, в том числе созерцательная лень, созерцательная активность, другие типы сознания в данной выборке не выявлены), общительность (высокая, средняя, низкая), направленность общения с точки зрения модальности (когнитивная – получение информации, аффективная – связанная с эмоциями, организационная – связанная с поведением в общении), направленность с точки зрения объекта, то есть с учетом того, на кого преимущественно направлено общение (эгоцентрическая – «на себя», «от первого лица»; альтруистическая – «на партнера», «от второго лица»; контекстная – «на меня», «от третьего лица»), стили общения (директивный – доминирующий, конвенциональный – договаривающийся, консолидирующий – объединяющий различные точки зрения); уровни общения (контактный – использование обратной связи в общении, информационный – передающий информацию, смысловой – извлекающий смысл из конкретной ситуации общения, рефлексивный – рассуждающий о причинах, итогах и планах относительно ситуаций общения), ноуменальность (ощущение синхронистичности, спонтанности, свободы – высокая, средняя, низкая), тип личности (человек типа... круг, треугольник, квадрат, прямоугольник, зигзаг, точка).

Характеристика выборки относительно изучаемых параметров. Созерцательный тип сознания – 52 %, деятельностный тип сознания – 45 %, критический тип сознания – 3%, в том числе тип созерцания: созерцательная лень – 31%, созерцательная активность – 21%. Тип личности: круг – 37 %, зигзаг – 21 %, точка – 21 %, треугольник – 15 %, прямоугольник – 3 %, квадрат – 3 %. Общительность: высокая – 70 %, средняя – 30 %, низкая – нет. Ноуменальность – высокая – 18 %, средняя – 73 %, низкая – 9 %.

Достоверно (подтверждено математической статистикой) созерцательность взаимосвязана с общительностью, альтруистической направленностью в общении, с контактными уровнями общения. Портрет истинного психолога: умеющего общаться с разными людьми, делать паузы в дея-

¹ Тюрин-Авинский В.И., Семенова Т.В. Ноуменальность как проявление синхронистичности.

² Там же.

тельности, видеть прекрасное, чувствовать других людей и помогать им, использовать обратную связь в общении, в том числе невербальное поведение.

Противоречивые результаты (на основе разных вариантов математической обработки) получены относительно следующих взаимосвязей: созерцательность – эгоцентрическая направленность в общении; созерцательность – консолидирующий стиль общения; организационная направленность – тип личности; информационный уровень общения – тип личности. Можно говорить о выявленных тенденциях, которые не противоречат разумной логике: созерцатели в первую очередь обращают внимание на свой внутренний мир, психологи обращают внимание других людей в свою пользу («на себя»), созерцатели замечают нюансы поведения других людей и стараются их использовать для общей пользы и достижения согласия между общающимися, организация общения и собственно обсуждаемая в общении информация зависима от психологических, профессиональных и других особенностей конкретных людей, участвующих в общении.

Статистически значимая связь не обнаружена между параметрами: созерцательность – когнитивная, аффективная, организационная направленность; созерцательность – контекстная направленность; созерцательность – директивный, конвенциональный стиль в общении, созерцательность – смысловой, рефлексивный уровни общения; деятельностный тип сознания – общительность; деятельностный тип сознания – когнитивная, аффективная, организационная направленность общения, деятельностный тип сознания – эгоцентрическая, альтруистическая направленность в общении, деятельностный тип сознания – конвенциональный, консолидирующий стиль общения; деятельностный тип сознания – контактный, информационный, смысловой, рефлексивный уровни общения; ноуменальность не связана ни с какими из изучаемых параметров (тип сознания, тип личности, характеристики общения).

Относительно используемых методик можно высказать следующие соображения. Наибольшую результативность дали две методики: ТПТС (тип сознания) и КПДО (характеристики общения). Методика ДС (склонность к созерцанию) оказалась малопродуктивной, так как все испытуемые оказались малодифференцируемыми «созерцателями». Возможно, это связано с особенностью выборки (девушки-психологи), но возможно и с качеством слов-побудителей к ассоциативным высказываниям (даны существительные, а не глаголы, например: «счастье – это...», а не «быть счастливым – это...»).

Ноуменальность, по всей вероятности, настолько интуитивно ощущаемая характеристика сознания, что зафиксировать ее с помощью строго определяемого параметра, который достоверно связан с другими, очень трудно. В предыдущих наших исследованиях (68 человек от 18 до 63 лет) ноуменальность имела некоторую связь лишь с субъективно определяемым самочувствием, в большей степени была свойственна женщинам, чем мужчинам, людям типа «круг» среднего возраста.

Вполне понятным может быть отсутствие взаимосвязи с общением. Ноуменальные люди – чувствительны к синхронистичности не за счет умения общаться, именно избыточное общение, как и целенаправленная деятельность, иногда, по-видимому, мешают. В определенных ситуациях они свободны от контактов, их поведение часто не связано ни с чем (ничем не детерминировано или детерминировано «ничем»), кроме внутренне (интуитивно, необъяснимо) ощущаемой свободы и умения ориентироваться в ситуации неопределенности, проявляя спонтанность в высказываниях и в поведении.

Почему не выявлена связь между ноуменальностью и созерцательностью (теоретически можно было предположить, что одно способствует другому), сказать трудно, возможно, в пилотажных исследованиях не все удалось. Возможно, что ноуменальность необходимо изучать в большей мере с помощью качественных, а не количественных методов, как проективных, так и прямых (деликатно расспрашивать людей о личностно – смысловых совпадениях событий и/или рассуждать с ними вместе по поводу самого явления или термина, с которым многие знакомы и пр.). Говоря о качестве алгоритма ТАНЯ, можно сравнить результаты с ранее проведенным исследованием, в котором участвовали не только психологи. В выборке из 68 человек людей с высокой ноуменальностью было 26 %, со средней – 50 %, с низкой – 21 %. В исследуемой ныне выборке ноуменально-чувствительных людей больше, но это может быть связано с тем, что это студентки психологического факультета, а также с тем, что сейчас замеры методикой ТАНЯ проводились более тщательно, с учетом не только явных метрических особенностей изображенных линий и углов, но и с учетом тенденций (искривлений, которые, как показали пилотажные замеры, тяготеют к точкам перегиба в пользу подстройки к интуитивно ощущаемой «альфаметрике»). Возможно, что это оказалось избыточным. Как и в предыдущем исследовании, людей

типа «круг» оказалось большинство, они общительны, направлены на других людей и предпочитают избегать конфликтов. Противоречий между преобладающей в данной выборке общительностью, созерцательностью и преобладающим типом личности нет. И среди таких людей – много ноуменальных.

Выводы: гипотеза о существовании взаимосвязи между особенностями носителей индивидуального сознания, такими, как общительность, созерцательность, ноуменальность, подтверждена частично. Связь выявлена лишь между некоторыми психологическими характеристиками общения и созерцательностью, удалось зафиксировать ноуменальность как личностное свойство, которое дифференцирует людей на тех, у кого оно ярко выражено, и тех, у кого его практически почти нет. Обнаружение взаимосвязей ноуменальности с какими-либо другими характеристиками (типом сознания, личностными акцентуациями, здоровьем, самочувствием и др.) – дело будущего.

Семенова Татьяна Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. Поволжская социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Semenova Tatyana Veniaminovna, doctor of psychological sciences, associate professor, professor of chair of the general and social psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

tatvensem@yandex.ru

УДК 070.1

Характеристика прагматонимов, содержащих культурный и политический подтекст (Россия и Украина)

Е.С. Сухинина

Feature pragmateia containing cultural and political implications (Russia and Ukraine)

E.S. Sukhinina

Аннотация. Статья посвящается характеристике прагматонимов, содержащих культурный и политический подтекст. Раскрывается значимость культурных ценностей, которая заключена в таких прагматонимах (на примере словесных товарных знаков, отражающих политическую и культурную обстановку в России и на Украине).

Ключевые слова: прагматоним, картина мира, политический подтекст, культурный подтекст.

Abstract. The article is devoted to the characterization of pragmateia containing cultural and political implications. The significance of the cultural values that are contained in such Princetonian (for example, word marks, reflecting the political and cultural situation in Russia and Ukraine).

Key words: pragmatism, world view, political implication and cultural connotations.

В настоящее время, мы все чаще сталкиваемся с наименованиями конфет, которые являются отображением целой картины мира, отображением ситуации, имеющей культурную значимость для нас, которая происходит или происходила в стране раньше. Такие наименования были и раньше, просто мы не придавали этому особого значения. Как отмечает В.Н. Михайлов, «На употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления, классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям»¹. И это несомненно: в именах собственных отражается целая эпоха, то есть целое событие, которое значимо и актуально для адресата.

Предметом настоящего исследования является прагматонимы, отражающие культурные и политические события. Объект исследования – характеристика прагматонимов, содержащих культурный и политический подтекст (Россия и Украина).

Прагматонимы – это вид словесных товарных знаков, охраняемый законом, а словесные товарные знаки – это имена собственные, которые изучаются в особой отрасли языкознания,

¹ Михайлов В.Н. Роль ономастической лексики в структурно-семантической организации художественного текста // Русская ономастика. М., 1984. С. 54.

ономастике. Проблемой изучения имен собственных занимались такие ученые, как А. В. Суперанская¹, Т. А. Соболева², А. А. Исакова³, О. В. Чеботарева⁴.

Еще до революции в кондитерской промышленности России были созданы настоящие, мировые шедевры промышленной графики. Но, к сожалению, имена многих предпринимателей, производивших сладости, были незаслуженно вычеркнуты из нашей жизни на долгие годы. Они сохранились лишь коллекционерами – на упаковках того времени – коробках от конфет, обертках от шоколада и на фантиках. В то время художники-оформители в основном пользовались пером и кистью, т.е. непревзойденные шедевры создавались вручную. Над созданием многочисленных сюжетов трудились такие известные художники, мастера рекламного искусства, как И. Билибин, М. Врубель, А. Апсит, А. Бельский, А. Гапонов, М. Колесников и многие, многие другие.

Остановимся на основных событиях в стране, которые нашли свое отображение в прагматониме XX в. Яркая примета 60-годов XX в., как известно, полёт человека в космос. Это эпохальное событие нашло отражение в следующих прагматонимах: *Космос*, *Космическая*. В годы правления Н.С. Хрущева и увлечения производством кукурузы – появились конфеты с изображением кукурузы и названием *Чудесница*. В тот период также можно было увидеть конфеты с такими названиями, как *Артистическая*, *Баядерка*, *Идиллия Лебединая Песня*, *Синяя птица*, *Снегурочка*, *Маленькие Музыканты*, *Детские забавы*, которые являлись своего рода отображением культурных событий страны. В осуществленном нами исследовании такие примеры являются наиболее частотными (50 %).

Нужно отметить, что в XIX в. имеются наименования конфет, которые заключают в себе актуальный (политический) подтекст. К примеру, 20 декабря 2011 г. в Роспатенте провели регистрацию заявки на товарный знак «Конфеты “Кремлевский мишка”». Эта заявка была включена в реестр заявок товарного знака, подлежащих регистрации в самом ближайшем времени.

Логотип товарного знака представляет собой следующее изображение: круг с полукругом внутри с изображением белого маленького медвежонка на льдине, с шарфом на шее, дополнением логотипа выступает фон северного пейзажа. Под изображением медвежонка имеются надписи «Кремлевский Мишка» и «Конфеты». Здесь, как мы видим, название конфеты говорит само за себя, то есть оно вполне актуально для целевой аудитории (ЦА) КП, выражено в адекватной вербальной форме, основано на условии эффективности РИ, предназначено для федеральных органов государственной власти и подведомственных предприятий.

Отметим, что слово «мишка» является достаточно распространенным при создании кондитерских изделий. Нам известны такие прагматонимы, как *Мишка на Севере* – *Мишка-Топтыжка* – *Мышка на севере* – *Брат с Севера приехал*. Здесь мы видим целый синонимический ряд, исходящий от исходного компонента *Мишка на Севере*. Прагматоним *Мишка-Топтыжка* представляет собой сложное слово, которое не характерно для естественной лексики. Это звуковые повторы, сочетания «парных» звуковых компонентов, основанные на аллитерации (созвучии) и редупликации (удвоении определенных элементов). Нужно отметить, что такой прагматоним, как *Мышка на Севере* представляет собой антистекон, который заключается в замене звука в слове: *мишка* – *мышка*). С целью применения охранной функции прагматонима «Приморская шоколадная фабрика» пришла именно к таким наименованиям конфет, в которых проявляется антистекон. Кажется бы, наименование прагматонима (*Мышка на Севере*) сходно с исходным *Мишка на Севере*, и в то же время проявляется некий юмор, когда вместо привычного для нас мишки мы видим на обертке конфеты мышку синего цвета, которая сидит на льдине. В осуществленном нами исследовании такие прагматонимы составляют 20%.

Немаловажным является и тот момент, что Роспатент одобрил товарный знак *Юлькины сосульки* – леденцы в виде заплетенной косы Юлии Тимошенко. Маркетолог Станислав Кауфман придумал конфеты в форме прически экс-премьера Украины. В дальнейшем этот бренд он планирует продать, и пусть даже за меньшую сумму, лишь бы он был сохранен. Хотя товар содержит политический подтекст, целевой аудиторией будут дети, и потому товар предполагается сделать максимально веселым и позитивным. В осуществленном нами исследовании такие прагматонимы составляют 30 %.

¹ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

² Соболева Т. А., Суперанская А.В. Товарные знаки. М., 1986.

³ Исакова А.А. Специфика переключения языковых кодов при адаптации прагматонимов английского происхождения в русском рекламном тексте : Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.

⁴ Чеботарева О.В. Функционирование имен собственных в рекламном тексте // Ономастика в кругу гуманитарных наук : мат-лы междунар. науч. конф. 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 223–225.

Анализ проделанной работы позволяет сделать вывод: люди, видя название прагматонима, содержащее политический или культурный подтекст, скорее всего ее приобретут. Прагматинном окажет свое психологическое воздействие, поскольку люди заинтересуются историей. Материалы проведенного исследования будут интересны не только психологам, но также в маркетологам и лингвистикам.

Сухинина Екатерина Сергеевна, студент-бакалавр. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Sukhinina Ekaterina Sergeevna, student-bachelor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

katya_suhinina@rambler.ru

УДК 159.9

Формирование потребительских ориентаций в социальном характере русских

Е.В. Явкина

Formation of consumer orientations in social character of Russians

E. V. Yavkina

Аннотация. В статье указывается на работу Э. Фромма как на источник информации о состоянии сознания, устремлений и ценностных ориентации эпохи Нового времени, отделившего этику от экономики, что вызвало рост ценностей, связанных с индивидуализмом. На материалах эмпирического исследования показано, что в русском национальном характере значимую роль стали играть ориентация на гедонизм, индивидуализм, бесстыдство... (что ещё?), то есть антинациональные черты социального характера, что являются главным культурным сдвигом, опасным для социального единства и сил, которые скрепляют общество.

Ключевые слова: потребление, социальный капитал, ценностные установки, рыночный характер, самосознание меновой стоимости, индивидуализм, гедонизм, бесстыдство.

Abstract: In article it is indicated E. Fromm's work as on a source of information on a condition of consciousness, aspirations and valuable orientations of an era of the Modern times which separated ethics from economy that caused growth of the values connected with individualism. On materials of empirical research it is shown, what in the Russian national character orientation to hedonism, individualism, shamelessness ... (that else began to play a significant role?), that is those antinational lines of social character that are the main cultural shift dangerous to social unity and forces which fasten society.

Key words: consumption, social capital, valuable installations, market character, consciousness of exchange value, individualism, hedonism, shamelessness.

Встав на путь гуманитарного заимствования в конце XIX в., Россия начала переживать психологическую трансформацию социального характера. Самосознание российских народов оказалось под угрозой необратимых трансформаций, генезис которых был проанализирован Э. Фроммом и выводы которого не оспорены до сих пор. Так как русский народ из всех российских народов имел наиболее прозападную ориентацию, трансформационные процессы коснулись его в большей степени.

Возникновение человеческого сознания, полагает Э. Фромм, разрывает естественные связи человека с природой, разрушает его извечную гармонию с ней и порождает то экзистенциальное противоречие, которое составляет основную проблему человеческого существования «С началом промышленного прогресса, замены энергии животного и человека механической, а затем ядерной энергией до замены человеческого разума электронной машиной мы чувствовали, что находимся на пути к неограниченному производству и, следовательно, к неограниченному потреблению; что техника сделала нас всемогущими, а наука – всезнающими. Мы были на пути к тому, чтобы стать богами, высшими существами, способными создать второй мир, используя мир природы лишь в качестве строительного материала для своего нового потребления... Предполагалось, что богатство и комфорт в итоге принесут всем безграничное счастье»¹.

¹ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 32.

В качестве присущих индустриальной системе ориентаций Э. Фромм называет две: «1) целью жизни является счастье, то есть максимальное наслаждение, определяемое как удовлетворение любого желания или субъективной потребности личности; и 2) эгоизм, себялюбие и алчность, которые с необходимостью порождает данная система, чтобы нормально функционировать, ведут к гармонии и миру... Обе эти противоречивые установки находятся в соответствии с экономической необходимостью: капитализм XX в. зиждется как на максимальном потреблении производимых товаров и предлагаемых услуг, так и на доведенном до автоматизма коллективном труде»¹.

Рассматривая проявление ценностных установок на обладание и бытие в повседневной жизни, в различных сферах человеческой деятельности, Э. Фромм анализирует капиталистическую действительность через призму конфликта двух ориентации характера – рыночного и продуктивного, противоречия двух способов существования – обладания и бытия. Продуктивную ориентацию Э. Фромм связывает с ценностной установкой на бытие, которая определяет и соответствующий тип человеческого существования. В качестве обязательных предпосылок такого способа существования человека является наличие у него независимости, свободы и критического мышления. «Что касается бытия как способа существования, то следует различать две его формы. Одна из них ... означает жизнелюбие и подлинную причастность к миру. Другая ... относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи»². Продуктивную ориентацию характера, по глубокому убеждению Э. Фромма, способны иметь все человеческие существа, ибо потребность в ней коренится в самой человеческой природе. Но, к сожалению, она подавляется установкой на обладание, рыночной ориентацией характера, которая в капиталистическом обществе является универсальной.

Подробно автор останавливается на понятии «эгоизма человека Нового времени». «Вторая психологическая посылка индустриального человека, а именно что индивидуальные эгоистические устремления ведут к миру и гармонии, а также росту благосостояния каждого, столь же ошибочна с теоретической точки зрения ... Ее ли я эгоист, это проявляется не только в моем поведении, но и в моем характере. Быть эгоистом – значит, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими; что я должен стать жадным, потому что если моей целью является обладание, то я тем больше *значу*, чем больше *имею*»³. Жажда обладания, утверждает Э. Фромм, не может построить здоровое, гуманное общество, так как «ведет к нескончаемой классово-войне». Она неизбежна, ведь в постоянной алчности все хотят иметь больше. «Радикальный гедонизм и безудержный эгоизм не могли бы возникнуть как руководящие принципы экономического поведения, если бы в XVIII в. не произошло коренного изменения. В средневековом обществе экономическое поведение определялось этическими принципами ... оставалось человеческим поведением и, следовательно, подчинялось нормам гуманистической этики. В несколько этапов капитализм XVIII в. претерпел радикальное изменение: экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей. В самом деле, считалось, что экономическая машина представляет собой автономный организм, независимый от потребностей и воли человека. Предполагалось, что это некая система, которая функционирует сама по себе. Страдания рабочих и разорение все большего числа мелких предприятий в интересах роста все более крупных корпораций представлялись экономической необходимостью, с которой приходилось мириться, как если бы она была неизбежным следствием какого-то закона природы»⁴. Таким видел Э. Фромм современное общество в своем последнем произведении. Эгоизма и продажности, по его мнению становилось все больше, они вытесняли гуманность и уводили человека от гармонии с природой.

Чтобы лучше понять взгляды Фромма на взаимоотношения человека и общества и динамику исторического процесса, необходимо проанализировать одну из важных его концепций – концепцию «социального» характера.

Индивиды любого общества, несмотря на индивидуально-психологические различия, всегда, по мнению Э. Фромма, имеют нечто общее в своих психологических свойствах и в этом смысле являются типичными представителями данного общества. «Ядро структуры характера, которое присуще большинству членов одной и той же культуры, в отличие от индивидуального

¹ Фромм Э. Иметь или быть? С. 34–36.

² Там же С. 53.

³ Там же. С. 36–37.

⁴ Там же. С. 37–38.

характера, который различен у людей той же самой культуры», Э. Фромм называет «социальным характером». Другое определение: «Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социально-экономической структуры»¹.

Данное понятие не сводится к утверждению, что «человек – существо социальное». Не социальная структура общества формирует потребности человека, а, наоборот, антропологическая структура последних определяет способы существования человека. Социальный характер оказывается для него не чем иным, как результатом динамической адаптации человеческой природы к структуре общества. Социальные условия всегда вызывают господство какого-то одного из типов характера, свойственного подавляющему большинству членов общества. Для капиталистического общества наиболее характерна рыночная ориентация социального характера.

«Самым важным для понимания характера и тайной религии современного человеческого общества является то изменение в социальном характере, которое произошло за период с начала эры капитализма до второй половины XX столетия. Авторитарный, одержимый, накопительский характер, развитие которого началось в XVI в. и который продолжал преобладать, по крайней мере у средних классов общества, до конца XIX в., медленно уступал место *рыночному характеру* ... В этом случае человек ощущает себя как товар, свою стоимость не как «потребительскую», а как «меновую стоимость». Живое существо становится товаром на «рынке личностей»².

Рыночный характер приносит при глубоком рассмотрении человеку и обществу мало хорошего. Стремясь к успеху и процветанию человек становится все более зависимым от оценок окружающих. «Успех зависит главным образом от того, насколько выгодно удастся людям преподнести себя как «личность», насколько красива их «упаковка», насколько они «жизнерадостны», «здоровы», «агрессивны», «надежны», «честолюбивы». ... Цель рыночного характера ... сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей»³. Нарушается гармония человека с самим собой. «Отношение человека к самому себе определяется тем фактом, что одних умений и наличия соответствующих способностей еще недостаточно для успеха, для выполнения той или иной работы; для успеха необходимо еще победить в жесткой конкуренции. ... Но так как успех зависит от того, как человек продает свою личность, то чувствует себя товаром. Человека не заботит ни его жизнь, ни его счастье, а только то, годится ли он для продажи»⁴.

Капиталистическое общество, которое ориентирует человека на потребление как главное жизненное устремление, насквозь пропитывается мотивами купли и продажи. Человек, вся жизнь которого сосредоточивается на производстве, продаже и потреблении товаров, сам превращается в товар. «Люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть. Эти «старомодные» эмоции не соответствуют структуре характера, функционирующего почти целиком на рассудочном уровне и избегающего любых чувств, потому что они служат помехой для достижения основной цели характера – продажи и обмена»⁵. Человек становится пленником тех самых экономических и политических условий, которые были им же созданы. Постоянное чувство страха, бессилия, тревоги, неуверенности, вины пропитывает его жизнь. «Отсутствие привязанностей у людей с таким характером делает их безразличными и к вещам. И, пожалуй, единственное, что имеет для них значение — это престиж или комфорт, которые дают эти вещи, а не сами вещи как таковые. В конечном счете, они просто потребляются, как потребляются друзья и любовники, поскольку для них не существует никаких глубоких привязанностей»⁶.

Э. Фромм считает, что реализация фундаментальной религиозной потребности приводит к утверждению и распространению в обществе т. н. «кибернетической религии», объектом которой являются вещи, созданные самим человеком. «За фасадом агностицизма или христианства скрывается откровенно языческая религия, хотя люди и не осознают ее как таковую ... Самым поразительным является то, что человек превратил себя в бога, потому что обрел техническую возможность создать второй мир вместо того мира, который, как утверждает традиционная религия, был впервые создан богом: мы превратили машину в бога и, служа машине, стали подобны богу ... Мы перестаем быть хозяевами техники и, напротив, становимся ее рабами»⁷.

¹ Фромм Э. Иметь или быть? С. 156.

² Там же. С. 169–170.

³ Там же. С. 170–171.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там. С. 171.

⁶ Там же. С. 172.

⁷ Там же. С. 175.

Стереотипы национального характера не обязательно отражают измеряемые личностные черты людей и их поведенческие диспозиции, поэтому естественно предположить, что главная функция стереотипов социального характера состоит в том, чтобы поддерживать национальную идентичность¹. Хотя культуры могут различаться бесконечным числом признаков, исследования показывают, что большая доля межкультурной вариативности может быть объяснена относительно небольшим количеством измеряемых параметров, среди которых особое место занимает индивидуализм / коллективизм из-за его важной роли в социальном дискурсе. Г. Хофстеде (G. Hofstede)² определял индивидуализм и коллективизм как два полюса одного измерения национальной культуры: индивидуализм, согласно его определению, относится к обществу, в котором отношения между людьми являются свободными и где ожидается, что каждый будет заботиться только о себе и о своей семье. Коллективизм, напротив, относится к обществу, где люди от рождения интегрированы в сильные, сплоченные группы с общими интересами, которые на протяжении всей жизни продолжают защищать людей в обмен на безусловную преданность и лояльность. Г. Хофстеде поместил Россию в середине шкалы индивидуализма / коллективизма вместе с такими странами, как Бразилия, Иран и Турция. Многие российские исследователи культуры явно соглашались с идентификацией коллективистических элементов в ней.

Мы сочли возможным эксплицировать теорию Э. Фромма на выборах русских с помощью эмпирического анализа результатов диагностики по методике Опросника национального характера с 30 пунктами (National Character Survey, NCS).

Методики.

288 человек, жители Самары, мужчин и женщин, участвовали в опросном исследовании, в котором их просили оценить личностные черты типичного русского, живущего в Самарском регионе. Каждая из выборок была разделена на две отдельные группы. Первая группа в каждой выборке (со средним возрастом $20,7 \pm 2,9$ года, 75 % из них женщины) должна была заполнить Опросник национального характера³ и оценить типичного русского, живущего в Самаре. Опросник национального характера (National Character Survey, NCS) состоит из 30 биполярных шкал с двумя или тремя прилагательными или фразами на полюсах всех шкал. Каждая шкала с пятью позициями выявляет для оцениваемого субъекта один из 30 аспектов Ревизованного опросника личности NEO⁴ с шестью пунктами для каждого из пяти главных факторов личности. Прямая интерпретация показателей личности неоднозначна, так как они только частично базируются на реальных жизненных наблюдениях оцениваемого целевого субъекта. Вторая часть основана на концептуальном знании о личности в общем, которое все респонденты имеют, до любых фактических оценок. Все оценки, могут проистекать отчасти из тех логических допущений в умах респондентов, которые называются восприятием «обобщенного другого». Оценки типичного русского были преобразованы в *T*-величины. Вторую группу участников из каждой выборки просили охарактеризовать этнически русского взрослого старше 50 лет или человека в студенческом возрасте мужского или женского пола, которого они хорошо знали, в том числе оценить его с помощью русскоязычной версии NEO-PI-R⁵. Вторая группа участников включала (78 % из них – женщины) со средним возрастом $20,9 \pm 3,6$ г. (см. таблицу). Показатели по шкалам NEO-PI-R подвергались преобразованию в *T*-величины, используя показатели шкал пересмотренного NEO опросника личности (NEO-PI-R).

¹ Terracciano A., Abdel Khalek A.M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H. N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures // Science. 2005. № 310 (5745). P. 96-100.

² Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA, 1980.

³ Terracciano A., Abdel_Khalek A. M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H. N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures P. 96–100.

⁴ Costa P. T., McCrae R. R. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor determinants of national character stereotypes // European Journal of Personality. 1992. № 21 (8). P. 953–976.

⁵ Martin T.A., Costa P.T., Oryol V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I.G. Applications of the Russian(2002). Applications of the Russian NEO-PI-R. In R. R. McCrae & J. Allik (Eds.).

Характеристика выборок, средние значения стереотипа и оценок другого человека по шкалам Большой пятёрки

Название выборки	Регион	Опросник национального характера (National Character Survey, NCS)							NEO-PI-R Оценки другого						
		N	NNCS	ENCS	ONCS	ANCS	CNCS	Nall	Neounb	N	E	O	A	C	r
Самара	Самарский	288	46.5	52.4	55.3	51.3	53.3	194	99	46.9	54.4	49.8	47.0	51.9	0.49

Примечание. N – нейротизм, E – экстраверсия, O – открытость, A – доброжелательность, C – сознательность, r – корреляция между средними оценками типичного русского и средними оценками личностных черт этнических русских, проживающих в том же самом регионе (корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$, выделены жирным шрифтом).

Полученные оценки показали, что типичный русский редко чувствует себя эмоционально угнетенным или неполноценным, он является доминирующим, волевым и говорит без колебаний, имеет живое воображение, яркую фантазию и интеллектуальное любопытство, способен произвести переоценку социальных и политических ценностей. Профили типичного русского имели слабую конвергенцию с оцененными чертами личности молодого, но не старшего поколения этнических русских.

В Самарской выборке по сравнению с международными средними нормами обнаружена тенденция оценивать типичного русского менее невротическим и более экстравертированным. Возможно, наиболее отличающимися чертами типичного русского являются следующие: он (она) редко чувствует стыд и смущение (низкие значения N4: Застенчивость), стремится быть доминирующим и сильным (высокие значения по E3: Уверенность), имеет яркое воображение (высокие значения O1: Фантазия) и готов(а) пересматривать социальные, политические и религиозные ценности (высокие значения O6: Ценности). Далее мы выясняли, насколько демографические особенности респондентов (пол, национальность и т. д.) влияли на восприятие типичного русского. Пол респондентов оказывал довольно тривиальное влияние на оценки типичного русского. Хотя однофакторные дисперсионные анализы (ANOVA) показали существенный эффект пола для 16 из 30 пунктов NCS на 1 %-м уровне значимости, величины эффекта, оцениваемые в терминах парциального квадратического эта-коэффициента, $2r^1$, были весьма небольшими. Эффекты влияния пола респондентов на средние показатели NCS находятся в диапазоне от 0,001 % до 1,1 % полной дисперсии со средней величиной эффекта, равной 0,28 %. Эффекты национальности респондентов были еще меньше. Различия между русскими (82,4 %) и нерусскими (17,6 %) респондентами максимально достигали 0,3 % со средней величиной 0,08 % от общей дисперсии.

Отдельную группу участников просили идентифицировать этнически русского человека старше 50 лет или молодого человека студенческого возраста – мужчину или женщину, которого они хорошо знали, а также оценить эту цель, используя NEO-PI-R. Нормализованный профиль NEO-PI-R- профиль оценок (другого человека) сравнивался с нормализованным профилем оценок типичного русского, полученных по шкалам NCS. Корреляция Коэна между профилем средних значений типичного русского и профилем оценок другого составила $r = ,13$ ($p = ,32$), что означает отсутствие какого-либо сходства в профилях. Однако, допуская, что студенты, которые оценивали типичного русского, возможно, представляли себе кого-то близкого им по возрасту, мы разделили профили средних оценок другого на два независимых профиля: профили молодых целей (в возрасте между 17 и 23 годами) и более старших целей (в возрасте, по крайней мере, 50 лет). Действительно, профиль типичных оценок был более положительно связан с профилем средних значений молодых этнических русских (r Коэна = ,33, $p < ,01$), а не старших этнических русских (r Коэна = -,20, $p = ,12$). Таким образом, вполне возможно, что национальные стереоти-

¹ Terracciano A., Abdel_Khalek A. M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H. N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures. P. 96–100.

пы участников (студенческого возраста) отражают до некоторой степени средние личностные показатели молодых представителей данной культуры, но не всей нации.

Социологи предположили, что одним из главных механизмов, создающих социальное единство и эффективное функционирование социальных учреждений, является **социальный капитал**, который обычно определяется как «суммарное количество всех ресурсов, актуальных или виртуальных, которые достаются человеку (или группе) благодаря нахождению в устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»¹. Реальный рост популярности понятия социального капитала произошел после появления в 2001 г. книги *Bowling alone* («Боулинг в одиночку») Роберта Путнэма, который доказывал снижение многих индикаторов социального капитала – уровня взаимодействий между согражданами, участие в выборах и добровольческих организациях, распространенности честности и доверия – в большинстве стран Запада в течение последних нескольких десятилетий. Несмотря на часто повторяемое утверждение, что модернизация сопровождается неограниченным ростом индивидуализма, который несет серьезные угрозы органическому единству людей и общества, имеющиеся данные показывают обратное: индивидуализм скорее прочно связан с увеличением социального капитала как внутри, так и между культурами. Как это ни парадоксально, в обществах, где люди более автономны и как будто свободны от социальных пут, они также более склонны доверять друг другу.

Соответствуют ли национальные стереотипы агрегированным чертам личности – вопрос полемический в науке, однако было показано, что люди, живущие в кризисных культурах, склонны полагать, что их типичный соотечественник эмоционально нестабилен, или что члены богатых государств менее теплые, но более компетентные².

Тем не менее предыдущие исследования стереотипов национального характера не были в состоянии показать прямые отношения с социальными представлениями и ценностями³.

В данном исследовании мы попытались продемонстрировать, что уровень взаимодействий с согражданами и распространенность духа честности и доверия (т. е. социальный капитал) – один из ключевых факторов, определяющих стереотипы национального характера. Несмотря на существенную корреляцию между профилем средних оценок типичного русского и профилем средних оценок другой личности из числа молодых этнических русских, очевидно, что знакомые русские воспринимались посредством пунктов: гедонизм, индивидуализм, бесстыдство, что отрицает возможность формирования социального капитала.

В результате факторного анализа было выделено 3 фактора, объясняющих 63,6% дисперсии.

Первый фактор (вклад в общую дисперсию 18.331%) получил название «индивидуализм». Респонденты (возраст 18–23) отдали предпочтение образу реалистичному, хорошо адаптированному в обыденной жизни. Ко всем жизненным событиям этот тип подходит с логической меркой, ищет рациональных объяснений и практической выгоды. Ему не свойственны резкие перемены в жизни, он предпочитает постоянство и надежность во всем. Он может быть и необязательным, и организованным, предусмотрительным, осторожным. Налицо рост индивидуалистических характеристик, наиболее мощной из которых является потребительство.

Второй фактор мы определили как «гедонизм» (вклад в общую дисперсию 11.275%). В этике древнегреческой философии киренаиков данное понятие было положено в основу учения, в котором смыслом жизни признавалось наслаждение, но не только телесное, а также и духовное. Генри Сидгвик (Henry Sidgwick) в своём описании утилитаризма XIX столетия различает этический и психологический гедонизм⁴. Психологический гедонизм является антропологической гипотезой о стремлении человека увеличить собственные радости. Таким образом, у гедонистов единственными мотивами поступков являются перспектива удовлетворения, и избегание того, что не удовлетворит те или иные желания. В свою очередь, этический гедонизм является нормативной теорией или группой теорий о том, что человек должен стремиться к удовлетворению или собственному (гедонический эгоизм), или всеобщему (универсальный гедонизм или утилита-

¹ Bourdieu P. The forms of capital. In J. Richardson (Ed.) // Handbook of Theory and Research for the 1986. P. 248.

² McCrae R.R., Terracciano A., Realo A., Allik J. Climatic warmth and national wealth: Some culture-levelnations. (2nd edition). Thousand Oaks, 2007.

³ McCrae R. R., Terracciano A., Realo A., Allik J. Climatic warmth and national wealth: Some culture-levelnations.

⁴ B. Corry, Sidgwick, Henry. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 14, ed. D.L. Sills Macmillan Free Press, 1968.

ризм). В выборке представлен противоречивый образ социального характера, уравнивающий разнообразные душевные порывы: доброту и черствость, отзывчивость и бездушие. Респонденты отдали предпочтение таким характеристикам: предпочитающий новизну, разнообразие, активность, энергичность. Людям с такими чертами характера присуще легкое отношение к жизни. Они производят впечатление беззаботных и безответственных, которым сложно понять тех, кто рассчитывает каждый свой шаг, отдавая все свои силы созданию материального благополучия. Эти люди отличаются общительностью, любят развлечения и коллективные мероприятия, имеют большой круг друзей и знакомых.

Третий фактор получил название «бесстыдство» (вклад в общую дисперсию 8.494%). Бесстыдство – отсутствие чувства стыда в ситуациях, когда он в норме должен быть. Является следствием циничности, презрения к другому человеку, нарциссизма. Здесь выделяются респондентами такие качества, как хитрость, агрессивность и манипулирование / обман, что является неотъемлемым качеством современного общества. Бесстыдство аморально, так как типаж с данной характеристикой декларирует одни цели, а преследует другие.

Выводы.

Если стереотипы национального характера не обязательно отражают измеряемые личностные черты людей и их поведенческие диспозиции, то было бы естественно предположить, что главная функция стереотипов социального характера состоит в том, чтобы поддерживать национальную идентичность. Хотя любые две культуры могут различаться бесконечным числом признаков, исследования показывают, что большая доля межкультурной вариативности может быть объяснена относительно небольшим количеством измеряемых параметров, среди которых особое место занимает индивидуализм / коллективизм из-за его важной роли в социальном дискурсе.

Э. Фромм полагал, что капиталистическое общество может быть изменено и превращено в психически здоровое общество путем изменения ценностных установок и сознания каждого из его индивидов. Для этого необходимо, не затрагивая основу капитализма – частную собственность, заняться моральным перевоспитанием человека с тем, чтобы заменить «рыночную ориентацию» его поведения на более «продуктивную» и тем самым изменить его социальный характер. Отчуждение, ориентация на обладание исчезает тотчас же, как только человек осознает внутренние ценности своей природы и будет действовать согласно им. Смысл терапии – в моральном просвещении человека, в пробуждении его «гуманистической совести», переориентации его сознания. Однако возникает вопрос: как могут люди изменить господствующую в обществе ценностную ориентацию, не изменив предварительно социально-экономические условия своего существования? Поэтому в качестве основной предпосылки формирования нового человека Э. Фромм выдвигал требование о необходимости радикального изменения всей экономической системы капитализма.

Явкина Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Yavkina Elena Viktorovna, senior teacher of the Department of General and Social Psychology. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
yvkina@list.ru

Развитие сознания учащихся в условиях обогащенных образовательных сред различной направленности: историческая, социокультурная, этнонациональная, духовная и др.

УДК 159.922.4+316.74

Исследование этнических представлений армянской студенческой молодежи об образе Я в монокультурной образовательной среде

А.С. Берберян

Study of armenian students' ethnical representations of "self-concept" in monocultural educational environment

A.S. Berberyan

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к изучению этнической идентичности, ее стратегий. В эмпирическом исследовании выявлены представления армянской студенческой молодежи о типичном армянском мужчине и типичной армянской женщине и проводится сопоставление с их идеальным образом в структуре образа Я. Результаты исследования свидетельствуют об этнической идентичности как важном компоненте социальной идентичности.

Abstract. The article describes different approaches to the study of ethnic identity and its strategies. In our empirical study ethnical representations of Armenian students about the typical Armenian men and women are revealed, we compare them with the ideal ones in the structure of self-concept. The results of our study indicate that ethnic identity can be considered as an important component of social identity.

Ключевые слова: этническая идентичность; образ Я; типичный и идеальный образ; студенческая молодежь.

Key words: ethnic identity; self-concept; typical and ideal concept; students.

В современном трансформационном обществе, характеризующемся кардинальными изменениями в системе ценностно-смысловой структуры личности, её идентичности и, в целом, в образе Я, наиболее актуальной представляется проблема этнической идентичности. Глобализационные и интегративные процессы существенно влияют на феномен этнокультурной идентификации. Функциональные возможности этнокультурной идентичности становятся всё более динамичными, мобильными, в значительной степени определяя эффективность взаимоотношений между представителями различных этносов, народов. Каковы возможности программ по развитию межкультурной коммуникации, судить сложно. Но с большой долей уверенности можно утверждать: вне зависимости от функциональных характеристик идентичности, оснований и критериев культурного размежевания, принцип идентичности является продуктивным. Национальная идентичность является важной составляющей национального самосознания и выступает условием его целостного и гармонического развития. Осознание этнической принадлежности позволяет человеку лучше понять самого себя, других людей, приводит к поиску необходимых путей для самореализации.

Анализ концептуальных подходов выявил существенные разногласия в определении самого понятия «этническая идентичность». Большинство исследований, относящихся к разным научным направлениям, приходит к мнению о том, что категоризация понятия проявляется через биполяризацию. В архаическом мышлении человека понятия возникали в паре, в дихотомии – путём сопоставления. Например: радость – горе, сладость – горечь, жизнь – смерть и т.д. Принцип биполяризации важен и в построении научных концептов. В соответствии с этим принципом

человек выделяет себя, своё Я из конкретной общности «Я – Мы», либо объединяет себя со своей общностью, противопоставляя общности «Мы» и– «Они» (свои – чужие). Одним из механизмов разделения социального мира на категории «Мы» и «Они» является идентификация, а в случае «Я – Мы» – самоидентификация. Проблема идентичности формировалась в русле психологических и социально-психологических исследований личности. Можно выделить два направления в определении сущности идентичности. Первое направление восходит к структурно-функциональной традиции, которая характеризуется позитивистским решением проблемы личности, т. к. личность мыслится как объективно фиксируемая совокупность тех или иных компонентов – личностных черт, функций, мотивов и др., что даёт возможность выявления тех или иных её инвариантов, позволяющих типологизировать различные личности и сравнивать их либо друг с другом, либо с некоторым эталоном, либо с ней самой в различные временные периоды.

Наибольший вклад в разработку понятия идентичности внес Э. Эриксон. Дальнейшие исследования ученых основывались в той или иной степени на его концепции. Э. Эриксон характеризовал идентичность как «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я»¹. Это определение позволяет представить идентичность в качестве динамического процесса вплетений в жизнедеятельность человека.

Этнический статус в основном остается неизменным в течение жизнедеятельности личности. Однако этническая идентичность не статичная, а динамическая категория. На формирование и трансформацию этнической идентичности влияет ряд обстоятельств, которые обусловлены межгрупповыми взаимоотношениями и спецификой социальной среды, которые, в свою очередь, зависят от социальных изменений в обществе, от характера гомогенности/ гетерогенности этнического окружения. Исследователями было выявлено, что этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто живет в культуре, сильно отличающейся по своим этническим признакам. А для индивидов, живущих в условиях однородной, гомогенной среды осознание своей этнической идентичности не является приоритетным. Этническая идентичность сильнее осознается и знания о межкультурных различиях формируются значительно раньше, если человек живет в полиэтнической среде². Потребность в этнической принадлежности рассматривается многими исследователями как базовая потребность человека. Г. Солдатова справедливо отмечает: «Это одно из средств приспособления, лучшей ориентации ... принадлежность к этнической группе – это также способ выделиться ... через этничность повысить свою ценность»³.

В работах А. Тэджфела и Дж. Тернера отмечена неразрывная связь двух процессов: социальной идентичности и социальной дифференциации⁴. Эти процессы способствуют формированию социальной идентичности, понятия, в котором отражены представления личности о себе как представителе социальной группы. Этническая идентичность рассматривается исследователями как часть Я-концепции личности, основанной на осознании собственной принадлежности к этнической группе, имеющей ценностный смысл и эмоционально-окрашенное отношение. Выделяют этнодифференциальные такие признаки, как общность территории, традиции, ценности, язык, культура, история. Различные авторы подчеркивают важность одного из признаков. Так, совместное проживание в определенных условиях с традициями, обычаями, сложившимися веками, очевидно, накладывает отпечаток на характер народа, психический склад этноса, на способ восприятия мира, на мироощущение.

Исследователи выделяют 2 стратегии, которые заключаются в идентификации со своей группой, позитивной либо негативной этнической идентичности, и в идентификации с доминантной группой. В данном случае идентичность рассматривается в линейной биполярной модели, поскольку авторы данной модели рассматривают взаимозависимости индивида со своей этнической либо с доминантной группой. Данная модель ограничена строгими рамками полярной дихотомии: ослабление – усиление связи с одной из двух этнических групп. Однако в реальности возможны различные модификации: существуют различные идентификации с двумя и более этническими общностями. Полиэтническая среда предполагает стратегии индивидов не только на свою, но и на близкие идентичности. Исследователями была предложена модель двух измерений этнической идентичности – идентификации индивида не только с одной, но и с двумя и более

¹ Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. М., 1996.

² Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 35-48.

³ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 103–122.

⁴ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.

этническими группами. В этих типах этнической идентичности связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо¹.

Следовательно, этническая идентичность не всегда выступает в континууме линейного конструкта; в реальной действительности возможны качественно новые формы отношений к различным этническим группам².

В последнее время выделяется тип биэтнической идентичности, т.е. способ отнесения себя к двум культурам. Индивид воспринимает две культуры как родственные, совмещая в себе ценности двух культур³. По мнению М. Родерем-Борус, биэтническая идентичность является одним из параметров более широкого понятия бикультурной ориентации, представляющей собой бикультурное восприятие себя и окружающего мира⁴. В отличие от линейной, одномерной этнической идентичности, которая формируется в подростковом возрасте, двуполярная, биэтническая идентичность свойственна лишь устойчивой, сложившейся Я-концепции и образу Я человека в более позднем возрасте, начиная с юношеского периода.

Было проведено эмпирическое исследование особенностей этнокультурной идентичности, в частности, его ценностно-смыслового аспекта в титульном этносе, в монокультурной среде (на примере исследования армянской молодежи Армении). Исследование проводилось с применением авторской анкеты «Исследования соотношения Я и Мы в самопонимании этнокультурной идентичности». Методика состоит в выявлении 81 личностных качеств. Задача исследуемых состояла в оценивании по 5-балльной шкале степени выраженности данных качеств у себя как у представителя армянской национальности, далее требовалось оценить степень выраженности данных качеств у типичного мужчины и у типичной женщины армянской национальности и в конце – выраженность данных качеств у идеального мужчины и у идеальной женщины армянской национальности. В исследовании принимали участие студенты армянских вузов. Все респонденты – коренные жители Армении, по национальности армяне, чей родной язык – армянский. Общее количество респондентов – 138, из них 51,6% – юноши, 48,6% – девушки; возраст респондентов от 18 до 25 лет (73,9% составляют респонденты от 18-и до 21 года и 26,1% – студенты от 22-х до 25 лет). Средний возраст исследуемых 20,65 лет. Из общего числа респондентов 50,7% – жители столицы, 49,3% – жители регионов.

По результатам исследования, представления респондентов о типичных армянской женщине и мужчине близки по содержательным характеристикам представлениям об идеальном армянине. В оценке мужчины доминируют: «верность дружбе» – 4.52, «уважение к старшим» – 4.29, «религиозность» – 4.29, «дружелюбие» – 4.20, «самостоятельность» – 4.19, согласно оценке женщин, это «дружелюбие» – 4.37, «сила» – 4.24, «верность дружбе» – 4.22, «гостеприимство» – 4.13, «гордость» – 4.07, «храбрость» – 4.0. Отвергаемые и низко оцениваемые качества типичного армянского мужчины: «наглость» – 1.16, «наивность» – 1.28, «грубость» – 1.43, в глазах женщин – «умение посмеяться над собой» – 1.82, «мечтательность» – 1.82, «застенчивость» – 1.91.

В оценке представления о типичной армянской женщине доминируют «тактичность» – 4.22, «эмоциональность» – 4.19, «доброта» – 4.19, «оптимизм» – 4.12, «религиозность» – 4.09; в оценках самих женщин – «гостеприимство» – 4.34, «уважение к старшим» – 4.04. Наблюдается практически полное совпадение отвергаемых качеств: на 1-ой позиции – «наглость» (0,46-0,39), «грубость» (0,72-0,75), «вороватость» (0,84-0,34). Качества армянских женщин, низко оцениваемые и юношами, и девушками: «грубость», «наглость»; в оценке армянских мужчин наблюдается различие: «лень» – 1.54, «стремление к шумному веселью» – 1.26, а у женщин – «пристрастие к алкоголю» – 1.3, «стремление к халяве» – 1.48.

Вторичная обработка данных проводилась с применением методов статистической обработки данных. Для группы испытуемых было подсчитано среднестатистическое значение качеств, что позволяет судить о соотношении значимости данных представлений в общей иерархии качеств. Данные об образе Я в сравнении с образом типичного и идеального мужчины и женщины показаны в таблице 1 и таблице 2.

¹ Berry, John W., Poortinga, Ype H., Segall, Marshall H., Dasen, Pierre R. Cross-cultural psychology: Research and applications (2nd ed.). Cambridge, 2002.

² Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 10–34.

³ Phinney J.S., Devich-Navarro M. Variations in bicultural identification among African American and Mexican American adolescents // Journal of Research on Adolescence. 1997. №7. P. 3–32.

⁴ Rotheram-Borus, M. J. Multicultural issues in the delivery of group interventions // Special Services in the Schools. 1993. № 8(1). P. 179–188.

Таблица 1

Образ Я в сравнении с образом типичного и идеального мужчины

Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами идеального мужчины	Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами типичного мужчины
<p><u>Высоко оцениваемые качества:</u></p> <p>Верность дружбе Добросовестность Доброта Настойчивость Находчивость Ответственность Религиозность Решительность Самостоятельность Сдержанность Сила Склонность к риску Тактичность Уважение к старшим Упрямство Храбрость</p> <p><u>Отвергаемые качества:</u></p> <p>Грубость Лень Наглость</p>	<p><u>Высоко оцениваемые качества:</u></p> <p>Верность дружбе Гостеприимство Доброта Дружелюбие Находчивость Оптимизм Религиозность Решительность Самостоятельность Сила Склонность к риску Уважение к старшим Упрямство Храбрость</p> <p><u>Отвергаемые качества:</u></p> <p>Вороватость Высокомерие Грубость Лень Наглость Наивность</p>

Таблица 2

Образ Я в сравнении с образом типичной и идеальной женщины

Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами идеальной женщины	Качества, в оценке которых нет значимых различий с качествами типичной женщины
<p><u>Высоко оцениваемые качества:</u></p> <p>Верность дружбе Взаимовыручка Гостеприимство Готовность помочь Добродушие Добросовестность Доброта Дружелюбие Искренность Любовь к порядку Оптимизм Ответственность Отзывчивость Работоспособность Трудолюбие Уважение к старшим Ум Честность</p> <p><u>Отвергаемые качества:</u></p> <p>Склонность к вранью Грубость Стремление к «халяве» Наглость Вороватость</p>	<p><u>Высоко оцениваемые качества:</u></p> <p>Гостеприимство Уважение к старшим</p> <p><u>Отвергаемые качества:</u></p> <p>Вороватость Пристрастие к алкоголю Наглость Стремление к «халяве» Грубость</p>

Разные типы стратегии трансформации идентичности позволяют человеку иметь позитивную идентичность. Стратегия может проявляться в доминировании личностной идентичности

перед этнической, в осознании себя личностью, а не членом группы, либо происходит вытеснение этнической идентичности посредством переструктуризации социальной идентичности.

Каким образом формируется этническая идентичность в различной социокультурной среде? Как индивид переживает чувства, связанные с осознанием общности с этнической группой, с отношением к другим этническим группам? Именно этническая идентичность является важнейшим компонентом социальной идентичности, индикатором целостности Я-концепции, интегрированности в социальную среду. В противном случае происходит процесс личностной атрофии, проявляющийся в ощущении «я – никто»¹.

Берберян Ася Суреновна доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии. Российско-армянский (Славянский) университет. Армения, Ереван.

Berberyana Asya Surenovna, doctor of psychological sciences, manager of department of psychology. Russian-Armenian (Slavic) university. Armenia, Yerevan.
aspsy@inbox.ru

УДК 159.9

Развитие сознания как фактор формирования личностной идентичности студентов

А.Н. Виноградов, Г.А. Виноградова

The development of consciousness as a factor in the formation of personal identity of students

A.N. Vinogradov, G.A. Vinogradova

Аннотация. Статья посвящена проблем сознания и личностной идентичности. Представлено авторское определение понятия «личностная идентичность», определены структура и содержание личностной идентичности. Дано теоретическое обоснование развития сознания как фактора формирования личностной идентичности студентов.

Ключевые слова: сознание, личностная идентичность, формирование личностной идентичности, студент.

Abstract. The article dedicated to the problem of consciousness and personal identity. Author's definition of notion «Personal identity», and also structure and content of personal identity presented in the article. Given the theoretical foundation of development of consciousness as a factor of the formation of personal identity of students.

Key words: consciousness, personal identity, formation of personal identity, student.

Проблема сознания в отечественной психологии является одной из ключевых. Ее решением на протяжении длительного времени занимались и занимаются многие психологи, однако до полного разрешения данной проблемы еще очень далеко. Одним из нерешенных аспектов является соотношение сознания и личностной идентичности. В психологии понятие «личностная идентичность» связано с проблемой свободы выбора и самовыражения и проблемой формирования Я-концепции личности. Отмечая плодотворность имеющихся исследований, стоит заметить, что проблема личностной идентичности остается не осмысленной в полной мере.

Мы в своем исследовании сделали попытку теоретического осмысления развития сознания как фактора формирования личностной идентичности студентов.

В психологии выделяют три вида сознания: общественное, групповое и индивидуальное. Индивидуальное сознание, взаимодействуя с сознанием других членов группы, приобретает форму группового сознания. Индивидуальное и групповое сознание, взаимодействуя с сознанием других групп, приобретают форму общественного сознания. По мнению С.Л.Рубинштейна, сознание – это осознанное бытие, единство субъективного и объективного².

Формирование личностной идентичности, определяемой нами как самовосприятие себя как личности, способное изменяться с течением времени, отождествление себя с собой-прошлым и

¹ Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис: М., 1996.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2007.

видением себя-будущего, связано с осознанием собственной значимости. Л.С.Выготский, а позже А.Р.Лурия особо подчеркивали, что, для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо искать источники во внешних условиях жизни, в первую очередь – во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека¹. Именно поэтому мы считаем, что формирование личностной идентичности во многом определяется общественным, групповым и индивидуальным сознанием.

Структуру и содержание личностной идентичности мы определяем следующим образом (Рис.1).

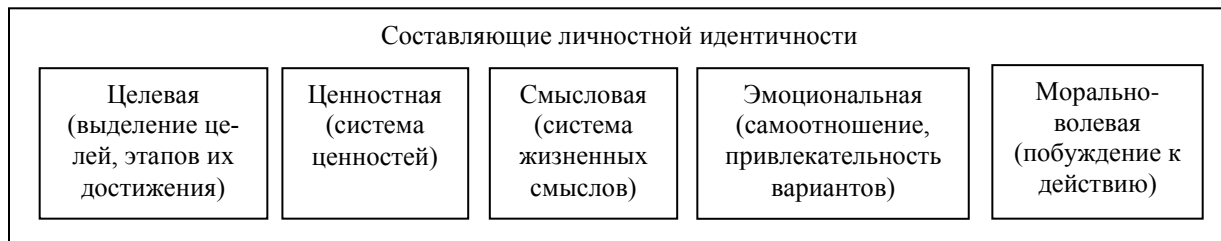

Рис.1. Структура личностной идентичности

Выделение именно этих составляющих определяется следующей логикой. Видение себя-будущего предполагает наличие целей. Самовосприятие себя как личности детерминировано системой ценностей и системой жизненных смыслов. Самовосприятие себя как личности, способной изменяться с течением времени, невозможно без эмоциональной составляющей, которая, на наш взгляд, представляет собой самоотношение и привлекательность для личности тех или иных вариантов выбора. Морально-волевая составляющая позволяет контролировать способность к изменению.

Следует особо заметить, что чувство личностной идентичности не может быть навязано. Оно достигается самим человеком в процессе жизнедеятельности, в процессе развития индивидуального сознания, самосознания под влиянием общественного и группового сознания.

На формирование личностной идентичности студентов оказывает особое влияние нравственное сознание, с позиций которого молодой человек оценивает свое собственное Я и Я других людей. Структура нравственного сознания включает в себя прежде всего систему ценностей и ценностных ориентаций, этические чувства, нравственные суждения, нравственные идеалы. В соответствии с ними, на наш взгляд, и определяются целевая, ценностная и смысловая составляющие личностной идентичности. В этой связи чрезвычайно важна учебно-профессиональная атмосфера вуза: поощрение творческого начала студентов, поощрение учебно-профессионального успеха, оценка профессионала, включенность в профессиональное сообщество, условия для развития личных предпочтений.

Трудности, переживаемые студентами при овладении новыми жизненными ролями, оказывают существенное влияние на осознание себя как личности. Преподаватели вуза своей жизненной и профессиональной позицией создают особые условия и отношения, предоставляющие молодым людям возможность самовыражения, определения своей позиции по отношению к самим себе и другим. Большую роль в этом играет и групповое сознание студентов конкретной специальности. Г.В.Акопов определяет групповое сознание на трех уровнях: на уровне группы – общее во взглядах, суждениях, оценках; на уровне личности – осознание своей общности, идентификация с группой, гордость за группу, готовность отстаивать ее интересы; на уровне межличностных взаимодействий и взаимоотношений – групповые нормы, ценностные ориентации, установки². Мы считаем, что личностная идентичность студентов разных специальностей имеет свои особенности.

Индивидуальное сознание формируется и развивается в неразрывной связи с общественным сознанием, но не копирует его. Самосознание выражает бытие личности. Вузовская среда способна формировать ценности и цели, которые каждый студент «подстраивает» под себя. Таким образом, содержание личностной идентичности и индивидуально-личностное, и конкретно-историчное.

Виноградов Андрей Николаевич, аспирант кафедры теоретической и прикладной психологии. Тольяттинский государственный университет. Россия, Тольятти.

¹ Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.

² Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара:, 2002.

Vinogradov Andrey Nicolaevich, graduate student of department of theoretical and applied psychology. Togliatti state university. Russia, Togliatti

Vinograd.psy@yandex.ru

Виноградова Галина Александровна, доктор психологических наук, профессор. Тольяттинский государственный университет, Россия, Тольятти.

Vinogradova Galina Aleksandrovna, doctor of psychological sciences, professor. Togliatti state university. Russia, Togliatti

Vinograd.psy@yandex.ru

УДК 316.614.6

**Развитие мотивационной сферы личности студентов в вузе
как социально-психологическая проблема
(к вопросу воспроизводства интеллигенции в современном обществе)**

Ю.А. Гаюрова

**The development of students' motivational sphere of in high school
as a socio-psychological problem
(to the question of intelligentsia' reproduction in modern society)**

Y.A. Gajurova

Аннотация. Социализация молодежи в вузе есть важнейший ресурс воспроизводства интеллигенции в России. Социализацию мотивационной сферы человека можно назвать центральным звеном в формировании личности, её результаты – потребности, установки, ценностные ориентации. Молодёжь близка по характеристикам мотивации к интеллигенции. Однако развитие этого потенциал – задача, в которой вузу приходится конкурировать с другими институтами социализации – СМИ, рекламой, интернетом и др.

Ключевые слова: социализация в вузе, институты социализации, развитие мотивационной сферы личности, студенческая молодёжь, интеллигенция, потребности, установки, ценностные ориентации.

Abstract. Socialization of youth in high school is the most important resource of the intelligentsia' reproduction in modern Russian society. The person's motivational sphere' socialization can be called central link in the formation of personality. The results of this process are needs, attitudes, value orientation. Young people are similar in characteristics to the motivation of the intelligentsia. However, the development of this potential is a task in which the University has to compete for influence on the youth with other institutions of socialization such as the media, advertising, Internet, etc.

Key words: Socialization in higher education, institutions of socialization, the development of motivational sphere of personality, students, intelligentsia, needs, attitudes, value orientations

Социализация молодежи в вузе, будучи основным ресурсом воспроизводства интеллигенции в России, играет важнейшую роль в развитии социальной структуры общества, поскольку интеллигенция в объективном смысле играет роль духовного эталона, ценностного и мотивационного ориентира в обществе. В представленной статье предпринимается попытка социально-психологического анализа проблемы воспроизводства российской интеллигенции в современных условиях технократизации общества, когда на смену гуманитарным идеалам прошлого приходит в качестве приоритета развития принципы автоматизации и унификации, в вот числе, в таких сферах, как мышление, чувствование, поведение.

Осмысление положения современной интеллигенции и основных путей её воспроизводства требует создания образа интеллигенции на основе неких базовых психологических констант, образующих само понятие «интеллигент». Мы предпримем попытку создать модель потребностно-мотивационной сферы личности представителя интеллигенции, т.е. определить, каково должно быть содержание его мотивации, взяв за основание базовые гуманистические теории личности XX в., и затем проанализировать, насколько отвечает этим параметрам студенческая молодёжь как социальный ресурс интеллигенции.

В современных условиях развития российского общества вопрос о его духовном «локомотиве» по степени своей актуальности равнозначен вопросу о самосохранении социального организма, его целостности и гармоничном развитии на всех уровнях – духовном, социальном или материальном. Таковой была и остаётся миссия интеллигенции как духовной опоры любого цивилизованного общества. Поэтому у образованного человека не возникает сомнений относительно вклада в культуру как отдельных выдающихся представителей интеллигенции, так и в целом, значения данного социального слоя в вопросе развития общества. Именно образованность выступает фактором, определяющим для личности интеллигенцию как референтное, авторитетное сообщество со своей системой ценностей и картиной мира. Как следствие, доверие к идеям ученых в разных областях знания выступает основанием, на котором строится картина мира современного человека. Цитирование высказываний выдающихся деятелей науки и искусства выступает неким *arguere* для обоснования человеком собственных мыслей, выводов. От интеллигенции, для того чтобы она оставалась в своём статусе духовной элиты общества, требуется предоставление некоей адаптивной модели решения актуальных вопросов и проблем, встающих перед обществом в целом. Эта модель может выступать основанием для поддержания в умах новых поколений существующей картины мира, её развития, либо для её разрушения.

Социализацию мотивационной сферы человека можно назвать «центральным звеном в формировании личности»¹. Ее результатами являются социальные установки, ценностные ориентации личности, потребности, интересы, идеалы, стереотипы поведения, личностная направленность.

Система образования является важным опосредующим звеном между молодым поколением и общественными потребностями, как сложившимися на данный момент, так и перспективными. В функции вуза как института социализации входит целенаправленное воздействие на учащихся в ходе решения стоящих перед ними конкретных задач; т.е. «синтез традиционной деятельности по передаче и созданию новых знаний с подготовкой специалистов для производства и общественно-политической сферы; сохранение и развитие культуры в самом широком ее понимании с выполнением такой важной функции, как формирование социальной элиты»².

Эти функции вуза конкретизируются в работе Г.В.Акопова «Социальная психология высшего образования», где автор определяет три группы целей высшего образования, отражающих соответствующие потребности общества и направляющих активность вуза в те или иные моменты³:

1. Технократические, выражающие потребность общества в алгоритмичности, соподчиненности, исполнительности и т. п. свойствах систем и людей, в формировании «исключительно репродуктивных способностей» особого профессионального мировоззрения.

2. Гуманитарные цели, имеющие направленность на личностное развитие и самосовершенствование студентов.

3. Холистический подход в противовес технократическому редукционизму, предполагает интегральность, гуманистичность, взаимодополнение и гармоничное совмещение двух предыдущих групп целей. Наиболее полное развитие человеческих возможностей – основная холистическая цель.

Рассмотренное Г.В. Акоповым сочетание целей и задач высшего образования показывает, что в наибольшей степени современная российская высшая школа ориентирована на реализацию технократической группы целей, в то время как на гуманитарные и холистические цели внимание акцентировано слабо.

В современной психологии мотивационная сфера личности характеризуется через ее потребности, социально-психологические установки, ценностные ориентации.

Основные виды потребностей А. Маслоу разделил на два типа: дефицитарные потребности и потребности роста. К первым относятся биологические потребности: физиологические (иначе – материальные) и в безопасности. Они являются по своей природе неудовлетворимыми в полной мере и могут стать основой личностной стагнации и деградации в ситуации их приоритета для личности. Потребности роста, акцент на которых благоприятен для личностного развития, – это социальные (в аффилиации и в признании), духовно-эстетические и в самоактуализации. Можно предположить, что для представителя интеллигенции приоритетными будут потребности роста, в

¹ Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М., 1995. С. 164.

² Сиверцева Н. Образование – фактор социализации // Высшее образование в России. 1997. № 3. С. 47.

³ Акопов Г.В. Социальная психология высшего образования. Самара, 1993.

частности, высшая потребность – в самоактуализации. Суть её заключается в стремлении к постоянному самопознанию, саморазвитию, самовыражению и самоотдаче в творческой деятельности.

Социально-психологические установки делятся на восемь типов: процесс, результат, альтруизм, эгоизм, труд, свобода, власть и деньги¹. Они находятся между собой в отношениях бинарных оппозиций: процесс – результат, альтруизм – эгоизм, труд – деньги, свобода – власть. Характерным для представителя интеллигенции можно считать «созидательный полюс» установок, который составляют установки на процесс, на альтруизм, на труд и на свободу. Качественно негативной в некоем духовном смысле установка «на результат» не является, однако предполагает ограничение творческой составляющей процесса, отказ от вдохновения как его ресурса, подчинение алгоритмичности и герметичности в выполнении работы, исключая творческий подход к создаваемому продукту, подразумевающий возможное переосмысление, изменение, даже отказ от создания.

Для анализа приоритетного типа ценностных ориентаций мы привлекли типологию культурных ценностей Ш. Шварца². Она включает следующие типы: Иерархия (ценности власти и контроля), Мастерство (ценности социальных достижений, престижа, статуса), Аффективная Автономия (ценности потребления благ и комфортного существования), Интеллектуальная Автономия (ценности творчества, свободомыслия, познания и открытия), Равноправие (ценности справедливости и сотрудничества), Гармония (ценности созидания и созерцания, любви к миру), Консерватизм (ценности сохранения существующего порядка, стабильности). Можно предположить, что для представителя интеллигенции важнейшими будут именно ценности творчества и познания, относящиеся к типу «Интеллектуальная Автономия».

Студенты представляют собой формирующуюся интеллигенцию и, возможно, именно на ранних этапах своей профессиональной социализации мотивационно близки к интеллигенции: они замотивированы быть представителями определенных специальностей, а значит, открыты к познанию, восприимчивы к Тексту (по М. Бахтину, «человеческий поступок есть потенциальный текст»). В процентном соотношении более такая позиция в большей мере обнаруживается у студентов гуманитарных специальностей.

Зачастую студенты отвергает ценность общенаучных дисциплин, а способ приобретения знаний у них носит поверхностный характер и отличается высоким прагматизмом. Принятие ценности системного знания, формирующего целостную, объективную научную картину мира, в современной ситуации не является актуальным для студента, который стремится к высокооплачиваемой профессии. И чем более оправдана в отношении его профессии эта позиция (прежде всего это касается студентов технических и «престижных» социальных специальностей), тем ниже значимость общенаучного знания, тем менее системным оно является у этих специалистов.

С социально-психологической точки зрения, социальная группа воспроизводится посредством приобщения к языку группы и усвоения ценностных ориентаций, социально-психологических установок ее представителей. Это осуществляется на основе признания авторитета источников языковой и ценностно-смысловой информации и выступает одновременно как процесс суггестии и контрсуггестии³. Утрата значения общенаучной образовательной информации указывает на неприятие в качестве авторитета не только, условно говоря, «вторичных» источников информации, через которых транслируется референтная информация – современной интеллигенции, профессорско-преподавательского состава образовательного учреждения. Это также отражает отношение к «первоисточникам», теряющим свою безусловную ценность для реципиента – будущего специалиста. Он получается невключенным в эту группу в социально-психологическом смысле, поскольку не желает глубоко и системно усваивать научного языка, понимать его и использовать, и не испытывает потребности в информации, оставшейся от представителей интеллигенции прошлых лет, как в «отправной точке» своих исследований, поступков, мыслей и чувств.

Для исследования мотивационной сферы у студентов гуманитарного и технического вузов (Самарской государственной академии культуры и искусств и Самарского государственного архитектурно-строительного университета) была использована «Методика диагностики степени

¹ Потемкина О.Ф. Методы психодиагностики социально-психологических установок личности // Методы психологической диагностики. Вып. 1. М., 1993. С. 79–86.

² Schwartz, S.N. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / Ed. M.P. Zanna. Advances in experimental social psychology. Orlando, 1992. V. 25. P. 1–65.

³ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

удовлетворенности основных потребностей» (метод парных сравнений В.В. Скворцова)¹, основанная на концепции базовых человеческих потребностей А. Маслоу. В основу теста автором методики положены следующие формулировки основных потребностей: материальные потребности, потребность в безопасности, потребность в общении, потребность в социальном признании и потребность в самовыражении. Для выявления возможной динамики в мотивационной сфере студентов-гуманитариев мы сопоставили данные по двум выборкам студентов 1 и 5 курсов – 1997 (N=70) и 2012 (N=100) гг. Данные не имеют практически никаких отличий – и в 1997, и в 2012 г. у студентов стремление к самовыражению доминирует (25 баллов).

Это имеет некоторые расхождения с данными, полученными при опросе студентов технических специальностей 1 и 5 курсов (соответственно, N=50 и N=90). По результатам исследования данной выборки, у студентов-выпускников доминируют материальные потребности (24 балла), стремление к самовыражению на предпоследнем месте (17 баллов), тогда как у первокурсников доминирует потребность в самовыражении (24 балла).

Студенческая молодежь как гуманитарных, так и технических специальностей на самых ранних этапах социализации в вузе по некоторым параметрам мотивационной близка к психологическим характеристикам интеллигенции, хотя не выполняет ее основных функций в силу несформированности целостной системы знаний, умений, как профессиональных, так и общенаучных. В наибольшей степени молодежь соответствует теоретической модели «представителя интеллигенции» по параметру «доминирующий вид потребности», как это было показано выше, когда наибольшее значение имеет «потребность в самовыражении». Этот факт говорит о том, что мотивационный потенциал российской молодежи как социальной базы для воспроизводства интеллигенции является достаточным не только в пределах гуманитарных специальностей. Однако это мотивационное соответствие не дополняется на когнитивном уровне позитивными представлениями о статусе интеллигенции в современном российском обществе.

Это проявляется в сфере ценностных ориентаций, где быстрыми темпами набирает значение такой тип культурных ценностей, как Аффективная Автономия, включающая ценности потребления, удовольствия. Доминирующими типами культурных ценностей (по Ш. Шварцу) в структуре ценностных ориентаций современного студента, согласно данным проведенного нами исследования (2012–2013 гг.), являются Интеллектуальная Автономия (средний балл 5.00 по шкале от 1 до 7), включающий ценности «Творчество», «Свобода», «Широта взглядов» и др., и Аффективная Автономия (средний балл 5.00), состоящий из таких ценностей, как «Удовольствие», «Потакание себе», «Разнообразие жизни» и т. п. С этими данными интересно сопоставить данные исследования, проведенного нами в 1998–2000 гг., где Аффективная Автономия была наименее значимым типом ценностных ориентаций². Свобода проявлять себя и потребность в так называемой «свободе ощущений» – довольно разные вещи, ставшие для современной молодежи равнозначными ориентирами. И на смену Психологии созидателя может постепенно прийти Психология потребителя в российском и любом другом обществе, где урбанистическая среда требует создания соответствующей модели мира, а следовательно – и личности.

Относительно социально-психологических установок современной молодежи надо сказать, что в последнее время наблюдается снижение значений по такому показателю, как «свобода» (с 8 баллов в 1998–2000 гг. до 6 баллов в 2013–2014 гг.). Это довольно тревожная тенденция, поскольку таит в себе скрытую угрозу – согласия с внешними обстоятельствами при нераскрытии внутренних потенциалов, духовного конформизма и мировоззренческой дезориентации.

Социальная мифология в России создает негативный образ интеллигенции, прежде всего апеллируя к таким параметрам, как «малообеспеченность», «неспособность отстоять свои интересы», «идеалистичность», и не позволяет во всей созидательной полноте раскрыть перед студентами неисчерпаемые возможности интеллигенции как творческой силы социально-культурного развития общества.

Молодежь близка по своим характеристикам мотивации интеллигенции. Однако развивать этот потенциал – задача, при решении вузу приходится конкурировать в своем влиянии на молодежь с другими институтами социализации – СМИ, рекламой, Интернетом и др.

¹ Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара, 1998. С. 624–626.

² Гаурова Ю.А. Социальное мифотворчество и динамика ценностных ориентаций в процессе межпоколенной культурной трансмиссии // Креативная экономика и социальные инновации : международный информационно-аналитический журнал. Вып. 3. 2013. № 2 (5). С. 57–87.

Гаюрова Юлия Александровна, кандидат исторических наук доцент кафедры педагогики и психологии. Самарский государственный институт культуры. Россия, Самара.

Gajurova Yulia Alexandrovna, candidate of historical Sciences, docent of Cathedra of Pedagogic and Psychology. Samara State Institute of Culture. Russia, Samara.
yuliko9@yandex.ru

УДК 372.3+37.035.6

Формирование мировоззрения дошкольников средствами казахской этнопедагогики

Г.К. Джонисова, А.И. Султангалиева

Formation of outlook preschoolers Kazakh means ethnopedagogics

G.K. Dzhonisova, A.I. Sultangalieva

Аннотация. Авторы статьи дают анализ исследований казахстанских ученых в области народного воспитания. В статье рассматриваются важные человеческие качества, присущие представителям казахского народа. Также авторами выделены основные средства воспитания, актуальные в казахской этнопедагогике.

Ключевые слова: казахский этнос, этнопедагогика, воспитание, обучение, национальная психология.

Abstract. The article deals with important human qualities of the representatives of the Kazakh people. The author also presents the basic means of education in the Kazakh ethnopedagogics.

Key words: Kazakh ethnicity, pedagogy, education, training, national psychology.

Века и тысячелетия решалась задача осмысления, сохранения и передачи следующим поколениям народного опыта воспитания. В опыте отцов и дедов есть зерна мудрости, которые и в наш век прорастут и дадут хорошие всходы. Мы обращаемся к народной педагогике не только потому, что это кладовая мудрости, запасник педагогической мысли и нравственного здоровья, но и потому, что это наши истоки. Забывая свои корни, мы разрываем и связь времен и поколений. Каждый человек, начиная со своего появления на свет и до конца своей жизни, впитывает в свое сознание выработанные народом на протяжении веков обычаи, традиции и нормы поведения.

В многонациональном Казахстане имеются педагогические запасы каждого из народов, населяющих республику. Для воспитания подрастающего поколения сознательным, трудолюбивым, гуманным, интеллектуальным народная педагогика использует многочисленные средства.

Термин «этнопедагогика» был введен в научный оборот Г.Н. Волковым. Г.Н. Волков считает плодотворным рассмотрение этнопедагогических изысканий как составной части этнопедагогических (этносоциальных) исследований. По мысли ученого, такое единство позволит глубоко познать и объективно оценить практику народного воспитания, которая до сих пор остается вне поля зрения многих исследователей¹.

Методологические аспекты этнопедагогики находятся в поле зрения и казахстанских ученых. В частности, анализу основных идей о воспитании, отраженных в казахской народной педагогике и в наследии мыслителей дореволюционного Казахстана XVIII – первой половины XIX в., а также выявлению особенностей народной педагогики казахов-кочевников и уточнению различий терминов «этнопедагогика» и «этнопсихология», «народная педагогика» и «народная психология» посвящены отдельные главы диссертационного исследования профессора К.Б. Жарыкбаева «Развитие педагогической мысли в дореволюционном Казахстане». «Народная педагогика – область эмпирических педагогических знаний и опыта народа, выражающая господствующие в нем воззрения на цели и задачи воспитания. Разработкой ее общетеоретических основ занимается специальная отрасль научной педагогики – этнопедагогика»².

Анализ трудов и диссертации профессора С.К. Калиева «Научно-педагогические основы воспитания и обучения в народной педагогике казахов» показывает, что автор внес значительный вклад в развитие педагогической науки Казахстана, в частности, в развитие научно-

¹ Волков Г.Н. Этнопедагогика : учебник для студентов вузов. М., 1999.

² Жарыкбаев К., Калиев С. Национальные аспекты обучения и воспитания. Алматы, 1990.

педагогических основ воспитания в казахской народной педагогике. Первую группу отличий в воспитании казахов он связывает с особенностями их национального мышления, национальной психологии, сформировавшихся в условиях сурового кочевого скотоводства. Передача детям «секретов» кочевого скотоводства, воспитание трудолюбия, выдержки, терпения; воспитание таких качеств, как готовность к защите чести рода, Отчизны, воинская храбрость, знание родословной, почитание предков и сохранение обычаев и традиций народа, уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство, особое почтение к соседям, чувство родства – все это способствовало сплочению рода, этнической группы. В результате у казахов сформировался особый стиль мышления и такие отличительные черты характера, как готовность к защите чести и достоинства ценою собственной жизни (жаным арымның садағасы), широта души, жизнерадостность, честность, доброта.

Вторую группу отличий он связывает с особенностями национальной психологии казахов с гносеологической точки зрения – с особенностью их взглядов на окружающую среду («Ата мекен» – родная земля, «Земля предков»; «Родной народ» – ел журт и т.д.).

Третья особенность психологии мышления казахов: высокая оценка родного языка, по представлению народа – материнского (анна теле), искусства слова. Казахи ценили искусство речи – ораторское искусство как бесценное наследие, ценили находчивость, остроумие, импровизаторский дар. Это отражено в казахских пословицах и поговорках.

С. Калиев сравнивает требования народа к воспитанию с принципами научной педагогики, обнаруживая сходство в следующем: 1) учет возрастных особенностей детей; 2) учет индивидуальных особенностей ребенка; 3) влияние среды, где родился и вырос ребенок, его родителей, старших и родственников; 4) умение ставить перед ребенком высокие цели и задачи, большие требования. По мнению ученого, идеи развивающего обучения в современной педагогике связаны с требованием народной педагогики развивать в детях умение фантазировать, мечтать. Важнейший принцип народной педагогики – целостность. Народная педагогика придерживается принципа воспитания детей с рождения; народная педагогика основана на идее коллективного воспитания: в воспитании принимают участие все, начиная со старших детей в семье до аксакалов¹.

Мысли о национальном воспитании, обычаях и традициях народа впервые отражены в трудах и путевых заметках демократов-просветителей (Ч. Валиханова, И. Алтынсарина), ученых-этнографов и путешественников второй половины XIX в. (Э.С. Вульфсон, П.С. Памас, А. Вамбери, А. Левшин, В. Радлов, А. Янушкевич, Г. Потанин, Н.Л. Зеланд и др.). В 20-е – 30-е гг. XX в. специально обращались к этому вопросу А. Диваев, А. Байтурсынов, С. Торайгыров, М. Дулатов, Н. Кулжанова, М. Ауезов. Труды просветителей (Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина), а также путевые заметки путешественников и произведения крупных общественных деятелей, писателей, знатоков национальной психологии, истории, культуры, фольклора, народной жизни относятся к источниковедческой базе казахской этнопедагогики. Теоретические предпосылки к формированию казахской этнопедагогики созданы в трудах М. Жумабаева, А. Байтурсынова, Ж. Аймауытова, М. Дулатова, Х. Досмухамедова².

Основные идеи национального воспитания детей в духе сохранения самобытности в сочетании со стремлением к цивилизации изложены в Послании Президента страны народу «Казахстан – 2050», где главной миссией образования называется воспитание у юного казахстанца, казахстанского патриотизма, чувства гордости, любви и уважения к своей Родине. Внедряется система мер по пропаганде и изучению конституции Республики Казахстан, государственных символов – флага, герба, гимна.

Главная особенность дошкольной системы воспитания заключается в ее ярко выраженной национальной направленности, призванной формировать национальные черты характера у детей и прививать им добрые семена национального самосознания через родной язык. Выбор методов и приемов в воспитании и обучении в детском саду осуществляется с учетом особенностей национальной психологии детей, их характера, максимально способствуя их полноценному развитию. Важной задачей является воспитание уважения к различным культурам и народам, этническим, национальным и религиозным группам, терпимости к инакомыслию и чужому мнению – формирование чувства ответственности перед будущими поколениями за сохранение мира, человеческой цивилизации, экологии. При разработке новых учебных дисциплин и программ рекомендовано обратить внимание на усиление их воспитательного потенциала.

¹ Калиев С. Педагогические мысли в поэзии акынов и жырау. Алматы, 1991.

² Этнопедагогика народов Казахстана / под. ред. Г.Н. Волкова, К.Ж. Кожаметовой. Алматы, 2001.

Весь ход развития человечества, показывает, что человек готовится не к жизни вообще, а к жизнедеятельности в определенных социокультурных условиях. «Ценностно-нормативный образ ребенка и неразрывно связанные с ним цели, задачи и методы воспитания, зависят от присущей культуре имплицитной теории человека, которая составляет ядро, стержневую ось так называемой наивной, обыденной, житейской, народной психологии любого народа, нации или этнической группы, интегрируя и суммируя особенности его социального воспитания, ожиданий и оценок. Образ жизни, практическая деятельность влияют на формирование национального характера, выступая как факторы воспитания. Поэтому для знакомства с любым из народов, необходимо изучение его системы воспитания»¹.

Казахский народ всегда имел свой идеал совершенного человека. Для воспитания совершенного человека необходимо придерживаться норм: образ настоящего джигита (в единстве внешнего и внутреннего: рост высокий, мысли глубоки, брови черные, лоб широкий, нос прямой, усы аккуратные, плечи широкие, грудь могучая, зубы острые, руки сильные, тело крепкое, торс литой, речь правдивая, язык красноречивый, пальцы железные, дух сильный и т.д. Черты характера: честность, искренность (к добру ведет), справедливость (ты справедлив, чистота твоя добрым делам покровительствует), правдивость (ты правдив, недостижим ты). Образ девушки: не судит дурно о родителях и родственниках; интеллект и разум: Отношение с родными и близкими: заботливость, милосердие; внешность: рост высокий, стройная, косы густые, длинные, лицо лунчезарное, белое, лоб высокий, покатый, брови черные, как сурьмой подведенные, ресницы длинные, как стрелы, взгляд завораживающие, сияющий, нос прямой, красивый: рот маленький, зубы ровные, как жемчуг, шея лебединая, нежная, грудь – прелестная, как у голубицы, талия тонкая, гибкая, как лоза, руки изящные, белые, пальцы длинные, тонкие; характер добрый, терпеливый, стойко переносит трудности. Главная обязанность быть внимательной и чуткой женой, ухаживать за мужем; материнский долг – родить и воспитать детей; принимать гостей, разливать чай, варить курт, приготовить творог, вышивать и т.д. Высшими человеческими качествами были: честь, достоинство и совесть².

Возвращаясь к особенностям использования средств казахской народной педагогики в воспитании дошкольников в условиях детского сада, необходимо выделить такое важное средство, как пословицы и поговорки.

В любой пословице всегда присутствует психологический, педагогический момент – назидательность. Пословицы удовлетворяют многие духовные потребности дошкольников: познавательно-интеллектуальные, эстетические, нравственные и др. Пословицы – это живой голос народа: народ сохраняет в своей памяти только то, что ему необходимо сегодня и потребуется завтра. Когда в пословице говорится о прошлом, оно оценивается с точки зрения настоящего и будущего – осуждается или одобряется в зависимости от того, в какой мере прошлое соответствует народным идеалам, ожиданиям и чаяниям.

Через пословицы и поговорки каждый народ воспроизводит себя, свою духовную культуру, свой характер и психологию в ряду сменяющихся друг друга поколений. Таким образом, пословицы и поговорки содержат в себе идеи, духовные качества и ценности воспитания, которые старое поколение передает молодому в совместной с ним деятельности, чтобы направить действия, мысли и чувства молодого поколения.

В процессе обновления и демократизации общества, в условиях приобретения республикой суверенитета, когда переосмысливается история нашего общества, деятельность многих его социальных институтов, возвращаются забытые или запрещенные в свое время явления духовной жизни народа, одной из актуальнейших проблем современности становится возрождение культурно-исторического наследия прошлого, одним из компонентов которого является этническая педагогика с ее богатейшими прогрессивными традициями и опытом воспитания подрастающего поколения.

Социокультурные и духовные ценности народа, его традиции всегда играли важную роль в гражданском становлении человека, в формировании его нравственных и трудовых качеств, в социализации личности в целом. Поэтому, так необходимы сегодня, объективная оценка исторической роли этих феноменов, изучение формирующего влияния различных воспитательных институтов. Знание, осмысление и использование педагогической культуры прошлого помогут в успешном решении сложных проблем воспитания детей и молодежи в современных условиях.

¹ Жарыкбаев К.Б., Калиев С.К. История казахской педагогики и психологии. Алматы, 1995.

² Кожаметова К.Ж. Казахская этнопедагогика: методология, теория и практика. Алматы, 1998 ; Кожаметова К.Ж., Жанписова Б.А. Введение в сравнительную этнопедагогика. Алматы, 2001.

Джонисова Гулжиян Кابدугалиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, магистрант, Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет. Казахстан, Уральск.

Dzhonisova Gulzhiyan Kabdugaliyevna candidate of pedagogical sciences, associate professor of pedagogics and psychology. undergraduate, West Kazakhstan engineering humanities university. Kazakhstan, Uralsk.

anar-19812011@mail.ru

Султангалиева Анар Изимгалиевна, магистрант, преподаватель кафедры педагогики и психологии. Западно-Казахстанская гуманитарная академия. Казахстан, Уральск.

Sultangaliyeva Anar Izimgaliyevna, undergraduate, department of pedagogy and psychology. West Kazakhstan engineering humanities university. Kazakhstan, Uralsk.

anar-19812011@mail.ru

УДК 159.923.2

Нелинейное моделирование личностного развития студентов вуза

А.В. Капцов

Nonlinear modeling of personal development of students of higher education institution

A. V. Kaptsov

Аннотация. В статье предлагается подход к определению преобладающего механизма личностного развития, построенного на методологии экопсихологии и микрогрупповой концепции. На его основе получена математическая нелинейная модель реципрокного механизма идентификация – обособление личностного развития, что создает предпосылку к выделению явления самоорганизации в учебной группе как открытой системе.

Ключевые слова: личностное развитие; идентификация; обособление; моделирование; учебная группа.

Abstract. The paper proposes an approach to the determination of the dominant mechanism for personal development, built on the methodology and ecopsychology mikrogruppovoy concept. On the basis of a mathematical nonlinear model of reciprocal authentication mechanisms – separation of personal development, which creates prerequisites for the identification of the phenomenon of self-organization in the study group as an open system.

Key words: Personal development; identification; isolation; modeling; study group.

Переход высшей школы на компетентностную модель подготовки специалистов ставит актуальной задачей оценку и прогнозирование не только знаний, умений и навыков студентов, но и личностных качеств, относящихся прежде всего к интеллектуальной, волевой и коммуникативной сферам личности. Важное практическое значение, таким образом, приобретает моделирование и мониторинг личностного развития студентов.

Под развитием в психологии понимается процесс необратимых, направленных и закономерных изменений, приводящих к возникновению количественных, качественных и структурных преобразований психики и поведения человека. Факторами психического развития принято считать наследственность, среду и активность, причем активность, по мнению Н.А. Бернштейна, может быть понята как системообразующий фактор взаимодействия наследственности и среды.

На сегодняшний день из более чем двух десятков концептуальных подходов к психическому развитию следует выделить экологическую психологию, объектом которой являются психологические особенности взаимодействия в системе «человек – окружающая среда»¹, природная, социальная в общем случае и образовательная среда как часть социокультурной среды. Структура образовательной среды состоит из «пространственно-предметного, социального и психодидактического

¹ Панов В.И. Экологическая психология, экология развития, экологические взаимодействия // Экопсихологические исследования – 2: к 15-летию лаборатории экопсихологии развития / под ред. В.И. Панова. М., 2011. С. 8.

(технологического) компонента¹. Достоинством экологической психологии, рассматривающей педагогический процесс как взаимодействие обучаемого с образовательной средой, в результате которого происходит обмен информацией и энергией, является сходство ее с синергетикой, изучающей открытые нелинейные диссипативные системы². В работе А.Т. Волова и Д.Ф. Китаева приведен сопоставительный анализ основных понятий синергетики и педагогики, что позволило авторам показать перспективность использования синергетической парадигмы образования³. Одной из целей обучения и воспитания в высшей школе является самоопределение и самодетерминация личности, что в синергетике описывается как явление самоорганизации открытой системы.

Студенческий возраст характеризуется рядом особенностей, которые учитываются при организации педагогического процесса в вузе. С одной стороны, это возраст, в котором происходит, по результатам исследований Б.Г. Ананьева, сложнейшее структурирование интеллекта⁴, что способствует интенсивному усвоению знаний. В мотивационной сфере ярко выражены мотив достижения и познавательный мотив⁵. Формируется основа трудовой и профессиональной деятельности. С другой стороны, студенты обладают наивысшей социальной активностью, широким спектром интересов, стремлением к относительной экономической самостоятельности. При этом в условиях демократичного общества переживают кризисные явления, связанные со сменой ценностных ориентаций при переходе во взрослую жизнь⁶.

Современное состояние и тенденции в высшем образовании характеризуются противоречивыми явлениями. Во-первых, диверсификация образования (классическая университетская форма на бюджетной и небюджетной основе, дистанционные образовательные технологии, электронное обучение) приводит к большей доступности высшего образования. Во-вторых, уменьшение конкурса при поступлении в вуз, проблемы общеобразовательной подготовки выпускников средних образовательных учреждений создают напряженность в организации учебного процесса вуза, направленного на выполнение государственных образовательных стандартов. В-третьих, при формальном уравнивании требований при поступлении в вуз в виде результатов Единого государственного экзамена наблюдаются значительные различия в степени личностной и учебной готовности к вузовской системе образования.

Для компенсации нежелательных факторов применяется комплекс педагогических, психологических и организационных мер, в реализации которых принимают участие профессорско-преподавательский состав, кураторы студенческих групп, специалисты, общественные организации, объединенные в системе учебно-воспитательной работы вуза. В результате можно наблюдать образцы высоких достижений в личностном развитии студентов и одновременно случаи скромных результатов при значительных затратах сил и средств. Одной из проблем, с которой сталкивается вуз, является несформированность в некоторых студентах самостоятельности, ответственности, ценностно-смыслового стержня личности, активности и других качеств, позволяющих с полной отдачей знаний и умений трудиться на благо общества. Следовательно, учебно-воспитательная работа вуза (факультета) не отвечает всем требованиям самоорганизующейся открытой системы, в которой создаются условия для личностного развития студентов. Не случайно в руководящих документах Министерства образования РФ столько внимания уделяется студенческому самоуправлению на уровне учебных групп, курса, факультета, вуза. Что мешает студенту стать саморазвивающейся и самовоспитывающейся личностью? Что надо сделать администрации вуза, всем преподавателям, чтобы система воспитательной работы давала стабильные результаты?

Одной из причин нестабильности получаемого результата является недостаточная изученность наблюдаемых в настоящее время явлений в системе воспитания и ограниченность области применения существующих моделей личностного развития студентов, особенно математических, базирующихся в основном на корреляционных зависимостях.

При разработке математических моделей, в частности модели личностного развития студентов, и их верификации необходимо учитывать ограничения, имеющиеся в каждом направлении модели-

¹ Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М., 2004. С. 70.

² Волов В.Т., Китаев Д.Ф. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века. Самара, 2005. С. 253.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Цит. по: Зимняя И.А. Педагогическая психология. М., 1999. С. 184.

⁵ Зимняя И.А. Педагогическая психология. М., 1999. С. 185.

⁶ Карпушина Л.В., Капцов А.В. Психология ценностей российской молодежи. Самара, 2009. С. 136.

рования. Названные выше авторы¹ предостерегают исследователей от чересчур рьяного внедрения новой парадигмы в образовании, т.к. имеется много примеров, когда мода на то или иное научное направление оборачивалась дискредитацией самой этой науки. Необходимо бережно относиться к традиционным методам моделирования и в то же время использовать современные.

Моделирование личностного развития студентов основано на результатах лонгитюдных методов исследований², которые подразумевают большое количество эмпирических срезов, выполненных на одной и той же выборке, однако на практике осуществить необходимое число наблюдений не предоставляется возможным, т.к. личностные качества студентов медленно изменяющиеся³, поэтому реальное число срезов редко превышает два или три⁴. В такой ситуации используются разностные уравнения, в которых изучается зависимость текущего состояния системы от предыдущего. В исследованиях В.Ф. Петренко и О.В. Митиной показано, что ограниченность числа замеров можно компенсировать большим количеством испытуемых⁵. Переход от разностных уравнений к соответствующим дифференциальным позволяет на качественном уровне описать характер динамики изучаемого процесса.

По мнению О.В. Митиной, «теоретическое рассмотрение личностной динамики позволяет трактовать личность как сложную адаптивную систему, включающую все аспекты взаимоотношений и взаимосвязей между ее подсистемами, а также взаимоотношений с другими людьми»⁶. К такому же выводу приходят М.М.Семаго⁷ и другие исследователи. Открытость системы является необходимым, но не достаточным условием для ее самоорганизации. Все зависит от борьбы двух противоположных начал: начала, создающего структуру, наращивающего неоднородность в среде, и, с другой стороны, рассеивающего, размывающего неоднородности начала⁸.

Одним из таких механизмов развития является парный механизм идентификация – обособление⁹. Идентификация, в результате которой происходит уподобление психологических характеристик взаимодействующих между собой субъектов, с позиции синергетики схожа с процессом диссипации, уменьшающей неоднородность системы. Обособление, в результате которого происходит поляризация психологических характеристик взаимодействующих субъектов, соответствует с позиции синергетики процессу порождения неоднородности (источнику) за счет индивидуализации и самообучения. В процессе обучения трансляция знаний и репродуктивное их воспроизведение способствует повышению однородности обучающихся, тогда как любая творческая деятельность, даже воспроизведение изученного своими словами, создает неоднородность и неповторимость каждого обучающегося.

В педагогическом процессе вуза наблюдаются оба механизма развития личности, поэтому главным вопросом становится их количественное соотношение. Необходимым условием возникновения самоорганизации в студенческой среде является протекание нелинейных процессов идентификации / обособления, т.е. описываемых с помощью степенных функций с показателями более двух, причем показатель нелинейности источника неоднородности (механизм обособления) должен превышать аналогичный показатель механизма идентификации¹⁰. Нелинейные уравнения могут иметь несколько (больше одного) качественно различных решений, из чего следует сущность нелинейности, а именно, «множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями»¹¹.

¹ Волон В.Т., Китаев Д.Ф. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века. Самара, 2005. С. 259.

² Корнилова Т.В. Экспериментальная психология. М., 2012.

³ Психолого-педагогическое обеспечение многоуровневого высшего образования / под ред. А.В. Капцова и В.И. Кичигина. Самара, 2003. С. 137.

⁴ Митина О.В. Математические методы исследования личности как динамической саморегулирующейся системы // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2011. С. 437.

⁵ Цит. по : Митина О.В. Математические методы исследования личности как динамической саморегулирующейся системы. С. 437.

⁶ Там же. С. 425.

⁷ Семаго М.М. Психология развития в постнеклассической научной картине мира : монография. М., 2010. С. 93.

⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировоззрение. М., 2014. С. 48.

⁹ Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М., 2011. С. 105.

¹⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировоззрение С. 73.

¹¹ Там же. С. 48.

Кроме нелинейности как одного из условий возникновения самоорганизации существует эффект локализации, заключающийся в том, что создаются условия самоорганизации не во всей среде, а только части. В качестве эффекта локализации можно рассматривать учебную группу, микрогруппу внутри группы или отдельного студента. Последний случай является достаточно типичным в вузе и выражается в руководстве преподавателем научно-исследовательской работой отдельного студента.

Поскольку широкое использование статистических методов обработки номотетических исследований не позволяет рассматривать процесс самоорганизации отдельного студента, то рассмотрим результаты моделирования механизма личностного развития студентов идентификация / обособление на уровне учебной группы.

Впервые математическая модель процесса изменения личностных качеств была нами получена в линейной форме¹ на выборках студентов около 100 человек (4–5 учебных групп одного курса) и более (до 18 учебных групп)². Линейные уравнения были получены не столько из-за редуционизма математических моделей психологических закономерностей, сколько из-за низкой вероятности совпадения возможных процессов самоорганизации на одном курсе студентов, состоящих из нескольких параллельных потоков. При рассмотрении изменений личностных качеств в отдельной группе (лонгитюдное исследование 1996–1998 гг.), с соответствующим уменьшением уровня достоверности получаемого решения из-за уменьшения количества испытуемых, уравнения представляют полиномы пятой или шестой степени в зависимости от динамики описываемого личностного качества с коэффициентом детерминации не хуже 0,8. Это позволяет предположить, что в учебных группах как открытой системе были предпосылки для возможного возникновения явления самоорганизации.

Верификация математических моделей осуществляется через сопоставления с эмпирическими данными. В результате двух измерений психологических характеристик студентов получаем зависимость изменения личностных качеств на интервале наблюдения. Величина интервала наблюдения выбирается исходя из множества условий, но главным из них является скорость изменения личностного качества студентов. Эмпирически мы установили, что для исследования личностного развития студентов наиболее удобно диагностику осуществлять один раз в год, хотя в отдельных случаях использовались интервалы в два и более года.

Изменения личностных качеств обусловлены наличием скорее реципрокных (с лат. взаимный), а не парных, механизмов идентификации / обособления личностного развития. Причем оба механизма присутствуют и действуют одновременно. Эмпирически мы можем наблюдать лишь равнодействующую их влияния. Из теоретических предпосылок одна из составляющих в определенные периоды развития личности может преобладать над другой. Например, согласно теории развития личности в онтогенезе А.В. Петровского³, на первом этапе вхождения личности в группу должен наблюдаться период адаптации, для которого характерна идентификация личности. То есть при диагностике студентов первого курса в начале учебного года должно фиксироваться уподобление некоторых личностных качеств, хотя А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко отмечают⁴, что в настоящее время наблюдается особый тип людей, сознательно выбирающих дезадаптацию по неизвестным для исследователей причинам. Особенностью процесса личностного развития студентов является избирательность изменений личностных качеств. У одного студента можно наблюдать уподобление одних качеств с одновременной поляризацией других, а у другого студента той же учебной группы все может быть иначе. Поэтому при организации эмпирических исследований личностного развития студентов мы руководствовались следующими положениями.

1. Для повышения мощности эмпирического исследования необходимо контролировать преобладание механизмов личностного развития у каждого студента (идеографическое исследование) по всему перечню контролируемых характеристик. Оценка размера эффекта при ежегодном мониторинге дает низкий уровень⁵ по существующей в психологии шкале⁶. Однако на при-

¹ Волов В.Т., Сопов В.Ф., Капцов А.В. Психологический мониторинг в дистанционном образовании. Самара, 2000. С. 146.

² Психолого-педагогическое обеспечение многоуровневого высшего образования. С. 102.

³ Петровский А.В. Проблема развития личности с позиции социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. №4. С. 16–29.

⁴ Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М., 2007. С. 66.

⁵ Капцов А.В. Методологические аспекты исследования изменений в аксиосфере опросниками самоотчета // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. 2013. №2 (14). С. 168.

⁶ Корнилова Т.В. Экспериментальная психология. С. 255.

мере динамики личностных ценностей нами было показано¹, что маленький размер эффекта обусловлен наличием двух противоположных направленностей изменения психологического свойства у различных испытуемых.

2. Конечное значение психометрических характеристик диагностических методик, используемых в исследованиях, приводит, во-первых, к погрешности измерения реально наблюдаемых качеств², что должно учитываться при интерпретации, а, во-вторых, кроме двух наблюдаемых состояний преобладания уподобления или поляризации психологических характеристик, существует третье – амбивалентное состояние, выраженное в отсутствии изменений психологической характеристики за интервал наблюдения³. Возможно, в личности студента происходит борьба двух механизмов личностного развития, например, с одной стороны, она идентифицируется со «значимым другим», и в то же время, уделяя внимание самовоспитанию и самообучению, идет к поставленной цели в жизни, развивая свои способности и личностные качества. В итоге эмпирически не удается обнаружить изменений в личностном развитии. Другая причина отсутствия изменений в личностном развитии студента связана с нахождением ее в периоде жизненного развития, который отмечается низкой возрастной сенситивностью⁴, из-за чего существующие диагностические методики могут не фиксировать происходящих изменений.

3. Активность личности в процессе обучения выражается в форме экопсихологических типов коммуникативного взаимодействия, устанавливающихся между субъектами образовательного процесса. В исследовании⁵ показано, что изменения личностных качеств студентов зависят от характера и количества взаимодействий между студентами в учебной группе, степени неоднородности их личностных качеств. Учебная группа, согласно микрогрупповой концепции А.В. Сидоренкова⁶, всегда представляет собой динамическое объединение совокупности микрогрупп, внутри которых наблюдается интенсивное межличностное общение студентов. С учетом экопсихологических типов взаимодействия и межличностных отношений нами использовалась методика определения состава микрогрупп в учебной группе студентов, предложенная А.С. Горбатенко⁷. При этом внутри получаемой микрогруппы присутствовали различные экопсихологические типы взаимодействия (субъект-совместный тип, субъект-порождающий, субъект-объектный) за исключением субъект-обособленного типа, при котором студенты находятся в конфликте взаимодействия, что не должно иметь места из психологической сущности образования неформальных микрогрупп.

При моделировании механизма идентификация – обособление рассматривались как симметричные, так и асимметричные (невзаимные) типы взаимодействия, т.к. каждый тип вносит свою лепту в личностное развитие студентов⁸. Дифференциация студентов внутри каждой микрогруппы на три категории по преобладающему механизму личностного развития (идентифицирующиеся, обособляющиеся, амбивалентные) осуществлялась по авторской методике⁹ через рассмотрение микрогруппы как совокупности диад с анализом изменений психологического качества относительно каждого члена диады.

Таким образом, результатом моделирования реципрокного механизма идентификация / обособление является перечень студентов, имеющих один из преобладающих механизмов личностного развития по каждому личностному качеству за исследуемый промежуток времени. Эмпирически была подтверждена теория развития личности в онтогенезе А.В. Петровского на выборке

¹ Капцов А.В. Методологические аспекты исследования изменений в аксиосфере опросниками самоотчета С. 161–175.

² Фер Р.М., Бакарак В.Р. Психометрика: Введение. Челябинск, 2010. С. 174.

³ Капцов А.В., Колесникова Е.И. Выявление психологических факторов динамики личностных ценностей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. 2014. №1 (15). С. 154.

⁴ Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития / под ред. А.А. Реана. СПб., 2003. С. 27.

⁵ Капцов А.В. Интеллектуальное и личностное развитие студентов в условиях учебной группы современного вуза. Самара, 2011.

⁶ Сидоренков А.В. Динамика неформальных подгрупп в группе: социально-психологический анализ. Ростов н/Д, 2004.

⁷ Горбатенко А.С., Горбатенко Т.М. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. №4. С. 114.

⁸ Капцов А.В., Колесникова Е.И. Выявление психологических факторов динамики личностных ценностей. С. 152–170.

⁹ Капцов А.В. Интеллектуальное и личностное развитие студентов в условиях учебной группы современного вуза.

студентов вузов технического и гуманитарного профилей: на первом курсе преобладает механизм идентификации личностных ценностей у 70 – 85% студентов, а личностных качеств интеллектуальной и коммуникативной сфер – у 63 – 72% студентов. С возрастанием курса доля идентифицирующихся студентов уменьшается, а соответственно доля обособляющихся увеличивается.

На наш взгляд, предложенный подход определения преобладающего механизма личностного развития, построенный на методологии экопсихологии и микрогрупповой концепции, имеет существенные преимущества по сравнению с известными зарубежными и отечественными разработками¹, базирующихся на данных опросников самоотчета испытуемых или проективных тестов².

В то же время использование в методике определения механизма личностного развития микрогрупповой концепции накладывает следующие ограничения:

1. Границы микрогруппы являются условными, т.к. члены группы имеют тенденцию к взаимодействию с любыми одноклассниками исходя из совокупности психологических качеств, т.е. в терминах микрогрупповой концепции это означает, что имеется тенденция отдельной личности к включению в несколько микрогрупп.

2. Невозможность определения преобладающего механизма личностного развития у «самостоятельных» членов учебной группы, т.е. не входящих в состав ни одной из микрогрупп (численность «самостоятельных» членов учебной группы составляет от 10% до 25%).

3. Открытость или закрытость микрогруппы влияет на результат определения преобладающего механизма личностного развития, а именно, чем выше уровень открытости микрогруппы, тем выше погрешность определения механизмов идентификации / обособления.

Поэтому, на наш взгляд, дальнейшее совершенствование рассматриваемой методики должно идти в направлении учета взаимодействий в пределах всей учебной группы и даже за ее пределами. С применением существующей методики были проведены исследования личностного развития студентов (по 6 учебных групп одного вуза) в нескольких временных срезах (1996 г., 2002 г. и 2013 г.) первого года обучения. Установлено, что в первом срезе изменения личностных качеств интеллектуальной, коммуникативной и волевой сфер описываются полиномами второй – третьей степени, что говорит о возможных предпосылках к созданию условий для самоорганизации процессов, протекающих в учебных группах. Во втором срезе нелинейные уравнения были получены не во всех учебных группах по тем же психологическим характеристикам. В последнем срезе во всех исследуемых группах были получены только линейные регрессионные уравнения. Можно предположить, что изменения, произошедшие, с одной стороны, в высшем образовании, а с другой, в системе воспитания будущих абитуриентов вузов, создали такие условия личностного развития, в которых студент ориентирован в большей степени на внешние формирующие воздействия, нежели на саморазвитие и самодерминацию поведения. Однако это требует дополнительных глубоких исследований.

Капцов Александр Васильевич, кандидат технических наук, доцент. заведующий кафедрой. Самарская гуманитарная академия. Россия, Самара.

Kaptsov Alexander Vasilyevich, Candidate of Technical Sciences, associate professor. head of the department. Samara humanitarian academy. Russia, Samara.
avkaptsov@mail.ru

УДК 316.6

Влияние моббинга на социальные ожидания школьников

М.А. Киселева

The impact of mobbing on social ekspektatsii students

М.А. Kiseleva

Аннотация. В статье представлен анализ влияния моббинга на социальные ожидания обучающихся. Определены особенности феномена «моббинг», его виды и формы. Охарактеризованы последствия влияния моббинг-процессов на ожидания школьников.

¹ Попова Л.В. Методы изучения процессов идентификации // Вопросы психологии. 1988. №1. С. 163–168.

² Колесникова Е.И. Сплоченность учебной группы как фактор социальной идентификации студента : дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2007.

Ключевые слова: моббинг; экспектации; прокрастинация; самоопределение.

Abstract. The article analyzes the impact of mobbing predstvalen social ekspektatsii students. The features of the phenomenon of "mobbing", its types and forms. Described the effects of the impact of mobbing processes at ekspektatsii students.

Key words: mobbing; expectations; procrastination; self-determination.

Необходимость углубленного изучения проблемы влияния моббинга на социальные экспектации личности в школьном коллективе заключается в том, что в настоящее время в связи с динамичными инновациями в социокультурной сфере, изменением общественного сознания в ситуации деструктивной конкуренции усилилась тенденция целенаправленного психологического насилия над личностью.

Подобный деструктивный элемент новой школьной «этики» приводит к хроническому стрессу обучающихся, нереализованности значимых целей, снижению качества выполняемой работы, социальному негативизму и, в целом, к общей низкой удовлетворенности жизнью.

Острота заявленной проблемы выражается также в устойчивой ситуации замалчивания факта деструктивного психологического давления на личность в школьном коллективе, основанного на фиксации в сознании установки на неэффективность разрешения социально-психологических противоречий.

Термин «моббинг» (*mobbing* – от англ. глагола *to mob* – нападать толпой, стаей, травить) – форма психологического насилия над личностью в виде травли в коллективе. Впервые в психологическую практику понятие об этом явлении было введено в 1963 г. К. Лоренцем. Ученый-этолог считал, что в человеческом обществе, равно как и в животном сообществе, существует «закон стаи», и характеризовал феномен «моббинг» как групповое нападение¹. Однако известность данный термин получил только в 1972 г., после публикации исследования шведского врача П.Хайнемана, который провел аналогию жестокого поведения детей со сверстникам и агрессии животных, обозначив данное явление как «моббинг».

Современная трактовка понятия сложилась в начале 80гг. XX в. благодаря шведскому исследователю психологии труда Х.Лейману. Он охарактеризовал моббинг как «психологический террор», который включает систематически повторяющееся нетолерантное отношение одного или нескольких людей, направленное против другого человека. Х. Лейманн в основе моббинга видел противопоставление «своих» и «чужих» интересов в процессе борьбы за определенного рода значимые ресурсы².

Наиболее ярко данный феномен представлен в характере взаимодействий с аутсайдерами школьного коллектива. Формы проявления моббинг-действий достаточно обширны: от игнорирования до открытого морального унижения школьников, не включенных лидерами в значимую группировку. Причем действия того, кто осуществляет моббинг, обычно оказываются в пределах нарушения моральных, нравственных, в худшем случае – дисциплинарных норм.

Эффекты воздействия моббинга могут быть столь же серьезными, как и прямое физическое насилие. Разрушительная сила влияния моббинга на формирование и фиксирование негативных экспектаций у обучающихся способна привести личность к отчуждению, острому переживанию дистресса и, нередко, к суицидальному поведению.

В отечественной психологии явление моббинга долгое время не привлекало активного внимания ученых. Первое описательное упоминание данного явления встречается в исследовании генетика В.П.Эфроимсона, относящемся к середине XX в. Феномен был трактован ученым именно как социально-психологическое явление, названное «неэтическая конкуренция». Истоки данного феномена коренятся в морально-нравственной деструкции сознания и некритичном восприятии прав и обязанностей личности.

В целом, при некоторых различиях в трактовках феномена «моббинг», отечественные ученые единодушно указывают на одну из важных его характеристик – деструктивное психологическое давление на личность³. Наиболее чувствительной сферой влияния моббинг-процессов является сфера социальных экспектаций обучающихся. У школьников, подвергшихся моббингу,

¹ Lorenz K. Das sogenannte Bese : Zur Naturgeschichte der Aggression. Wien, 1963.

² Leymann H. The content and development of mobbing at work // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1996. № 5 (2). P. 165–184.

³ Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления : пер. с нем. Харьков, 2007 ; Дружилов С.А. Профессиональные деформации и деструкции как индикаторы душевного неблагополучия человека // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 2. С. 84-87 ; Романова Н. П. Моббинг: учеб. пособие. Чита, 2007.

функционирует кризисное сознание, актуализируя процесс прокрастинации, т.е откладывания на неопределенный срок реализации желаемых целей. Кроме того, тотальное снижение самооценки приводит к искаженной самодетерминации личности в контексте социального, личностного и профессионального самоопределения школьников¹.

Ученые, классифицируя виды моббинг-процессов, чаще всего упоминают о следующих: вертикальный и горизонтальный; открытый и латентный. К наиболее агрессивным видам относится именно открытый моббинг². Его разрушительная сила способна привести к деморализации личности ребенка.

К наиболее часто встречаемым формам деструктивного психологического давления относятся: социальная изоляция, экзальтированный крик при общении, высмеивание, дезинформация, доносительство, причинение вреда здоровью, порча личных вещей и др.³. Школьники, испытывающие на себе моббинговое воздействие, воспринимают коллектив одноклассников как агрессивную систему, что затрудняет социально-психологическую адаптацию, снижает степень контактирования и существенно отражается на успеваемости обучающихся. В связи с тем, что моббинг-процессы могут протекать латентно, социально-психологическая помощь этой группе детей, может быть оказана не своевременно.

На наш взгляд, наиболее эффективные пути предотвращения/снижения моббинга в школьном коллективе должны осуществляться в системе «родитель – учителя – психолог – ученики». Первичным действием обучающихся и воспитывающих субъектов должен явиться систематический мониторинг эмоционального климата в школьном коллективе, анализ причин возникновения и механизмов протекания наличествующих моббинг –процессов для проведения профилактики и коррекции деструктивного психологического давления на личность школьников.

Киселева Марина Анатольевна, доцент кафедры психологии, кандидат педагогических наук. Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Россия, Балашов.

Kiseleva Marina Anatolyevna, associate professor of psychology, candidate of pedagogical sciences, an associate professor of the chair of psychology. Balashov institute (branch) of Saratov state university named after N.G. Chernyshevsky, Russia, Balashov.

kiselewa_m@mail.ru

УДК 159.9

Фокусирование этнонациональных аспектов сознания и поведения студентов в «Школе толерантности»

Е.И. Колесникова

Focusing of the ethno-national aspects of the consciousness and behavior of students in the «School of tolerance»

E.I. Kolesnikova

Аннотация. В статье рассмотрена проблема развития толерантности в системе компетенций студента. Приведены примеры организации взаимодействия в насыщенной поликультурной образовательной среде.

Ключевые слова: компетенция, развитие, сознание, толерантность, студент вуза.

Abstract. The article presents the problem of the development of tolerance in the system of competences of the student. The examples of the interaction enriched in the polycultural educational environment.

¹ Шустова Н.Е., Киселева М.А., Карина О.В. Базовые убеждения и социальные экспектации подростков как составляющие процесса самоопределения // Высшее образование сегодня. 2010. №8. С. 75–77.

² Романова Н.П. Моббинг: учеб. пособие. Чита, 2007.

³ Леготина И.М. Моббинг как показатель низкого уровня организационной культуры // Мат-лы IX регион. конф. Кольского филиала Петрозаводского государственного университета. Апатиты, 2006. С. 65–66 ; Хохлова Т.П. Управление поведенческими отклонениями и пути к устойчивому развитию // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. №1. С. 113–121.

Key words: competence, development, consciousness, tolerance, student.

Работа выполнена в рамках ведомственного задания вузам «Психологические детерминанты формирования компетентности студента» (НИР № 553).

Современный мир характеризуется многообразием социальных, национальных, расовых, возрастных различий соседствующих общностей людей. Однако непонимание или даже неприятие специфики и оригинальности различных культур негативно влияет на взаимоотношения людей. Препятствует непримиримости, разобщению людей толерантность¹. Особенно актуален аспект толерантных взаимоотношений для государств с постоянной миграцией других этносов на их территорию, например, для современной России. Е.И. Касьяновой представлена российская модель толерантности, основанная на социокультурных традициях терпимости и милосердия, интеграции цивилизаций, сотрудничестве культур, этносов и религий². Близость культурных традиций разных слоев и ценностное единство общества создают предпосылки для формирования социального согласия как характеристики российской концепции толерантности. Согласие выступает глубинной основой повышения социальной интеграции (понимаемой не как поглощение одних другими, а как взаимообогащение, как приобретение системой новых, действительно единых качеств), снижения уровня напряженности и конфликтности и способствует реализации принципа толерантности³.

Вполне понятно, что толерантность занимает место в системе профессиональной подготовки среди компетенций современного специалиста⁴. Для бакалавров инженерных и экономических специальностей формирование общекультурных компетенций предполагает способность работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (по ФГОС 3+ это «ОК-6»).

Однако проблему формирования толерантности у студентов вуза нельзя считать в достаточной мере разработанной. В государственном стандарте отсутствуют специальные дисциплины, формирующие основы толерантности, существуют проблемы диагностики уровня толерантного поведения. При этом сама гуманитаризация образования несомненна, и вуз как социальный институт призван создавать условия для благоприятного развития личности во всех направлениях. Однако до сих пор педагогика высшей школы при выборе методов обучения не имеет должного психологического обеспечения, весьма туманен мониторинг личностной компетентности обучающихся, в том числе и толерантности.

Решение данных проблем в вузе может быть найдено путем проведения спецкурсов и учебных занятий, воспитательной работы по данному направлению. Одним из такой работы может служить проводимая с 2007 г. в Самарском государственном архитектурно-строительном университете (СГАСУ) серия регулярных занятий в рамках «Молодежной школы толерантности». Данный проект, разработанный под руководством проф. Н.С. Мухаметшиной, ставит целью актуализацию позиций и установок, способствующих толерантному взаимодействию студентов вуза⁵.

Состав участников подбирается специально из представителей различных этнических групп, входящих в студенческий актив вуза. По замыслу организаторов, такой подбор участников предполагает, что, обладая активной жизненной позицией, молодые люди смогут не только дополнить ее навыками толерантного общения с представителями разных культур и конфессий, но и «зарядить» толерантным настроением окружающих⁶.

На занятиях «Школы толерантности» происходит обогащение социальным, культурным опытом во время общения, обсуждения проблем межкультурного взаимодействия, встреч с руководителями и активистами национально-культурных организаций в государственном Доме дружбы народов (ДДН), с представителями религиозных организаций. Для студентов организована экскурсия «Дорога к храму», в ходе которой студенты посещают православный собор, ме-

¹ На пути к толерантному сознанию / под ред. А.Г. Асмолова. М., 2000. С. 5–7.

² Касьянова Е.И. Социально-философские основания толерантности : дис. ... докт. филос. наук. Чита, 2009.

³ Там же. С. 10.

⁴ Братченко С.Л. Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск, 2003. С. 104–117.

⁵ Мухаметшина Н.С. Региональная этнонациональная политика: опыт Самарской области. Самара, 2008. С. 26–28.

⁶ Школа толерантности: разные, но не чужие : сборник научно-методических материалов / под общ. ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара, 2009.

четь, католический костел, хоральную синагогу, лютеранскую кирху. Совместные чаепития и концерты придадут встречам неформальность.

При организации подобной работы нужно понимать, что изложения идеи толерантности без понимания внутриличностного содержания феномена недостаточно. В противном случае возрастает риск назидания, деклараций на тему важности и нужности толерантности. Важно понимать, что толерантность не может быть гарантирована ни наличием знаний, ни набором тех или иных психологических черт, ни внешними условиями как таковыми. Являясь свободным и ответственным самоопределением в каждой конкретной жизненной ситуации, толерантность не столько формируется, сколько развивается. Неосмысленную, не принятую как ценность и неотвечественную толерантность следует рассматривать как псевдотолерантность или интолерантность, замаскированную под социально-желательные формы.

Считая узловыми моментами развития сознания подвижные границы актуального сознания, потенциального сознания и бессознательного (Г.В. Акопов)¹, мы полагаем, что специальная организация условий по повышению уровня толерантности студентов должна обеспечить повышение уровня осознания собственных способов деятельности и личностных особенностей, информирование о возможных альтернативах поведения, дать чувство самостоятельности и ответственности в жизненных выборах. Таким образом «расширяется поле актуального сознания за счет его потенциальных слоев, в некоторых случаях – актуализации бессознательного»². Внимание обучающихся фокусируется в основном на вариативности понимания картины мира разными людьми без приписывания негативного смысла «разномыслию».

Технологически организация психологического блока «Школы толерантности» должна соответствовать правилам проведения социально-психологического тренинга. Выбор методов воздействия направлен на провоцирование пограничных ситуаций миропонимания, что будет являться лакмусовой бумагой для диагностирования толерантности (социально-перцептивные, ситуационные, импровизационные, моделирующие и ролевые игры, социодраматические, бихевиоральные, когнитивные, экспрессивные методы, упражнения, предполагающие обратную связь, обмен чувствами, техники присоединения). Применяются элементы психогимнастики (возможность «размяться» после лекций и дискуссий), а также арт-терапии, например, рисуночных техник (участники – студенты технического вуза, у которых может быть затруднена вербализация, но развито образное мышление).

Особая роль отводится тренеру-преподавателю, одна из основных задач которого состоит в создании доброжелательной атмосферы, предоставлении свободы в выполнении упражнений, возможности обсуждать, а не осуждать. При этом тренер-преподаватель должен быть компетентен в вопросах регуляции и мотивации выполнения заданий. После отдельных упражнений и в конце занятия необходимо организовать обмен чувствами, мнениями, впечатлениями, возникшими в процессе работы.

Рассмотрим пример проведения занятий психологического блока «Школы толерантности» (февраль – май 2015 г.). После курса лекций о национальном и конфессиональном разнообразии в Самарской области в диалоговом взаимодействии участникам было предложено обобщить свои представления о толерантности в виде определения. Сначала участники представились друг другу, по желанию обозначив свою этнонациональную идентичность. Заметим, что не было студентов, отказавшихся от обозначения своей этнической принадлежности, но из 30 участников у пятерых возникли затруднения из-за смешанного брака родителей (например, «у меня мать русская, отец татарин, а кто же Я?»).

В определении толерантности чаще всего участники упоминали терпимость, уважение к другому человеку, понимание, свободу, равенство, умение слушать и слышать, национальное равенство, безусловное принятие человека, отсутствие негатива, единство. Это упражнение позволило не только усвоить известные формулировки понятия «толерантность» и его тонкие нюансы, но на основе формулирования «научных определений» выработать собственные дефиниции данного понятия и сравнить их с существующими у других.

Отметим характерную особенность: примерно половина участников дала определение толерантности с позиции «наоборот», т.е. указало на то, что присуще интолерантной личности. Для углубления понимания различий личности толерантной и интолерантной участникам было предложено выразить его на листе бумаги формата А4 в символической, метафорической, аб-

¹ Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М., 2010.

² Там же. С. 203.

страктной форме или конкретном рисунке с помощью разноцветных фломастеров. В в рисунках прослеживались общие тенденции:

- в большинстве графических представлений присутствовало изображение человека;
- рисунки на тему толерантности выполнялись в более ярких, приятных цветах, теплой цветовой гамме, присутствовали изображения цветов, улыбающихся людей, солнышка, радуги;
- в рисунках на тему интолерантности присутствовали темные цвета, сломанные деревья, разрушенные дома, люди-калеки, тучи на небе;
- в рисунках всех участников наглядно прослеживалась ярко выраженная дихотомия понятий «толерантная / интолерантная личность»: участники либо делили линиями лист пополам, либо создавали рисунки на другой стороне листа.

При выполнении данного упражнения уместным было обсудить проблему меры толерантности, границы терпимости, позволяющих не смешивать толерантные отношения с вседозволенностью и безразличием. Ведь чрезмерное, неадекватное обстоятельствам повышение толерантности может вести к ослаблению сопротивляемости и увеличению уязвимости человека, возможным угрозам для индивидуальности, идентичности и т.д.

Одним из возможных путей решений этой проблемы является отказ от бинарного противопоставления «толерантность / интолерантность» и переход к построению континуума уровней толерантности. Однако мы видим, что представления участников дихотомичны, и это требует дальнейшей работы.

В своих рисунках участники фокусировали определение толерантности с точки зрения своей этнокультурной идентичности. Так, армянин представил изображение человека с шашлыком в руках и сопроводил словами «Угощайся, брат». Приехавший из Украины студент нарисовал скрещенные флаги своего государства и России. Популярны были клише и клиповые изображения единения людей с разным цветом кожи.

Позитивные представления студентов о толерантности закреплялись приемами развития толерантности по отношению к самому себе и к другим, отработкой коммуникативных навыков, необходимых для толерантного взаимодействия с представителями других культур. Нацеленность на сотрудничество как уровень толерантного поведения характеризуется контактностью, доброжелательностью (отсутствием агрессии, в том числе и аутоагрессии) и социальной активностью. С этой целью были подобраны упражнения по осознанию конструктивных способов выхода из конфликтных ситуаций.

В качестве разминочного было предложено психодраматическое упражнение «Равнодушная стена» (участники вставали спинами друг к другу, образуя плотно смыкающуюся стену, и по очереди каждый «продирался» через неё). Реальные телесные контакты быстро «разогревали» участников и провоцировали выброс активности и агрессии.

Далее участникам нужно было сформулировать и записать слова и выражения, которые бы их обидели и привели к конфликту. Этот арсенал был мало связан к национальностью или религиозными взглядами, в основном это были обидные слова о личностных качествах участников или их внешнем виде. После этого участникам раздавались описания вариантов конструктивной реакции на агрессию, и после прочтения текста вслух студент должен был привести пример описанного типа поведения. Таким образом стимулировалось взаимообучение. Кроме того, группа помогала в подборе примеров.

Следующим упражнением была работа в парах: партнеры по очереди, используя арсенал обидных слов и выражений, «оскорбляли» друг друга и демонстрировали вместе с тем пример конструктивного реагирования на ситуацию. Далее участники были разделены на две команды, и им было предложено упражнение «Стенка на стенку», т.е. участники по очереди «нападали» на стоящего напротив участника из другой команды, а ему нужно было «отбиваться» предложенными конструктивными приемами. Заметим, что наиболее «меткими» были обиды знакомых между собой студентов, которые подмечали уязвимые места товарищей. Задачей тренера-преподавателя было равномерное распределение участия команд. Наибольшее количество «нападений» совершалось на неформальных лидеров. Некоторые участники при этом не решались «пойти» против группы. Заметим, что «нападки» в основном касались личностных качеств и особенностей поведения участников, мало затрагивая этнонациональные признаки.

Для повышения чувства общности, сплоченности студентов нами было проведено упражнение «Пролезь через угольное ушко». Участники вставали в круг, на плечо одному из участников вешали обруч, далее все соединяли руки, и нужно было передать обруч по кругу. Упражне-

ние показывает необходимость быть готовыми пойти на компромисс, быть гибкими и вместе с тем дает возможность сопереживания, помощи людям, которые доверчиво держат нас за руку.

По отзывам участников, «Школа толерантности» способствовала развитию позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

Колесникова Екатерина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Россия, Самара.

Kolesnikova Ekaterina Ivanovna, candidate of psychological science, the senior lecturer of department of the social sciences and humanities. Samara state university of architecture and civil engineering. Russia, Samara.

kolesnikovaei@yandex.ru

УДК 159.9

**Особенности личностного развития и ментальности
школьников и студентов
в условиях амплификации образовательной среды**

Е.А. Морозова

**Features of personal development and mentality
of schoolchildren and students
in terms of amplification educational environment**

Е.А. Morozova

Аннотация. Статья посвящена проблеме амплификации (обогащения) образовательной среды на современном этапе. В данной работе обосновывается дефиниция «духовно обогащенная образовательная среда», приводятся результаты исследования особенностей личностного развития и ментальности учащихся в условиях духовно-обогащенных образовательных сред, раскрываются механизмы менталеобразования.

Ключевые слова. Образовательная среда, амплификация, обогащение, школьники, студенты, личностное развитие, ментальность, духовно обогащенная среда, менталеобразование, становление личности.

Abstract. Article is dedicated to the problem of amplification (enrichment) educational environment at the present stage. This paper substantiates the definition "spiritually rich educational environment, the results of the study of peculiarities of personality development and mentality of students in terms of spiritual and enriched educational environments that reveal mentaleobrazovaniâ mechanisms.

Keywords. Educational environment, amplification, enrichment, pupils, students, personal development, mentality, and spiritually rich environment, mentaleobrazovanie, personality.

Личность взрослого человека находится в тесном контакте с окружающим миром, окружающей средой, являющейся первичным и необходимым условием для ее становления и развития. Образовательная среда является важнейшей частью внешней среды подрастающего поколения, так как, во-первых, она тесно сопряжена с базовыми потребностями детей, подростков и юношества, а во-вторых, обуславливает приобщение ребенка к социокультурным нормам и ценностям, обеспечивая, наряду с семьей, полноту вхождения каждого человека в многообразный мир различных культур. Цели образования тесно связаны с целями жизни общества, и, как отмечал С.И. Гессен, как жизнь определяет образование, так и образование воздействует на жизнь. Образовательная среда, являясь ведущим социальным институтом, играет значимую роль в становлении личности детей и молодежи, предполагающем раскрытие и актуализацию ее сущностных сил¹. Будучи неотъемлемым атрибутом, «маркером» человека как представителя рода *Homo sapiens*, личность во всей полноте раскрывается в социально значимых отношениях, которые возникают и в условиях образовательного пространства.

¹ Гессен С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию : учеб. пособие для вузов / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М., 1995.

Следует отметить, что современное образование переживает сложный период, обусловленный парадигмальными изменениями в общественной жизни, проявлением которых является полнотелность в отношении ключевых сфер человеческого бытия, в том числе и образования, что, в свою очередь, влечет вариативность образовательных траекторий, располагающихся в континууме от стандартизации, формализации образовательного процесса, сводящегося подчас только к трансляции, передаче базовых знаний в рамках изучаемых курсов и дисциплин, до переизбыточности, избыточности образовательных модулей узкоспециализированной информацией определенного профиля. В первом случае подобная стратегия ведет к обеднению, симплификации образовательной среды, в связи с чем личность учащегося в полноте ее проявлений к миру, человеку и к самому себе оказывается на периферии. Во втором случае переизбыточность отдельных образовательных модулей порождает «знание-центристскую», «предметно-ориентированную» направленность, создает акцентуацию в развитии отдельных сфер личности, что потенцирует ее дисгармоничность. Однако, по мнению В.В. Рубцова, в последнее время остро ощущается то обстоятельство, что потребностям общества в большей степени соответствуют модели, в которых помимо информативно-знаниевой компоненты, содержится компонента воспитательная и даже шире – просвещенческая компонента¹.

В этой связи сегодня на первый план выходит проблема проектирования обогащенных (амплифицированных) образовательных сред, способных создать условия для целостного, всестороннего развития личности участников образовательного процесса. Под амплификацией образовательной среды понимается ее многовекторное и многоуровневое обогащение, реализуемое в условиях общего, высшего, дополнительного, профессионального образования для различных возрастных когорт. Амплификация образовательной среды создает условия для формирования вариативных образовательных траекторий, в которых актуализируется возможность встречи человека с самим собой, как с другим², что позволяет ответить на вопросы: «Кто я?» «Куда я иду?» Подобная самоактуализация способствует раскрытию «человеческого в человеке», что является социально значимой задачей для современного общества, когда, по словам Д.И. Фельдштейна, зачастую «мы имеем выпускников школы, которые более или менее умеют логически мыслить, но не воспринимают таких феноменов жизни, как совесть, доброта, порядочность, милосердие»³. Очевидно, что подобное обедненное личностное развитие затрудняет процесс социализации взрослеющего человека, блокирует становление отношений в системе «Человек – Мир».

Таким образом, амплификация образовательной среды подразумевает неразрывную связь образования и воспитания, так как воспитание, по мнению К.Д. Ушинского, имеет своим непосредственным предметом образование души⁴. В этой связи особенно актуальной становится проблема проектирования амплифицированных образовательных сред как «идеальное промысливание» относительно того, как в рамках образовательного процесса создать такие оптимальные условия, в которых стало бы возможным максимально полное раскрытие сущностных сил личности, ее становление как субъекта, привносящего в окружающий мир гармонию, способность к созиданию, конструктивному общению.

Одним из видов обогащенных образовательных сред является духовно обогащенная образовательная среда, которая понимается как среда, обладающая высоким ресурсным потенциалом в плане информационного насыщения обучающихся глубинными смыслами духовно-нравственного содержания, что возможно в разных формах и видах организации⁵. В настоящее время мы являемся свидетелями накопления подобного опыта и его кристаллизации в формате новой педагогической реальности, возникшей в рамках появления кафедр теологии в вузах, введения предметов ОРКСЭ в школах, создания центров, основанных на отечественных культурно-религиозных традициях в системе дополнительного образования. По всей видимости, данные тенденции

¹ Рубцов В.В. Проблема соотношения светского и духовного в современных образовательных моделях // Московская городская учительская семинария : научный сборник / сост. А.Д. Червяков. М., 1997. С. 13–17.

² Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности. М., 2000.

³ Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности // Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М.; Воронеж, 2005. С. 134.

⁴ Ушинский К.Д. Собрание соч. Т. 9. М.; Л., 1950.

⁵ Морозова Е.А. Теория и практика духовно-обогащенной образовательной среды // Педагогические традиции, цели обучения и воспитания в отечественном образовании: история и современность : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. 27 ноября 2014 года. СПб., 2015. С. 51–54.

отражают насущную потребность нашего времени, состоящую в рефлексии на новом уровне, возврате и возрождении исторически сложившихся мировоззренческих и духовно-нравственных координат в содержание и цели образования.

В рамках выделения дефиниции «духовно обогащенная образовательная среда» мы предлагаем руководствоваться типологией образовательных сред, описанной В.И. Пановым¹ и критериями образовательной среды, предложенными В.И. Слободчиковым². В.И. Панов предлагает рассматривать пять моделей образовательных сред, среди которых выделяет эколого-личностную; коммуникативно-ориентированную; антрополого-психологическую; психодидактическую; экологопсихологическую. Наиболее близкой по смысловому и содержательному наполнению к интересующей нас представляется антрополого-психологическая модель, описанная В.И. Слободчиковым, который выделяет в качестве показателей образовательной среды ее насыщенность (ресурсный потенциал) и структурированность (способ ее организации). Важным посылом, с нашей точки зрения, является также положение о том, что образовательная среда (согласно взглядам В. Франкла и К. Рожерса) не должна ограничиваться и удовлетворяться передачей знаний, она обязана давать человеку средства для обнаружения смыслов.

Каким же образом создается духовно-обогащенная среда? На этот вопрос отвечает Г.В. Акопов. Первый вариант представлен концепцией сопряжения светского и духовного в образовательном пространстве³. В данном случае происходит обогащение (амплификация) дисциплин, традиционно преподаваемых в высших учебных заведениях («Психология личности», «Психология семейных отношений» и т.д.) содержанием духовно-нравственного характера. Подобное обогащение возможно и в средних учебных заведениях путем насыщения различных предметов (литература, история и т.д.) духовным компонентом. По такому принципу, например, работает недавно созданная в г. Самаре православная классическая гимназия им. П.И. Алабина.

Второй путь создания духовно обогащенной среды возможен путем комплексирования, возникающего тогда, когда для решения одной задачи привлекаются и светские и духовные ресурсы. Примером может служить реализация программы ОРКСЭ (муниципальные образовательные учреждения), а также дисциплин, преподаваемых на кафедрах теологии («Культурно-религиозное наследие России», «Религии мира», «Христианская антропология» и др.).

Третий вариант создания духовно обогащенной образовательной среды подразумевает интеграцию, возникающую тогда, когда все светские знания органично пронизаны присутствующей духовной проблематикой. Примером успешной интеграции может служить модель детских епархиальных образовательных центров, действующих в системе дополнительного образования. В данном случае кружковая система дополнительного образования обогащается православным, духовным компонентом. Так, в каждом подразделении преподается ОПК, кроме того, деятельность детей в рамках реализуемых программ (лепка, рисование, мультипликация и т.д.) также обогащается смыслами и информацией духовно-нравственной направленности. Например, это может быть рисование на тему какого-либо православного праздника или – в рамках кружка пластилиновая мультипликация – создание мультфильма с духовно-нравственным компонентом.

Очевидно, что введение в образовательную среду соответствующих модулей и блоков духовно-нравственного содержания вызывает ее обогащение, что способствует динамическим изменениям личностного развития обучающихся. А каким образом можно отследить эту динамику?

С этой целью был подобран комплект методик, имеющий некоторую специфику для школьников и студентов, позволяющих получить информацию относительно духовно-нравственных показателей развития личности, а также представлений о семейной жизни⁴.

В анкету вошли такие методики, как «Личностный рост» (авторы Д.В. Григорьева, И.В. Кулешова, П.В. Степанова), позволяющая проследить характер отношений к семье, Отечеству, человеку, как другому, культуре, духовному «я»; методика «Друг-советчик – 1» (авторы Е.К. Веселова, С.А. Черняева) для выявления характеристик морального развития личности; опросник «Размышляем о жизненном опыте» (автор Н.Е. Щуркова), позволяющий выявить направленность личности; сочинение-конструкт «Идеальная семья» (автор Т.Ю. Сорокина) и не-

¹ Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб., 2007.

² Слободчиков В.И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: Культурные модели школ. Вып. 7. М., 1997. С. 177–185.

³ Акопов Г.В., архимандрит Георгий (Шестун Е.В.), Матанцева М.А., Подоровская И.А., Шапкина И.Н. Соотношение светского и духовного в отечественном образовании. Самара, 2011.

⁴ Морозова Е.А., Бахман И.М. Динамический мониторинг личностного развития и семейного образования молодежи: методология и общие положения. Ч. I : учеб.-метод. пособие. Самара, 2014.

которые другие. Нами было проведено исследование в разных возрастных группах школьников, изучающих ОРКСЭ, детей, посещающих детские епархиальные образовательные центры, студентов, обучающихся на кафедре теологии, т. е. тех, кто в разной степени погружен в духовно-обогащенную среду.

Выявлено, например, что у детей из детских епархиальных образовательных центров в конце учебного года возрастает удельный вес ценностей, относящихся к категории духовно-нравственных, увеличивается число ответов устойчиво-позитивного характера в отношении к другому человеку, культуре, духовности; возрастает число выборов альтруистической личностной направленности; увеличивается индекс нравственности; показатели по шкале эмпатии; возрастает число ответов, свидетельствующих о приоритетности главенства мужчины в семье, значимости семьи, основанной на послушании и почитании старших и т.д., появляются более глубокие ответы, касающиеся духовной жизни¹. Подобная динамика выявлена и у студентов, обучающихся на кафедрах с присутствием духовно-обогащающего компонента после окончания семестра. Можно констатировать, что образовательная среда является значимым фактором становления личности детей и молодежи, т.к. она обладает и аксиологическими возможностями, и ментале-образующими функциями. В этой связи хотелось бы остановиться на механизмах и средствах влияния духовно-обогащенной образовательной среды на личностное развитие и ментальность учащихся. Несомненно, первое средство, которым обладает данная среда, – это ценностно значимая информация, сопряженная с глубинными смыслами, которая, по мнению В.И. Слободчикова, создает высокую степень информационного насыщения². Понятно, что это не просто информация, а информация, насыщенная знаниями о духовном мире, его законах, нравственных ориентирах, смысле жизни, предназначении человека. Указанная информация может выступать в качестве своеобразного катализатора, способного запустить процесс смыслообразования у обучающихся. Однако одной информационной составляющей явно для этого недостаточно.

Вторым важным средством образовательной среды может стать личность самого педагога, поскольку именно через нее преломляется, приобретает особое звучание преподаваемая информация. Но это произойдет только тогда, когда сам педагог станет носителем осознанных глубинных смыслов. Другими словами, прежде чем приступить к трансляции духовных знаний, педагог должен сам стать зрелой, духовно-нравственной личностью, способной к рефлексии и отчетливой самоидентификации. Если это условие будет соблюдено, могут включиться психологические механизмы, о которых говорят В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский, – механизм персонализации, под которой понимается способность к трансляции, передаче ценностно-смысловых характеристик того, что составляет пространство субъективного жизненного мира личности, и персонификации – возможности порождения личностных ценностей за счет проникновения в смыслы и ценности другого человека³.

Для того чтобы указанные психологические механизмы активизировались, необходимо действовать и третье средство образовательной среды – характер межличностного общения. Очевидно, что общение в образовательной среде должно быть максимально насыщено отношениями безусловной, истинной любви и подлинным интересом к личности учащихся и студентов. Понятно, что и стиль общения в диаде «педагог – студент», «педагог – учащийся» должен носить не привычный авторитарно-директивный, а субъект-субъектный характер, предполагающий построение общения, исходя из видения в учащихся и студентах духовного уровня их личности, образа Божия, выраженного, может быть, и неявно, но априорно присутствующего. И, без сомнений, вера в то, что духовный полюс существует, позволит выстроить процесс общения как диалог, разговор, со-бытие – совместное бытие педагога и обучающегося. Благодаря такому условию ситуация диалога становится событием в жизни участников образовательного процесса, в контексте проживания которого происходят ключевые изменения в личности учащихся. Резонансом на переживаемые состояния возникают личностные новообразования, среди которых ключевое место

¹ Морозова Е.А., Матанцева М.А. Некоммерческий фонд «Детский епархиальный образовательный центр» как модель сопряжения светского и духовного в системе дополнительного образования. Самара, 2015.

² Слободчиков В. И. Со-бытийная образовательная общность — источник развития и субъект образования // Событийность в педагогической и образовательной деятельности / под ред. Н.Б. Крыловой, М.Ю. Жилиной. Вып. 1 (243). М., 2010. С. 13. (Новые ценности в образовании).

³ Ключко В.Е. Персонификация ценностей как механизм нравственного воспитания // Пути формирования нравственных основ личности школьника. Проблемы. Методика. Опыт : тез. конф.. Барнаул, 1997. С. 234–236.

занимают и духовно-нравственные качества. В этом же контексте В.И. Панов пишет о субъект-порождающем характере взаимодействия, когда все усилия педагога и учащихся починены единой цели, «достижение которой невозможно без объединения ее участников в некую субъектную общность»¹. В данном случае, продолжает В.И. Панов, «учебная ситуация провоцирует у учащегося проявление надситуативной активности продуктивного типа»². Следует заметить, что диалог состоится только тогда, когда педагог будет конгруэнтен и аутентичен собственным взглядам, установкам и принципам. В противном случае обучающиеся неизбежно почувствуют диссонанс и прибегнут к стратегиям ухода, избегания, прерывания диалога.

Если диалог состоится, то может включиться следующий психологический механизм – механизм кристаллообразования³, предполагающий выстраивание вокруг значимых смыслов информационных полей, обладающих менталеобразующими и аксиологическими функциями. В свою очередь, этот процесс может активизировать и латентный морально-нравственный потенциал студентов и учащихся, что в дальнейшем повлечет за собой когнитивную реконструкцию и соответствующие изменения на эмоциональном и поведенческом уровнях. Подобная последовательность этапов может объясняться законом опережения нравственного развития над интеллектуальным, хорошо известным в дореволюционной России. В этой связи В.В. Зеньковский говорил о том, что, с психологической точки зрения, именно моральное созревание души является осью ее духовного развития⁴.

Итак, если все перечисленные средства духовно обогащенной образовательной среды и соответствующие им механизмы будут задействованы, то есть серьезные основания полагать, что она может стать значимым фактором и необходимым условием личностного развития подрастающего поколения.

Подводя общий итог, хотелось бы отметить, что обозначенные в данной работе аспекты являются поводом для дальнейшей рефлексии и работы в указанных направлениях, которая будет продолжаться.

Морозова Елена Анатольевна кандидат психологических наук, доцент кафедры теологии. Самарский государственный университет путей сообщения. Россия, Самара.

Morozova Elena Anatolevna, candidate of psychological sciences, associate professor of theology. Samara State University. Russia, Samara.
eamorozova063@rambler.ru

УДК 159.9 174+37.015.31

Характеристики нравственно-этического сознания студентов в структуре их психологической готовности к будущей профессиональной деятельности

Л.М. Попов, П.Н. Устин

Characteristics of moral and ethical consciousness of students in the structure of their psychological readiness for future careers

L.M. Popov, P.N. Ustin

Аннотация. В статье дается авторское понимание нравственно-этического сознания субъекта. Раскрывается место характеристик нравственно-этического сознания в структуре психологической готовности субъекта к профессиональной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей проявления нравственно-этического сознания учащихся высших учебных заведений – будущих субъектов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: этика, нравственность, сознание, психологическая готовность, профессиональная деятельность, субъект, нравственные характеристики, поведение.

¹ Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб., 2007. С. 87–88.

² Там же. 88–98.

³ Морозова Е.А., Матанцева М.А. Особенности морального развития личности молодежи в условиях разных образовательных сред. Самара, 2012.

⁴ Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1995.

Abstract. In article the author's understanding of moral and ethical consciousness of the subject is presented. The place of characteristics of moral and ethical consciousness in structure of psychological readiness of the subject for professional activity is given. Results of empirical research of features of manifestation of moral and ethical consciousness of pupils of higher educational institutions – future subjects of professional activity are presented.

Key words: ethics, moral, consciousness, psychological readiness, professional activity, subject, moral, characteristics, behavior.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-06-00585a).

Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности и ее формирования является одной из наиболее актуальных в рамках психологии труда и акмеологии. Под данной категорией, как показывает анализ (Л.Л. Босова, А.А. Деркач, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Н.Д. Левитов, А.К.Маркова¹ и др.), понимается характеристика субъекта учебно-профессиональной деятельности, которая лежит в основе успешного овладения будущей профессией. Вместе с тем анализ литературы не дает единого понимания структуры психологической готовности к деятельности. В работе мы опираемся на описание структуры, предложенное в рамках модели психологической готовности субъекта к профессиональной деятельности (Л.М. Попов, И.М. Пучкова²). Здесь психологическая готовность к профессиональной деятельности понимается как системное свойство субъекта учебно-профессиональной деятельности, включающее регулятивные, когнитивные и коммуникативные характеристики и способствующее успешному овладению деятельностью.

Тематика данной работы предполагает обращение к регулятивной составляющей психологической готовности субъекта к профессиональной деятельности, одним из компонентов которой выступают нравственно-этические характеристики. Данные характеристики, в свою очередь, являются отражением нравственно-этического сознания субъекта в целом и субъекта профессиональной деятельности, в частности.

Нравственно-этические характеристики отражают нравственно-этическое сознание субъекта. Под сознанием человека мы понимаем то, что составляет статичный и динамичный внутренний мир в виде субъективно окрашенного внутреннего опыта, полученного в ходе чувственного познания, мышления и воображения, лично пережитого человеком, наконец, это то, что может быть вербализовано человеком и передано другим людям. И если «общее» сознание имеет регулятивную функцию, опираясь на полученные человеком знания о мире и собственное их переживание, то нравственно-этическое сознание охватывает только ту часть общечеловеческих знаний, которая существует в виде нравственно-этических канонов (правил, положений, принципов), отраженных в общечеловеческой культуре или в какой-либо субкультуре.

Этика и психология – это две области человеческого знания с общим объектом изучения: внутренний мир человека и его поведение как способ регулирования взаимоотношений с миром. С точки зрения психологии, личности внутренний мир человека – это его душа, сознание, Я; поведение – это способ регуляции целостного человека во взаимодействии с миром. С точки зрения этики, внутренний мир – это прежде всего нравственно-этическое сознание человека. Оно складывается, во-первых, как система главных ориентиров и смыслов жизни личности, где добро рассматривается как главнейший ориентир. Во-вторых, нравственно-этическое сознание сочетается с системой средств управления собой и средств самоуправления личности во взаимоотношениях с миром (с семьей, с другими людьми, с государством и вообще со всей природой) как следование наставлениям, правилам, законам.

О нравственном развитии человека и его моральном сознании более других дает представление этика – наука о морали (нравственности), в центре которой стоит изучение обычаев, привычек, нравов, выработанных на протяжении долго времени приемлемых способов общения между людьми внутри сообществ различного уровня: от семьи до объединения наций. Стык

¹ Босова Л.Л. О некоторых аспектах формирования готовности учащихся к использованию средств ИКТ в учебном процессе // Мир психологии. 2005. №1. С. 221–230 ; Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М. ; Воронеж, 2004 ; Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976 ; Левитов Н.Д. Психология труда. М., 1963 ; Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

² Попов Л.М., Пучкова И.М. Теоретико-экспериментальное обоснование модели психологической готовности студентов к профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2015. №1. С. 53–58.

между этикой и психологией как науки о внутреннем мире и поведении человека создает пространство для этической психологии¹.

В историческом аспекте, содержание нравственности постоянно меняется. Сложно сказать из каких посылок совершает свой моральный выбор реальный человек. Вместе с содержанием понятия человечность, меняется и используемый им тезаурус. Следовательно, разработка нравственно-этической психологии предполагает накопление теоретико-экспериментального материала на большом контингенте испытуемых, с последующим выходом в область прикладных исследований.

В данной работе представлены результаты эмпирического исследования нравственно-этического сознания студентов на этапе формирования их психологической готовности к будущей профессиональной деятельности. Нравственно-этическое сознание в данном случае понимается как устойчивая система этических характеристик (ориентиров), определяющих направленность поведенческой активности в сторону добродетельных или порочных поступков.

Изучение особенностей проявления характеристик нравственно-этического сознания проводилось среди значительной выборки учащихся высших учебных заведений г. Казани, обучающихся по разным направлениям и специальностям.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выделить особенности проявления нравственно-этического сознания у современной студенческой молодежи в возрасте от 17 до 25 лет (более 300 испытуемых). Сбор данных осуществлялся с помощью теста «Добро – Зло» и модифицированного метода «Интервью с самим собой». С помощью теста «Добро – Зло» фиксировался количественный показатель – уровень человечности, отражающей соотношение этически конструктивных и этически деструктивных качеств. Качественный анализ в исследовании психологии этической культуры студентов строился на результатах самоотчетов студентов, которым предлагалось раскрыть собственное понимание нравственности через специально сформулированные вопросы по принципу метода «Интервью с самим собой» (Л.М. Попов²). В рамках данной работы анализировались следующие позиции модифицированного метода: 1. Опишите, каким Вы представляете высоконравственного человека. Опишите, какими качествами он должен обладать, как Вы понимаете значение этих качеств. Пожалуйста, приведите примеры проявления данных качеств. Таким же образом опишите безнравственного человека (качества, значения этих качеств, примеры проявления этих качеств). 2. Опишите Себя как нравственного человека. Опишите, какими качествами Вы обладаете. Есть ли сходство с идеалом, описанным в предыдущем пункте Вашего сочинения, и если есть, то в каких качествах? Есть ли различия с идеалом, описанным во втором пункте Вашего сочинения, и если есть, то в каких качествах? Есть ли у вас качества, которые Вы сами бы охарактеризовали как «недостаточно нравственные» или «безнравственные»?

Было выявлено, что этическая культура студентов в целом соответствует среднему уровню развития. При этом количественно показатели этической культуры юношей соотносятся с показателями девушек. Так выраженность этически конструктивных качеств соотносится со средним уровнем как среди юношей ($X_{ср}=94$), так и девушек ($X_{ср}=96,2$). Выраженность этически деструктивных качеств находится на уровне ниже среднего – юноши ($X_{ср}=69,5$), девушки ($X_{ср}=67,9$). Выраженность человечности (как интегрального показателя этического развития) проявилась на среднем уровне – юноши ($X_{ср}=24,5$), девушки ($X_{ср}=28,2$).

Далее были проанализированы содержательные границы нравственно-этического сознания – категории, интегрирующие в себе основные понятия, которыми оперируют студенты в нравственных описаниях и самоописаниях. Данными категориями выступили:

1. Агрессия: рукоприкладство, осквернение, агрессивность, мстительность, издеваться, оскорблять, наказывать.

2. Культура: большой багаж знаний, высокий литературный запас, образованный, «количество образований, культурный, научная лексика, воспитанный, жаргон, наглый, хам, грубый, интеллигентный, низок в поступках, вежливый, умеет себя вести, эстетичный.

3. Ответственность: ответственный, обязательный, принципиальность, не исполняет обещаний.

4. Цинизм: не верующий ничему, безразличие, не уважает других, смеется над другими, ни что не нравится, презрение, готов идти по головам, нет ценностей.

5. Добро: доброжелательный, добродушный, великодушный, злой, миролюбивый.

¹ Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. М., 2008.

² Попов Л.М. Психология самодеятельного творчества студентов. Казань, 1990.

6. Интеллект: здоровое мышление, любознательность, умеющий выразить свою точку зрения, мысли, умный, грамотный.
7. Эмпатия: выслушать других, чуткий, отзывчивость, понимающий, сочувствие, поддержка, солидарный, милосердие.
8. Жадность: жадный, алчный, скупой, щедрый.
9. Коммуникабельность: коммуникабельный, обаятельный, компромисс, открытый обществу, приветливый.
10. Порядочность: честность, обман, вранье, правда, порядочность, лживость, честь, искренность.
11. Педантичность: пунктуальный, педантичность, опрятный, дисциплинированность, аккуратный.
12. Оптимизм: оптимизм, пессимизм.
13. Совесть: совесть, раскаяние.
14. Эгоизм: думает не только о себе, эгоист, самолюбие, любит только себя.
15. Альтруизм: помогающий, забота, готовый жертвовать.
16. Самоконтроль»: управление эмоциями, сдержанный, уравновешенный, устраивает сцену, эмоционально несдержанный, вспыльчивый, спокойный, раздражительный.
17. Целеустремленность: нет целей, целеустремленность, живет сегодняшним днем.
18. Тактичность: не задевает чувства других, тактичный.
19. Гуманизм: любовь ко всем, человеколюбие, человечность.
20. Уважение: уважение, принятие других как равных.
21. Самокритичность: самокритичность, анализирует свои действия.
22. Самореализация: самосовершенствование, саморазвитие, готовность исправлять свои недостатки.
23. Гордость: гордость, считает, что всегда прав, высокомерие.
24. Толерантность: терпеливый, терпимость, ценить интересы других, лояльность ко всему, уважение традиций.
25. Сильный характер: слабый, воля, сила, стойкость, храбрость, смелость, мужество, сильный духом, надежный, независимый, внутренний стержень.
26. Справедливость: справедливость, объективность.
27. Скромность: скромность, смирение.
28. Доверие: доверие другим, вера.
30. Опыт: жизненный опыт, мудрость.

Попов Леонид Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, Казань.

Popov Leonid Mikhaylovich, doctor of psychological sciences, professor, Head of the department of psychology of the personality. Kazan (Volga) federal university, Russia, Kazan.
Leonid.Popov@inbox.ru

Устин Павел Николаевич, старший преподаватель кафедры психологии личности. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, Казань.

Ustin Pavel Nikolaevich, senior teacher of department of psychology of the personality. Kazan (Volga) federal university. Russia, Kazan.
pavust@mail.ru

**Иерархическая структура
духовно-душевно-телесной организации старшеклассников
и возможности ее развития**

Г.В. Пучкова

**The hierarchical structure
of the spiritual and spiritual and physical organization
of high school students and opportunities for its development**

G. V. Puchkova

Аннотация. В статье представлены результаты исследования иерархической структуры духовно-душевно-телесной организации старшеклассников и обозначены возможности ее развития. В основу развития иерархической структуры самосознания положена авторская программа формирования способности проектировать будущее «Проект “Жизнь”», основанная на интериоризации системы общечеловеческих ценностей и духовно-нравственном развитии школьников.

Ключевые слова: будущее; ценность; образовательная программа.

Abstract. The article presents the research results of the hierarchical structure of the spiritual-spiritual and physical organization of high school students and opportunities for its development. The basis for the development of the hierarchical structure of self-consciousness based on the author's program of formation of the ability to design the future "the project "Life", based on the internalization of the system of human values, spiritual and moral development of pupils.

Key words: future; the value; the educational program.

Вместе со сменой ценностных ориентиров в российском обществе пришло понимание того, что жизнь не есть способ существования «белковых тел», а суть жизни заключена в не материальных духе и душе, которые определяют эволюцию человека и человечества. Общество сделало заказ образованию, который отражен в новых стандартах и нацелен в первую очередь на воспитание. Воспитание (в-ось-питание) как процесс окультуривания человека, или воспроизводства культуры в человеке состоит в трансляции смыслов, которые предлагаются растущему человеку к усвоению. «Чем кормить» более-менее понятно: нравственными представлениями, ценностями, установками, эталонами достойного нравственного поведения, способами решения жизненных задач и т.д. Вопрос: «как кормить?» имеет два варианта ответа: развитие и формирование. В первом случае имеется в виду свободное разворачивание процессов становления личности по сущности ее высшей природы, ориентированной на движение к цели все более полной самореализации. Для этого необходимо создать благоприятные условия – социальную среду, демонстрирующую образцы самоактуал-реализации. А она, как известно, не всегда имеется в наличии. Ребенка чаще всего окружают занятые добыванием хлеба насущного (эгонаправленные) родители, «боящиеся» за баллы учащихся на ЕГЭ учителя, которым нет дела до личных переживаний воспитанников, агрессивная среда сверстников «оружих», «унижающих слабого», «не способных к сопереживанию» (из материалов анкетирования школьников). Необходимо целенаправленно создавать среду для развития души и воздействовать на процесс становления мировоззрения (формировать), внедряя в образовательный процесс инновационные программы.

С 2001 г. в МБУ школе №40 г.о. Тольятти реализуется воспитательная технология по формированию у школьников (с 1 по 10 класс) способности проектировать собственное будущее. Содержание программ ориентировано на возраст учащихся и реализуется в рамках внеурочной деятельности. В 10-ых классах программа «Проект “Жизнь”» знакомит старшеклассников с содержанием основных ценностей: здоровье, образование, семья, любовь, дружба, забота, свобода, культура, вера, творчество и т.д. В качестве основных методов работы на занятиях выступают аксиологическая интерпретация, эвристическая беседа, тренинговые упражнения, мозговой штурм. Через различные виды заданий создаются условия для переживания личностного смысла каждой из ценностей и проектирования собственной жизни на их основе. Старшеклассники пишут сочинения-размышления по темам дискурсивного характера: Чем выше культура человека, тем он менее заметен? Каждый человек рождается творцом, а каждый ли им становится? Родите-

ли – мои друзья? Способно ли образование решить глобальные проблемы человечества? «Любить себя» – что это значит? и т.д.

Оценка эффективности реализации программы проводится с помощью качественных (нарративный анализ сочинений) и количественных методов: методика И.В. Ежова (исследование духовно-нравственного самосознания личности в педагогической сфере), методика Е.В. Шестун, Е.А. Морозовой, И.А. Подоровской, Е.Н. Устюжанинова (иерархия личности), Ж. Нюттена (временная перспектива будущего). Результаты влияния содержания психолого-педагогической программы на состояние духовно-нравственного самосознания старшеклассников отражены в авторских научных статьях¹.

Направление и целесообразность поведения человека обусловлены действием актуальной установки, общим результатом функционирования которой является формирование определенной позиции по отношению к действительности, ее отдельным предметам и явлениям, к самому себе и другим. Позиционность как существенная особенность психической активности включает ориентацию на тот или иной уровень самосознания.

В данном исследовании использована методика диагностики иерархии личности, которая предполагает социальную ситуацию выбора варианта поведения на основе ориентации на определенный уровень самосознания: духовный, душевный, телесный. Инструкция к методике предлагает иерархизировать выборы, то есть приписать ранговое место каждому из вариантов в зависимости от степени его приемлемости для испытуемого. Общая сумма баллов по всем трем позициям составляет 93 балла. Изменение позиции в иерархии выбора приводит к уменьшению (увеличению) показателя того или иного фактора, но не изменяет общую сумму баллов.

Таблица 1

**Результаты диагностики духовно-душевно-телесной организации
старшеклассников до и после реализации
психолого- педагогической образовательной программы «Проект “Жизнь”»
(средние значения по выборке)**

Показатели	До реализации программы	После реализации программы	Сумма сдвигов индивидуальных значений
Духовность	27.26	34.41	7.15
Душевность	38.46	37.42	-1.2
Телесность	27.1	21.4	-5.7

Как видно из таблицы, показатели ориентации на духовность при выборе поведения возрастают за счет снижения выборов в пользу душевной и особенно телесной ориентации. Использование методов статистики для подтверждения достоверности сдвигов неактуально, так как практически все сдвиги положительны (за исключением пяти 0) в сторону увеличения духовности.

Интересные результаты дает наблюдение за изменениями поведения и эмоционального состояния школьников в течение учебного года. На первых занятиях некоторые учащиеся с недоумением и даже недовольством воспринимают предлагаемую информацию и методы работы (самоисследование, самоанализ, самофутурирование), так как не привыкли к естественному и открытому общению. В начале учебного года старшеклассники «засевают» поле жизненных ценностей, отмечая степень значимости каждой из них по годам прошлой и будущей жизни. Первые места по степени значимости занимают: деньги, семья, карьера, любовь, а последние: вера, творчество, приобщение к культуре, забота о других. В конце учебного года на итоговом занятии учащиеся демонстрируют иную иерархию ценностей, где вера, творчество, культура существенно повышают свои позиции, а материальное благосостояние снижает ранговое положение.

¹ Пучкова Г.В. Воспитание у школьников способности проектировать будущее (на примере воспитательной технологии «Проект жизнь») // Новейшие достижения европейской науки – 2011 : сборник материалов 7 международной заочной научно- практической конференции (17–25 июня 2011 года). Т. 17. София, 2011. С. 32-40 ; Пучкова Г.В. Развитие духовно-нравственного самосознания старшеклассников на основе программы формирования способности проектировать будущее // Вектор науки : журнал Тольяттинского государственного университета. 2012. №1 (19). С. 141–147 ; Пучкова Г.В. Прежде, чем сделать выбор. Тольятти, 2005 ; Пучкова Г.В., Боброва Т.М. Исследование подростковой лжи с помощью нарративного анализа // Современная психология: теория и практика : материалы 12 международной научно-практической конференции. 7–8 апреля 2014. М., 2014. С. 179–184.

Интересно наблюдать за динамикой мышления и мировоззрения школьников, которая отражается в содержании и глубине обобщений по каждой из тем. Учащиеся высказываются о своем восприятии, отношении, мировоззренческой позиции к содержанию ценности. Если на первых занятиях большинство из них не способно высказать собственное мнение и аргументировать его, то к концу года снижается страх высказывания собственной позиции, развивается толерантность и умение слушать и слышать другого, сводятся на нет оценочные позиции, осуждение и обвинение за инакомыслие. Так при обобщении по теме: «Ценность свободы» ученица сказала: «Я свободна в выборе своей несвободы. Я свободно выбираю друзей, поступки, школьную успешность, мысли и слова, веру; несу ответственность за свой выбор, за добровольное следование или игнорирование норм социальной и духовной жизни».

Для родителей старшеклассников, большинство из которых рабочие автозавода, в начале учебного года проводится групповая консультация по вопросу организации занятий и по содержанию программы. Многие из них с недоумением заявляют, что сами никогда над такими мировоззренческими вопросами не задумывались. Родители приглашаются на итоговое занятие в конце года. Некоторые из них вместе с детьми включаются в обсуждение тем сочинений-размышлений, которые даются учащимся на дом. Старшеклассники сопоставляют свою точку зрения с точкой зрения родителей.

Ежегодно, ученикам предлагается высказаться о том, чем были для них эти занятия. Большинство откликается и в своих «письмах учителю» отражает собственные переживания по важнейшим для них вопросам, мировоззренческим проблемам.

Вот некоторые из этих высказываний:

«... со временем я решила довериться своим мыслям и писала правду, а точнее то, что думала. И вот с каждым разом, каждым сочинением мне становилось легче на душе. ... В голове у меня были мысли о том, что все равно я не знаю нашего учителя хорошо, да и зачем ему кому-то «сливать» мои тайны, почему бы и не высказаться...»

Ученики в течение года стали более искренними и открытыми, прежде всего, перед самими собой. Избавились от страха самоисповедальности.

«Благодаря этим занятиям я поняла, что нужно меняться, активно действовать, не забывать про добро, которое мне сделали и делать хорошее в ответ».

«Я понял, что необходимо задуматься о своих поступках, их последствиях, уметь прощать».

Формируется потребность в рефлексии собственных поступков и решений.

«...когда я писала сочинения-рассуждения, во мне просыпалась буря эмоций, как будто у меня открылись глаза и я поняла что-то очень важное. ... это не обычные сочинения с дежурными фразами, списанные с интернета или у одноклассников. Это собственная точка зрения...»

Развивается умение формулировать свою точку зрения и аргументировать ее.

«Каждый новый день – реальный шанс измениться. Раньше я этого абсолютно не понимала, винила окружающих, грустила о прошлом, боялась будущего. Считала, что все дается мне слишком сложно, ненавидела себя за ошибки, позволяла другим принижать себя. Но сейчас я другая, более уверенная в себе и в завтрашнем дне. Я бы не стала такой без этих занятий. Я научилась смело высказывать свои мысли и чувства, просто и без бумажки. Эти занятия были для меня спасительным кругом, фундаментом для моего светлого будущего, источником мудрости».

Занятия дали возможность ученикам поверить в себя, с надеждой смотреть в будущее.

«... меня переполняли мысли после очередной новой темы. Эти занятия сделали из меня другого человека, глубоко размышляющего над проблемами. Я чувствую в себе нравственные перемены».

«Я писала самой себе и плакала... Это помогло мне справиться с проблемой. Я больше не злюсь за это на себя и других, никого не виню и не стыжусь себя. Я стала мудрее».

«... нас не заставляли что-то учить, запоминать. Тут мы учились говорить открыто, доверять себе и одноклассникам. Мы впервые задумались над вещами, на которых в обычной жизни не обращаем внимания».

Пучкова Галина Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент. Тольяттинский государственный университет. Россия, Тольятти.

Puchkova Galina Valentinovna, candidate of psychological science, associate Professor. Togliatti state University. Russia, Togliatti.

Tekav@meil.ru

Аспекты религиозного сознания младших школьников

Е.И. Рошчупкина

Aspects of the religious consciousness of younger students

E.I. Roshchupkina

Аннотация: В современной действительности наблюдаются противоречия людьми с разными этнопсихологическими особенностями, которые приводят к конфликтам. Разрешение конфликтов является настоятельной необходимостью настоящего времени, которая обеспечила бы безопасное и обогащенное различными культурами будущее цивилизации. Проблема становления религиозного сознания и развития религиозных представлений исследовалась отечественными учеными, пришедшими к осознанию того, что ни в чем так не нуждается наше время, как в том, чтобы современное подрастающее поколение могло получить надлежащее религиозное воспитание. При всей несомненной теоретической и практической значимости уже проведенных научных исследований по проблемам становления религиозного сознания личности следует отметить, что вопросы изучения особенностей религиозных представлений школьников, представителей православной и мусульманской конфессий пока не являлись предметом специального изучения, что и обусловило выбор проблематики нашего исследования.

Ключевые слова: Этнопсихологические особенности, религия, сознание, религиозное сознание, эмоционально-семантические реакции, младшие школьники.

Abstract: Actual in modern reality observed contradictions between ethno psychological features of people, which lead to the conflicts, are represented. The resolution of conflicts is an imperative need of the present, which would provide the safe and enriched with various cultures future of a civilization. The problem of formation of religious consciousness and development of religious representations was investigated in domestic science by such scientists, come to understanding of that in anything our time, as so doesn't need that the modern younger generation could receive appropriate religious education. At all undoubted theoretical and practical importance of already conducted scientific researches on problems of formation of religious consciousness of the personality it should be noted that questions of studying of features of religious representations of school students, representatives of orthodox and Muslim faiths weren't a subject of special studying yet, as caused a choice of a perspective of our research.

Key words: Ethnic-psychological features, religion, consciousness, religious consciousness, emotional and semantic reactions.

Известно, что в результате длительного исторического процесса, активного увеличения численности людей и их массовых перемещений постепенно складывались все более изолированные друг от друга устойчивые племенные общности, по мере самостоятельного развития которых формировались отличные друг от друга этнокультурологические сообщества, языки, культуры. Все, что люди изобрели, сконструировали, воспели, воплотили в живописи и увековечили в камне, являлось их материальной и духовной культурой, олицетворяло их религию, мировоззрение, систему ценностей, этикет, моральные нормы поведения¹. Анализ общего и самобытного в культуре разных народов привел к поиску универсальных механизмов, детерминирующих развитие человеческого общества. Культура стала изучаться не сама по себе, а в контексте общественного взаимодействия людей, как способ приспособления к среде, воздействия на нее и актуализации сущностных сил человека. Культура не только обеспечила приспособление к физической среде обитания, но и являлась средством регулирования социальной².

Истоки социально-психологического знания отчетливо обнаруживаются уже в философских трактатах древности, например, «Государство» Платона, «Политика» и «Риторика» Аристотеля, «Беседы и суждения» Конфуция. Это убедительные и не единственные свидетельства того, что история социально-психологического мышления так же стара, как и попытки понять природу взаимоотношений человека и общества и найти способы их регуляции³. К осмыслению человека через призму его социальной жизни и отношений ученые подходили весьма осторожно, используя не

¹ Зубов А.Б. История религии : курс лекций. Книга первая. М., 2006.

² Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды истории поведения. М., 1993.

³ Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. М., 1999.

обобщенный термин «культура», а такие понятия, как «обычаи», «традиции», «культовая практика», «религиозные верования». Этнические особенности психики людей уже в античный период интересовали философов и историков, однако систематические исследования этого вопроса появились сравнительно недавно и относятся к концу XIX – началу XX столетия. Термин «этнология впервые» появился в 1838 г. и первоначально был использован в сравнительно-исторических обзорах примитивно организованных культур. Термин «антропология» был введен в 1855 г. для сравнительного описания морфологических и физиологических характеристик народов. В дальнейшем антропология подразделилась на две ветви: биологическую (биоантропология) и социальную (антропосоциологию). Первые научные работы по «психологии народов» выполнили М. Лацарус, Г. Штейнталь (1860 г.) и В. Вундт (1900–1920 г.). Исследователи указали на потребность в изучении законов душевной жизни не только отдельных индивидов, но и целых общностей, в частности, народов. Все индивиды, принадлежащие к одному народу, имеют одинаковый народным духом, т. е. своим психическим сходством (самосознанием, этнической идентичностью). М. Лацарус и Г. Штейнталь отметили, что психология народов является продолжением индивидуальной психологии, поскольку дух народа находится в индивидах¹. В. Вундт в своих исследованиях полагал, что совместная жизнь индивидов и их взаимодействие между собой должны порождать новые явления со своеобразными законами, которые хотя и не противоречат законам индивидуального сознания, но не сводятся к ним. А в качестве этих новых явлений, иными словами – в качестве содержания души народа, им рассматриваются общие представления, чувства и стремления многих индивидов. Он также подчеркивал, что «психология народов» не только пользуется услугами индивидуальной психологии, но и сама оказывает помощь последней, предоставляя материал о духовной жизни индивидов и таким образом влияя на объяснение индивидуальных состояний сознания. Следует отметить, что В. Вундт полагал также, что историческое развитие тесно взаимодействует с развитием индивидуальным². В отечественной литературе этнопсихология понимается как междисциплинарная область знания, изучающая психические особенности человека в единстве общечеловеческого и культурно-специфического. В культурно-историческом подходе Л.С. Выготский предлагает рассматривать социальную среду не как один из факторов, а как главный источник развития личности. В развитии ребенка, замечает он, существует как бы две переплетенных линии. Первая следует путем естественного созревания, вторая состоит в овладении культурой, способами поведения и мышления. Процесс присвоения общественно-исторического опыта составляет, по мысли, А.Н. Леонтьева, механизм социальной наследственности человека. Обращаясь к прошлому, восстанавливая историю своего развития, мы лучше понимаем происходящее с нами «сегодня», поскольку каждый факт находится в зависимости от того, что было прежде, и действует на то, что должно быть потом. Идея А.Р. Лурия звучала несколько иначе: культурное опосредование и есть главная черта человеческого мышления. А.Р. Лурия писал, что многие психические процессы социально и исторически детерминированы, существенные проявления человеческого сознания напрямую сформировались под влиянием основных форм человеческой деятельности и культуры. Идеи Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева сводятся к единому общему показателю: высшие психические функции, культурные по происхождению, будут отличаться в разных культурах³.

Сегодня, как и в прошлом, мы наблюдаем два явления: этноцентризм, т.е. чрезмерную приверженность собственной культуре и глорификацию – предпочтение чужой культуры и прославление ее в ущерб собственной. При всем том, что современные цивилизационные ценности предполагают, что каждое общество и любые образцы культуры имеют равные права на существование, мы вынуждены констатировать, что идеи богоизбранности, предназначения того или иного народа, расового превосходства до сих пор приводят как к глобальным, так и локальным войнам.

Религия сопровождает историю всех народов от истоков цивилизации и пронизывает едва ли не все сферы человеческого бытия, проникая в глубины сознания и даже подсознания людей. Отсюда поразительное богатство и многообразие религиозных проявлений. В духовной жизни человека трудно найти фактор, который играл бы более важную роль, чем религия. В поисках Бога человечество исходило немало дорог, пройдя путь от мироотрицающей мистики до богоотрицающего материализма. Что же такое религия и почему она так важна для человека в его повседневной жизни? Ученные и богословы определяют ее по-разному и порой очень противоречиво. Одни связывают религию с чувством нравственного долга (Кант), другие с чувством зависи-

¹ Зубов А. Б. История религии.

² Вундт В. Проблемы психологии народов. Питер, 2001.

³ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды истории поведения.

мости (немецкий богослов Шлейермахер) или определяют ее как страх перед неведомым (английский мыслитель Рассел) и т.д.¹.

К началу третьего тысячелетия современной цивилизации все шесть миллиардов живущих на земле людей верят. Одни верят в Бога, другие – в то, что Его нет; люди верят в прогресс, справедливость, разум. Вера является важнейшей частью мировоззрения человека, его жизненной позицией, убеждением, этическим и нравственным правилом, нормой и обычаем, по которым – точнее, внутри которых – он живёт: действует, мыслит и чувствует. Вера – универсальное свойство человеческой природы. Николай Гумилев прекрасно выразил этот феномен в следующих строках: «Есть Бог, есть мир, они живут вовек, а жизнь людей мгновенна и убога... Но всё в себе вмещает человек, который любит мир и верит в Бога»².

Современная наука полагает, что «человек разумный» появился 30–40 тыс. лет назад. Примерно к тому же времени относятся обнаруженные учёными наскальные рисунки и предметы быта, уже подразумевающие существование веры. Человек обладает сознанием, поэтому он не только «природное» существо. Стать человеком – значит обрести способность «осознавать» себя, т.е. видеть и чувствовать не только свою причастность этому миру, но и свою особенность, уникальность своего положения в нём³.

«Сознание» человека – это знание, разделённое с другими людьми, «совместное» понимание мира и места человека в нём. Очень важна здесь эта частичка «со-». Опыта одного человека явно недостаточно, чтобы понять мир. Ребёнок учится, чтобы усвоить знания предыдущих поколений, и чем «старше» общество, тем дольше длится обучение. Необходимость трудиться сообща вынуждает перенимать опыт других и передавать свой, а тем самым – и обобщать его. Другими словами, все люди, составляющие данное общество, знают о мире примерно одно и то же, потому что «доверяют» опыту соплеменников – прошлому и настоящему. Вот почему вера – это коллективное представление о мире⁴.

Можно бесконечно теоретизировать о том, одна ли религия способна давать человеку всеобъемлющий идеал, освещающий все стороны его существования или нет. В исторической практике мы видим, что кроме религиозных систем такую роль могут выполнять и философские системы. При этом, философская система становится способной к такой роли лишь тогда, когда превращается в верование, религию, объединяя рассудочное убеждение с безусловным требованием некоторой высшей сверхчеловеческой силы. Психология человека такова, что твердое руководство его поступкам дает лишь некоторый сверхчеловеческий авторитет. Отсюда извечная связь повседневной жизни с духовной властью и с религией⁵.

Трудно объяснить, почему одна группа людей верит в Бога, в вечный смысл жизни, в существование некоего божества, управляющего невидимым образом жизни человека и человечества, другая – не имеет никакой веры, в то время как третья группа людей демонстрирует почти полное безразличие к вопросам трансцендентного характера? На этот и другие вопросы ученые и мыслители пытаются ответить на протяжении многих веков, и этот вопрос остается актуальным до настоящего времени⁶.

Вопросы воспитания человека, формирования его представлений об основных явлениях и феноменах жизни относятся к актуальным проблемам современности и представляют громадный интерес для широкого круга научных дисциплин: философии, социологии, психологии, педагогики, психиатрии, психофизиологии, нейрофизиологии и других⁷.

В процессе онтогенеза человек как развивающаяся личность и как носитель общих свойств психики претерпевает сложнейшие изменения. На формирование его личности, в том числе, на развитие нравственной сферы и формирование собственных религиозных представлений, оказывают влияние многие факторы, такие, как семья, друзья, школа, средства массовой информации, фильмы, книги и т.д.⁸.

Долгие годы в нашей стране церковь была отделена от государства, идеологами правящего строя людям навязывалось единственно правильное в условиях тоталитарного общества атеисти-

¹ Зубов А. Б. История религии.

² Леонтьев А.Н. Проблема развития психики. М., 1985.

³ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.

⁴ Мень А. История религии в поисках пути, истины и жизни. М., 2006.

⁵ Тайлор Э.Б. Первобытная культура : пер. с англ. М., 1989.

⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. ; Екатеринбург, 2000.

⁷ Зубов А. Б. История религии.

⁸ Тайлор Э.Б. Первобытная культура.

ческое мировоззрение, стремящееся оторвать человека от его корней, исторического наследия, религиозной культуры и экзистенциальной основы бытия. К счастью, в современной демократической и многонациональной России люди имеют свободу вероисповедания и могут открыто приобщаться к религиозной культуре независимо от своей конфессиональной принадлежности¹.

Проблема становления религиозного сознания и развития религиозных представлений исследовалась отечественными учеными, пришедшими к осознанию того, что ни в чем так не нуждается наше время, как в том, чтобы современное подрастающее поколение могло получить надлежащее религиозное воспитание².

При всей несомненной теоретической и практической значимости уже проведенных научных исследований по проблемам становления религиозного сознания личности следует отметить, что вопросы изучения особенностей религиозных представлений школьников, представителей православной и мусульманской конфессий пока не являлись предметом специального изучения, что и обусловило выбор проблематики нашего исследования.

Нам представляется чрезвычайно актуальным повышение пластичности восприятия представителей иных этнических, религиозных групп с целью повышения индекса толерантности, терпимости людей по отношению друг к другу. Думается, ни у кого не вызывает сомнения, что формирование этно-конфессиональной терпимости должно начинаться с раннего детства, по крайней мере, со школьной скамьи – с младшего школьного возраста. Для этого необходимо представлять себе «исходный материал» для дальнейших воспитательно-коррекционных усилий педагогов, психологов, родителей. Интерес представляет, например то, каково отношение детей к религии, преобладающей в том этносе, который они представляют, с чем связаны их базовые переживания и т.п.

Нами было обследовано 24 ребенка младшего школьного возраста в диапазоне от 7 до 9 лет, русских и узбеков-иммигрантов, представителей православной и мусульманской конфессий. В качестве инструментального обеспечения мы использовали метод цветowych метафор И.Л. Соломина (модифицированный вариант), предназначенный для выявления эмоционального отношения личности к основным религиозным понятиям своей конфессии.

Младшие школьники-мусульмане из всего ряда предложенных стимулов обнаружили устойчивые ассоциации следующим образом: уважение соотнесли прежде всего с понятиями «мечеть» (10 человек), «муфтий» (7 человек), «здоровье» (3 человека). Практически те же результаты мы получили в среде православных младших школьников, а именно: «церковь» (8 человек), «священник» (6 человек), «здоровье» (4 человека), «Бог» – 1). Интерес у мусульман ассоциируется с понятием «жизнь» (7 человек). Интерес охватил значительно большее число предложенных понятий у православных младших школьников: «рай» (6 человек), «ад» (6 человек), «Бог» (4 человека), «жизнь» (4 человека), «церковь» (2 человека). Радость у детей-мусульман связывается с «раем» (6 человек), «здоровьем» (5 человек) и «жизнью» (2 человека). В свою очередь, православные дети связывают радость с «жизнью» (8 человек) и «здоровьем» (5 человек). Покой в первой подгруппе собрал весьма широкий спектр ассоциаций, здесь и «Бог» (10 человек), «рай» (6 человек), «здоровье» (4 человека), «мечеть» (2 человека), «смерть» (2 человека), «муфтий» (1 человек). Вторая подгруппа получила следующий ряд понятий: «рай» (6 человек), «здоровье» (3 человека), «церковь» (2 человека), «священник» (1 человек). страх у первой подгруппы вызывает актуализацию понятий: «смерть» (7 человек), «ад» (6 человек), «болезнь» (5 человек), «жизнь» (3 человека), «Бог» (1 человек). вторая подгруппа демонстрирует следующие ассоциации: «смерть» (9 человек), «болезнь» (6 человек), «Бог» (2 человека), «священник» (1 человек). наказание дети из мусульманских семей соотнесли с такими понятиями как: «болезнь» (7 человек), «ад» (6 человек), «муфтий» (4 человека), «смерть» (3 человека), «Бог» (1 человек). что касается детей из православных семей, то ассоциации распределились так: «ад» (6 человек), «болезнь» (6 человек), «Бог» (5 человек), «священник» (4 человека), «смерть» (3 человека).

Вышеизложенные результаты показывают, что дети исследуемых этно-религиозных групп в основном совпадают в эмоционально-семантических реакциях на конфессиональные понятийные стимулы. В частности, у младших школьников выраженность эмоционального отношения (уважение) к таким рядоположенным парам, как Мечеть-Церковь, Муфтий-Священник практически совпадает. Также они проявляют равновыраженный интерес к здоровью. Ад ассоциируется у младших школьников разных конфессий в равной степени с наказанием. Однако кроме указанно-

¹ Мень А. История религии в поисках пути, истины и жизни.

² Zubov A. B. История религии.

го отношения дети-мусульмане указывают на страх в отношении к аду, в то время как православные дети указывают на интерес. К раю отношение у тех и других ребят одинаковое, и связано оно с чувством покоя. Между тем и здесь, кроме общего, наблюдается различие между детьми: дети-мусульмане вместе с покоем испытывают и чувство радости, а дети православные могут переживать интерес. И те, и другие школьники смерть трактуют как наказание. Что касается понятия «жизнь», то одни дети (мусульмане) увязывают с ним чувство страха, другие (православные) относят к данному понятию положительные чувства – радость и интерес.

В нашем исследовании мы лишь констатировали различные отношения школьников к ключевым религиозным понятиям. При этом мы не затрагивали причин, которые могли бы повлиять на исследуемые характеристики детей, что требует дальнейших аналитических усилий.

Рощупкина Екатерина Игоревна, аспирант. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Roshchupkina Ekaterina Igorevna, postgraduate student. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
E-IRos@yandex.ru

УДК 159.9

**Восприятие симфонической музыки
подростками с различной этнической принадлежностью**

Т.К. Рулина, Д.В. Плотникова

**Perception of symphonic music
to young people of different ethnic backgrounds**

T.K. Rulina, D.V. Plotnikova

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 25.1028.2014/К по теме «Социальная психология религиозного (конфессионального), этнонационального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России».

Аннотация. В статье представлена разработка и результаты эксперимента в области восприятия сложного симфонического произведения подростками разной этнической принадлежности. Авторы знакомят с процедурой фиксации и эмпирического сравнения тематического восприятия симфонии на основе стимульного материала и доказывают, что различия в восприятии музыкальных тематизмов – следствие различий этнического музыкального воспитания.

Ключевые слова: восприятие, симфония, музыкальные тематизмы, символические скрипты сознания, этническая принадлежность.

Abstract. The paper presents the development and results of an experiment in the field of perception of the complex symphonic work teens of different ethnic backgrounds. The authors introduce a procedure fixing and empirical comparison of the perception of the theme of the symphony based on stimulus material and prove that the differences in the perception of music and thematic – a consequence of the differences of ethnic musical education.

Key words: perception, the symphony, musical and thematic, symbolic scripts consciousness ethnicity.

*А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя – «Седьмая»
На неслыханный мчалась тир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая «ленинградка»...*

А. Ахматова

Симфоническая музыка являет собой одно из высших проявлений человеческой культуры, тем самым задавая определенный уровень мироощущения, который можно назвать духовным. Душевный, интеллектуальный трепет, который вызывает восприятие такой музыки, иногда можно сравнить с мистическим, религиозным переживанием, которое формирует у человека высокие

гуманистические установки. Нам представляется чрезвычайно важным, чтобы причастность к такой музыке охватывала широкие слои населения, особенно важным представляется участие в этом подрастающего поколения. Однако мы должны признать, что классическая музыка главным образом представлена образцами европейской культуры, которая в известной мере отличается от культуры, например, жителей азиатского или африканского континента. То есть этнические особенности людей, живущих на Земле, являют собой некие фильтры, которые могут обуславливать особенности понимания, принятия музыкальных образцов такого рода. Поэтому исследование особенностей восприятия симфонического произведения подростками с различной этнической принадлежностью затрагивает культурологические, психологические, педагогические процессы.

Мы предположили, что восприятие подростков с различной этнической принадлежностью одного и того же классического музыкального произведения будет содержать как общие, так и различные впечатления. С этой целью мы разработали анкету «Этнос, язык, музыка» и тематическую матрицу перцептивного характера «Тематизмы Симфонии № 7 Д. Шостаковича». В качестве стимульного материала использовалась Ленинградская симфония Д. Шостаковича.

С целью выявления особенностей музыкального восприятия в МБОУ СОШ Похвистневского района, с. Подбельск мы провели работу с группой подростков в возрасте 12–13 лет, состоящей из 30 человек. Школьники были распределены в 3 подгруппы по 10 человек с русской, мордовской и татарской этнической принадлежностью.

На первом этапе эксперимента была проведена ознакомительная работа с творчеством Д. Шостаковича. Подросткам была показана презентация на тему: «Ленинградская симфония». Далее была проведена перцептивная проба «Восприятие тематизмов симфонии № 7 Д. Шостаковича». Симфония была разделена на 15 тематизмов, включающих ассоциативный ряд перцептов, из которого подросткам предлагалось выбрать подходящие ассоциации к каждому из перцептов.

Опираясь на результаты исследований, можно говорить о том, что именно подростки и юношество наиболее подвержены воздействию музыки, они расположены к восприятию музыки на границе возможного. Психологи выявили, что формирование интереса к музыке связано с множеством факторов, сплетенных между собой. К ним относятся: возрастные особенности, индивидуальные типологические качества, накопленный опыт восприятия музыкального искусства; социально-демографические особенности, которые переплетаются с особенностями индивида, проживающего в определенной географической среде, его профессией и другие¹.

Музыкальное восприятие напрямую соприкасается с определенными процессами, происходящими в искусстве, музыкальной практике. Предпочтения определенных музыкальных интонаций изменяются со временем. Поэтому виды музыкального восприятия связаны с ежедневной «музыкальной атмосферой», окружающей слушателя².

Восприятие музыки – трудоемкая многоступенчатая работа, которая включает физическое слышание музыки, ее осмысление, чувствование и оценку. Формальная логика мышления подростков способствует интеллектуализации перцептивной (ощущение и восприятие) и мнемической (память) сфер. Усиливающаяся роль интеллекта, высших психических функций связана с процессом получаемых знаний в средних классах обучения. Именно в этом возрасте возрастает активность в восприятии музыки. Психологический анализ музыкального восприятия, имеющийся в трудах Б. Яворского, Б. Асафьева, Л. Мазеля, безусловно свел в единое целое определившиеся в глубинах классического музыкознания суждений о восприятии музыки. Таким синтезированным взглядом явилось «адекватное восприятие» – термин, предложенный В. Медушевским³. Серьезное внимание стало уделяться вопросу изучения музыкального мышления, ставшего не только частью, но и весомым теоретическим исследованием М. Арановского, Е. Ручьевской, А. Климовицкого, а в недавнее время – В. Вальковой, М. Бонфельда и др⁴.

Адекватное восприятие – это понимание текста в свете музыкально-языковых, жанровых, стилистических и духовно-ценностных воззрений культуры. Чем глубже человек впитывает опыт музыкальной и общей культуры, тем яснее (при прочих равных условиях) выражается характерное ей восприятие. Правильное восприятие – это образец, эталон идеального восприятия определенного произведения. Величина культуры настоящего восприятия есть критерий его адекватно-

¹ Костюк О.Г. Сприимання музика и художня культура слухача. Киев, 1965 ; Мясичев В.Н. Психология отношений. М., 2005.

² Назайкинский Е.В.О психологии музыкального восприятия. М., 2006.

³ Петрушин В.И. Музыкальная психология. М., 2008.

⁴ Бонфельд М.Ш. Анализ музыкальных произведений. Структуры тональной музыки : в двух частях. Ч. 2. М., 2003.

сти. Действительное восприятие не владеет эталонностью, оно определено, неподражаемо и поэтому множественно. Коль скоро музыковедение в состоянии самостоятельно сформировать культурную норму для восприятия любой манеры и жанра музыки на основании нюансов его схемы и социально-культурного действия, то осмысление истинного восприятия неосуществимо без связи с педагогикой и психологией.

Изучая музыкальное понимание с точки зрения получения информации, А. Моль¹ выявил, что всякое «музыкальное сообщение» включает информацию двух видов: смысловую и эстетическую, объединенные ходом исполнения и восприятия. Слушательский опыт содержит в себе запас кое-какого комплекта «стереотипов», «алгоритмов», которые дают возможность наибольшего понимания логики мелодического хода, интонационного формирования, предугадывания смены в ладогармонической структуре произведения. Основываясь на этом предвидении, базируются интонационно-гармонические гипотезы слушателя – возможные по своей сути. С помощью духовного восприятия, соединенного с разбором, делением, предвидением, обобщением, слушатель обращает интонационно-гармонические гипотезы в единое понятное понимание о ходе раскрытия музыкальной структуры. Важная составляющая в правильности музыкального восприятия, на основании исследований А.Г. Костюка, – свойство слышания тематической схемы произведения². У людей со слабым развитием музыкальной культуры понимание тематического содержания сдвигается только к сравнению с популярными песенными и танцевальными мотивами, к поиску знакомых ритмоинтонаций. Слушатель не понимает тем произведения, не делает их сравнения – оценка будет поверхностная, отсюда и растет расхождение между познавательными возможностями такого восприятия и закономерностями образно-эмоционального развития в музыке. У слушателей с поверхностным уровнем культуры присутствует пристрастие к зрительным ассоциациям, угадыванию сюжетно-предметного содержания. С развитием восприятия слушателя стиль музыки, наоборот, не требует добавочного перевода, фрагментарное восприятие становится восприятием структурно-целостным. Поэтому восприятие невозможно анализировать автономно от предыдущего опыта воспринимающего субъекта: чем значительнее подготовленность слушателя до знакомства с музыкальным произведением, тем оно будет более доступным для него³.

Важность постижения современными подростками идеи 7-ой симфонии определяются содержанием произведения – одного из наиболее животрепещущих для своего времени и философски пророческого для последующих поколений. Д. Шостакович, великий философ XX в., досконально изучает натуру всеобщего зла, захватившего человеческое общество в XX в. Он избирает собственную тематическую криптографию, особенную музыкальную вариацию «эзопова» языка, применяя маски и символы, чтобы возвысить категории нравственные.

Выявлено, что осмысленная составляющая перцептивных переживаний русских подростков склоняется к таким понятиям, как «подвиг», «спокойная», «тревожное вторжение», «борьба», «схватка», «героизм». Наиболее мощное восприятие связано с нашествием. Вероятно, что подобного рода реакции указывают на пробуждение музыкой торжественных, жизнеутверждающих, архетипических чувств, основанных на самопожертвовании и печали. Менее отзывчивы подростки русской этнической подгруппы к таким тематизмам, как «любовь к Родине», «уверенность», «русский колорит», «тихая колыбельная», «вкрадчивое вторжение», «агрессивное нашествие», «массивное вторжение», «грозное вторжение», «стремительное вторжение», «звериный оскал», «противостояние», «страдание», «трагичность», «раздумье», «сплоченность», «возвышенность». Таким образом, можно предположить, что такая реакция подростков на тематизмы связана с незрелостью, поисковостью, неопределенностью в жизни. Диаграмма значимых ассоциаций в русской языковой группе выявила наибольшую отзывчивость на тематизмы, чем в мордовской и татарской группе.

Поле реакций у мордовской этнической группы несколько меньше, чем у русских подростков. Мордовские подростки назвали следующие сопутствующие восприятию музыки понятия: «уверенность», «тревожное вторжение», «вкрадчивое вторжение», «стремительное нашествие», «скорбь», «проникновение», «природа – воскрешение». Мордовская этническая группа наиболее чувствительна к таким тематизмам, как «мирное созидание», «вторжение», «нашествие», «реквием по погибшим». Возможно, оказало влияние музыкальное содержание: усиливающаяся барабанная дробь, проникновенное звучание скрипок. Здесь ребята не уступают своим русским

¹ Моль А. Социодинамика культуры. СПб., 2008.

² Костюк О.Г. Сприиманья музыка и художня культура слухача. Киев, 1965.

³ Петрушин В.И. Музыкальная психология; Сохор А.Н. Социальная обусловленность музыкального мышления и восприятия // Проблемы музыкального мышления. М., 2000. С. 58–74.

сверстникам в торжественности реакций, основанных на оптимизме, граничащем с религиозным пафосом. Менее чувствительны подростки к таким стимулам, как величественность, добрая, агрессивное нашествие, противостояние, печаль воспоминания. Вероятно, что музыкальная форма (полифония) не была ясна подросткам, так как у них отсутствует определенный музыкальный и социальный опыт.

Пиковые реакции тематического выбора у татарских подростков связаны со следующими понятиями: «борьба», «печаль воспоминаний», «проникновение», «спокойная колыбельная», «разрастающееся вторжение». Минимум объема реакций выявлен у татарской этнической группы. Образ восприятия тематизмов симфонического произведения подростками наиболее размыт, не обладает пиковыми точками восприятия. Вероятно, что именно татарские подростки, думающие и значительную часть времени говорящие на родном татарском языке, испытывали затруднения продуцирования русско-язычных ассоциаций. Возможно, подросткам было затруднительно понять непростые особенности симфонического произведения из-за отсутствия музыкального и жизненного опыта. В данном случае наблюдается более приземленные переживания, приближенные к прочувствованию реальных событий.

Таким образом, подростки 3 групп с различной этнической принадлежностью услышали и опознали главные тематизмы точно. Несмотря на разнообразие подростковых реакций, их различия по этногенетическим основаниям, все же мы видим между ребятами нечто общее, а именно такими объединяющими их понятиями для всех трех групп явились следующие: «уверенность», «реквием-проникновение», «спокойная колыбельная», «тревожное вторжение», «скорбь», «борьба». Колыбельная будет близка каждому, она содержит в себе память веков – это ключ к пониманию нашей природы и голос инстинктов. Другие тематизмы (тревожное вторжение, уверенность, борьба) связаны между собой упорно повторяющимся стальным ритмом и мелодией-маршем, которая звучит с каждым тактом все жестче. У слушателей музыки создается впечатление всемирного хаоса. Такой музыкальный прием способен вызвать у подростка чувство сопереживания, которое позволит точнее уловить «сюжет» симфонии.

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Rulina Tatiana Konstantinovna, candidate of pedagogical sciences, docent of the Department of General and Social Psychology Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.

tatrul@yandex.ru

Плотникова Диана Владимировна студентка факультета психологии. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Plotnikova Diana Vladimirovna, student of faculty of psychology. Volga region state social and humanitarian academy. Russia, Samara.

tatrul@yandex.ru

**Динамика учебной мотивации
как составная часть развития сознания учащихся
в условиях российской образовательной среды**

Е.М. Савицкая, В.М. Савицкий

**Learning motivation dynamics
as a constituent part of students' consciousness development
in the russian educational environment**

E.M. Savitskaya, V.M. Savitsky

Аннотация. В статье описывается мотивация к учению как часть сознания учащихся в контексте отечественной системы образования. Прослеживается зависимость учебной мотивации от типа социума, а также эволюция иерархии учебных мотивов в ретроспективе и перспективе.

Ключевые слова: сознание учащихся; учебная деятельность; учебная мотивация; иерархия мотивов; тип социума; профессиональное образование.

Abstract. The article contains a description of learning motivation regarded as a constituent part of students' consciousness in the context of the Russian education system, the dependency between motivation for learning and the type of socium, and changes in the hierarchy of learning motives in the recent past and the near future.

Key words: students' consciousness; learning activities; learning motivation; hierarchy of motives; type of socium; professional education.

Мотивация к учению составляет неотъемлемую часть сознания учащихся, от которой во многом зависит характер протекания учебной деятельности. Чтобы выявить эту зависимость, следует вначале рассмотреть структуру деятельности вообще и учебной деятельности в частности.

Как известно, в структуре деятельности выделяются субъект, объект (материал), мотив субъекта (устремленность на ценность), намерение субъекта (устремленность на цель), средство достижения цели, способ деятельности, система действий, в которой реализуется способ, результат действий. Если результат совпадает с целью, деятельность целесообразна. При оптимальном соотношении позитивного результата и затрат деятельность продуктивна.

Если субъект, движимый мотивом, сознательно ставит цель, выполнение действий предстает как осознанная необходимость, то есть свобода. Такая деятельность является свободной. Ее элементы согласованы между собой, а значит, общий механизм отлажен; поэтому она наиболее продуктивна.

Если же человек не имеет собственного мотива, а действует по чьему-либо принуждению, его действия предстают как подневольная необходимость. Такая деятельность несвободна, а потому менее целесообразна и менее продуктивна. Ее структура существенно иная, чем в предыдущем случае: ее подлинным субъектом является принудитель, а исполнитель представляет собой не столько субъект, сколько орудие деятельности. Но это не мертвое и, следовательно, не абсолютно податливое орудие. У исполнителя сохраняется субъектность, т.е. собственные мотивы и цели, не совпадающие с мотивами и целями принудителя. Элементы такой деятельности в той или иной мере рассогласованы, что снижает ее продуктивность.

Речь здесь идет не о всякой исполнительской деятельности, а лишь о принудительной. Ее исполнителю не нужен результат, к которому стремится принудитель. Исполнитель не хочет делать то, что ему велят, и потому стремится минимизировать усилия, по возможности избегая взыскания. В этих целях он нередко старается фальсифицировать результат труда и изыскивает предлоги для отлынивания. Принудитель вынужден затрачивать силы и время на ужесточение негативных стимулов и контроль, а исполнитель – на уклонение как от труда, так и от наказания. Между ними возникает явный или скрытый конфликт: орудие сопротивляется использованию. Вследствие этого подневольный труд обычно гораздо менее производителен, чем свободный. По Д. Карнеги¹, лучший способ побудить к действию состоит в том, чтобы вызвать желание совершить его (т.е. сделать человека субъектом деятельности).

¹ Карнеги Д. Как располагать к себе людей. М., 2010.

С учетом сказанного рассмотрим мотивы учебной деятельности.

Идейный мотив – стремление человека служить общему Делу, которому он предан, в качестве специалиста в той или иной области. Амбициозный мотив обусловлен ориентацией индивида на ценности его эталонной группы, в которой высокая квалификация престижна. Утилитарный мотив – стремление к личной выгоде, обретаемой благодаря высокому профессионализму. Духовный мотив основан на познавательном интересе к предмету; это жажда знания, имеющего для субъекта самодовлеющую ценность. Игровой мотив базируется на интересе не столько к результату, сколько к процессу учения, организованному в форме игры; познание осуществляется как бы попутно. Авторитарный мотив – это стремление заслужить похвалу и / или избежать порицания со стороны авторитета (учителя, родителя, начальника, духовника).

В структуре интенционала личности (термин А.Т. Ишмуратова¹, обозначающий совокупность желаний, стремлений, намерений) эти мотивы образуют комбинации и выстраиваются в иерархию. В разных типах социума на вершине иерархии оказываются разные мотивы к учению.

В пассионарном социуме, члены которого одержимы стремлением построить, по выражению О. Хаксли, «дивный новый мир», в иерархии учебных мотивов личности преобладает идейный. Таким было, к примеру, советское общество 20-х – 30-х гг. XX в., когда массы рабоче-крестьянской молодежи с энтузиазмом устремились на рабфаки, чтобы впоследствии, став специалистами, строить светлое будущее. Немалую роль при этом играл и духовный мотив, обусловленный общим идейным подъемом молодого поколения тех лет под воздействием пассионарной пропаганды.

В прагматически ориентированном социуме превалируют утилитарный и амбициозный мотивы. Это закономерно в условиях господства идеологии личного успеха, в обществе, где высокая квалификация хорошо оплачивается и потому престижна. Таково, например, нынешнее западное общество, в котором неутилитарная сфера – общая духовная культура – мало востребована.

В авторитарном социуме доминирует авторитарный мотив к учению. Таким было, к примеру, советское общество 50-х – 80-х гг. XX столетия, в котором интеллектуальный труд был в основном низкооплачиваемым и потому непрестижным, но формальные свидетельства высшего образования могли способствовать карьере при условии демонстрации политической лояльности. В результате мотивация к учению у одних членов общества ограничилась неохотным подчинением давлению свыше, а у других заменилась стремлением получить «корочки». Другие мотивы существовали скорее вопреки, чем благодаря той политической системе. (Сказанное не относится к тогдашней элитарной сфере образования, в рамках которой готовились кадры для военно-промышленного комплекса и деятельности на международной арене.)

В любом типе социума наличествуют все мотивы к учению. Но их иерархия определяется конкретной структурой каждого данного типа социума.

Что касается российского общества периода перехода к капитализму, в нем пережитки авторитарной системы образования сосуществуют с зачатками системы западного образца. Новая иерархия учебных мотивов находится в стадии формирования. До сих пор сильна инерция старой системы. Перечислим ряд принципов, негласно действовавших в ее рамках:

1. Низкие отметки учеников, портившие отчетные показатели, зачастую ставились в вину учителю, что снижало личную ответственность учащихся за собственную успеваемость и способствовало тому, что они были скорее объектом, чем субъектом учебной деятельности.

2. Учитель-«фельдфебель» с его авторитарным стилем педагогической деятельности пользовался наибольшим негласным расположением начальства. Не компетентность и не забота о детях, а способность «держат класс в ежовых рукавицах» была *de facto* наиболее ценным качеством педагога.

3. Использовалась упрощенная четырехбалльная система оценивания знаний («неуд.», «уд.», «хор.», «отл.»). Эта система открывала простор для субъективизма и служила не столько зеркалом знаний, сколько рычагом дисциплинарного воздействия на учащихся.

4. Демонстрация преданности властям ценилась едва ли не выше, чем успехи в учебе. Содержание учебных дисциплин было политизировано.

5. Формальные свидетельства уровня знаний нередко значили больше, чем реальная квалификация выпускников.

Властям было удобнее иметь дело с лояльным и послушным, чем с образованным и потому не склонным поддаваться демагогии народом. Но и игнорировать требования научно-техниче-

¹ Ишмуратов А.Т. Логический анализ практических рассуждений. Киев, 1987.

ского прогресса было невозможно. Поэтому массовое образование (в отличие от элитарного) сдерживалось на среднем (не высоком, но и не низком) уровне.

В этих условиях сложился тип работника, не заинтересованного в качестве своего труда и реальном повышении квалификации, равнодушного, зачастую ленивого, порой вороватого; некоторые карьеристы стремились повысить свой статус, подвизаясь на поприще «общественной работы», которая позволяла отлынивать от настоящей работы, но добиваться благосклонности начальства (типаж Шурочки из фильма Э. Рязанова «Служебный роман»).

С этим психосоциокультурным багажом мы вступили в капитализм.

При капитализме труд – товар; цена определяется его качеством; качество труда зависит от квалификации работника; квалификация определяется скорее реальным, чем декларированным в дипломе качеством образования. Отсюда заинтересованность в получении высококачественного профобразования.

В сфере профобразования при капитализме отношения учащегося и учителя в большой мере утилитарно-прагматичны. Это отношения заказчика (клиента) и подрядчика (исполнителя) платной услуги. Отсюда проистекает требовательность заказчика (учащегося) к подрядчику (учителю) и его право выбора учебных дисциплин. При таких условиях нет большой необходимости в принуждении к учебе: исполнителю услуги не пристало наказывать или хвалить клиента за то, как он эту услугу получает.

На Западе либерально-демократический стиль обучения доминирует над авторитарным. Профессионализм учителя оценивается не по его «унтер-офицерским» качествам, а по его научной и дидактической компетентности. Западный преподаватель – это, с одной стороны, не «гуру» (не духовный отец), а с другой – не «надзиратель». Его нередко именуют словом *instructor*, которое в целом верно характеризует сущность профобразования на Западе.

На Западе стимулом к учебе служит не столько прямая санкция учителя (похвала / порицание), сколько опосредованная санкция общества (пряник карьерного роста либо кнут прозябания в бедности).

Духовный мотив при этом отнюдь не исключен, но он не занимает ведущей позиции в иерархии мотивов. Отсюда меньший спрос на дисциплины, направленные на духовное обогащение личности, но не сулящие дохода и карьерного роста. Идеальный мотив – тоже не ведущий, хотя он не противоречит стремлению служить себе и семье.

В общеобразовательной школе дело обстоит не вполне так, как в сфере профобразования (патриотическому и религиозно-нравственному воспитанию уделяется немалое внимание), но и там наблюдается общая утилитарная тенденция, которая проявляется в ранней дифференциации и специализации учебных программ, в делении школ на элитарные и массовые по качеству образования, в делении дисциплин на обязательные и факультативные, а также в том, что балльно-рейтинговый показатель прямо связан с грядущей карьерой: эмиссары бизнеса заранее вербуют учащихся, выбирая лучших. Стремление к социальному успеху стимулируется всей системой рыночного общества.

В нашей стране, в условиях перехода от социализма к капитализму, в сфере образования наблюдаются обе тенденции. С одной стороны, до сих пор велика инерция старой системы с ее ориентацией на учебу не для себя, а «для тети-учительницы», беспечностью и безответственностью учащихся по отношению к результатам учебы, желанием получить аттестат (диплом), а не знания. Свободе как осознанной необходимости предпочитается бегство от свободы¹ как подневольная необходимость.

По нашим наблюдениям, даже при обучении взрослых людей безволие Ребенка (компонента личности, по Э.Берну², нуждается в посторонней жесткой воле Родителя, в роли которого выступает педагог. В этом проявляется инфантилизм у взрослых людей. Но он не носит всеобъемлющего характера. Во внеучебных ситуациях, исполняя иные социальные роли, люди выступают с позиций Взрослого, способны проявлять волю и здравый смысл, брать на себя ответственность. Речь идет не об общем безволии личности, а о застарелом стереотипе инфантильного отношения к учебе, оставшемся со школьных и студенческих лет. Этот стереотип снижает эффективность учения: учащиеся хотят получить знания, но не хотят их получать, что очевидно абсурдно.

В то же время следует отметить, что в вузах появился (пока еще сравнительно небольшой) контингент прагматически настроенных студентов, четко поставивших себе жизненную цель,

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2007.

² Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. М., 2015.

которая, в соответствии с веяниями времени заключается в материальном обогащении. Осознавая, как важна в этой связи подлинная профессиональная квалификация, они старательно учатся и рано стремятся использовать полученные знания, подрабатывая во внеучебное время. Они узкопрофессионально любознательны, активны, смелы и порой даже требовательны к педагогам. При этом они откровенно пренебрегают бесполезной, на их взгляд, «лирикой» – занятиями по мировой художественной культуре, философии и другим предметам, направленным на всестороннее развитие личности, а не на приобретение узкопрофессиональных навыков. Это новое мышление части российских студентов есть росток капиталистической системы отношений с ее «ползучим» утилитаризмом в сфере образования, создающим однобоко развитую и идейно индифферентную личность.

В XXI в. стоит задача построить посткапиталистическую (подлинно демократическую) систему социальных отношений. На наш взгляд, этому типу отношений должно соответствовать не преобладание общественных интересов над личными и не наоборот, а их равновесие. В сфере мотивации учебной деятельности это значит баланс эго-, клано- и социоцентрических устремлений. Идейно-духовный и утилитарно-амбициозный мотивы должны быть примерно равнозначимыми (при наличии индивидуальных вариантов их сочетания), а авторитарный мотив не должен занимать ведущего места в иерархии. При этих условиях учащийся будет выступать в большей мере субъектом, чем объектом учебной деятельности, свободно, а не подневольно мотивированной личностью, что должно повысить эффективность учебного процесса.

По-видимому, это станет возможным, если нашему обществу удастся сформировать идеологию, ориентированную не на «бегство от свободы», но и не на беспредел «войны всех против всех» в оголтелом порыве личного материального обогащения, а на сотрудничество в интересах как каждого, так и всех. Гарантией социального успеха гражданина должна стать реальная (а не только декларируемая дипломом) квалификация.

Полностью избавиться от замещающих авторитарных и игровых мотивов невозможно, да и не нужно. Несовершеннолетние учащиеся, будучи слабо социализованными и высоко зависимыми от авторитета взрослых, на первых порах не могут руководствоваться теми же мотивами, что совершеннолетние. Ребенок учится, играя, а также желая заслужить похвалу и порадовать взрослых. Сей дошкольный стереотип распространяется и на ранний школьный период, и это хорошо. Но плохо, если он сохраняется в течение всего периода обучения. Следует постепенно замещать инфантильную мотивацию к учебе «для мамы, папы и учительницы» формированием познавательного интереса к осваиваемому материалу, а для этого материал нужно подавать увлекательно.

По мере взросления и социализации детей надо прививать им взрослые мотивы к учению, которые, в конечном счете, должны занять первые места в иерархии мотивов. Помимо познавательного интереса, это стремление стать полезным членом общества, ценным, уважаемым и хорошо оплачиваемым за квалифицированный и производительный труд. Формирование такой иерархии мотивов требует, на наш взгляд, следующих мер.

1. Ориентация учащихся на их грядущее участие в жизни общества. Открытие перспектив получения ценных рабочих мест в зависимости от успеваемости. Разъяснение связи успехов в учебе с будущим жизненным успехом. Пропаганда престижа высокой квалификации. Воспитание чувства ответственности за материальное благополучие будущей семьи. Формирование негативного отношения к социальному паразитизму и нетрудовым доходам.

2. Приближение учебной дисциплины в учреждениях профобразования к производственной дисциплине на предприятиях. Замена увещаний, призывов взяться за ум и тем более ругани на цивилизованные административные меры. Материальное поощрение успехов в учебе. Всё это должно стимулировать взросление и чувство социальной ответственности в учебе, воспринимаемой как настоящий труд с присущей ему трудовой дисциплиной (что не исключает игровых элементов обучения и не противоречит принципам демократии).

3. Предъявление равных требований добросовестности труда к педагогам и учащимся. Если неуспешность ученика вызвана некомпетентностью и / или нерадивостью педагога, то ответственность должен нести педагог. Но если она вызвана нерадивостью учащегося, то ответственность должен нести учащийся. Если учитель сделал все, что и как ему положено, – это хороший учитель. Если при этом ученик всё же неуспешен, это плохой ученик (ленивый, неспособный, отягощенный психологическими проблемами). Принимать соответствующие меры при этом следует к ученику, а не к учителю.

4. Выработка максимально объективной и тонко дифференцированной системы оценивания знаний, умений и навыков учащихся с привлечением компьютерных методов. Чем выше ав-

томатизм выведения отметки из итогов выполнения контрольного задания, тем ниже произвол экзаменатора, тем в большей степени отметка превращается из средства регуляции отношений между учителем и учеником в адекватный показатель знаний. Если отметка сама по себе – не кнут и не пряник, а зеркало, то исчезает почва для инфантильной ученической тактики «бить на жалость», упрасывая зависить отметку. При объективном подходе к оцениванию знаний учитель, ставя отметку, не может проявлять ни суровости, ни злобность, ни корысть; он просто не имеет права исказить того количество баллов, которое выведено автоматически. В сущности, отметку при этом ставит не учитель, а система.

Если причина неготовности к уроку уважительная, никто не накажет ученика (в этом, а не в завышении отметки, должна проявляться гуманность). Ему просто поставят соответственно низкое число баллов (это не наказание, а констатация факта!) и дадут возможность подтянуться и пересдать экзамен. Такая система оценивания повысит чувство ответственности за учебу.

Проводя параллель между учебным и производственным процессами, отметим: на тех производственных предприятиях, где работа организована по современным передовым принципам, цели сотрудников не рассогласованы: руководители – не «буржуи-кровопийцы», а рабочие – не «угнетенные пролетарии». Все они стремятся к общему результату. При этом закономерна трудовая дисциплина, направленная на общие интересы и повышение производительности труда. Представляется целесообразным внедрить ряд принципов такой организации в учебный процесс, постепенно заменив ими прежние авторитарные принципы. Но это, разумеется, не означает, что нужно во всем копировать западные образцы без их адаптации к российским условиям. Жизнь показала, что во многих областях деятельности мы и сами умеем создавать прекрасные образцы.

Савицкая Елена Матвеевна, кандидат психологических наук, профессор. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Savitskaya Elena Matveyevna, candidate of psychological science, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
lampasha90@mail.ru

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Россия, Самара.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, doctor of Philology, professor. Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities. Russia, Samara.
lampasha90@mail.ru

УДК. 159.923.2

О патриотическом самосознании студентов

Б.И. Сарсенбаева

Patriotic consciousness of student's youth

B.I. Sarsenbayeva

Аннотация. Патриотическое самосознание студентов в современных условиях рассматривается на основе анализа родовых понятий данной дефиниции – «самосознание» и «патриотизм». Автор представляет историческое развитие определений сущности данных понятий.

Ключевые слова: самосознание; патриотизм; патриотическое самосознание; студенческая молодежь.

Abstract. The article deals with essence of patriotic consciousness of students in modern conditions based on the generic concepts of “identity” and “patriotism”. The author presents the historical development of the definitions of the essence of these concepts.

Key words: identity; patriotism; patriotic consciousness; students.

Целью воспитания, обозначенной в Концепции воспитания в системе непрерывного образования, является создание в системе непрерывного образования оптимальных условий для становления, развития, самореализации социализации личности дошкольника, школьника и студен-

та как гражданина патриота Республики Казахстан, способного к профессиональному интеллектуальному и социальному творчеству¹

Таким образом, одним из приоритетных направлений воспитательной деятельности образовательных учреждений должно стать гражданское патриотическое воспитание, целью которого является формирование активной гражданской позиции, патриотического сознания и самосознания, развитие национального самосознания, культуры межнациональных отношений социальной и религиозной толерантности.

Важным возрастным этапом окончательного становления и возможностей развития патриотического самосознания является юношеский возраст, который в психологии называют не иначе как завершающим этапом социализации. Именно на этот период как правило, приходится студенческая пора – время получения профессии в самореализации.

Результатом патриотической направленности учебно-воспитательного процесса в высшем учебном заведении, должно стать повышение адаптационных возможностей молодых специалистов в обществе профессиональной деятельности, умение разбираться в политических процессах, противостоять негативным процессам в социуме через личный вклад, оздоровление микросреды, повышение конкурентоспособности молодых людей на рынке труда, формирование способности защитить себя и интерес государства в условиях рыночной экономики. Таким образом, критерии развитого патриотического самосознания являются сформирование мировоззренческих убеждений, ценностных ориентаций личности, желание стремление работать на благо Родины.

Продуктом общественной мысли казахского народа на протяжении многих веков было тенгрианство, явившееся духовной ценностью, на основе которого формировалось национальное самосознание. Мировоззренческой основой тенгризма является натурфилософский взгляд, воспринимающий чувственные предметы и явления мира одушевленными, что и составило, в конечном счете, фундамент этого пантеистического учения².

Обращая свой взор к небу, древний тюрк постулировал свое мировоззренческое отношение к действительности в вертикально-пространственном аспекте, подразделяя эту вертикаль на верхний мир Тенгри (Небо) в свой срединный мир, где находилась земля (Жер), текла вода (Су), которые в своей совокупности составляли источники существования. Тенгри было не только Небом с сакральным значением, не только божеством, но и порождающим началом в первичных религиозных верованиях казахов³.

Наши предки верили в Высшую силу, которую необходимо познать в течение жизни путем самосовершенствования и стремления к гармонии с окружающим одухотворенным миром.

Самосознание казахов неразрывно связано с этническим самосознанием, каждый осознавал свою принадлежность роду и общине на основе тесных межличностных взаимоотношений и ценностей, которые объединяли казахов. Тенгрианство учило человека бережно относиться к природе и почитать духов предков.

В Средние века на Востоке проблема самосознания рассматривалась в трудах философов и ученых. Так, аль-Фараби представляет человеческое сознание к самосознанию мира. Сущность человека, по-мнению аль-Фараби проявляется через теоретический разум, с помощью которого познает окружающие предметы и самого себя⁴. Ю. Баласагуни затрагивал проблему самосознания через изучение сущности сознания, определения роли разума и знания в жизни человека. Разум является творческой силой в процессе познания истины, но познание невозможно без знаний, поэтому предназначение человека заключается в том, что систематически пополнять свои знания, так как они несут свет, здоровье, счастье. Х.А. Ясави рассматривал самосознание как процесс познания Аллаха. Он выдвинул идею о единой сущности всего сущего, о необходимости собственнo духовного опыта в процессе познания.

В Средние века на Западе самосознания рассматривалась как внутренний опыт души, имеющий религиозный подтекст. Оформленная теория самосознания появилась в XIX в. и связывается с расцветом немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель). Самосо-

¹ Концепция воспитания в системе непрерывного образования Республики Казахстан утверждена приказом Министра образования и науки от 16 ноября 2009 г. № 521 и рекомендована организациям непрерывного образования РК.

² Акатай С.Е. Философия тенгризма. Влияние концепции тенгризма на традиционное сознание и в культуру казахов на примере философии Коркута. Асан-Кайгы // Казахская цивилизация. Алматы, 2001. № 1. С. 62–70.

³ Орынбеков М.Е. Предфилософия протоказахов. Алматы: 1994.

⁴ Нысанбаев А.Н. Духовное наследие Аль-Фараби: Диалог Востока и Запада. Алматы. 2000.

знание стало пониматься как сущностная черта личности, которая является основанием для абсолютного познания. В концепции Гегеля самосознание является единственной всеобъемлющей реальностью. Самосознание стало рассматриваться как деятельность субъекта, работа его мышления, в котором отражается объективная действительность. К.Маркс продолжал традицию Гегеля и рассматривал самосознание как продуктивную творческую деятельность индивида, в которой проявляется объективный способ бытия социально развитого человека, и творческий потенциал.

Проблемами самосознания также занимались такие ученые, как Гуссерль («Картезианские размышления»), М. Хайдеггер («Время и бытие»), П. Сартр («Бытие и ничто»), М. Бубер («Я и Ты»), Т. Адорно и М. Хоркхай («Диалектика просвещения»), Э. Фромм («Бегство от свободы») и другие. Из наших соотечественников советского периода – С.Л. Рубинштейн («Бытие и сознание»), А.Н. Леонтьев («Деятельность. Сознание. Личность.»), А. Спиркин («Сознание и самосознание»), В.А. Лекторский («Субъект. Объект. Познание.»). Современные отечественные философы большое внимание уделяли национальному самосознанию: А.Н. Нысанбаев («О роли историко-культурного наследия в формировании национального самосознания народа Казахстана»), А.Г. Косиченко («Восток и Запад о сущности человека») и другие.

Самосознание начинает формироваться на ранних этапах онтогенеза в процессах становления образа себя, представления о себе, самооценки, отношения к себе. Поскольку мерой и исходным пунктом отношения человека к себе выступают прежде всего другие люди, самосознание имеет социальный, общественный характер¹.

Для глубокого понимания сущности патриотического самосознания, как одного из видов самосознания, важно также рассмотреть понятие «патриотизм».

И.Ф. Харламов рассматривает патриотизм как нравственное качество человека, которое выражается в его любви и преданности своей родине, осознании ее величия и славы и переживания своей духовной связи с ней, в потребности и стремлении в любых условиях беречь ее честь и достоинство, практическими делами укреплять ее могущество и независимость². Патриотизм как социально-политический и нравственно-этический принцип предлагает рассматривать А.Н.Зайчиков. Он отмечает, что в обобщенной форме патриотизм выражает чувство любви к Родине, заботу об ее интересах и готовность к защите от врагов. Так же патриотизм проявляется в гордости за достижения своей страны, в уважении к историческому прошлому и в бережном отношении к народной памяти, национально-культурным традициям, к самобытности своего народа³. В.И. Лутовинов, Р.В. Костюченко предлагают рассматривать патриотизм как ценность, которая присуща всем сферам жизни общества и государства и является важнейшим духовным достоянием личности, высший уровень развития которого проявляется в активно-деятельностной самореализации человека на благо Отечества⁴.

Таким образом, патриотизм рассматривается в разных аспектах: как нравственное качество, как принцип, как ценность и как чувство. Каждое из определений имеет право на существование, так как в них раскрывается та или иная сторона понятия «патриотизм». Можно сделать вывод о том, что данное понятие многоаспектно, так как представляет собой исторически сложившееся культурное наследие, духовную основу общества и личности в частности. В любом государстве, у любого народа патриотизм является одним из корневых компонентов духовной жизни человека.

Казахстанскими исследователями интенсивно разрабатываются теоретико-методологические, научно-педагогические и психолого-педагогические основы патриотического и гражданского воспитания молодежи, однако, к сожалению, по вопросам развития патриотического самосознания молодежи, исследования отсутствуют.

Рассмотрев понятия «самосознание», «патриотизм», мы можем подойти к выяснению сущности патриотического самосознания. Интересно определение патриотического самосознания, представленное Т.В. Лавровой. Она определяет патриотическое самосознание как «сложное динамическое образование личности, интегрирующее в себе процесс и результат построения лич-

¹ Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический словарь : энциклопедический словарь в шести томах // Под общ.ред.А.В. Петровского. Т. 4. М., 2006. С. 17.

² Харламов И.Ф. Педагогика. М., 1999. С. 208.

³ Зайчиков А.Н. Педагогические основы воспитания патриотизма допризывной молодежи на современном этапе развития роста государственности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. С. 12.

⁴ Луговинов В.И. О патриотическом воспитании молодежи // Обозреватель. 1997. № 3-4. С. 18.

ностью образа «Я – патриот» на основе осознания и оценки своего отношения к Родине, соотечественникам, к самому себе как представителю своего Отечества»¹.

Другое определение, которое нас заинтересовало, представлено Е.Л. Райхлиной в докторской диссертации, где рассматривается патриотическое самосознание будущего учителя. По мысли ученого, патриотическое самосознание учителя – «профессионально и личностно значимое свойство учителя, характеризующее самовосприятие себя как патриота и как профессионала – педагога, воспитателя патриотизма у школьников; осознание своих патриотических ценностей и позитивное эмоциональное отношение к своей деятельности как воспитателя патриотизма у учащихся; осознание готовности к действиям на благо Родины и своей профессиональной готовности к патриотическому воспитанию; рефлексивная позиция как гражданина-патриота и профессионала-воспитателя»².

Патриотическое самосознание включает:

– осознание человеком норм, правил, традиций, обычаев своего народа как эталонов для осознания и принятия себя как патриота. Здесь закладываются основы патриотического мировоззрения, патриотического личного кредо, личной концепции труда на благо Родины;

– осознание вышеперечисленных качеств у других людей, сравнение себя с абстрактным или конкретным человеком как патриота;

– самооценка человеком своих некоторых сторон, осмысление себя, своего патриотического поведения, эмоциональное отношение и оценка себя;

– учет оценивания себя как патриота со стороны близких, родных.

Понятно, что патриотическое самосознание складывается в течение жизни индивида под воздействием различных факторов. Студенческая молодежь, как правило, относится к юношескому возрасту. В юношеском возрасте мы имеем уже сформированную «Я-концепцию», но она способна видоизменяться. И чем раньше начнется развитие личности в русле «Я – патриот», тем эффективнее будет результат психологического благополучия, удовлетворенность жизнью и личностный рост каждого человека в современных условиях.

Сарсенбаева Ботакоз Иватовна, кандидат психологических наук, доктор педагогических наук. Западно-Казахстанский государственный университет им. М.Утемисова. Казахстан, Уральск.

Sarsenbayeva Botakoz Ivatovna, candidate of psychological sciences, doctor of pedagogical sciences. West Kazakhstan state university of M. Utemisov. Kazakhstan, Uralsk.
info@wksu

УДК 159.9:37

Развитие субъектности младшего подростка через построение поддерживающей образовательной среды

Н.М. Скрипник

The younger teenager subjectivity development through the supportive educational environment organization

N.M. Skripnik

Аннотация. В статье описана роль поддерживающей образовательной среды в развитии субъектности младшего подростка как способности к самопознанию, саморазвитию и самореализации, профессиональному и жизненному самоопределению. Рассматривается поддерживающая среда как субъект-центрированная практика, направленная на реализацию целостного подхода к учащемуся и развитие его субъектного потенциала. Показана роль поддерживающей образовательной среды в становлении субъектности, развитии самосознания, раскрытие потенциальных личностных ресурсов младшего подростка.

¹ Лаврова Т.В. Развитие патриотического самосознания учащихся колледжа : автореф. дис. ... канд. п. наук. Ульяновск, 2011.

² Райхлина Е.Л. Развитие патриотического самосознания студентов педагогического вуза в условиях становления гражданского общества : автореф. дис. ... докт. п. наук. Тула, 2011.

Ключевые слова: младший подросток, субъектность, саморазвитие, психологическая поддержка, поддерживающая образовательная среда, субъект-субъектное взаимодействие.

Abstract. The article describes the role of a supportive educational environment in the younger teenager subject development as the ability to self-knowledge, self-development and self-realization, professional and life determination. Supportive environment is considered as a subject-centered practice that is designed to promote a holistic approach to the student and his subjective capacity developing. The role of supporting educational environment in the subjectivity development is shown as well as the development of self-consciousness, the disclosure of the younger teenager personal potential resources.

Key words: younger teen, subjectivity, self-development, psychological support, supportive educational environment, the subject-subject interaction.

Одной из приоритетных задач современного школьного образования является создание условий, обеспечивающих всестороннее развитие личности ребенка, актуализацию его потенциальных возможностей, поиск и реализацию личностно развивающих психолого-педагогических технологий. Важнейшее условие, позволяющее человеку стать субъектом саморазвития, является достижение им некоторого определенного уровня развития самосознания, то есть уровня знания о своем Я, отношения к своему Я и управление своим Я. Человек должен иметь самое общее представление о том, кто (что) станет объектом (субъектом) его саморазвития – хотя бы для того, чтобы у него возникла мотивация саморазвития¹.

Субъектность младшего подростка представляет собой комплекс личностных свойств, интегрированных в субъектную позицию школьника, проявляющуюся в активности, способности к целеполаганию, самостоятельности и ответственности, саморазвитии, рефлексивности, конструктивном взаимодействии.

Следовательно, актуальной становится проблема поиска средств и методов оказания психологической помощи и поддержки младшим подросткам в развитии самосознания, его субъектности. Задачей нашего исследования было изучить особенности развития субъектности младшего подростка в условиях поддерживающей образовательной среды.

Поддерживающая образовательная среда направлена на поддержку ребенка, что создает зону ближайшего развития. А зона ближайшего развития по мере созревания соответствующих психических функций переходит в зону саморазвития. Поддерживающая образовательная среда является основой личностного развития и самопознания, овладения различными психологическими средствами самополагания ребенком образа Я в образовательном пространстве. На приоритетное место выдвигает ценности внутреннего мира школьников, раскрытие их потенциальных личностных возможностей, субъектных качеств. Поддерживающая образовательная среда – это условия, которые воздействуют на изменение самоотношения ребенка, активизируют его индивидуальные личностные проявления, раскрывают основные новообразования характерные для данного возраста. Такая среда не только обеспечивает поддержку учащемуся со стороны значимых взрослых, но и позволяет школьнику обеспечить поддержку самому себе.

Для того чтобы был успех в деятельности поддерживающей среды, необходимо усилить внимание к существу психологического фактора, его места и роли в школе как воспитательной системе. Постоянная опора на реальное знание психики и личности каждого ученика, особенностей класса, педагогического коллектива – это важнейшее условие результативной работы поддерживающей среды. Психологическая составляющая поддерживающей образовательной среды – это прежде всего характер субъект-субъектного взаимодействия, общения субъектов, в процессе которого реализуются потребности, возникают и разрешаются межличностные и групповые конфликты; отчетливый характер приобретают скрытые содержательные ситуации взаимодействия между людьми. Это основной момент, который обеспечит возможность удовлетворить и развить потребности всех субъектов образовательного процесса почувствовать безопасность, повысить самооценку и т.д.². Рефлексируя процесс и результат взаимодействия, субъект целенаправленно модифицирует способы действия, проявляя творчество, креативность и тем самым совершенствует свои способности и – в итоге – себя самого.

Субъектно-направленная обучающая среда, включающая научное, «живое», практикоориентированное психологическое знание, формирует не только психологическую культуру, но и

¹ Волкова Е.Н. и др. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи : учеб. пособие. Н. Новгород, 2012.

² Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 226.

создает условия для внутреннего роста личности: открывается как сфера знания, так и бесконечная сфера незнания самого себя.

В результате создания поддерживающей образовательной среды:

– развиваются психологические механизмы стимуляции работы самосознания, ценностного самоотношения к себе как к личности;

– формируется «культурная гуманитарная позиция» и соответствующий способ мышления, где основными характеристиками гуманитарной позиции являются: а) субъективное (авторское) отношение к различным сторонам действительности, в том числе к самому себе, выражающее личностную точку зрения, б) ценностное отношение, предполагающее живое, пристрастное отношение, основанное на диалоге и понимании, в) владение всем многообразием языков (средств общения), существующих в культуре, т.к. человеческая, гуманитарная реальность исходно диалогична и основана на взаимопонимании);

– проектируется среда индивидуального развития как условие становления креативности личности.

Таким образом, основным условием создания и развития оптимальной поддерживающей образовательной среды, способствующей всестороннему развитию школьников, является ее субъектная направленность, учитывающая все индивидуальные параметры. К одному из таких параметров, как уже отмечалось выше, относятся возрастные изменения, связанные с изменяющимися условиями микросреды, в которой школьники находятся. Субъектный подход к построению поддерживающей среды позволяет учесть индивидуальные особенности каждого школьника и оптимизировать их в соответствии с требованиями современного образования. На фоне этого особенно актуальным становится исследование проблемы организации поддерживающей среды для детей на этапе их перехода в среднюю школу с целью создания индивидуального пространства всестороннего развития каждого школьника.

Под поддерживающей образовательной средой мы понимаем субъект-центрированную психологическую практику, направленную на реализацию целостного подхода к учащемуся и развитие его субъектного потенциала; школьник является центральным звеном, вокруг которого выстраивается система воздействий и условий, концентрация всех форм и видов педагогической и психологической работы всех субъектов образовательного пространства.

В основе поддерживающей образовательной среды лежит психологическая поддержка, основной задачей которой на второй фазе начального образования является обеспечение психолого-педагогических условий для начала индивидуализации тех новообразований, которые проявляются в новых условиях деятельности. Речь идет в первую очередь о способности к рефлексии и об умении учиться самостоятельно, определять границу своих знаний и умений и переходить за эту границу, становясь более умелым, знающим, понимающим. Развитие способности к рефлексии осуществляется в поиске новых способов действий, в расширении личных знаний и умений, которые будут представлены школьнику как его собственные, зависящие от его стремлений к самоизменению, как его личный вклад в общее дело.

Поддерживающая образовательная среда строится с учётом принципов поддержки развития ребенка, ориентируясь на разнообразные возможности формирования, усвоения, становления тех или иных качеств и способностей школьника, на его саморазвитие. Каждый возраст несет в себе принципиально важную возможность для дальнейшего развития личности. У каждого возрастного этапа есть свои ограничения и свои трудности, преодоление которых может стать еще одним ресурсом для развития.

Целью создания поддерживающей образовательной среды для школьника в образовательном процессе является обеспечение его полноценного развития как субъекта жизнедеятельности. В задачи создания поддерживающей образовательной среды входят: 1) оказание психологической поддержки личностного роста и развития младшего подростка; 2) предупреждение возникновения проблем субъектного развития ребенка; 3) помощь в решении актуальных задач развития, обучения и социализации ребенка; 4) повышение психологической компетентности педагогов и родителей; 5) и при необходимости – организация развивающих и коррекционных занятий со всеми субъектами образовательного процесса. Таким образом, создание поддерживающей образовательной среды направлено на формирование системы психолого-педагогических условий, которые способствуют успешному обучению, воспитанию и развитию каждого ребенка в конкретной образовательной среде, что задает для ребенка траекторию индивидуального личностного развития.

Эффективной формой такого развития явилась комплексная программа развития субъектного потенциала младшего подростка в условиях поддерживающей среды на этапе перехода в

среднюю школу «Восхождение к субъектности», которая реализовывалась на уроках психологии в МБОУ лицее №15 г. Пятигорска¹.

Основная цель комплексной программы психологической поддержки субъектного потенциала младшего подростка на этапе перехода в среднюю школу – постановка ученика в активную личностную позицию максимального использования своих потенциальных личностных ресурсов. Для этого была оптимизирована совместная психолого-педагогическая деятельность субъектов образовательного процесса и системная рефлексия субъектного аспекта их взаимодействия, что явилось условием создания поддерживающей психологической практики в образовании.

Реализация программы развития субъектности младшего подростка в условиях поддерживающей среды на этапе перехода в среднюю школу позволила понизить роль факторов, препятствующих формированию субъектности, и повысить роль факторов, способствующих её развитию.

Развитие у учащихся субъектности посредством повышения их психологической компетентности обеспечивает максимальную реализацию потенциальных возможностей ребенка (развитие рефлексии, коммуникативных навыков, снятие тревожности, развитие ценностного саморазвития и др.).

Эффективность усвоения психологического знания как знания о себе помогает школьникам понять и принять себя, оценить значимость собственных усилий в достижении успеха. Мы пришли к выводу, что обеспечивая психологическую поддержку младшему подростку и создавая условия для перехода на средний этап обучения, таким образом, обеспечиваем ему условия для развития и саморазвития (поддерживающая образовательная среда)².

Процесс развития субъектности личности на этапе перехода от младшего школьного к младшему подростковому возрасту требует создания поддерживающей образовательной среды, основными условиями которой выступают поддержки субъектного потенциала младшего подростка на этапе перехода в среднюю школу, постановка ученика в активную личностную позицию максимального использования своих потенциальных личностных ресурсов через развитие рефлексивных способностей, формирование навыков саморегуляции, развитие активности, стремления к саморазвитию, развитие творчества, умений и навыков, обуславливающих поведенческую гибкость в разнообразных ситуациях общения и взаимодействия с другими людьми³.

Таким образом, создавая поддерживающие условия для развития личности младшего подростка, возможно пробудить потенциал становления субъектности.

Скрипник Наталья Михайловна кандидат психологических наук, психолог-консультант. Муниципальное унитарное предприятие «Социальная поддержка населения». Россия, Пятигорск.

Skripnik Natalya Mikhaelovna, candidate of psychological sciences, psychologist. Municipal Unitary Enterprise «Social people support». Russia, Pyatigorsk.
skripnik@pglu.ru

УДК 377 + 378

Динамика современного мира и профессиональное образование

В.А. Чистоусов, Л.А. Казанцева

Contemporary world's dynamics and vocational training

V.A. Chistousov, L.A. Kazantseva

Аннотация. Статья посвящена анализу закономерностей современного мира, выявлению необходимых характеристик мышления, описанию соответствующих педагогических средств

¹ Швалева Н.М. Авторская программа «Я в мире, мир во мне» как средство построения зоны ближайшего развития и саморазвития школьника // Известия ТГРУ. Тематический выпуск «Психология, педагогика». Таганрог, 2006. №1. С. 95–102.

² Швалева Н.М. Обеспечить полноценное развитие школьников // Народное образование. 2007. № 8. С. 172–174.

³ Скрипник Н.М. Развитие субъектности младших подростков в поддерживающей среде образовательного учреждения // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 6. Пятигорск, 2012. С. 152–160.

формирования системного, опережающего, оперативного, интегративного мышления; дизайн-мышления. В этих целях предлагается: использование возможностей многомерных проективных задач; особое проектирование образовательных планов; применение технологий развития в образовательном процессе; учет нелинейных зависимостей (экспоненциальных, спиралевидных, циклических) в процессе формирования структуры и содержания образовательных программ и выбора технологий их реализации.

Ключевые слова: нелинейное развитие; профессиональное образование; педагогическое проектирование; развертывание логики, структура и содержание образовательных программ; системное, опережающее, оперативное, интегративное мышление; дизайн-мышление; образовательный процесс.

Abstract. The article is devoted to contemporary world conformity's analysis, necessary thinking characteristic's revealing, forming system thinking, forestalling thinking, operational thinking, integrative thinking and design thinking corresponding pedagogic means description. The author suggests using: multidimensional designing tasks; special pedagogical designing of educational plans; technologies of development in educational process; taking into consideration nonlinear (exponential, spiral, cyclic) nature during pedagogical designing of educational program's logic unfolding, structure, curriculum and educational technologies choosing.

Key words: nonlinear development; vocational training; pedagogical designing; educational program's logic unfolding, structure & curriculum; system, forestalling, operational, integrative thinking; design thinking; educational process.

Нелинейные процессы, характеризующие XXI в., определили глобальный процесс перехода от состояния предсказуемости к состоянию хаотичности: изменчивости, сложности, неопределенности и неоднозначности (модель Д. Салливана)¹.

Рассмотрение категорий, явлений и процессов в многомерной системе в рамках постнеклассической научной парадигмы позволяет выявить ряд взаимосвязей смысловых линий «время – сознание (мышление)» и «время – образование». Г.В. Акопов подчеркивает, что «процесс постижения временной реальности и наполнение ее исторически определяющим содержанием оказывается далеко не однозначным для различных исторических эпох и различных культур не только в широком социально-историческом плане, но и в более узком – личном»².

Б.С. Гершунский пишет о неотделимости общества и образования, признавая в то же время, что истинные масштабы системы пока в полной мере не осознаются³.

С.Ф. Сергеев устанавливает соответствие между типами культуры и определенными формами когнитивной обработки информации⁴.

По мнению М. Чиксентмихайи, «именно образование должно научить разум человека видеть сеть причин и следствий, неразрывно связанных с нашей деятельностью, а чувства и воображение – должным образом реагировать на ее результаты»⁵.

В рамках теории изменений Д. Бека и К. Кована⁶ эффектами роста усложненности, объективно происходящего при движении по спирали, являются: расширение психологического и концептуального пространств, увеличение альтернатив и степени свободы поведения. С точки зрения дальнейших исследований интересны наборы ключевых слов, применяемых авторами для описания:

- смысла современной парадигмы (целостность; глобальность; многомерность; совместные действия субъектов);
- модели образования, соответствующие современной парадигме (доступ к миру; смесь чувств и технологий; оживление прошлого; максимизация мозга);
- элементов подходящего формата сообщений (многомерные куски понимания; использование многоуровневого сознания для доступа; обновленная духовность и самопожертвование

¹ Салливан Д. VUCA – новая среда управления талантами и планирования персонала. URL: <http://hrm.ru/vuca-novaja-sreda-upravlenija-talantami-i-planirovanija-personala> (дата обращения: 13.08.2014).

² Акопов Г.В. Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. Самара, 2010. С. 13.

³ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века : учеб. пособие для самообразования. М., 2002.

⁴ Сергеев С.Ф. Инженерная психология и эргономика : учеб. пособие. М., 2008.

⁵ Чиксентмихайи М. Эволюция личности : пер. с англ. М., 2013. С. 332.

⁶ Бек Д., Кован К. Спиральная динамика: управляя ценностями, лидерством и изменениями : пер. с англ. СПб., 2010.

ради целого; экологическая взаимозависимость и взаимосвязь; глобальные решения для макропроблем; сообщество за границами национальностей или приверженностей; высокие технологии и подходы для эмпирического знания).

П. Сенге утверждает, что в условиях усложняющегося мира все более необходимым становится системное мышление, цель которого – изменить ум, научить его видеть целое, а не части. «Системное мышление дает нам стимулы и средства для интеграции наших умений и способностей учиться»¹.

В трудах А.М. Новикова обосновывается модель постиндустриального образования, принципиально отличающаяся от традиционной в целях, содержании, технологиях, процессах реализации².

Е.А. Солодова считает, что в условиях самоорганизации, развития, открытости, нелинейности, многозначности, субъективности и незавершенности задача образования состоит в том, чтобы «научить определять, чему и как следует учиться, исходя из складывающихся реальностей быстро меняющегося мира»³, а новые модели образовательных процессов должны быть ориентированы на способность обучающихся «действовать в состоянии неопределенности, случайности, то есть принимать решения в процессе выбора»⁴.

В то же время, комплексный анализ традиционных педагогических продуктов (основных образовательных программ, учебных планов, рабочих учебных программ по учебным дисциплинам), как правило, позволяет установить: в целях – отсутствие компонентов, направленных на профессиональное воспитание и профессиональное развитие (одномерность); в способах развертывания логики – преимущественно линейность; в общей компоновке содержания учебных планов – отсутствие системности, креативности, эклектичности и, как следствие, нарушение принципа функциональной полноты образования.

Обобщая изложенное выше, сформулируем замечания.

Первое. Архитектура образовательных систем и внутренних рабочих процессов в образовательных организациях должны быть переориентированы на непрерывное совершенствование потенциала субъектов, достигаемое путем повышения сложности содержания, в том числе и их совместной деятельности.

Второе. Многомерность современного мира обуславливает объективную необходимость постановки многомерных проектировочных задач в системе образования и их решения (обоснование, проектирование и реализация соответствующих образовательных систем и процессов).

Третье. Условия динамично развивающегося современного мира (наука, техника, технологии, рынок труда, социальная сфера) обуславливают: а) формирование определенного набора необходимых компетенций; б) актуализацию определенных характеристик и свойств сознания (мышления).

Четвертое. Важность подготовки выпускников к действиям в условиях, характеризующихся нелинейными (экспоненциальными, спиралевидными, циклическими) зависимостями, определяет значимость обоснования комплекса профессионально-педагогических средств, обеспечивающих отражение характера указанных зависимостей в проектируемых педагогических системах и процессах.

С учетом описанных идей, положений, замечаний структурированный авторский взгляд, отражающий вариант актуализации взаимосвязей в системе «Время – Сознание (Мышление) – Образование», представим в табличной форме (таблица 1).

Охарактеризуем более подробно возможный вариант реализации положений, представленных в таблице, применительно к образовательным организациям системы профессионального образования.

¹ Сенге П. Пятая дисциплина: Искусство и практика управления самообучающихся организаций. Харьков, 2006. С. 87.

² Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М., 2013.

³ Солодова Е.А. Новые модели в системе образования: Синергетический подход : учеб. пособие / предисл. Г.Г. Малинецкого М., 2013. С. 87.

⁴ Там же. С. 93.

Таблица 1

Актуализация взаимосвязей в системе «Время – Сознание – Образование» (вариант)

Смысловая линия «Время – Образование»	Смысловая линия «Время – Сознание (Мышление)»	Смысловая линия «Образование – Сознание (Мышление)»
Что будет определять конкурентоспособность выпускников XXI в.?	Какими преобладающими характеристиками должно обладать мышление?	Контекстные особенности образовательных систем и процессов
<p>Опережающая подготовка</p> <p>Готовность к действиям в нестандартных условиях (неопределенность, неоднозначность, освоение новых областей, стресс...)</p> <p>Готовность к решению интегративных задач (междисциплинарных, трансдисциплинарных, кроссдисциплинарных)</p>	<p>Системное мышление</p>	<p>В целевых компонентах:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ ориентация на непрерывное личностное и профессиональное совершенствование субъектов образовательных систем; ▪ формулирование целей развития; <p>В содержании:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ применение инструментов логико-смыслового моделирования в целях структурирования; ▪ проектирование образовательных планов; <p>В технологиях: обеспечение соответствия целям и содержанию (достижение целей развития; проектные технологии);</p> <p>В мониторинге: исследование динамики характеристик мышления;</p> <p>В процессах:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ переход от подготовки к трансляции знаний к подготовке к выполнению деятельности; ▪ переход от трансляции к генерации новейшего знания; <p>В условиях: усиление взаимодействия субъектов</p>

Поскольку альтернативные решения, предлагаемые нами в областях подготовки педагогов (трансформация образовательных организаций в самообучающиеся; двойное опережение подготовки педагогов) и многомерного педагогического проектирования образовательного процесса в современных образовательных организациях, достаточно детально описаны¹, здесь остановимся на некоторых моментах, контекстных психологическим аспектам² решаемых педагогических задач по подготовке обучающихся. «Запуск» процессов формирования и развития необходимых видов мышления у субъектов образовательных систем, по нашему мнению, возможен при применении следующего комплекса профессионально-педагогических средств.

1. Трехкомпонентная структура компетенций. В рамках проводимых исследований мы трактуем компетенцию как интегрированное сочетание комплекса элементов (знания, умения, навыки, ценностно-смысловые ориентации, мотивация, профессионально важные личностные качества, способности, индивидуальный стиль работы и общения). Это, в свою очередь, позволя-

¹ Чистоусов В.А., Казанцева Л.А. Профессиональная подготовка педагогов в условиях нелинейного развития // Инженерная педагогика : сб. науч. ст. по мат-лам V междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы подготовки современных инженеров и научно-педагогических кадров», Москва, 11–12 марта 2015 г. В 3 т. М., 2015. Вып.17. Т. 1. С. 230–241 ; Чистоусов В.А. Проектирование многомерного субъектно-ориентированного образовательного процесса // Итоги науки. Т. 3. Избр. тр. Международного симпозиума по фундаментальным и прикладным проблемам науки. М., 2014. С. 53-87.

² Чистоусов В.А., Казанцева Л.А. Профессиональная подготовка педагогов в условиях нелинейного развития // Инженерная педагогика : сб. науч. ст. по мат-лам V междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы подготовки современных инженеров и научно-педагогических кадров». Москва, 11–12 марта 2015 г.: В 3 т. М., 2015. Вып.17. Т. 1. С. 230–241 ; Чистоусов В.А. Проектирование многомерного субъектно-ориентированного образовательного процесса // Итоги науки. Т. 3. Избр. тр. Международного симпозиума по фундаментальным и прикладным проблемам науки. М., 2014. С. 53–87.

ет дифференцировать элементы компетенций по аспектам образования (профессиональное обучение, профессиональное воспитание, профессиональное развитие), что обуславливает постановку соответствующей системы целей образовательных программ (учебных дисциплин).

Формирование перечня компетенций на основе прогностических исследований, системного анализа профессиограмм, профессиональных стандартов, федеральных государственных образовательных стандартов, экспертных оценок позволяет выявить необходимую (для конкретного направления подготовки) совокупность характеристик мышления, являющихся основой для формирования целей развития.

2. «Свертка» знаниевого компонента. Принимая во внимание, что дивергентное и конвергентное мышление, способности к структурированию, алгоритмизации, картированию лежат в основах оперативного мышления, опережающего мышления¹, дизайн-мышления², полагаем, что «свертка» знаниевого компонента является одним из способов обеспечения их формирования. В этих целях целесообразно применение комплексов инструментов логико-смыслового моделирования, разрабатываемых контекстно конкретному направлению подготовки.

3. Проектирование образовательных планов. Структура образовательных планов, предлагаемая нами, обоснована с опорой на положения работ³. Развертывание логики и структурирование профессиональных образовательных программ целесообразно вести в соответствии с обобщенной схемой: формирование общей ориентировки в профессиональной деятельности; формирование системной ориентировки в профессиональной деятельности; рассмотрение частных вариантов поведения системы на основе сочетания параллельного освоения видов профессиональной деятельности с последовательным поэтапным изучением ее структуры.

Отличиями образовательного плана от традиционного учебного плана являются:

- обеспечение формирования системного мышления;
- освоение образовательной программы в деятельностной логике (поэтапное освоение видов деятельности в изучаемой профессиональной области параллельно с формированием необходимых характеристик мышления и рефлексией области профессиональной деятельности);
- соответствие трехкомпонентной структуре образования (и компетенций).

4. Смысловые линии и смысловые узлы. Являются дидактическими инструментами, позволяющими проектировать образовательные программы в многоуровневой системе образования.

Смысловые линии, образуемые компетенциями и их элементами, обеспечивают преемственность профессиональной подготовки в линейке одноименных образовательных программ (в том числе, развитие определенных характеристик мышления).

Под смысловыми узлами мы понимаем участки траектории образовательных программ, в которых обеспечиваются качественные скачки в подготовке обучающихся. Эти участки представляют собой места «схождения» и «ветвления» логических цепочек представления обучающимся элементов содержания образовательных программ. Помимо функции индикации оптимальных точек промежуточного контроля компетенций, наличие спроектированных смысловых узлов в образовательной программе способствует развитию интегративного мышления, создает условия для формирования междисциплинарного и кроссдисциплинарного мышления.

5. Программирование повышения сложности решаемых задач. Используется как средство достижения соответствия динамики профессиональной подготовки нелинейным зависимостям, характеризующим динамику изменений современного мира. В этих целях обеспечивается программирование включения субъектов образовательных систем в следующие виды деятельности, развивающие необходимые характеристики мышления:

- непрерывный поиск, анализ и обобщение исходных данных; прогностика и аналитика;
- привлечение и комплексирование знаний из различных областей для решения проблем;
- решение нестандартных, алгоритмических, ситуационных, исследовательских, творческих задач в условиях ограничения времени и/или наличия неблагоприятных внешних факторов;
- освоение субъективно новых технологий параллельно с решением проектных задач,
- разбор связей между содержанием и способами выполнения задач;

¹ . Баркер Дж. Опережающее мышление: Как увидеть новый тренд раньше других : пер. с англ. М., 2014.

² Браун Т. Дизайн-мышление: от разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей / пер. с англ. В. Хозинского. 2-е изд. М., 2013.

³ Формирование системного мышления в обучении : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. З.А. Решетовой. М., 2002 ; Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Избранные труды. М., 1995. С. 88–114.

- конструирование сценариев, альтернативных алгоритмов с последующим моделированием исходов, обоснованием целесообразных вариантов и принятых решений;

- актуализация, дивергенция ассоциативных связей, расширение состава концепций и подходов, служащих базовыми в мыследеятельности; увеличение количества уровней и аспектов рассматриваемых проблем.

6. Технологии развития. Реализация спроектированных целей развития, формирование соответствующих характеристик мышления, психических свойств и качеств личности обеспечиваются контекстным включением диагностики, системы тренингов, а также творческих проектов в образовательные программы.

7. Проектирование образовательной среды. Образовательная среда современной образовательной организации должна быть: духовно-ценностно-, смысло-, информационно- и эмоционально насыщенной; креативной; эргономичной; трансформируемой; гармоничной.

Формирование профессионального сознания может являться одной из целей многомерного проектирования корпоративной информационной среды, интегрирующей:

- поле ценностей и смыслов (своды этических норм профессии; прогностические модели специалистов; диагностические модули оценки компетенций; профессионально-ориентированные виртуальные библиотеки и медиаресурсы (когнитивные карты, символика, графика, аудио, видео));

- поле информации (сведения об участниках сетевого взаимодействия на рынке труда, перспективных потребностях, реализуемых образовательных программах; навигаторы в образовательном и профессиональном пространствах);

- поле тезауруса (нормативная база; профессиональные стандарты; образовательные стандарты; профессиональный SOFT).

Примерами практического применения положений, рассмотренных в настоящей статье, являются следующие педагогические продукты, разработанные и реализованные при непосредственном участии авторов:

- структура и содержание дополнительных образовательных программ, осваиваемых параллельно с основными образовательными программами, предназначенные для студентов инженерных вузов;

- рабочая учебная программа по учебной дисциплине «Педагогика» для студентов, обучающихся по специальности «Технология и предпринимательство» в национальном исследовательском техническом университете;

- экспериментальная основная образовательная программа, рабочие учебные программы по учебным дисциплинам «Профессионально-педагогическое самоопределение: вариативный практикум», «Педагогическая инженерия» для магистрантов, обучающихся в федеральном университете;

- рабочая учебная программа по учебному модулю «Дидактика высшей школы. Педагогическое проектирование» в составе программы профессионально-педагогической подготовки для аспирантов национального исследовательского технического университета;

- программа повышения квалификации, программа по учебному модулю «Дидактика высшей технической школы. Педагогическое проектирование» для научно-педагогических работников технических вузов;

- структура и содержание профессионально-педагогических практико-ориентированных площадок для руководителей, научных и педагогических работников образовательных организаций системы профессионального образования.

Таким образом, комплекс профессионально-педагогических средств, представленный в статье, позволяет обеспечить формирование и развитие характеристик мышления, необходимых в условиях динамики современного мира.

Чистоусов Владислав Анатольевич, кандидат педагогических наук, докторант. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Россия, Казань.

Chistousov Vladislav Anatol'evich, doctor of pedagogic sciences, person working for doctor's degree. Kazan (Volga) federal university. Russia, Kazan.
vchistous@mail.ru

Казанцева Людмила Александровна, доктор педагогических наук, профессор. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань.

Kazantseva Ludmila Aleksandrovna, doctor of pedagogic, professor. Kazan (Volga) federal university. Russia, Kazan.
menedgment-kfu@mail.ru

**Развитие гуманитарной позиции школьника
в контексте субъект-центрированной психологической практики**

Н.М. Швалева

**The development of the student humanitarian position
in the context of subject-centered psychological practice**

N.M. Shvaleva

Аннотация. В статье представлена попытка раскрыть гуманитарную позицию школьника как систему гуманитарного отношения к миру, к самому себе. Рассматриваются субъект-центрированная психологическая практика, цикл психологических дисциплин как социокультурный контекст развития гуманитарной позиции в инновационной образовательной среде. Показана роль гуманитарной позиции школьника в преобразовании содержания учебной развивающей среды в личностное, смысловое, в расширении пространства жизнедеятельности, в формировании ценностного самоотношения, потребности в развитии и личностном росте.

Ключевые слова: гуманитарная позиция школьника; интегрированное человекознание; гуманитарное знание как «живое знание»; субъект-центрированная психологическая практика; ценностное самоотношение; становление гуманитарной позиции через овладение психологической культурой; служба личностного роста.

Abstract. The article represents an attempt to discover the humanitarian pupil position as human relationship to the world system and to himself. The subject-centered psychological practice and the psychological disciplines cycle as socio-cultural context of humanitarian position development in an innovative educational environment are considered. The student humanitarian position role in the transformation of the educational content in personality, notional is shown as well as in the space activity expansion, the formation of the value of himself and the development and personal growth need.

Key words: humanitarian pupil position; integrated man knowledge; humanitarian knowledge as "living knowledge"; subject-centered psychological practice; value attitude to yourself; the humanitarian position formation through psychological culture mastery; the personal growth service.

Проблема формирования гуманитарной позиции не теряет своей важности, поскольку в настоящее время социально востребованными оказались творческие личности, способные включаться во все виды межличностных, культурных и межкультурных отношений, а также целенаправленно и оптимально выстраивать такие отношения.

Гуманитарная позиция личности – это актуализация и реализация во внешних межличностных и деятельностных отношениях системы индивидуально-психологических качеств, которые во внутреннем мире человека представлены ценностными ориентациями и свойствами личности, выражающими то истинно человеческое, что заложено в общечеловеческой культуре: знания, чувства, общение, творческое действие.

Для конкретизации феномена «гуманитарная позиция» проанализируем гуманитарную позицию как систему гуманитарного отношения к миру, к самому себе.

Позиция – взгляды, представления, установки, диспозиции личности, относительно устойчивая система отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении и поступках. Определенная позиция выражает определенные отношения и одновременно формирует их.

Проанализируем гуманитарную позицию как систему гуманитарного отношения к миру, к самому себе.

Содержание культурного отношения включает когнитивно-мотивационный компонент, отражающий комплекс ценностных ориентаций, убеждений и качеств личности, систему мотивов её жизнедеятельности. Ценности в структуре когнитивно-мотивационного компонента, занимая ведущие позиции, представляют собой человеческие смыслы, передаваемые из поколения в поколение. Эмоциональный компонент является выразителем «душевного здоровья» личности. Конативный компонент характеризует личность с позиции её активности. В позиции, имеющей в своей основе мировоззренческие предпосылки гуманизма, проявляется «ответчивость» человека социокультурным образам, отклик человека на призыв к социокультурному развитию как специ-

фическое человеческое качество, характеризующее мотивацию поведения личности, а также потребность в познании мира, самопознании, в поиске смысла жизни и своего предназначения.

Целенаправленное формирование гуманитарной позиции личности школьника наиболее адекватно осуществляется через введение психологии как учебного предмета в школьное обучение. Цикл психологических дисциплин является важнейшим элементом не только в развитии общей культуры учащихся, но и в становлении гуманитарной позиции через овладение психологической культурой.

Изучая себя, свой внутренний мир, школьник становится одновременно объектом и субъектом познания, что создает уникальную ситуацию обучения. Через работу с материалом психологии как науки и с психологическим материалом как содержанием внутреннего мира каждого конкретного ученика достигается возможность привлечения детей к самопознанию и личностному развитию. Определяя направления формирования и развития гуманитарной позиции школьника средствами психологического образования, можно обозначить следующие:

1. Развитие потребности в познании мира, проявлении ценностного отношения к действительности, предполагающее живое, активное участие личности в любой ситуации.

2. Формирование и развитие ценностного самоотношения личности, распространяющегося не только на ее актуальное состояние, но и ориентированное на будущее, тем самым включающее в свой состав и ценности развития и саморазвития; развитие осмысленности и мотивации деятельности, основанной на культурных ценностях. Результат такого направления развития можно определить как обретение и освоение духовности, понимаемой как погруженность личности в мир высших ценностей, как «человеческое в человеке», как специфическое человеческое качество, характеризующее мотивацию поведения личности, а также потребности в познании мира, самопознании, в поиске смысла жизни и своего предназначения.

3. Развитие субъектного мышления, являющегося, по нашему представлению, основой собственной гуманитарной позиции личности, определяющего возможность человека понимать других людей, анализируя их отношения, предпочтения, ценности.

Психологическая культура, являясь одной из фундаментальных составляющих социокультурного контекста психологического образования личности, призвана решать задачи совершенствования человека, чтобы оптимизировать его психологический статус в соответствии с нравственными, философскими и социально-психологическими нормами, принятыми в человеческом обществе. Субъект-центрированная психологическая практика как социокультурный контекст развития гуманитарной позиции личности способствует ее формированию через обогащение эмоционально-мотивационной и социально-коммуникативной сферы ребенка формированию его самосознания. Она включает в себя в качестве обязательного компонента психологическое знание.

В основу разработанной нами модели субъект-центрированной психологической практики в образовании заложена категория «ценность», с которой начинается познание школьником своего внутреннего мира, личностного опыта, открытие в себе нового Я-образа. Ориентация учащегося на свой личностный опыт, ценностные качества своего Я придают школьнику статус самоценности личности. Раскрывается личность ребенка на основе качественно новых устремлений школьника в мире «себя самого». Модель личностного роста включает возможность творческого самораскрытия школьника в значимых для него лично видах активности. Ценностное самоотношение становится важной основой самопереживания индивидом своей самотождественности, отождествления себя с позитивными личностными особенностями своего Я.

Развивающее воздействие субъект-центрированной психологической практики будет результативным при условии интеграции ее составляющих компонентов: развивающее пространство; развивающее содержание, предоставляющее возможность для свободного проявления активности школьника; ценностное самоотношение; психологическая компетентность всех субъектов образовательного пространства; развивающее взаимодействие; определение маркеров уровня развития среды, выделение системы показателей эффективности влияния среды развития.

Становление и развитие психологической практики в системе инновационного образования основывается на таком теоретико-методологическом принципе, как принцип психотехники. Данный принцип, сформулированный Л.С. Выготским как краеугольный камень всей современной психологии, применительно к созданию субъект-центрированной практики, способствующей формированию гуманитарной позиции всех субъектов образовательного процесса, состоит в развитии систематического психотехнического мышления, то есть способности осуществлять «умную», опосредованную теоретическим знанием практику.

В становление субъект-центрированной психологической практики в равной мере вовлечены и практики образования, и психологическая наука. Обоюдное продуктивное сотрудничество между педагогами-практиками Ставропольского края и учеными ПГЛУ стало возможным в начале 90-х гг. в связи с изменением образовательной парадигмы, – а именно реализацией личностно-ориентированного подхода в образовании.

Психологическое образование, осуществляемое нами в рамках реализации программы «Непрерывное психологическое образование проектирования развивающей среды в инновационных учреждениях» выступило тем психотехническим средством, которое способствовало пробуждению у учащихся интереса к миру «себя самого», актуализации феноменологической базы психологии в сознании субъекта, формированию рефлексивных установок по отношению к психической реальности, повышению чувствительности к психологическим феноменам (чувствам, переживанием, оттенкам смыслов, ценностным ориентациям и т.д.).

Становление субъект-центрированной психологической практики в инновационной школе является следствием развития идеи формирования позитивного знания о себе самом, ценностного самоотношения к себе. Данный вид психологической практики является результатом личностной рефлексии, психологической грамотности, способствующих осознанию потенциальных возможностей как условия развития каждым субъектом образовательного пространства. Данный феномен формируется при овладении школьником психологической культурой, имеющей колоссальное по объёму и разнородное содержание, предоставляющей богатые возможности для развития гуманитарной позиции личности. Однако эти возможности не реализуются безусловно. Для того, чтобы освоить потенциал культуры и, соответственно, развить свою позицию, собственный субъектный потенциал, человек должен приложить немалые усилия. Кроме того, необходима определенная последовательность освоения культурного содержания, определенный путь вхождения в культурное пространство. И основной задачей школы должна быть помощь учащейся молодежи в прохождении этого пути, поддержка их усилий по саморазвитию, по реализации себя как личности, способной плодотворно существовать в пространстве культуры.

Узловыми пунктами в движении личности в этом пространстве являются следующие:

- установление отношения учащихся к социальному и природному миру, адекватного культурному содержанию, за счет формирования гуманистической и гуманитарной направленности образования;
- порождение и развитие у учащихся ценностного самоотношения;
- формирование гуманитарной позиции, включающей субъектное (авторское) и ценностное отношение к действительности;
- овладение базовыми средствами освоения культуры (языками культуры);
- усвоение культурного, гуманитарного содержания различных сфер человеческой деятельности.

Швалева Нина Михайловна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии личности и профессиональной деятельности. Пятигорский государственный лингвистический университет. Россия, Пятигорск.

Shvaleva Nina Mikhailovna, candidate of psychology, professor Department of Psychology of Personality and Professional Activities. Pyatigorsk State Linguistic University. Russia, Pyatigorsk.
shvaleva@rambler.ru

Психология сознания:
этнонациональные, религиозные,
правовые и регулятивные
аспекты

*Материалы международной научной конференции
15–17 октября 2015 г., Самара*

Под ред. Г.В. Аكوпова, Е.Л. Чернышовой, С.Г. Ихсановой

Главный редактор *О.И. Сердюкова*

Подписано к печати 13.10.2015. Заказ № Бумага типографская.
Печать оперативная. Формат 60x84 1/8. Объем 44,5 п.л. Тираж 200 экз.

Издательство ПГСГА:
443099, Самара, ул. М. Горького, 61/63. Тел.: 333-27-27

Отпечатано в типографии ООО «Порто-принт»:
443041, г. Самара, ул. Садовая, 156